Изданіе А. А. Петровича.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО

сочиненіе

Н. М. Карамзина.

Томъ Х-й. -12

Безплатное приложеніе къ журналу „Родная Рѣчь“—1903 г.

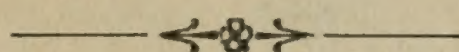

МОСКВА.
Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко. Пименов. ул., соб. д.
1903.

Изданіе А. А. ПЕТРОВИЧА.

Gift of Rev. M. Dimmick

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

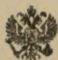

СОЧИНЕНІЕ

Н. М. Карамзина.

ТОМЪ X.

МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская ул., соб. домъ.
1903.

Дозволено цензурою. Москва, 24 іюля 1903 года.

ГЛАВА I.

Царствованіе Θеодора Іоанновича.

1584—1587.

Свойства Θеодоровы.—Члены Верховной Думы.—Волненіе народа.—Собраніе Великой Думы Земской. — Царевичъ Димитрій и мать его отправляются въ Угличъ.—Мятежъ въ Москвѣ.—Власть и свойства Годунова.—Царское вѣнчаніе Θеодорово.—Разныя милости.—Годуновъ правитель царства.—Усмиреніе черемисскаго бунта.—Вторичное покореніе Сибири.—Сношенія съ Англіею и съ Литвою. — Заговоръ противъ Годунова. — Сравненіе Годунова съ Адашевымъ.—Перемиріе съ Швеціею.—Посольство въ Австрію.—Возобновленіе дружества съ Даніею.—Дѣла крымскія.—Посольство въ Константинополь.—Царь Иверскій, или Грузинскій, данникъ Россіи.—Дѣла съ Персіею.—Дѣла внутреннія.—Основаніе Архангельска.—Строеніе Бѣлаго или Царева города въ Москвѣ.—Начало Уральска.—Опасности для Годунова.—Ссылки и казнь.—Жалостная смерть героя Шуйскаго.—Судьба Магнусова семейства.—Праздность Θеодорова.

«Первые дни по смерти тирана,—говоритъ римскій историкъ,— бываютъ счастливѣйшими для народовъ», ибо конецъ страданія есть живѣйшее изъ человѣческихъ удовольствій.

Но царствованіе жестокое часто готовитъ царствованіе слабое: новый вѣнценосецъ, боясь уподобиться своему ненавистному предшественнику и желая снискать любовь общую, легко впадаетъ въ другую крайность—въ послабленіе, вредное государству. Сего могли опасаться истинные друзья отечества, тѣмъ болѣе, что знали необыкновенную кротость наслѣдника Іоаннова, соединенную въ немъ съ умомъ робкимъ, съ набожностью безпредѣльною, съ равнодушіемъ къ мірскому величію. На громоносномъ престолѣ свирѣпаго мучителя Россія увидѣла постника и молчальника, болѣе для келіи и пещеры, нежели для власти державной рожденнаго, такъ въ часы искренности говорилъ о Θеодорѣ самъ Іоаннъ, оплакивая смерть любимаго старшаго сына. Не наслѣдовавъ ума царственнаго, Θеодоръ не имѣлъ и сановитой наружности отца, ни мужественной красоты дѣда и прадѣда: былъ росту малаго, дряблъ тѣломъ, лицомъ блѣденъ; всегда улыбался, но безъ живости; двигался мед-

ленно, ходилъ неровнымъ шагомъ, отъ слабости въ ногахъ; однимъ словомъ, изъявлялъ въ себѣ преждевременное изнеможеніе силъ естественныхъ и душевныхъ. Угадывая, что сей двадцатисемилѣтній государь, осужденный природой на всегдашнее малолѣтство духа, будетъ зависѣть отъ вельможъ или монаховъ, многіе не смѣли радоваться концу тиранства, чтобы не пожалѣть о немъ во дни безначалія, козней и смутъ боярскихъ, менѣе губительныхъ для людей, но еще бѣдственнѣйшихъ для великой державы, устроенной сильною, нераздѣльною властью царскою... Къ счастію Россіи, Θеодоръ, боясь власти, какъ опаснаго повода къ грѣхамъ, ввѣрилъ кормило государства рукѣ искусной, и сіе царствованіе, хотя не чуждое беззаконій, хотя и самымъ ужаснымъ злодѣйствомъ омраченное, казалось современникамъ милостью Божіею, благоденствіемъ, златымъ вѣкомъ: ибо наступило послѣ Іоаннова!

Новая Пентархія или Верховная Дума, составленная умирающимъ Іоанномъ изъ пяти вельможъ, была предметомъ общаго вниманія, надежды и страха. Князь Мстиславскій отличался единственно знатностью рода и сана, будучи старшимъ бояриномъ и воеводою. Никиту Романовича Юрьева уважали какъ брата незабвенной Анастасіи и дядю государева, любили какъ вельможу благодушнаго, не очерненнаго даже и злословіемъ въ бѣдственныя времена кровопійства. Въ князѣ Шуйскомъ чтили славу великаго подвига ратнаго, отважность и бодрость духа. Бѣльскаго, хитраго, гибкаго, ненавидѣли какъ перваго любимца Іоаннова. Уже знали рѣдкія дарованія Годунова и тѣмъ болѣе опасались его, ибо онъ также умѣлъ снискать особенную милость тирана, былъ зятемъ гнуснаго Малюты Скуратова, свойственникомъ и другомъ (едва ли искреннимъ) Бѣльскаго. Пріявъ власть государственную, Дума Верховная въ самую первую ночь (28 марта) выслала изъ столицы многихъ извѣстныхъ услужниковъ Іоанновой лютости, другихъ заключила въ темницы, а къ родственникамъ вдовствующей царицы, Нагимъ, приставила стражу, обвиняя ихъ въ злыхъ умыслахъ (вѣроятно въ намѣреніи объявить юнаго Димитрія наслѣдникомъ Іоанновымъ). Москва волновалась; но бояре утишили сіе волненіе: торжественно присягнули Θеодору вмѣстѣ со всѣми чиновниками, и въ слѣдующее утро письменно обнародовали его воцареніе. Отряды воиновъ ходили изъ улицы въ улицу; пушки стояли на площадяхъ. Немедленно пославъ гонцовъ въ области съ указомъ молиться о душѣ Іоанновой и счастливомъ царствованіи Θеодора, новое правительство созвало Великую Думу Земскую, знатнѣйшее духовенство, дворянство и всѣхъ людей именитыхъ, чтобы взять нѣкоторыя общія мѣры для государственнаго устройства. Назначили день царскаго вѣнчанія; соборною грамотой утвердили его священные обряды; разсуждали о благосостояніи державъ, о средствахъ облегчить народныя тягос-

ти. Тогда же послали вдовствующую царицу съ юнымъ сыномъ, отца ея, братьевъ, всѣхъ Нагихъ въ городъ Угличъ, давъ ей царскую услугу, стольниковъ, стряпчихъ, дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ для оберегания. Добрый Өеодоръ, нѣжно прощаясь съ младенцемъ Димитріемъ, обливался горькими слезами, какъ бы невольно исполняя долгъ, болѣзненный для своего сердца. Сіе удаленіе царевича,

Өеодоръ I. Іоанновичъ.

Царь и Самод. Всероссійскій

единственнаго наслѣдника державы, могло казаться блестящею ссылкой, и пѣстунъ Димитріевъ, Бѣльскій, не желая въ ней участвовать, остался въ Москвѣ: онъ надѣялся законодательствовать въ Думѣ, но увидѣлъ грозу надъ собой.

Между тѣмъ какъ Россія славила благія намѣренія новаго правительства, въ Москвѣ коварствовали зависть и беззаконное властолюбіе: сперва носились темные слухи о великой опасности,

угрожающей юному монарху, а скоро наименовали и человѣка, готоваго злодѣйствомъ изумить Россію; сказали, что Бѣльскій, будто бы отравивъ Іоанна, мыслитъ погубить и Ѳеодора, умертвить всѣхъ бояръ, возвести на престолъ своего друга и совѣтника Годунова. Тайными виновниками сей клеветы считали князей Шуйскихъ, а Ляпуновыхъ и Кикиныхъ, дворянъ рязанскихъ—ихъ орудіями, возмутителями народа легковѣрнаго, который, принявъ оную за истину, хотѣлъ усердіемъ спасти царя и царство отъ умысловъ изверга. Вопль бунта раздался изъ конца въ конецъ Москвы, и двадцать тысячъ вооруженныхъ людей—чернь, граждане, дѣти боярскіе—устремились къ Кремлю, гдѣ едва успѣли затворить ворота, собрать нѣсколько стрѣльцовъ для защиты и Думу для совѣта въ опасности внезапной. Мятежники овладѣли въ Китай-городѣ тяжелымъ снарядомъ, обратили царь-пушку къ воротамъ Флоровскимъ и хотѣли разбить ихъ, чтобы вломиться въ крѣпость. Тогда государь выслалъ къ нимъ князя Ивана Мстиславскаго, боярина Никиту Романовича, дьяковъ Андрея и Василія Щелкаловыхъ спросить, что виной мятежа и чего они требуютъ? «Бѣльскаго!—отвѣтствовалъ народъ:—выдайте намъ злодѣя! Онъ мыслитъ извести царскій корень и всѣ роды боярскіе!» Въ тысячу голосовъ вопили: «Бѣльскаго!» Сей несчастный вельможа, изумленный обвиненіемъ, устрашенный злобой народа, искалъ безопасности въ государевой спальнѣ, трепеталъ и молилъ о спасеніи. Ѳеодоръ зналъ его невинность; знали оную и бояре; но, искренно или притворно ужасаясь кровопролитія, вступили въ переговоры съ мятежниками; склонили ихъ удовольствоваться ссылкой мнимаго преступника и немедленно выслали Бѣльскаго изъ Москвы. Народъ, восклицая: «да здравствуетъ царь съ вѣрными боярами!» мирно разошелся по домамъ; а Бѣльскій съ того времени воеводствовалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Отъ такой постыдной робости, отъ такого уничиженія самодержавной власти чего ожидать надлежало? козней въ Думѣ, своевольства въ народѣ, безпорядка въ правленіи. Бѣльскаго удалили; Годуновъ остался для мести! Мятежники не требовали головы его, не произнесли его имени, уважая въ немъ царицына брата; но онъ видѣлъ умыселъ клеветниковъ, видѣлъ, что дерзкіе виновники сего возмущенія готовятъ ему гибель, и думалъ о своей безопасности. Дотолѣ дядя царскій, по древнему уваженію къ родственному старѣйшинству, могъ считать себя первымъ вельможею: такъ мыслилъ и дворъ, и народъ; такъ мыслилъ и лукавый дьякъ государственный Андрей Щелкаловъ, стараясь снискать довѣренность боярина Юрьева и надѣясь вмѣстѣ съ нимъ управлять Думой. Знали власть Годунова надъ сестрою, нѣжною, добродѣтельною Ириной, уподобляемой лѣтописцами Анастасіи (ибо тогда не было иного сравненія въ добродѣтеляхъ женскихъ); знали власть Ирины

надъ Θеодоромъ, который въ семъ мірѣ истинно любилъ, можетъ быть, одну супругу. Но Годуновъ, казалось, выдалъ друга: радовались его безсилію или боязливости, не угадывая, что онъ, вѣроятно, притворствовалъ въ дружбѣ къ Бѣльскому, внутренно опасаясь въ немъ тайнаго совмѣстника, и воспользуется симъ случаемъ для утвержденія своего могущества, ибо Θеодоръ, мягкосердечный, обремененный державой, испуганный мятежомъ, видя необходимость мѣръ строгихъ для государственнаго устройства и не имѣя ни проницанія въ умѣ, ни твердости въ волѣ, искалъ болѣе, нежели совѣтника или помощника,—искалъ, на кого возложить всю тягость правленія, съ отвѣтственностью передъ единымъ Богомъ, и совершенно отдался смѣлому честолюбцу, ближайшему къ сердцу его милой супруги. Безъ всякой хитрости, слѣдуя единственно чувству, зная умъ, не зная только злыхъ тайныхъ наклонностей Годунова, Ирина утвердила союзъ между царемъ, неспособнымъ властвовать, и подданнымъ, достойнымъ власти. Сей мужъ знаменитый находился тогда въ полномъ цвѣтѣ жизни, въ полной силѣ тѣлесной и душевной, имѣя 32 года отъ рожденія. Величественною красотой, повелительнымъ видомъ, смысломъ быстрымъ и глубокимъ, сладкорѣчіемъ обольстительнымъ превосходя всѣхъ вельможъ (какъ говоритъ лѣтописецъ), Борисъ не имѣлъ только... добродѣтели; хотѣлъ, умѣлъ благотворить, но единственно изъ любви къ славѣ и власти; видѣлъ въ добродѣтели не цѣль, а средство къ достиженію цѣли: если бы родился на престолѣ, то заслужилъ бы имя одного изъ лучшихъ вѣнценосцевъ въ мірѣ; но рожденный подданнымъ, съ необузданною страстью къ господству, не могъ одолѣть искушеній тамъ, гдѣ зло казалось для нея выгодой—и проклятіе вѣковъ заглушаетъ въ исторіи добрую славу Борисову.

Первымъ дѣйствіемъ Годунова было наказаніе Ляпуновыхъ, Кикиныхъ и другихъ главныхъ возмутителей московской черни: ихъ послали въ дальніе города и заключили въ темницы. Народъ молчалъ или славилъ правосудіе царя; дворъ угадывалъ виновника сей законной строгости и съ безпокойствомъ взиралъ на Бориса, коего рѣшительное владычество открылось не прежде Θеодорова царскаго вѣнчанія, отложеннаго ради шестинедѣльнаго моленія объ усопшемъ вѣнценосцѣ до 31 мая.

Въ сей день, на самомъ разсвѣтѣ, сдѣлалась ужасная буря, гроза и ливный дождь затопилъ многія улицы въ Москвѣ, какъ бы въ предзнаменованіе грядущихъ бѣдствій; но суевѣріе успокоилось, когда гроза миновалась и солнце возсіяло на чистомъ небѣ. Собралося безчисленное множество людей на Кремлевской площади, такъ что воины едва могли очистить путь для духовника государева, когда онъ несъ, при звонѣ всѣхъ колоколовъ, изъ царскихъ палатъ въ храмъ Успенія святыню Мономахову, животворящій

крестъ, вѣнецъ и бармы (Годуновъ несъ за духовникомъ скипетръ). Не взирая на тѣсноту безпримѣрную, все затихло, когда Ѳеодоръ вышелъ изъ дворца со всѣми боярами, князьями, воеводами, чиновниками: государь въ одеждѣ небеснаго цвѣта, придворные въ златой, и сія удивительная тишина провождала царя до самыхъ дверей храма, также наполненнаго людьми всякаго званія, ибо всѣмъ россіянамъ дозволялось видѣть священное торжество Россіи, единаго семейства подъ державою отца-государя. Во время молебна окольничіе и духовные сановники ходили по церкви, тихо говоря народу: «благоговѣйте и молитеся!» Царь и митрополитъ Діонисій сѣли на изготовленныхъ для нихъ мѣстахъ, у вратъ западныхъ, и Ѳеодоръ среди общаго безмолвія сказалъ первосвятителю: «владыко! родитель нашъ, самодержецъ Іоаннъ Василіевичъ, оставилъ земное царство и, пріявъ ангельскій образъ, отшелъ на царство небесное; а меня благословилъ державою и всѣми хоругвями государства; велѣлъ мнѣ, согласно съ древнимъ уставомъ, помазаться и вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ, діадимою и святыми бармами: завѣщаніе его извѣстно духовенству, боярамъ и народу. Итакъ, по волѣ Божіей и благословенію отца моего соверши обрядъ священный, да буду царь и помазанникъ!» Митрополитъ, осѣнивъ Ѳеодора крестомъ, отвѣтствовалъ: «господинъ, возлюбленный сынъ церкви и нашего смиренія, Богомъ избранный и Богомъ на престолъ возведенный! данною намъ благодатію отъ Святаго Духа помазуемъ и вѣнчаемъ тебя, да именуешься самодержцемъ Россіи!» Возложивъ на царя животворящій крестъ Мономаховъ, бармы и вѣнецъ на главу съ моленіемъ, да благословитъ Господь его правленіе, Діонисій взялъ Ѳеодора за десницу, поставилъ на особенномъ царскомъ мѣстѣ и, вручивъ ему скипетръ, сказалъ: «блюди хоругви великія Россіи!» Тогда архидіаконъ на амвонѣ, священники на алтарѣ и клиросы возгласили многолѣтіе царю вѣнчанному, привѣтствуемому духовенствомъ, сановниками, народомъ съ изъявленіемъ живѣйшей радости; и митрополитъ въ краткой рѣчи напомнилъ Ѳеодору главныя обязанности вѣнценосца: долгъ хранить законъ и царство, имѣть духовное повиновеніе къ святителямъ и вѣру къ монастырямъ, искреннее дружество къ брату, уваженіе къ боярамъ, основанное на ихъ родовомъ старѣйшинствѣ, милость къ чиновникамъ, воинству и всѣмъ людямъ. «Цари намъ вмѣсто Бога,—продолжалъ Діонисій;—Господь ввѣряетъ имъ судьбу человѣческаго рода, да блюдутъ не только себя, но и другихъ отъ зла; да спасаютъ міръ отъ треволненія и да боятся серпа небеснаго! Какъ безъ солнца мракъ и тьма господствуетъ на землѣ, такъ и безъ ученія все темно въ душахъ. Будь же любомудръ, или слѣдуй мудрымъ; будь добродѣтеленъ, ибо едина добродѣтель украшаетъ царя, едина добродѣтель безсмертна. Хочешь ли благоволенія небеснаго?

благоволи о подданныхъ... Не слушай злыхъ клеветниковъ; о царь, рожденный милосердымъ!.. Да цвѣтетъ во дни твои правда, да успокоится отечество! И возвыситъ Господь царскую десницу твою надъ всѣми врагами и будетъ царство твое мирно и вѣчно въ родъ и родъ!» Тутъ, проливая слезы умиленія, всѣ люди воскликнули: «будетъ и будетъ многолѣтно!» Ѳеодоръ въ полномъ царскомъ одѣяніи, въ коронѣ Мономаховой, въ богатой мантіи и держа въ рукѣ длинный скипетръ (сдѣланный изъ драгоцѣннаго китоваго зуба) слушалъ литургію, имѣя видъ утомленнаго. Передъ нимъ лежали короны завоеванныхъ царствъ, а подлѣ него, съ правой стороны, какъ ближній вельможа, стоялъ Годуновъ, дядя Ѳеодоровъ, Никита Романовичъ Юрьевъ, на ряду съ другими боярами. Ничто, по сказанію очевидцевъ, не могло превзойти сего торжества въ великолѣпіи. Амвонъ, гдѣ сидѣлъ государь съ митрополитомъ, налой, гдѣ лежала утварь царская, и мѣста для духовенства были устланы бархатами, а помостъ церкви—коврами персидскими и красными сукнами англійскими. Одежды вельможъ, въ особенности Годунова и князя Ивана Михайловича Глинскаго, сіяли алмазами, яхонтами, жемчугомъ удивительной величины, такъ что иноземные писатели цѣнятъ ихъ въ милліоны. Но всего болѣе торжество украшалось веселіемъ лицъ и знаками живѣйшей любви къ престолу. Послѣ херувимской пѣсни митрополитъ въ дверяхъ царскихъ возложилъ на Ѳеодора Мономахову цѣпь аравійскаго злата; въ концѣ же литургіи помазалъ его святымъ мѵромъ и причастилъ святыхъ таинъ. Въ сіе время Борисъ Годуновъ держалъ скипетръ, Юрьевъ и Димитрій Ивановичъ Годуновъ (дядя Ирины) вѣнецъ царскій на златомъ блюдѣ. Благословенный Діонисіемъ и въ южныхъ дверяхъ храма осыпанный деньгами, Ѳеодоръ ходилъ поклониться гробамъ предковъ, моляся, да наслѣдуетъ ихъ государственныя добродѣтели. Между тѣмъ Ирина, окруженная боярынями, сидѣла въ коронѣ подъ растворённымъ окномъ своей палаты и была привѣтствуема громкими восклицаніями народа: «да здравствуетъ царица!» Въ тронной вельможи и чиновники цѣловали руку у государя; въ столовой палатѣ съ нимъ обѣдали равно какъ и все знатное духовенство. Пиры, веселія, забавы народныя продолжались цѣлую недѣлю и заключились воинскимъ праздникомъ внѣ города, гдѣ на обширномъ лугу, въ присутствіи царя и всѣхъ жителей московскихъ, гремѣло 170 мѣдныхъ пушекъ, передъ осмью рядами стрѣльцовъ, одѣтыхъ въ тонкое сукно и въ бархатъ. Множество всадниковъ, такъ же богато одѣтыхъ, провожало Ѳеодора.

Одаривъ митрополита, святителей и самъ принявъ дары отъ всѣхъ людей чиновныхъ, гостей и купцовъ россійскихъ, англійскихъ, нидерландскихъ, нововѣнчанный царь объявилъ разныя милости: уменьшилъ налоги, возвратилъ свободу и достояніе многимъ знат-

нымъ людямъ, которые лѣтъ двадцать сидѣли въ темницѣ; исполняя завѣщаніе Іоанново, освободилъ и всѣхъ военноплѣнныхъ; наименовалъ боярами князей Дмитрія Хворостинина, Андрея и Василія Ивановичей Шуйскихъ, Никиту Трубецкого, Шестунова, двухъ Куракиныхъ, Ѳедора Шереметева и трехъ Годуновыхъ, внучатныхъ братьевъ Ирины; пожаловалъ герою, князю Ивану Петровичу Шуйскому, всѣ доходы города Пскова, имъ спасеннаго. Но сіи личныя милости были ничто въ сравненіи съ тѣми, коими Ѳеодоръ осыпалъ своего шурина, давъ ему все, что подданный могъ имѣть въ самодержавіи: не только древній знатный санъ конюшаго, въ теченіе семнадцати лѣтъ никому не жалованный, но титло ближняго великаго боярина, намѣстника двухъ царствъ, казанскаго и астраханскаго. Безпримѣрному сану отвѣтствовало и богатство безпримѣрное: Годунову дали, или Годуновъ взялъ себѣ, лучшія земли и помѣстья, доходы области Двинской, Ваги, всѣ прекрасные луга на берегахъ Москвы-рѣки, съ лѣсами и пчельниками, разные казенные сборы московскіе, рязанскіе, тверскіе, сѣверскіе, сверхъ особеннаго денежнаго жалованья, что вмѣстѣ съ доходомъ его родовыхъ вотчинъ въ Вязьмѣ и Дорогобужѣ приносило ему ежегодно не менѣе восьми или девяти сотъ тысячъ нынѣшнихъ рублей серебряныхъ,—богатство, какого отъ начала Россіи до нашихъ временъ не имѣлъ ни одинъ вельможа, такъ что Годуновъ могъ на собственномъ иждивеніи выводить въ поле до ста тысячъ воиновъ! Онъ былъ уже не временщикъ, не любимецъ, но властитель царства. Увѣренный въ Ѳеодорѣ, Борисъ еще опасался завистниковъ и враговъ: для того хотѣлъ изумить ихъ своимъ величіемъ, чтобы они не дерзали и мыслить объ его низверженіи съ такой высокой степени, недоступной для обыкновеннаго честолюбія вельможъ-царедворцевъ. Дѣйствительно, изумленные сіи завистники и враги нѣсколько времени злобились втайнѣ, безмолствуя, но умышляя ударъ; а Годуновъ, со рвеніемъ души славолюбивой, устремился къ великой цѣли: дѣлами общественной пользы оправдать довѣренность царя, заслужить довѣренность народа и признательность отечества. Пентархія, учрежденная Іоанномъ, какъ тѣнь исчезла: осталась древняя Дума царская, гдѣ Мстиславскій, Юрьевъ, Шуйскій судили на ряду съ иными боярами, слѣдуя мановенію правителя, ибо такъ современники именовали Бориса, который одинъ въ глазахъ Россіи смѣло правилъ рулемъ государственнымъ, повелѣвалъ именемъ царскимъ, но дѣйствовалъ своимъ умомъ, имѣя совѣтниковъ, но не имѣя ни совмѣстниковъ, ни товарищей.

Когда Ѳеодоръ, утомленный мірскимъ великолѣпіемъ, искалъ отдохновенія въ набожности; когда, прервавъ блестящія забавы и пиры, въ видѣ смиреннаго богомольца ходилъ пѣшкомъ изъ мона-

стыря въ монастырь, въ лавру Сергіеву и въ иныя святыя обители вмѣстѣ съ супругой, провождаемою знатнѣйшими боярынями и цѣлымъ полкомъ особенныхъ царицыныхъ тѣлохранителей (пышность новая, изобрѣтенная Годуновымъ, чтобы вселить въ народъ болѣе уваженія къ Иринѣ и къ ея роду),—въ то время правительство уже неусыпно занималось важными дѣлами государственными, исправляло злоупотребленія власти, утверждало безопасность внутреннюю и внѣшнюю. Во всей Россіи, какъ въ счастливыя времена князя Ивана Бѣльскаго и Адашева, смѣнили худыхъ намѣстниковъ, воеводъ и судей, избравъ лучшихъ; грозя казнью за неправду, удвоили жалованье чиновниковъ, чтобы они могли пристойно жить безъ лихоимства; вновь устроили войско и двинули туда, гдѣ надлежало возстановить честь оружія или спокойствіе отечества. Начали съ Казани. Еще лилась кровь россіянъ на берегахъ Волги и бунтъ кипѣлъ въ землѣ Черемисской; Годуновъ болѣе умомъ, нежели мечомъ, смирилъ мятежниковъ, увѣривъ ихъ, что новый царь, забывая старыя преступленія, готовъ, какъ добрый отецъ, миловать и виновныхъ въ случаѣ искренняго раскаянія; они прислали старѣйшинъ въ Москву и дали клятву въ вѣрности. Тогда же Борисъ велѣлъ строить крѣпости на горной и луговой сторонѣ Волги: Цивильскъ, Уржумъ, Царевъ-городъ на Кокшагѣ, Санчурскъ и другіе, населилъ оные россіянами и тѣмъ водворилъ тишину въ сей землѣ, столь долго для насъ бѣдственной.

Усмиривъ Казанское царство, Годуновъ довершилъ завоеваніе Сибирскаго. Еще не зная о гибели Ермака, но зная уменьшеніе его силъ отъ болѣзней и голода, онъ немедленно послалъ туда воеводу Ивана Мансурова съ отрядомъ стрѣльцовъ, а вслѣдъ за нимъ и другихъ: Василія Сукина, Ивана Мясного, Данила Чулкова съ знатнымъ числомъ ратниковъ и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ. Первый встрѣтилъ нашихъ сибирскихъ витязей, атамана Матвѣя Мещеряка съ остаткомъ Ермаковыхъ сподвижниковъ, на рѣкѣ Турѣ. «Добліе казаки ожили радостію», говоритъ лѣтописецъ; не боясь новыхъ опасностей и битвъ, ужасаясь единственно мысли явиться въ отечество бѣдными изгнанниками съ вѣстью о завоеваніи утраченномъ, они, исполненные мужества и надежды, возвратились къ устью Тобола, но не могли взять Искера, гдѣ властвовалъ уже не старецъ Кучумъ, а юный бодрый князь Сейдякъ, его побѣдитель; свѣдавъ о бѣгствѣ казаковъ, онъ собралъ толпы погаевъ, преданныхъ ему татаръ сибирскихъ, выгналъ Кучума и, слыша о новомъ приближеніи россіянъ, стоялъ на берегу Иртыша съ войскомъ многочисленнымъ, готовый къ усиленному бою. Казаки предложили Мансурову плыть дальше Иртышомъ, несмотря на осеннее время, холодъ и морозы. Тамъ, гдѣ сія рѣка впадаетъ въ Обь, они вышли на берегъ и сдѣлали деревянную крѣпость. Пишутъ, что остяки,

думая взять оную, принесли съ собой славнаго Бѣлогорскаго идола, или Шайтана, начали ему молиться подъ деревомъ и разбѣжались отъ ужаса, когда россіяне пушечнымъ выстрѣломъ сокрушили сей кумиръ обожаемый. Воеводы Сукинъ и Мясной остановились на берегу Туры и на мѣстѣ городка Чингія основали нынѣшній Тюмень. Чулковъ же, не находя сопротивленія или преодолѣвъ оное, заложивъ Тобольскъ и въ немъ первую церковь христіанскую (въ 1587 году), извѣстилъ о томъ воеводу Мансурова, атамана Мещеряка, соединился съ ними, разбилъ князя Сейдяка, дерзнувшаго приступить къ тобольской крѣпости, взялъ его въ плѣнъ раненаго, весь обозъ, все богатство, и сею побѣдой, которая стоила жизни послѣднему Ермакову атаману, Никитѣ Мещеряку, довершилъ паденіе ногайскаго иртышскаго царства. Искеръ опустѣлъ и Тобольскъ сдѣлался новою столицей Сибири. Другое же, менѣе вѣроятное, преданіе славитъ не мужество, а хитрость воеводы Чулкова, весьма недостохвальную: узнавъ, какъ пишутъ, что Сейдякъ, другъ его царевичъ киргизскій Уразъ-Магметъ и Мурза-Карача вышли изъ Искера съ пятью стами воиновъ и на княжескомъ лугу, близъ Тобольска, увеселяются птичьею ловлей, воевода пригласилъ ихъ къ себѣ въ гости, связалъ и послалъ въ Москву. Еще изгнанникъ Кучумъ держался съ шайками ногаевъ Тайбугина улуса въ степи Барабинской, жегъ селенія, убивалъ людей въ волостяхъ Курдацкой, Салынской, въ самыхъ окретностяхъ Тобола. Чтобы унять сего разбойника, новый сибирскій воевода, князь Кольцовъ-Мосальскій, ходилъ въ глубину пустынь Ишимскихъ и близъ озера Чили-Кула (1 августа 1591 г.), истребилъ большую часть его конницы, захватилъ двухъ женъ ханскихъ и сына, именемъ Абдулъ-Хаира. Тщетно государь, желая водворить тишину въ своемъ новомъ, отдаленномъ царствѣ, предлагалъ Кучуму жалованье, города и волости въ Россіи; обѣщалъ даже оставить его царемъ въ землѣ Сибирской, если онъ съ покорностью явится въ Москвѣ. О томъ же писалъ къ отцу и плѣнникъ Абдулъ-Хаиръ, славя великодушіе Ѳеодора, который далъ ему и царевичу Маметкулу богатыя земли въ собственность, любя живить смертныхъ и миловать виновныхъ. Оставленный двумя сыновьями, ногайскими союзниками и знатнымъ Чинъ-мурзой (который выѣхалъ къ намъ вмѣстѣ съ матерью царевича Маметкула), Кучумъ гордо отвѣтствовалъ на предложенія Ѳеодоровы: «я не уступалъ Сибири Ермаку, хотя онъ и взялъ ее. Желая мира, требую иртышскаго берега». Но безсильная злоба Кучумова не мѣшала россіянамъ болѣе и болѣе укрѣпляться въ Сибири заложеніемъ новыхъ городовъ отъ рѣки Печоры до Кети и Тары, для безопаснаго сообщенія съ Пермью и съ Уфой, тогда же построенной вмѣстѣ съ Самарой для обузданія ногаевъ. Въ 1592 году, при тобольскомъ воеводѣ князѣ Ѳео-

дорѣ Михайловичѣ Лобановѣ-Ростовскомъ, были основаны Пелымъ, Березовъ, Сургутъ; въ 1594 г.—Тара, въ 1596 г.—Нарымъ и Кетскій Острогъ, — неодолимыя твердыни для дикихъ остяковъ, вогуличей и всѣхъ бывшихъ Кучумовыхъ улусниковъ, которые иногда еще мыслили о сопротивленіи, измѣняли и не хотѣли платить ясака: такъ въ грамотахъ царскихъ упоминается о мятежѣ пелымскаго князя Аблегирима, коего велѣно было воеводѣ нашему схватить хитростью или силой и казнить вмѣстѣ съ сыномъ и съ пятью или шестью главными бунтовщиками вогульскими. Кромѣ воиновъ, стрѣльцовъ и казаковъ, Годуновъ посылалъ въ Сибирь и земледѣльцевъ изъ Перми, Вятки, Каргополя, изъ самыхъ областей московскихъ, чтобы населить пустыни и въ удобныхъ мѣстахъ завести пашню. Распоряженіями благоразумными, обдуманными, безъ усилій тягостныхъ онъ навѣки утвердилъ сіе важное пріобрѣтеніе за Россіею, въ обогащеніе государства новыми доходами, новыми способами торговли и промышленности народной. Около 1586 года Сибирь доставляла въ казну 200.000 соболей, 10.000 лисицъ черныхъ и 500.000 бѣлокъ, кромѣ бобровъ и горностаевъ.

Въ дѣлахъ внѣшней политики Борисъ слѣдовалъ правиламъ лучшихъ временъ Іоанновыхъ, изъявляя благоразуміе съ рѣшительностью, осторожность въ соблюденіи цѣлости, достоинства, величія Россіи. Два посла были въ Москвѣ свидѣтелями Ѳеодорова воцаренія: Елисаветинъ и литовскій. «Кончина Іоаннова,—пишетъ Баусъ,—измѣнила обстоятельства и предала меня въ руки главнымъ врагамъ Англіи: боярину Юрьеву и дьяку Андрею Щелкалову, которые въ первые дни новаго царствованія овладѣли Верховною Думой. Меня не выпускали изъ дому, стращали во время бунта московскаго, и Щелкаловъ велѣлъ мнѣ сказать въ насмѣшку: царь англійскій умеръ! Борисъ Годуновъ, нашъ доброжелатель, еще не имѣлъ тогда власти». Въ началѣ маѣ объявили Баусу, что онъ можетъ ѣхать назадъ въ Англію; представили его царю, отпустили съ честью, съ дарами и съ дружелюбнымъ письмомъ, въ коемъ Ѳеодоръ говорилъ Елисаветѣ: «хотя дѣло о сватовствѣ и тѣсномъ союзѣ съ Англіею кончилось смертію моего родителя, однако жъ искренно желаю твоей доброй пріязни, и купцы лондонскіе не лишаются выгодъ, данныхъ имъ послѣднею жалованною грамотой». Но Баусъ въ безразсудной досадѣ не хотѣлъ взять ни письма, ни даровъ царскихъ; оставилъ ихъ въ Холмогорахъ и вмѣстѣ съ медикомъ Робертомъ Якоби уѣхалъ изъ Россіи. Удивленный такою дерзостью, Ѳеодоръ послалъ гонца Бекмана къ королевѣ; жаловался на Бауса; снова предлагалъ ей дружбу, обѣщая милость купцамъ англійскимъ, съ условіемъ, чтобы и наши могли свободно торговать въ Англіи. Сей гонецъ долго жилъ въ Лондонѣ, не видя Елисаветы; наконецъ, увидѣлъ въ саду, гдѣ и вручилъ ей

письмо государево. «Для чего нынѣшній царь,—спросила королева,—не любитъ меня? Отецъ его былъ моимъ другомъ, а Ѳеодоръ гонитъ нашихъ купцовъ изъ Россіи». Слыша отъ Бекмана, что царь не гонитъ ихъ, но жалуетъ и что они платятъ казнѣ вдвоее менѣе иныхъ чужеземныхъ купцовъ въ Россіи, Елисавета написала въ отвѣтъ къ Ѳеодору: «Братъ любезнѣйшій! Съ неизъяснимою скорбію узнала я о преставленіи великаго государя, отца твоего, славныя памяти, и моего нѣжнѣйшаго друга. Въ его время смѣлые англичане, открывъ моремъ неизвѣстный дотолѣ путь въ отдаленную страну вашу, пользовались тамъ важными правами, и если обогащались, то не менѣе и Россію обогащали, благодарно хваляся покровительствомъ Іоанновымъ. Но имѣю утѣшеніе въ печали: гонецъ твой увѣрилъ меня, что сынъ достоинъ отца, наслѣдовавъ его правила и дружество къ Англіи. Тѣмъ болѣе сожалѣю, что посолъ мой Баусъ заслужилъ твое негодованіе: мужъ, испытанный въ дѣлахъ государственныхъ, какъ здѣсь, такъ и въ иныхъ земляхъ всегда скромный и благоразумный. Удивляюсь, хотя и вѣрю твоимъ жалобамъ, которыя могутъ быть изъяснены досадами, сдѣланными ему однимъ изъ твоихъ совѣтниковъ думныхъ (дьякомъ Щелкаловымъ), явнымъ доброхотомъ гостей нѣмецкихъ. Но взаимная наша любовь не измѣнится отъ сей непріятности. Требуешь свободной торговли для купцовъ россійскихъ въ Англіи, чего никогда не бывало и что несовмѣстно съ пользою нашихъ; но мы и тому не противимся, если ты исполнишь обѣщаніе Іоанново и дашь новую жалованную грамоту для исключительной торговли въ своемъ царствѣ обществу лондонскихъ купцовъ, нами учрежденному, но не позволяя участвовать въ ея выгодахъ другимъ англичанамъ». Не весьма довольный отвѣтомъ Елисаветы, ни холоднымъ пріемомъ Бекмана въ Лондонѣ, но желая сохранить полезную связь съ ея державой, царь велѣлъ (въ сентябрѣ 1585 г.) ѣхать къ королевѣ англійскому купцу Іерониму Горсею, чтобы объясниться съ нею удовлетворительнѣе и выборомъ такого посланника доказать ей искренность нашего добраго расположенія. «Предѣлы Россіи,—писалъ Ѳеодоръ къ Елисаветѣ съ Горсеемъ,—открыты для вольной торговли всѣхъ народовъ, сухимъ путемъ и моремъ. Къ намъ ѣздятъ купцы султановы, цесарскіе, нѣмецкіе, испанскіе, французскіе, литовскіе, персидскіе, бухарскіе, хивинскіе, шимахинскіе и многіе иные, такъ что можемъ обойтиться и безъ англичанъ, и въ угодность имъ не затворимъ дорогъ въ свою землю. Для насъ всѣ равны; а ты, слушаясь корыстолюбивыхъ гостей лондонскихъ, не хочешь равнять съ ними и другихъ своихъ подданныхъ! Говоришь, что у васъ никогда не бывало нашихъ людей торговыхъ—правда, ибо они и дома торгуютъ выгодно; слѣдственно могутъ и впредь не ѣздить въ Англію. Мы рады видѣть купцовъ

лондонскихъ въ Россіи, если не будешь требовать для нихъ исключительныхъ правъ, несогласныхъ съ уставами моего царства». Сіи Ѳеодоровы мысли о вольной торговлѣ удивили англійскаго историка Юма, который находилъ въ нихъ гораздо болѣе истины и проницанія, нежели въ Елисаветиныхъ понятіяхъ о купечествѣ.

Но Елисавета настояла: извиняясь передъ Ѳеодоромъ, что важныя государственныя дѣла мѣшали ей входить въ дальнія объясненія съ Бекманомъ, и что она видѣлась съ нимъ только въ саду, гдѣ обыкновенно гуляетъ и бесѣдуетъ съ людьми ближними, королева уже не требовала монополіи для купцовъ лондонскихъ; убѣждала царя единственно освободить ихъ отъ платежа тягостныхъ пошлинъ, и, свѣдавъ отъ Горсея всѣ обстоятельства двора московскаго, писала особенно къ царицѣ и къ брату ея, именуя первую любезнѣйшею кровною сестрой, а Годунова роднымъ пріятелемъ; славила умъ и добродѣтель царицы; увѣдомляла, что изъ дружбы къ ней снова отпускаетъ въ Москву медика своего Якоби, особенно искуснаго въ цѣленіи женскихъ и родильныхъ болѣзней; благодарила Годунова за доброхотство къ англичанамъ, надѣясь, что онъ, какъ мужъ ума глубокаго, будетъ и впредь ихъ милостивцемъ, сколько въ одолженіе ей, столько и для истинныхъ выгодъ Россіи. Такъ хитрила Елисавета, и не безполезно: царица приняла ея ласковую грамоту съ любовью, Годуновъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ, и (въ 1587 году) далъ право англичанамъ торговать безпошлинно (лишивъ казну болѣе двухъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго дохода) съ обязательствомъ: 1) не привозить къ намъ чужихъ издѣлій; 2) не разсылать закупщиковъ по городамъ, но лично самимъ мѣняться товарами; 3) не продавать ничего въ розницу, а только оптомъ: сукна, камки, бархаты кипами, вина куфами и проч.; 4) не отправлять людей своихъ сухимъ путемъ въ Анлію безъ вѣдома государева; 5) въ тяжбахъ съ россіянами зависѣть отъ суда царскихъ казначеевъ и дьяка польскаго. Честолюбивый Борисъ не усомнился извѣстить королеву, что онъ доставилъ сіи выгоды гостямъ лондонскимъ, чувствуя ея милость, и желаетъ всегда блюсти ихъ подъ своею рукой, въ надеждѣ, что они будутъ вести себя тихо, честно, безъ обмановъ, не мѣшая испанцамъ, французамъ, нѣмцамъ, ни другимъ англичанамъ торговать въ нашихъ пристаняхъ и городахъ: «ибо море-океанъ есть путь Божій, всемірный, незаградимый». Здѣсь въ первый разъ видимъ вельможу россійскаго въ перепискѣ съ иноземнымъ вѣнценосцемъ, чего дотолѣ не терпѣла осторожная политика нашихъ царей. Въ то же время, получивъ бумагу отъ министровъ Елисаветиныхъ о разныхъ неумѣренныхъ требованіяхъ ихъ купечества, Годуновъ велѣлъ дьяку Щелкалову написать въ отвѣтъ, что все возможное для Англіи сдѣлано, а болѣе уже ничего не сдѣлается;

что имъ стыдно безпокоить такого великаго человѣка суесловіемъ, и что шурину царскому, знаменитѣйшему боярину великой державы Россійской, неприлично самому отвѣчать на бумагу нескромную. Высоко цѣня благосклонность славной королевы и чувствительный къ ея лести, Годуновъ зналъ однако жъ мѣру угожденія. Англичане старались низвергнуть ненавистнаго для нихъ Щелкалова; но Борисъ, уважая его опытность и способности, ввѣрялъ ему всѣ дѣла иноземныя и далъ новое, знаменитое титло дьяка ближняго.

Еще гораздо важнѣе и затруднительнѣе были для насъ сношенія съ Литвою, ибо Стефанъ, какъ бы предчувствуя, что ему жить недолго, нетерпѣливо хотѣлъ довершить начатое: возвысить державу свою униженіемъ Россіи и, считая Ливонію только задаткомъ, а миръ отдохновеніемъ, мечталъ о возстановленіи древнихъ границъ Витовтовыхъ на берегахъ Угры. Посолъ его Сапѣга, узнавъ въ Москвѣ о кончинѣ Іоанновой, сказалъ боярамъ, что онъ безъ новаго королевскаго наказа не можетъ видѣть новаго царя, ни говорить съ ними о дѣлахъ; ждалъ сего наказа три мѣсяца и, представленный Ѳеодору (22 іюня), объявилъ ему за тайну, будто бы въ знакъ искренняго доброжелательства, о намѣреніи султана воевать Россію, то-есть Баторій хотѣлъ испугать Ѳеодора и страхомъ расположить къ уступчивости противъ Литвы!... Во время сего пышнаго, какъ обыкновенно, представленія царь сидѣлъ на тронѣ съ державою и скипетромъ: близъ него стояли рынды въ бѣлой одеждѣ и въ златыхъ цѣпяхъ; у трона одинъ Годуновъ; всѣ иные вельможи сидѣли далѣе. Но послу оказали честь безъ ласки: не приглашенный Ѳеодоромъ къ обѣду, онъ съ сердцемъ уѣхалъ домой и не впустилъ къ себѣ чиновника съ блюдами стола царскаго. Начавъ переговоры, Сапѣга требовалъ, чтобы Ѳеодоръ далъ королю 120 тысячъ золотыхъ за нашихъ плѣнниковъ, освободилъ литовскихъ безъ выкупа, удовлетворилъ всѣмъ жалобамъ его подданныхъ на россіянъ и не именовалъ себя въ государственныхъ бумагахъ ливонскимъ княземъ, если не желаетъ войны, ибо смерть Іоаннова, какъ думалъ Баторій, уничтожила договоръ Запольскій. Ему отвѣтствовали, что Ѳеодоръ, движимый единственно человѣколюбіемъ, уже освободилъ 900 военноплѣнныхъ—поляковъ, венгровъ, нѣмцевъ—въ день своего царскаго вѣнчанія; что мы ожидаемъ такого же христіанскаго дѣла отъ Стефана; что справедливыя жалобы литовскія не останутся безъ удовлетворенія; что сынъ Іоанновъ, наслѣдовавъ державу, наслѣдовалъ и титулъ отца, который именовался ливонскимъ. Вслѣдствіе многихъ преній, Сапѣга заключилъ съ боярами мирное условіе только на десять мѣсяцевъ; а царь послалъ боярина князя Ѳедора Михайловича Троекурова и думнаго дворянина Михайла Безнина въ Варшаву, чтобы склонить

короля къ истинному миролюбію. Но Стефанъ болѣе нежели когда-нибудь хотѣлъ войны и чаялъ въ ней успѣха, свѣдавъ, что дѣлалось тогда въ Москвѣ, и съ прибавленіями, внушенными злобой.

Годуновъ, стараясь дѣятельнымъ, мудрымъ правленіемъ заслуживать благодарность отечества, а ласками пріязнь главныхъ бояръ, спокойно властвовалъ 16 или 17 мѣсяцевъ, презиралъ недоброжелателей, имѣя въ рукѣ своей сердце государево и снискавъ особенную дружбу двухъ знаменитѣйшихъ вельможъ, Никиты Романовича Юрьева и князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго; одинъ правительствовалъ, но совѣтовался съ ними, удовлетворяя тѣмъ ихъ умѣренному честолюбію. Сія счастливая для него связь рушилась кончиною Юрьева, ибо слабодушный князь Мстиславскій, хотя и названный отецъ Борисовъ, будучи обманутъ кознями враговъ его, Шуйскихъ, Воротынскихъ, Головиныхъ, присталъ къ нимъ и, если вѣрить лѣтописцу, сдѣлался участникомъ заговора гнуснаго: хотѣли, чтобы онъ позвалъ Бориса на пиръ и предалъ въ руки убійцъ! Такъ сказали Годунову устрашенные друзья его, свѣдавъ о злобномъ ковѣ; такъ сказалъ Годуновъ царю... Было ли законное слѣдствіе, разыскиваніе—неизвѣстно; знаемъ единственно, что князя Ивана Мстиславскаго, неволею постриженнаго, сослали въ обитель Кирилловскую; Воротынскихъ, Головиныхъ — въ мѣста дальнія; иныхъ заключили въ темницу; Шуйскихъ не коснулись: для того ли, что не могли обличить ихъ, или изъ уваженія къ ходатайству митрополита, связаннаго дружествомъ съ ними? Вообще не казнили смертью ни одного человѣка. Можетъ быть Годуновъ опасался кровопролитіемъ напомнить ненавистныя времена Іоанновы; можетъ быть—что еще вѣроятнѣе—онъ каралъ единственно личныхъ своихъ недоброжелателей, распустивъ слухъ о мнимомъ злодѣйскомъ умыслѣ. Даже сынъ Мстиславскаго, князь Ѳедоръ Ивановичъ, остался въ Думѣ первымъ или старѣйшимъ бояриномъ. Несмотря на такую умѣренность въ наказаніи дѣйствительнаго или вымышленнаго преступленія, столица и дворъ были въ тревогѣ: ближніе, друзья опальныхъ, страшились дальнѣйшей мести, и знатный чиновникъ Михайло Головинъ ушелъ изъ Медынской своей отчины къ Баторію, какъ бы въ оправданіе Годунова, ибо сей бѣглецъ-измѣнникъ, милостиво принятый въ Литвѣ, заклиналъ короля не мириться съ царемъ, увѣряя, что Москва и Россія въ безначаліи, въ неустройствѣ, отъ малоумія Ѳеодорова и несогласія вельможъ; что королю надобно только идти и взять все, ему угодное, въ нашемъ сиромъ, бѣдномъ отечествѣ, гдѣ никто не хочетъ ни воевать, ни служить государю. Баторій вѣрилъ и, холодно принявъ московскихъ пословъ, сказалъ имъ, что можетъ изъ снисхожденія дать намъ перемиріе на десять лѣтъ, если возвратимъ Литвѣ Новгородъ, Псковъ, Луки, Смоленскъ, землю Сѣ-

верскую, и примолвилъ: «отецъ Ѳеодоровъ не хотѣлъ меня знать, но узналъ; сыну будетъ то же».

Послы доказывали безразсудность королевскаго требованія; ихъ не слушали. Тогда они употребили хитрость: во-первыхъ, искусно разгласили, что Михайло Головинъ есть лазутчикъ, посланный къ Стефану московскими боярами; во-вторыхъ, предложили вельможамъ короннымъ и литовскимъ заключить тѣсный союзъ между ихъ державою и Россіею для истребленія хана крымскаго. Та и другая мысль имѣла счастливое дѣйствіе. Въ Варшавѣ перестали вѣрить Головину, разсуждая, что и знатные россіяне могли естественно уходить изъ отечества въ царствованіе жестокаго Іоанна, а не Ѳеодора милосердаго; что сей мнимый бѣглецъ соритъ деньгами, безъ сомнѣнія данными ему изъ казны царской для подкупа людей, и, нелѣпо унижая Россію, будто бы готовую упасть къ ногамъ Стефановымъ, изобличаетъ тѣмъ свою ложь; что король, обольщенный Давидомъ Бѣльскимъ, изгубилъ многочисленное войско подъ стѣнами ужаснаго Пскова и не долженъ быть новою жертвой легковѣрія; что онъ уже близокъ къ старости; что внезапная смерть можетъ исхитить мечъ, если и побѣдный, изъ рукъ неутомимаго воителя; что шумный сеймъ будетъ спорить о выборѣ Стефанова преемника, а сильный врагъ опустошать Литву; что лучше воспользоваться извѣстною слабостью Ѳеодоровой для утвержденія съ московскими боярами искренняго, вѣчнаго союза между обоими государствами, независимо отъ жизни или смерти ихъ вѣнценосцевъ. Сіе мнѣніе одержало верхъ въ Думѣ королевской, такъ что Троекуровъ и Безнинъ не только возвратились въ Москву съ новою мирною грамотой, срокомъ на два года, но король отправилъ къ намъ и своего посла чрезвычайнаго съ предложеніемъ столь неожиданнымъ, что оно изумило совѣтъ царскій.

Посломъ былъ знаменитый мужъ Михайло Гарабурда, давно извѣстный и пріятный двору московскому совершеннымъ знаніемъ нашего языка, умомъ гибкимъ, вѣжливостью, а всего болѣе усердіемъ къ закону греческому. Онъ вручилъ боярамъ миролюбивыя, ласковыя письма отъ вельможъ королевскихъ, и въ тайной бесѣдѣ сказалъ: «имѣю полную довѣренность отъ государя нашего, духовенства и всѣхъ мужей думныхъ, коронныхъ и литовскихъ, объявляю, что мы искренно хотимъ быть въ неразрывномъ союзѣ съ вашимъ отечествомъ и ревностно стоять противъ всѣхъ общихъ недруговъ. Для того оставимъ суетныя пренія о городахъ и волостяхъ, коихъ ни вы намъ, ни мы вамъ не уступимъ безъ кровопролитія. Пусть каждый во вѣки вѣковъ безспорно владѣетъ тѣмъ, чѣмъ владѣетъ нынѣ! Ничего не требуемъ; не требуйте и вы!.. Слушайте далѣе. Мы съ вами братья единаго славянскаго племени, отчасти и единой вѣры: для чего намъ не имѣть и единаго вла-

стителя? Господь да продолжитъ лѣта обоихъ вѣнценосцевъ; но они смертные: мы готовы, въ случаѣ Стефановой кончины, присоединить великое княжество Литовское и Польшу къ державѣ Ѳеодора (такъ, чтобы Краковъ считался наравнѣ съ Москвой, а Вильна—съ Новымгородомъ), если, въ случаѣ Ѳеодоровой смерти, обяжетесь признать Стефана государемъ всей Россіи. Вотъ самый надежный способъ, и нѣтъ иного, утвердить тишину, незыблемое истинное дружество между нашими государствами!» Бояре донесли царю и, послѣ торжественнаго совѣщанія Думы съ знатнѣйшимъ духовенствомъ, дали слѣдующій отвѣтъ: «мы не дозволяемъ себѣ и мыслить о кончинѣ нашего великаго самодержца; не хотимъ даже предполагать и Стефановой: у васъ иное обыкновеніе, едва ли достохвальное: ибо пристойно ли послу ѣхать въ чужую землю за тѣмъ, чтобы говорить о смерти своего вѣнценосца? Устраняя сію непристойность, объявляемъ согласіе государя на миръ вѣчный». Но Гарабурда не хотѣлъ слушать о томъ безъ договора о соединеніи державъ, прибавивъ: «развѣ отдадите намъ и Новгородъ, и Псковъ: ибо Стефанъ не удовольствуется ни Смоленскою, ни Сѣверскою областью». «А нашъ государь,—сказали ему бояре,—не дастъ вамъ ни драницы съ кровли. Можемъ обойтися безъ мира. Россія нынѣ не старая: берегите отъ ея руки уже не Ливонію, не Полоцкъ, а Вильну!» Изъявивъ сожалѣніе, что наши вельможи и духовенство не вразумились въ мысль великую, добрую, Гарабурда откланялся царю, а послѣ боярамъ, которые особенно принимали его въ набережныхъ сѣняхъ, сидя на рундукѣ (гдѣ Борисъ занималъ четвертое мѣсто, уступая первенство князьямъ Мстиславславскому, Ивану Петровичу Шуйскому, Дмитрію Ивановичу Годунову), дали ему руку и письмо учтивое къ королевскимъ вельможамъ, сказавъ: «ты былъ у насъ съ дѣломъ важнымъ, но ничего не сдѣлалъ. Ненавидя кровопролитіе, царь объяснится съ королемъ черезъ своего посла». Гарабурда уѣхалъ (30 апрѣля), а князь Троекуровъ вторично отправился къ Стефану (28 іюня) съ новымъ наказомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Баторій немедленно обнажилъ бы мечъ на Россію, если бы вельможные паны, особенно литовскіе, боясь разоренія земли своей, не противились его славолюбію и не грозили королю отказомъ сейма въ деньгахъ и въ людяхъ. Обольщенный успѣхами войны съ Іоанномъ, онъ только для вида и въ угодность вельможамъ сносился съ нами, будто бы желая мира, и, нелѣпо предлагая Думѣ Царской отдать ему Россію по смерти Ѳеодора, въ то же время просилъ денегъ у папы, чтобы идти къ Москвѣ, для себя завоевать нашу землю, а для Рима—нашу церковь; іезуитъ Антоній былъ его ревностнымъ ходатаемъ (злобясь на россіянъ за худой успѣхъ своего посольства къ Іоанну), и Сикстъ V обя-

зался давать Стефану ежемѣсячно 25 тысячъ скудій для предпріятія столь великаго! Въ семъ расположеніи Стефанъ не думалъ слѣдовать примѣру Ѳеодорова милосердія: хваля безкорыстное освобожденіе литовскихъ плѣнниковъ, требовалъ неумѣреннаго окупа за нашихъ: взявъ съ царя 54 тысячи рублей, отпустилъ нѣкоторыхъ, но удержалъ знатнѣйшихъ, и не хотѣлъ возвратить серебра, отнятаго въ Литвѣ у гостей московскихъ, которые ѣхали въ Грецію съ милостынею для поминовенія царевича Іоанна; не унималъ воеводъ своихъ, которые изъ Ливоніи, Витебска и другихъ мѣстъ посылали шайки разбойниковъ въ области: Псковскую, Великолуцкую, Черниговскую; однимъ словомъ, явно искушалъ терпѣніе Россіи, чтобы произвести войну.

Троекуровъ нашелъ Стефана въ Гроднѣ и вручилъ его панамъ грамоту нашихъ бояръ. Прочитавъ ее, паны изъявили сильное негодованіе. «Желая тишины,—говорили они,—мы, вопреки королю, предлагали вамъ условія искренняго братства, согласныя съ выгодами обѣихъ державъ; а вы, не отвѣтствуя на главное предложеніе, пишете, что царю угодно осчастливить короля миромъ, если уступимъ вамъ Кіевъ, Ливонію и все, что именуете древнею собственностью Россіи! То-есть мы кормимъ вельможъ московскихъ хлѣбомъ, а вельможи московскіе бросаютъ намъ камень! Отчего такая гордость? Развѣ мы не вѣдаемъ нынѣшнихъ жалкихъ обстоятельствъ вашей земли? У васъ есть царь; но какой?—едва дышетъ и бездѣтенъ: умѣетъ только молиться. Бояре въ смутахъ, народъ въ волненіи, держава въ неустройствѣ, рать безъ усердія и безъ добрыхъ воеводъ. Знаемъ, что вы тайно сноситесь съ братомъ императора нѣмецкаго: какое ваше намѣреніе? можете ли найти защитника въ цесарѣ, когда онъ и себѣ худой защитникъ? Уже многіе государи европейскіе мѣтятъ на васъ. Султанъ требуетъ Астрахани и Казани; ханъ съ огнемъ и мечомъ въ нѣдрахъ Россіи; народъ черемисскій бунтуетъ. Гдѣ умъ вашихъ бояръ? Отечество въ несгодѣ, а они презираютъ наше доброжелательство и твердятъ, что царь готовъ стоять противъ всѣхъ недруговъ! Увидимъ. Доселѣ мы удерживали Стефана отъ исполненія клятвы, имъ данной при восшествіи на претолъ: клятвы отнять у Россіи все литовское, чѣмъ она завладѣла послѣ Витовта. Теперь не хотимъ досаждать ему пересказомъ вашихъ рѣчей бездѣльныхъ, но скажемъ: иди на Россію до береговъ Угры: вотъ наше золото, вотъ наши руки и головы!»

Князь Троекуровъ слушалъ хладнокровно, отвѣтствовалъ съ жаромъ: «не мы, но вы суесловите, паны вельможные! Какія рѣчи, дерзностныя и нелѣпыя! Царствованіе благодатное именуете несгодою и бѣдствіемъ для Россіи! Видите гнѣвъ Божій, гдѣ мы видимъ одну милость небесную! А будущее извѣстно ли смерт-

ному? Вы не бесѣдовали со Всевышнимъ. Горе тому, кто злословитъ вѣнценосца. Имѣемъ царя здраваго душой и тѣломъ, умнаго и счастливаго, достойнаго своихъ великихъ предковъ. Какъ отецъ, дѣдъ, прадѣдъ Θеодоровъ, такъ и Θеодоръ судитъ народъ, строитъ землю, любитъ тишину, но готовъ и разить недруговъ. Есть у него воинство, какого еще не бывало въ Россіи: ибо онъ милостивъ къ людямъ и жалуетъ ихъ щедро изъ казны своей; есть воеводы добліе, ревнители славы умереть за отечество. Такъ, Θеодоръ умѣетъ молиться, и Господь, благоволя о небесной вѣрѣ его, конечно, дастъ ему побѣду, и миръ, и благоденствіе, и чадъ возлюбленныхъ; да царствуетъ племя св. Владиміра во вѣки вѣковъ! Пусть измѣнники оглашаютъ землю безстыднымъ лжесловіемъ о смутахъ вельможъ и неустройствѣ нашего царства: вѣтеръ клевету развѣваетъ. Не хотимъ уподобиться вамъ дерзостью и въ истинѣ! Молчимъ о томъ, что видимъ въ Литвѣ и въ Польшѣ, ибо мы присланы не для раздора». Далѣе сказавъ, что вельможи россійскіе знаютъ только своего царя и не сносятся съ иноземными князьями; что султанъ требуетъ не Астрахани, не Казани, а нашего дружества; что ханъ, помня 1572 годъ и князя Михаила Воротынскаго, не смѣетъ заглянуть и въ нашу Украйну; что въ Россіи вездѣ тишина; что мы спокойно властвуемъ и въ отдаленной Сибири, на Кондѣ, въ Пелымскомъ государствѣ, въ странѣ пѣгихъ колмаковъ и на Оби, гдѣ 94 города платятъ намъ дань,—посолъ заключилъ сими словами:—то ли называете несгодою Россіи? Мира желаемъ, но не купимъ. Хотите ли войны? начинайте! Хотите ли добраго дѣла? говорите о дѣлѣ!»

Вступили въ переговоры. Царь соглашался не требовать Кіева, ни Волыни, ни Подоліи, требуя для мира одной Ливоніи, по крайней мѣрѣ Дерпта, Нейгауза, Аценя, Киремпе, Маріенбурга, Тарваста. «Къ чему такое великодушіе?—сказали паны князю Троекурову съ насмѣшкой:—Мы дозволяемъ вамъ отыскивать всей Литвы: завоюйте и возьмите!» Они вторично предложили соединить обѣ державы на вѣки вѣковъ, и для того съѣхаться вельможамъ московскимъ съ королевскими на границѣ; а Троекуровъ изъяснилъ имъ, что царь не можетъ рѣшить столь важнаго дѣла безъ общей Земской Думы; что нужно немало времени для призванія всѣхъ государственныхъ людей въ Москву изъ Новгорода, Казани, Астрахани, Сибири, и требовалъ должайшаго перемирія. «Въ Россіи нѣтъ обычая совѣтоваться съ землею,—возражали паны.—Царь вздумаетъ, бояре скажутъ да и дѣло сдѣлано». Споривъ нѣсколько дней, утвердили перемиріе еще на два мѣсяца (отъ 3 іюня до августа 1588 г.), чтобы въ теченіе сего времени съѣхаться великимъ посламъ съ обѣихъ сторонъ на рѣкѣ Иватѣ, между Оршею и Смоленскомъ, для условія о томъ: 1) «какъ царю жить въ любви

братской со Стефаномъ, и 2) какъ ихъ государствамъ быть подъ единою державой въ случаѣ Ѳеодоровой или Стефановой кончины, или 3) какими городами Литвѣ и Россіи владѣть безспорно, буде онѣ не захотятъ соединиться». Хотя третья статья отнимала силу у второй; хотя въ самомъ дѣлѣ мы ничего не уступали и не вредили ни чести, ни безопасности государственной такими условіями, однако жъ сей договоръ былъ подписанъ Троекуровымъ уже въ крайности, когда паны объявили ему отпускъ. Мы желали длить время, въ надеждѣ на будущее и видя доброе расположеніе къ миру въ землѣ непріятельской. Самъ архіепископъ Гнѣзненскій въ бесѣдѣ съ царскимъ чиновникомъ (Новосильцевымъ, посланнымъ тогда въ Вѣну) сказалъ ему, что Россія имѣетъ одного непримиримаго врага въ Литвѣ и въ Польшѣ, Баторія, коему жить недолго, что у него открылись на ногѣ опасныя раны и что медики не смѣютъ цѣлить ихъ, боясь тѣмъ ускорить его смерть; что Стефанъ не любимъ народомъ за безмѣрное славолюбіе и за худое обхожденіе съ супругою; что и вельможи, и дворянство хотятъ быть подъ рукою Ѳеодора, зная христіанскія добродѣтели сего вѣнценосца, умъ и благость царицы, мудрость и высокія достоинства правителя Бориса Ѳеодоровича Годунова. «Сей мужъ знаменитый,— продолжалъ архіепископъ,—питалъ, утѣшалъ нашихъ плѣнниковъ, когда они еще сидѣли въ темницѣ и, давъ имъ свободу, милостиво угостилъ въ своихъ палатахъ, одаривъ каждаго сукнами и деньгами. Слава его вездѣ разносится. Вы счастливы, имѣя нынѣ властителя, подобнаго Алексѣю Адашеву, великому человѣку, который управлялъ Россіею въ царствованіе Іоанново». Еще недовольный такимъ сравненіемъ, Новосильцовъ увѣрялъ, что Годуновъ превосходитъ Адашева и знаменитостью сана, и глубокимъ разумомъ. Однимъ словомъ, здравая политика нудила насъ удалять войну, сколько возможно. Еще Стефанъ бодрствовалъ духомъ и тѣломъ, отпуская князя Троекурова; величавый и гордый въ привѣтствіяхъ, съ видомъ суровымъ далъ ему руку; велѣлъ кланяться Ѳеодору... и симъ заключилъ свои дѣянія въ отношеніи къ Россіи, которая ненавидѣла и чтила его, ибо онъ, враждуя намъ, исполнялъ законный долгъ, предписываемый государю пользою государства, и лучше легкомысленныхъ пановъ вѣдалъ невозможность истиннаго мира и трудность соединенія королевства ихъ съ царствомъ Московскимъ. Уже Баторій назначилъ день сейма въ Варшавѣ, чтобы утвердить будущую судьбу королевства заблаговременнымъ избраніемъ своего преемника, истиною и краснорѣчіемъ оживить въ сердцахъ любовь къ отечеству, ревность ко славѣ; наконецъ, исторгнуть согласіе на войну съ Россіею. Но судьба не благопріятствовала замысламъ великаго мужа, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ.

Въ сихъ послѣднихъ сношеніяхъ съ Баторіемъ правительство наше имѣло еще особенную, тайную цѣль: хотѣло возвратить отечеству изгнанниковъ и бѣглецовъ Іоаннова царствованія, не столько изъ милосердія, сколько для государственной выгоды. Слыша, что нѣкоторые изъ нихъ желаютъ, но боятся ѣхать въ Россію, царь посылалъ къ нимъ милостивыя грамоты, именно къ князю Гаврилу Черкасскому, Тимоѳею Тетерину, Мурзѣ Купкееву, Девятому Кашкарову, къ самому измѣннику Давиду Бѣльскому (свойственнику Годунова), обѣщая имъ забвеніе вины, чины и жалованье, если они съ раскаяніемъ и съ усердіемъ явятся въ Москвѣ, чтобы доставить намъ всѣ нужныя свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи Литвы, о видахъ и способахъ ея политики. Ѳеодоръ прощалъ всѣхъ бѣглецовъ, кромѣ несчастнаго Курбскаго (вѣроятно, что его уже не было на свѣтѣ) и кромѣ новаго измѣнника Михаила Головина; вывѣдавъ отъ него много тайнаго о Россіи, Баторій имѣлъ у насъ и собственныхъ лазутчиковъ между купцами литовскими, для чего Ѳеодоръ велѣлъ имъ торговать единственно въ Смоленскѣ, запретивъ ѣздить въ Москву.

Стараясь удалить разрывъ съ Литвою, но ожидая его непрестанно, царь оказывалъ тѣмъ болѣе миролюбія и снисходительности въ дѣлахъ со шведскимъ королемъ, чтобы вдругъ не имѣть двухъ непріятелей, однако жъ не забывая достоинства Россіи, чувствуя необходимость загладить ея стыдъ возвратомъ нашей древней собственности, похищенной шведами, и только отлагая войну до удобнѣйшаго времени. Свѣдавъ о кончинѣ Іоанновой, эстонскій намѣстникъ де-ла-Гарди спрашивалъ у новгородскаго воеводы, князя Василія Ѳеодоровича Шуйскаго-Скопина, хотимъ ли мы наблюдать договоръ, заключенный на берегу Плюсы, и будутъ ли наши послы въ Стокгольмъ для условія о вѣчномъ мирѣ? Но въ письмѣ своемъ, какъ бы желая досадить царю, онъ назвалъ короля великимъ княземъ ижерскимъ и Шелонскія Пятины въ землѣ Русской. Ему отвѣчали, что Россія никогда не слыхала о шведскомъ великомъ князѣ Пятины Шелонской; что онъ (де-ла-Гарди) можетъ извиниться единственно невѣдѣніемъ государственныхъ обычаевъ, будучи иноземцемъ и пришлецомъ, удаленнымъ отъ двора и дѣлъ думныхъ; что царь исполняетъ договоръ отца своего, не любитъ бѣдствій войны и ждетъ пословъ шведскихъ, а своихъ не можетъ отправить въ Стокгольмъ. Колкость произвела брань. Де-ла-Гарди въ новомъ письмѣ къ Шуйскому говорилъ о старомъ невѣжествѣ, о безумной гордости россіянъ, еще необразумленныхъ худыми ея слѣдствіями. «Знайте,—писалъ онъ,—что меня не именуютъ чужеземцемъ въ высокохвальномъ королевствѣ шведскомъ; правда, нерѣдко удаляюсь отъ двора, но единственно для того, чтобы учить васъ смиренію. Вы не забыли, думаю, сколько разъ мои знамена

встрѣчались съ вашими, то-есть сколько разъ вы уклоняли ихъ предо мною и спасались бѣгствомъ?» Отвѣтомъ на сію непристойность было молчаніе презрѣнія. Еще благоразумнѣе и достохвальнѣе поступилъ Ѳеодоръ въ личномъ сношеніи съ королемъ Іоанномъ. Предлагая намъ не возобновлять гибельнаго кровопролитія, Іоаннъ въ грамотѣ къ царю употребилъ слѣдующее выраженіе: «отецъ твой, терзая собственную землю, питаясь кровью подданныхъ, былъ злымъ сосѣдомъ и для насъ, и для всѣхъ иныхъ вѣнценосцевъ». Сію грамоту Ѳеодоръ возвратилъ королю, велѣвъ сказать гонцу его, что къ сыну не пишутъ такъ о родителѣ. Но слова не мѣшали дѣлу: бояринъ князь Ѳеодоръ Дмитріевичъ Шестуновъ и думный дворянинъ Игнатій Татищевъ съѣхались (25-го октября 1585 г.) на устьѣ Плюсы, близъ Нарвы, со шведскими знатными сановниками: Классомъ Тоттомъ, де-ла-Гардіемъ и др. Шведы требовали Новгорода и Пскова, а мы и взятыхъ ими городовъ россійскихъ и всей Эстоніи и семисотъ тысячъ рублей деньгами; смягчались, уступали съ обѣихъ сторонъ и не могли согласиться. Шведы грозили намъ союзомъ съ Баторіемъ и нанятіемъ ста тысячъ воиновъ; мы грозили имъ силою одной Россіи, прибавляя: «не имѣемъ нужды, подобно вамъ, закладывать города свои и нанимать воиновъ; дѣйствуемъ собственными руками и головами». Послѣднія наши условія для мира, отвергнутыя шведами, состояли въ томъ, что король возвратитъ намъ Иваньгородъ, Яму, Копорье за 10.000 рублей или 20.000 венгерскихъ червонцевъ. Сказали: «да будетъ же война!» Но одумались, и въ декабрѣ 1585 г. утвердили перемиріе на четыре года безъ всякихъ уступокъ, съ обязательствомъ вновь съѣхаться посламъ обѣихъ державъ въ августѣ 1586 года для соглашенія о мирѣ вѣчномъ. Во время сихъ переговоровъ надменный де-ла-Гарди утонулъ въ Наровѣ.

Еще двѣ державы европейскія находились тогда въ сношеніяхъ съ Ѳеодоромъ: Австрія и Данія. Извѣстивъ Рудольфа о своемъ воцареніи, онъ предлагалъ ему дружбу и свободную торговлю между ихъ государствами. Сановника московскаго, Новосильцова, честили въ Прагѣ, гдѣ жилъ императоръ; не только австрійскіе министры, но и легатъ римскій, послы испанскій, венеціанскій давали ему обѣды; разспрашивали его о востокѣ и сѣверѣ, о Персіи, земляхъ Каспійскихъ и Сибири; славили могущество царя и хвалили разумъ посланника, дѣйствительно разумнаго, какъ то свидѣтельствуютъ его бумаги. Онъ доносилъ Боярской Думѣ, что Рудольфъ занимается болѣе своею великолѣпною конюшней, нежели правленіемъ, уступивъ тягостную для него власть умному вельможѣ Адаму Дитрихштейну; что императоръ, бѣдный казною, не стыдится платить дань султану, единственно на время удаляя тѣмъ грозу меча оттоманскаго; что состояніе Европы печально; что Австрія бѣд-

ствуетъ въ мирѣ, а Франція въ войнѣ междоусобной; что Филиппъ II, подозрѣвая сына (Карлоса) въ умыслѣ на жизнь отца, думаетъ объявить наслѣдникомъ Испаніи Эрнеста, цесарева брата. Въ сихъ донесеніяхъ Новосильцовъ описываетъ и предметы гражданской жизни, плоды народнаго образованія, заведенія полезныя или пріятныя, имъ видѣнныя и неизвѣстныя въ Россіи, даже сады и теплицы, исполняя посольскій наказъ любопытнаго Годунова. Министры австрійскіе за тайну объявили ему желаніе утвердить союзъ съ Россіею, чтобы низвергнуть Баторія и раздѣлить его королевство; но сія мысль, излишне смѣлая для слабаго Рудольфа, осталась безъ дѣйствія: императоръ хотѣлъ послать къ царю собственнаго вельможу и не сдержалъ слова, написавъ съ Новосильцовымъ единственно учтивое письмо къ Θеодору.

Фридерикъ, король датскій, бывъ въ явной недружбѣ съ Іоанномъ, спѣшилъ увѣрить новаго царя въ искреннемъ доброжелательствѣ; прислалъ въ Москву знатнаго чиновника; писалъ съ нимъ, что всемірная слава о христіанскомъ нравѣ и чувствѣ Θеодоровомъ даетъ ему надежду прекратить всѣ старыя неудовольствія и возобновить дружественныя связи съ Россіею, государственныя и торговыя. Сіи связи, дѣйствительно, возобновились, и Данія уже не мыслила тревожить нашей морской сѣверной торговли, желая только участвовать въ ея выгодахъ.

Будучи въ мирѣ—по крайней мѣрѣ на время—съ христіанскою Европой, Россія, спокойная внутри, хотя и не страшилась, однако же непрестанно береглась Тавриды. Магметъ-Гирей, обѣщая союзъ и царю, и Литвѣ, тайно сносясь съ черемисою и явно посылая толпы разбойниковъ въ наши юго-восточные предѣлы, палъ отъ руки брата Исламъ-Гирея, который съ янычарскою дружиной и съ именемъ хана прибылъ изъ Константинополя. Убійствомъ наслѣдовавъ и тронъ, и политику своего предмѣстника, Исламъ писалъ Θеодору: «отецъ твой купилъ миръ съ нами десятью тысячами рублей, сверхъ мѣховъ драгоцѣнныхъ, присланныхъ отъ васъ моему брату. Дай мнѣ еще болѣе—и мы раздавимъ литовскаго недруга: съ одной стороны мое войско, съ другой—султанское, съ третьей—ногаи, съ четвертой—полки твои устремятся на его землю», и въ то же время крымскія шайки, вмѣстѣ съ азовцами, съ ногаями Казыева улуса, жгли селенія въ уѣздахъ: Бѣлевскомъ, Козельскомъ, Воротынскомъ, Мещевскомъ, Мосальскомъ. Думный дворянинъ Михайло Безнинъ съ легкою конницей встрѣтилъ ихъ на берегу Оки, подъ слободою монастырскою, разбилъ на-голову, отнялъ плѣнниковъ и получилъ отъ царя золотую медаль за свое мужество. Еще два раза крымцы, числомъ отъ тридцати до сорока тысячъ, злодѣйствовали въ Украйнѣ: въ іюнѣ 1587 г. они взяли и сожгли Кропивну. Воеводы московскіе били, гнали ихъ слѣдомъ

пепла и крови; не отходили отъ береговъ Оки; стояли въ Тулѣ, въ Серпуховѣ, ожидая самого хана. Таврида уподоблялась для насъ ядовитому гаду, который издыхаетъ, но еще язвитъ смертоноснымъ жаломъ: ввергала огонь и смертъ въ предѣлы Россіи, не взирая на свое изнуреніе и бѣдствія, коихъ она была тогда жертвою. Сыновья Магметъ-Гиреевы, Сайдетъ и Муратъ, изгнанные дядею (въ 1585 г.), возвратились съ пятнадцатью тысячами ногаевъ; свергнули Исламъ-Гирея съ престола, взяли его женъ, казну, опустошили всѣ улусы. Сайдетъ назвался ханомъ, но Исламъ, бѣжавъ въ Кафу, черезъ два мѣсяца снова изгналъ племянниковъ съ 4.000 султанскихъ воиновъ, одержавъ надъ ними побѣду въ кровопролитной сѣчѣ; умертвилъ многихъ князей и мурзъ, обвиняемыхъ въ измѣнѣ; окружилъ себя турками и далъ имъ волю насильствовать, убивать и грабить. Пользуясь сими обстоятельствами, царь предложилъ убѣжище изгнанникамъ, Сайдету и Мурату; дозволилъ первому кочевать съ толпами ногайскими близъ Астрахани; звалъ второго въ Москву, честилъ и обязалъ присягой въ вѣрности, и съ двумя воеводами отпустилъ въ Астрахань, гдѣ надлежало ему быть орудіемъ нашей политики и гдѣ встрѣтили его какъ знаменитаго князя владѣтельнаго: войско стояло въ ружьѣ, въ крѣпости и въ пристани гремѣли пушки, били въ набаты и бубны, играли въ трубы и въ сурны. Въ семъ древнемъ городѣ, наполненномъ купцами восточными, Муратъ явился съ великолѣпіемъ царскимъ: открылъ пышный дворъ; торжественно принималъ сосѣдственныхъ князей и пословъ ихъ, держа въ рукѣ хартію Θеодорову съ златою печатью, именовалъ себя владыкою четырехъ рѣкъ: Дона, Волги, Яика и Терека, всѣхъ вольныхъ улусниковъ и казаковъ; хвалился растоптать Ислама и смирить надменнаго султана, говорилъ: «милостью и дружбою царя московскаго будемъ царями: братъ мой крымскимъ, я—астраханскимъ; для того великіе люди россійскіе даны мнѣ въ услугу». Такъ говорилъ онъ своимъ единовѣрцамъ, а воеводу астраханскаго, князя Θедора Михайловича Лобанова-Ростовскаго, тайно убѣждалъ избавить его отъ строгаго, явнаго присмотра, дабы ногаи и крымцы имѣли къ нему болѣе довѣренности и не видали въ немъ раба московскаго, ибо Лобановъ и другіе воеводы, сохраняя пристойность, наблюдали за всѣми движеніями Мурата. Величаясь знаками наружнаго уваженія, онъ ѣздилъ въ мечетъ сквозь ряды многочисленныхъ стрѣльцовъ, но не могъ ни съ кѣмъ объясняться безъ свидѣтелей. Между тѣмъ служилъ намъ ревностно: склонялъ ногаевъ къ тишинѣ и къ покорности; увѣрялъ, что царь единственно для ихъ безопасности и для обузданія хищныхъ казаковъ строитъ города на Самарѣ и на Уфѣ; грозилъ огнемъ и мечомъ мятежному князю сей орды Якшисату за непріязнь къ Россіи, и вмѣстѣ съ братомъ своимъ

Сайдетомъ готовился ударить на Тавриду съ ногаями, казаками, черкесами, ожидая только Өеодорова повелѣнія, пушекъ и десяти тысячъ обѣщанныхъ ему стрѣльцовъ для сего предпріятія.

Но царь медлилъ. Опасаясь Стефана гораздо болѣе, нежели Ислама, и не увѣренный въ мирѣ съ первымъ, онъ писалъ къ Мурату (въ февралѣ 1587 года): «благопріятное время для завоеванія Тавриды еще не наступило: мы должны прежде усмирить иного врага, сильнѣйшаго. Будь готовъ съ вѣрными ногаями и казаками идти къ Вильнѣ, гдѣ встрѣтишься со мной, и когда управимся съ своимъ литовскимъ недругомъ, тогда легко истребимъ и вашего: поздравимъ Сайдетъ-Гирея ханомъ улусовъ крымскихъ». А къ Исламу приказывалъ государь въ сіе же время: «ханъ Сайдетъ-Гирей, царевичъ Муратъ, князья ногайскіе, черкесскіе, шавкальскіе, тюменскіе и горскіе молятъ насъ о дозволеніи свергнуть тебя съ престола. Еще удерживаемъ ихъ на время, еще можемъ забыть твои разбои, буде искренно желаешь ополчиться на Литву, когда выйдетъ срокъ перемирія, заключеннаго нами съ ея властителемъ кровожаднымъ: ибо мы вѣрны слову и договорамъ. Я самъ поведу рать свою отъ Смоленска къ Вильнѣ, а ты съ главною силой иди въ Волынію, въ область Галицкую и далѣе; вели иной рати идти къ Путивлю, гдѣ она соединится съ нашею сѣверскою, чтобы осадить Кіевъ, имѣя съ правой стороны мое войско астраханское, коему должно съ царевичемъ Муратомъ также вступилъ въ Литву. Испытавъ худыя слѣдствія впаденій въ Россію, испытай счастія союзомъ съ нею». Предвидя, что Сайдетъ, низвергнувъ Ислама, подобно ему сдѣлался бы для насъ атаманомъ разбойниковъ и что мы промѣняли бы только одного варвара на другого, Өеодоръ обольщалъ сыновей Магметъ-Гиреевыхъ крымскимъ ханствомъ, а хана ужасалъ ими, чтобы имѣть болѣе силы для войны съ Баторіемъ. Сія хитрость не осталась безъ дѣйствія: Исламъ, боясь племянниковъ, увѣрялъ Өеодора, что впаденія крымцевъ въ Россію происходили отъ своевольства нѣкоторыхъ мурзъ, казненныхъ за то безъ милосердія; что онъ ждетъ московскаго посла съ шертною грамотой и наступитъ всѣми силами на Литву. Исламъ въ самомъ дѣлѣ объявилъ своимъ улусникамъ, что имъ до времени лучше грабить Стефанову землю, нежели Өеодорову!

Всего болѣе занимаясь Баторіемъ, Швеціею, Тавридою, мы видѣли опасность важную и съ другой стороны, будучи въ сосѣдствѣ съ державою, страшною для цѣлой Европы, и, конечно, не имѣли нужды въ предостереженіяхъ австрійскаго двора, чтобы ожидать грозы съ береговъ Босфора. Трофеи султанскіе въ нашихъ рукахъ, замыселъ Солимановъ на Астрахань, бѣгство и гибель Селимовой рати въ пустыняхъ Каспійскихъ, не могли остаться безъ слѣдствія: вся хитрость московской политики должна была

состоять въ томъ, чтобы удалить начало неминуемаго, ужаснаго боренія до временъ благопріятнѣйшихъ для Россіи, коей надлежало еще усилиться и внѣшними пріобрѣтеніями, и внутреннимъ образованіемъ, дабы вступить въ смертный бой съ сокрушителями византійскаго царства. Такъ дѣйствовали Іоаннъ Великій, сынъ, внукъ его, умѣвъ даже иногда пріязнію султановъ обуздывать и Крымъ, и Литву; того хотѣлъ и Өеодоръ, отправивъ (въ іюлѣ 1584 года) посланника Благова въ Константинополь, извѣстить султана о восшествіи своемъ на престолъ, объяснить ему миролюбивую систему Россіи, въ разсужденіи Турціи, и склонить Амурата къ дружественной связи съ нами. «Наши прадѣды (Іоаннъ и Баязетъ),—писалъ Өеодоръ къ султану,—дѣды (Василій и Солиманъ), отцы (Іоаннъ и Селимъ) назывались братьями и въ любви ссылались другъ съ другомъ: да будетъ любовь и между нами. Россія открыта для купцовъ твоихъ безъ всякаго завѣта въ товарахъ и безъ пошлины. Требуемъ взаимности, и ничего болѣе». А посланнику велѣно было сказать пашамъ Амуратовымъ слѣдующее: «мы знаемъ, что вы жалуетесь на разбои терскихъ казаковъ, мѣшающихъ сообщенію между Константинополемъ и Дербентомъ, гдѣ нынѣ султанъ властвуетъ, отнявъ его у шаха персидскаго. Отецъ государевъ Іоаннъ для безопасности черкесскаго князя Темгрюка основалъ крѣпость на Терекѣ, но въ удовольствіе Селима вывелъ оттуда своихъ ратниковъ; съ сего времени живутъ въ ней казаки волжскіе, опальные бѣглецы безъ государева вѣдома. Жалуетесь еще на утѣсненіе магометанской вѣры въ Россіи: но кого же утѣсняемъ? Въ сердцѣ московскихъ владѣній, въ Касимовѣ, стоятъ мечети и памятники мусульманскіе: царя Шигъ-Алея, царевича Кайбулы. Саинъ-Булатъ, нынѣ Семеонъ, великій князь тверскій, принялъ христіанство добровольно, а на мѣсто его сдѣланъ царемъ касимовскимъ Мустафалей, закона Магометова, сынъ Кайбулинъ. Нѣтъ, мы никогда не гнали и не гонимъ иновѣрцевъ». Не имѣя приказа входить въ дальнѣйшія объясненія, Благовъ, честимый въ Константинополѣ наравнѣ съ господаремъ волжскимъ и болѣе посла венеціанскаго, не безъ труда убѣдилъ Амурата послать собственнаго чиновника въ Москву. Паши говорили: «султанъ есть великій самодержецъ; послы его ѣздятъ только къ знаменитымъ монархамъ: къ цесарю, къ королю французскому, испанскому, англійскому, ибо они имѣютъ съ нимъ важныя дѣла государственныя и присылаютъ ему казну или богатую дань; а съ вами у насъ одни купеческія дѣла». Благовъ отвѣтствовалъ: «султанъ великъ между государями мусульманскими, царь великъ между христіанскими. Казны и дани не присылаемъ никому. Торговля важна для государствъ: могутъ встрѣтиться и другія дѣла важнѣйшія; если султанъ не отправитъ со мной знатнаго чиновника въ Москву,

то посламъ его уже никогда не видать очей царскихъ». Султанъ велѣлъ надѣть на Благова кафтанъ бархатный съ золотомъ и ѣхать съ нимъ въ Москву чаушу своему Адзію-Ибрагиму, коего встрѣтили на берегахъ Дона воеводы россійскіе, высланные для безопасности его путешествія. Вручивъ Θеодору письмо султанское (въ декабрѣ 1585 г.), Ибрагимъ отказался отъ всякихъ переговоровъ съ боярами; а султанъ, называя Θеодора королемъ московскимъ, изъявлялъ ему благодарность за добрую волю быть въ дружбѣ съ Оттоманскою имперіею, подтверждалъ свободу торговли для нашихъ купцовъ въ Азовѣ и восточнымъ слогомъ превозносилъ счастіе мира; но требовалъ въ доказательство искренней любви, чтобы царь выдалъ Ибрагиму измѣнника, Магметъ-Гиреева сына, Мурата, и немедленно унялъ донского атамана Кишкина, злого разбойника азовскихъ предѣловъ. Видя, что система константинопольскаго двора въ отношеніи къ Россіи не измѣнилась, что султанъ не думаетъ о заключеніи дружественнаго, государственнаго договора съ нею, желая единственно свободной торговли между обѣими державами, до перваго случая объявить себя нашимъ врагомъ, царь отпустилъ Ибрагима съ отвѣтомъ, что на Дону злодѣйствуютъ болѣе казаки литовскіе, нежели россійскіе; что атаманъ Кишкинъ отозванъ въ Москву и товарищамъ его не велѣно тревожить азовцевъ; что о сынѣ Магметъ-Гиреевѣ, нашемъ слугѣ и присяжникѣ, будетъ наказано къ султану съ новымъ посломъ царскимъ. Но въ теченіе слѣдующихъ шести лѣтъ мы уже никого не посылали въ Константинополь и даже явно дѣйствовали противъ Оттоманской имперіи.

Въ самый день Ибрагимова отпуска (5 октября 1586 г.) государь торжественно вступилъ въ обязательство, которое могло и долженствовало быть весьма непріятно для султана. Около ста лѣтъ мы не упоминали о Грузіи: въ сей несчастной землѣ, угнетаемой турками и персіянами, властвовалъ тогда князь или царь Александръ, который, приславъ въ Москву священника-монаха и наѣздника черкесскаго, слезно молилъ Θеодора взять древнюю знаменитую Иверію подъ свою высокую руку, говоря: «настали времена ужасныя для христіанства, неопредѣленныя многими боговдохновенными мужами. Мы, единовѣрные братья россіянъ, стенаемъ отъ злочестивыхъ: единъ ты, вѣнценосецъ православія, можешь спасти нашу жизнь и душу. Бью тебѣ челомъ до лица земли со всѣмъ народомъ: да будемъ твои во вѣки вѣковъ!» Столь убѣдительно и жалостно предлагали Россіи новое царство, неодолимое для воинственныхъ древнихъ персовъ и македонянъ, блестящее завоеваніе Помпеево! Она взяла его: даръ опасный! ибо мы господствомъ па берегахъ Кура ставили себя между двумя сильными воюющими державами. Уже Турція владѣла западною Иверіею и спорила съ шахомъ о восточной, требуя дани съ Кахетіи, гдѣ

царствовалъ Александръ, и съ Карталиніи, подвластной князю Симеону, его зятю. Но дѣло шло болѣе о чести и славѣ нашего имени, нежели о существенномъ господствѣ въ мѣстахъ, столь отдаленныхъ и едва доступныхъ для Россіи, такъ что Ѳеодоръ, объявивъ себя верховнымъ владыкою Грузіи, еще не зналъ пути въ сію землю! Александръ предлагалъ ему основать крѣпости на Терекѣ, послать тысячъ двадцать воиновъ на мятежнаго князя дагестанскаго Шавкала (или Шамхала), овладѣть его столицею Тарками и берегомъ Каспійскаго моря, открыть сообщеніе съ Иверіею черезъ область ея данника, князька Сафурскаго. Для сего требовалось не мало времени и приготовленій: избрали другой, вѣрнѣйшій путь, черезъ землю мирнаго князя Аварскаго: отправили сперва гонцовъ московскихъ, чтобы обязать царя и народъ иверскій клятвою въ вѣрности къ Россіи, а за гонцами послали и знатнаго сановника, князя Симеона Звенигородскаго, съ жалованною грамотой. Александръ, цѣлуя крестъ, клялся вмѣстѣ съ тремя сыновьями, Ираклiемъ, Давидомъ и Георгіемъ, вмѣстѣ со всею землей, быть въ вѣчномъ, неизмѣнномъ подданствѣ у Ѳеодора, у будущихъ его дѣтей и наслѣдниковъ, имѣть однихъ друзей и враговъ съ Россіею, служить ей усердно до издыханія, присылать ежегодно въ Москву пятьдесятъ златотканныхъ камокъ персидскихъ и десять ковровъ съ золотомъ и серебромъ, или въ ихъ цѣну собственныя узорочья и земли Иверской, а Ѳеодоръ обѣщалъ всѣмъ ея жителямъ безстрашное пребываніе въ его державной защитѣ, и сдѣлалъ, что могъ.

Въ удовольствіе султана оставленный нами городокъ Терскій, нѣсколько времени служивъ дѣйствительно пристанищемъ для однихъ казаковъ вольныхъ, былъ немедленно исправленъ и занятъ дружинами стрѣльцовъ подъ начальствомъ воеводы князя Андрея Ивановича Хворостинина, коему надлежало утвердить власть Россіи надъ князьями черкесскими и кабардинскими, ея присяжниками со временъ Іоанновыхъ, и вмѣстѣ съ ними блюсти Иверію. Другое астраханское войско смирило Шавкала и завладѣло берегами Койсы. Доставивъ Александру снарядъ огнестрѣльный, Ѳеодоръ обѣщалъ прислать къ нему и мастеровъ, искусныхъ въ литіи пушекъ. Ободренный надеждою на Россію, Александръ умножилъ собственное войско: собралъ тысячъ пятнадцать всадниковъ и пѣшихъ, вывелъ въ поле, строилъ, училъ, давалъ имъ знамена крестоносныя, епископовъ, монаховъ въ предводители, и говорилъ князю Звенигородскому: «слава россійскому вѣнценосцу! это не мое войско, а Божіе и Ѳеодорово». Въ сіе время паши оттоманскіе требовали отъ него запасовъ для Баки и Дербента; онъ не далъ, сказавъ: «я холопъ великаго царя московскаго!» И на возраженіе ихъ, что Москва далеко, а турки близко, отвѣтствовалъ: «Терекъ

и Астрахань недалеко». Но Царская наша Дума благоразумно совѣтовала ему манить султана и не раздражать до общаго возстанія Европы на Оттоманскую имперію. Встревоженный слухомъ, что царевичъ Муратъ, будучи зятемъ Шавкаловымъ, мыслитъ измѣнить намъ, тайно ссылаясь съ тестемъ, съ ногаями, съ вѣроломными князьями черкесскими, чтобы внезапно овладѣть Астраханью и отдать ее султану, Александръ заклиналъ государя не вѣрить магометанамъ, прибавляя: «если что сдѣлается надъ Астраханью, то я кину свое бѣдное царство и побѣгу, куда несутъ очи». Но князь Звенигородскій успокоилъ его. «Мы не спускаемъ глазъ съ Мурата,—говорилъ онъ,—и взяли аманатовъ у всѣхъ князей ногайскихъ, Казыева улуса и заволжскихъ. Султанъ съ ханомъ постыдно бѣжали отъ Астрахани (въ 1569 году), а нынѣ она еще болѣе укрѣплена и наполнена людьми воинскими. Россія умѣетъ стоять за себя и своихъ». Между тѣмъ, занимаясь государственною безопасностью Иверіи, мы усердно благотворили ей въ дѣлахъ вѣры: прислали ученыхъ іереевъ исправить ея церковные обряды и живописцевъ для украшенія храмовъ святыми иконами. Александръ съ умиленіемъ повторялъ, что жалованная грамота царская упала ему съ неба и вывела его изъ тьмы на свѣтъ; что наши священники суть ангелы для духовенства иверскаго, омраченнаго невѣжествомъ. Въ самомъ дѣлѣ, славясь древностью христіанства въ землѣ своей, сіе несчастное духовенство уже забывало главные уставы вселенскихъ соборовъ и святые обряды богослуженія. Церкви, большею частью на крутизнѣ горъ, стояли уединенны и пусты: осматривая ихъ съ любопытствомъ, іереи московскіе находили въ нѣкоторыхъ остатки древней богатой утвари съ означеніемъ 1441 года. «Тогда,—изъяснялъ имъ Александръ,—владѣлъ Иверіею великій деспотъ Георгій; она была еще единымъ царствомъ; къ несчастію, прадѣдъ мой раздѣлилъ ее на три княжества и предалъ въ добычу врагамъ Христовымъ. Мы окружены невѣрными; но еще славимъ Бога истиннаго и царя благовѣрнаго». Князь Звенигородскій именемъ Россіи обѣщалъ свободу всей Иверіи, возстановленіе ея храмовъ и городовъ, коихъ онъ вездѣ видѣлъ развалины, упоминая въ своихъ донесеніяхъ о двухъ бѣдныхъ городкахъ, Крымѣ и Загемѣ, нѣкоторыхъ селеніяхъ и монастыряхъ. Съ того времени Ѳеодоръ началъ писаться въ титулѣ государемъ земли Иверской, Грузинскихъ царей и Кабардинской земли, Черкасскихъ и Горскихъ князей.

Возстановленіемъ Терской области и присвоеніемъ Грузіи досаждая султану, мы еще болѣе возбуждали его негодованіе дружбою съ Персіею. Извѣстивъ Ѳеодора о своихъ мнимыхъ побѣдахъ надъ турками, шахъ Годабендъ (или Худабендѣй) предложилъ ему изгнать турковъ изъ Баки и Дербента, обязываясь уступить намъ

въ вѣчное владѣніе сіи издавна персидскіе города, если и самъ возьметъ ихъ. Чтобы заключить союзъ на такомъ условіи, Ѳеодоръ послалъ къ шаху (въ 1588 году) дворянина Васильчикова, который нашелъ Годабенда уже въ темницѣ: воцарился сынъ его Мирза-Аббасъ, свергнувъ отца. Но сія перемѣна не нарушила добраго согласія между Россіею и Персіею. Новый шахъ, съ великою честью принявъ въ Казбинѣ сановника Ѳеодорова, послалъ двухъ вельможъ, Бутакбека и Андибея, въ Москву объявить царю, что уступаетъ намъ не только Дербентъ съ Баку, но и Таврисъ и всю Ширванскую землю, если нашимъ усерднымъ содѣйствіемъ турки будутъ вытѣснены оттуда; что султанъ предлагалъ ему миръ, желая выдать дочь свою за его племянника, но, что онъ (Аббасъ) не хочетъ и слышать о семъ, въ надеждѣ на союзъ Россіи и вѣнценосца испанскаго, коего посолъ находился тогда въ Персіи. Особенно представленные Годунову, вельможи шаховы сказали ему: «если государи наши будутъ въ искренней любви и дружбѣ, то чего не сдѣлаютъ общими силами? Мало выгнать турковъ изъ персидскихъ владѣній: можно завоевать и Константинополь. Но такія великія дѣла совершаются людьми ума великаго: какая для тебя слава, мужъ знаменитый и достоинствами, и милостію царскою, если твоими мудрыми совѣтами избавится міръ отъ насилія оттомановъ!» Имъ отвѣтствовали, что мы уже дѣйствуемъ противъ Амурата; что войско наше на Терекѣ и заграждаетъ путь султанскому отъ Чернаго моря къ персидскимъ владѣніямъ; что другое, еще сильнѣйшее, въ Астрахани; что Амуратъ велѣлъ было своимъ пашамъ идти къ морю Каспійскому, но удержалъ ихъ, свѣдавъ о новыхъ россійскихъ твердыняхъ въ сихъ мѣстахъ опасныхъ, о соединеніи всѣхъ князей черкесскихъ и ногайскихъ, готовыхъ подъ московскими знаменами устремиться на турковъ. Съ симъ отпустили пословъ, сказавъ, что наши выѣдутъ вслѣдъ за ними къ шаху; но они еще не успѣли выѣхать, когда узнали въ Москвѣ о мирѣ Аббаса съ султаномъ.

Такъ дѣйствовала внѣшняя и мирная и честолюбивая политика Россіи въ теченіе первыхъ лѣтъ Ѳеодорова царствованія или Годунова владычества, не безъ хитрости и не безъ успѣха, болѣе осторожно, нежели смѣло, грозя и маня, обѣщая, и не всегда искренно. Мы не шли на войну, но къ ней готовились, вездѣ укрѣпляясь, вездѣ усиливая рать. Желая какъ бы невидимо присутствовать въ ея станахъ, Ѳеодоръ учредилъ общіе осмотры, избирая для того воинскихъ царедворцевъ, способныхъ, опытныхъ, которые ѣздили изъ полка въ полкъ, чтобы видѣть исправность каждаго, оружіе, людей, устройство и доносить государю. Воеводы, неуступчивые между собой въ зловредныхъ спорахъ о родовомъ старѣйшинствѣ, безъ прекословія отдавали себя на судъ дворянамъ, столь-

никамъ, дѣтямъ боярскимъ, представляющимъ лицо государево въ сихъ смотрахъ.

Внутри царства все было спокойно. Правительство занималось новою описью людей и земель пашенныхъ, уравненіемъ налоговъ, населеніемъ пустынь, строеніемъ городовъ. Въ 1584 году московскіе воеводы Нащокинъ и Волоховъ основали на берегу Двины городъ Архангельскъ, близъ того мѣста, гдѣ стоялъ монастырь сего имени и дворъ купцовъ англійскихъ. Астрахань, угрожаемую султаномъ и столь важную для нашихъ торговыхъ и государственныхъ дѣлъ съ Востокомъ, для обузданія ногаевъ черкесскихъ и всѣхъ сосѣдственныхъ съ ними князей, укрѣпили каменными стѣнами. Въ Москвѣ, вокругъ Большого Посада, заложили (въ 1586 г.) Бѣлый или Царевъ городъ, начавъ отъ Тверскихъ воротъ (строителемъ онаго названъ въ лѣтописи русскій художникъ Кононъ Өедоровъ), а въ Кремлѣ многія палаты: Денежный дворъ, приказы Посольскій и Помѣстный, Большой приходъ, или казначейство, и дворецъ казанскій. Упомянемъ здѣсь также о началѣ нынѣшняго Уральска. Около 1584 года шесть или семь сотъ волжскихъ казаковъ выбрали себѣ жилище на берегахъ Яика, въ мѣстахъ, привольныхъ для рыбной ловли; окружили его земляными укрѣпленіями и сдѣлались ужасомъ ногаевъ, въ особенности князя Уруса, Измаилова сына, который непрестанно жаловался царю на ихъ разбои и коему царь всегда отвѣтствовалъ, что они бѣглецы, бродяги, и живутъ тамъ самовольно; но Урусъ не вѣрилъ и писалъ къ нему: «городъ, столь значительный, можетъ ли существовать безъ твоего вѣдома? Нѣкоторые изъ сихъ грабителей, взятые нами въ плѣнъ, именуютъ себя людьми царскими». Замѣтимъ, что тогдашнее время было самымъ цвѣтущимъ въ исторіи нашихъ донскихъ или волжскихъ казаковъ-витязей. Отъ Азова до Искера гремѣла слава ихъ удальства, раздражая султана, грозя хану, смиряя ногаевъ, утверждая власть московскихъ вѣнценосцевъ надъ сѣверомъ Азіи.

Въ сихъ обстоятельствахъ, благопріятныхъ для величія и цѣлости Россіи, когда все доказывало умъ и дѣятельность правительства, то-есть Годунова, онъ былъ предметомъ ненависти и злыхъ умысловъ, несмотря на всѣ его уловки въ искусствѣ обольщать людей. Сносясь отъ лица своего съ монархами Азіи и Европы, мѣняясь дарами съ ними, торжественно принимая ихъ пословъ у себя въ домѣ, высокомѣрный Борисъ желалъ казаться скромнымъ: для того уступалъ первыя мѣста въ совѣтѣ инымъ старѣйшимъ вельможамъ; но, сидя въ немъ на четвертомъ мѣстѣ, однимъ словомъ, однимъ взоромъ и движеніемъ перста заграждалъ уста противорѣчію. Вымышлялъ отличія, знаки царской милости, чтобы плѣнять суетность бояръ, и для того ввелъ въ обыкновеніе

званые обѣды для мужей думныхъ, во внутреннихъ комнатахъ дворца, гдѣ Ѳеодоръ угощалъ вмѣстѣ и Годуновыхъ, и Шуйскихъ, иногда не приглашая Бориса. Хитрость безполезная! Кого великій бояринъ приглашалъ въ сіи дни къ своему обѣду, тому завидовали гости царскіе. Всѣ знали, что правитель оставляетъ Ѳеодору единственно имя царя, и не только многіе изъ первыхъ людей государственныхъ, но и граждане столицы изъявляли вообще нелюбовь къ Борису. Господство безпредѣльное въ самомъ достойномъ вельможѣ бываетъ противно народу. Адашевъ имѣлъ нѣкогда власть надъ сердцемъ Іоанновымъ и судьбою Россіи, но стоялъ смирно за монархомъ умнымъ, пылкимъ, дѣятельнымъ, какъ бы исчезая въ его славѣ; Годуновъ самовластвовалъ явно и величался передъ трономъ, закрывая своимъ надменіемъ слабую тѣнь вѣнценосца. Жалѣли о ничтожности Ѳеодоровой и видѣли въ Годуновѣ хищника правъ царскихъ; помнили въ немъ Четово монгольское племя и стыдились униженія Рюриковыхъ державныхъ наслѣдниковъ. Льстецовъ его слушали холодно, непріятелей со вниманіемъ, и легко вѣрили имъ, что зять Малютинъ, временщикъ Іоанновъ, есть тиранъ, хотя еще и робкій! Самыми общественными благодѣяніями, самыми счастливыми успѣхами своего правленія онъ усиливалъ зависть, острилъ ея жало и готовилъ для себя бѣдственную необходимость дѣйствовать ужасомъ; но еще старался удалить сію необходимость: для того хотѣлъ мира съ Шуйскими, которые, имѣя друзей въ Думѣ и приверженниковъ въ народѣ, особенно между людьми торговыми, не переставали враждовать Годунову, даже открыто. Первосвятитель Діонисій взялся быть миротворцемъ: свелъ враговъ въ своихъ палатахъ кремлевскихъ, говорилъ именемъ отечества и вѣры, тронулъ, убѣдилъ, такъ казалось, и Борисъ съ видомъ умиленія подалъ руку Шуйскимъ: они клялись жить въ любви братской, искренно доброхотствовать другъ другу, вмѣстѣ радѣть о государствѣ, и князь Иванъ Петровичъ Шуйскій съ лицомъ веселымъ вышелъ отъ митрополита на площадь къ Грановитой палатѣ извѣстить любопытный народъ о семъ счастливомъ мирѣ,— доказательство, какое живое участіе принимали тогда граждане въ дѣлахъ общественныхъ, уже имѣвъ время отдохнуть послѣ Грознаго! Всѣ слушали любимаго, уважаемаго героя псковскаго въ тишинѣ безмолвія; но два купца, выступивъ изъ толпы, сказали: «князь, Иванъ Петровичъ! вы миритесь нашими головами: и намъ, и вамъ будетъ гибель отъ Бориса!» Сихъ двухъ купцовъ въ ту же ночь взяли и сослали въ неизвѣстное мѣсто по указу Годунова, который, желавъ миромъ обезоружить Шуйскихъ, скоро увидѣлъ, что они, не уступая ему въ лукавствѣ, подъ личиною мнимаго новаго дружества оставались его лютыми врагами, дѣйствуя заодно съ инымъ важнымъ и дотолѣ тайнымъ непріятелемъ великаго боярина.

Хотя духовенство россійское никогда сильно не изъявляло мірского властолюбія, всегда болѣе угождая, нежели противясь волѣ государей въ самыхъ дѣлахъ церковныхъ; хотя со временъ Іоанна III митрополиты наши въ разныхъ случаяхъ отзывались торжественно, что занимаются единственно устройствомъ богослуженія, христіанскимъ ученіемъ, совѣстію людей, спасеніемъ душъ, однакожъ, присутствуя въ думахъ земскихъ, сзываемыхъ для важныхъ государственныхъ постановленій, не законодательствуя, но одобряя или утверждая законы гражданскіе, имѣя право совѣтовать царю и боярамъ, толковать имъ уставы Царя Небеснаго для земного блага людей, сіи іерархи участвовали въ дѣлахъ правленія соотвѣтственно ихъ личнымъ способностямъ и характеру государей: мало при Іоаннѣ III и Василіѣ, болѣе во время дѣтства и юности Іоанна IV, менѣе въ годы его тиранства. Ѳеодоръ, духомъ младенецъ, превосходя старцевъ въ набожности, занимаясь церковью ревностнѣе, нежели державою, бесѣдуя съ иноками охотнѣе, нежели съ боярами, какую государственную важность могъ бы дать сану первосвятительства, безъ руководства Годунова, при митрополитѣ честолюбивомъ, умномъ, сладкорѣчивомъ, ибо таковъ былъ Діонисій, прозванный мудрымъ Грамматикомъ. Но Годуновъ не для того хотѣлъ державной власти, чтобы уступить ее монахамъ: честилъ духовенство, какъ и бояръ, только знаками уваженія, благосклонно слушалъ митрополита, разсуждалъ съ нимъ, но дѣйствовалъ независимо, досаждая ему непреклонностью своей воли. Симъ объясняется непріязненное расположеніе Діонисія къ Годунову и тѣсная связь съ Шуйскими. Зная, что правитель великъ царицею; думая, что слабодушный Ѳеодоръ не можетъ имѣть и сильной привязанности ни къ Борису, ни къ самой Иринѣ; что дѣйствіемъ внезапности и страха легко склонить его ко всему чрезвычайному, митрополитъ, Шуйскіе, друзья ихъ тайно условились съ гостями московскими, купцами, нѣкоторыми гражданскими и воинскими чиновниками, именемъ всей Россіи торжественно ударить челомъ Ѳеодору, чтобы онъ развелся съ неплодною супругой, отпустивъ ее, вторую Соломонію, въ монастырь и взялъ другую, дабы имѣть наслѣдниковъ, необходимыхъ для спокойствія державы. Сіе моленіе народа, будто бы устрашаемаго мыслью видѣть конецъ Рюрикова племени на тронѣ, хотѣли подкрѣпить волненіемъ черни. Выбрали, какъ пишутъ, и невѣсту—сестру князя Ѳеодора Ивановича Мстиславскаго, коего отецъ, низверженный Годуновымъ, умеръ въ Кирилловской обители. Написали бумагу, утвердили оную цѣлованіемъ креста... Но Борисъ, имѣя множество преданныхъ ему людей и лазутчиковъ, открылъ сей ужасный для него заговоръ еще во-время и поступилъ, казалось, съ рѣдкимъ великодушіемъ: безъ гнѣва, безъ укоризнъ хотѣлъ усовѣстить митрополита; предста-

влялъ ему, что разводъ есть беззаконіе; что Ѳеодоръ еще можетъ имѣть дѣтей отъ Ирины, цвѣтущей юностью, красотою и добродѣтелью; что во всякомъ случаѣ тронъ не будетъ безъ наслѣдниковъ, ибо царевичъ Димитрій живетъ и здравствуетъ. Обманутый, можетъ быть, сею кротостью, Діонисій извинялся, стараясь извинить и своихъ единомышленниковъ ревностною, боязливою любовью къ спокойствію Россіи, и далъ слово за себя и за нихъ не мыслить болѣе о разлученіи супруговъ нѣжныхъ; а Годуновъ, обѣщаясь не мстить ни виновникамъ, ни участникамъ сего кова, удовольствовался одною жертвой: несчастную княжну Мстиславскую, какъ опасную совмѣстницу Ирины, постригли въ монахини. Все было тихо въ столицѣ, въ Думѣ и при дворѣ; но недолго. Чтобы явно не нарушить даннаго обѣщанія, Годуновъ, лицемѣрно совѣстный, искалъ другого предлога мести, оправдываясь въ умѣ своемъ злобою враговъ непримиримыхъ, закономъ безопасности собственной и государственной, всѣми услугами, оказанными имъ Россіи и еще замышляемыми въ ревности къ ея пользѣ, искалъ и не усомнился прибѣгнуть къ средству низкому, къ ветхому орудію Іоаннова тиранства: ложнымъ доносамъ. Слуга Шуйскихъ, какъ увѣряютъ, продалъ ему честь и совѣсть, явился во дворцѣ съ извѣтомъ, что они въ заговорѣ съ московскими купцами и думаютъ измѣнить царю. Шуйскихъ взяли подъ стражу, взяли и друзей ихъ, князей Татевыхъ, Урусовыхъ, Колычевыхъ, Быкасовыхъ, многихъ дворянъ и купцовъ богатыхъ. Нарядили судъ, допрашивали обвиняемыхъ и свидѣтелей; людей знатныхъ и чиновныхъ не коснулись тѣлесно, купцовъ и слугъ пытали безжалостно и безполезно, ибо никто изъ нихъ не подтвердилъ клеветы доносчика—такъ говорилъ народъ; но судъ не оправдалъ судимыхъ. Шуйскихъ удалили, хваляся милосердіемъ и признательностью къ заслугѣ героя псковскаго: князя Андрея Ивановича, объявленнаго главнымъ преступникомъ, сослали въ Каргополь; князя Ивана Петровича, будто бы имъ и его братьями обольщеннаго, на Бѣлоозеро; у старшаго изъ нихъ, князя Василія Ѳеодоровича Скопина-Шуйскаго, отняли Каргопольское намѣстничество, но дозволили ему, какъ невинному, жить въ Москвѣ; другихъ заточили въ Буй-городокъ, въ Галичъ, въ Шую; князя Ивана Татева въ Астрахань, Крюка-Колычева въ Нижній-Новгородъ, Быкасовыхъ и многихъ дворянъ на Вологду, въ Сибирь, въ разныя пустыни; а купцамъ московскимъ (участникамъ заговора противъ Ирины) Ѳеодору Ногаю съ шестью товарищами отсѣкли головы на площади. Еще не трогали митрополита; но онъ не хотѣлъ быть робкимъ зрителемъ сей опалы, и съ великодушною смѣлостью, торжественно, передъ лицомъ Ѳеодора называлъ Годунова клеветникомъ, тираномъ, доказывая, что Шуйскіе и друзья ихъ гибнутъ единственно за доброе намѣреніе спасти

Россію отъ алчнаго властолюбія Борисова. Такъ же смѣло обличалъ правителя и крутицкій архіепископъ Варлаамъ, грозя ему казнію небесною и не боясь земной, укоряя Ѳеодора слабостью и постыднымъ ослѣпленіемъ. Обоихъ—Діонисія и Варлаама—свели съ престола (кажется, безъ суда); перваго заточили въ монастырь Хутынскій, второго—въ Антоніевъ Новогородскій, посвятивъ въ митрополиты ростовскаго архіепископа Іова. Опасаясь людей, но уже не страшась Бога, правитель—такъ увѣряютъ лѣтописцы—велѣлъ удавить двухъ главныхъ Шуйскихъ въ заточеніи: боярина Андрея Ивановича, отличнаго умомъ, и знаменитаго князя Ивана Петровича... Спаситель Пскова и нашей чести воинской, мужъ безсмертный въ исторіи, коего великій подвигъ описанъ современниками на разныхъ языкахъ европейскихъ ко славѣ русскаго имени, лаврами увѣнчанную главу свою предалъ срамной петлѣ въ душной темницѣ или въ ямѣ! Тѣло его погребли въ обители св. Кирилла... Такъ начались злодѣйства; такъ обнаружилось сердце Годунова, упоенное прелестями владычества, раздраженное кознями враговъ, ожесточенное местью! Надѣясь страхомъ обуздывать недоброжелательство, милостями умножать число приверженниковъ и мудростью въ дѣлахъ государственныхъ сомкнуть уста злословію, Борисъ дерзнулъ тогда же на обманъ вѣроломный и новую лютость. Мнимый, единственный въ исторіи король ливонскій, бѣдный Магнусъ, еще въ Іоанново время кончилъ жизнь въ Пильтенѣ, гдѣ вдовствующая супруга его Марія Владиміровна и двухлѣтняя дочь Евдокія оставались безъ имѣнія, безъ отечества, безъ друзей. Годуновъ призвалъ ихъ въ Москву, обѣщая богатый удѣлъ и знаменитаго жениха юной вдовѣ Маріи; но, предвидя будущее—опасаясь, чтобы въ Ѳеодоровой и Димитріевой кончинѣ сія правнука Іоанна Великаго не вздумала, хотя и безпримѣрно, хотя и несогласно съ нашими государственными уставами, объявить себя наслѣдницею трона (коимъ онъ уже располагалъ въ мысляхъ)—Борисъ, вмѣсто удѣла и жениха, представилъ ей на выборъ монастырь или темницу! Инокиня неволею, Марія требовала одного утѣшенія: не быть разлученною съ дочерью, но скоро оплакала ея смерть неестественную, какъ думали, и еще жила лѣтъ восемь въ глубокой печали, съ горькими слезами вспоминая судьбу родителей, мужа и дочери. Сіи двѣ жертвы подозрительнаго беззаконія, Марія и Евдокія, лежатъ въ Троицкой Сергіевой лаврѣ, близъ того мѣста, гдѣ внѣ храма видимъ и смиренную, какъ бы опальную могилу ихъ гонителя, ни величіемъ, ни славою не спасеннаго отъ праведной мести небесной!

Но сія месть еще ожидала дальнѣйшихъ преступленій... Смиривъ дворъ опалою Шуйскихъ, духовенство—сверженіемъ митрополита, а гражданъ столицы казнію знатныхъ гостей московскихъ, окруживъ царя и занявъ Думу своими ближними родственниками, Го-

дуновъ уже не видалъ никакого сопротивленія, никакой важной для себя опасности до конца Θеодоровой жизни, или дремоты, ибо такъ можно назвать смиренную праздность сего жалкаго вѣнценосца, которую современники описываютъ слѣдующимъ образомъ:

«Θеодоръ вставалъ обыкновенно въ четыре часа утра и ждалъ духовника въ спальнѣ, наполненной иконами, освѣщенной днемъ и ночью лампадами. Духовникъ приходилъ къ нему съ крестомъ, благословеніемъ, святою водой и съ иконою угодника Божія, празднуемаго въ тотъ день церковью. Государь кланялся до земли, молился вслухъ минутъ десять и болѣе; шелъ къ Иринѣ, въ ея комнаты особенныя, и вмѣстѣ съ нею къ заутренѣ; возвратясь, садился на креслахъ въ большой горницѣ, гдѣ привѣтствовали его съ добрымъ днемъ нѣкоторые ближніе люди и монахи; въ 9 часовъ ходилъ къ литургіи, въ 11 обѣдалъ, послѣ обѣда спалъ не менѣе трехъ часовъ; ходилъ опять въ церковь къ вечернѣ, и все остальное время до ужина проводилъ съ царицею, съ шутами и съ карлами, смотря на ихъ кривлянья или слушая пѣсни, иногда же любуясь работою своихъ ювелировъ, золотарей, швецовъ, живописцевъ; ночью, готовясь ко сну, опять молился съ духовникомъ и ложился съ его благословеніемъ. Сверхъ того, всякую недѣлю посѣщалъ монастыри въ окрестностяхъ столицы и въ праздничные дни забавлялся медвѣжьею травлей. Иногда челобитчики окружали Θеодора при выходѣ изъ дворца: избывая мірскія суеты и докуки, онъ не хотѣлъ слушать ихъ и посылалъ къ Борису!»

Внутренно радуясь сему уничижительному бездѣйствію царя, хитрый Годуновъ тѣмъ болѣе старался возвысить Ирину въ глазахъ россіянъ однимъ ея державнымъ именемъ, безъ Θеодорова издавая милостивые указы, прощая, жалуя, утѣшая людей, чтобы общею къ нею любовью, соединенною съ уваженіемъ и благодарностью народа, утвердить свое настоящее величіе и приготовить будущее.

ГЛАВА II.

г. 1587—1592.

Смерть Баторія.—Важные переговоры съ Литвою.—Перемиріе.—Сношеніе съ Австріею и Тавридою.—Война шведская.—Новое перемиріе съ Литвою.—Величіе Годунова.—Учрежденіе патріаршества въ Россіи. Замыселъ Годунова.—Убіеніе царевича Димитрія.—Пожаръ въ Москвѣ.—Нашествіе хана и битва подъ Москвою.—Новый санъ Годунова.—Донской монастырь.—Клевета на правителя и месть его.—Милосердіе и слава Годунова.—Беременность Ирины.—Рожденіе и кончина царевны Θеодосіи.

12 декабря 1686 года скончался Стефанъ Баторій (или отъ яда, или отъ неискусства врачей, какъ думали), одинъ изъ знаменитѣй-

шихъ вѣнценосцевъ въ мірѣ, одинъ изъ опаснѣйшихъ злодѣевъ Россіи, коего смерть болѣе обрадовала насъ, нежели огорчила его державу, ибо мы боялись увидѣть въ немъ новаго Гедимина, новаго Витовта, а Польша и Литва неблагодарныя предпочитали дешевое спокойствіе драгоцѣнному величію. Если бы жизнь и геній Баторія не угасли до кончины Годунова, то слава Россіи могла бы навѣки померкнуть въ самомъ первомъ десятилѣтіи новаго вѣка: столь зависима судьба государствъ отъ лица и случая, или отъ воли Провидѣнія!

20 декабря Боярская Дума получила изъ разныхъ мѣстъ извѣстіе о смерти короля, хотя еще и не совсѣмъ достовѣрное: воеводы наши съ литовской границы писали о томъ къ царю, какъ о слухѣ, прибавляя, что вельможные паны мыслятъ избрать себѣ въ государи Стефанова брата, князя Седмиградскаго, или шведскаго королевича Сигизмунда, или его (Ѳеодора). Честь и польза сего возможнаго соединенія трехъ державъ казались Годунову очевидными: немедленно послали дворянина Елизарія Ржевскаго въ Литву удостовѣриться въ Стефановой кончинѣ, изъявить панамъ участіе въ ихъ горести и предложить имъ избраніе царя въ короли. Ржевскій возвратился изъ Новагородка съ благодарнымъ письмомъ литовскихъ вельможъ; но они не хотѣли входить въ переговоры, сказавъ, что дѣло столь великое будетъ рѣшено сеймомъ въ Варшавѣ, куда царь долженъ прислать своихъ пословъ; тайно же дали чувствовать Ржевскому, что Ѳеодоръ и бояре московскіе пишутъ къ нимъ слишкомъ холодно, не слѣдуя примѣру императора Франціи и Швеціи, которые осыпаютъ ихъ (пановъ) не только ласковыми словами, но и дарами богатыми. Между тѣмъ Польша и Литва были въ сильномъ волненіи; страсти кипѣли; вельможи и дворянство раздѣлились: одни держали сторону Замойскаго, сподвижника Стефанова; другіе Зборовскихъ, враговъ Баторія, такъ что они въ торжественныхъ собраніяхъ обнажали мечи на усердныхъ чтителей его славной памяти. Обѣ стороны ждали сейма какъ битвы: ополчались, нанимали воиновъ, имѣли стражу и станы въ полѣ. Но смежная съ нами Литва опасалась Россіи: для того знатные послы, вельможи Черниговскій и князь Огинскій, прибыли въ Москву (6 апрѣля) и молили Ѳеодора утвердить новою записью перемиріе съ ихъ сиротствующею державой до конца 1588 года. Охотно заключая сей договоръ, бояре сказали имъ, что отъ вельможъ коронныхъ и литовскихъ зависитъ счастіе и бѣдствіе отечества: счастіе, если поддадутся великому монарху Россіи; бѣдствіе, если вновь обратятся къ Седмиградскому варвару или къ тѣни шведскаго королевства. «Вы уже имѣли Баторія на престолѣ,—говорили они,—и съ нимъ войну, разореніе, стыдъ, ибо руками своего вѣнценосца платили дань султану. Можно ли ожидать великодушія отъ пришельца, низкаго родомъ и духомъ, алчнаго един-

ственно къ корысти и безжалостнаго къ христіанству? Въ его ли сердцѣ обитаетъ святая любовь, безъ коей и власть двигать горы, по выраженію апостола, есть ничто? Не въ угодность ли оттоманамъ хотите избрать и шведскаго королевича? Безъ сомнѣнія, угодите имъ, ибо они радуются междоусобію христіанъ; а кровопролитіе неминуемо, если Сигизмундъ съ ненавистью къ Россіи сядетъ на престолъ Ягеллоновъ. Монарха нашего вы уже знаете, равно великаго и милосердаго; знаете, что первымъ дѣйствіемъ его воцаренія было безкорыстное освобожденіе вашихъ плѣнниковъ,—великодушіе, непонятное для Баторія, ибо онъ торговалъ россійскими плѣнниками до конца дней своихъ. Баторій въ могилѣ, и Ѳеодоръ не радуется, не мыслитъ о мести, но изъявляетъ вамъ сожалѣніе и предлагаетъ способъ навѣки успокоить Литву съ Польшею; желаетъ королевства не для умноженія силъ и богатства державы своей (ибо силенъ и богатъ Россіею), но для защиты васъ отъ невѣрныхъ; не хочетъ никакихъ прибытковъ; уступитъ панамъ и рыцарству все, что земля королю платила, дастъ имъ сверхъ того помѣстья въ новыхъ россійскихъ владѣніяхъ и собственною казной воздвигнетъ крѣпости на берегахъ Днѣпра, Донца и Дона, чтобы нога оттомановъ и крымцевъ не топтала ни Кіевской, ни Волынской, ни Подольской области. Цари невѣрные опустятъ руки, заключенные въ своихъ предѣлахъ, едва ли и въ нихъ удержатся. Россія возьметъ для себя Азовъ, Кафу, ханство Крымское; для васъ—земли Дунайскія. Многочисленныя воинства ожидаютъ слова государева, чтобы устремиться... на кого? рѣшите... на враговъ ли христіанства, если будете имѣть единаго монарха съ нами, или на Литву и Ливонію, если предпочтете намъ шведовъ. Думайте не о дружбѣ султана: ибо какое согласіе между свѣтомъ и тьмой, какое общеніе вѣрному съ невѣрнымъ? Думайте о славѣ и побѣдѣ. Что мѣшаетъ нашему братству?—закоренѣлая ваша, по грѣхамъ, ненависть къ Россіи. Обратимся къ любви: все зависитъ отъ начала, и малый огонь производитъ великій пламень. Государь россійскій, обѣщая вамъ безопасность и величіе, не требуетъ отъ васъ ничего, кромѣ ласки». Послы убѣждали царя отправить на сеймъ кого-нибудь изъ вельможъ своихъ, и два боярина, Степанъ Васильевичъ Годуновъ, князь Ѳедоръ Михайловичъ Троекуровъ, съ знатнымъ дьякомъ Васильемъ Щелкаловымъ, немедленно выѣхали изъ Москвы въ Варшаву, имѣя полную довѣренность государеву и 48 писемъ къ духовнымъ и къ свѣтскимъ, коронньмъ и литовскимъ сановникамъ, но безъ даровъ. Ѳеодоръ предлагалъ сейму слѣдующія условія:

1) «Государю россійскому быть королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ, а народамъ обѣихъ державъ соединиться вѣчною, неразрывною пріязнію.

2) «Государю россійскому воевать лично и всѣми силами Отто-

манскую имперію, низвергнуть хана крымскаго, посадить на его мѣсто Сайдетъ-Гирея, слугу Россіи, и, заключивъ союзъ съ цесаремъ, королемъ испанскимъ, шахомъ персидскимъ, освободить Молдавію, землю Волошскую, Боснію, Сербію, Венгрію отъ ига султанскаго, чтобы присоединить оныя къ Литвѣ и Польшѣ, коихъ войско въ семъ случаѣ будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ россійскимъ.

3) «Рать московская, казанская, астраханская безъ найма и платы будетъ всегда готова для защиты Литвы и Польши.

4) «Государю не измѣнять ни въ чемъ ихъ правъ и вольностей безъ приговора Вельможной Думы; она располагаетъ независимо казною и всѣми доходами государственными.

5) «Россіянамъ въ Литвѣ и Польшѣ, литовцамъ и полякамъ въ Россіи вольно жить и совокупляться бракомъ.

6) «Государь жалуетъ земли бѣднымъ дворянамъ литовскимъ и польскимъ на Дону и Донцѣ.

7) «Кому изъ ратныхъ людей Стефанъ Баторій остался долженъ, тѣмъ платитъ государь изъ собственной казны до ста тысячъ золотыхъ монетъ венгерскихъ.

8) «Деньги, которыя шли на содержаніе крѣпостей, уже ненужныхъ, между Литвою и Россіею, употребить обѣимъ державамъ на войну съ невѣрными.

9) «Россія, изгнавъ шведовъ и датчанъ изъ Эстоніи, уступитъ всѣ города ея, кромѣ Нарвы, Литвѣ и Польшѣ.

10) «Купцамъ литовскимъ и польскимъ открытъ свободный путь во всѣ земли государства Московскаго, и черезъ оныя въ Персію, въ Бухарію и другія восточныя страны, также моремъ къ устью Двины, въ Сибирь и въ великое китайское государство, гдѣ родятся камни драгоцѣнные и золото».

Въ письменномъ наставленіи, данномъ посламъ, достойна замѣчанія статья о царевичѣ Димитріи, гдѣ сказано: «если паны упомянутъ о юномъ братѣ государевомъ, то изъяснить имъ, что онъ младенецъ, не можетъ быть у нихъ на престолѣ и долженъ воспитываться въ своемъ отечествѣ». Правитель готовилъ ему иную долю.

Нѣтъ сомнѣнія, что Θеодоръ, подобно отцу и дѣду, искренно хотѣлъ королевскаго сана, чтобы соединить державы, искони враждебныя, узами братства, предлагая Вельможной Думѣ условія выгодныя, съ обѣщаніями лестными, съ надеждами блестящими, жертвуя милліономъ нынѣшнихъ рублей, и, въ противность главному Іоаннову требованію, соглашаясь быть королемъ избраннымъ, съ властью ограниченною, безъ всякаго наслѣдственнаго права для его дѣтей или рода. Дѣйствительно ли мыслилъ царь или правитель ополчиться на султана, чтобы завоеваніемъ богатыхъ земель дунайскихъ усилить Литву и Польшу, которыя могли впередъ имѣть

особенныхъ властителей и снова враждовать Россіи? Но онъ для такого важнаго предпріятія ставилъ въ условіе союзъ императора Испаніи, Персіи и не входилъ въ обязательство рѣшительное, прельщая воображеніе пановъ мыслью смѣлою и великою. Готовый, повидимому, къ уступчивости и снисхожденію для успѣха въ своемъ исканіи, Θеодоръ оказалъ и хладнокровную непреклонность, когда сеймъ безразсудно потребовалъ отъ него жертвъ, несовмѣстныхъ съ православіемъ, достоинствомъ и пользой Россіи.

Бояръ нашихъ, Степана Годунова и князя Троекурова, именемъ польской Думы остановили (12 іюля) въ селѣ Окуневѣ, въ пятнадцати верстахъ отъ Варшавы, сказавъ имъ, что для нихъ нѣтъ безопаснаго мѣста въ столицѣ, исполненной неистовыхъ людей воинскихъ, мятежа и раздоровъ. Такъ было дѣйствительно. Духовенство, вельможи, рыцарство или шляхта не могли согласиться въ избраніи короля; Замойскій и друзья его, въ угодность вдовствующей супругѣ Баторіевой, предлагали шведскаго принца Сигизмунда, сына ея сестры; Зборовскіе—австрійскаго герцога Максимиліана; паны литовскіе и примасъ, архіепископъ Гнѣзненскій,—Θеодора; а султанъ, доброхотствуя Стефанову брату, грозилъ имъ войной, если они вмѣсто его изберутъ Максимиліана или царя московскаго, враговъ Оттоманской имперіи. Такъ называемое рыцарское коло,—мѣсто шумныхъ совѣщаній,—представляло иногда зрѣлище битвы: толпы вооруженныхъ стрѣляли другъ въ друга. Наконецъ, условились благоразумно прекратить междоусобіе и выставить въ полѣ три знамени: россійское, цесарское, шведское, чтобы видѣть подъ каждымъ число избирателей и тѣмъ рѣшить большинство голосовъ. Знаменемъ Θеодоровымъ была московская шапка, австрійскимъ—шляпа нѣмецкая, шведскимъ—сельдь, и первое одержало верхъ: подъ нимъ стеклося такое множество людей, что друзья Австріи и шведовъ, видя свою малочисленность, отъ стыда присоединились къ нашимъ. Но сіе блестящее торжество россійской стороны оказалось безплоднымъ, когда дѣло дошло до условій.

4 августа духовенство, сенаторы, дворянство обѣихъ соединенныхъ державъ съ великою честью приняли Годунова и Троекурова въ рыцарскомъ колѣ; выслушали предложенія Θеодоровы и, желая дальнѣйшихъ объясненій, избрали 15 вельможъ, духовныхъ и свѣтскихъ, коимъ надлежало съѣхаться для того съ нашими послами въ селѣ Каменцѣ, близъ Варшавы. Тамъ, къ удивленію Годунова и Троекурова, сіи депутаты встрѣтили ихъ слѣдующими неожиданными вопросами: «соединитъ ли государь московскій Россію съ королевствомъ такъ, какъ Литва соединилась съ Польшей, навѣки и неразрывно? приступитъ ли къ вѣрѣ римской? будетъ ли послушенъ намѣстнику апостоль-

скому? будетъ ли вѣнчаться на королевство и пріобщится ли Святыхъ Таинъ въ латинской церкви въ Краковѣ, отъ архіепископа Гнѣзненскаго? будетъ ли въ Варшавѣ черезъ 10 недѣль? и напишетъ ли въ своемъ титулѣ королевство Польское выше царства Московскаго?» Бояре отвѣтствовали: «1) государь желаетъ навѣки соединить Литву и Польшу съ Россіею такъ, чтобы онѣ всѣми силами помогали другъ другу въ случаѣ непріятельскаго нападенія и чтобы ихъ жители могли свободно ѣздить изъ земли въ землю: литовцы къ намъ, россіяне въ Литву съ дозволенія государя; 2) онъ родился и будетъ жить всегда въ греческой православной вѣрѣ, слѣдуя святымъ обрядамъ ея; вѣнчаться на королевство долженъ въ Москвѣ, или въ Смоленскѣ, въ присутствіи вашихъ чиновъ государственныхъ; обязывается чтить папу и не мѣшать дѣйствію его власти надъ духовенствомъ польскимъ, но не допустить его мѣшаться въ дѣла греческой церкви; 3) царь пріѣдетъ къ вамъ, когда успѣетъ; 4) корона Ягайлова будетъ подъ шапкою Мономаха, и титулъ Ѳеодоровъ: царь и великій князь всея Россіи, владимірскій и московскій, король польскій и великій князь литовскій. Если бы и Римъ старый, и Римъ новый или царствующій градъ Византія приложились къ намъ, то и древняго, славнаго ихъ имени государь не поставилъ бы въ своемъ титулѣ выше Россіи».

«Итакъ, Ѳеодоръ не желаетъ быть нашимъ королемъ,—возразили паны,—отказываетъ рѣшительно, обѣщаетъ неискренно; пишетъ, напримѣръ, что его войско готово защитить насъ отъ султана: турки обыкновенно впадаютъ въ нашу землю изъ Молдавіи съ Дуная, изъ Трансильваніи, отъ Бѣлагорода; а войско московское далеко, еще далѣе астраханское и казанское. Султанъ, цесарь, шведы грозятъ намъ войною въ случаѣ, если изберемъ короля не по ихъ желанію: что же дастъ намъ царь и сколько денегъ будетъ давать ежегодно для содержанія рати? ибо у насъ довольно своихъ людей, московскихъ не требуемъ. Деньги нужны и для того, чтобы усилить сторону вашихъ доброжелателей на сеймѣ. Знаете ли, что императоръ за избраніе Максимиліана обязывается тотчасъ прислать Вельможной Думѣ 600 тысячъ золотыхъ и ежегодно присылать столько же въ теченіе шести лѣтъ; а король испанскій 800 тысячъ и столько же ежегодно въ теченіе восьми лѣтъ?» Послы сказали: «у царя готово многочисленное легкое войско для вашей защиты: казаки волжскіе, донскіе и самые крымцы: ибо ханомъ ихъ будетъ присяжникъ государевъ, Сайдетъ-Гирей. Царь намѣренъ помогать вамъ и казною, но безъ всякаго обязательства. Хвалитесь щедростію Австріи и короля испанскаго, но разсудите, что благовѣрный царь желаетъ вѣнца королевскаго не для своей пользы и чести, а единственно ради вашего спокойствія и вели-

чія. Сколько лѣтъ христіанская кровь лилася въ битвахъ россіянъ съ Литвою? Государь мыслитъ навѣки удалить сіе бѣдствіе; а вы, паны, не думая о томъ, вѣсите золото испанское и австрійское! Да будетъ, какъ вамъ угодно; и если казна для васъ милѣе покоя христіанскаго, то знайте, что государь не хочетъ быть купцомъ, и за деньги ему не надобно доброжелателей, ни вашего королевства; не хочетъ питать среболюбія людей безчувственныхъ ко благу отечества и вооружать ихъ другъ на друга въ мятежныхъ распряхъ сейма: ибо не любитъ ни дракъ, ни беззаконія».

Сія твердость произвела сильное дѣйствіе въ депутатахъ: они встали, нѣсколько минутъ разсуждали между собою тихо и, наконецъ, съ досадою объявили посламъ, что Θеодору не быть на престолѣ Ягеллоновъ; когда же Годуновъ и Троекуровъ предложили имъ отсрочить избраніе короля и послать вельможъ въ Москву для новыхъ объясненій съ царемъ, кардиналъ Радзивилъ и другіе депутаты отвѣчали: «Вы смѣетесь надъ нами. Изъ всѣхъ краевъ Литвы и Польши мы съѣхались въ Варшаву, живемъ здѣсь осьмую недѣлю какъ на войнѣ, тратимъ спокойствіе и деньги, а вы хотите еще другого сейма! Не разъѣдемся безъ выбора». Тогда Θеодоровы послы совѣтовали имъ избрать Максимиліана, благопріятеля Россіи. «Не имѣемъ нужды въ вашихъ наставленіяхъ», сказали паны съ грубостію:—«намъ указываетъ Богъ, а не царь русскій». Хотѣли по крайней мѣрѣ заключить миръ, но также не могли согласиться въ условіяхъ: Литва требовала Смоленска или земли Сѣверской, а Θеодоръ Дерпта. Разошлися съ неудовольствіемъ; но симъ еще не кончились переговоры.

Въ сей самый день и въ слѣдующіе были жаркія пренія между государственными чинами сейма, друзьями Австріи, Швеціи и Россіи. Первые, особенно духовенство и всѣ епископы, говорили, что совѣсть не дозволяетъ имъ имѣть королемъ иновѣрца, еретика; а единомышленники ихъ, свѣтскіе вельможи, прибавляли: «естественнаго, закоренѣлаго врага Литвы и Польши, который сядетъ на королевство съ тяжкимъ могуществомъ Россіи, чтобы подавить нашу вольность, всѣ права и законы. Вы жаловались на угнетеніе, когда Стефанъ привелъ къ намъ нѣсколько сотъ гайдуковъ венгерскихъ: что будетъ, когда увидимъ здѣсь грозную опричнину, несмѣтныя тысячи надменныхъ, суровыхъ москвитянъ? Повѣрите ли, чтобы они въ гордости своей захотѣли къ намъ присоединиться? Не скорѣе ли захотятъ приставить державу нашу къ московской, какъ рукавъ къ кафтану?» Другіе унижали Θеодора, называя его скудоумнымъ, неспособнымъ блюсти государство, обуздывать своевольство, дать силу королевской власти, прибавляя, что онъ едва ли черезъ шесть мѣсяцевъ можетъ быть къ нимъ, а турки, непримиримые враги царя, завоевателя двухъ или трехъ державъ му-

сульманскихъ, успѣютъ между тѣмъ взять Краковъ. Вельможи нашей стороны возражали такъ: «Первый законъ для государства есть безопасность: избраніемъ Өеодора мы примиряемъ врага сильнаго, Россію, и находимъ въ ней защиту отъ другого, не менѣе опаснаго,—отъ турокъ. Султанъ запрещаетъ намъ возвести Өеодора на престолъ королевства; но должно ли слушаться непріятеля? Не должно ли именно сдѣлать, чего онъ не желаетъ? Что касается до вѣры, то Өеодоръ крещенъ во имя Святой Троицы, и мы знаемъ, что въ Римѣ есть церковь греческая: слѣдственно папа не осуждаетъ сей вѣры и, безъ сомнѣнія, дозволитъ ему въ ней остаться, съ нѣкоторыми, можетъ быть, условіями. Өеодоръ великодушно освободилъ нашихъ плѣнниковъ, усмирилъ мятежи въ своемъ царствѣ, два раза побѣдилъ хана; желаетъ въ духѣ любви соединить державы, коихъ взаимная ненависть произвела столько бѣдствій, и, будучи властителемъ самодержавнымъ, господствовать именемъ закона надъ людьми свободными: гдѣ же его скудоуміе? Не видимъ ли въ немъ монарха человѣколюбиваго и мудраго? Могъ ли бы онъ безъ ума править россіянами, непостоянными и лукавыми? Къ тому же, скудоуміе властителя менѣе гибельно для государства, чѣмъ внутренніе раздоры. Мы замышляемъ не новое: сколь многіе изъ васъ, до избранія и послѣ бѣгства Генрикова, хотѣли царя московскаго, въ удостовѣреніи, что Іоаннъ оставилъ бы тиранство въ Россіи, а къ намъ прибылъ только съ могуществомъ спасительнымъ? Перемѣнилось ли что-нибудь съ того времени? Развѣ къ лучшему: ибо Өеодоръ и въ Россіи не тиранствуетъ, но любитъ подданныхъ и любимъ ими».

Сіи убѣжденія заставили сеймъ возобновить переговоры: депутаты его вторично съѣхались съ московскими послами въ Каменцѣ и хотѣли, чтобы царь немедленно далъ Вельможной Думѣ 100 тысячъ золотыхъ на военныя издержки, основалъ крѣпости не на Дону, гдѣ онѣ могутъ быть полезны только для Россіи, а на литовской югозападной границѣ,—платилъ жалованье казакамъ днѣпровскимъ изъ казны своей, отвелъ земли польской шляхтѣ не въ дальнихъ, дикихъ степяхъ, какихъ много и въ Литвѣ за Кіевомъ, но въ областяхъ Смоленской и Сѣверской. Послы изъявили нѣкоторую уступчивость: соглашаясь дать панамъ 100 тысячъ золотыхъ, не отвергали и другихъ требованій; предложили, чтобы Өеодору писаться въ титулѣ царемъ всея Россіи, королемъ польскимъ, великимъ княземъ владимірскимъ, московскимъ и литовскимъ. Самое главное препятствіе въ разсужденіи вѣры уменьшилось, когда воевода виленскій, Христофоръ Радзивилъ, и троцкій, Янъ Глѣбовичъ, тайно сказали нашимъ посламъ, что Өеодоръ можетъ, вопреки ихъ духовенству, остаться въ греческой вѣрѣ, если испроситъ только благословеніе у папы и дастъ ему надежду на соединеніе

церквей. «Для своего и нашего блага» (говорили они) «Өеодоръ долженъ быть снисходителенъ: ибо мы, въ случаѣ его упрямства, изберемъ врага Россіи, шведа, а не Максимиліана, о коемъ въ Литвѣ никто слышать не хочетъ, для того, что онъ корыстолюбивъ и бѣденъ: заведетъ насъ въ войну съ султаномъ и не поможетъ королевству ни людьми, ни казною. Самъ императоръ великъ единственно титуломъ и богатъ только долгами. Знаемъ обычай австрійцевъ искоренять права и вольности въ земляхъ, которыя имъ поддаются, и вездѣ обременять жителей несносными налогами. Къ тому же, у насъ писано въ книгахъ и вошло въ пословицу, что славянскому языку не видать добра отъ нѣмецкаго».

Но Өеодоръ не хотѣлъ искать милости въ папѣ, ни манить его лживымъ обѣщаніемъ соединенія церквей; не хотѣлъ также (чего неотмѣнно требовали и всѣ литовскіе паны) вѣнчаться на королевство въ Польшѣ, отъ святителя латинскаго, ужасаясь мысли измѣнить тѣмъ православію или достоинству россійскаго монарха—и послы наши, имѣя дружелюбныя свиданія съ депутатами сейма, 13 августа, услышали отъ нихъ, что канцлеръ Замойскій и немногіе паны выбрали шведскаго принца, а воевода познанскій Станиславъ Згурка и Заборовскіе—Максимиліана. Тщетно вельможи литовскіе увѣряли нашихъ бояръ, что сіе избраніе, какъ незаконное, останется безъ дѣйствія; что если Өеодоръ искренно желаетъ быть королемъ и рѣшится, не упуская времени, къ нимъ пріѣхать, то они всѣ головами своими кинутся къ Кракову и не дадутъ короны ни шведу, ни австрійцу. Замойскій мечомъ и золотомъ вдовствующей королевы Анны доставилъ престолъ Сигизмунду, уничтоживъ избраніе Максимиліана. Послы наши успѣли только въ одномъ: заключили съ Вельможною Думою пятнадцатилѣтнее перемиріе безъ всякихъ уступокъ и выгодъ, единственно на томъ условіи, чтобъ обѣимъ державамъ владѣть, чѣмъ владѣютъ, и чтобы избранному королю подтвердить сей договоръ въ Москвѣ черезъ своихъ уполномоченныхъ. Еще Өеодоръ, выслушавъ донесеніе Степана Годунова и Троекурова, надѣялся, что по крайнѣй мѣрѣ Литва не признаетъ Сигизмунда королемъ, и для того еще писалъ ласковыя грамоты къ ея вельможамъ, соглашаясь быть особеннымъ великимъ княземъ литовскимъ, кіевскимъ, волынскимъ, мазовскимъ, обѣщая имъ независимость и безопасность; писалъ къ нимъ и Годуновъ, отправивъ къ каждому дары богатые (цѣною въ 20 тысячъ нынѣшнихъ рублей)... Но поздно! Дворянинъ Ржевскій возвратился изъ Литвы съ вѣстію, что 16 декабря Сигизмундъ коронованъ въ Краковѣ и что вельможи литовскіе согласились на сей выборъ. Ржевскій уже зналъ о томъ, но вручилъ имъ дары; они взяли ихъ съ изъявленіемъ благодарности и желали, чтобы царь всегда былъ милостивъ къ Литвѣ единовѣрной!

Царь изъявилъ досаду, не за отверженіе его условій на сеймѣ, но за избраніе Сигизмунда. Мы видѣли, что Ѳеодоръ, подобно Іоанну, охотно уступалъ королевство эрцгерцогу, не имѣя никакихъ состязаній съ Австріею; но тѣсная связь шведской державы съ польскою усиливала сихъ двухъ нашихъ непріятелей, и главное обязательство, взятое Замойскимъ съ Сигизмунда, состояло въ томъ, чтобы ему, вмѣстѣ съ отцомъ его, королемъ Іоанномъ, ополчиться на Россію: или завоевать Москву, или по крайней мѣрѣ Смоленскъ, Псковъ, а шведскому флоту двинскую гавань св. Николая, чтобы уничтожить нашу морскую торговлю. Духъ Баторіевъ, казалось, еще жилъ и враждовалъ намъ въ Замойскомъ! Тѣмъ болѣе Ѳеодоръ желалъ согласить виды и дѣйствія нашей политики съ австрійскою: съ 1587 года до 1590 мы слали гонца за гонцомъ въ Вѣну, убѣждая императора доставить Максиміліану всѣми способами корону польскую, если не избраніемъ, то силою—вызывались снабдить его и деньгами для вооруженія—увѣряли, что намъ будетъ даже пріятнѣе уступить сію державу Австріи, нежели соединить съ Россіею—живо описывали счастіе спокойствія, которое утвердится тогда въ сѣверной Европѣ и дастъ ей возможность заняться великимъ дѣломъ—изгнанія турковъ изъ Византіи—хвалились нашими силами, говоря, что отъ Россіи зависитъ устремить безчисленные сонмы азіатскіе на султана; что шахъ персидскій выведетъ въ поле 200 тысячъ воиновъ, царь бухарскій 100 тысячъ, хивинскій 50 тысячъ, иверскій 30 тысячъ, владѣтель шавкалскій 30 тысячъ, князья черкесскіе, тюменскій, окутскій 70 тысячъ, ногаи 100 тысячъ; что Россія, легко усмиривъ шведа, и не имѣя уже иныхъ враговъ, примкнетъ крестоносные легіоны свои къ войскамъ Австріи, Германіи, Испаніи, папы, Франціи, Англіи—и варвары оттоманскіе останутся единственно въ памяти! Гонцовъ московскихъ задержали въ Литвѣ и въ Ригѣ, для того мы открыли путь въ Австрію черезъ Сѣверный Океанъ и Гамбургъ; хотѣли, чтобы Рудольфъ и Максиміліанъ немедленно прислали уполномоченныхъ въ Москву для договора, гдѣ и какъ дѣйствовать. Свѣдавъ же, что Замойскій, слѣдуя за бѣгущимъ Максиміліаномъ, вступилъ въ Силезію, одержалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду, взялъ его въ плѣнъ, томилъ, безчестилъ въ неволѣ, Ѳеодоръ стыдилъ Рудольфа неслыханнымъ уничиженіемъ Австріи. Но все было безполезно. Императоръ въ своихъ отзывахъ изъявилъ только благодарность за доброе расположеніе царя; вмѣсто знатнаго вельможи прислалъ (въ іюнѣ 1589) маловажнаго сановника Варкоча въ Москву, извиняясь недосугами и неудобствами сообщенія между Вѣною и Россіею; писалъ, что о войнѣ турецкой должно еще условиться съ Испаніею и таить намѣреніе, столь важное, отъ Англіи и Франціи, ибо они ищутъ милости въ султанѣ; что война съ Польшею необходима, но что надобно пре-

ждо освободить Максимиліана... И царь узналъ, что императоръ, вымоливъ свободу брата, клятвенно обязался не думать о коронѣ польской и жить въ вѣчномъ мирѣ съ сею державою. «Вы начинаете великія дѣла, но не вершите ихъ»,—писалъ Борисъ Годуновъ къ австрійскому министерству:—«для васъ благовѣрный царь нашъ не хотѣлъ слушать никакихъ дружественныхъ предложеній султановыхъ и ханскихъ; для васъ мы въ остудѣ съ ними и съ Литвою, а вы, не думая о чести, миритесь съ султаномъ и съ Сигизмундомъ!» Однимъ словомъ, мы тратили время и деньги въ сношеніяхъ съ Австріею, совершенно безполезныхъ.

Гораздо усерднѣе, въ смыслѣ нашей политики, дѣйствовалъ тогда варваръ, новый ханъ крымскій, преемникъ умершаго (въ 1588 году) Ислама, братъ его, именемъ Казы-Гирей. Пріѣхавъ изъ Константинополя съ султанскою милостивою грамотою и съ тремя стами янычаръ господствовать надъ улусами разоренными, онъ видѣлъ необходимость поправить ихъ, то-есть искать добычи, не зная другого промысла, кромѣ хищенія. Надлежало избрать Литву или Россію въ театръ убійствъ и пожаровъ; ханъ предпочелъ Литву, въ надеждѣ на ея безначаліе или слабость новаго короля, и, готовясь силою опустошить Сигизмундову землю, хотѣлъ лестію выманить богатые дары у Ѳеодора: писалъ къ нему, что, доброжелательствуя намъ искреннѣе всѣхъ своихъ предмѣстниковъ, онъ убѣдилъ султана не мыслить впредь о завоеваніи Астрахани; что Москва и Таврида будутъ всегда имѣть однихъ непріятелей. Въ концѣ 1589 года Казы-Гирей извѣстилъ Ѳеодора о сожженіи крымцами многихъ городовъ и селъ въ Литвѣ и въ Галиціи. Хваля его доблесть и дружественное къ намъ расположеніе, царь, въ знакъ признательности, честилъ хана умѣренными дарами, однакожъ держалъ сильное войско на берегахъ Оки, слѣдовательно худо ему вѣрилъ.

Но Баторія уже не было, султанъ не ополчался на Россію, ханъ громилъ Литву: сіи обстоятельства казались царю благопріятными для важнаго подвига, коего давно требовала честь Россіи. Мы хвалились могуществомъ, имѣя дѣйствительно многочисленнѣйшее войско въ Европѣ, а часть древней Россіи была шведскимъ владѣніемъ! Срокъ перемирія, заключеннаго съ королемъ Іоанномъ, уже исходилъ въ началѣ 1590 года, и вторичный съѣздъ пословъ на берегу Плюсы (въ сентябрѣ 1586 года) остался безплоднымъ, ибо шведы не согласились возвратить намъ своего завоеванія, безъ чего мы не хотѣли слышать о мирѣ. Они предлагали только мѣну: отдавали Копорье за погостъ Сумерскій и за берега Невы. Іоаннъ жаловался, что россіяне тревожатъ набѣгами Финляндію, свирѣпствуя въ ней какъ тигры, Ѳеодоръ же упрекалъ воеводъ шведскихъ разбоями въ областяхъ Заонежской, Олонецкой, на Ладогѣ

и Двинѣ: лѣтомъ въ 1589 году они приходили изъ Каяни грабить волости монастыря Соловецкаго и Печенскаго, Колу, Кереть, Ковду и взяли добычи на полмилліона нынѣшнихъ рублей серебряныхъ. Склоняя короля къ уступкамъ, царь писалъ къ нему о своихъ великихъ союзникахъ, императорѣ и шахѣ. Король отвѣтствовалъ съ насмѣшкою: «Радуюсь, что ты нынѣ знаешъ свое безсиліе и ждешь помощи отъ другихъ; увидимъ, какъ поможетъ тебѣ сватъ нашъ, Рудольфъ, а мы и безъ союзниковъ управимся съ тобою». Не взирая на сію грубость, Іоаннъ желалъ еще третьяго съѣзда пословъ, когда Ѳеодоръ велѣлъ объявить ему, что мы не хотимъ ни мира, ни перемирія, если шведы, сверхъ новгородскихъ земель, ими захваченныхъ, не уступятъ намъ Ревеля и всей Эстоніи, то есть мы объявили войну!

Доселѣ Годуновъ блисталъ умомъ единственно въ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики, всегда осторожной и миролюбивой; не имѣя духа ратнаго, не алкая воинской славы, хотѣлъ однакожъ доказать, что его миролюбіе не есть малодушная боязливость, въ такомъ случаѣ, гдѣ безъ стыда и безъ явнаго нарушенія святыхъ обязанностей власти нельзя было миновать кровопролитія. Исполняя сей важный долгъ, онъ употребилъ всѣ способы для несомнительнаго успѣха: вывелъ въ поле (если вѣрить свидѣтельству нашихъ приказныхъ бумагъ сего времени) около трехъ сотъ тысячъ воиновъ, конныхъ и пѣшихъ, съ тремя стами легкихъ и тяжелыхъ пушекъ. Всѣ бояре, всѣ царевичи (сибирскій Маметкулъ, Русланей Кайбуличъ, Уразъ-Магметъ Ондановичъ киргизскій), всѣ воеводы изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ, городовъ и деревень, гдѣ они жили на покоѣ, должны были въ назначенный срокъ явиться подъ царскими знаменами, ибо тихій Ѳеодоръ, не безъ сожалѣнія оставивъ свои мирныя, благочестивыя упражненія, сѣлъ на бранная коня (такъ хотѣлъ Годуновъ), чтобы войско оживить усердіемъ, а главныхъ сановниковъ обуздывать въ ихъ мѣстничествѣ безразсудномъ. Князь Ѳедоръ Мстиславскій, знатнѣйшій изъ родовыхъ вельможъ, начальствовалъ въ большомъ полку, въ передовомъ князь Дмитрій Ивановичъ Хворостининъ, воевода, славнѣйшій умомъ и доблестію. Годуновъ и Ѳедоръ Никитичъ Романовъ-Юрьевъ (будущій знаменитый Филаретъ), двоюродный братъ царя, находились при немъ, именуясь дворовыми или ближними воеводами. Царица Ирина ѣхала за супругомъ изъ Москвы до Новагорода, гдѣ государь распорядилъ полки: велѣлъ однимъ воевать Финляндію, за Невою; другимъ Эстонію, до моря; а самъ съ главною силою, 18 января 1590, выступилъ къ Нарвѣ. Походъ былъ труденъ отъ зимней стужи, но веселъ ревностію войска: россіяне шли взять свое—и взяли Яму, января 27. Двадцать тысячъ шведовъ, конныхъ и пѣшихъ, подъ начальствомъ Густава

Банера, близъ Нарвы встрѣтили князя Дмитрія Хворостинина, который разбилъ ихъ и втопталъ въ городъ, наполненный людьми, но скудный запасами; для того Банеръ, оставивъ въ крѣпости нужное число воиновъ, ночью бѣжалъ оттуда къ Везенбергу, гонимый нашею азіатскою конницею и бросивъ ей въ добычу весь обозъ, всѣ пушки; въ числѣ многихъ плѣнниковъ находились и знатные чиновники шведскіе. 4 февраля россіяне обложили Нарву, сильною пальбою въ трехъ мѣстахъ разрушили стѣну и требовали сдачи города. Тамошній воевода Карлъ Горнъ величаво звалъ ихъ на приступъ и мужественно отразилъ его (18 февраля); воеводы Сабуровъ и князь Иванъ Токмаковъ легли въ проломѣ вмѣстѣ со многими дѣтьми боярскими, стрѣльцами, мордовскими и черкесскими воинами. Однакожъ сіе блистательное для шведовъ дѣло не могло бы спасти города: пальба не умолкала, стѣны падали и многочисленное войско осаждающихъ готовилось къ новому приступу (21 февраля). Въ то же время россіяне безпрепятственно опустошили Эстонію до самаго Ревеля, а Финляндію до Абова, ибо король Іоаннъ имѣлъ болѣе гордости, нежели силы. Начались переговоры. Мы требовали Нарвы и всей Эстоніи, чтобы дать миръ шведамъ; но царь, исполняя христіанское моленіе Годунова (какъ сказано въ нашихъ приказныхъ бумагахъ), удовольствовался возстановленіемъ древняго рубежа. Горнъ именемъ королевскимъ (25 февраля) заключилъ перемиріе на годъ, уступивъ царю, сверхъ Ямы, Иванъ-городъ и Копорье, со всѣми ихъ запасами и снарядомъ огнестрѣльнымъ, условясь рѣшить судьбу Эстоніи на будущемъ съѣздѣ пословъ, московскихъ и шведскихъ, даже обѣщая уступить Россіи всю землю Корельскую, Нарву и другіе города эстонскіе. Мы хвалились умѣренностію. Оставивъ воеводъ въ трехъ взятыхъ крѣпостяхъ, Ѳеодоръ спѣшилъ возвратиться въ Новгородъ къ супругѣ и съ нею въ Москву, торжествовать побѣду надъ одною изъ державъ европейскихъ, съ коими отецъ его не совѣтовалъ ему воевать, боясь ихъ превосходства въ ратномъ искусствѣ. Духовенство со крестами встрѣтило государя внѣ столицы, и первосвятитель Іовъ въ пышной рѣчи сравнивалъ его съ Константиномъ Великимъ и Владиміромъ, именемъ отечества и церкви благодаря за изгнаніе невѣрныхъ изъ нѣдръ святой Россіи и за возстановленіе алтарей истиннаго Бога во градѣ Іоанна III и въ древнемъ владѣніи славянъ ильменскихъ.

Скоро вѣроломство шведовъ доставило новый значительный успѣхъ оружію миролюбиваго Ѳеодора. Король Іоаннъ, упрекая Горна малодушіемъ, объявилъ договоръ, имъ заключенный, преступленіемъ, усилилъ войско въ Эстоніи и выслалъ двухъ вельможъ, намѣстниковъ упсальскаго и вестерготскаго, на съѣздъ съ княземъ Ѳедоромъ Хворостининымъ и думнымъ дворяниномъ Писем-

скимъ къ устью рѣки Плюсы, не для того, чтобы отдать Россіи Эстонію, но чтобы требовать возвращенія Ямы, Ивана-города и Копорья. Не только Ѳеодоровы послы, но и шведскіе воины, узнавъ о семъ, изъявили негодованіе; стоя на другомъ берегу Плюсы, кричали нашимъ: «не хотимъ кровопролитія!» и принудили своихъ уполномоченныхъ быть снисходительными, такъ что они, уже ничего не требуя, кромѣ мира, наконецъ уступали Россіи Корельскую область. Мы неотмѣнно хотѣли Нарвы—и послы разъѣхались; а шведскій генералъ Іоранъ Бое въ ту же ночь вѣроломно осадилъ Иванъ-городъ, ибо срокъ нарвскаго договора еще не вышелъ. Но мужественный воевода Иванъ Сабуровъ въ сильной вылазкѣ на-голову разбилъ шведовъ: и генерала Бое, и самаго герцога Зюдерманландскаго, который съ нимъ соединился. Главная рать московская стояла въ Новгородѣ; она не приспѣла къ битвѣ, нашла крѣпость уже освобожденною и только издали видѣла бѣгство непріятеля.

Воюя съ шведами, Ѳеодоръ желалъ соблюсти миръ съ Литвою, и въ то время, когда полки московскіе шли громить Эстонію, Годуновъ извѣстилъ всѣхъ градоначальниковъ въ Ливоніи Польской, что они могутъ быть спокойны и что мы не коснемся областей ея, въ точности исполняя договоръ Варшавскій. Но Сигизмундъ молчалъ. Чтобы узнать его расположеніе, Дума московская послала гонца въ Вильну съ письмомъ къ тамошнимъ вельможамъ, увѣдомляя ихъ о намѣреніи хана снова идти на Литву и прибавляя: «Казы-Гирей убѣждалъ государя нашего вмѣстѣ съ нимъ воевать вашу землю и предлагалъ ему султанскимъ именемъ вѣчный миръ; но государь отказался, искренно вамъ доброжелательствуя. Остерегаемъ васъ, думая, что, рано или поздно, вы увидите необходимость соединиться съ Россіею для общей безопасности христіанъ». Сіе лукавство не обмануло пановъ: читая письмо, они усмѣхались, и весьма учтивою грамотою изъявили намъ благодарность, сказавъ однакожъ, что у нихъ другіе слухи; что самъ Ѳеодоръ, если вѣрить плѣнникамъ крымскимъ, обѣщаніями и дарами склоняетъ хана ко впаденіямъ въ Литву. Между тѣмъ 600 литовскихъ казаковъ разбойничали въ южныхъ предѣлахъ Россіи, сожгли новый городъ Воронежъ, убили тамошняго начальника, князя Ивана Долгорукаго; мы требовали удовлетворенія и велѣли царевичу Арасланъ-Алею, Кайбулину сыну, идти съ войскомъ въ Черниговъ. Наконецъ, въ октябрѣ 1590 года, послы Сигизмундовы, Станиславъ Радоминскій и Гаврило Война, пріѣхали въ Москву договариваться о мирѣ и союзѣ; но въ первой бесѣдѣ съ боярами объявили, что Россія нарушила перемиріе взятіемъ шведскихъ городовъ и должна возвратить ихъ. Имъ отвѣтствовали, что Швеція не Литва, что родственная связь королей не уважается въ политикѣ и что мы взяли свое,

казнивъ неправду и вѣроломство. О вѣчномъ мирѣ говорили долго. Сигизмундъ, какъ бы изъ великодушія, отказывался отъ Новагорода, Пскова, Сѣверскихъ городовъ и проч., но безъ Смоленска не хотѣлъ мириться. Бояре же московскіе твердили: «не дадимъ вамъ ни деревни Смоленскаго уѣзда». Съ обѣихъ сторонъ около двухъ мѣсяцевъ велерѣчили о выгодахъ тѣснаго христіанскаго союза всѣхъ державъ европейскихъ. Бояре съ живостію представляли вельможамъ литовскимъ, что король, безъ сомнѣнія, весьма неискренно желаетъ сего союза, испрашивая въ то же время (какъ было намъ извѣстно) милость у султана; что Сигизмунда ожидаетъ Баторіева участь: стыдъ, уничиженіе, безполезное предъ надменностію оттомановъ; что Баторій думалъ угодить Амурату злодѣйскимъ убіеніемъ славнѣйшаго изъ всѣхъ рыцарей литовскихъ Подковы, и не угодилъ, ибо до смерти трепеталъ гнѣвнаго султана и платилъ ему дань рабскую; что одна Россія, въ чувствѣ своего величія отвергнувъ ложную дружбу невѣрныхъ, есть надежный щитъ христіанства; что ханъ, столь ужасный для Сигизмундовой державы, не смѣетъ ни дѣломъ, ни словомъ оскорбить Ѳеодора, коему болѣе двухъ сотъ крымскихъ князей и мурзъ служатъ въ войскѣ. Хотя послы уже не оказывали спѣси и грубости, какъ бывало въ Стефаново время, однакожъ не принимали нашего снисходительнаго условія: «владѣть обѣимъ державамъ, чѣмъ владѣютъ». Истощивъ всѣ убѣжденія, царь (1 января 1591) призвалъ на совѣтъ духовенство, бояръ, сановниковъ и рѣшился единственно подтвердить заключенное въ Варшавѣ перемиріе впредь еще на двѣнадцать лѣтъ, съ новымъ условіемъ, чтобы ни шведы насъ, ни мы шведовъ не воевали въ теченіе года. Ѳеодоръ, исполняя древній обычай, далъ присягу въ соблюденіи договора и послалъ окольничаго Салтыкова-Морозова взять такую же съ Сигизмунда.

Россія наслаждалась миромъ, коего не было только въ душѣ правителя!... Устранимъ дѣла внѣшней политики, чтобы говорить о любопытныхъ, важныхъ происшествіяхъ внутреннихъ.

Въ сіе время Борисъ Годуновъ въ глазахъ Россіи и всѣхъ державъ, сносящихся съ Москвою, стоялъ на вышней степени величія какъ полный властелинъ царства, не видя вокругъ себя ничего, кромѣ слугъ безмолвныхъ или громко славословящихъ его высокія достоинства; не только во дворцѣ Кремлевскомъ, въ ближнихъ и дальнихъ краяхъ Россіи, но и внѣ ея, предъ государями и министрами иноземными, знатные сановники царскіе такъ изъяснялись по своему наказу: Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ есть начальникъ земли; она вся приказана ему отъ самодержца, и такъ нынѣ устроена, что люди дивятся и радуются. Цвѣтетъ и воинство, и купечество, и народъ. Грады украшаются каменными зданіями безъ налоговъ, безъ работы невольной, отъ царскихъ избытковъ,

съ богатою платою за трудъ и художество. Земледѣльцы живутъ во льготѣ, не зная даней. Вездѣ правосудіе свято: сильный не обидитъ слабаго; бѣдный сирота идетъ смѣло къ Борису Ѳедоровичу жаловаться на его брата или племянника и сей истинный вельможа обвиняетъ своихъ ближнихъ, даже безъ суда, ибо пристрастенъ къ беззащитнымъ и слабымъ!»—Нескромно хваляся властію и добродѣтелію, Борисъ, равно славолюбивый и хитрый, примыслилъ еще дать новый блескъ своему господству важною церковною новостію.

Имя патріарховъ означало въ древнѣйшія времена христіанства единственно смиренныхъ наставниковъ вѣры, но съ четвертаго вѣка сдѣлалось пышнымъ громкимъ титломъ главныхъ пастырей церкви въ трехъ частяхъ міра, или въ трехъ знаменитѣйшихъ городахъ тогдашней всемірной имперіи: въ Римѣ, въ Александріи и въ Антіохіи. Мѣсто священныхъ воспоминаній, Іерусалимъ, и Константинополь, столица торжествующаго христіанства, были также признаны особенными, великими патріархіями. Сей чести не искала Россія, отъ временъ св. Владиміра до Ѳеодоровыхъ. Византія державная, гордая не согласилась бы на равенство своей іерархіи съ кіевскою или съ московскою; Византія, раба оттомановъ, не отказала бы въ томъ Іоанну III, сыну и внуку его; но они молчали изъ уваженія ли къ первобытному уставу нашей церкви, или опасаясь великимъ именемъ усилить духовную власть ко вреду монаршей. Борисъ мыслилъ иначе: свергнувъ митрополита Діонисія за козни и дерзость, онъ не усомнился возвысить смиреннаго Іова, ему преданнаго, ибо хотѣлъ его важнаго содѣйствія въ своихъ важныхъ намѣреніяхъ. Еще въ 1586 году пріѣзжалъ въ Москву за милостынею антіохійскій патріархъ Іоакимъ, коему царь изъявилъ желаніе учредить патріархію въ Россіи. Іоакимъ далъ слово предложить о томъ собору греческой церкви и предложилъ съ усердіемъ, славя чистоту нашей вѣры. Въ іюлѣ 1588 года, къ великому удовольствію Ѳеодора, явился въ Москвѣ и патріархъ константинопольскій Іеремія. Вся столица была въ движеніи, когда сей главный святитель христіанскій (ибо престолъ византійскаго архіерейства уже давно считался первымъ), старецъ, знаменитый несчастіемъ и добродѣтелію, съ любопытствомъ взирая на ея многолюдство и красоту церквей, благословляя народъ и душевно умиляясь его радостнымъ привѣтствіемъ, ѣхалъ на осляти къ царю по стогнамъ московскимъ; за нимъ ѣхали на коняхъ митрополитъ монемвасійскій (или мальвазійскій) Іероѳей и архіепископъ элассонскій Арсеній. Когда они вошли въ Златую палату, Ѳеодоръ всталъ, чтобы встрѣтить Іеремію въ нѣсколькихъ шагахъ отъ трона, посадилъ близъ себя, съ любовью принялъ дары его: икону съ памятниками страстей Господнихъ, съ каплями Христовой крови, съ мощами св. царя

Константина—и велѣлъ Борису Годунову бесѣдовать съ нимъ наединѣ. Патріарха отвели въ другую комнату, гдѣ онъ разсказалъ Борису свою исторію. Лѣтъ десять управлявъ церковію, Іеремія, обнесенный какимъ-то злымъ грекомъ, былъ сосланъ въ Родосъ, и султанъ, вопреки торжественному обѣту Магомета II не мѣшаться въ дѣла христіанской духовной власти, беззаконно далъ патріаршество Ѳеолипту. Черезъ пять лѣтъ возвратили изгнаннику санъ іерарха; но въ древнемъ храмѣ византійскихъ первосвятителей уже славили Аллу и Магомета; сія церковь сдѣлалась мечетію. «Обливаясь слезами» (говорилъ Іеремія), «я вымолилъ у жестокаго Амурата дозволеніе ѣхать въ земли христіанскія для собранія милостыни, чтобы посвятить новый храмъ истинному Богу въ древней столицѣ православія: гдѣ же, кромѣ Россіи, могъ я найти усердіе, жалость и щедрость?» Далѣе, бесѣдуя съ Годуновымъ, онъ похвалилъ мысль Ѳеодору—имѣть патріарха россійскаго; а лукавый Годуновъ предложилъ сіе достоинство самому Іереміи, съ условіемъ жить во Владимірѣ. Іеремія соглашался, но хотѣлъ жить тамъ, гдѣ царь, то-есть въ Москвѣ, чего не хотѣлъ Годуновъ, доказывая, что несправедливо удалить Іова, мужа святого, отъ московскаго храма Богоматери; что Іеремія, не зная ни языка, ни обычаевъ Россіи, не можетъ быть въ духовныхъ дѣлахъ наставникомъ вѣнценосца безъ толмача, коему непристойно читать въ глубинѣ души государевой. «Да исполнится же воля царская!»—отвѣтствовалъ патріархъ:—«уполномоченный нашею церковію, благословлю и поставлю, кого изберетъ Ѳеодоръ, вдохновенный Богомъ». Въ выборѣ не было сомнѣнія; но для обряда святители россійскіе назначили трехъ кандидатовъ: митрополита Іова, архіепископа новгородскаго Александра, Варлаама ростовскаго, и поднесли докладъ царю, который избралъ Іова. 23 января (1589), послѣ вечерни, сей наименованный первосвятитель, въ епитрахили, въ омофорѣ и въ ризѣ, пѣлъ молебенъ въ храмѣ Успенія, со всѣми епископами, въ присутствіи царя и безчисленнаго множества людей; вышелъ изъ алтаря и сталъ на амвонѣ, держа въ рукѣ свѣчу, а въ другой письмо благодарственное къ государю и къ духовенству. Тутъ одинъ изъ знатныхъ сановниковъ приблизился къ нему, держа въ рукѣ также пылающую свѣчу, и сказалъ громко: «Православный царь, вселенскій патріархъ и соборъ освященный возвышаютъ тебя на престолъ владимірскій, московскій и всея Россіи». Іовъ отвѣтствовалъ: «Я рабъ грѣшный; но если самодержецъ, вселенскій господинъ Іеремія и соборъ удостоиваютъ меня столь великаго сана, то пріемлю его съ благодареніемъ»; смиренно преклонилъ главу, обратился къ духовенству, къ народу, и съ умиленіемъ произнесъ обѣтъ ревностно блюсти ввѣренное ему отъ Бога стадо. Симъ исполнился уставъ избранія; торжественное же посвященіе совершилось 26

января, на литургіи, какъ обыкновенно ставили митрополитовъ и епископовъ, безъ всякихъ новыхъ обрядовъ. Среди великой или соборной церкви, на помостѣ, былъ изображенъ мѣломъ орелъ двоеглавый и сдѣланъ ѳеатромъ о двѣнадцати степеняхъ и двѣнадцати огненникахъ: тамъ старѣйшій пастырь восточнаго православія, благословивъ Іова какъ сопрестольника великихъ отцовъ христіанства и возложивъ на него дрожащую руку, молился, да будетъ сей архіерей Іисусовъ неугасаемымъ свѣтильникомъ вѣры. Имѣя на главѣ митру съ крестомъ и съ короною, новопоставленный московскій патріархъ священнодѣйствовалъ вмѣстѣ съ византійскимъ, и когда, отпѣвъ литургію, разоблачился, государь собственною рукою возложилъ на него драгоцѣнный крестъ съ животворящимъ древомъ, бархатную зеленую мантію съ источниками или полосами, низанными жемчугомъ, и бѣлый клобукъ съ знаменіемъ креста, подалъ ему жезлъ св. Петра митрополита и въ привѣтственной рѣчи велѣлъ именоваться главою епископовъ, отцомъ отцовъ, патріархомъ всѣхъ земель сѣверныхъ, по милости Божіей и волѣ царской. Іовъ благословилъ Ѳеодора и народъ, а лики многолѣтствовали царю и двумъ первосвятителямъ, византійскому и московскому, которые сидѣли съ нимъ рядомъ на стульяхъ. Вышедъ изъ церкви, Іовъ, провожаемый двумя епископами, боярами, многими чиновниками, ѣздилъ на осляти вокругъ стѣнъ кремлевскихъ, кропя ихъ святою водою, осѣняя крестомъ, читая молитвы о цѣлости града и вмѣстѣ съ Іереміею, со всѣмъ духовенствомъ, синклитомъ обѣдалъ у государя.

Чтобы утвердить достоинство и права россійскаго священноначалія, написали уставную грамоту, изъясняя въ ней, что Ветхій Римъ палъ отъ ереси Аполлинаріевой; что Новый Римъ, Константинополь, обладаемъ безбожными племенами агарянскими; что третій Римъ есть Москва; что вмѣсто лжепастыря Западной церкви, омраченной духомъ суемудрія, первый вселенскій святитель есть патріархъ константинопольскій, второй александрійскій, третій московскій и всея Россіи, четвертый антіохійскій, пятый іерусалимскій; что въ Россіи должно молиться о греческихъ, а въ Греціи о нашемъ, который впредь, до скончанія вѣка, будетъ избираемъ и посвящаемъ въ Москвѣ независимо отъ ихъ согласія или одобренія. Къ наружнымъ отличіямъ сего архипастыря нашей церкви прибавили слѣдующія: «Выходъ его долженъ быть всегда съ лампадою, съ пѣніемъ и звономъ; для облаченія имѣть ему амвонъ о трехъ степеняхъ; въ будни носить клобукъ съ серафимами и крестами обнизными, мантіи объяринныя и всякія иныя съ полосами; ходить въ пути съ крестомъ и жезломъ, ѣздить на шести коняхъ. Тогда же государь съ двумя патріархами соборно уложилъ быть въ Россіи четыремъ митрополитамъ: новгородскому, казанскому, ростовско-

му и крутицкому; шести архіепископамъ: вологодскому, суздальскому, нижегородскому, смоленскому, рязанскому, тверскому,—и осьми епископамъ: псковскому, ржевскому, устюжскому, бѣлоозерскому, коломенскому, сѣверскому, дмитровскому.

Участвуя болѣе именемъ, нежели дѣломъ, въ сихъ церковныхъ распоряженіяхъ, Іеремія, митрополитъ монемвасійскій и архіепископъ элассонскій, ѣздили между тѣмъ въ лавру Сергіеву, гдѣ, равно какъ и въ московскихъ храмахъ, удивлялись богатству иконъ, сосудовъ, ризъ служебныхъ; въ столицѣ обѣдали у патріарха Іова, славя мудрость его бесѣды, славили также высокія достоинства Годунова и рѣдкій умъ старца Андрея Щелкалова; всего же болѣе хвалили щедрость россійскую, ибо ихъ непрестанно дарили серебряными кубками, ковшами, перлами, шелковыми тканями, соболями, деньгами. Представленные царицѣ, они восхитились ея святостію, смиреннымъ величіемъ, ангельскою красотою, сладостію рѣчей, равно какъ и наружнымъ великолѣпіемъ. На ней была корона съ двѣнадцатью жемчужными зубцами, діадима и на груди златая цѣпь, украшенная драгоцѣнными каменьями; одежда бархатная, длинная, обсаженная крупнымъ жемчугомъ, и мантія не менѣе богатая. Подлѣ царицы стоялъ царь, а съ другой стороны Борисъ Годуновъ, безъ шапки, смиренно и благоговѣйно; далѣе многія жены знатныя въ бѣлой одеждѣ, сложивъ руки. Ирина съ умиленіемъ просила святителей греческихъ молить Бога, чтобы Онъ даровалъ ей сына, наслѣдника державѣ—«и всѣ мы, тронутые до глубины сердца» (говоритъ архіепископъ элассонскій въ описаніи своего путешествія въ Москву) «вмѣстѣ съ нею, обливаясь слезами, единогласно возвали ко Всевышнему, да исполнится чистое, столь усердное моленіе сей души благочестивой!» — Наконецъ, государь (въ маѣ 1589) отпустилъ Іеремію въ Константинополь, съ письмомъ къ султану, убѣждая его не тѣснить христіанъ, и сверхъ даровъ послалъ туда 1,000 рублей, или 2,000 золотыхъ монетъ венгерскихъ, на строеніе новой патріаршей церкви, къ живѣйшей признательности всего греческаго духовенства, которое, соборною грамотою одобривъ учрежденіе московской патріархіи, доставило Ѳеодору сію хартію (въ іюнѣ 1591) чрезъ митрополита терновскаго, вмѣстѣ съ мощами святыхъ и съ двумя коронами, для царя и царицы.

Такимъ образомъ установилась новая верховная степень въ нашей іерархіи, чрезъ 110 лѣтъ испроверженная самодержцемъ великимъ, какъ безполезная для церкви и вредная для единовластія государей, хотя разумный учредитель ея не далъ тѣмъ духовенству никакой новой государственной силы и, перемѣнивъ имя, оставилъ іерарха въ полной зависимости отъ вѣнценосца. Петръ I зналъ исторію Никона и раздѣлилъ, чтобы ослабить, власть духовную; онъ уничтожилъ бы и санъ митрополита, если бы въ его время,

какъ въ Іоанново или въ древнѣйшія, одинъ митрополитъ управлялъ россійскою церковію. Петръ царствовалъ и хотѣлъ только слугъ; Годуновъ, еще называясь подданнымъ, искалъ опоры, ибо предвидѣлъ обстоятельства, въ коихъ дружба царицы не могла быть достаточна для его властолюбія и спасенія, обуздывалъ бояръ, но читалъ въ ихъ сердцѣ злую зависть, ненависть справедливую къ убійцѣ Шуйскихъ; имѣлъ друзей, но они имъ держались и съ нимъ бы пали или измѣнили бы ему въ превратности рока; благотворилъ народу, но худо вѣрилъ его благодарности въ невольномъ чувствѣ своихъ внутреннихъ недобродѣтельныхъ побужденій къ добру и зналъ, что сей народъ въ случаѣ важномъ обратитъ взоръ недоумѣнія на бояръ и духовенство. Годуновъ на мѣстѣ Петра Великаго могъ бы также уничтожить санъ патріарха; но, будучи въ иныхъ обстоятельствахъ, хотѣлъ польстить честолюбію Іова титломъ высокимъ, чтобы имѣть въ немъ тѣмъ усерднѣйшаго и знаменитѣйшаго пособника, ибо наступалъ часъ рѣшительный, и самовластный вельможа дерзнулъ, наконецъ, приподнять для себя завѣсу будущаго!

Если бы Годуновъ и не хотѣлъ ничего болѣе, имѣя все, кромѣ Ѳеодоровой короны, то и въ семъ предположеніи могъ ли бы онъ спокойно наслаждаться величіемъ, помышляя о близкой кончинѣ царя, слабаго не только духомъ, но и тѣломъ, о законномъ его наслѣдникѣ, воспитываемомъ матерью и родными въ явной, хотя и въ честной ссылкѣ, въ ненависти къ правителю, въ чуствахъ злобы и мести? Что ожидало въ такомъ случаѣ Ирину? монастырь: Годунова? темница или плаха — того, кто мановеніемъ двигалъ царство, ласкаемый царями Востока и Запада!... Уже дѣла обнаружили душу Борисову: въ ямахъ, на лобномъ мѣстѣ изгибли несчастные, коихъ опасался правитель. Кто же былъ для него опаснѣе Димитрія?

Но Годуновъ еще томился душевнымъ гладомъ и желалъ, чего не имѣлъ. Надменный своими достоинствами и заслугами, славою и лестію, упоенный счастіемъ и могуществомъ, волшебнымъ для души самой благородной, кружась на высотѣ, куда не восходилъ дотолѣ ни одинъ изъ подданныхъ Россійской державы, Борисъ смотрѣлъ еще выше, и съ дерзкимъ вожделѣніемъ: хотя властвовалъ безпрекословно, но не своимъ именемъ, сіялъ только заимствованнымъ свѣтомъ, долженъ былъ въ самой надменности трудить себя личиною смиренія, торжественно унижаться предъ тѣнію царя и бить ему челомъ вмѣстѣ съ рабами. Престолъ казался Годунову не только святымъ, лучезарнымъ мѣстомъ истинной, самобытной власти, но и райскимъ мѣстомъ успокоенія, до коего стрѣлы вражды и зависти не досягаютъ и гдѣ смертный пользуется какъ бы божественными правами. Сія мечта о прелестяхъ верховнаго державства представлялась Годунову живѣе и живѣе, болѣе и болѣе волнуя въ

немъ сердце, такъ что онъ наконецъ непрестанно занимался ею. Лѣтописецъ разсказываетъ слѣдующее любопытное, хотя и сомнительное, обстоятельство: «Имѣя умъ рѣдкій, Борисъ вѣрилъ, однакожъ, искусству гадателей, призвалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ тихій часъ ночи и спрашивалъ, что ожидаетъ его въ будущемъ? Льстивые волхвы или звѣздочеты отвѣтствовали: тебя ожидаетъ вѣнецъ... но вдругъ умолкли, какъ бы испуганные дальнѣйшимъ предвидѣніемъ . Нетерпѣливый Борисъ велѣлъ имъ договорить, услышалъ, что ему царствовать только семь лѣтъ, и, съ живѣйшею радостію обнявъ предсказателей, воскликнулъ: «хотя бы семь дней, но только царствовать!» Столь нескромно Годуновъ открылъ будто бы внутренность души мнимымъ мудрецамъ суевѣрнаго вѣка! По крайней мѣрѣ онъ уже не таился отъ самого себя, зналъ, чего хотѣлъ! Ожидая смерти бездѣтнаго царя, располагая волею царицы, наполнивъ Думу, дворъ, приказы родственниками и друзьями, не сомнѣваясь въ преданности великоименитаго іерарха церкви, надѣясь также на блескъ своего правленія и замышляя новыя хитрости, чтобы овладѣть сердцемъ или воображеніемъ народа, Борисъ не страшился случая, безпримѣрнаго въ нашемъ отечествѣ отъ временъ Рюриковыхъ до Ѳеодоровыхъ: трона упраздненнаго, конца племени державнаго, мятежа страстей въ выборѣ новой династіи, и твердо увѣренный, что скипетръ, выпавъ изъ руки послѣдняго вѣнценосца Мономаховой крови, будетъ врученъ тому, кто уже давно и славно царствовалъ безъ имени царскаго, сей алчный властолюбецъ видѣлъ между собою и престоломъ одного младенца безоружнаго, какъ алчный левъ видитъ агнца!... Гибель Димитріева была неизбѣжна!

Приступая къ исполненію своего ужаснаго намѣренія, Борисъ мыслилъ сперва объявить злосчастнаго царевича незаконнорожденнымъ, какъ сына шестой или седьмой Іоанновой супруги, не велѣлъ молиться о немъ и поминать его имени на литургіи; но разсудивъ, что сіе супружество, хотя и дѣйствительно беззаконное, было однакожъ утверждено или терпимо церковною властію, которая торжественнымъ уничтоженіемъ онаго призналась бы въ своей человѣческой слабости, къ двойному соблазну христіанъ; что Димитрій, не взирая на то, во мнѣніи людей остался бы царевичемъ, единственнымъ Ѳеодоровымъ наслѣдникомъ—Годуновъ прибѣгнулъ къ вѣрнѣйшему способу устранить совмѣстника, оправдываясь слухомъ, безъ сомнѣнія его же друзьями распущеннымъ, о мнимой преждевременной наклонности Димитріевой ко злу и къ жестокости. Въ Москвѣ говорили всенародно (слѣдственно безъ страха оскорбить царя и правителя), что сей младенецъ, еще имѣя не болѣе шести или семи лѣтъ отъ роду, есть будто бы совершенное подобіе отца: любитъ муки и кровь, съ веселіемъ смотритъ на убіеніе жи-

вотныхъ, даже самъ убиваетъ ихъ. Сею сказкою хотѣли произвести ненависть къ Димитрію въ народѣ; выдумали и другую для сановниковъ знатныхъ. Разсказывали, что царевичъ, играя однажды на льду съ другими дѣтьми, велѣлъ сдѣлать изъ снѣгу двадцать человѣческихъ изображеній, назвалъ оныя именами первыхъ мужей государственныхъ, поставилъ рядомъ и началъ рубить саблею; изображенію Бориса Годунова отсѣкъ голову, инымъ руки и ноги, приговаривая: «такъ вамъ будетъ въ мое царствованіе!» Въ противность клеветѣ нелѣпой, многіе утверждали, что юный царевичъ оказываетъ умъ и свойства, достойныя отрока державнаго; говорили о томъ съ умиленіемъ и страхомъ, ибо угадывали опасность невиннаго младенца; видѣли цѣль клеветы—и не обманулись. Если Годуновъ боролся съ совѣстію, то уже побѣдилъ ее, и, приготовивъ легковѣрныхъ людей услышать безъ жалости о злодѣйствѣ, держалъ въ рукѣ ядъ и ножъ для Димитрія, искалъ только, кому отдать ихъ для совершенія убійства.

Довѣренность, откровенность свойственна ли въ такомъ умыслѣ гнусномъ? Но Борисъ, имѣя нужду въ пособникахъ, открылся ближнимъ, изъ коихъ одинъ, дворецкій Григорій Васильевичъ Годуновъ, залился слезами, изъявляя жалость, человѣчество, страхъ Божій. Его удалили отъ совѣта. Всѣ другіе думали, что смерть Димитріева необходима для безопасности правителя и для государственнаго блага. Начали съ яда. Мамка царевича, боярыня Василиса Волохова, и сынъ ея, Осипъ, продавъ Годунову свою душу, служили ему орудіемъ; но зеліе смертоносное не вредило младенцу, по словамъ лѣтописца, ни въ яствахъ, ни въ питіи, можетъ быть, совѣсть еще дѣйствовала въ исполнителяхъ адской воли; можетъ быть, дрожащая рука бережно сыпала отраву, уменьшая мѣру ея, къ досадѣ нетерпѣливаго Бориса, который рѣшился употребить иныхъ, смѣлѣйшихъ злодѣевъ. Выборъ палъ на двухъ чиновниковъ, Владиміра Загряжскаго и Никифора Чепчугова, одолженныхъ милостями правителя; но оба уклонились отъ сдѣланнаго имъ предложенія: готовые умереть за Бориса, мерзили душегубствомъ; обязались только молчать, и съ сего времени были гонимы. Тогда усерднѣйшій клевретъ Борисовъ, дядька царскій, окольничій Андрей Луппъ-Клешнинъ, представилъ человѣка надежнаго, дьяка Михайла Битяговскаго, ознаменованнаго на лицѣ печатью звѣрства, такъ что дикій видъ его ручался за вѣрность во злѣ. Годуновъ высыпалъ золото, обѣщалъ болѣе и совершенную безопасность, велѣлъ извергу ѣхать въ Угличъ, чтобы править тамъ земскими дѣлами и хозяйствомъ вдовствующей царицы, не спускать глазъ съ обреченной жертвы и не упустить первой минуты благопріятной. Битяговскій далъ и сдержалъ слово.

Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали въ Угличъ сынъ его Данило и пле-

мянникъ Никита Качаловъ, также удостоенные совершенной довѣренности Годунова. Успѣхъ казался легкимъ: съ утра до вечера они могли быть у царицы, занимаясь ея домашнимъ обиходомъ, надзирая надъ слугами и надъ столомъ; а мамка Димитріева съ сыномъ помогала имъ совѣтомъ и дѣломъ. Но Димитрія хранила нѣжная мать! Извѣщенная ли нѣкоторыми тайнами доброжелателями или своимъ сердцемъ, она удвоила попеченія о миломъ сынѣ, не разставалась съ нимъ ни днемъ, ни ночью, выходила изъ комнаты только въ церковь, питала его изъ собственныхъ рукъ, не ввѣряла ни злой мамкѣ Волоховой, ни усердной кормилицѣ, Иринѣ Ждановой. Прошло не мало времени; наконецъ убійцы, не видя возможности совершить злодѣяніе втайнѣ, дерзнули на явное, въ надеждѣ, что хитрый и сильный Годуновъ найдетъ способъ прикрыть оное для своей чести въ глазахъ рабовъ безмолвныхъ, ибо думали о людяхъ, не о Богѣ! Насталъ день, ужасный происшествіемъ и слѣдствіями долговременными. 15 мая, въ субботу, въ шестомъ часу дня, царица возвратилась съ сыномъ изъ церкви и готовилась обѣдать; братьевъ ея не было во дворцѣ, слуги носили кушанье. Въ сію минуту боярыня Волохова позвала Димитрія гулять на дворъ; царица, думая идти съ нимъ же, въ какомъ-то несчастномъ разсѣяніи остановилась. Кормилица удерживала царевича, сама не зная для чего; но мамка силою вывела его изъ горницы въ сѣни и къ нижнему крыльцу, гдѣ явились Осипъ Волоховъ, Данило Битяговскій, Никита Качаловъ. Первый, взявъ Димитрія за руку, сказалъ: «государь, у тебя новое ожерелье». Младенецъ, съ улыбкою невинности поднявъ голову, отвѣчалъ: «нѣтъ, старое»... Тутъ блеснулъ надъ нимъ убійственный ножъ, едва коснулся гортани его и выпалъ изъ рукъ Волохова. Закричавъ отъ ужаса, кормилица обняла своего державнаго питомца. Волоховъ бѣжалъ, но Данило Битяговскій и Качаловъ вырвали жертву, зарѣзали и кинулись внизъ съ лѣстницы въ самое то мгновеніе, когда царица вышла изъ сѣней на крыльцо... Девятилѣтній святый мученикъ лежалъ окровавленный въ объятіяхъ той, которая воспитала и хотѣла защитить его своей грудью; онъ трепеталъ какъ голубь, испуская духъ, и скончался, уже не слыхавъ вопля отчаянной матери... Кормилица указывала на безбожную мамку, смятенную злодѣйствомъ, и на убійцъ, бѣжавшихъ дворомъ къ воротамъ. Некому было остановить ихъ, но Всевышній Мститель присутствовалъ!

Чрезъ минуту весь городъ представилъ зрѣлище мятежа неизъяснимаго. Пономарь соборной церкви—самъ ли, какъ пишутъ, видѣвъ убійство, или извѣщенный о томъ слугами царицы,—ударилъ въ набатъ и всѣ улицы наполнились людьми, встревоженными, изумленными, бѣжали на звукъ колокола, смотрѣли дыма, пламени, думая, что горитъ дворецъ; вломились въ его ворота, увидѣли ца-

ревича мертваго на землѣ, подлѣ него лежали мать и кормилица безъ памяти; но имена злодѣевъ были уже произнесены ими. Сіи изверги, невидимымъ Судіею ознаменованные для праведной казни, не успѣли или боялись скрыться, чтобы не обличить тѣмъ своего дѣла, въ замѣшательствѣ, въ изступленіи, устрашенные набатомъ, шумомъ, стремленіемъ народа, вбѣжали въ избу разрядную: А тайный вождь ихъ Михайло Битяговскій бросился на колокольню, чтобы удержать звонаря, не могъ отбить запертой имъ двери и безстрашно явился на мѣстѣ злодѣянія, приблизился къ трупу убіеннаго, хотѣлъ утишить народное волненіе, дерзнулъ сказать гражданамъ (заблаговременно изготовивъ сію ложь съ Клешнинымъ или Борисомъ), что младенецъ умертвилъ самъ себя ножемъ въ падучей болѣзни. «Душегубецъ!» завопили толпы; камни посыпались на злодѣя. Онъ искалъ убѣжища во дворцѣ, съ однимъ изъ клевретовъ своихъ, Даниломъ Третьяковымъ. Народъ схватилъ, убилъ ихъ, также и сына Михайлова и Никиту Качалова, выломавъ дверь разрядной избы. Третій убійца, Осипъ Волоховъ, ушелъ въ домъ Михайла Битяговскаго; его взяли, привели въ церковь Спаса, гдѣ уже стоялъ гробъ Димитріевъ, и тамъ умертвили въ глазахъ царицы. Умертвили еще слугъ Михайловыхъ, трехъ мѣщанъ, уличенныхъ или подозрѣваемыхъ въ согласіи съ убійцами, и женку юродивую, которая жила у Битяговскаго и часто ходила во дворецъ, но мамку оставили живую для важныхъ показаній, ибо злодѣи, издыхая, облегчили свою совѣсть, какъ пишутъ, искреннимъ признаніемъ, наименовали и главнаго виновника Димитріевой смерти, Бориса Годунова. Вѣроятно, что устрашенная мамка также не запиралась въ адскомъ ковѣ. Но судіею преступленія былъ самъ преступникъ!

Беззаконно совершивъ месть, хотя и праведную, отъ ненависти къ злодѣямъ, отъ любви къ царской крови забывъ гражданскіе уставы, извиняемый чувствомъ усердія, но виновный предъ судилищемъ государственной власти, народъ опомнился, утихъ и съ безпокойствомъ ждалъ указа изъ Москвы, куда градоначальники послали гонца съ донесеніемъ о бѣдственномъ происшествіи, безъ всякой утайки, надписавъ бумагу на имя царя. Но Годуновъ бодрствовалъ. Вѣрные ему чиновники были разставлены по Углицкой дорогѣ; всѣхъ ѣдущихъ задерживали, спрашивали, осматривали; схватили гонца и привели къ Борису. Желаніе злого властолюбца исполнилось! Надлежало только затмить истину ложью, если не для совершеннаго удостовѣренія людей безпристрастныхъ, то по крайней мѣрѣ для вида, для пристойности. Взяли и переписали грамоты углицкія: сказали въ нихъ, что царевичъ въ судорожномъ припадкѣ закололъ себя ножемъ отъ небреженія Нагихъ, которые, закрывая вину свою, безстыдно оклеветали дьяка Битяговскаго и ближнихъ

его въ убіеніи Димитрія, взволновали народъ, злодѣйски истерзали невинныхъ. Съ симъ подлогомъ Годуновъ спѣшилъ къ Ѳеодору, лицемѣрно изъявляя скорбь душевную, трепеталъ, смотрѣлъ на небо—и вымолвивъ ужасное слово о смерти Димитріевой, смѣшалъ слезы крокодиловы съ искренними слезами добраго, нѣжнаго брата. Царь, по словамъ лѣтописца, горько плакалъ, долго безмолвствуя, наконецъ сказалъ: «да будетъ воля Божія!» и всему повѣрилъ. Но требовалось чего-нибудь болѣе для Россіи. Хотѣли оказать усердіе въ изслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ сего несчастія. Ни мало не медля, послали для того въ Угличъ двухъ знатныхъ сановниковъ государственныхъ—и кого же? Окольничаго Андрея Клешнина, главнаго Борисова пособника въ злодѣйствѣ! Не дивились сему выбору, могли удивляться другому: боярина князя Василія Ивановича Шуйскаго, коего старшій братъ, князь Андрей, погибъ отъ Годунова, и который самъ нѣсколько лѣтъ ждалъ отъ него гибели, будучи въ опалѣ. Но хитрый Борисъ уже примирился съ симъ княземъ честолюбивымъ, легкомысленнымъ, умнымъ, безъ правилъ добродѣтели, и съ меньшимъ его братомъ Димитріемъ, женивъ послѣдняго на своей юной своячинѣ и давъ ему санъ боярина. Годуновъ зналъ людей и не ошибся въ князѣ Василіи, оказавъ такимъ выборомъ мнимую неустрашимость, мнимое безпристрастіе. 19 мая, ввечеру, князь Шуйскій, Клешнинъ и дьякъ Вылузгинъ пріѣхали въ Угличъ, а съ ними и крутицкій митрополитъ, прямо въ церковь св. Преображенія.

Тамъ еще лежало Димитріево тѣло окровавленное и на тѣлѣ ножъ убійцъ. Злосчастная мать, родные и всѣ добрые граждане плакали горько. Шуйскій съ изъявленіемъ чувствительности приступилъ ко гробу, чтобы видѣть лицо мертваго, осмотрѣть язву; но Клешнинъ, увидавъ сіе ангельское, мирное лицо, кровь и ножъ, затрепеталъ, оцѣпенѣлъ, стоялъ неподвижно, обливаясь слезами, не могъ произнести ни единаго слова: онъ еще имѣлъ совѣсть! Глубокая язва Димитріева, гортань, перерѣзанная рукою сильнаго злодѣя, не собственною, не младенческою, свидѣтельствовала о несомнительномъ убіеніи. Для того спѣшили предать землѣ святыя мощи невинности, митрополитъ отпѣлъ ихъ, и князь Шуйскій началъ свои допросы,—памятникъ его безсовѣстной лживости, сохраненный временемъ какъ бы въ оправданіе бѣдствій, которыя чрезъ нѣсколько лѣтъ пали на главу, уже вѣнценосную, сего слабаго, если и не безбожнаго человѣкоугодника! Собравъ духовенство и гражданъ, онъ спросилъ у нихъ, какимъ образомъ Димитрій, отъ небреженія Нагихъ, закололъ самъ себя? Единодушно, единогласно иноки, священники, мужи и жены, старцы и юноши отвѣтствовали: царевичъ убіенъ своими рабами, Михайломъ Битяговскимъ съ клевретами, по волѣ Бориса Годунова. Шуйскій не слушалъ далѣе,

распустилъ ихъ, рѣшился допрашивать тайно, особенно, не міромъ, дѣйствуя угрозами и обѣщаніями, призывалъ, кого хотѣлъ, писалъ, что хотѣлъ,—и наконецъ, вмѣстѣ съ Клешнинымъ и съ дьякомъ Вылузгинымъ, составилъ слѣдующее донесеніе царю, основанное будто бы на показаніяхъ городскихъ чиновниковъ, мамки Волоховой, жильцовъ или царевичевыхъ дѣтей боярскихъ, Димитріевой кормилицы Ирины, постельницы Марьи Самойловой, двухъ Нагихъ: Григорія и Андрея Александрова, царицыныхъ ключниковъ и стряпчихъ, нѣкоторыхъ гражданъ и духовныхъ особъ: «Димитрій, въ среду мая 12, занемогъ падучею болѣзнію; въ пятницу ему стало лучше, онъ ходилъ съ царицею къ обѣднѣ и гулялъ на дворѣ; въ субботу, также послѣ обѣдни, вышелъ гулять на дворъ съ мамкою, кормилицею, постельницею и съ молодыми жильцами, началъ играть съ ними ножемъ въ тычку и въ новомъ припадкѣ чернаго недуга проткнулъ себѣ горло ножомъ, долго бился о землю и скончался. Имѣя сію болѣзнь и прежде, Димитрій однажды уязвилъ свою мать, а въ другой разъ объѣлъ руку дочери Андрея Нагаго. Узнавъ о несчастіи сына, царица прибѣжала и начала бить мамку, говоря, что его зарѣзали Волоховъ, Качаловъ, Данило Битяговскій, изъ коихъ ни одного тутъ не было; но царица и пьяный братъ ея Михайло Нагой велѣли умертвить ихъ и дьяка Битяговскаго безвинно, единственно за то, что сей усердный дьякъ не удовлетворялъ корыстолюбію Нагихъ и не давалъ имъ денегъ сверхъ указа государева. Свѣдавъ, что сановники царскіе ѣдутъ въ Угличъ, Михайло Нагой велѣлъ принести нѣсколько самопаловъ, ножей, желѣзную палицу, вымазать оные кровью и положить на тѣла убитыхъ, въ обличеніе ихъ мнимаго злодѣянія». Сію нелѣпость утвердили своею подписью воскресенскій архимандритъ Ѳеодоритъ, два игумена и духовникъ Нагихъ, отъ робости и малодушія, а свидѣтельство истины, мірское единогласное, было утаено; записали только отвѣты Михайла Нагого, какъ бы явнаго клеветника, упрямо стоящаго въ томъ, что Димитрій погибъ отъ руки злодѣевъ.

Шуйскій, возвратясь въ Москву, 2 іюня представилъ свои допросы государю; государь же отослалъ ихъ къ патріарху и святителямъ, которые въ общей думѣ съ боярами велѣли читать сей свитокъ знатному дьяку Василію Щелкалову. Выслушавъ, митрополитъ крутицкій Геласій всталъ и сказалъ Іову: «Объявляю священному собору, что вдовствующая царица, въ день моего отъѣзда изъ Углича, призвала меня къ себѣ и слезно убѣждала смягчить гнѣвъ государевъ на тѣхъ, которые умертвили дьяка Битяговскаго и товарищей его; что она сама видитъ въ семъ дѣлѣ преступленіе, моля смиренно, да не погубитъ государь ея бѣдныхъ родственниковъ». Лукавый Геласій—исказивъ, вѣроятно, слова несчастной матери—подалъ Іову новую бумагу отъ имени городового углицкаго

приказчика, который писалъ въ ней, что Димитрій дѣйствительно умеръ въ черномъ недугѣ, а Михайло Нагой пьяный велѣлъ народу убить невинныхъ... И соборъ (воспоминаніе горестное для церкви) поднесъ Ѳеодору докладъ такого содержанія: «Да будетъ воля государева! Мы же удостовѣрились несомнительно, что жизнь царевича прекратилась судомъ Божіимъ: что Михайло Нагой есть виновникъ кровопролитія ужаснаго, дѣйствовалъ по внушенію личной злобы и совѣтовался съ злыми вѣщунами, съ Андреемъ Мочаловымъ и съ другими; что граждане углицкіе вмѣстѣ съ нимъ достойны казни за свою измѣну и беззаконіе. Но сіе дѣло есть земское: вѣдаетъ оное Богъ и государь; въ рукѣ державнаго опала и милость. А мы должны единственно молить Всевышняго о царѣ и царицѣ, о тишинѣ и благоденствіи народа!» Ѳеодоръ велѣлъ боярамъ рѣшить дѣло и казнить виновныхъ. Привезли въ Москву Нагихъ, кормилицу Димитріеву съ мужемъ и мнимаго вѣщуна Мочалова, въ тяжкихъ оковахъ; снова допрашивали, пытали, особенно Михайла Ногого, и не могли вынудить отъ него лжи о самоубійствѣ Димитрія; наконецъ сослали всѣхъ Нагихъ въ отдаленные города и заключили въ темницы; вдовствующую царицу, неволею постриженную, отвезли въ дикую пустыню св. Николая на Выксѣ (близъ Череповца); тѣла злодѣевъ, Битяговскаго и товарищей его, кинутыя углицкимъ народомъ въ яму, вынули, отпѣли въ церкви и предали землѣ съ великою честію, а гражданъ тамошнихъ, объявленныхъ убійцами невинныхъ, казнили смертію, числомъ около двухъ сотъ; другимъ отрѣзали языки, многихъ заточили; большую часть вывели въ Сибирь и населили ими городъ Пелымъ, такъ что древній, обширный Угличъ, гдѣ было, если вѣрить преданію, 150 церквей и не менѣе тридцати тысячъ жителей, опустѣлъ навѣки, въ память ужаснаго Борисова гнѣва на смѣлыхъ обличителей его дѣла. Остались развалины, вопія къ Небу о мести!

Карая великодушіе, Годуновъ съ такою же дерзостію наградилъ злодѣяніе, давъ богатыя земли и помѣстья гнусной мамкѣ Волоховой, женѣ и дочерямъ Битяговскаго; осыпалъ дарами мужей думныхъ и всѣхъ знатныхъ сановниковъ, ласкалъ ихъ, угощалъ обѣдами роскошными (не могъ успокоить одного Клешнина, въ терзаніяхъ совѣсти умершаго чрезъ нѣсколько лѣтъ схимникомъ)... Но въ безмолвіи двора и церкви слышенъ былъ ропотъ народа, не обманутаго ни слѣдствіемъ Шуйскаго, ни приговоромъ святителей, ни судомъ боярскимъ: лазутчики Годунова слышали вполголоса произносимыя слова о страшномъ закланіи, тайномъ его виновникѣ, жалостномъ ослѣпленіи царя, безсовѣстномъ потворствѣ вельможъ и духовенства; видѣли въ толпахъ печальныя лица. Борисъ, тревожимый молвою, нашелъ способъ утишить оную,

въ великомъ бѣдствіи, которое тогда постигло столицу. Наканунѣ Троицы, въ отсутствіе государя, уѣхавшаго съ боярами въ лавру св. Сергія, запылалъ въ Москвѣ дворъ колымажный, и въ нѣсколько часовъ сгорѣли улицы Арбатская, Никитская, Тверская, Петровская до Трубы, весь Бѣлый городъ и за нимъ дворъ посольскій, слободы Стрѣлецкія, все Занеглинье: домы, лавки, церкви и множество людей. Кремль и Китай, гдѣ жило знатное дворянство, уцѣлѣли; но граждане остались безъ крова, нѣкоторые и безъ имѣнія. Стонъ и вой раздавались среди обширнаго пепелища, и люди толпами бѣжали на Троицкую дорогу встрѣтить Ѳеодора, требовать его милости и помощи. Борисъ не допустилъ ихъ до царя, явился между ними съ видомъ любви и сожалѣнія, всѣхъ выслушалъ, всѣмъ обѣщалъ и сдѣлалъ обѣщанное, выстроилъ цѣлыя улицы, раздавалъ деньги, льготныя грамоты, оказывалъ щедрость безпримѣрную, такъ что москвитяне, утѣшенные, изумленные сими благодѣяніями, начали ревностно славить Годунова. Случайно ли воспользовался онъ несчастіемъ столицы для пріобрѣтенія любви народной или былъ тайнымъ виновникомъ онаго, какъ утверждаетъ лѣтописецъ и какъ думали многіе изъ современниковъ? Въ самыхъ разрядныхъ книгахъ сказано, что Москву жгли тогда злодѣи; но Борисъ хотѣлъ обратить сіе подозрѣніе на своихъ ненавистниковъ: взяли людей Аѳанасія Нагого и братьевъ его, допрашивали и говорили, что они уличаются въ злодѣйствѣ; однакожъ не казнили ихъ, и дѣло осталось неяснымъ для потомства.

Скоро и другой, какъ бы благопріятный для Годунова случай, великою, неожиданною опасностію взволновавъ Москву и всю Россію, отвлекъ мысли народа отъ ужасной Димитріевой смерти: нашествіе варваровъ. Маня Ѳеодора увѣреніемъ въ дружествѣ, ханъ Казы-Гирей сносился съ королемъ шведскимъ, требовалъ отъ него золота, обѣщалъ сильнымъ впаденіемъ поколебать Москву и дѣйствительно къ тому готовился, исполняя приказъ султана, врага нашего, и будучи самъ недоволенъ Россіею. Во-первыхъ, онъ свѣдалъ, что мы тайно извѣстили литовскихъ пановъ о намѣреніи его снова идти на ихъ землю и предлагали имъ общими силами воевать Тавриду (о чемъ, вѣроятно, далъ ему знать Сигизмундъ); во-вторыхъ, Ѳеодоръ не отпустилъ царевича Мурата къ хану, который убѣдилъ сего племянника забыть старое и хотѣлъ сдѣлать калгою или главнымъ вельможею орды Таврической. Муратъ жилъ въ Астрахани, неизмѣнно усердствовалъ Россіи, обуздывалъ ногаевъ и, къ искреннему сожалѣнію Ѳеодора, скоропостижно умеръ, испорченный, какъ думали, подосланными къ нему изъ Крыма злодѣями; но ханъ утверждалъ, что россіяне ядомъ отравили Мурата и клялися отмстить имъ. Третьею виною Казы-Гиреева ополченія на Россію была мысль его князей, что каждый добрый ханъ обя-

занъ, въ исполненіе древняго обычая, хотя однажды видѣть берега Оки для снисканія воинской чести, то-есть они желали русской добычи и вѣрили бывшему у нихъ послу шведскому, что все наше войско занято войною съ королемъ его. Мы всегда имѣли друзей и лазутчиковъ въ Крыму, чтобы знать не только дѣйствія, но и всѣ замыслы хановъ; въ сіе время находились тамъ и гонцы московскіе; слѣдственно ханъ не могъ утаить отъ насъ своего вооруженія чрезвычайнаго, но умѣлъ обмануть, увѣрилъ бдительнаго правителя, что идетъ разорять Вильну и Краковъ; назначилъ знатное посольство въ Москву для заключенія союза съ нами; требовалъ, чтобы и царь немедленно прислалъ къ нему кого-нибудь изъ первыхъ сановниковъ. Между тѣмъ всѣ улусы были въ сильномъ движеніи, всѣ годные люди садились на коней, отъ стараго до малаго; съ ними соединились и полки ногайскіе Казыева улуса, и султанскіе, изъ Азова, Бѣлагорода, съ огнестрѣльнымъ снарядомъ. Наступила весна, всегда опасная для южной Россіи, а Царская Дума не тревожилась, выславъ въ началѣ апрѣля знатныхъ воеводъ къ нашей обыкновенной береговой рати: князя Мстиславскаго, Ноготкова, Трубецкихъ, Голицына, Ѳедора Хворостинина, въ Серпуховъ, Калугу и въ другія мѣста. Еще въ маѣ разъѣзды наши не встрѣчали ни одного татарина на берегахъ Донца Сѣверскаго и Боровой, видѣли только слѣды зимняго кочевья и юрты оставленныя. Но 26 іюня прискакали въ Москву гонцы съ вѣстію, что степь покрылась тучами ханскими, что не менѣе ста пятидесяти тысячъ крымцевъ идетъ къ Тулѣ, обходя крѣпости, нигдѣ не медля, не разсыпаясь для грабежа. Годунову надлежало оказать всю бодрость своего духа и загладить оплошность: въ тотъ же часъ послали указы къ воеводамъ всѣхъ степныхъ крѣпостей, велѣли имъ спѣшить къ Серпухову, соединиться съ княземъ Мстиславскимъ, чтобы встрѣтить хана въ полѣ. Къ несчастію, главное войско наше стояло тогда въ Новѣгородѣ и Псковѣ, наблюдая шведовъ; оно не могло приспѣть къ рѣшительной битвѣ: о немъ уже не думали. Объявили Москву въ осадѣ; поручили блюсти дворецъ государевъ князю Ивану Михайловичу Глинскому, Кремль боярину князю Дмитрію Ивановичу Шуйскому, Китай Голицыну, Бѣлый городъ Ногтеву-Суздальскому и Мусѣ Туренину. 27 іюня свѣдали о быстромъ стремленіи непріятеля къ столицѣ, увѣрились въ невозможности соединенія всѣхъ полковъ на берегахъ Оки до прихода ханскаго и перемѣнили распоряженіе: велѣли Мстиславскому идти къ Москвѣ, чтобы предъ ея священными стѣнами, въ виду храмовъ и палатъ кремлевскихъ, въ глазахъ царя и царицы, за вѣру, за отечество сразиться съ невѣрными. Въ ободреніе народу разглашали, что мы, оставляя берега Оки, заманиваемъ непріятеля въ сѣти и хотимъ внутри

Россіи истребить его совершенно. Въ самомъ дѣлѣ сіе отступленіе прибавляло къ береговому войску еще нѣсколько тысячъ лучшихъ ратниковъ московскихъ, благородную дружину государеву, знатныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, кромѣ вооруженныхъ гражданъ; давало намъ важный перевѣсъ въ силахъ и выгоду биться подъ стѣнами неодолимыми, подъ громомъ тяжелаго огнестрѣльнаго снаряда, ужаснаго для варваровъ. Надлежало единственно взять мѣры, чтобы ханъ не ввергнулъ огня и разрушенія въ нѣдра столицы, какъ сдѣлалъ Девлетъ-Гирей въ 1571 году. Для того съ удивительною скоростію укрѣпили предмѣстье за Москвою-рѣкою деревянными стѣнами съ бойницами; обратили монастыри въ твердыни: Даниловскій, Новоспасскій, Симоновъ; назначили станъ войску верстахъ въ двухъ отъ города, между Калужскою и Тульскою дорогою; соорудили тамъ дощатый подвижный городокъ на колесахъ и церковь св. Сергія, гдѣ поставили икону Богоматери, бывшую съ Димитріемъ въ Донской битвѣ; пѣли молебны, обходили всю Москву съ крестами и съ нетерпѣніемъ ждали Мстиславскаго. 29 іюня сей воевода выступилъ изъ Серпухова, оставилъ на Окѣ малочисленную стражу и ночевалъ на Лопаснѣ, среди высокихъ кургановъ, славныхъ памятниковъ незабвенной побѣды 1572 года. Шелъ тотъ же непріятель, но Россія уже не имѣла Воротынскаго! 1 іюля, ввечеру, полки расположились на лугахъ Москвы-рѣки, противъ села Коломенскаго, а воеводы спѣшили къ государю съ донесеніемъ и для совѣта; возвратились въ слѣдующее утро и ввели полки въ изготовленный для нихъ станъ, противъ монастыря Даниловскаго. Въ тотъ день самъ государь пріѣхалъ къ войску, осмотрѣлъ его, жаловалъ воеводъ и всѣхъ людей ратныхъ милостивыми словами, спрашивалъ ихъ о здравіи, не оказывая робости, изъявляя надежду на Бога и на своихъ добрыхъ россіянъ.

Іюля 3 извѣстили Ѳеодора, что ханъ перешелъ Оку подъ Тѣшловымъ, ночуетъ въ Лопаснѣ, идетъ прямо къ Москвѣ; что передовой отрядъ непріятельскій, встрѣтивъ мужественнаго воеводу, князя Владиміра Бахтеярова, высланнаго на Похру съ двумя стами пятидесятью дѣтьми боярскими, разбилъ его и гналъ, жестоко уязвленнаго, до селенія Бицъ. Тогда войско наше изготовилось къ сраженію; каждый полкъ занялъ свое мѣсто, не выходя изъ укрѣпленій, и ввечеру пришла къ нимъ вся дружина царская; явился наконецъ и Борисъ Годуновъ, въ полномъ доспѣхѣ, на ратномъ конѣ, подъ древнимъ знаменемъ великокняжскимъ: кто былъ душою царства въ совѣтѣ, тому надлежало одушевить и воиновъ въ битвѣ за царство. Ѳеодоръ отдалъ ему всѣхъ дворянъ своихъ и тѣлохранителей, дотолѣ неразлучныхъ съ особою монарха; заключился въ уединенной палатѣ съ супругою и съ духовникомъ для молитвы; не боялся опасности, ибо считалъ за грѣхъ бояться,

и сдѣлавъ все, что могъ, для спасенія отечества, съ ангельскимъ спокойствіемъ предавалъ себя и державу въ волю Всевышняго. За правителемъ ѣхали и всѣ бояре, какъ бы за государемъ; но, встрѣченный, привѣтствуемый воеводами, онъ не взялъ главнаго начальства изъ рукъ знатнѣйшаго или опытнѣйшаго вождя, князя Мстиславскаго, удовольствовался вторымъ мѣстомъ въ большомъ полку, оставивъ для себя воинскую думу изъ шести сановниковъ, въ числѣ коихъ находился и знаменитый изгнанникъ, Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій, властію Годунова уже примиренный съ дворомъ и съ народомъ, витязь, украшенный знаками отличія и славы.

Всю ночь стояла рать подъ знаменами, всю ночь бодрствовалъ Годуновъ: ходилъ по рядамъ, укрѣплялъ духъ воеводъ и воиновъ, совѣтовалъ и принималъ совѣты, требовалъ довѣренности и находилъ ее, великимъ умомъ замѣняя недостатокъ въ опытности ратной. Знали о близости непріятеля; слышали вдали шумъ, топотъ коней и на разсвѣтѣ увидѣли густыя толпы ханскія. Казы-Гирей шелъ осторожно, сталъ противъ села Коломенскаго и, съ Поклонной горы обозрѣвъ мѣста, велѣлъ своимъ царевичамъ ударить на войско московское. Дотолѣ все было тихо; но какъ скоро многочисленная конница непріятельская спустилась съ высоты на равнину, загремѣли всѣ бойницы стана, монастырей, кремлевскія, и сотни отборныя изъ каждаго полку съ отборными головами, дружины литовскія, нѣмецкія съ ихъ капитанами выступили изъ укрѣпленія, чтобы встрѣтить крымцевъ, а воеводы съ главнымъ войскомъ оставались въ дощатомъ городкѣ и ждали своего часа. Битва началася вдругъ во многихъ мѣстахъ, ибо непріятель, осыпанный пушечными ядрами, раздѣлился, пуская стрѣлы, и въ схваткѣ дѣйствуя саблями лучше нашихъ; но мы имѣли выгоду, искусно стрѣляя изъ ручныхъ пищалей, стоя и нападая дружнѣе. Песчаная равнина покрывалась болѣе мусульманскими, нежели христіанскими трупами, въ виду у хана и москвитянъ, коими стѣны, башни, колокольни были унизаны вооруженными и безоружными, исполненными любопытства и ужаса, ибо дѣло шло о Москвѣ: ее губили или спасали побѣдители! Народъ то безмолствовалъ, то вопилъ, слѣдуя душою за всѣми движеніями кровопролитной сѣчи, зрѣлища новаго для нашей древней столицы, которая видѣла приступы къ стѣнамъ ея, но еще до сего времени не видала полевой битвы на своихъ равнинахъ. Не имѣли нужды въ вѣстникахъ: глазъ управлялъ чувствомъ страха и надежды. Другіе не хотѣли ничего видѣть: смотрѣли только на святыя иконы, орошая теплыми слезами помостъ храмовъ, гдѣ пѣніе іереевъ заглушалось звукомъ пальбы и куреніе ѳиміама мѣшалось съ дымомъ пороха. Сказаніе едва вѣроятное: въ сію торжественную, роковую годину, когда сильно трепетало сердце и въ столѣтнихъ старцахъ московскихъ, одинъ

человѣкъ наслаждался спокойствіемъ души непоколебимой—тотъ, чье имя вмѣстѣ съ Божіимъ призывалось россіянами въ сѣчѣ, за кого они умирали предъ стѣнами столицы—самъ государь! Утомленный долгою молитвою, Өеодоръ мирно отдыхалъ въ часъ полуденный; всталъ и равнодушно смотрѣлъ изъ высокаго своего терема на битву. За нимъ стоялъ добрый бояринъ Григорій Васильевичъ Годуновъ и плакалъ; Өеодоръ обратился къ нему, увидѣвъ его слезы, и сказалъ: «Будь спокоенъ! завтра не будетъ хана!» Сіе слово, говоритъ лѣтописецъ, оказалось пророчествомъ.

Сраженіе было нерѣшительно. Съ обѣихъ сторонъ подкрѣпляли ратующихъ, но главныя силы еще не вступали въ дѣло: Мстиславскій, Годуновъ съ царскими знаменами и лучшею половиною войска не двигались съ мѣста, ожидая хана, который съ своими надежнѣйшими дружинами занялъ ввечеру село Воробьево и не хотѣлъ сойти съ горы, откуда алчный взоръ его пожиралъ столицу, добычу завидную, но не легкую, ибо земля стонала отъ грома московскихъ пушекъ и россіяне бились мужественно на равнинѣ до самой ночи, которая дала, наконецъ, отдыхъ тому и другому войску. Множество татаръ легло въ сѣчѣ, множество было ранено: царевичъ Бахты-Гирей, нѣсколько большихъ князей и мурзъ; взято въ плѣнъ также не малое число людей знатныхъ. Духъ упалъ въ ханѣ и въ вельможахъ крымскихъ: они совѣтовались, что дѣлать, и болѣе ужасали, нежели ободряли другъ друга разсужденіемъ о слѣдствіяхъ новой рѣшительной битвы,—слыша пальбу безпрестанную, видя сильное движеніе между нашимъ станомъ и Москвою, ибо Годуновъ, не жалѣя пороха, велѣлъ и ночью стрѣлять изъ пушекъ для устрашенія непріятеля, и граждане послѣ сѣчи толпами устремились въ станъ привѣтствовать храбрыхъ, видѣть живыхъ друзей и родственниковъ, узнать о мертвыхъ. Плѣнники россійскіе, вѣрные отечеству и въ узахъ, отвѣтствуя на вопросы хана, говорили ему, что въ Москву пришло свѣжее войско изъ Новагорода и Пскова; что мы стрѣляемъ въ знакъ радости, не сомнѣваясь въ побѣдѣ, и еще до разсвѣта ударимъ всѣми силами на крымцевъ. Ханъ могъ имъ и не вѣрить, но уже видѣлъ обманъ короля шведскаго: видѣлъ, что Россія, не взирая на войну съ шведами, имѣетъ довольно защитниковъ—и бѣжалъ за часъ до свѣта!

Извѣстивъ о томъ государя, воеводы, при звукѣ всѣхъ колоколовъ радостной Москвы, со всѣми полками, выступили вслѣдъ за ханомъ, который бѣжалъ безъ памяти, оставляя на пути имъ въ добычу и лошадей, и рухлядь, и запасы; слышалъ за собой топотъ нашей конницы, и безъ отдыха въ сутки достигъ Оки; на восходѣ солнца увидѣлъ передовую дружину россіянъ и кинулся въ рѣку, бросивъ на берегу собственные возки царскіе; утопилъ множество людей своихъ и бѣжалъ далѣе. Мстиславскій и Годуновъ

кочевали въ Бицахъ, гоня непріятеля легкими отрядами, которые настигли задніе полки его близь Тулы; разбили ихъ, взяли 1,000 плѣнниковъ съ нѣкоторыми знатнѣйшими мурзами: топтали, истребляли крымцевъ въ степяхъ и выгнали изъ нашихъ владѣній, гдѣ Казы-Гирей не успѣлъ злодѣйствовать, и 2 августа прискакалъ на телѣгѣ ночью въ Бахчисарай, съ подвязанною, уязвленною рукою; а крымцевъ возвратилось не болѣе трети, пѣшихъ, голодныхъ, такъ что сей ханскій походъ оказался самымъ несчастнѣйшимъ для Тавриды и самымъ безвреднѣйшимъ для Россіи, гдѣ все осталось въ цѣлости, и города, и деревни, и жители.

Главные воеводы не ходили далѣе Серпухова. Царь, можетъ быть по совѣту умной Ирины, прислалъ къ нимъ, чтобы они гнали и старались истребить непріятеля въ степяхъ; но князь Мстиславскій отвѣтствовалъ ему, что имъ не возможно достигнуть хана, и въ сей бумагѣ, наименовавъ себя одного, получилъ отъ Ѳеодора строгій выговоръ за неозначеніе въ ней Борисова великаго имени, къ коему дворъ относилъ всю честь побѣды. Однакожъ соблюли равенство въ наградахъ. 10 іюля пріѣхалъ въ Серпуховъ стольникъ Иванъ Никитичъ Юрьевъ, съ милостивымъ словомъ и съ жалованьемъ государевымъ; спросилъ войско о здравіи и вручилъ воеводамъ медали: Мстиславскому и Годунову золотыя португальскія, инымъ корабельники и червонцы венгерскіе. Велѣвъ остаться на берегу нѣкоторымъ младшимъ изъ нихъ, государь звалъ всѣхъ другихъ въ Москву для изъявленія имъ новыхъ милостей: надѣлъ на Бориса съ своего плеча шубу русскую съ золотыми пуговицами въ 1,000 рублей (или въ 5,000 нынѣшнихъ серебряныхъ), и съ себя же цѣпь драгоцѣнную; пожаловалъ ему златый сосудъ Мамаевскій, славную добычу Куликовской битвы, три города области Важской въ наслѣдственное достояніе и титло слуги, знаменитѣйшее боярскаго и въ теченіе вѣка носимое только тремя вельможами: княземъ Симеономъ Ряполовскимъ, коего отецъ спасъ юнаго Іоанна III отъ Шемякиной злобы; княземъ Иваномъ Михайловичемъ Воротынскимъ за Ведрошскую побѣду и сыномъ его, безсмертнымъ княземъ Михайломъ, за разбитіе крымскихъ царевичей на Донцѣ и взятіе Казани. Князю Мстиславскому далъ Ѳеодоръ, также съ своего плеча, шубу съ золотыми пуговицами, кубокъ съ золотою чаркою и пригородъ Кашинъ съ уѣздомъ; другихъ воеводъ, головъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ жаловалъ шубами, сосудами, вотчинами и помѣстьями или деньгами, камками, бархатами, атласами, соболями и куницами; стрѣльцовъ и казаковъ тафтами, сукнами, деньгами. Однимъ словомъ, никто изъ воиновъ не остался безъ награды, и не было конца великолѣпнымъ пирамъ въ Грановитой палатѣ, болѣе въ честь Годунова, нежели въ царскую, ибо Ѳеодоръ велѣлъ торжественно объявить и въ Россіи,

и въ чужихъ земляхъ, что Богъ даровалъ ему побѣду радѣніемъ и промысломъ Борисовымъ. Такимъ образомъ новый лучъ озарилъ главу правителя, лучъ ратной славы, блистательнѣйшей для народа державы воинственной, которую окружали еще столь многія опасности и непріятели! На мѣстѣ, гдѣ войско стояло въ укрѣпленіи противъ хана, заложили каменную церковь Богоматери и монастырь, названный Донскимъ отъ имени святой иконы, которая была съ Димитріемъ на Куликовѣ полѣ и съ Годуновымъ въ московской битвѣ, а на случай новаго приступа варваровъ къ столицѣ защитили всѣ ея посады деревянными стѣнами съ высокими башнями.

Но торжество Борисово, пиры двора и воинства, милости, жалованья царскія заключились пытками и казнями! Донесли правителю, что оскорбительная для него молва носится въ городахъ уѣздныхъ, особенно въ Алексинѣ—молва, распущенная его непріятелями, по крайнѣй мѣрѣ, нелѣпая: говорили, что будто бы онъ привелъ хана къ Москвѣ, желая унять вопль Россіи о жалостномъ убіеніи Димитрія. Народъ—и только одинъ народъ—слушалъ, повторялъ сію клевету. Съ великодушіемъ, съ невинностію Годуновъ могъ бы презрѣть злословіе грубое, разносимое вѣтромъ; но Годуновъ съ совѣстію нечистою закипѣлъ гнѣвомъ: послалъ чиновниковъ въ разныя мѣста; велѣлъ изыскивать, допрашивать, мучить людей бѣдныхъ, которые отъ простоты ума служили эхомъ клеветѣ и въ страхѣ, въ истязаніяхъ оговаривали безвинныхъ; нѣкоторые умерли въ пыткахъ или въ темницахъ; другихъ казнили, инымъ рѣзали языки—и многія мѣста, по словамъ лѣтописца, опустѣли тогда въ Украйнѣ, въ прибавленіе къ развалинамъ Углича!

Сія жестокость, достойная временъ Іоанновыхъ, казалась Годунову необходимою для его безопасности и чести, чтобы никто не дерзалъ ни говорить, ни мыслить ему противнаго—единственное условіе, коего не должно было нарушать для жизни мирной и счастливой въ Ѳеодорово царствованіе! Грозный только для своихъ порицателей, Годуновъ во всѣхъ иныхъ случаяхъ хотѣлъ блистать милосердіемъ рѣдкимъ. Заслуживалъ ли кто опалу, но могъ извиниться естественно человѣческою слабостію, того миловали и писали въ указѣ: «государь прощаетъ изъ уваженія къ ходатайству слуги, конюшаго боярина». Даже измѣнникамъ, даже Михайлу Головину, жившему въ Литвѣ, Борисъ предлагалъ мирное возвращеніе въ отечество, знатнѣйшій санъ и лучшее помѣстье, какъ бы въ возмездіе за гнусную измѣну! Кого же осуждали на казнь, о томъ писали въ указѣ: «такъ приговорили бояре, князь Ѳеодоръ Ивановичъ Мстиславскій съ товарищи»; о Годуновѣ не упоминали. Для пріятелей, угодниковъ, льстецовъ не имѣя ничего завѣтнаго, кромѣ верховной власти, въ его рукахъ неприкосновенной, онъ ежедневно умножалъ число ихъ, и чѣмъ болѣе заслуживалъ уко-

ризны, тѣмъ болѣе искалъ хвалы, и вездѣ слышалъ оную, искреннюю и лицемѣрную—читалъ и въ книгахъ, сочиняемыхъ тогдашними грамотѣями, духовными и мірскими; однимъ словомъ, искусствомъ и силою, страхомъ и благодѣяніями произвелъ вокругъ себя громъ славы, заглушая имъ если не внутренній гласъ совѣсти, то, по крайней мѣрѣ, гласъ истины въ народѣ.

Но, жертвуя одной мысли и Небомъ, и самымъ истиннымъ земнымъ счастіемъ: спокойствіемъ, внутреннимъ услажденіемъ добродѣтели, законнымъ величіемъ государственнаго благотворителя, чистою славою въ исторіи, Годуновъ едва было не лишился вожделѣннаго плода своихъ козней, отъ случая естественнаго, но неожиданнаго: вдругъ разнеслася вѣсть отъ дворца Кремлевскаго до самыхъ крайнихъ предѣловъ государства—и всѣхъ, кромѣ Бориса, отъ монарха до земледѣльца, исполнила счастливой надежды—вѣсть, что Ирина беременна! Никогда Россія, по сказанію лѣтописца, не изъявляла искреннѣйшаго веселія: казалось, что Небо, раздраженное преступленіемъ Годунова, но смягченное тайными слезами добрыхъ ея сыновъ, примирилось съ нею, и на могилѣ Димитріевой насаждаетъ новое царственное древо, которое своими вѣтвями обниметъ грядущіе вѣка Россіи. Легко вообразить сіи чувства народа, приверженнаго къ вѣнценосному племени св. Владиміра. Гораздо труднѣе вообразить тогдашнія чувства Борисовы. Гнуснѣйшее изъ убійствъ оставалось тщетнымъ для убійцы: совѣсть терзала его, а надежда затмевалась навѣки или до новаго злодѣйства, еще страшнаго и для злодѣя! Годуновъ долженъ былъ терпѣть общую радость, изъявлять живѣйшее въ ней участіе, обманывать дворъ и сестру свою! Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ нетерпѣливаго ожиданія Ирина родила дочь, къ облегченію Борисова сердца; но родители были и тѣмъ счастливы, какъ ни желали имѣть наслѣдника престолу: разрѣшилось неплодіе, и нѣжность ихъ могла увѣнчаться плодомъ новымъ въ исполненіе общаго желанія. Не только чувствительная мать, но и тихій, хладнокровный Ѳеодоръ въ восторгѣ благодарилъ Всевышняго за милую дочь, названную Ѳеодосіею (и 14 іюня окрещенную въ обители Чудовской); простилъ всѣхъ опальныхъ, самыхъ важныхъ преступниковъ, осужденныхъ на смерть; велѣлъ отворить темницы и выпустить узниковъ; надѣлилъ монастыри богатою милостынею и послалъ множество серебра духовенству въ Палестину. Народъ также радовался; но люди, склонные къ подозрѣнію, угадывая сокровенность души Борисовой, за тайну передавали другъ другу сомнѣніе: не могъ ли Годуновъ подмѣнить младенца, если царица родила сына, и вмѣсто его обманомъ представить Ѳеодосію взятую имъ у какой-нибудь бѣдной родильницы? Послѣ увидимъ дѣйствіе сей мысли, хотя и мало вѣроятной. Съ другой стороны, любопытные спрашивали: «Дол-

жна ли Өеодосія, если не будетъ у нея братьевъ, наслѣдовать державу? Случай, дотолѣ безпримѣрный, не могъ ли служить примѣромъ для будущаго? Россія никогда не имѣла женъ, вѣценосныхъ по наслѣдію; но не лучше ли уставить новый законъ, чѣмъ осиротѣть престолу?» Сіи вопросы затруднительные безпокоили, какъ вѣроятно, и Годунова. Они разрѣшились, къ его успокоенію, смертію Өеодосіи въ слѣдующемъ году. Несмотря на всѣ утѣшенія вѣры, Өеодоръ долго не могъ осушить слезъ своихъ; съ нимъ плакала и столица, погребая юную царевну въ дѣвичьемъ монастырѣ Вознесенскомъ и раздѣляя тоску бѣдной матери, симъ ударомъ навѣки охлажденной къ мірскому счастію. Злорадствуя во глубинѣ души, Годуновъ, безъ сомнѣнія, умѣлъ притвориться отчаяннымъ (ибо легче показывать лицемѣрную скорбь въ тайномъ удовольствіи, нежели веселіе лицемѣрное въ тайной печали); но снова подозрѣвали сего жестокаго властолюбца: думали, что онъ уморилъ и Өеодосію. Богъ вѣдалъ истину; но обагренный святою кровію Димитріевою не имѣлъ права жаловаться на злословіе и легковѣріе: все служило ему праведною казнію—и самая клевета невѣроятная!

ГЛАВА III.

1591—1598.

Война и миръ съ Швеціею.—Переписка съ литовскими вельможами.—Набѣгъ крымцевъ. — Посольство въ Константинополь. — Своевольство донскихъ казаковъ. — Строеніе городовъ. — Миръ съ ханомъ.—Вспоможеніе императору.—Знатный посоль австрійскій.—Легатъ Климента VIII въ Москвѣ.—Дружество Өеодора съ шахомъ Аббасомъ.—Походъ на Шавкала.—Сношенія съ Даніею и съ Англіею.—Законъ объ укрѣпленіи крестьянъ и слугъ.—Новая крѣпость въ Смоленскѣ.—Зажигальщики.—Дворъ московскій.—Ослѣпленіе царя Симеона.—Святители греческіе въ Москвѣ.—Разрушеніе Печерской обители.—Слово Өеодорово Годунову.—Кончина Өеодорова.—Присяга царицѣ Иринѣ.—Постриженіе Ирины.—Избраніе Годунова въ цари.

Въ дѣлахъ внѣшнихъ Россія могла, какъ и дотолѣ, хвалиться успѣхами и политикою благоразумною. Въ надеждѣ на содѣйствіе хана, Іоаннъ, король шведскій, отвергнулъ перемиріе, данное ему Өеодоромъ въ удовольствіе Сигизмунду, и генералъ его Морицъ Грипъ вступилъ въ Новогородскую область, жжегъ многія селенія близъ Ямы и Копорья. Воеводы наши, удивленные симъ нечаяннымъ нападеніемъ, послали гонца спросить у него, знаетъ ли онъ о подписанномъ въ Москвѣ договорѣ? Не знаю, отвѣтствовалъ Морицъ, шелъ далѣе и стоялъ уже въ пятидесяти верстахъ отъ Новаго-

рода. Свѣдавъ, что многочисленные московскіе полки ожидаютъ его впереди, онъ не захотѣлъ битвы и возвратился, но почти безъ войска, истребленнаго зимнимъ холодомъ и болѣзнями. Лѣтомъ 1591 года, когда ханъ стремился къ Москвѣ, шведы снова явились близъ Гдова, разбили нашъ отрядъ и взяли въ плѣнъ воеводу князя Владиміра Долгорукаго; другія толпы ихъ изъ Каяніи проникли, сквозь пустыни и лѣса, въ сѣверную Россію и взяли Сумскій Острогъ на Бѣломъ морѣ, думая овладѣть и всѣми ея пристанями. Но сія важная мысль—лишить насъ выгодъ морской торговли—требовала усилій, невозможныхъ для слабой Швеціи. Царь послалъ туда изъ Москвы двухъ князей Волконскихъ, Андрея и Григорія, съ дружинами стрѣльцовъ. Первый занялъ монастырь Соловецкій, угрожаемый непріятелемъ; второй истребилъ шведовъ въ Сумскомъ Острогѣ и взялъ нѣсколько пушекъ. Узнавъ, что каянскіе разбойники въ самый день Рождества Христова сожгли Кольскую и Печенгскую обитель, злодѣйски умертвивъ 50 иноковъ и 65 слугъ монастырскихъ, князь Григорій Волконскій отмстилъ имъ опустошеніемъ Каяни и возвратился въ монастырь Соловецкій съ богатою добычею. Сіи непріятельскія дѣйствія едва было не произвели и разрыва съ Литвою, ибо Сигизмундъ долго не хотѣлъ утвердить заключеннаго въ Москвѣ перемирія безъ обязательства съ нашей стороны не тревожить Швеціи. Пословъ Ѳеодоровыхъ, Салтыкова и Татищева, выводили изъ терпѣнія остановками на пути въ Варшаву, сердили грубостями, лишали всѣхъ удобствъ, самаго нужнаго, такъ что они, исполненные негодованія, предлагали королевскимъ чиновникамъ, вмѣсто денегъ, 50 сосудовъ серебряныхъ, требуя пищи для своихъ людей голодныхъ. Наконецъ Сигизмундъ, свѣдавъ объ изгнаніи хана изъ Россіи, утвердилъ договоръ московскій, но заставивъ нашихъ пословъ внести въ него новое условіе, чтобы ни царю, ни Литвѣ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ не мыслить о завоеваніи Нарвы. Цѣлуя крестъ, онъ сказалъ Салтыкову: «Мы будемъ въ мирѣ съ царемъ до его перваго нападенія на Швецію, ибо сынъ долженъ вступиться за отца». Сія угроза не спасла, однакожъ, шведскихъ владѣній отъ разоренія.

Зимою 1592 года царь послалъ знатнѣйшихъ воеводъ, князей Мстиславскаго и Трубецкихъ, двухъ Годуновыхъ, Ивана и Степана Васильевичей, князя Ноготкова и Богдана Яковлевича Бѣльскаго въ Финляндію, гдѣ они выжгли селенія и города, взявъ нѣсколько тысячъ плѣнниковъ. Шведы не отважились на битву; сидѣли только въ Выборгѣ и въ Або, къ коимъ не приступали россіяне, окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ пепломъ и развалинами. Въ исходѣ февраля, совершивъ походъ, воеводы пріѣхали въ Москву жаловаться другъ на друга; князь Ѳедоръ Трубецкой винилъ Годуновыхъ, Годуновы—Трубецкого въ худой ревности къ царской

службѣ. Царь всѣмъ имъ объявилъ немилость за раздоръ, вредный для отечества, и не велѣлъ съѣзжать со двора отъ Вербной недѣли до Свѣтлаго Воскресенія, ибо правитель желалъ славиться безпристрастіемъ, сею легкою опалою доказавъ, что не щадитъ и своихъ ближнихъ, когда дѣло идетъ о пользѣ государственной.

Въ самое то время, когда мы безпрепятственно опустошали Финляндію, находился въ Стокгольмѣ посолъ хана крымскаго, черкашенинъ Антоній, требуя золота отъ шведовъ за впаденіе Казы-Гиреево въ Россію. «Золото готово для побѣдителя»,—отвѣтствовалъ король Іоаннъ:—«ханъ видѣлъ Москву, но не спасъ нашей земли отъ меча россійскаго». Видя, что Сигизмундъ не можетъ быть надежнымъ защитникомъ Швеціи, Іоаннъ въ послѣдніе дни жизни своей искренно хотѣлъ мира съ Россіею, въ августѣ 1592 года выславъ маршала Флеминга, генерала Бое и другихъ сановниковъ на рѣку Плюсу, гдѣ они съ окольничимъ и намѣстникомъ суздальскимъ Михайломъ Салтыковымъ, въ январѣ 1593 года, заключили двухлѣтнее перемиріе, уже именемъ новаго вѣнценосца шведскаго: 25 ноября Іоаннъ умеръ и сынъ его Сигизмундъ наслѣдовалъ престолъ шведскій, соединяя такимъ образомъ подъ своею державою силы двухъ королевствъ, враждебныхъ для Россіи—чему радовались въ Варшавѣ и въ Стокгольмѣ, чего опасались въ Москвѣ, но не долго. Оказались слѣдствія неожиданныя болѣе въ пользу, нежели ко вреду Россіи, ибо Сигизмундъ, вмѣсто тѣсной связи, произвелъ взаимную злобу между своими государствами; раболѣпствуя вельможамъ коронымъ и литовскимъ, хотѣлъ самовластвовать въ Швеціи, перемѣнить вѣру, ввести латинскую, отдать Эстонію Польшѣ; видѣлъ негодованіе, явное сопротивленіе шведовъ и почти бѣжалъ изъ Стокгольма въ Варшаву, оставивъ верховную власть въ рукахъ Сената. Въ сихъ несчастныхъ обстоятельствахъ, въ раздорахъ, въ смятеніи Швеція не могла думать о войнѣ съ Россіею, искала мира твердаго, вѣчнаго и въ угожденіе царю согласилась, чтобы ея послы Стенъ-Банеръ, Горнъ, Бое съѣхались съ московскими, княземъ Иваномъ Туренинымъ и Пушкинымъ въ владѣніи россійскомъ, у Тявзина, близъ Ивана-города; однакожъ собрала и войско въ Выборгѣ и въ Нарвѣ, чтобы дать болѣе силы требованіямъ или отказамъ. Россійское, гораздо многочисленнѣйшее, стояло отъ Новгорода до эстонской и финляндской границы въ тишинѣ и въ бездѣйствіи, ожидая конца переговоровъ. Съ обѣихъ сторонъ требовали для вида: мы Эстоніи, шведы Ивана-города, Ямы, Копорья, Орѣшка, Ладоги, Гдова или денегъ за убытки войны долговременной; но въ самомъ дѣлѣ Швеція хотѣла только мира безъ уступокъ съ ея стороны, а Россія съ пріобрѣтеніемъ Корельской области. Послы съ обѣихъ сторонъ жаловались на упрямство, въ досадѣ снимали шатры и разъѣзжались, чтобы снова съѣ-

хаться. Наконецъ московскіе одержали верхъ. 18 мая 1595 года подписанъ слѣдующій договоръ: 1) быть вѣчному миру между Швеціею и Россіею; 2) первой спокойно владѣть Нарвою, Ревелемъ и всѣмъ Чухонскимъ или Эстонскимъ княжествомъ; 3) Россіи не помогать врагамъ Швеціи, а Швеціи—врагамъ Россіи, ни людьми, ни деньгами; 4) плѣнныхъ освободить безъ окупа и безъ размѣна; 5) лапландцамъ остерботнійскимъ и варангскимъ платить дань Швеціи, а восточнымъ (кольскимъ и сосѣдственнымъ съ землею Двинскою) Россіи; 6) шведамъ торговать свободно въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и въ иныхъ мѣстахъ, также и россіянамъ въ Швеціи; 7) въ кораблекрушеніи и во всякихъ бѣдственныхъ случаяхъ усердно оказывать другъ другу взаимную помощь; 8) посламъ московскимъ вольно ѣздить чрезъ шведскія владѣнія къ императору, папѣ, королю испанскому и ко всѣмъ великимъ государямъ европейскимъ или ихъ посламъ въ Москву; также и людямъ торговымъ, воинскимъ, лѣкарямъ, художникамъ, ремесленникамъ. Сей миръ обрадовалъ ту и другую державу, избавивъ шведовъ отъ войны разорительной и надежно утвердивъ за ними Эстонію съ Нарвою, а Россіи возвративъ древнюю новогородскую собственность, гдѣ наши братья и церкви тосковали подъ властію чуждыхъ завоевателей. Ѳеодоръ вмѣстѣ съ воеводами послалъ въ Кексгольмъ и святителя, чтобы очистить тамъ православіе отъ слѣдовъ иновѣрія.

Хотя Стенъ-Банеръ, Горнъ и Бое договаривались съ нами еще именемъ короля Сигизмунда, но онъ въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ въ томъ участія и, мало заботясь о строптивой Швеціи, въ какой-то душевной сонливости рѣдко сносился съ Москвою и по дѣламъ литовскимъ. Тѣмъ болѣе хитрила наша Дума государственная, стараясь вселить въ вельможныхъ пановъ недовѣренность къ безпечному королю и какъ бы съ удивленіемъ давъ имъ замѣтить, что Сигизмундъ въ своемъ титулѣ ставитъ имя Швеціи выше имени польскаго королевства, спрашивали: «съ ихъ ли вѣдома онъ унижаетъ знаменитую корону Ягеллоновъ предъ Готѳскою, столь новою и ничтожною? ибо шведы еще недавно были подданными Даніи, вмѣсто государей имѣя у себя правителей, которые сносились только съ новгородскими намѣстниками». Но величавые паны, еще съ живымъ неудовольствіемъ воспоминая повелительную твердость Баторіеву, любили мягкаго Сигизмунда и хвалились его счастіемъ, одержавъ побѣду надъ ханомъ крымскимъ, надѣясь безъ войны взять Эстонію и наслаждаясь временнымъ миромъ съ Россіею, также имъ довольною.

Ослабленный несчастнымъ походомъ московскимъ, ханъ еще не пересталъ, какъ видимъ, усиленно дѣйствовать противъ сосѣдственныхъ державъ христіанскихъ, чтобы искать добычи, не впасть въ презрѣніе у своихъ хищныхъ князей и не лишиться власти отъ гнѣ-

ва Амуратова, ибо султанъ осыпалъ его жестокими укоризнами за малодушное бѣгство изъ Россіи, коего стыдъ падалъ и на знамена оттоманскія. Желая усыпить Ѳеодора, Казы-Гирей писалъ къ нему о возобновленіи дружбы между ими, извинялся легковѣріемъ, наказами злыхъ людей, которые хотѣли ихъ ссорить, и гонецъ крымскій за тайну объявилъ правителю, что ханъ, зная мысль султанову дать иного властителя Тавридѣ, намѣренъ отстать отъ турковъ, всею душою соединиться съ царемъ, всѣ улусы вывести изъ полуострова, разорить Крымъ, основать для себя новую державу и крѣпость на берегахъ Днѣпра, на Кошкинѣ Перевозѣ и тамъ служить неодолимою оградою для Россіи, въ угрозу ненавистнымъ оттоманамъ, если Ѳеодоръ доставитъ ему нѣсколько пудъ серебра на строеніе сей крѣпости; что въ удостовѣреніе своего дружества къ намъ и въ задатокъ будущихъ великихъ услугъ Казы-Гирей идетъ снова опустошать Литву. Ханъ, какъ обыкновенно, обманывалъ, а мы, какъ обыкновенно, и вѣрили ему и не вѣрили: послали гонца въ Тавриду съ отвѣтомъ, что забудемъ всѣ его злодѣйства, если онъ искренно примирится съ нами; что дружба великаго монарха христіанскаго и для мусульманина предпочтительнѣе игу оттоманскому; что мы хотя и не въ войнѣ съ Литвою, однакожъ не будемъ досадовать на хана за опустошеніе сей враждебной для него земли (коварство, называемое политикою!). Но чиновникъ московскій, еще не доѣхавъ до Тавриды, свѣдалъ, что ея царевичи, калга Фети-Гирей и Нурадинъ-Бахта, уже огнемъ и мечемъ свирѣпствуютъ въ предѣлахъ рязанскихъ, каширскихъ, тульскихъ, гдѣ, не къ похвалѣ бдительнаго правителя, все сдѣлалось жертвою ихъ мести или корыстолюбія: защиты не было. Они не думали идти къ Москвѣ, ушли назадъ, но истребивъ селенія и захвативъ въ плѣнъ множество дворянъ съ дѣтьми и женами. Сія оплошность Россіи стоила злой насмѣшки хана, сказавшаго съ видомъ удивленія гонцу Ѳеодорову: «Куда дѣлося войско московское? Царевичи и князья наши не вынимали ни сабли изъ ноженъ, ни стрѣлы изъ колчана и плетью гнали тысячи плѣнниковъ, слыша, что ваши храбрые воеводы прячутся въ лѣсахъ и дебряхъ». Въ знакъ милости, надѣвъ на сего чиновника золотой кафтанъ, ханъ велѣлъ ему увѣрить Ѳеодора, что царевичи дѣйствовали самовольно и что отъ насъ зависитъ купить миръ съ Тавридою серебромъ и мѣхами драгоцѣнными!

Упорствуя въ желаніи сего мира, Ѳеодоръ рѣшился тогда возобновить сношенія съ султаномъ и послалъ въ Константинополь, чрезъ Кафу, дворянина Нащокина требовать, чтобы Амуратъ запретилъ хану, азовцамъ и бѣлогородцамъ воевать Россію, изъ признательности къ нашему истинному дружеству: «Ибо мы»,—такъ

писалъ царь къ султану и Годуновъ къ великому визирю,—«не хотимъ слушать императора, королей испанскаго и литовскаго, папы и шаха, которые убѣждаютъ насъ вмѣстѣ съ ними обнажать мечъ на главу мусульманства». Изъявивъ учтивость посланнику, визирь сказалъ: «Царь предлагаетъ намъ дружбу: мы повѣримъ ей, когда онъ согласится отдать великому султану Астрахань и Казань. Не боимся ни Европы, ни Азіи: войско наше столь безчисленно, что земля не можетъ поднять его; оно готово устремиться сухимъ путемъ на шаха, Литву и цесаря, а моремъ на королей испанскаго и французскаго. Хвалимъ вашу мудрость, если вы дѣйствительно не хотѣли пристать къ нимъ, и султанъ не велитъ хану тревожить Россіи, буде царь сведетъ съ Дону казаковъ своихъ и разрушитъ четыре новыя крѣпости, основанныя на берегахъ сей рѣки и Терека, чтобы преграждать намъ путь къ Дербенту: или сдѣлайте такъ, или (въ чемъ клянуся Богомъ) не только велимъ хану и ногаямъ безпрестанно воевать Россію, но и сами пойдемъ на Москву своими головами, сухимъ путемъ и моремъ, не боясь ни трудовъ, ни опасностей, не жалѣя ни казны, ни крови. Вы миролюбивы, но для чего же вступаете въ тѣсную связь съ Иверіею, подвластною султану?» Нащокинъ отвѣтствовалъ, что Астрахань и Казань нераздѣльны съ Москвою; что царь велитъ выгнать казаковъ изъ окрестностей Дона, гдѣ нѣтъ у насъ никакихъ крѣпостей; что связь наша съ Грузіею состоитъ въ единовѣріи, и что мы посылаемъ туда не войско, а священниковъ и дозволяемъ ея жителямъ ѣздить въ Россію для торговли. Нащокинъ предлагалъ визирю изъясниться съ царемъ чрезъ посла султанскаго. Визирь сперва не хотѣлъ того, сказавъ: «у насъ нѣтъ сего обычая: допускаемъ къ себѣ пословъ иноземныхъ, а своихъ не шлемъ»; однакожъ согласился, наконецъ, отправить въ Москву сановника чауша Резвана, съ требованіями, объявленными Нащокину, а царь съ отвѣтомъ и съ дарами (съ черною лисьею шубою для Амурата, съ соболями для визиря) еще послалъ въ Константинополь дворянина Islѣньева (въ іюлѣ 1594), обѣщая унять казаковъ и свободно пропускать турковъ въ Дербентъ, въ Шамаху, въ Баку, если Амуратъ уйметъ Казы-Гирея. «Мы велѣли» (писалъ Ѳеодоръ къ султану) «основать крѣпости въ землѣ кабардинской и шавкалской не въ досаду тебѣ, а для безопасности жителей. Мы ничего у васъ не отняли, ибо князья горскіе, черкесскіе и шавкалскіе были издревле нашими подданными рязанскихъ предѣловъ, бѣжали въ горы и тамъ покорились отцу моему, своему давнишнему законному властителю». Сія новая исторія Кабарды и Дагестана не увѣрила султана, чтобы ихъ князья были рязанскими выходцами: онъ видѣлъ стремленіе московской политики къ присвоеніямъ на Востокѣ, не могъ ей благопріятствовать

и не думалъ содѣйствовать успокоенію Россіи, то-есть мирить хана съ нею.

Сіи константинопольскія посольства не доставили намъ ничего, кромѣ любопытныхъ свѣдѣній о состояніи имперіи Оттоманской и грековъ. «Въ Турціи нынѣ» (доноситъ Нащокинъ) «все измѣнилось: султанъ и паши мыслятъ единственно о корысти; первый умножаетъ казну, а для чего—неизвѣстно, прячетъ золото въ сундукахъ и не даетъ жалованья войску, которое въ ужасномъ мятежѣ недавно приступало ко дворцу, требуя головы дефтердаря или казначея. Нѣтъ ни устройства, ни правды въ государствѣ. Султанъ обираетъ чиновниковъ, чиновники обираютъ народъ; вездѣ грабежъ и смертоубійства; нѣтъ безопасности для путешественниковъ на дорогахъ, ни для купцовъ въ торговлѣ. Земля опустѣла отъ войны персидской и насилія, особенно Молдавская и Волошская, гдѣ непрестанно смѣняютъ господарей отъ мздоимства. Греки въ страшномъ утѣсненіи бѣдствуютъ, не имѣя и надежды на будущее». Иcлѣньевъ былъ задержанъ въ Константинополѣ, гдѣ въ 1595 году воцарился Магометъ III, ибо сей новый султанъ, гнусный душегубецъ девятнадцати братьевъ, ждалъ только благопріятнаго времени, чтобы объявить войну Россіи. Между тѣмъ, въ Царьградѣ называя донскихъ витязей шайкою разбойниковъ, мы посылали имъ воинскіе снаряды, свинецъ и селитру. Они умножились числомъ, принимая къ себѣ казаковъ днѣпровскихъ и всякихъ бродягъ, вели непрестанную войну съ Азовомъ, съ ногаями, съ черкесами, съ Тавридою и ватагами ходили на море искать добычи, слушаясь и не слушаясь указовъ царскихъ. Нащокинъ изъ Азова писалъ въ Москву, что казаки станицъ низовыхъ силою отняли у него дары государевы, не хотѣли безъ окупа выдать ему своихъ плѣнниковъ, султанскаго чауша съ шестью князьями черкесскими и съ досады одному изъ нихъ отсѣкли руку, вопя на шумной сходкѣ: «мы вѣрны царю бѣлому; но кого беремъ саблею, того не освобождаемъ даромъ!» Своевольствомъ заслуживая опалу, казаки заслуживали и милость государеву, будучи непримиримыми врагами злодѣевъ и зломысленниковъ Россіи.

Не имѣвъ успѣха въ намѣреніи обуздать хана посредствомъ Турціи, мы наконецъ и безъ ея содѣйствія достигли цѣли своей: обезоружили его, не столько угожденіями и переговорами, сколько благоразумными мѣрами, взятыми для защиты южныхъ областей Россіи. Возобновивъ древній Курскъ, давно запустѣвшій, основавъ крѣпости Ливны, Кромы, Воронежъ, царь въ концѣ 1593 г. велѣлъ строить еще новыя, на всѣхъ сакмахъ или путяхъ татарскихъ отъ рѣки Донца къ берегамъ Оки: Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйку, и населить оныя людьми ратными, стрѣльцами, казаками, такъ что раз-

бойники ханскіе уже не могли легко обходить грозныхъ для нихъ твердынь, откуда лѣтомъ непрестанно выѣзжали конные отряды для наблюденія и громъ пушечный оглушалъ варваровъ. Царь въ одной рукѣ держалъ мечъ, а въ другой золото, и приказывалъ къ хану: «Папа римскій, цесарь, короли испанскій, португальскій, датскій и вся Германія убѣждаютъ меня искоренить твой улусъ, между тѣмъ какъ они всѣми силами будутъ дѣйствовать противъ султана. Собственные бояре мои, князья, воеводы, въ особенности жители Украйны, также бьютъ мнѣ челомъ, чтобы я вспомнилъ всѣ ваши неправды и злодѣйства, двинулъ войско, и въ самыхъ нѣдрахъ твоей орды не оставилъ камня на камнѣ. Но я, желая дружбы твоей и султановой, не внимаю ни посламъ европейскихъ государей, ни воплю моего народа и предлагаю тебѣ братство съ богатыми дарами». Непрестанно помыкаемый Амуратомъ изъ земли въ землю, то въ Молдавію и Валахію, то въ Венгрію, чтобы усмирять бунты оттоманскихъ данниковъ или сражаться съ австрійцами, изнуряя войско въ походахъ и пріобрѣтая скудную добычу тратою людей въ битвахъ, ханъ вымолилъ у султана дозволеніе обмануть Россію ложнымъ примиреніемъ, торжественнымъ и пышнымъ, какого въ теченіе семидесятипяти лѣтъ у насъ не было съ Тавридою. Въ ноябрѣ 1593 года съѣхались знатные послы, ханскій Ахметъ-паша и московскіе, князь Ѳедоръ Хворостининъ съ Богданомъ Бѣльскимъ, на берегу Сосны, подъ Ливнами, для предварительнаго договора. Сія рѣка была тогда границею обитаемой или населенной Россіи; далѣе, къ югу, начинались степи, приволье татарское, и вельможа Казы-Гиреевъ не хотѣлъ ѣхать на лѣвый берегъ Сосны, боясь отдаться намъ въ руки и тѣмъ унизить достоинство хана. Послы, сходясь на мосту, условились съ обѣихъ сторонъ прекратить непріятельскія дѣйствія, освободить плѣнниковъ, утвердить миръ и союзъ навѣки, для чего крымскому ширинскому князю Ишимамету надлежало ѣхать въ Москву, а князю Меркурію Щербатову въ Тавриду. Сіи новые, великіе послы, встрѣтясь на томъ же мосту, ласково привѣтствовали другъ друга, и каждый отправился въ свой путь. Въ залогъ дружбы Ѳеодоръ отпустилъ къ хану жену царевича Мурата, умершаго въ Астрахани; доставилъ Казы-Гирею 10,000 р., сверхъ шубъ и тканей драгоцѣнныхъ, обѣщая присылать ежегодно столько же; наконецъ имѣлъ удовольствіе получить отъ него (лѣтомъ въ 1594 г.) шертную или клятвенную грамоту съ златою печатію. Сія грамота условіями и выраженіями напоминала старыя, истинно союзныя, коими добрый, умный Менгли-Гирей удостовѣрялъ Іоанна III въ любви и братствѣ. Казы-Гирей обязывался быть врагомъ нашихъ враговъ, безъ милости казнить своихъ улусниковъ за впаденія въ Россію, возвращать ихъ добычу и плѣн-

никовъ, оберегать царскихъ пословъ и людей торговыхъ, не задерживать иноземцевъ на пути въ Москву и проч. Хотя съ сего времени крымцы года три не безпокоили нашихъ владѣній, усиленно помогая султану въ войнѣ венгерской, но рать московская всегда стояла на берегахъ Оки, готовая къ бою.

Въ сіе время, совершенно мирное для Россіи, внѣшняя политика ея не дремала,—и, смѣло увѣряя султана, что мы изъ дружбы къ нему не хотимъ дружиться съ его врагами, дворъ московскій искреннѣе прежняго желалъ союза съ ними. Въ сентябрѣ 1593 года цесарь вторично прислалъ въ Москву сановника Николая Варкоча, краснорѣчиво доказывать необходимость единодушнаго возстанія державъ христіанскихъ на султана и требовать отъ насъ денежнаго вспоможенія или мѣховъ драгоцѣнныхъ для войны съ невѣрными. Въ тайной рѣчи онъ сказалъ Годунову, что Рудольфъ думаетъ жениться на дочери Филиппа, короля испанскаго, и присвоить себѣ Францію съ согласія многихъ тамошнихъ вельможъ, ненавидящихъ Генриха IV; что Сигизмундъ, оскорбляемый самовольствомъ и дерзостію пановъ, хочетъ сложить съ себя вѣнецъ Ягеллоновъ и возвратиться въ Швецію; что братъ императора, Максимиліанъ, снова надѣется быть королемъ польскимъ и молитъ Θеодора способствовать ему въ томъ всѣми нашими силами, обязываясь уступить Россіи часть Ливоніи. Именемъ царскимъ бояре отвѣтствовали: «Дѣдъ, отецъ Θеодоровъ и самъ Θеодоръ многократно изъявляли вѣнскому двору свою готовность вмѣстѣ съ Европою воевать оттомановъ; но мы тщетно ждали императорскаго, испанскаго и римскаго посольства въ Москву для условія, ждемъ и нынѣ. За казну не стоимъ, лишь бы началося великое дѣло славы и спасенія христіанъ. Царь желаетъ во всемъ успѣха императору; будетъ ревностно дѣйствовать, чтобы доставить Максимиліану корону польскую, и въ такомъ случаѣ уступить ему всю Ливонію, кромѣ Дерпта и Нарвы, необходимыхъ для Россіи». Варкоча отпустили съ письмами къ Рудольфу, Филиппу, папѣ о скорѣйшемъ отправленіи пословъ въ Москву и къ шведскому принцу Густаву, Эрикову сыну, коему Θеодоръ предлагалъ убѣжище сими словами: «Отцы наши были въ дружбѣ и союзѣ; узнавъ, что ты скитаешься изгнанникомъ въ земляхъ италійскихъ, зову тебя въ Россію, гдѣ будешь имѣть пристойное жалованье, многіе города въ отчину, жизнь спокойную и свободу выѣхать, когда и куда тебѣ угодно». Послѣ объяснится, для чего мы призывали Густава.

Между тѣмъ безпечный Рудольфъ, уже воюя съ султаномъ въ Венгріи, еще не спѣшилъ заключить союза съ Россіею. Въ августѣ 1594 года явился въ Москвѣ гонецъ его, но съ письмомъ странным (на языкѣ латинскомъ, за открытою печатью), писаннымъ вмѣстѣ и къ Θеодору, и къ молдавскому господарю Аарону, и къ

бряславскому воеводѣ Збарежскому, и къ казакамъ днѣпровскимъ, такого содержанія: «Вручитель сего Станиславъ Хлопицкій, начальникъ Запорожскаго войска, изъявилъ намъ добрую волю служить имперіи противъ невѣрнаго султана съ осмью или съ десятью тысячами казаковъ. Мы его охотно приняли и дали ему свое знамя, орла чернаго, съ тѣмъ, чтобы онъ залегъ всѣ пути крымцамъ къ Дунаю, огнемъ и мечемъ опустошая владѣнія султанскія, но щадя литовскія и другія христіанскія земли, для чего и молимъ васъ благопріятствовать сему нашему слугѣ усердному». Ясно, что надпись къ Өеодору была поддѣльная: не могъ императоръ говорить однимъ языкомъ и съ царемъ московскимъ, и съ казаками; на словахъ же, именемъ Рудольфа, Хлопицкій извѣстилъ бояръ о побѣдахъ его, о союзѣ съ нимъ князя семиградскаго, господарей молдавскаго и волошскаго, увѣряя, что запорожскіе воины, считая Россію своимъ истиннымъ отечествомъ, не смѣютъ дѣйствовать безъ воли царя, и молилъ, чтобы Өеодоръ, соединивъ съ ними нѣсколько дружинъ московскихъ, велѣлъ имъ идти на турковъ подъ знаменами россіянъ. Хлопицкаго не допустили до государя, изъявивъ ему непристойность цесаревой грамоты, но примолвили: «Изъ уваженія къ императору царь отпускаетъ тебя безъ гнѣва и напишетъ къ гетману запорожцевъ Богдану Микошинскому, что они могутъ служить Рудольфу». Обстоятельство достопамятное: днѣпровскіе казаки, будучи подданными Литвы, вопреки ей, раболѣпно угождающей султану, входятъ въ союзъ съ императоромъ, чтобы воевать съ турками, и признаютъ себя въ какой-то зависимости отъ царя московскаго! Хотя сей беззаконный союзъ не имѣлъ желаемаго слѣдствія для Австріи, хотя литовское правительство наказало самовольство казаковъ, отнявъ у нихъ пушки, знамена, серебряныя трубы, булаву, данную имъ Стефаномъ Баторіемъ, и чернаго орла императорскаго, но воспоминанія общаго древняго отечества, единовѣріе, утѣсненіе греческой церкви въ Литвѣ и местъ народная съ того времени уже явно готовили, въ душѣ днѣпровскихъ витязей, присоединеніе ихъ благословеннаго края къ державѣ московской.

Желая чего-нибудь рѣшительнаго въ нашихъ долговременныхъ переговорахъ съ Австріею, Өеодоръ посылалъ и своего гонца къ Рудольфу, чтобы узнать истинную вину его страннаго отлагательства въ дѣлѣ столь важномъ; свѣдалъ, что Николай Варкочъ, выѣхавъ изъ Россіи, нашелъ императора въ Прагѣ, но долго не могъ быть ему представленъ, за обыкновенными недосугами сего празднаго вѣнценосца; что Рудольфъ сообщилъ наконецъ сейму курфирстровъ благопріятный отвѣтъ Өеодоровъ, и что они, высоко цѣня дружбу Россіи, убѣдили его отправить къ намъ новое посольство. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (въ декабрѣ 1594) пріѣхалъ въ

Москву тотъ же Варкочъ съ увѣдомленіемъ, что турки болѣе и болѣе усиливаются въ Венгріи; онъ требовалъ немедленнаго вспоможенія казною—и мы удивили австрійскій дворъ щедростію, пославъ императору, на воинскія издержки, 40,360 соболей, 20,760 куницъ, 120 черныхъ лисицъ, 337,235 бѣлокъ и 3,000 бобровъ, цѣною на 44 тысячи московскихъ тогдашнихъ рублей, съ думнымъ дворяниномъ Вельяминовымъ, коему оказали въ Прагѣ необыкновенную честь: войско стояло въ ружьѣ на всѣхъ улицахъ, гдѣ онъ ѣхалъ ко дворцу въ императорской каретѣ; не было конца привѣтствіямъ, угощеніямъ, ласкамъ; давали ему обѣдъ за обѣдомъ, и всегда съ музыкою, хотя сей чиновникъ не искалъ веселія, говоря: «Православный царь оплакиваетъ кончину своей милой дочери; а съ нимъ плачетъ и вся Россія». Въ двадцати комнатахъ дворца, разложивъ дары Ѳеодоровы предъ глазами императора и вельможъ его, онъ удовлетворилъ ихъ любопытству описаніемъ Сибири, богатой мѣхами, но не хотѣлъ сказать, чего стоила сія присылка государева, оцѣненная богемскими евреями и купцами въ восемъ бочекъ золота. Вельяминовъ объявилъ министерству австрійскому, что вспоможеніе, столь значительное, доказываетъ всю искренность Ѳеодорова дружества, не взирая на удивительную медленность императора и союзниковъ его въ заключеніи торжественнаго договора съ нами. Дѣйствительно, трудно понять, для чего вѣнскій дворъ какъ бы уклонялся отъ сего договора, болѣе для насъ, нежели для Австріи, опаснаго или затруднительнаго, ибо онъ велъ мирную Россію къ войнѣ съ султаномъ, который уже воевалъ Австрію. Отвѣтствуя царю, что дальность мѣстъ, вражда Испаніи съ Англіею и Франціею; мятежъ нидерландскій, дряхлость короля Филиппа и новость папы (Климента восьмого) мѣшаютъ общему союзу державъ христіанскихъ противъ оттомановъ, императоръ послалъ, однакожъ, къ Ѳеодору, для изъявленія благодарности, знатнаго вельможу Авраама бургграфа Донавскаго съ думнымъ совѣтникомъ Юріемъ Калемъ, съ двадцатью дворянами и съ девяносто двумя слугами.

Сіе посольство удовлетворяло единственно честолюбію двора московскаго своею пышностію и требовало съ его стороны такой же. Вельможа австрійскій ѣхалъ изъ Ливоніи чрезъ Псковъ, видя во всѣхъ городахъ, на всѣхъ станахъ множество людей, чисто одѣтыхъ и собранныхъ, по указу царскому, изъ самыхъ дальнихъ мѣстъ, чтобы явить ему, сколь населена и богата Россія. Отъ границы до Москвы вездѣ встрѣчали и провожали его отряды воиновъ на прекрасныхъ коняхъ; вездѣ находилъ онъ для себя покой съ роскошью, не имѣя только свободы, ибо за нимъ наблюдали неусыпно, чтобы скрыть отъ него истины, прискорбныя для самолюбія россіянъ. Въ столицѣ везли сего знаменитаго гостя лучшими улицами, мимо

лучшихъ зданій, отвели ему красивый домъ князя Ноздроватаго, дали услугу царскую, приносили, на золотѣ и серебрѣ, всѣ лакомства стола русскаго вмѣстѣ съ драгоцѣннѣйшими винами южной Европы. Въ день представленія (22 мая 1597) дворъ московскій сіялъ великолѣпіемъ чрезвычайнымъ. Бургграфъ, имѣя подагру, ѣхалъ въ Кремль не верхомъ, а въ открытомъ нѣмецкомъ возкѣ; предъ нимъ 120 всадниковъ, дворянъ и сотниковъ, въ блестящихъ доспѣхахъ. Ѳеодоръ принималъ его въ большой Грановитой, росписной палатѣ, сидя на тронѣ, въ діадемѣ и съ скипетромъ; Годуновъ стоялъ подлѣ, съ державою. На правой лавкѣ сидѣли царевичъ Арасланъ-Алей, сынъ Кайбулинъ, Маметкулъ сибирскій и князь Ѳедоръ Мстиславскій; на лѣвой—Уразъ-Магметъ, царевичъ киргизскій; далѣе бояре, сыновья господарей молдавскаго и волошскаго, князья служилые, окольничіе, крайчій, оружничій (Бѣльскій), дворяне думные, постельничій, стряпчій, 13 стольниковъ, 200 князей и дворянъ; дьяки же думные въ золотой Грановитой палатѣ. Императоръ прислалъ въ даръ царю мощи св. Николая, окованныя золотомъ, двѣ кареты, 12 санниковъ, боевые часы съ органами, нѣсколько сосудовъ хрустальныхъ; Годунову кубокъ драгоцѣнный съ изумрудами, часы стоячіе и двухъ жеребцовъ съ бархатными попонами, а юному сыну его, Ѳедору Борисовичу, обезьянъ и попугаевъ; благодарилъ равно ласково и царя, и правителя, который, чрезъ нѣсколько дней, дозволивъ послу быть особенно у себя въ домѣ, съ величіемъ монарха говорилъ ему слова милостивыя, а дворянамъ его давалъ цѣловать свою руку.

Но пышность и ласки не произвели ничего важнаго. Когда австрійскій вельможа, приступивъ къ главному дѣлу, объявилъ, что Рудольфъ еще ждетъ отъ насъ услугъ дальнѣйшихъ; что мы должны препятствовать впаденіямъ хана въ Венгрію и миру шаха съ султаномъ; должны и впредь помогать казною императору въ срочное время, въ опредѣленномъ количествѣ, золотомъ или серебромъ, а не мѣхами, коихъ онъ не можетъ выгодно продавать въ Европѣ,—тогда бояре сказали рѣшительно, что Ѳеодоръ безъ взаимнаго, письменнаго обязательства Австріи не намѣренъ расточать для нея сокровищъ Россіи; что посланникъ государевъ Иcлѣньевъ остановленъ въ Константинополѣ за наше вспоможеніе Рудольфу казною; что мы всегда обуздываемъ хана, и давно бы утвердили союзъ христіанской Европы съ Персіею, если бы императоръ не манилъ насъ пустыми обѣщаніями. Вмѣстѣ съ симъ посломъ былъ у насъ и гонецъ отъ Максимиліана, хотѣвшаго, чтобы Ѳеодоръ помогъ ему деньгами въ исканіи короны польской. Максимиліану желали короны, но отказали въ деньгахъ—и бургграфъ (въ іюлѣ мѣсяцѣ) выѣхалъ изъ Москвы съ одною честію и съ дарами богатыми.

Всего удивительнѣе, что Рудольфъ въ своей медленности изви-

нялся новостію папы Климента VIII, а сей папа тогда присылалъ къ Өеодору, чрезъ Литву, именитаго легата Александра Комулея, аббата моненскаго, и за тѣмъ же дѣломъ, убѣждая царя избавить державы христіанскія отъ ига мусульманъ. Комулей и вельможа австрійскій едва ли видѣлись другъ съ другомъ въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ дѣйствовали или говорили безъ всякаго сношенія между собою. Съ обыкновенною тонкостію римскаго двора папа льстилъ царю и Россіи; представлялъ ему, что оттоманы могутъ, завоевавъ Венгрію, завоевать и Польшу съ Литвою; что они уже и съ другой стороны касаются нашихъ владѣній, покоривъ часть Грузіи и Персіи; что Византійская и многія иныя державы пали отъ излишней любви къ миру, отъ бездѣйствія и непредвидѣнія опасностей; что Өеодору легко послать войско въ Молдавію и взять султановы города на берегахъ Чернаго моря, гдѣ ожидаетъ насъ и слава, и богатая добыча; что мы лучше узнаемъ тамъ искусство военное, ибо увидимъ, какъ нѣмцы, венгры, итальянцы сражаются и побѣждаютъ турковъ; что отъ насъ зависитъ присоединить къ Россіи земли, счастливыя благорастворенiемъ воздуха, выгодами естественными, красотою природы, и чрезъ Өракію открыть себѣ путь къ самой Византіи, наслѣдственному достоянію государей московскихъ; что ревность вѣры сближаетъ пространства; что Римъ и Мадридъ далеки отъ Босфора, но что Константинополь увидитъ знамена апостольскія и Филипповы; что народы, угнетаемые турками суть намъ братья по языку и закону; что время благопріятно: войско оттоманское разбито въ Персіи и въ Венгріи, а внутри Турціи вездѣ мятежъ, и не осталось половины жителей.—Достойны замѣчанія и слѣдующія мѣста наказа, даннаго папою легату: «Мы слышали, что цари любятъ хвалиться своимъ мнимымъ происхожденiемъ отъ древнихъ римскихъ императоровъ и даютъ себѣ пышныя титла. Изъясни боярамъ московскимъ, что степени въ достоинствѣ или въ величіи государей должны быть утверждены нами, и въ примѣръ наименуй королей польскихъ и богемскихъ, обязанныхъ вѣнцемъ первосвятителю всемірной церкви. Старайся впечатлѣть въ ихъ души благоговѣніе ко главѣ христіанъ, мирныхъ и счастливыхъ нашею духовною властію; доказывай, что истинная Христова церковь въ Римѣ, а не въ Константинополѣ, гдѣ невѣрные султаны торгуютъ саномъ рабовъ-патріарховъ, чуждыхъ благодати Св. Духа; что зависѣть отъ мнимыхъ пастырей византійскихъ есть зависѣть отъ враговъ Спасителя, и что Россія знаменитая достойна лучшей доли. Тебѣ, мужу ученому, извѣстно несогласіе въ догматахъ римской и греческой вѣры: убѣждай россіянъ въ истинѣ нашего православія, сильно, но осторожно, тѣмъ осторожнѣе, что они весьма любятъ точность, что ты, говоря ихъ собственнымъ языкомъ, не можешь извиниться невѣдѣніемъ истин-

наго разума словъ. Но сколько имѣешь и выгодъ предъ всѣми учителями, посыланными къ нимъ изъ Рима въ теченіе семи вѣковъ и незнакомыми ни съ языкомъ, ни съ обычаями Россіи! Если Господь благословитъ подвигъ твой успѣхомъ, если откроешь путь къ соединенію вѣръ, то сердце наше утѣшится и славою церкви, и спасеніемъ душъ безчисленныхъ».—Знаемъ, что съ симъ наказомъ Климентовъ посолъ былъ два раза въ Москвѣ (въ 1595 и 1597 году), но не знаемъ его переговоровъ, которые, впрочемъ, не имѣли важныхъ слѣдствій, уменьшивъ, какъ вѣроятно, надежду Рима на государственный и церковный союзъ съ Россіею, по крайней мѣрѣ до времени.

Обѣщая императору, безъ сомнѣнія и папѣ, вѣрнаго сподвижника въ шахѣ персидскомъ, мы дѣйствительно могли сдержать слово, возобновивъ съ нимъ дружелюбную связь. Уже сей знаменитый шахъ Аббасъ готовился къ дѣламъ славы, которыя доставили ему въ лѣтописяхъ имя великаго. Наслѣдовавъ державу, разстроенную слабостію Тамаса и Годабенда, возмущаемую кознями удѣльныхъ хановъ, стѣсненную завоеваніями турковъ, хотѣлъ единственно временнаго мира съ послѣдними, чтобы утвердиться на престолѣ и смирить внутреннихъ мятежниковъ; старался узнать взаимныя отношенія государствъ самыхъ дальнихъ и, привѣтствуя за морями добраго союзника въ королѣ испанскомъ, видѣлъ еще надежнѣйшаго въ сильномъ монархѣ россійскомъ, коего владѣнія уже сходились съ персидскими и съ оттоманскими. Новый посолъ шаховъ (въ 1593 году), Ази-Хосревъ, вручивъ царю ласковое письмо Аббасово, всего болѣе льстилъ правителю, въ тайныхъ съ нимъ бесѣдахъ, пышными выраженіями восточными, говоря ему: «Ты единою рукою держишь землю Русскую, а другую возложи съ любовію на моего шаха и навѣки утверди братство между имъ и царемъ». Борисъ отвѣчалъ скромно: «Я только исполняю волю самодержца: гдѣ его слово, тамъ моя голова»—но взялся быть ревностнымъ ходатаемъ за шаха. Изъясняя Годунову, что перемиріе, заключенное Персіею съ турками, есть одна хитрость воинская, посолъ сказалъ: «Чтобы усыпить ихъ, шахъ далъ имъ своего шестилѣтняго племянника въ аманаты—или въ жертву: пусть они зарѣжутъ младенца при первомъ блескѣ нашей сабли! Тѣмъ лучше, ибо грозный Аббасъ не любитъ ни племянниковъ, ни братьевъ, готовя для нихъ вѣчный покой въ могилѣ или мракъ ослѣпленія въ темницѣ». Ази не клеветалъ на шаха; но сей безжалостный истребитель единокровныхъ умѣлъ явить себя великимъ монархомъ въ глазахъ посла Ѳеодорова, князя Андрея Звенигородскаго, коему надлежало узнать всѣ обстоятельства Персіи и замыслы Аббасовы. Князь Андрей (въ 1594 году) ѣхалъ чрезъ Гилянь, уже подвластную шаху, который выгналъ ея царя Ахмета, обвиняемаго имъ въ вѣроломствѣ.

Вездѣ тишина и порядокъ доказывали неусыпную дѣятельность государственной власти; вездѣ честили посла, какъ вѣстника Ѳеодоровой дружбы къ шаху. Аббасъ принялъ его въ Кашанѣ, окруженный блестящимъ дворомъ, царевичами и вельможами, имѣя на бедрѣ осыпанную алмазами саблю, а подлѣ себя лукъ и стрѣлу; далъ ему руку, не предлагая цѣловать ноги своей; изъявлялъ живѣйшее удовольствіе, славилъ царя и Годунова. Пиры и забавы предшествовали дѣламъ: днемъ гулянья въ садахъ, музыка, пляска, игры воинскія (въ коихъ самъ Аббасъ оказывалъ рѣдкое искусство, носясь вихремъ на борзомъ аргамакѣ своемъ и пуская стрѣлы въ цѣль); ввечеру потѣшные огни, яркое освѣщеніе садовъ, водометовъ, площади, красивыхъ лавокъ, гдѣ толпилось множество людей и гдѣ раскладывались драгоцѣнности азіатскія для прельщенія глазъ. Шахъ хвалился войскомъ, цвѣтущимъ состояніемъ художествъ и торговли, пышностію, великолѣпіемъ и, показывая князю Звенигородскому свои новыя палаты, говорилъ: «Ни отецъ, ни дѣдъ мой не имѣли такихъ». Показывалъ ему и всѣ свои рѣдкія сокровища: желтый яхонтъ, вѣсомъ во 100 золотниковъ, назначенный имъ въ даръ царю, богатое сѣдло Тамерланово, латы и шлемы работы персидской. За обѣдомъ, сидя съ нимъ рядомъ, шахъ сказалъ: «Видишь ли посла индѣйскаго, сидящаго здѣсь ниже тебя? Монархъ его Джеладдинъ Айберъ владѣетъ странами неизмѣримыми, едва ли не двумя третями населеннаго міра, но я уважаю твоего царя еще болѣе». Начавъ бесѣдовать съ княземъ Андреемъ о дѣлахъ, Аббасъ удостовѣрялъ его въ твердомъ намѣреніи изгнать ненавистныхъ оттомановъ изъ западныхъ областей Персіи, но прежде отнять Хорасанъ у царя бухарскаго Абдулы, который овладѣлъ имъ въ Годабендово несчастное время и завоевалъ Хиву. «Я живу одною мыслію»,—говорилъ Аббасъ:—«возстановить цѣлость и знаменитость древней Персіи. Имѣю 40,000 всадниковъ, 30,000 пѣшихъ воиновъ, 6,000 стрѣльцовъ съ огненнымъ боемъ; смирю ближайшаго недруга, а послѣ и султана: даю въ томъ клятву, довольствуясь искреннимъ обѣщаніемъ государя московскаго содѣйствовать, когда настанетъ время, успѣху сего великаго подвига, да раздѣлимъ славу и выгоду онаго!» Аббасъ соглашался вступить въ сношеніе съ Австріею чрезъ Москву (гдѣ посолъ его видѣлся съ Рудольфовымъ); безспорно уступалъ намъ Иверію, но говорилъ: «Царь Александръ обманываетъ Россію, грубитъ мнѣ и тайно платитъ дань султану». Сынъ Александровъ, Константинъ, находясь аманатомъ въ Персіи, волею или неволею, принялъ тамъ вѣру магометанскую и женился на мусульманкѣ; шахъ, въ угодность Ѳеодору, отпускалъ его въ Москву, но сей юный князь самъ не захотѣлъ ѣхать туда, сквозь слезы сказавъ нашему послу: «Моя судьба умереть здѣсь въ честномъ рабствѣ!» Чтобы дока-

зать отмѣнную дружбу къ Россіи, Аббасъ пріѣхалъ самъ нечаянно въ гости къ князю Звенигородскому съ изгнанникомъ, царемъ хивинскимъ, Азимомъ и съ первымъ своимъ министромъ Фергатъ-ханомъ, пилъ у него вино и медъ (любя часто быть навеселѣ, вопреки Магомету), внимательно разсматривалъ иконы Богоматери и св. Николая и, взявъ отъ хозяина въ даръ черную лисью шапку, отдарилъ его щедро прекраснымъ аргамакомъ и образомъ Дѣвы Маріи, писаннымъ на золотѣ въ Персіи съ фряжской иконы, которая была прислана шаху изъ Ормуса. Въ подтвержденіе всего сказаннаго Андрею Звенигородскому Аббасъ послалъ съ нимъ въ Москву одного изъ вельможъ своихъ Кулыя, а Ѳеодоръ къ шаху князя Василья Тюфякина съ образцовою договорною грамотою, въ томъ смыслѣ, чтобы имъ быть вѣрными союзниками и братьями, общими силами выгнать турковъ изъ земель каспійскихъ, Россіи взять Дербентъ съ Баку, Персіи Ширванскую область. Но Тюфякинъ и дьякъ его умерли на пути, о чемъ долго не знали въ Москвѣ, и сношенія съ Аббасомъ, занятымъ тогда счастливою для него войною бухарскою, прервались до новаго царствованія въ Россіи.

По крайней мѣрѣ шахъ уступилъ намъ Иверію. До времени не споря объ ней съ султаномъ явно, Ѳеодоръ хотѣлъ утвердить свое право на имя ея верховнаго властителя усмиреніемъ жестокаго врага Александрова, Шавкала, и еще два раза посылалъ на него воеводъ князей Григорія Засѣкина и Андрея Хворостинина. Отъ перваго бѣжалъ Шавкалъ въ неприступныя горы; второму надлежало довершить покореніе сей земли Дагестанской, соединиться въ ней съ войскомъ иверскимъ, съ сыномъ Александровымъ, Юріемъ, и взять ея столицу Тарки, чтобы отдать ее тестю Юріеву, другому князю дагестанскому. Князь Хворостининъ пришелъ и взялъ Тарки, но не встрѣтилъ ни сына, ни свата Александрова, ждалъ ихъ тщетно, непрестанно бился съ горными жителями, ежедневно слабѣлъ въ силахъ и долженъ былъ, разоривъ Тарки, бѣжать назадъ въ Терскую крѣпость; не менѣе трехъ тысячъ россіянъ легло, какъ пишутъ, въ горахъ и дебряхъ. Сей случай могъ быть поставленъ въ вину Александру; царь изъявилъ ему удивленіе, для чего сынъ и сватъ его не соединились съ нашимъ воеводою? Александръ извинялся непроходимостію горъ, а Ѳеодоръ благоразумно замѣтилъ ему, что если разбойникъ Шавкалъ находитъ путь въ Иверію, то и войско иверское могло бы найти путь въ землю Шавкала. Однакожъ терпѣливая, хладнокровная политика наша не измѣнилась отъ сей досады, ни отъ скупости Александра въ платежѣ намъ дани: «Казна моя истощена» (говорилъ онъ) «свадьбою моей дочери, вышедшей за князя Дадьянскаго, и многими дарами, коихъ требуютъ отъ меня сильные цари мусульманскіе». Узнавъ, что Александръ примирился съ зятемъ своимъ Симеономъ будто бы въ

услугу Россіи, царь писалъ къ первому: «Вѣрю твоему усердію и еще болѣе повѣрю, если склонишь Симеона быть нашимъ присяжникомъ». Обманывалъ ли Александръ Россію, какъ сказалъ шахъ Аббасъ князю Звенигородскому? Нѣтъ, онъ былъ только слабымъ между сильными, безъ сомнѣнія искренно предпочиталъ власть Россіи власти оттоманской и персидской, надѣялся, ободрялся; но видя, что мы не хотимъ или не можемъ прислать въ Иверію войска, достаточнаго для обороны ея, хладѣлъ въ усердіи къ намъ; не слагалъ съ себя имени россійскаго данника, но дѣйствительно платилъ дань султану (шелкомъ и конями), убѣждая Θеодора защитить Иверію, хотя со стороны Дагестана, гдѣ московскіе воеводы основали тогда новыя крѣпости на берегу Койсу, чтобы стѣснить Шавкала и загладить неудачу князя Хворостинина.

Сверхъ Иверіи и князей черкесскихъ или кабардинскихъ, подвластныхъ Россіи, сверхъ ногаевъ, также нашихъ присяжниковъ, хотя и не всегда вѣрныхъ, Θеодоръ съ 1595 года объявилъ себя владыкою и многолюдной Орды Киргизской. Ханъ ея Тевкель, именуясь царемъ казацкимъ и калмыцкимъ, добровольно ему поддался, моля единственно о свободѣ племянника своего Уразъ-Магмета, взятаго нами вмѣстѣ съ сибирскимъ княземъ Сейдякомъ. Θеодоръ обѣщалъ Тевкелю милость, защиту и снарядъ огнестрѣльный; соглашался отпустить къ нему племянника, но требовалъ отъ него сына въ аманаты. Кромѣ чести быть царемъ царей, Θеодоръ ожидалъ и пользы отъ новаго слуги россійскаго: нашъ злодѣй изгнанникъ сибирскій Кучумъ скитался въ степяхъ Киргизскихъ; мы хотѣли, чтобы Тевкель истребилъ или представилъ его въ Москву и воевалъ Бухарію, ибо царь ея Абдулъ покровительствовалъ Кучуму и въ своихъ письмахъ грубилъ Θеодору. Такъ политика наша дѣйствовала въ Азіи, чтобы утвердить власть Россіи надъ Востокомъ.

Въ Европѣ мы сносились еще съ Даніею и съ Англіею: съ первою о границахъ въ Лапландіи, со второю—о торговлѣ. Фредерикъ датскій, желая означить вѣрный предѣлъ нашего и своего владѣнія во глубинѣ Сѣвера, между Колою и Варгавомъ, присылалъ туда чиновника Керстена Фриза; но онъ уѣхалъ назадъ, не хотѣвъ ждать посла московскаго князя Ивана Барятинскаго. Новый король, сынъ Фредериковъ, Христіанъ IV изъявилъ Θеодору желаніе быть съ нимъ въ крѣпкой любви, также условился о съѣздѣ пословъ въ Лапландіи и также безплодно: воевода князь Семенъ Звенигородскій, и намѣстникъ болховскій Григорій Васильчиковъ (въ 1592 году) долго жили въ Колѣ и не могли дождаться Христіановыхъ повѣренныхъ. Съ обѣихъ сторонъ извинялись дальностію и невѣрностію пути, бурями и снѣгами; съ обѣихъ сторонъ узнали, по крайней мѣрѣ, отъ старожиловъ кольскихъ и варгавскихъ древнюю межу Норвегіи съ Новгородскою Лопью; велѣли жителямъ пре-

кратить споры, торговать мирно и свободно впредь до общаго, письменнаго условія между царемъ и королемъ. Ѳеодоръ, въ удовольствіе Христіану, далъ слово освободить нѣкоторыхъ плѣнниковъ, взятыхъ россіянами въ набѣгѣ датчанъ на уѣздъ Холмогорскій, и писалъ о томъ къ начальникамъ Астрахани, Терской крѣпости и Сибири, куда ссылались военноплѣнные. Однимъ словомъ, Данія снова искала нашей дружбы, уже не мысля препятствовать морской торговлѣ Россіи съ Англіею.

Сія важная торговля едва было не прервалася отъ взаимныхъ досадъ англійскаго и нашего правительства. Мы жаловались на обманы лондонскихъ купцовъ и требовали съ нихъ около полумилліона нынѣшнихъ рублей, взятыхъ ими въ долгъ изъ царской казны у Годунова, у бояръ и дворянъ; а купцы запирались въ семъ долгѣ, слагали его другъ на друга и жаловались на притѣсненія. Царь (въ 1588 году) вторично посылалъ Бекмана въ Лондонъ для объясненія съ Елисаветою, которая долго не могла видѣть его, оплакивая смерть человѣка, нѣкогда милаго ея сердцу, графа Лейстера; наконецъ приняла толмача россійскаго съ великою милостію, отошла съ нимъ въ уголъ комнаты и бесѣдовала тихо; пеняла ему безъ гнѣва, что онъ, года за четыре передъ тѣмъ, гулявъ и бесѣдовавъ съ нею въ саду, будто бы въ донесеніи къ царю назвалъ сіе увеселительное мѣсто низкимъ именемъ огорода; спрашивала о здоровьѣ Годунова; увѣряла, что все сдѣлаетъ изъ дружбы къ Ѳеодору, но объявила новыя требованія, съ коими пріѣхалъ въ Москву докторъ Флетчеръ. Сей болѣе ученый, нежели знатный посланникъ, именемъ Елисаветы предложилъ нашей Думѣ слѣдующія статьи:

«Королева желала бы заключить тѣсный союзъ съ царемъ; но океанъ между ими. Дальность, препятствуя государственному союзу, не мѣшаетъ, однакожъ, любви сердечной; такъ отецъ Ѳеодоровъ, государь славный и мудрый, всегда являлъ себя истиннымъ братомъ Елисаветы, которая хочетъ быть нѣжною сестрою и великаго сына его. Сія любовь, хотя и безкорыстная, питается частыми сношеніями вѣнценосцевъ о дѣлахъ купеческихъ: если гостей англійскихъ не будетъ въ Россіи, то королева и не услышитъ о царѣ, а долговременная безвѣстность не охладитъ ли взаимнаго дружества?

«Для утвержденія сей, ея сердцу пріятной связи, королева молитъ царя, чтобы онъ указалъ: 1) основательнѣе разсмотрѣть дѣло о сомнительномъ долгѣ купцовъ лондонскихъ; 2) судить ихъ только великому боярину Годунову, благотворителю англичанъ; 3) давать имъ, какъ было въ царствованіе Іоанново, свободный путь изъ Москвы въ Бухарію, въ Шамаху и въ Персію, безъ задержанія и безъ всякаго осмотра товаровъ въ Казани и въ

Астрахани; 4) царскимъ саповникамъ не брать у нихъ ничего силою, безъ платежа денегъ; 5) отмѣнить всякую заповѣдь въ товарахъ, покупаемыхъ англичанами въ Россіи; 6) способствовать имъ въ отысканіи земли Китайской, давать вожатыхъ, суда и лошадей на всѣхъ дорогахъ; 7) безъ письменнаго вида отъ Елисаветы не пускать никакихъ гостей въ пристани между Варгавомъ и Двинскимъ устьемъ, ни въ Новгородъ; 8) денежнымъ россійскимъ мастерамъ безпошлинно переливать ефимки для купцовъ лондонскихъ; 9) ни въ какихъ преступленіяхъ не пытать англичанъ, но отсылать къ ихъ старостѣ или приказчику, или въ Англію для казни; 10) никого изъ нихъ не безпокоить въ разсужденіи вѣры.—Симъ докажетъ царь любовь къ Елисаветѣ».

Бояре написали въ отвѣтъ: «Государь нашъ, благодаря королеву за доброе къ нему расположеніе, самъ искренно желаетъ ея дружбы, подобно своему великому родителю; но не можетъ согласиться съ тѣмъ, чтобы взаимная любовь вѣнценосцевъ питалась дѣлами купечества и чтобы безъ торговли они уже не имѣли средствъ сноситься другъ съ другомъ. Такія выраженія непристойны. Царь хочетъ жить въ братствѣ съ знаменитыми монархами, съ султаномъ, императоромъ, королями испанскимъ, французскимъ, съ Елисаветою и со всѣми, не для выгоды купцовъ, а для своего обычая государственнаго. Въ удовольствіе Елисаветѣ онъ жаловалъ гостей лондонскихъ, которые, забывъ его милости, начали жить обманомъ, не платить долговъ, ѣздить тайно въ другія земли какъ лазутчики, въ письмахъ злословить Россію, преграждать путь иноземнымъ кораблямъ къ Двинскому устью—однимъ словомъ, заслуживали казнь по уставамъ всѣхъ государствъ; но царь, изъ уваженія къ королевѣ, щадилъ преступниковъ и писалъ къ ней о дѣлахъ ихъ; щадитъ и теперь, се его воля!

«1) Хотя долгъ купцовъ лондонскихъ нимало несомнителенъ, хотя сіе дѣло было уже основательно разсмотрѣно въ царскомъ совѣтѣ, но государь изъ великодушія уступаетъ имъ половину, требуя, чтобы они немедленно заплатили 12 тысячъ рублей.—2) Непристойно самому великому, ближнему боярину и шурину царскому судить купцовъ: ему ввѣрено государство, безъ его вѣдома ничего не дѣлается, но судить англичанъ будутъ люди приказные, а ему только докладывать.—3) Изъ особенной любви къ сестрѣ своей Елисаветѣ государь дозволяетъ англичанамъ ѣздить чрезъ Россію въ Бухарію и въ Персію, не платя пошлины съ товаровъ, хотя другимъ иноземцамъ и не велѣно ни за версту ѣздить далѣе Москвы.—4) Онъ не терпитъ, чтобы въ его землѣ силою отнимали чужую собственность, у кого бы то ни было.—5) Завѣта нѣтъ и не будетъ для гостей лондонскихъ въ покупкѣ нашихъ товаровъ, кромѣ воска, вымѣниваемаго иноземцами въ Россіи единственно на

ямчугу, или на зелье и сѣру.—6) Невозможно царю пускать иноземцевъ чрезъ Россію для отысканія другихъ государствъ.—7) Удивительно, что королева снова объявляетъ требованіе, столь неблагоразумное и недружелюбное: мы сказали и повторяемъ, что въ угодность Англіи не затворимъ своихъ пристаней и не измѣнимъ нашего закона въ торговлѣ—свободы.—8) Англичане вольны дѣлать деньги, платя извѣстную пошлину, какъ и россіяне.—9) Никакихъ чужестранцевъ не пытаютъ въ Россіи, англичанъ же, обвиняемыхъ въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, отдаютъ ихъ старостамъ.—10) До вѣры нѣтъ и дѣла государю нашему: всякій мирно и спокойно живетъ въ своей, какъ всегда у насъ бывало и будетъ».

Посолъ, еще недовольный сими отвѣтами на каждую статью его бумаги, требовалъ свиданія съ Годуновымъ и писалъ къ нему: «Мужъ свѣтлѣйшій! королева велѣла мнѣ бить тебѣ челомъ отъ сердца. Она знаетъ благоволеніе твое къ ея народу и любитъ тебя болѣе всѣхъ государей христіанскихъ. Не смѣю докучать тому, на комъ лежитъ все царство, но возрадуюся душою, если дашь мнѣ видѣть пресвѣтлыя очи твои: ибо ты честь и слава Россіи». Не взирая на лесть, Флетчеръ не имѣлъ совершенно успѣха, и въ жалованной грамотѣ, данной тогда лондонскимъ купцамъ, упоминается о пошлинахъ, хотя и легкихъ. Годуновъ не взялъ и даровъ королевы: «для того» (писалъ онъ къ Елисаветѣ) «что ты, какъ бы въ знакъ неуваженія къ великому царю, прислала ему въ даръ мелкія золотыя монеты». Къ сильнѣйшему негодованію нашего двора, явился въ Москвѣ новымъ посланникомъ отъ Елисаветы Іеронимъ Горсей, нѣкогда любимый Іоанномъ и Борисомъ, но, въ 1588 году, изгнанный изъ Россіи за умыселъ препятствовать торговлѣ нѣмцевъ въ Архангельскѣ. Царь не хотѣлъ видѣть его, ни правитель, а королева писала къ Борису, что она не узнаетъ въ немъ своего бывшаго друга; что англичане, гонимые Андреемъ Щелкаловымъ, уже не находятъ заступника въ Россіи и должны навсегда оставить ее. Сія угроза, можетъ быть, произвела дѣйствіе, ибо Годуновъ зналъ всю пользу англійской торговли для Россіи, для нашего обогащенія и самаго гражданскаго образованія; зналъ, что Іоаннъ III уже не могъ исправить своей ошибки, чрезмѣрною строгостью выгнавъ купцовъ ганзейскихъ изъ Новгорода. Годуновъ же, какъ увѣряютъ, любилъ англичанъ болѣе всѣхъ иныхъ европейцевъ, особенно уважая хитрую Елисавету, которая, жалуясь и грозя, не переставала изъявлять дружество къ Ѳеодору и въ доказательство того запретила книгу, изданную (въ 1591 году) Флетчеромъ о Россіи, оскорбительную для царя и писанную вообще съ нелюбовію къ нашему отечеству. Можетъ быть и смерть знаменитаго царскаго сановника, ненавистнаго англичанамъ, благопріятствовала ихъ успѣху: около 1595 года не стало ближняго,

великаго дьяка Андрея Щелкалова (главнаго дѣльца Россіи въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, угоднаго Іоанну и Борису отличными способностями, умомъ гибкимъ и лукавымъ, совѣстію неупрямою, смѣсію достохвальныхъ и злыхъ качествъ, нужною для слуги такихъ властителей), а въ началѣ 1596 года Елисавета уже благодарила царя за добродѣтельную любовь къ ней, за новую милостивую грамоту, данную имъ лондонскому купечеству съ правомъ вольной, неограниченной, безпошлинной торговли по всей Россіи, хваля мудрость нашей Государственной Думы (въ коей Василій Щелкаловъ занялъ мѣсто брата своего, Андрея, называясь съ сего времени ближнимъ дьякомъ и печатникомъ). Елисавета въ другомъ письмѣ къ Годунову опровергала клевету, для нея чувствительную, изъясняясь такими словами: «Ты, истинный благодѣтель англичанъ въ Россіи, единственный виновникъ правъ и выгодъ, данныхъ имъ царемъ, тайно извѣстилъ меня, что послы императора и папы, будучи въ Москвѣ, вымыслили гнусную ложь о моемъ мнимомъ союзѣ съ турками противъ державъ христіанскихъ; ты не вѣрилъ ей—и не вѣрь. Нѣтъ, я чиста предъ Богомъ и въ совѣсти, всегда искренно желавъ добра христіанству. Спросите у короля польскаго, кто доставилъ ему миръ съ султаномъ? Англія. Спросите у самого императора, не старалась ли я удалить бѣдствіе войны отъ его державы? Онъ благодарилъ меня, но хотѣлъ войны: теперь жалѣетъ о томъ, къ несчастію поздно! Сановникъ мой живетъ въ Константинополѣ единственно для выгодъ нашей торговли и для освобожденія христіанскихъ узниковъ. Папа ненавидитъ меня за короля испанскаго, непримиримаго врага Англіи, сильнаго флотами и богатствами обѣихъ Индій, но смиреннаго мною въ глазахъ всей Западной Европы. Надѣюсь и впредь на милость Божію, которою да благоденствуетъ и Россія!»

Таковы были послѣднія дѣйствія Ѳеодоровой внѣшней политики, ознаменованныя умомъ Годунова. Изъ дѣлъ внутреннихъ сего времени достопамятно слѣдующее:

Мы знаемъ, что крестьяне искони имѣли въ Россіи гражданскую свободу, но безъ собственности недвижимой—свободу въ назначенный закономъ срокъ переходить съ мѣста на мѣсто, отъ владѣльца къ владѣльцу, съ условіемъ обрабатывать часть земли для себя, другую—для господина, или платить ему оброкъ. Правитель видѣлъ невыгоды сего перехода, который часто обманывалъ надежду земледѣльцевъ сыскать господина лучшаго, не давалъ имъ обживаться, привыкать къ мѣсту и къ людямъ для успѣховъ хозяйства, для духа общественнаго,—умножалъ число бродягъ и бѣдность: пустѣли села и деревни, оставляемыя кочевыми жителями; домы обитаемые, или хижины, падали отъ нерадѣнія хозяевъ временныхъ. Правитель хвалился льготою, данною имъ состоянію земле-

дѣльцевъ въ отчинахъ царскихъ и, можетъ быть, въ его собственныхъ: безъ сомнѣнія, желая добра не только владѣльцамъ, но и работникамъ сельскимъ, желая утвердить между ними союзъ неизмѣнный, какъ бы семейственный, основанный на единствѣ выгодъ, на благосостояніи общемъ, нераздѣльномъ, онъ, въ 1592 или въ 1593 году, закономъ уничтожилъ свободный переходъ крестьянъ изъ волости въ волость, изъ села въ село, и навѣки укрѣпилъ ихъ за господами. Что-жъ было слѣдствіемъ? негодованіе значительной части народа и многихъ владѣльцевъ богатыхъ. Крестьяне жалѣли о древней свободѣ, хотя и часто бродили съ нею бездомками отъ юныхъ лѣтъ до гроба, хотя и не спасались ея правомъ отъ насилія господъ временныхъ, безжалостныхъ къ людямъ, для нихъ непрочнымъ, а богатые владѣльцы, имѣя не мало земель пустыхъ, лишались выгоды населять оныя хлѣбопашцами вольными, коихъ они сманивали отъ другихъ вотчинниковъ или помѣщиковъ. Тѣмъ усерднѣе могли благодарить Годунова владѣльцы менѣе избыточные, ибо уже не страшились запустѣнія ни деревень, ни полей своихъ отъ ухода жителей и работниковъ. Далѣе откроется, что законодатель благонамѣренный, предвидѣвъ, вѣроятно, удовольствіе однихъ и неудовольствіе другихъ, не предвидѣлъ, однакожъ, всѣхъ важныхъ слѣдствій сего новаго устава, дополненнаго указомъ 1597 года о непремѣнномъ возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ, съ женами, съ дѣтьми и со всѣмъ имѣніемъ, господамъ ихъ, отъ коихъ они ушли въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, избывая крѣпостной неволи. Тогда же вышелъ указъ, чтобы всѣ бояре, князья, дворяне, люди воинскіе, приказные и торговые явили крѣпости на своихъ холопей, имъ служащихъ или бѣглыхъ, для записанія ихъ въ книги приказа холопьяго, коему велѣно было дать господамъ кабалы и на людей вольныхъ, если сіи люди служили имъ не менѣе шести мѣсяцевъ; то-есть законодатель желалъ угодить господамъ, не боясь оскорбить бѣдныхъ слугъ, ни справедливости, но подтвердилъ вѣчную свободу отпущенниковъ съ женами и съ дѣтьми обоего пола.

Защитивъ югъ Россіи новыми твердынями, Борисъ для безопасности нашей границы литовской, въ 1596 году, основалъ каменную крѣпость въ Смоленскѣ, куда онъ самъ ѣздилъ, чтобы назначить мѣста для рвовъ, стѣнъ и башенъ. Сіе путешествіе имѣло и цѣль иную: Борисъ хотѣлъ плѣнить жителей западной Россіи своею милостію; вездѣ останавливался, въ городахъ и селахъ; снисходительно удовлетворялъ жалобамъ, раздавалъ деньги бѣднымъ, угощалъ богатыхъ. Возвратясь въ Москву, правитель сказалъ царю, что Смоленскъ будетъ ожерельемъ Россіи.«Но въ семъ ожерельѣ» (возразилъ ему князь Трубецкой) «могутъ завестися насѣкомыя, коихъ мы не скоро выживемъ». Слово достопамятное! говоритъ лѣтописецъ: оно сбылося, ибо Смоленскъ, нами укрѣпленный, сдѣлался

твердынею Литвы. Өеодоръ послалъ туда каменщиковъ изо всѣхъ городовъ, ближнихъ и дальнихъ. Строеніе кончилось въ 1600 году.

Москва украсилась зданіями прочными. Въ 1595 году, въ отсутствіе Өеодора, ѣздившаго въ Боровскую обитель св. Пафнутія, сгорѣлъ весь Китай-городъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ возсталъ изъ пепла съ новыми каменными лавками и домами, но едва было снова не сдѣлался жертвою огня и злодѣйства, которое изумило москвитянъ своею безбожною дерзостію. Нашлись изверги и люди чиновные: князь Василій Щепинъ, дворяне Лебедевъ, два Байкова, отецъ съ сыномъ, и другіе; тайно условились зажечь столицу, ночью, въ разныхъ мѣстахъ, и въ общемъ смятеніи расхитить богатую казну, хранимую у церкви Василія Блаженнаго. Къ счастію, правительство узнало о семъ заговорѣ; схватили злодѣевъ и казнили: князю Щепину и Байковымъ отсѣкли головы на лобномъ мѣстѣ; иныхъ повѣсили или на всю жизнь заключили. Сія казнь произвела сильное впечатлѣніе въ московскомъ народѣ, уже отвыкавшемъ отъ зрѣлищъ кровопролитія; гнушаясь адскимъ умысломъ, онъ живо чувствовалъ спасительный ужасъ законовъ для обузданія преступниковъ.

Ревностная, благотворная дѣятельность верховной власти оказывалась въ разныхъ бѣдственныхъ случаяхъ. Многіе города, опустошенные пожарами, были вновь выстроены иждивеніемъ царскимъ; гдѣ не родился хлѣбъ, туда немедленно доставляли его изъ мѣстъ изобильныхъ; во время заразительныхъ болѣзней учреждались заставы. Лѣтописи около 1595 года упоминаютъ о сильномъ морѣ во Псковѣ, гдѣ осталось такъ мало жителей, что царь велѣлъ перевести туда мѣщанъ изъ другихъ городовъ.—Внутреннее спокойствіе Россіи было нарушено впаденіемъ крымскихъ разбойниковъ въ области Мещерскую, Козельскую, Воротынскую и Перемышльскую; калужскій воевода Михайло Безнинъ встрѣтился съ ними на берегахъ Высы и побилъ ихъ наголову.

Дворъ московскій отличался благолѣпіемъ. Не одни любимцы державнаго, какъ бывало въ грозные дни Іоанновы, но всѣ бояре и мужи государственные ежедневно, утромъ и ввечеру, собирались въ кремлевскихъ палатахъ видѣть царя и съ нимъ молиться, засѣдать въ Думѣ (три раза въ недѣлю, кромѣ чрезвычайныхъ надобностей: въ понедѣльникъ, въ среду и въ пятницу, отъ семи часовъ утра до десяти и болѣе), или принимать иноземныхъ пословъ, или только бесѣдовать другъ съ другомъ. Обѣдать, ужинать возвращались домой, кромѣ двухъ или трехъ вельможъ, изрѣдка приглашаемыхъ къ столу царскому, ибо Өеодоръ, слабый и недужный, отмѣнилъ утомительныя, многолюдныя трапезы временъ своего отца, дѣда и прадѣда, рѣдко обѣдалъ и съ послами. Пышность двора его увеличивало присутствіе нѣкоторыхъ знаменитыхъ изгнанни-

ковъ Азіи и Европы: царевичъ хивинскій, господари молдавскіе (Стефанъ и Димитрій), сыновья волошскаго, родственникъ императоровъ византійскихъ, Мануилъ Мускополовичъ, селунскій вельможа Димитрій и множество благородныхъ грековъ являлись у трона Θеодорова вмѣстѣ съ другими чиновными иноземцами, которые искали дружбы въ Россіи. Предъ дворцомъ стояло обыкновенно 250 стрѣльцовъ, съ заряженными пищалями, съ фитилями горящими. Внутреннею стражею палатъ кремлевскихъ были 200 знатнѣйшихъ дѣтей боярскихъ, называемыхъ жильцами; они, смѣняясь, ночевали всегда въ третьей комнатѣ отъ спальни государевой, а въ первой и во второй ближніе царедворцы, постельничій и товарищи его, называемые спальниками; каждую дверь стерегъ истопникъ, зная, кто имѣлъ право входить въ оную. Все было устроено для порядка и важности.

Приближаясь къ мѣтѣ, Годуновъ болѣе и болѣе старался обольщать людей наружностію государственныхъ и человѣческихъ добродѣтелей; но буде преданіе не ложно, еще умножилъ свои тайныя злодѣянія новымъ. Такъ называемый царь и великій князь тверской Симеонъ, женатый на сестрѣ боярина Θеодора Мстиславскаго, снискавъ милость Іоаннову вѣрною службою и принятіемъ христіанскаго закона, имѣвъ въ Твери пышный дворъ и властъ намѣстника съ какими-то правами удѣльнаго князя, долженъ былъ въ царствованіе Θеодорово выѣхать оттуда и жить уединенно въ селѣ своемъ Кушалинѣ. Не знаменитый ни разумомъ, ни мужествомъ, онъ слылъ, однакожъ, благочестивымъ, смиреннымъ въ счастіи, великодушнымъ въ ссылкѣ, и казался опаснымъ правителю, нося громкое имя царское и будучи зятемъ перваго родового вельможи. Борисъ въ знакъ ласки прислалъ къ нему, на именины, вина испанскаго. Симеонъ выпилъ кубокъ, желая здравія царю, и чрезъ нѣсколько дней ослѣпъ, будто бы отъ ядовитаго зелія, смѣшаннаго съ симъ виномъ. Такъ говоритъ лѣтописецъ; такъ говорилъ и самъ несчастный Симеонъ французу Маржерету. По крайней мѣрѣ сіе ослѣпленіе могло быть полезно для Бориса, ибо государственныя бумаги слѣдующихъ временъ Россіи доказываютъ, что мысль возложить вѣнецъ Мономаховъ на голову татарина не всѣмъ россіянамъ казалась тогда нелѣпою.

Обратимъ взоръ въ послѣдній разъ на самого Θеодора. И въ цвѣтущей юности, не имѣвъ иной важной мысли, кромѣ спасенія души, онъ въ сіе время еще менѣе заботился о мірѣ и царствѣ; ходилъ и ѣздилъ изъ обители въ обитель, благотворилъ нищимъ и духовенству, особенно греческимъ монахамъ, іерусалимскимъ, пелопоннезскимъ и другимъ, которые приносили къ намъ драгоцѣнности святыни (однѣ не расхищенныя турками!): кресты, иконы, мощи. Многіе изъ сихъ бѣдныхъ изгнанниковъ оставались въ Рос-

сіи: кипрскій архіепископъ Игнатій жилъ въ Москвѣ, Арсеній элассонскій, бывъ у насъ вмѣстѣ съ патріархомъ Іереміею, возвратился и начальствовалъ надъ Суздальскою епархіею. Θеодоръ съ радостію свѣдалъ о явленіи въ Угличѣ нетлѣнныхъ мощей князя Романа Владиміровича (внука Константинова), и душевно оскорбился бѣдствіемъ знаменитой обители Печерской нижегородской, гдѣ спасались нѣкогда угодники Божіи, Діонисій суздальскій, ученикъ его Евфимій и Макарій желтоводскій или унженскій; гора, подъ которою стоялъ монастырь, вдругъ съ трескомъ и колебаніемъ двинулась къ Волгѣ, засыпала и разрушила церковь, келіи, ограду. Сія гибель мѣста святого поразила воображеніе людей суевѣрныхъ и названа въ лѣтописи великимъ знаменіемъ того, что ожидало Россію,—чего ожидалъ и Θеодоръ, замѣтно слабѣя здравіемъ. Пишутъ, что онъ (въ 1596 году), торжественно перекладывая мощи Алексѣя митрополита въ новую серебряную раку, велѣлъ Годунову взять ихъ въ руки и, взирая на него съ печальнымъ умиленіемъ, сказалъ: «Осязай святыню, правитель народа христіанскаго! Управляй имъ и впредь съ ревностію. Ты достигнешь желаемаго, но все суета и мигъ на землѣ!» Θеодоръ предчувствовалъ близкій конецъ свой и часъ насталъ.

Нѣтъ, не вѣримъ преданію ужасному, что Годуновъ будто бы ускорилъ сей часъ отравою. Лѣтописцы достовѣрнѣйшіе молчатъ о томъ, съ праведнымъ омерзеніемъ изобличая всѣ иныя злодѣйства Борисовы. Признательность смиряетъ и льва яростнаго; но если ни святость вѣнценосца, ни святость благотворителя не могли остановить изверга, то онъ еще могъ бы остановиться, видя въ бренномъ Θеодорѣ явную жертву скорой естественной смерти, и между тѣмъ властвуя и ежедневно утверждая власть свою, какъ неотъемлемое достояніе... Но исторія не скрываетъ и клеветы, преступленіями заслуженной.

Въ концѣ 1597 года Θеодоръ впалъ въ тяжкую болѣзнь; 6 января открылись въ немъ явные признаки близкой смерти, къ ужасу столицы. Народъ любилъ Θеодора, какъ ангела земного, озареннаго лучами святости, и приписывалъ дѣйствію его ревностныхъ молитвъ благосостояніе отечества; любилъ съ умиленіемъ, какъ послѣдняго царя Мономаховой крови,—и когда въ отверстыхъ храмахъ еще съ надеждою просилъ Бога объ исцѣленіи государя добраго, тогда патріархъ, вельможи, сановники, уже не имѣя надежды, съ искреннимъ сокрушеніемъ сердца предстояли одру болящаго, въ ожиданіи послѣдняго дѣйствія Θеодоровой самодержавной власти: завѣщанія о судьбѣ Россіи сиротѣющей. Но какъ въ теченіе жизни, такъ и при концѣ ея, Θеодоръ не имѣлъ иной воли, кромѣ Борисовой; и въ сей великій часъ не измѣнилъ своей безпредѣльной довѣренности къ наставнику: лишаясь зрѣнія и слу-

ха, еще устремлялъ темнѣющій взоръ на Годунова и съ усиліемъ внималъ его шептаніямъ, чтобы сдѣлать ему угодное. Безмолвствовали бояре, первосвятитель Іовъ дрожащимъ голосомъ сказалъ: «Свѣтъ въ очахъ нашихъ меркнетъ; праведный отходитъ къ Богу... Государь! кому приказываешь царство, насъ сирыхъ и свою царицу?» Ѳеодоръ тихо отвѣтствовалъ: «Въ царствѣ, въ васъ и въ моей царицѣ воленъ Господь Всевышній... оставляю грамоту духовную». Сіе завѣщаніе было уже написано: Ѳеодоръ вручалъ державу Иринѣ, а душу свою приказывалъ великому святителю Іову, двоюродному брату Ѳеодору Никитичу Романову-Юрьеву (племяннику царицы Анастасіи) и шурину Борису Годунову, то-есть избралъ ихъ быть главными совѣтниками трона. Онъ хотѣлъ проститься съ нѣжною супругою наединѣ и говорилъ съ нею безъ земныхъ свидѣтелей; сія бесѣда осталась неизвѣстною. Въ 11 часовъ вечера Іовъ помазалъ царя елеемъ, исповѣдалъ и пріобщилъ Святыхъ Таинъ. Въ часъ утра, 7 января, Ѳеодоръ испустилъ духъ, безъ судорогъ и трепета, незамѣтно, какъ бы заснувъ тихо и сладко.

Въ сію минуту оцѣпенѣнія, горестію произведеннаго, явилась царица и пала на тѣло умершаго; ее вынесли въ безпамятствѣ. Тогда, изъявляя глубокую скорбь, и необыкновенную твердость духа, Годуновъ напомнилъ боярамъ, что они, уже не имѣя царя, должны присягнуть царицѣ. Всѣ съ ревностію исполнили сей обрядъ священный, цѣлуя крестъ въ рукахъ патріарха.... Случай дотолѣ безпримѣрный: ибо мать Іоаннова, Елена, властвовала только именемъ сына младенца, Иринѣ же отдавали скипетръ Мономаховъ со всѣми правами самобытной, неограниченной власти. На разсвѣтѣ ударили въ большой колоколъ успенскій, извѣщая народъ о преставленіи Ѳеодора, и вопль раздался въ Москвѣ отъ палатъ до хижинъ: каждый домъ, по выраженію современника, былъ домомъ плача. Дворецъ не могъ вмѣстить людей, которые стремились къ одру усопшаго, и знатные, и нищіе. Слезы лилися; но и чиновники, и граждане, подобно боярамъ, съ живѣйшимъ усердіемъ клялись въ вѣрности къ любимой царицѣ-матери, которая еще спасала Россію отъ сиротства совершеннаго. Столица была въ отчаяніи, но спокойна. Дума послала гонцовъ въ области, велѣла затворить пути въ чужія земли до новаго указа и вездѣ строго блюсти тишину.

Тѣло Ѳеодорово вложили въ раку при самой Иринѣ, которая ужасала всѣхъ изступленіемъ своей неописанной скорби: терзалась, билась, не слушала ни брата, ни патріарха; изъ устъ ея, обагренныхъ кровію, вырывались слова: «я вдовица безчадная... мною гибнетъ корень царскій!» Ввечеру отнесли гробъ въ церковь Михаила Архангела патріархъ, святители, бояре и народъ вмѣстѣ; не было различія въ званіяхъ: общая горесть сравняла ихъ. 8 января совершилось погребеніе, достопамятное не великолѣпіемъ, но тро-

гательнымъ безпорядкомъ: захлипаясь отъ слезъ и рыданія, духовенство прерывало священнодѣйствіе, и лики умолкали, въ воплѣ народномъ никто не могъ слышать пѣнія. Уже не плакала—одна Ирина: ее принесли въ храмъ какъ мертвую. Годуновъ не осушалъ глазъ, смотря на злосчастную царицу, но давалъ всѣ повелѣнія. Отверзли могилу для гроба Ѳеодора подлѣ Іоаннова; народъ громогласно изъявилъ благодарность усопшему за счастливые дни его царствованія, съ умиленіемъ славя личныя добродѣтели сего ангела кротости, наслѣдованныя имъ отъ незабвенной Анастасіи,—именуя его не царемъ, но отцомъ чадолюбивымъ и въ искреннемъ прискорбіи сердца забывъ слабость души Ѳеодоровой. Когда предали тѣло землѣ, патріархъ, а съ нимъ и всѣ люди, воздѣвъ руки на небо, молились, да спасетъ Господь Россію и, лишивъ ее пастыря, да не лишитъ Своей милости. Совершивъ печальный обрядъ, роздали богатую казну бѣднымъ, церквамъ и монастырямъ; отворили темницы, освободили всѣхъ узниковъ, даже смертоубійцъ, чтобы симъ дѣйствіемъ милосердія увѣнчать земную славу Ѳеодоровыхъ добродѣтелей...

Такъ пресѣклось на тронѣ московскомъ знаменитое варяжское поколѣніе, коему Россія обязана бытіемъ, именемъ и величіемъ,—отъ начала столь малаго, сквозь рядъ вѣковъ бурныхъ, сквозь огнь и кровь, достигнувъ господства надъ сѣверомъ Европы и Азіи воинственнымъ духомъ своихъ властителей и народа, счастіемъ и промысломъ Божіимъ!..

Скоро узнала печальная столица, что вмѣстѣ съ Ириною вдовствуетъ и тронъ Мономаховъ; что вѣнецъ и скипетръ лежатъ на немъ праздно; что Россія, не имѣя царя, не имѣетъ и царицы.

Пишутъ, что Ѳеодоръ набожный, прощаясь съ супругою, вопреки своему завѣщанію, тайно велѣлъ ей презрѣть земное величіе и посвятить себя Богу; можетъ быть и сама Ирина, вдовица бездѣтная, въ искреннемъ отчаяніи возненавидѣла свѣтъ, не находя утѣшенія въ царской пышности; но гораздо вѣроятнѣе, что такъ хотѣлъ Годуновъ, располагая сердцемъ и судьбою нѣжной сестры. Онъ уже не могъ возвыситься въ царствованіе Ирины, властвовавъ безпредѣльно и при Ѳеодорѣ; не могъ въ концѣ пятаго десятилѣтія жизни еще ждать или откладывать; вручилъ царство Иринѣ, чтобы взять его себѣ, изъ рукъ единокровной, какъ бы правомъ наслѣдія: занять на тронѣ мѣсто Годуновой, а не Мономахова вѣнценоснаго племени, и менѣе казаться похитителемъ въ глазахъ народа. Никогда сей лукавый честолюбецъ не былъ столь дѣятеленъ, явно и скрытно, какъ въ послѣдніе дни Ѳеодоровы и въ первые мнимаго Иринина державства: явно, чтобы народъ не имѣлъ и мысли о возможности государственнаго устройства безъ радѣнія Борисова; скрытно, чтобы дать видъ свободы и любви дѣйствію силы, обольще-

нія и коварства. Какъ бы невидимою рукою обнявъ Москву, онъ управлялъ ея движеніями чрезъ своихъ слугъ безчисленныхъ; отъ церкви до синклита, до войска и народа, все внимало и слѣдовало его внушеніямъ, благопріятствуемымъ съ одной стороны робостію, а съ другой—истинною признательностію къ заслугамъ и милостямъ Борисовымъ. Обѣщали и грозили; шопотомъ и громогласно доказывали, что спасеніе Россіи нераздѣльно съ властію правителя—и, приготовивъ умы или страсти къ великому театральному дѣйствію, въ девятый день, по кончинѣ царя, объявили торжественно, что Ирина отказывается отъ царства и навѣки удаляется въ монастырь воспріять ангельскій образъ инокини. Сія вѣсть поразила Москву: святители, Дума, сановники, дворяне, граждане соборомъ пали предъ вѣнценосною вдовою, плакали неутѣшно, называли ее матерію и заклинали не оставлять ихъ въ ужасномъ сиротствѣ; но царица, дотолѣ всегда мягкосердая, не тронулась моленіемъ слезнымъ: отвѣтствовала, что воля ея неизмѣнна и что государствомъ будутъ править бояре вмѣстѣ съ патріархомъ до того времени, когда успѣютъ собраться въ Москвѣ всѣ чины Россійской державы, чтобы рѣшить судьбу отечества по вдохновенію Божію. Въ тотъ же день Ирина выѣхала изъ дворца Кремлевскаго въ Новодѣвичій монастырь и подъ именемъ Александры вступила въ санъ инокини. Россія осталась безъ главы, а Москва—въ тревогѣ, въ волненіи...

Гдѣ былъ Годуновъ, и что дѣлалъ? Заключился въ монастырѣ съ сестрою, плакалъ и молился съ нею. Казалось, что онъ, подобно ей, отвергнулъ міръ, величіе, власть, кормило государственное, и предалъ Россію въ жертву бурямъ; но кормчій неусыпно бодрствовалъ, и Годуновъ въ тѣсной келіи монастырской твердою рукою держалъ царство!

Свѣдавъ о постриженіи Ирины, духовенство, чиновники и граждане собралися въ Кремль, гдѣ государственный дьякъ и печатникъ Василій Щелкаловъ, представивъ имъ вредныя слѣдствія безначалія, требовалъ, чтобы они цѣловали крестъ на имя Думы Боярской. Никто не хотѣлъ слышать о томъ; всѣ кричали: «Не знаемъ ни князей, ни бояръ; знаемъ только царицу; ей мы дали присягу и другой не дадимъ никому: она въ черницахъ мать Россіи». Печатникъ совѣтовался съ вельможами, снова вышелъ къ гражданамъ и сказалъ, что царица, оставивъ свѣтъ, уже не занимается дѣлами царства, и что народъ долженъ присягнуть боярамъ, если не хочетъ видѣть государственнаго разрушенія. Единственнымъ отвѣтомъ было: «И такъ, да царствуетъ братъ ея!» Никто не дерзнулъ противорѣчить, ни безмолствовать, всѣ восклицали: «Да здравствуетъ отецъ нашъ, Борисъ Ѳеодоровичъ! онъ будетъ преемникомъ матери нашей, царицы!» Немедленно, всѣмъ соборомъ, пошли въ монастырь Новодѣвичій, гдѣ патріархъ Іовъ, говоря именемъ отечества, закли-

налъ монахиню Александру благословить ея брата на царство, ею презрѣнное изъ любви къ жениху безсмертному, Христу Спасителю, исполнить тѣмъ волю Божію и народную, утишить колебаніе въ душахъ и въ государствѣ, отереть слезы россіянъ, бѣдныхъ, сирыхъ, безпомощныхъ и снова возставить державу сокрушенную, доколѣ враги христіанства еще не увѣдали о вдовствѣ Мономахова престола. Всѣ проливали слезы—и сама царица-инокиня, внимая первосвятителю краснорѣчивому. Іовъ обратился къ Годунову, смиренно предлагалъ ему корону, называлъ его свышеизбраннымъ для возобновленія царскаго корени въ Россіи, естественнымъ наслѣдникомъ трона послѣ зятя и друга, обязаннаго всѣми успѣхами своего владычества Борисовой мудрости.

Такъ совершилось желаніе властолюбца! Но онъ умѣлъ лицемѣрить: не забылся въ радости сердца—и за семь лѣтъ предъ тѣмъ, смѣло вонзивъ убійственный ножъ въ гортань св. младенца Димитрія, чтобы похитить корону, съ ужасомъ отринулъ ее, предлагаемую ему торжественно, единодушно духовенствомъ, синклитомъ, народомъ; клялся, что никогда, рожденный вѣрнымъ подданнымъ, не мечталъ о санѣ державномъ и никогда не дерзнетъ взять скипетра, освященнаго рукою усопшаго царя-ангела, его отца и благотворителя; говорилъ, что въ Россіи много князей и бояръ, коимъ онъ, уступая въ знатности, уступаетъ и въ личныхъ достоинствахъ; но изъ признательности къ любви народной обѣщается вмѣстѣ съ ними радѣть о государствѣ еще ревностнѣе прежняго. На сію рѣчь, заблаговременно сочиненную, патріархъ отвѣтствовалъ такою же, и весьма плодовитою, исполненною движеній витійства и примѣровъ историческихъ; обвинялъ Годунова въ излишней скромности, даже въ неповиновеніи волѣ Божіей, которая столь явна въ общенародной волѣ; доказывалъ, что Всевышній искони готовилъ ему и роду его навѣки державу Владимірова потомства, Θеодоровою смертію пресѣченнаго; напоминалъ о Давидѣ, царѣ іудейскомъ, Θеодосіи Великомъ, Маркіанѣ, Михаилѣ Косноязычномъ, Василіи Македонскомъ, Тиверіи и другихъ императорахъ византійскихъ, неисповѣдимыми судьбами небесными возведенныхъ на престолъ изъ ничтожества; сравнивалъ ихъ добродѣтели съ Борисовыми; убѣждалъ, требовалъ и не могъ поколебать его твердости ни въ сей день, ни въ слѣдующій—ни предъ лицомъ народа, ни безъ свидѣтелей, ни моленіемъ, ни угрозами духовными. Годуновъ рѣшительно отрекся отъ короны.

Но патріархъ и бояре еще не теряли надежды, ждали великаго собора, коему надлежало быть въ Москвѣ чрезъ шесть недѣль по смерти Θеодора; то-есть велѣли съѣхаться туда изъ всѣхъ областныхъ городовъ людямъ выборнымъ: духовенству, чиновникамъ воинскимъ и гражданскимъ, купцамъ, мѣщанамъ. Годуновъ хотѣлъ, что-

бы не одна столица, но вся Россія призвала его на тронъ, и взялъ мѣры для успѣха, всюду пославъ ревностныхъ слугъ своихъ и клевретовъ: сей видъ единогласнаго, свободнаго избранія казался ему нужнымъ—для успокоенія ли совѣсти? или для твердости и безопасности его властвованія? Между тѣмъ Борисъ жилъ въ монастырѣ, а государствомъ правила Дума, совѣтуясь съ патріархомъ въ дѣлахъ важныхъ, но указы писала именемъ царицы Александры, и на ея же имя получала донесенія воеводъ земскихъ. Между тѣмъ оказывались неповиновеніе и безпорядокъ: въ Смоленскѣ, Псковѣ и въ иныхъ городахъ воеводы не слушались ни другъ друга, ни предписаній Думы. Между тѣмъ носились слухи о впаденіи хана крымскаго въ предѣлы Россіи, и народъ говорилъ въ ужасѣ: «Ханъ будетъ подъ Москвою, а мы безъ царя и защитника!» Однимъ словомъ, все благопріятствовало Годунову, ибо все было имъ устроено!

Въ пятницу, 17 февраля, открылась въ Кремлѣ Дума Земская, или государственный соборъ, гдѣ присутствовало, кромѣ всего знатнѣйшаго духовенства, синклита, двора, не менѣе пятисотъ чиновниковъ и людей выборныхъ изъ всѣхъ областей для дѣла великаго, небывалаго со временъ Рюрика: для назначенія вѣнценосца Россіи, гдѣ дотолѣ властвовалъ непрерывно, уставомъ наслѣдія, родъ князей варяжскихъ, и гдѣ государство существовало государемъ; гдѣ всѣ законныя права истекали изъ его единственнаго самобытнаго права: судить и рядить землю по закону совѣсти. Часъ опасный; кто избираетъ, тотъ даетъ власть, и слѣдственно имѣетъ оную; ни уставы, ни примѣры не ручались за спокойствіе народа въ ея столь важномъ дѣйствіи, и Сеймъ кремлевскій могъ уподобиться варшавскимъ: бурному морю страстей, гибельныхъ для устройства и силы державъ. Но долговременный навыкъ повиновенія и хитрость Бориса представили зрѣлище удивительное: тишину, единомысліе, увѣтливость во многолюдствѣ разнообразномъ, въ смѣси чиновъ и званій. Казалось, что всѣ желали одного: какъ сироты, найти скорѣе отца—и знали, въ комъ искать его. Граждане смотрѣли на дворянъ, дворяне—на вельможъ, вельможи—на патріарха. Извѣстивъ соборъ, что Ирина не захотѣла ни царствовать, ни благословить брата на царство, и что Годуновъ также не принимаетъ вѣнца Мономахова, Іовъ сказалъ: «Россія, тоскуя безъ царя, нетерпѣливо ждетъ его отъ мудрости собора. Вы, святители, архимандриты, игумены; вы, бояре, дворяне, люди приказные, дѣти боярскія и всѣхъ чиновъ люди царствующаго града Москвы и всей земли Русской! объявите намъ мысль свою и дайте совѣтъ, кому быть у насъ государемъ. Мы же, свидѣтели преставленія царя и великаго князя Ѳеодора Іоанновича, думаемъ, что намъ мимо Бориса Ѳеодоровича не должно искать другого самодержца». Тогда все духовенство, бояре, воинство и народъ единогласно отвѣтствовали: «Нашъ совѣтъ и желаніе

то же: немедленно бить челомъ государю Борису Θеодоровичу и мимо его не искать другого властителя для Россіи». Усердіе обратилось въ восторгъ, и долго нельзя было ничего слышать, кромѣ имени Борисова, громогласно повторяемаго всѣмъ многочисленнымъ собраніемъ. Тутъ находились князья Рюрикова племени: Шуйскіе, Сицкіе, Воротынскій, Ростовскіе, Телятевскіе и столь многіе иные; но давно лишенные достоинства князей владѣтельныхъ, давно слуги московскихъ государей наравнѣ съ дѣтьми боярскими, они не дерзали мыслить о своемъ наслѣдственномъ правѣ и спорить о коронѣ съ тѣмъ, кто безъ имени царскаго уже тридцать лѣтъ единовластвовалъ въ Россіи, былъ хотя и потомкомъ мурзы, но братомъ царицы. Возстановивъ тишину, вельможи, въ честь Годунова, разсказали духовенству, чиновникамъ и гражданамъ слѣдующія обстоятельства: «Государыня Ирина Θеодоровна и знаменитый братъ ея съ самаго перваго дѣтства возростали въ палатахъ великаго царя Іоанна Васильевича и питались отъ стола его. Когда же царь удостоилъ Ирину быть своею невѣсткою, съ того времени Борисъ Θеодоровичъ жилъ при немъ неотступно, навыкая государственной мудрости. Однажды, узнавъ о недугѣ сего юнаго любимца, царь пріѣхалъ къ нему съ нами и сказалъ милостиво: «Борисъ! страдаю за тебя, какъ за сына; за сына, какъ за невѣстку; за невѣстку, какъ за самого себя—поднялъ три перста десницы своей и промолвилъ: се Θеодоръ, Ирина и Борисъ; ты не рабъ, а сынъ мой. Въ послѣдніе часы жизни всѣми оставленный для исповѣди, Іоаннъ удержалъ Бориса Θеодоровича при одрѣ своемъ, говоря ему: «Для тебя обнажено мое сердце. Тебѣ приказываю душу, сына, дочь и все царство: блюди, или дашь за нихъ отвѣтъ Богу». Помня сіи незабвенныя слова, Борисъ Θеодоровичъ хранилъ, яко зеницу ока, и юнаго царя, и великое царство». Описавъ, какъ правитель своею неусыпною, мудрою дѣятельностію возвысилъ отечество, смирилъ хана и шведовъ, обуздалъ Литву, расширилъ владѣнія Россіи, умножилъ число ея царей-данниковъ и слугъ; какъ знаменитѣйшіе вѣнценосцы Европы и Азіи изъявляютъ ей уваженіе и пріязнь; какая тишина внутри государства, милость для войска и для народа, правда въ судахъ, защита для бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ—бояре заключили такъ: «Мы напомнимъ вамъ случай достопамятный. Когда царь Θеодоръ, умомъ и мужествомъ правителя одержавъ славнѣйшую побѣду надъ ханомъ, весело пировалъ съ духовенствомъ и синклитомъ, тогда, въ умиленіи признательности, снявъ съ себя златую царскую гривну, онъ возложилъ ее на выю своего шурина». А патріархъ изъяснилъ собранію, что царь, исполненный Св. Духа, симъ таинственнымъ дѣйствіемъ ознаменовалъ будущее державство Годунова, искони предопредѣленное Небомъ. Снова раздались крики: «да здравствуетъ государь нашъ Борисъ Θеодоровичъ!» И патріархъ воззвалъ къ

собору: «гласъ народа есть гласъ Божій: буди, что угодно Всевышнему!»

Въ слѣдующій день, февраля 18, въ первый часъ утра, церковь Успенія наполнилась людьми: всѣ, преклонивъ колѣна, духовенство, синклитъ и народъ, усердно молили Бога, чтобы правитель смягчился и принялъ вѣнецъ; молились еще два дня, и февраля 20 Іовъ, святители, вельможи объявили Годунову, что онъ избранъ въ цари уже не Москвою, а всею Россіею. Но Годуновъ вторично отвѣтствовалъ, что высота и сіяніе Θеодорова трона ужасаютъ его душу: клялся снова, что и въ сокровенности сердца не представлялась ему мысль столь дерзостная, видѣлъ слезы, слышалъ убѣжденія самыя трогательныя и былъ непреклоненъ; выслалъ искусителей, духовенство съ синклитомъ изъ монастыря и не велѣлъ имъ возвращаться. Надлежало искать дѣйствительнѣйшаго средства: размышляли и нашли. Святители въ общемъ совѣтѣ съ боярами уставили пѣть, 21 февраля, во всѣхъ церквахъ праздничный молебенъ, и съ обрядами торжественными, съ святынею вѣры и отечества, въ послѣдній разъ испытать силу убѣжденій и плача надъ сердцемъ Борисовымъ; а тайно, между собою, Іовъ, архіепископы и епископы условились въ слѣдующемъ: «Если государь Борисъ Θеодоровичъ смилуется надъ нами, то разрѣшимъ его клятву не быть царемъ Россіи; если не смилуется, то отлучимъ его отъ церкви; тамъ же, въ монастырѣ, сложимъ съ себя святительство, кресты и панагіи, оставимъ иконы чудотворныя, запретимъ службу и пѣніе во святыхъ храмахъ; предадимъ народъ отчаянію, а царство гибели, мятежамъ, кровопролитію—и виновникъ сего неисповѣдимаго зла да отвѣтствуетъ предъ Богомъ въ день Суда Страшнаго!»

Въ сію ночь не угасали огни въ Москвѣ: все готовилось къ великому дѣйствію—и на разсвѣтѣ, при звукѣ всѣхъ колоколовъ, подвигалась столица. Всѣ храмы и домы отворились; духовенство съ пѣніемъ вышло изъ Кремля; народъ въ безмолвіи тѣснился на площадяхъ. Патріархъ и владыки несли иконы, знаменитыя славными воспоминаніями: Владимірскую и Донскую, какъ святыя знамена отечества; за клиромъ шли синклитъ, дворъ, воинство, приказы, выборы городовъ; за ними устремились и всѣ жители московскіе, граждане и чернь, жены и дѣти, къ Новодѣвичьему монастырю, откуда, также съ колокольнымъ звономъ, вынесли образъ Смоленской Богоматери навстрѣчу патріарху; за симъ образомъ шелъ и Годуновъ, какъ бы изумленный столь необыкновеннымъ торжественнымъ церковнымъ ходомъ, палъ ницъ предъ иконою Владимірскою, обливался слезами и воскликнулъ: «О, Мать Божія! что виною Твоего подвига? Сохрани, сохрани меня подъ сѣнію Твоего крова!» обратился къ Іову, и съ видомъ укоризны сказалъ ему: «Пастырь великій! Ты дашь отвѣтъ Богу!» Іовъ отвѣтствовалъ: «Сынъ возлю-

бленный! не снѣдай себя печалію, но вѣрь Провидѣнію! Сей подвигъ совершила Богоматерь изъ любви къ тебѣ, да устыдишься!» Онъ пошелъ въ церковь святой обители съ духовенствомъ и людьми знатнѣйшими; другіе стояли въ оградѣ, народъ—внѣ монастыря, занимая все обширное Дѣвичье поле. Соборомъ отпѣвъ литургію, патріархъ снова, и тщетно, убѣждалъ Бориса не отвергать короны; велѣлъ нести иконы и кресты въ келіи царицы; тамъ, со всѣми святителями и вельможами, преклонивъ главу до земли... и въ то самое мгновеніе, по данному знаку, все безчисленное множество людей, въ келіяхъ, въ оградѣ, внѣ монастыря, упало на колѣна, съ воплемъ неслыханнымъ: всѣ требовали царя, отца, Бориса! Матери кинули на землю своихъ грудныхъ младенцевъ и не слушали ихъ крика. Искренность побѣждала притворство; вдохновеніе дѣйствовало и на равнодушныхъ, и на самыхъ лицемѣровъ! патріархъ, рыдая, заклиналъ царицу долго, неотступно, именемъ святыхъ иконъ, которыя передъ нею стояли,—именемъ Христа Спасителя, церкви, Россіи, дать милліонамъ православныхъ государя благонадежнаго, ея великаго брата... Наконецъ, услышали слово милости: глаза царицы, дотолѣ нечувствительной, наполнились слезами. Она сказала: «По изволенію всесильнаго Бога и Пречистыя Дѣвы Маріи возьмите у меня единороднаго брата на царство въ утоленіе народнаго плача. Да исполнится желаніе вашихъ сердецъ ко счастію Россіи! Благословляю избраннаго вами и предаю Отцу Небесному, Богоматери, святымъ угодникамъ московскимъ и тебѣ патріарху, и вамъ, святители, и вамъ, бояре! Да заступитъ мое мѣсто на престолѣ!» Всѣ упали къ ногамъ царицы, которая, печально взглянувъ на смиреннаго Бориса, дала ему повелѣніе властвовать надъ Россіею, но онъ еще изъявлялъ нехотѣніе, страшился тягостнаго бремени, возлагаемаго на слабыя рамена его, просилъ избавленія; говорилъ сестрѣ, что она изъ единаго милосердія не должна предавать его въ жертву трону; еще вновь клялся, что никогда умомъ робкимъ не дерзалъ возноситься до сей высоты, ужасной для смертнаго; свидѣтельствовался Окомъ Всевидящимъ и самою Ириною, что желаетъ единственно жить при ней и смотрѣть на ея лицо ангельское. Царица уже настояла рѣшительно. Тогда Борисъ, какъ бы въ сокрушеніи духа, воскликнулъ: «Буди же святая воля Твоя, Господи! Настави меня на путь правый и не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ! Повинуюсь Тебѣ, исполняя желаніе народа». Святители, вельможи упали къ ногамъ его. Осѣнивъ животворящимъ крестомъ Бориса и царицу, патріархъ спѣшилъ возвѣстить дворянамъ, приказнымъ и всѣмъ людямъ, что Господь даровалъ имъ царя. Невозможно было изобразить общей радости. Воздѣвъ руки на небо, славили Бога, плакали, обнимали другъ друга. Отъ келій царицыныхъ до всѣхъ концовъ Дѣвичьяго поля гремѣли клики: слава! слава!.. Окруженный

вельможами, тѣснимый, лобзаемый народомъ, Борисъ вслѣдъ за духовенствомъ пошелъ въ храмъ Новодѣвичьей обители, гдѣ патріархъ Іовъ, предъ иконами Владимірской и Донской благословилъ его на государство Московское и всея Россіи, нарекъ царемъ и возгласилъ ему первое многолѣтіе.

Что, повидимому, могло быть торжественнѣе, единодушнѣе, законнѣе сего нареченія? и что благоразумнѣе. Перемѣнилось только имя царя: власть державная оставалась въ рукахъ того, кто уже давно имѣлъ оную, и властвовалъ счастливо для цѣлости государства, для внутренняго устройства, для внѣшней чести и безопасности въ Россіи. Такъ казалось; но сей человѣческою мудростію надѣленный правитель достигъ престола злодѣйствомъ... Казнь небесная угрожала царю-преступнику и царству несчастному.

ГЛАВА IV.

Состояніе Россіи въ концѣ XVI вѣка.

Безопасность Россіи въ отношеніи къ сосѣдственнымъ державамъ.—Войско.—Жалованье.—Доходы.— Богатство Строгановыхъ.—Судъ и расправа.—Пытки и казни.—Торговля.—Цѣна разныхъ товаровъ.—Корабли россійскіе.—Образованіе.— Геометрія и ариѳметика.— Тайное письмо или цифры.— Географія.—Словесность.—Художества и ремесла.—Москва.— Обычаи.—Примѣры мѣстничества.—Дворъ.—Вина иноземныя, медъ и явства русскія.—Хлѣбосольство.—Долгая жизнь.—Медики.—Лѣкарства.—Аптекари.—Разныя обыкновенія.—Убогій домъ.—Одежда женщинъ.—Забавы.—Бани.—Пороки.—Набожность.—Смерть перваго Борисова сына.—Юродивые.—Терпимость.—Унія въ Литвѣ.

Описавъ судьбу нашего отечества подъ наслѣдственнымъ скипетромъ монарховъ варяжскаго племени, заключимъ исторію семи сотъ тридцати шести лѣтъ обозрѣніемъ тогдашняго состоянія Россіи въ государственномъ и гражданскомъ смыслѣ.

Никогда внѣшнія обстоятельства Московской державы, основанной, изготовленной къ величію Іоанномъ III, не казались столь благопріятными для ея цѣлости и безопасности, какъ въ сіе время. Въ Литвѣ преемникъ Баторіевъ дремалъ на тронѣ, окруженномъ строптивыми, легкомысленными и несогласными вельможами; Швеція колебалась въ безначаліи; ханъ умѣлъ только грабить оплошныхъ; Магометъ III въ сильномъ бореніи съ Австріею предвидѣлъ еще опаснѣйшую войну съ шахомъ, а Россія, почти безъ кровопролитія взявъ неизмѣримыя земли на сѣверо-востокѣ, заложивъ крѣпости подъ сѣнью Кавказа, возстановивъ свои древнія грани

на скалахъ Корельскихъ, ожидая случая возвратить и другія несчастныя уступки Іоаннова малодушія, города въ Ливоніи и важную пристань Балтійскую,—Россія, спокойная извнѣ, тихая внутри, имѣла войско, многочисленнѣйшее въ Европѣ, и еще непрестанно умножала его. Такъ говорятъ иноземные современники о ратныхъ силахъ Ѳеодоровыхъ:

„Пятнадцать тысячъ дворянъ, раздѣленныхъ на три степени: большихъ, среднихъ и меньшихъ, московскихъ и такъ называемыхъ выборныхъ (присылаемыхъ въ столицу изъ всѣхъ городовъ, и черезъ три года смѣняемыхъ иными), составляютъ конную дружину царскую. Шестьдесятъ пять тысячъ всадниковъ изъ дѣтей боярскихъ ежегодно собирается на берегахъ Оки, въ угрозу хану. Лучшая пѣхота—стрѣльцы и казаки: первыхъ 10.000, кромѣ двухъ тысячъ отборныхъ или стремянныхъ; вторыхъ около шести тысячъ. На ряду съ ними служатъ 4.300 нѣмцевъ и поляковъ, 4.000 казаковъ литовскихъ, 150 шотландцевъ и нидерландцевъ, 100 датчанъ, шведовъ и грековъ. Для важнаго ратнаго предпріятія выѣзжаютъ на службу всѣ помѣстные дѣти боярскіе съ своими холопами и людьми даточными (изъ вотчинъ боярскихъ и церковныхъ), болѣе крестьянами, нежели воинами, хотя и красиво одѣтыми (въ чистые, узкіе кафтаны съ длиннымъ, отложнымъ воротникомъ): невозможно опредѣлить ихъ числа, умножаемаго въ случаѣ нужды людьми купецкими, также наемниками и слугами государя московскаго, ногаями, черкесами, древними подданными казанскаго царства. Сборныя областныя дружины называются именами городовъ своихъ: смоленскою, новгородскою и пр.; въ каждой бываетъ отъ 300 до 1.200 ратниковъ. Многіе вооружены худо; только пѣхота имѣетъ пищали, но огнестрѣльный снарядъ не уступаетъ лучшему въ Европѣ. Доспѣхи и конскіе приборы воеводъ, чиновниковъ, дворянъ блистаютъ свѣтлостью булата и каменьями драгоцѣнными; на знаменахъ, освящаемыхъ патріархомъ, изображается св. Георгій. Въ битвахъ удары конницы бываютъ всегда при звукѣ огромныхъ набатовъ (или барабановъ), зурнъ и бубновъ: всадники пускаютъ тучу стрѣлъ, извлекаютъ мечи, машутъ ими вокругъ головы и стремятся впередъ густыми толпами. Пѣхота, дѣйствуя въ степи противъ крымцевъ, обыкновенно защищаетъ себя гуляемъ, или подвижнымъ складнымъ городкомъ, возимымъ на телѣгахъ, т.-е. ставятъ два ряда досокъ на пространствѣ двухъ или трехъ верстъ въ длину и стрѣляютъ изъ сего укрѣпленія сквозь отверстія въ обѣихъ стѣнахъ. Ожидая хана, воеводы высылаютъ казаковъ въ степи, гдѣ изрѣдка растутъ высокіе дубы; тамъ подъ каждымъ деревомъ видите двухъ осѣдланныхъ лошадей: одинъ изъ всадниковъ держитъ ихъ за узду, а товарищъ его сидитъ на вершинѣ дуба и смотритъ во всѣ стороны; увидѣвъ пыль, слѣзаетъ немедленно, садится на

лошадь, скачетъ къ другому дубу, кричитъ издали и показываетъ рукою, гдѣ видѣлъ пыль; стражъ сего дерева велитъ своему товарищу также скакать къ третьему дереву съ вѣстью, которая въ нѣсколько часовъ доходитъ до ближайшаго города или до передового воеводы". Далѣе сіи иноземные наблюдатели, замѣчая (какъ и въ Іоанново время), что россіяне лучше бьются въ крѣпостяхъ, нежели въ полѣ, спрашиваютъ: „чего со временемъ нельзя ожидать отъ войска безсмѣтнаго, которое, не боясь ни холода, ни голода и ничего, кромѣ гнѣва царскаго, съ толокномъ и сухарями, безъ обоза и крова, съ неодолимымъ терпѣніемъ скитается въ пустыняхъ сѣвера, и въ коемъ за славнѣйшее дѣло дается только маленькая золотая деньга (съ изображеніемъ св. Георгія), носимая счастливымъ витяземъ на рукавѣ или шапкѣ?"

Но цари уже не скупились и не щадили казны для лучшаго устройства ополченій. Уже Іоаннъ производилъ денежное жалованье воинамъ въ походахъ: Θеодоръ или Годуновъ давалъ, сверхъ помѣстныхъ земель, каждому дворянину и сыну боярскому пятнадцатитысячной царской дружины отъ 12 до 100 рублей; каждому стрѣльцу и казаку 7 рублей, сверхъ хлѣбнаго запаса; конному войску на берегахъ Оки около 40.000 рублей ежегодно, что вмѣстѣ съ платою иноземнымъ воинамъ (также боярамъ, окольничимъ и другимъ знатнѣйшимъ сановникамъ, изъ коихъ первые имѣли 700, а вторые отъ 200 до 400 рублей жалованья) составляло нѣсколько милліоновъ нынѣшнею монетой и свидѣтельствовало о возрастающемъ богатствѣ Россіи, которое еще яснѣе увидимъ изъ слѣдующихъ подробныхъ извѣстій о тогдашнихъ доходахъ государственныхъ:

1) Особенная царская отчина, 36 городовъ съ селами и деревнями, доставляла казнѣ дворцоваго вѣдомства, сверхъ денежнаго оброка, хлѣбъ, скотъ, птицъ, рыбу, медъ, дрова, сѣно, чего, за содержаніемъ двора, въ расточительное Іоанново время продавалось ежегодно на 60.000 рублей, а въ Θеодорово—отъ лучшаго хозяйства, введеннаго дворецкимъ Григоріемъ Васильевичемъ Годуновымъ, на 230.000 рублей (около 1.150.000 нынѣшнихъ серебряныхъ).

2) Тягло и подать государственная, съ вытей — хлѣбомъ, а съ сохъ—деньгами, приносили казнѣ четвертного вѣдомства 400.000 рублей: съ области Псковской — 18.000, Новгородской—35.000, Тверской и Новоторжской—8.000, Рязанской—30.000, Муромской—12.000, Холмогорской и Двинской—8.000, Вологодской — 12.000, Казанской—18.000, Устюжской—30.000, Ростовской—50.000, Московской — 40.000, Сибирской (мѣхами) — 20.000, Костромской—12.000 и проч.

3) Разныя городскія пошлины: торговыя, судныя, питейныя, бан-

ныя, вносимыя въ Казну Большого Прихода (съ Москвы—12.000, Смоленска — 8.000, Пскова — 12.000, Новгорода — 6.000, Старой Русы, гдѣ варилась соль,— 18.000, Торжка — 800, Твери — 700, Ярославля—1.200, Костромы—1.800, Нижняго—7.000, Казани—11.000, Вологды—2.000 и пр.), составляли 800.000 рублей, вмѣстѣ съ экономіею приказовъ Разряднаго, Стрѣлецкаго, Иноземнаго, Пушкарскаго, которые, имѣя свои особенные доходы, отсылали сберегаемыя ими суммы въ сей же Большой Приходъ, такъ что въ сокровищницу кремлевскую, подъ Ѳеодорову или Годунову печать, ежегодно вступало, сверхъ главныхъ государственныхъ издержекъ на войско и дворъ, не менѣе милліона четырехъ сотъ тысячъ рублей (отъ шести до семи милліоновъ нынѣшнихъ серебряныхъ). „Несмотря на сіе богатство,—пишетъ Флетчеръ въ своей книгѣ о Россіи,— Ѳеодоръ, по совѣту Годунова, велѣлъ перелить въ деньги множество золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, наслѣдованныхъ имъ послѣ отца, ибо хотѣлъ симъ мнимымъ знакомъ недостатка въ монетѣ оправдать тягость налоговъ“.

Къ умноженію государственнаго достоянія, Ѳеодоръ на соборѣ духовенства и бояръ (въ іюлѣ 1584 г.) подтвердилъ уставъ Іоанновъ 1582 года, чтобы святители, церкви и монастыри безденежно отдали въ казну всѣ древнія княжескія отчины, вмѣстѣ съ землями, имъ заложенными, и впредь до новаго указа отмѣнилъ тарханныя или льготныя грамоты, которыя знатную часть церковныхъ, боярскихъ и княжескихъ имѣній освобождали отъ государственныхъ податей, къ ущербу казны и ко вреду всѣхъ иныхъ владѣльцевъ, ибо крестьяне уходили отъ нихъ въ льготныя жительства, чтобы не платить никакихъ налоговъ. Въ сей же соборной грамотѣ сказано: „земли и села, отказанныя монастырямъ за упокой души, выкупаются наслѣдниками, или, буде ихъ нѣтъ, государемъ, для раздачи воинскимъ людямъ“, коимъ уже не доставало земель помѣстныхъ.

Но обогащеніе казны, по извѣстію чужестранцевъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ вредило народному благосостоянію: 1) налоги, облегченные Ѳеодоромъ, были все еще тягостны; 2) заведеніе питейныхъ домовъ въ городахъ, умножая пьянство, разоряло мѣщанъ, ремесленниковъ, самихъ земледѣльцевъ, губило достояніе ихъ и нравственность; 3) отъ монополій казны терпѣло купечество, лишаемое свободы продавать свои товары, если царскіе еще лежали въ лавкахъ. Флетчеръ пишетъ, что между купцами славились богатствомъ одни братья Строгановы, имѣя до трехъ сотъ тысячъ (около полутора милліона нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей наличными деньгами, кромѣ недвижимаго достоянія; что у нихъ было множество иноземныхъ, нидерландскихъ и другихъ мастеровъ на заводахъ, нѣсколько аптекарей и медиковъ, 10.000 людей вольныхъ и 5.000

собственныхъ крѣпостныхъ, употребляемыхъ для варенія и развоза соли, рубки лѣсовъ и воздѣлыванія земли отъ Вычегды до предѣловъ Сибири; что они ежегодно платили царю 23.000 рублей пошлины, но что правительство, требуя болѣе и болѣе, то подъ видомъ налога, то подъ видомъ займа, разоряетъ ихъ безъ жалости; что въ Россіи вообще мало богатыхъ людей, ибо казна все поглощаетъ; что самые древніе удѣльные князья и бояре живутъ умѣреннымъ жалованьемъ и помѣстнымъ доходомъ (около тысячи рублей на каждаго), совершенно завися отъ милости царской". Однако жъ бояре и многіе чиновники имѣли знатныя отчины какъ родовыя, такъ и жалованныя, а потомки древнихъ князей и въ Іоанново время еще владѣли частью ихъ бывшихъ удѣловъ; напр., славный князь Михайло Воротынскій въ 1572 году вѣдалъ треть Воротынска, какъ свою наслѣдственную собственность.

Умножая войско и доходы, правительство занималось, какъ мы видѣли, и лучшимъ внутреннимъ устройствомъ государства, радѣло о безопасности лицъ и достоянія. Вопреки сказанію иноземцевъ, что въ Россіи не было тогда никакихъ гражданскихъ законовъ, кромѣ слѣпого произвола царей, сіи законы, изданные первымъ самодержцемъ московскимъ (что достойно примѣчанія), дополненные его сыномъ, исправленные, усовершенные внукомъ, служили неизмѣннымъ правиломъ во всѣхъ тяжбахъ — и Грозный, попирая святые уставы человѣчества, оставлялъ гражданскіе ненарушимыми въ Россіи, не отнималъ даже истинной царской собственности у тѣхъ, которые могли доказать, что владѣютъ ею долѣе шести лѣтъ. Именемъ Ѳеодоровымъ изданъ важный политическій законъ объ укрѣпленіи земледѣльцевъ, Годуновъ не прибавилъ ничего болѣе къ Судебнику, но пекся о точномъ исполненіи онаго: желая славиться неумытнымъ правосудіемъ, оказывалъ его въ дѣлахъ гласныхъ, о чемъ свидѣтельствуютъ и лѣтописцы, славя счастливый вѣкъ Ѳеодоровъ. Какъ въ Іоанново, такъ и въ сіе время судъ съ расправою земской зависѣли въ областяхъ, подъ главнымъ вѣдомствомъ Думы, отъ намѣстниковъ, избираемыхъ изъ бояръ, окольничихъ и другихъ знатныхъ сановниковъ. Всѣ члены Ѳеодоровой Думы были намѣстниками и рѣдко выѣзжали изъ Москвы; но они имѣли товарищей, тіуновъ, дьяковъ, которые съ ихъ вѣдома рѣшали дѣла. Пишутъ, что народъ вообще ненавидѣлъ дьяковъ корыстолюбивыхъ: опредѣляемые всегда на малое время, сіи грамотѣи приказные тѣмъ болѣе спѣшили наживаться всякими средствами; жалобы имѣли дѣйствіе, но обыкновенно уже послѣ смѣны грабителей: тогда судили ихъ строго, лишали всей беззаконной добычи, выставляли на позоръ и сѣкли, привязывали лихоимцу къ шеѣ взятую имъ вещь, кошелекъ съ деньгами, соболя или что другое. Законъ не терпѣлъ никакихъ взятокъ, но хитрецы изо-

брѣли способъ обманывать его: челобитчикъ, входя къ судьѣ, клалъ деньги передъ образами, будто бы на свѣчи; сію выдумку скоро запретили указомъ. Только въ день Свѣтлаго Воскресенія дозволялось судьямъ и чиновникамъ вмѣстѣ съ краснымъ яйцомъ принимать въ даръ и нѣсколько червонцевъ (коихъ цѣна обыкновенно возвышалась въ сіе время отъ 16 до 24 алтынъ и болѣе). По крайней мѣрѣ видимъ достохвальное усиліе правительства искоренять зло, извѣстное и въ вѣки лучшаго гражданскаго образованія. Та же ревность къ уменьшенію преступленій ввела или сохранила у насъ отвратительную для сердца жестокость въ законныхъ пыткахъ: чтобы вывѣдать истину отъ уличаемаго преступника, жгли его нѣсколько разъ огнемъ, ломали ему ребра, вбивали гвозди въ тѣло. Убійцъ и другихъ злодѣевъ вѣшали, казнили на плахѣ, или топили, или сажали на колъ. Осужденный, идучи къ лобному мѣсту, держалъ въ связанныхъ рукахъ горящую восковую свѣчу. Для благородныхъ людей воинскихъ облегчали казнь: за что́ крестьянина или мѣщанина вѣшали, за то сына боярскаго сажали въ темницу или сѣкли батогами. Убійца собственнаго холопа наказывался денежною пенею. Благородные люди воинскіе имѣли еще, какъ пишутъ, странную выгоду въ гражданскихъ тяжбахъ: могли вмѣсто себя представлять слугъ своихъ для присяги и для тѣлеснаго наказанія въ случаѣ неплатежа долговъ.

Торговля, хотя отчасти и стѣсняемая казенными монополіями, распространялась въ Ѳеодорово время отъ успѣховъ внутренней промышленности. Любопытству и наблюдательному духу англичанъ, которые всѣхъ болѣе умѣли ею пользоваться, обязаны мы весьма обстоятельными о ней свѣдѣніями. „Мало земель въ свѣтѣ,—пишутъ они,— гдѣ природа столь милостива къ людямъ, какъ въ Россіи, изобильной ея дарами. Въ садахъ и въ огородахъ множество вкусныхъ плодовъ и ягодъ: грушъ, яблокъ, сливъ, дынь, арбузовъ, огурцовъ, вишни, малины, клубники, смородины; самые лѣса и луга служатъ вмѣсто огородовъ. Неизмѣримыя равнины покрыты хлѣбомъ, пшеницею, рожью, ячменемъ, овсомъ, горохомъ, гречею, просомъ. Изобиліе рождаетъ дешевизну: четверть пшеницы стоитъ обыкновенно не болѣе двухъ алтынъ (нынѣшнихъ тридцати копеекъ серебромъ). Одна безпечность жителей и корыстолюбіе богатыхъ производятъ иногда дороговизну: такъ, въ 1588 г. за четверть пшеницы и ржи платили въ Москвѣ 13 алтынъ. Хлѣбъ и плоды составляютъ важный предметъ торговли внутренней; а для богатства внѣшней россіяне имѣютъ:

„1) Мѣха собольи, лисьи, куньи, бобровые, рысьи, волчьи, медвѣжьи, горностаевые, бѣличьи, коихъ продается въ Европу и въ Азію (купцамъ персидскимъ, турецкимъ, бухарскимъ, иверскимъ, армянскимъ) на 500 тысячъ рублей (Ермаковы и новѣйшія завое-

ванія въ сѣверной Азіи обогатили насъ мягкою рухлядью. Ѳеодоръ строго предписалъ сибирскимъ воеводамъ, чтобы они никакъ не выпускали оттуда въ Бухарію ни дорогихъ соболей, ни лисицъ черныхъ, ни кречетовъ, нужныхъ для охоты царской и для даровъ европейскимъ вѣнценосцамъ). Лучшіе соболи идутъ изъ земли Обдорской; бѣлые медвѣди изъ Печерской; бобры изъ Колы; куницы изъ Сибири, Радома, Мурома, Перми и Казани; бѣлки, горностаи изъ Галича, Углича, Новгорода и Перми.

„2) Воскъ: его продается ежегодно отъ десяти до пятидесяти тысячъ пудовъ.

„3) Медъ: употребляется на любимое питье россіянъ, но идетъ и въ чужія земли, болѣе изъ областей Мордовской и Черемисской, Сѣверской, Рязанской, Муромской, Казанской, Дорогобужской и Вяземской.

„4) Сало: его вывозится отъ тридцати до ста тысячъ пудовъ, болѣе изъ Смоленска, Ярославля, Углича, Новгорода, Вологды, Твери, Городца; но и вся Россія, богатая лугами для скотоводства, изобилуетъ саломъ, коего мало расходится внутри государства на свѣчи, ибо люди зажиточные употребляютъ восковыя, а народъ лучину.

„5) Кожи лосьи, оленьи и другія: ихъ отпускаютъ за границу до десяти тысячъ. Самые большіе лоси живутъ въ лѣсахъ, близъ Ростова, Вычегды, Новгорода, Мурома и Перми; казанскіе не такъ велики.

„6) Тюленій жиръ: сихъ морскихъ животныхъ ловятъ близъ Архангельска, въ заливѣ св. Николая.

„7) Рыбу: лучшею считается такъ называемая бѣлая. Города, славнѣйшіе рыбною ловлей, суть Ярославль, Бѣлоозеро, Новгородъ Нижній, Астрахань, Казань, чѣмъ они приносятъ царю знатный доходъ.

„8) Икру: бѣлужью, осетровую, севрюжью и стерляжью; продается купцамъ нидерландскимъ, французскимъ, отчасти и англійскимъ; идетъ въ Италію и Испанію.

„9) Множество птицъ; кречеты продаются весьма дорогою цѣной.

„10) Ленъ и пеньку: ихъ менѣе отпускается въ Европу съ того времени, какъ Россія лишилась Нарвы. Льномъ изобилуетъ Псковъ, пенькою—Смоленскъ, Дорогобужъ и Вязьма.

„11) Соль—лучшія варницы въ Старой Русѣ; есть и въ Перми, Вычегдѣ, Тотьмѣ, Кинешмѣ, Соловкахъ, Астраханскія озера производятъ самосадку: купцы платятъ за нее въ казну по три деньги съ пуда.

„12) Деготь — его вывозятъ въ большомъ количествѣ изъ Смоленской и Двинской области.

„13) Такъ называемые рыбьи зубы или клыки моржовые — изъ

нихъ дѣлаютъ четки, рукоятки и проч.; составляютъ также лѣкарственный порошокъ, будто бы уничтожающій дѣйствіе яда. Идутъ въ Азію, Персію, Бухарію.

„14) Слюду, употребляемую вмѣсто стекла,—ея много въ землѣ Корельской и на Двинѣ.

„15) Селитру и сѣру — первую варятъ въ Угличѣ, Ярославлѣ, Устюгѣ; вторую находятъ близь Волги (въ озерахъ Самарскихъ), но не умѣютъ очищать ее.

„16) Желѣзо, весьма ломкое,—его добываютъ въ землѣ Корельской, Каргополѣ и въ Устюгѣ Желѣзномъ (Устюжнѣ).

„17) Такъ называемый новгородскій жемчугъ, который водится въ рѣкахъ близъ Новгорода и въ Двинской землѣ".

За сіи-то многія естественныя богатства Россіи Европа и Азія платили ей отчасти своими издѣліями, отчасти и свойственными ихъ климатамъ дарами природы. Обозначимъ здѣсь цѣну нѣкоторыхъ вещей, привозимыхъ тогда въ Архангельскъ на корабляхъ лондонскихъ, голландскихъ и французскихъ: лучшій изумрудъ или яхонтъ стоилъ 60 рублей (нынѣшнихъ серебряныхъ 300); золотникъ жемчугу, не самаго мелкаго, 2 р. и болѣе; золота, серебра пряденаго 5 руб. литра; аршинъ бархату, камки, атласу, около рубля; англійскаго тонкаго сукна поставъ 30 р., средняго 12 р., аршинъ 20 алтынъ; кусокъ миткалю 2 р.; бочка вина французскаго 4 руб., лимоновъ 3 р., сельдей 2 руб.; пудъ сахару отъ 4 до 6 р., леденцу 10 р., гвоздики и корицы 20 р., пшена сарацинскаго 4 гривны, масла деревяннаго $1^1/_2$ р., пороху 3 р., ладану 3 р., ртути 7 р., свинцу 2 р., мѣди въ дѣлѣ $2^1/_2$ р., желѣза прутоваго 4 гривны, бумаги хлопчатой 2 р., сандалу берковецъ 8 р., стопа писчей бумаги 4 гривны. Сверхъ того иноземцы доставляли намъ множество своей серебряной монеты, цѣня ефимокъ въ 12 алтынъ; на одномъ кораблѣ привозилось иногда до 80,000 ефимковъ, съ коихъ платили пошлину, какъ съ товаровъ. Сія пошлина была весьма значительна: напримѣръ, ногаи, торгуя лошадьми, изъ выручаемыхъ ими денегъ платили въ казну пять со ста, и еще отдавали царю на выборъ десятую долю табуновъ своихъ; лучшій конь ногайскій стоилъ не менѣе двадцати рублей.

Довольные выгодною мѣною съ европейскими народами въ своихъ сѣверныхъ пристаняхъ, купцы наши не мыслили ѣздить моремъ въ иныя земли; но любопытно знать, что мы въ сіе время уже имѣли корабли собственные: Борисовъ посланникъ въ 1599 г., возвратился изъ Германіи на двухъ большихъ морскихъ судахъ, купленныхъ и снаряженныхъ имъ въ Любскѣ, съ кормщикомъ и матросами нѣмецкими, тамъ нанятыми.

Нѣкогда столь знаменитая, столь полезная для Россіи торговля ганзейская, уже безсильная въ совмѣстничествѣ съ англійскою и

съ голландскою, еще искала древнихъ слѣдовъ своихъ между развалинами Новгорода. Царь, въ 1596 году, дозволилъ Любеку снова завести тамъ гостиный дворъ съ лавками; но шведы мѣшали ея важному успѣху, имѣя Нарву, о коей не преставали жалѣть Новгородъ, Псковъ и вся Россія.

„Видя въ торговлѣ средство обогащенія для казны, — говоритъ Флетчеръ, — и мало заботясь о благосостояніи своего купечества, цари вообще не доброхотствуютъ и народному образованію; не любятъ новостей, не пускаютъ къ себѣ иноземцевъ, кромѣ людей, нужныхъ для ихъ службы, и не дозволяютъ подданнымъ выѣзжать изъ отечества, боясь просвѣщенія, къ коему россіяне весьма способны, имѣя много ума природнаго, замѣтнаго и въ самыхъ дѣтяхъ. Одни послы или бѣглецы россійскіе являются изрѣдка въ Европѣ“. Сказаніе отчасти ложное: мы не странствовали, ибо не имѣли обычая странствовать, еще не имѣя любопытства, свойственнаго уму образованному; купцамъ не запрещалось торговать внѣ отечества, и самовластный Іоаннъ посылалъ молодыхъ людей учиться въ Европѣ. Иноземцевъ же, дѣйствительно, пускали къ намъ съ разборомъ, и благоразумно. Въ 1591 г. посолъ Рудольфовъ, Николай Варкочъ, писалъ къ Борису, что какой-то италіянскій графъ Шкотъ, призванный въ Москву Іоанномъ, желаетъ служить Θеодору; что сей графъ, достойно уважаемый императоромъ и многими вѣнценосцами, знаетъ всѣ языки подъ солнцемъ и всѣ науки, такъ что ни въ Италіи, ни въ Германіи нельзя найти ему подобнаго. Борисъ отвѣтствовалъ: „Хвалю намѣреніе графа, мужа столь благороднаго и столь ученаго. Великій государь нашъ, жалуя всѣхъ иноземцевъ, которые къ намъ пріѣзжаютъ, безъ сомнѣнія отличитъ его; но я еще не успѣлъ доложить о томъ государю“. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Россіи знали и не хотѣли Шкота, какъ лазутчика опаснаго или ненадежнаго человѣка, ибо людей ученыхъ мы не отвергали, но звали къ себѣ, напримѣръ, славнаго математика, астролога, алхимика, Джона Ди, коего Елисавета англійская называла своимъ философомъ и который находился тогда въ Богеміи. Θеодоръ, чрезъ лондонскихъ купцовъ предлагалъ ему 2.000 фунтовъ стерлинговъ ежегодно, а Борисъ особенно тысячу рублей, столъ царскій и всю услугу, для того, какъ думали, чтобы пользоваться его совѣтами для открытія новыхъ земель на сѣверовостокѣ, за Сибирью; но, вѣроятно, не для того ли, чтобы поручить ему воспитаніе юнаго Борисова сына, отцовскою тайною мыслію уже готовимаго къ державству? Слава алхимика и звѣздочета въ глазахъ невѣжества еще возвышала знаменитость математика. Но Ди, страстный въ воображеніи только къ искусственному золоту философскаго камня, въ гордой бѣдности отвергнулъ предложеніе царя, изъявивъ благодарность и, какъ бы угадавъ, по вы-

четамъ своей любимой астрологіи, грядущую судьбу Россіи и дома Борисова! — Всего ревностнѣе мы искали тогда въ Европѣ металлургистовъ для нашихъ печерскихъ рудниковъ, открытыхъ еще въ 1491 году, но едва ли уже не безполезныхъ, за неимѣніемъ людей искусныхъ въ горномъ дѣлѣ. Посылая къ императору (въ 1597 году) дворянина Вельяминова, царь приказалъ ему вызвать къ намъ изъ Италіи, чего бы то ни стоило, мастеровъ, умѣющихъ находить и плавить руду золотую и серебряную. Кромѣ четырехъ или пяти тысячъ иностранцевъ-воиновъ, нанимаемыхъ Θеодоромъ, Московская Яузская слобода населялась болѣе и болѣе нѣмцами, которые въ Іоанново время обогащались продажею водки и меда, спѣсивились и роскошествовали до соблазна: жены ихъ стыдились носить не бархатное или не атласное платье. Они въ Борисово царствованіе снова имѣли церковь, и хотя жили особенно, но свободно и дружелюбно сносились съ россіянами.—Постоянно слѣдуя правиламъ Іоанна III, золотомъ и честію маня къ себѣ художества, искусства, науки европейскія; размножая церковныя училища и число людей грамотныхъ, приказныхъ, коимъ самое дворянство завидовало въ ихъ важности государственной, цари, безъ сомнѣнія, не боялись просвѣщенія, но желали, какъ могли или умѣли, ему способствовать; и если не знаемъ ихъ мысли, то видимъ дѣла ихъ, благопріятныя для гражданскаго образованія Россіи. Означимъ нѣкоторые новые плоды онаго.

Измѣреніе и перепись земель, отъ 1587 до 1594 года, въ Двинской области, на обѣихъ сторонахъ Волги — вѣроятно и въ другихъ мѣстахъ — служили, можетъ быть, поводомъ къ сочиненію первой Россійской геометріи, коей списки, намъ извѣстные, не древнѣе XVII вѣка, „книги глубокомудрой, по выраженію автора, дающей легкій способъ измѣрять мѣста самыя недоступныя, плоскости, высоты и дебри, радиксомъ и циркуломъ“. Въ ней изъясняется сошное и вытное письмо, то-есть раздѣленіе всѣхъ населенныхъ земель въ Россіи для платежа государственныхъ податей, по сохи и выти (въ сохѣ считалось 800 четвертей доброй земли, а въ выти 12; въ четверти 1.200 квадратныхъ саженъ, а въ десятинѣ 2.400). Къ сему времени относимъ и первую Россійскую ариѳметику, писанную не весьма ясно. Въ предисловіи сказано, что безъ сей численной философіи, изобрѣтенія финикійскаго, единой изъ семи свободныхъ мудростей, нельзя быть ни философомъ, ни докторомъ, ни гостемъ искуснымъ въ дѣлахъ торговыхъ, и что ея знаніемъ можно снискать великую милость государеву. Въ концѣ сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о церковномъ кругѣ, о составѣ человѣческомъ, о физіогномикѣ. Въ обѣихъ книгахъ, въ геометріи и въ ариѳметикѣ, употребляются въ счисленіи славянскія буквы и цифирь. Тогда же въ польскихъ бумагахъ начали мы употреблять

тайныя цифры: гонецъ Андрей Ивановъ, въ 1590 году, писалъ изъ Литвы къ царю вязью, литореею и новою азбукою, взятою у посла австрійскаго, НиколаяВаркоча. Такъ называемая Книга большого чертежа, или древнѣйшая географія государства Россійскаго, составлена, какъ вѣроятно, въ царствованіе Ѳеодора, ибо въ ней находимъ имена Курска, Воронежа, Оскола, построенныхъ въ его время, не находя новѣйшихъ, основанныхъ Годуновымъ: Борисова на Донцѣ Сѣверскомъ и Царево-Борисова на устьѣ Протвы. Сія книга была переписана въ Разрядѣ около 1627 года, и рѣшитъ для насъ многіе важные географическіе вопросы, указывая, напримѣръ, гдѣ была земля Югорская, Обдорія, Батыева столица, улусы ногайскіе.

Поле словесности не представляетъ намъ богатой жатвы отъ временъ Іоанна до Годунова; но языкъ украсился какою-то новою плавностію. Истинное, чувствомъ одушевленное краснорѣчіе видно тольло въ письмахъ Курбскаго къ Іоанну. Причислимъ ли къ писателямъ и самого Іоанна, какъ творца плодовитыхъ, велерѣчивыхъ посланій, богословскихъ, укорительныхъ и насмѣшливыхъ? Въ слогѣ его есть живость, въ діалектикѣ сила. Лучшими твореніями сего вѣка, въ смыслѣ правильности и ясности, должно назвать Степенную Книгу, Минею Макаріеву и Стоглавъ. Вѣроятно, что митрополитъ Діонисій заслужилъ имя Грамматика какими-нибудь уважаемыми сочиненіями, но ихъ не знаемъ. Патріархъ Іовъ описалъ житіе, добродѣтели и кончину Ѳеодора слогомъ цвѣтистымъ, и не безъ жара; напримѣръ, такъ говоритъ о своемъ героѣ: „Онъ древнимъ царямъ благочестивымъ равнославенъ, нынѣшнихъ красота и свѣтлость, будущимъ сладчайшая повѣсть; не пригвождаясь къ суетному велелѣпію міра, умащалъ свою царскую душу глаголами Божественными, и рѣкою нескудною изливалъ милости на вселенную; съ нѣжною супругою преспѣвалъ въ добродѣтели и въ вѣрѣ къ Богу.... имѣлъ единое земное сокровище, единую блаженную лѣторасль корени державнаго, и лишился возлюбленной дщери, чтобы въ сердцѣ, хотя и сокрушенномъ, но съ умиленіемъ христіанскимъ предаться въ волю Отца небеснаго, когда синклитъ и весь народъ предавались отчаянію... О вѣсть страшная, вѣсть ужасная: любимый царь земли Русскія отходитъ къ Богу!.. но не смертію, а сладкимъ успеніемъ; душа излетаетъ, а тѣло спокойно и недвижимо: не видимъ ни трепета, ни содроганія... Се время рыданія, не глаголовъ; время молитвы, не бесѣды... На насъ исполнилося вѣщаніе пророка: кто дастъ источникъ слезъ очамъ моимъ, да плачутъ довольно?.. Скорби пучина, сѣтованія бездна!.. Отселѣ красный, многолѣтный престолъ великія Россіи начинаетъ вдовствовать, и великій многолюдный градъ Москва пріемлетъ сиротство жалостное“. Обязанный Борису сво-

имъ первосвятительствомъ и чистосердечно ему преданный, онъ говоритъ объ немъ въ семъ твореніи: „Въ счастливые дни Өеодора Іоанновича строилъ подъ нимъ державу великій шуринъ и слуга его, мужъ верховный, единственный въ Россіи не только саномъ, но и разумомъ высокимъ, храбростію, вѣрою къ Богу. Его промысломъ цвѣла сія держава въ тишинѣ велелѣпной, къ изумленію людей и самого царя, ко славѣ правителя не только въ нашемъ отечествѣ, но и въ дальнихъ предѣлахъ вселенныя, откуда знаменитые послы являлись здѣсь съ дарами многоцѣнными, рабски благоговѣть предъ царемъ и дивиться свѣтлой красотѣ лица, и мудрости, добродѣтели правителя, среди народа, имъ счастливаго,— среди столицы имъ украшенной“.— Іовъ писалъ еще утѣшительное посланіе къ Өеодоровой супругѣ, когда она тосковала о милой усопшей дочери; заклиналъ Ирину быть не только матерію, но и царицею, и христіанкою; осуждалъ ея слабость съ ревностію пастыря, но и жалѣлъ о горестной съ чувствительностію друга, оживляя въ ней надежду дать наслѣдника престолу, — сочиненіе достопамятное болѣе своимъ трогательнымъ предметомъ, нежели мыслями и краснорѣчіемъ. Патріархъ напоминая Иринѣ ученіе евангельское о довѣренности къ Вышней Благости, прибавляетъ: „Кто лучше тебя знаетъ божественное писаніе? Ты можешь наставлять иныхъ, храня всю мудрость онаго въ сердцѣ и въ памяти“. Воспитанная при дворѣ Іоанновомъ, Ирина имѣла просвѣщеніе своего времени: читала св. писаніе и знаменитѣйшихъ отцовъ нашей церкви. Россіяне уже пользовались печатною Библіею Острожскаго изданія, но святыхъ отцовъ читала только въ рукописи. Между славянскими или русскими переводами древнихъ авторовъ, тогда извѣстными и сохраненными въ нашихъ библіотекахъ, наименуемъ Галеново разсужденіе о стихіяхъ большого и малаго міра, о тѣлѣ и душѣ, переведенное съ языка латинскаго, коимъ, вопреки сказанію одного иноземца-современника, не гнушались россіяне: еще скудные средствами науки, они пользовались всякимъ случаемъ удовлетворять своему любопытству; часто искали смысла, гдѣ его не было отъ неразумѣнія писцовъ или толковниковъ, и съ удивительнымъ терпѣніемъ списывали книги, исполненныя ошибокъ. Сей темный переводъ Галена находился въ числѣ рукописей св. Кирилла бѣлоозерскаго, слѣдственно уже существовалъ въ XV вѣкѣ. Упомянемъ здѣсь также о рукописномъ лѣчебникѣ, въ 1588 году преложенномъ съ языка польскаго для серпуховскаго воеводы, Өомы Аөанасьева Бутурлина. Сей памятникъ тогдашней науки и тогдашняго невѣжества любопытенъ въ отношеніи къ языку смѣлымъ переводомъ многихъ именемъ и словъ ученыхъ.

Можетъ быть относятся ко времснамъ Өеодоровымъ или Году-

нова и старыя пѣсни русскія, въ коихъ упоминается о завоеваніи Казани и Сибири, о грозахъ Іоанновыхъ, о добродѣтельномъ Никитѣ Романовичѣ (братѣ царицы Анастасіи), о злодѣѣ Малютѣ Скуратовѣ, о впаденіяхъ ханскихъ въ Россію. Очевидцы разсказаютъ, дѣти и внуки ихъ воспѣваютъ происшествія. Память обманываетъ, воображеніе плодитъ, новый вкусъ исправляетъ, но духъ остается съ нѣкоторыми сильными чертами вѣка—и не только въ нашихъ историческихъ, богатырскихъ, охотничьихъ, но и во многихъ нѣжныхъ пѣсняхъ замѣтна первобытная печать старины: видимъ въ нихъ какъ бы снимокъ подлинника уже неизвѣстнаго; слышимъ какъ бы отзывъ голоса давно умолкшаго; находимъ свѣжесть чувства, теряемую человѣкомъ съ лѣтами, а народомъ съ вѣками. Всѣмъ извѣстна пѣсня о царѣ Іоаннѣ:

Зачиналась каменна Москва,
Зачинался въ ней и Грозный царь:
Онъ Казань-городъ на славу взялъ,
Мимоходомъ городъ Астрахань.

О сынѣ Іоанновомъ, осужденномъ на казнь:

Упадаетъ звѣзда поднебесная,
Угасаетъ свѣча воску яраго:
Не становится у насъ царевича.

Другая о витязѣ, который умираетъ въ дикой степи, на коврѣ, подлѣ огня угасающаго:

Припекаетъ свои раны кровавыя:
Въ головахъ стоитъ животворящій крестъ,
По праву руку лежитъ сабля острая,
По лѣвую руку его крѣпкой лукъ,
А въ ногахъ стоитъ его добрый конь;
Онъ, кончаяся, говоритъ коню:
Какъ умру я, мой добрый конь;
Ты зарой мое тѣло бѣлое
Среди поля, среди чистаго;
Побѣги потомъ во святую Русь:
Поклонись моимъ отцу и матери,
Благословенье свези малымъ дѣтушкамъ;
Да скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ:
Я въ приданое взялъ поле чистое;
Была свахою калена стрѣла,
Положила спать сабля острая.
Всѣ друзья-братья меня оставили,
Всѣ товарищи разъѣхались:
Лишь одинъ ты, мой добрый конь,
Ты служилъ мнѣ вѣрно до смерти.

О воинѣ убитомъ, коему постелею служитъ камышъ, изголовьемъ кустъ ракитовый, одѣяломъ темная ночь осенняя и коего тѣло орошается слезами матери, сестры и молодой жены:

Ахъ мать плачетъ, что рѣка льется;
Сестра плачетъ, какъ ручьи текутъ;
Жена плачетъ, какъ роса падетъ:
Взойдетъ солнце, росу высушитъ.

Сіи и многія иныя стихотворенія народныя, ознаменованныя истиною чувства и смѣлостію языка, если отчасти не слогомъ, то духомъ своимъ ближе къ XVI, нежели къ XVIII вѣку. Сколько пѣсенъ, уже забытыхъ въ столицѣ, болѣе и менѣе древнихъ, еще слышимъ въ селахъ и въ городахъ, гдѣ народъ памятливѣе для любезныхъ преданій старины! Мы знаемъ, что въ Іоанново время толпы скомороховъ (русскихъ трубадуровъ) ходили изъ села въ село, веселя жителей своимъ искусствомъ: слѣдственно тогдашній вкусъ народа благопріятствовалъ дарованію пѣсенниковъ, коихъ любилъ даже и постникъ Ѳеодоръ.

Сей царь любилъ и художества: въ его время были у насъ искусные ювелиры (изъ коихъ знаемъ одного венеціанскаго, именемъ Франциска Асцентини), золотари, швеи, живописцы. Шапка, данная Ѳеодоромъ патріарху Іереміи, украшенная каменьями драгоцѣнными и ликами святыхъ, въ описаніи Арсеніева путешествія названа превосходнымъ дѣломъ московскихъ художниковъ. Сей греческій епископъ видѣлъ на стѣнахъ Иришиной палаты изящную мусію въ изображеніяхъ Спасителя, Богоматери, ангеловъ, іерарховъ, мучениковъ, а на свободѣ прекрасно сдѣланнаго льва, который держалъ въ зубахъ змѣю съ висящими на ней богатыми подсвѣчниками. Арсеній съ изумленіемъ видѣлъ также множество огромныхъ серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ во дворцѣ; одни имѣли образъ звѣрей: единорога, львовъ, медвѣдей, оленей; другіе образъ птицъ: пеликановъ, лебедей, фазановъ, павлиновъ, и были столь необыкновенной тяжести, что 12 человѣкъ едва могли переносить ихъ съ мѣста на мѣсто. Сіи чудные сосуды дѣлались, вѣроятно, въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, и самые тяжелые, вылитые изъ серебра ливонскаго, добычи Іоаннова оружія. Искусство золотошвеевъ, заимствованное нами отъ грековъ, издревле цвѣло въ Россіи, гдѣ знатные богатые люди носили всегда шитую одежду. Ѳеодоръ желалъ завести и шелковую фабрику въ Москвѣ; Марко Чинопи, вызванный имъ изъ Италіи, ткалъ бархаты и парчи въ домѣ, отведенномъ ему близъ Успенскаго собора. Размноженіе церквей умножало число иконописцевъ: долго писавъ только образа, мы начали писать и картины, именно въ Ѳеодорово царствованіе, когда двѣ палаты — Большая Грановитая (памятникъ Іоанна III)

и Золотая Грановитая (сооруженная внукомъ его) украсились живописью. Въ первой изображались Господь Саваоѳъ, творенiе ангеловъ и человѣка, вся исторiя Ветхаго и Новаго завѣта, мнимое раздѣленiе вселенной между тремя мнимыми братьями Августа Кесаря и дѣйствительное раздѣленiе нашего древняго отечества между сыновьями св. Владимiра (представленными въ митрахъ, въ одеждахъ камчатныхъ, съ оплечьями и съ поясами златыми)—Ярославъ Великiй, Всеволодъ I, Мономахъ въ царской утвари, Георгiй Долгорукiй, Александръ Невскiй, Данiилъ Московскiй, Калита, Донской и преемники его до самаго Ѳеодора (который, сидя на тронѣ въ вѣнцѣ, въ порфирѣ съ нараменникомъ, въ жемчужномъ ожерельѣ, съ златою цѣпiю на груди, держалъ въ рукахъ скипетръ и яблоко царское; у трона стоялъ правитель Борисъ Годуновъ въ шапкѣ мурманкѣ, въ верхней златой одеждѣ на опашку). Въ палатѣ Золотой, на сводѣ и стѣнахъ, также представлялись священная и россiйская исторiя вмѣстѣ съ нѣкоторыми аллегорическими лицами добродѣтелей и пороковъ, временъ года и феноменовъ природы (весна изображалась—отроковицею, лѣто—юношею, осень — мужемъ съ сосудомъ въ рукѣ, зима — старцемъ съ обнаженными локтями; четыре ангела съ трубами знаменовали четыре вѣтра). Въ нѣкоторыхъ картинахъ, на свиткахъ, слова были писаны связью, или невразумительными чертами, вмѣсто обыкновенныхъ буквъ. Золотая палата уже не существуетъ (на ея мѣстѣ дворецъ Елисаветинъ); а на стѣнахъ Грановитой давно изглажены всѣ картины, извѣстныя намъ единственно по описанiю очевидцевъ. Упомянемъ также объ искусствѣ литейномъ. Въ Ѳеодорово время имѣли мы славнаго мастера Андрея Чохова, коего имя видимъ на древнѣйшихъ пушкахъ кремлевскихъ: на дробовикѣ (вѣсомъ въ 2.400 пуд.), троилѣ и аспидѣ; первая вылита въ 1586, а вторая и третья, называемыя пищалями, въ 1590 году.

Успѣхи гражданскаго образованiя были замѣтны и въ наружномъ видѣ столицы. Москва сдѣлалась прiятнѣе для глазъ не только новыми каменными зданiями, но и расширенiемъ улицъ, вымощенныхъ деревомъ, и менѣе прежняго грязныхъ. Число красивыхъ домовъ умножилось: ихъ строили обыкновенно изъ сосноваго лѣса, въ два или три жилья, съ большими крыльцами, съ досчатыми свислыми кровлями, а на дворахъ лѣтнiя спальни и каменныя кладовыя. Высота дома и пространство двора означали знатность хозяина. Бѣдные мѣщане жили еще въ черныхъ избахъ; у людей избыточныхъ въ лучшихъ комнатахъ были израсчатыя печи. Для предупрежденiя гибельныхъ пожаровъ, чиновники воинскiе лѣтомъ ежедневно объѣзжали городъ, чтобы вездѣ, по изготовленiи кушанья, гасить огонь. Москва—то-есть Кремль, Китай, Царевъ или Бѣлый городъ, новый деревянный, Замоскворѣчье и Дворцовыя

слободы за Яузою, - имѣла тогда въ окружности болѣе двадцати верстъ. Въ Кремлѣ считалось 35 каменныхъ церквей, а всѣхъ въ столицѣ болѣе четырехъ сотъ, кромѣ придѣловъ; колоколовъ же не менѣе пяти тысячъ — „въ часы праздничнаго звона“ (пишутъ иноземцы) „люди не могли въ разговорѣ слышать другъ друга“. Главный колоколъ, вѣсомъ въ 1,000 пудовъ, висѣлъ на деревянной колокольнѣ среди Кремлевской площади; въ него звонили, когда царь ѣхалъ въ дальній путь или возвращался въ столицу, или принималъ знаменитыхъ иноземцевъ. Китай-городъ, обведенный кирпичною, небѣленою стѣною и соединяемый съ Замоскворѣчьемъ мостами, деревяннымъ, или живымъ и каменнымъ, всего болѣе украшался великолѣпною готическою церковію Василія Блаженнаго и Гостинымъ дворомъ, раздѣленнымъ на 20 особенныхъ рядовъ: въ одномъ продавались шелковыя ткани, въ другомъ сукна, въ третьемъ серебро, и проч. На Красной площади лежали двѣ огромныя пушки. Въ сей части города находились домы многихъ бояръ, знатныхъ сановниковъ, дворянъ, именитыхъ купцовъ и богатый арсеналъ или пушечный дворъ; въ Бѣломъ городѣ (названномъ такъ отъ выбѣленныхъ стѣнъ) литейный дворъ (на берегу Неглинной), посольскій, литовскій, армянскій, площади Конская и Сѣнная, Мясный рядъ, домы дѣтей боярскихъ, людей приказныхъ и купцовъ; а въ деревянномъ городѣ или Скородомѣ (то есть наскоро выстроенномъ въ 1591 году) жили мѣщане и ремесленники. Вокругъ зданій зеленѣлись рощи, сады, огороды, луга; у самаго дворца косили сѣно, и три сада государевы занимали не малое пространство въ Кремлѣ. Мельницы — одна на устьѣ Неглинной, другія на Яузѣ—представляли картину сельскую. Нѣмецкая слобода не принадлежала къ городу, ни Красное Село, гдѣ обитали семьсотъ ремесленниковъ и торгашей, для коихъ готовила судьба, къ несчастію Борисова семейства, столь важное дѣйствіе въ нашей исторіи.

Въ Іоанново и Өеодорово царствованіе древніе обычаи народные, вѣроятно, мало измѣнились; но въ современныхъ извѣстіяхъ находимъ нѣкоторыя новыя подробности относительно къ сему любопытному для насъ предмету.

Годуновъ, столь хитрый, столь властолюбивый, не могъ или не хотѣлъ искоренить мѣстничества бояръ и сановниковъ, которое доходило до крайности непонятной, такъ что ни одно назначеніе воеводъ, ни одно распредѣленіе чиновниковъ для придворной службы въ дни торжественные не обходилось безъ распри и суда. Скажемъ примѣръ: Москва (въ 1591 году) уже слышала топотъ ханскихъ коней, а воеводы еще спорили о старѣйшинствѣ и не шли къ мѣстамъ своимъ. Изъ любви къ мнимой чести, не боялись безчестія истиннаго, ибо жалобщиковъ неправыхъ наказывали даже тѣлесно,

иногда и безъ суда: князя Гвоздева (въ 1589 году) за мѣстничество съ князьями Одоевскими высѣкли батогами и выдали имъ головою, то-есть велѣли ему уничиженно молить ихъ о прощеніи. Князя Барятинскаго за споръ съ Шереметевымъ посадили на три дня въ темницу: онъ не смирился, вышелъ изъ темницы и не поѣхалъ на службу. Чѣмъ изъясняется сія странность? Отчасти гордостію, которая естественна человѣку, и во всякихъ гражданскихъ обстоятельствахъ ищетъ себѣ предмета; отчасти самою политикою царей, ибо мѣстничествомъ жило честолюбіе, нужное и въ монархіи неограниченной для ревностной службы отечеству. Нѣтъ обыкновенія, нѣтъ предразсудка, совершенно безмысленнаго въ своемъ началѣ, хотя вредъ и превосходитъ иногда пользу въ дѣйствіи сихъ вѣковыхъ обычаевъ. Годуновъ же могъ имѣть и цѣль особенную, слѣдуя извѣстному злому правилу: раздоромъ властвуй! Сіи всегдашнія мѣстничества питали взаимную ненависть между знатнѣйшими родами, Мстиславскими и Шуйскими, Глинскими и Трубецкими, Шереметевыми и Сабуровыми, Куракиными и Шестуновыми. Они враждовали, Борисъ господствовалъ!

Но споры о мѣстахъ не нарушали благочинія въ собраніяхъ двора: все утихало, когда царь являлся въ величіи разителемъ для пословъ иноземныхъ. „Закрывъ глаза“,—пишутъ очевидцы,—„всякій сказалъ бы, что дворецъ пустъ. Сіи многочисленные, золотомъ облитые сановники и безмолвны, и недвижимы, сидя на лавкахъ въ нѣсколько рядовъ, отъ дверей до трона, гдѣ стоятъ рынды въ одеждѣ бѣлой, бархатной или атласной, опушенной горностаемъ, въ высокихъ бѣлыхъ шапкахъ, съ двумя золотыми цѣпями (крестообразно висящими на груди), съ драгоцѣнными сѣкирами, подъятыми на плечо, какъ бы для удара... Во время торжественныхъ царскихъ обѣдовъ служатъ 200 или 300 жильцовъ, въ парчевой одеждѣ, съ золотыми цѣпями на груди, въ черныхъ лисьихъ шапкахъ. Когда государь сядетъ“ (на возвышенномъ мѣстѣ, съ тремя ступенями, одинъ за трапезою золотою), „чиновники-служители низко кланяются ему, и по два въ рядъ идутъ за кушаньемъ. Между тѣмъ подаютъ водку: на столахъ нѣтъ ничего, кромѣ хлѣба, соли, уксусу, перцу, ножей и ложекъ; нѣтъ ни тарелокъ, ни салфетокъ. Приносятъ вдругъ блюдъ сто и болѣе: каждое, отвѣданное поваромъ при стольникѣ, вторично отвѣдывается крайчимъ въ глазахъ царя, который самъ посылаетъ гостямъ ломти хлѣба, явства, вина, медъ, и собственною рукою, въ концѣ обѣда, раздаетъ имъ сушеныя венгерскія сливы; всякаго гостя отпускаютъ домой еще съ цѣлымъ блюдомъ мяса или пироговъ. Иногда послы чужеземные обѣдаютъ и дома съ роскошнаго стола царскаго; знатный чиновникъ ѣдетъ извѣстить ихъ о сей чести и съ ними обѣдать; 15 или 20 слугъ идутъ вокругъ его лошади; стрѣльцы, бо-

гато одѣтые, несутъ скатерть, солонки и проч.; другіе (человѣкъ 200) хлѣбъ, медъ и множество блюдъ, серебряныхъ или золотыхъ, съ разными явствами". Чтобы дать понятіе о роскоши и лакомствѣ сего времени, выписываемъ слѣдующее извѣстіе изъ бумагъ Ѳеодорова царствованія: въ 1597 году отпускали къ столу австрійскаго посла изъ дворца Сытнаго семь кубковъ романеи, столько же рейнскаго, мушкателя, французскаго бѣлаго, бастру (или канарскаго вина), аликанту и мальвазіи; 12 ковшей меду вишневаго и другихъ лучшихъ; 5 ведеръ смородиннаго, можжевеловаго, черемуховаго и проч., 65 ведеръ малиноваго, боярскаго, княжаго; изъ Кормоваго дворца 8 блюдъ лебедей, 8 блюдъ журавлей съ прянымъ зельемъ, нѣсколько пѣтуховъ разсольныхъ, съ инбиремъ, курицъ безкостныхъ, тетеревой съ шафраномъ, рябчиковъ съ сливами, утокъ съ огурцами, гусей съ пшеномъ срацинскимъ, зайцевъ въ лапшѣ и въ рѣпѣ, мозги лосьи (и проч.), ухи шафранныя (бѣлыя и черныя), кальи лимонныя и съ огурцами; изъ дворца Хлѣбеннаго калачи, пироги съ мясомъ, съ сыромъ и сахаромъ, блины, оладьи, кисель, сливки, орѣхи и проч. Цари хотѣли удивлять чужеземцевъ изобиліемъ, и дѣйствительно удивляли.

Древняя славянская роскошь гостепріимства, извѣстная у насъ подъ кореннымъ русскимъ именемъ хлѣбосольства, оказывалась и въ домахъ частныхъ: для гостей не было скупыхъ хозяевъ. За то самый обидный упрекъ въ неблагодарности выражался словами: „Ты забылъ мою хлѣбъ-соль". Сіе изобиліе трапезъ, долгій сонъ полдневный и малое движеніе знатныхъ или богатыхъ людей производили ихъ обыкновенную тучность, вмѣняемую въ достоинство: быть дороднымъ человѣкомъ значило имѣть право на уваженіе. Но тучность не мѣшала имъ жить лѣтъ до восьмидесяти, ста и ста двадцати. Только дворъ и вельможи совѣтовались съ иноземными врачами. Ѳеодоръ имѣлъ двухъ: Марка Ридлея, въ 1594 году присланнаго англійскою королевою, и Павла, миланскаго гражданина. Первый жилъ въ Москвѣ пять лѣтъ и возвратился въ Лондонъ; о второмъ въ 1595 году писалъ Генрихъ IV къ Ѳеодору, ласково прося, чтобы царь отпустилъ его на старости въ Парижъ къ родственникамъ и друзьямъ. Сіе дружелюбное письмо знаменитѣйшаго изъ монарховъ Франціи осталось для насъ единственнымъ памятникомъ ея сношеній съ Россіею въ концѣ XVI вѣка. На мѣсто Ридлея Елисавета прислала къ Борису доктора Виллиса, коего испытывалъ въ знаніяхъ государственный дьякъ Василій Щелкаловъ, спрашивая, есть ли у него книги и лѣкарства? какимъ правиламъ слѣдуетъ, и на пульсѣ ли основываетъ свои сужденія о болѣзняхъ или на состояніи жидкостей въ тѣлѣ? Вились сказалъ, что онъ бросилъ всѣ книги въ Любекѣ и ѣхалъ къ намъ подъ именемъ купца, зная, какъ въ Германіи и въ другихъ зем-

ляхъ не благопріятствуютъ медикамъ, ѣдущимъ въ Россію; что лучшая книга у него въ головѣ, а лѣкарства изготовляются аптекарями, не докторами; что и пульсъ, и состояніе жидкостей въ болѣзни равно важны для наблюдателя искуснаго. Сіи отвѣты казались не весьма удовлетворительными Щелкалову, и Виллиса не старались удержать въ Москвѣ. Борисъ, въ 1600 году, вызвалъ шесть лѣкарей изъ Германіи; каждому изъ нихъ онъ давалъ 200 рублей жалованья, сверхъ помѣстья, услуги, стола и лошадей; давалъ имъ патенты на санъ докторовъ: сію странную мысль внушилъ ему Елисаветинъ посланникъ Ли, убѣдивъ его назвать докторомъ лѣкаря Рейтлингера, который съ нимъ пріѣхалъ служить царю.

Мы имѣли тогда и разныхъ аптекарей: одинъ изъ нихъ, англичанинъ Френчгамъ, бывъ у насъ еще въ Іоанново время, при Годуновѣ возвратился изъ Лондона съ богатымъ запасомъ цѣлебныхъ растеній и минераловъ. Другой, Арендъ Клаузендъ, голландецъ, 40 лѣтъ жилъ въ Москвѣ. Но россіяне, кромѣ знатныхъ, не вѣрили аптекамъ: простые люди обыкновенно лѣчились виномъ съ истертымъ въ немъ порохомъ, лукомъ, или чеснокомъ, а послѣ банею. Они не любили выхухоли въ лѣкарствахъ и никакихъ пилюль; особенно не терпѣли промывательнаго, такъ что самая крайность не могла побѣдить ихъ упрямства. Кто, бывъ отчаянно боленъ и соборванъ масломъ, выздоравливалъ, тотъ носилъ уже до смерти черную рясу, подобную монашеской. Женѣ его, какъ пишутъ, дозволялось, будто бы, выйти за другого мужа. Мертвыхъ предавали землѣ до сутокъ, богатыхъ оплакивали, и въ домѣ, и на могилѣ, множество нанимаемыхъ для того женщинъ, которыя вопили нараспѣвъ: „тебѣ ли было оставлять бѣлый свѣтъ? не жаловалъ ли тебя царь государь? не имѣлъ ли ты богатства и чести, супруги милой и дѣтей любезныхъ?“ и проч. Сорочины заключались пиромъ въ домѣ покойника, и вдова могла, безъ нарушенія пристойности, чрезъ шесть недѣль избрать себѣ новаго супруга. Флетчеръ увѣряетъ, что въ Москвѣ зимою не хоронили мертвыхъ, а вывозили отпѣтыя тѣла за городъ въ Божій (убогій) домъ, и тамъ оставляли до весны, когда земля разступалась и можно было безъ труда копать могилу.

„Россіяне“ (пишетъ Маржеретъ), „сохраняя еще многіе старые обычаи, уже начинаютъ измѣняться въ нѣкоторыхъ съ того времени, какъ видятъ у себя иноземцевъ. Лѣтъ за 20 или за 30 предъ симъ, въ случаѣ какого-нибудь несогласія, они говорили другъ другу безъ всякихъ обиняковъ, слуга боярину, бояринъ царю, даже Іоанному Грозному: „ты думаешь ложно, говоришь неправду“. Нынѣ менѣе грубы и знакомятся съ учтивостію; однакожъ мыслятъ о чести не такъ, какъ мы: напримѣръ: не терпятъ поединковъ и

ходятъ всегда безоружные, въ мирное время вооружаясь единственно для дальнихъ путешествій; а въ обидахъ вѣдаются судомъ. Тогда наказываютъ виновнаго батожьемъ, въ присутствіи обиженнаго и судьи или денежною пенею, именуемою безчестьемъ, соразмѣрно жалованью истца: кому даютъ изъ царской казны ежегодно 15 рублей, тому и безчестья 15 рублей, а женѣ его вдвое, ибо она считается оскорбленною вмѣстѣ съ мужемъ. За обиду важную сѣкутъ кнутомъ на площадяхъ, сажаютъ въ темницу, ссылаютъ. Правосудіе ни въ чемъ не бываетъ такъ строго, какъ въ личныхъ оскорбленіяхъ и въ доказанной клеветѣ. Для самыхъ иноземцевъ поединокъ есть въ Россіи уголовное преступленіе.

Женщины, какъ у древнихъ грековъ или у восточныхъ народовъ, имѣли особенныя комнаты и не скрывались только отъ ближнихъ родственниковъ или друзей. Знатныя ѣздили зимою въ саняхъ, лѣтомъ въ колымагахъ, а за царицею (когда она выѣзжала на богомолье или гулять) верхомъ, въ бѣлыхъ поярковыхъ шляпахъ, обшитыхъ тафтою тѣлеснаго цвѣта, съ лентами, золотыми пуговицами и длинными, до плечъ висящими, кистями. Дома онѣ носили на головѣ шапочку тафтяную, обыкновенно красную, съ шелковымъ бѣлымъ повойникомъ или шлыкомъ; сверху для наряда большую парчевую шапку, унизанную жемчугомъ (а незамужнія, или еще бездѣтныя черную лисью; золотыя серьги съ изумрудами и яхонтами, ожерелье жемчужное, длинную и широкую одежду изъ тонкаго краснаго сукна, съ висящими рукавами, застегнутыми дюжиною золотыхъ пуговицъ, и съ отложнымъ до половины спины воротникомъ собольимъ; подъ сею верхнею одеждою другую, шелковую, называемую лѣтникомъ съ рукавами надѣтыми и до локтя обшитыми парчею; подъ лѣтникомъ ферезь, застегнутую до земли; на рукахъ запястье, пальца въ два шириною изъ каменьевъ драгоцѣнныхъ; сапожки сафьянные желтые, голубые, вышитые жемчугомъ, на высокихъ каблукахъ; всѣ молодыя и старыя бѣлились, румянились, и считали за стыдъ не расписывать лицъ своихъ.

Между забавами сего времени такъ описываютъ любимую Ѳеодорову—медвѣжій бой: „Охотники царскіе, подобно римскимъ гладіаторамъ, не боятся смерти, увеселяя государя своимъ дерзкимъ искусствомъ. Дикихъ медвѣдей, ловимыхъ обыкновенно въ ямы или тенетами, держатъ въ клѣткахъ. Въ назначенный день и часъ собирается дворъ и несмѣтное число людей предъ театромъ, гдѣ должно быть поединку: сіе мѣсто обведено глубокимъ рвомъ для безопасности зрителей и для того, чтобы ни звѣрь, ни охотникъ не могли уйти другъ отъ друга. Тамъ является смѣлый боецъ съ рогатиною и выпускаютъ медвѣдя, который, видя его, становится на дыбы, реветъ и стремится къ нему съ отверстымъ зѣвомъ. Охотникъ недвижимъ: смотритъ, мѣтитъ—и сильнымъ махомъ вса-

живаетъ рогатину въ звѣря, а другой конецъ ея пригнетаетъ къ землѣ ногою. Уязвленный, яростный медвѣдь лѣзетъ грудью на желѣзо, орошаетъ его своею кровью и пѣною, ломитъ, грызетъ древко—и если одолѣть не можетъ, то, падая на бокъ, съ послѣднимъ глухимъ ревомъ издыхаетъ. Народъ, доселѣ безмолвный, оглашаетъ площадь громкими восклицаніями живѣйшаго удовольствія, и героя ведутъ къ погребамъ царскимъ пить за государево здравіе: онъ счастливъ сею единственною наградою, или тѣмъ, что уцѣлѣлъ отъ ярости медвѣдя, который, въ случаѣ неискусства или малыхъ силъ бойца, ломая въ куски рогатину, зубами и когтями растерзываетъ его иногда въ минуту“.

Говоря о страсти московскихъ жителей къ банямъ, Флетчеръ всего болѣе удивлялся нечувствительности ихъ къ жару и холоду, видя, какъ они въ жестокіе морозы выбѣгали изъ бань нагіе, раскаленные и кидались въ проруби.

Извѣстіе сего наблюдателя о тогдашней нравственности россіянъ не благопріятствовало ихъ самолюбію: какъ писатель учтивый, предполагая исключенія, онъ укорялъ москвитянъ лживостью и слѣдствіемъ ея, недовѣрчивостію безпредѣльною, изъясняясь такъ: „москвитяне никогда не вѣрятъ словамъ, ибо никто не вѣритъ ихъ слову“. Воровство и грабежъ, по его сказанію, были часты, отъ множества бродягъ и нищихъ, которые, неотступно требуя милостыни, говорили всякому встрѣчному: „дай мнѣ или убей меня!“ Днемъ они просили, ночью крали или отнимали, такъ что въ темный вечеръ люди осторожные не выходили изъ дому.—Флетчеръ, ревностный слуга Елисаветинъ, врагъ западной церкви, несправедливо осуждая и въ нашей все то, что сходствовало съ уставами римской, излишне чернитъ нравы монастырскіе, но признается, что искренняя набожность господствовала въ Россіи. Угождая ли общему расположенію умовъ, или въ терзаніяхъ совѣсти надѣясь успокоить ее дѣйствіями внѣшняго благочестія, самъ Годуновъ казался весьма набожнымъ: въ 1588 году, имѣя только одного сына-младенца, зимой носилъ его больного, безъ всякой предосторожности въ церковь Василія Блаженнаго и не слушалъ врачей: младенецъ умеръ. Тогда же былъ въ Москвѣ юродивый, уважаемый за дѣйствительную или мнимую святость: съ распущенными волосами ходя по улицамъ нагой въ жестокіе морозы, онъ предсказывалъ бѣдствія и торжественно злословилъ Бориса, а Борисъ молчалъ и не смѣлъ сдѣлать ему ни малѣйшаго зла, опасаясь ли народа, или вѣря святости сего человѣка. Такіе юродивые, или блаженные, нерѣдко являлись въ столицѣ, носили на себѣ цѣпи или вериги, могли всякаго, даже знатнаго человѣка, укорить въ глаза беззаконною жизнію и брать все, имъ угодное, въ лавкахъ безъ платы; купцы благодарили ихъ за то, какъ за великую милость. Увѣря-

ютъ, что современникъ Іоанновъ, Василій Блаженный, подобно Николѣ Псковскому, не щадилъ Грознаго и съ удивительною смѣлостію вопилъ на стогнахъ о жестокихъ дѣлахъ его.

Упрекая россіянъ суевѣріемъ, иноземцы хвалили однакожъ ихъ терпимость, которой мы не измѣняли отъ временъ Олеговыхъ до Ѳедоровыхъ и которая въ нашихъ лѣтописяхъ остается явленіемъ достопамятнымъ, даже удивительнымъ, ибо чѣмъ изъяснить ее? Просвѣщеніемъ ли, котораго мы не имѣли? Истиннымъ ли понятіемъ о существѣ вѣры, о коемъ спорили и философы, и богословы? Равнодушіемъ ли къ ея догматамъ въ государствѣ, искони набожномъ? Или естественнымъ умомъ нашихъ древнихъ князей воинственныхъ, которые хотѣли тѣмъ облегчить для себя завоеванія, не тревожа совѣсти побѣждаемыхъ, и служили образцомъ для своихъ преемниковъ, оставивъ имъ въ наслѣдіе и земли разновѣрныя, и миръ въ земляхъ? То-есть, назовемъ ли сію терпимость единственно политическою добродѣтелію? Во всякомъ случаѣ она была выгодою для Россіи, облегчивъ для насъ и завоеванія, и самые успѣхи въ гражданскомъ образованіи, для коихъ мы долженствовали заманивать къ себѣ иновѣрцевъ, пособниковъ сего великаго дѣла.

Къ счастію же нашему, естественные враги Россіи не слѣдовали ея благоразумной системѣ: магометане, язычники покланялись у насъ Богу, какъ хотѣли; а въ Литвѣ неволили христіанъ восточной церкви быть папистами: говоримъ о началѣ такъ называемой уніи въ Сигизмундово время, происшествіи важномъ своими политическими слѣдствіями, коихъ не могли ни желать, ни предвидѣть ея виновники.

Духовенство литовское, отвергнувъ уставъ Флорентійскій, снова чтило въ константинопольскомъ первосвятителѣ главу своей церкви: патріархъ Іеремія на возвратномъ пути изъ Москвы заѣхалъ въ Кіевъ, отрѣшилъ тамошняго митрополита Онисифора, какъ двоеженца, и на его мѣсто посвятилъ Михаила Рагозу; судилъ епископовъ, наказывалъ архимандритовъ недостойныхъ. Сія строгость произвела неудовольствіе: дѣйствовали и другія причины: домогательство папы и воля королевская, обольщенія, угрозы. Еще въ 1581 г. хитрый іезуитъ Антоній Поссевинъ, обманутый не менѣе хитрымъ Іоанномъ, съ береговъ Шелоны писалъ къ Григорію XIII, что для удобнѣйшаго обращенія московскихъ еретиковъ должно прежде озарить свѣтомъ истины Кіевъ, колыбель ихъ вѣры; совѣтовалъ ему войти въ сношеніе съ митрополитомъ и съ епископами литовскими, послать къ нимъ мужа ученаго, благоразумнаго, который могъ бы убѣжденіями и ласками изготовить торжество римской церкви въ землѣ раскола. Антоній писалъ и дѣйствовалъ: внушилъ Баторію мысль завести іезуитское училище въ Вильнѣ,

чтобы воспитывать тамъ бѣдныхъ отроковъ греческаго исповѣданія въ правилахъ римскаго; старался о переводѣ славнѣйшихъ книгъ латинской богословіи на языкъ россійскій; самъ ревностно проповѣдывалъ, и не безъ успѣха, такъ что многіе литовскіе дворяне начали говорить о соединеніи церквей и благопріятствовать западной, угождая болѣе міру, нежели совѣсти, ибо, не взирая на свои права и вольности, утверждаемыя королями и сеймами, единовѣрцы наши въ Литвѣ долженствовали вездѣ и всегда уступать первенство католикамъ; бывали даже тѣснимы,—жаловались и не находили управы. Колебались умы и самыхъ духовныхъ сановниковъ, ибо папа и Сигизмундъ III, исполняя совѣтъ іезуита Антонія, съ одной стороны предлагали имъ выгоды, честь и доходы новые, а съ другой—представляли униженіе византійской церкви подъ игомъ оттомановъ. Не грозили насиліемъ и гоненіемъ; однакожъ, славя счастіе единовѣрія въ государствѣ, напоминали о непріятностяхъ, которыя испытало духовенство въ Литвѣ, отвергнувъ уставъ Флорентійскій. Еще митрополитъ Рагоза таилъ свою измѣну, хвалился усердіемъ къ православію и велѣлъ сказать московскимъ посламъ, ѣхавшимъ въ Австрію чрезъ владѣнія Сигизмундовы, что не смѣетъ видѣться съ ними, будучи въ опалѣ, въ гоненіи за твердость въ догматахъ восточной церкви, всѣми оставляемой, совершенно беззащитной; что за него стоялъ одинъ воевода новгородскій, Ѳедоръ Скуминъ, но и тотъ уже безмолвствуетъ въ страхѣ; что папа неотмѣнно требуетъ отъ короля и вельможъ присоединеніе литовскихъ епархій къ церкви римской и хочетъ отдать кіевскую митрополію своему епископу; что онъ (митрополитъ) долженъ неминуемо сложить съ себя первосвятительство и заключиться въ монастырѣ. Послы совѣтовали ему быть непреклоннымъ въ бурѣ и лучше умереть, нежели предать святую паству на расхищеніе волкамъ латинства. Михаилъ, лукавый и корыстолюбивый, хотѣлъ еще въ послѣдній разъ нашего золота и взялъ въ задатокъ нѣсколько червонцевъ, ибо цари не безъ хитрости давали милостыню духовенству литовскому, чтобы оно питало въ народѣ любовь къ своимъ единовѣрнымъ братьямъ. Въ томъ же (1595) году сей лицемѣръ, призвавъ въ Кіевъ всѣхъ епископовъ, усовѣтовалъ съ ними искать мира и безопасности въ нѣдрахъ западной церкви. Только два святителя, львовскій Гедеонъ Балабанъ и Михаилъ перемышльскій, изъявили сопротивленіе; но ихъ не слушали и, къ живѣйшему удовольствію короля, послали епископовъ Ипатія владимірскаго и Кирилла луцкаго въ Римъ, гдѣ въ храминѣ ватиканской они торжественно лобызали ногу Климента VIII и предали ему свою церковь.

Сіе происшествіе исполнило радости папу и кардиналовъ: славили Бога, честили пословъ духовенства россійскаго (такъ назвали

епископовъ владимірскаго и луцкаго, чтобы возвысить торжество Рима), отвели имъ великолѣпный домъ, и когда послѣ многихъ совѣщаній всѣ затрудненія исчезли, когда послы обязались клятвою въ вѣрномъ наблюденіи устава Флорентійскаго, принявъ за истину исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына, бытіе чистилища, первенство епископа римскаго, но удерживая древній чинъ богослуженія и языкъ славянскій, тогда папа обнялъ, благословилъ ихъ съ любовію, и правитель его Думы, Сильвій Антонинъ, сказалъ громогласно: „Наконецъ, чрезъ 150 лѣтъ (послѣ Флорентійскаго собора) возвращаетесь вы, о епископы россійскіе! къ каменю вѣры, на коемъ Христосъ утвердилъ церковь; къ горѣ святой, гдѣ самъ Всевышній обитать благоизволилъ; къ матери и наставницѣ всѣхъ церквей, къ единой, истинной—римской!“ Пѣли молебны, на память вѣкамъ внесли въ лѣтописи церковныя повѣсть о возсіяніи новаго свѣта въ странахъ полунощныхъ; вырѣзали на мѣди образъ Климента VIII, россіянина, падающаго ницъ передъ его трономъ, и надпись латинскую: Ruthenis receptis... Однакожъ радость была не долговременна.

Во-первыхъ, святители литовскіе, измѣняя православію, надѣялись, по обѣщанію Климентову, засѣдать въ Сенатѣ наравнѣ съ латинскимъ духовенствомъ, но обманулись: папа не сдержалъ слова отъ сильнаго противорѣчія епископовъ польскихъ, которые не хотѣли равняться съ уніатами. Во-вторыхъ, не только святитель львовскій Гедеонъ со многими другими духовными сановниками, но и нѣкоторые знатнѣйшіе вельможи, наши единовѣрцы, воспротивились уніи, особенно воевода кіевскій, славный богатствомъ и душевными благородными свойствами князь Константинъ Острожскій. Говорили и писали, что сіе мнимое соединеніе двухъ вѣръ есть обманъ; что митрополитъ и клевреты его приняли латинскую, единственно для вида удержавъ обряды греческой. Народъ волновался; храмы опустѣли. Чтобы важнымъ священнымъ дѣйствіемъ церковнаго собора утишить раздоръ, всѣ епископы съѣхались въ Брестѣ, гдѣ присутствовали и вельможи королевскіе, послы Климента VIII и патріарха византійскаго; но вмѣсто мира усилилась вражда. Соборъ раздѣлился на двѣ стороны: одна предала анаѳемѣ другую— и съ сего времени существовали двѣ церкви въ Литвѣ: уніатская или соединенная и благочестивая или несоединенная. Первая зависѣла отъ Рима, вторая—отъ Константинополя. Уніатская подъ особою защитой королей и сеймовъ усиливалась, гнала благочестивую въ ея сиротствѣ жалостномъ—и долго стонъ нашихъ единовѣрныхъ братьевъ исчезалъ въ воздухѣ, не находя ни милосердія, ни справедливости въ верховной власти. Такъ, одинъ изъ сихъ ревностныхъ христіанъ греческаго исповѣданія торжественно на сеймѣ говорилъ королю Сигизмунду: „Мы, усердные сыны респу-

блики, готовы стоять за ея цѣлость; но можемъ ли идти на враговъ внѣшнихъ, терзаемые внутреннимъ: злобною уніей, которая лишаетъ насъ и безопасности гражданской, и мира душевнаго? Можемъ ли своею кровію гасить пылающія стѣны отечества, видя дома пламень, никѣмъ не гасимый? Вездѣ храмы наши затворены, священники изгнаны, достояніе церковное расхищено; не крестятъ младенцевъ, неисповѣдуютъ умирающихъ, не отпѣваютъ мертвыхъ и тѣла ихъ вывозятъ, какъ стерво, въ поле. Всѣхъ, кто не измѣнилъ вѣрѣ отцовъ, удаляютъ отъ чиновъ гражданскихъ; благочестіе есть опала; законъ не блюдетъ насъ... вопіемъ — не слушаютъ!.. Да прекратится же тиранство! или (о чемъ не безъ ужаса помышляемъ) можемъ воскликнуть съ пророкомъ: суди ми, Боже, и разсуди прю мою!“ Сія угроза исполнилась позднѣе, и мы въ счастливое царствованіе Алексѣя столь легко пріобрѣли Кіевъ съ Малороссіею отъ насилія уніатовъ.

Такимъ образомъ іезуитъ Антоній, король Сигизмундъ и папа Климентъ VIII, ревностно дѣйствуя въ пользу западной церкви, невольно содѣйствовали величію Россіи!

——— ———

Изданіе А. А. ПЕТРОВИЧА.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

СОЧИНЕНІЕ

Н. М. Карамзина.

ТОМЪ XI.

МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К⁰.
Пименовская ул., соб. домъ.
1903.

Дозволено цензурою. Москва, 16-го августа 1903 года.

ГЛАВА I.

Царствованіе Бориса Годунова.

Г. 1598 — 1604.

Москва встрѣчаетъ царя.— Присяга Борису.— Соборная грамота.— Дѣятельность Бориса.— Торжественный входъ въ столицу.—Знаменитое ополченіе.— Ханское посольство.— Угощеніе войска.— Рѣчь патріарха.— Прибавленіе къ грамотѣ избирательной.—Царское вѣнчаніе.—Милости.—Новый царь касимовскій.—Происшествія въ Сибири.—Гибель Кучума.—Дѣла внѣшней политики.— Судьба шведскаго принца Густава въ Россіи.— Перемиріе съ Литвою.— Сношенія съ Швеціею.— Тѣсная связь съ Даніею.—Герцогъ датскій, женихъ Ксеніи.— Переговоры съ Австріею.— Посольство персидское.— Происшествія въ Грузіи.—Бѣдствіе россіянъ въ Дагестанѣ.—Дружество съ Англіею.—Ганза.— Посольство римское и флорентійское.—Греки въ Москвѣ.—Дѣла Ногайскія.— Дѣла внутреннія.—Жалованная грамота патріарху.—Законъ о крестьянахъ.— Питейные дома.— Любовь Борисова къ просвѣщенію и къ иноземцамъ.— Похвальное слово Годунову.—Горячность Бориса къ сыну.—Начало бѣдствій.

Духовенство, синклитъ и чины государственные, съ хоругвями церкви и отечества, при звукѣ всѣхъ колоколовъ московскихъ и восклицаніяхъ народа, упоеннаго радостію, возвратились въ Кремль, уже давъ самодержца Россіи, но еще оставивъ его въ келіи. 26 февраля, въ недѣлю сыропустную, Борисъ въѣхалъ въ столицу. Встрѣченный предъ стѣнами деревянной крѣпости всѣми гостями московскими съ хлѣбомъ, съ кубками серебряными, золотыми, соболями, жемчугомъ и многими иными дарами царскими, онъ ласково благодарилъ ихъ, но не хотѣлъ взять ничего, кромѣ хлѣба, сказавъ, что богатство въ рукахъ народа ему пріятнѣе, нежели въ казнѣ. За гостями встрѣтили царя Іовъ и все духовенство; за духовенствомъ синклитъ и народъ. Въ храмѣ Успенія отпѣвъ молебенъ, патріархъ вторично благословилъ Бориса на государство, осѣнивъ крестомъ Животворящаго Древа, и клиросы пѣли многолѣтіе какъ царю, такъ и всему дому державному: царицѣ Маріи Григорьевнѣ, юному сыну ихъ Ѳеодору и дочери Ксеніи. Тогда здравствовали новому монарху всѣ россіяне; а патріархъ, воздѣвъ руки на небо, сказалъ: „Славимъ

Тебя, Господи, ибо Ты не презрѣлъ нашего моленія, услышалъ вопль и рыданіе христіанъ, преложилъ ихъ скорбь на веселіе и даровалъ намъ царя, коего мы денно и нощно просили у Тебя со слезами!“ Послѣ литургіи Борисъ изъявилъ благодарность къ памяти двухъ главныхъ виновниковъ его величія: въ храмѣ св. Михаила палъ ницъ предъ гробами Іоанновымъ и Ѳеодоровымъ; молился и надъ прахомъ древнѣйшихъ знаменитыхъ вѣнценосцевъ Россіи: Калиты, Донского, Іоанна III, да будутъ его небесными пособниками въ земныхъ дѣлахъ царства; зашелъ во дворецъ; посѣтилъ Іова въ обители Чудовской, долго бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ; сказалъ ему и всѣмъ епископамъ, что не можетъ до Свѣтлаго Христова Воскресенія оставить Ирины въ ея скорби, и возвратился въ Новодѣвичій монастырь, предписавъ Думѣ Боярской, съ его вѣдома и разрѣшенія, управлять дѣлами государственными.

Между тѣмъ всѣ люди служивые съ усердіемъ цѣловали крестъ въ вѣрности Борису, одни предъ славною владимірскою иконою Дѣвы Маріи, другіе у гроба святыхъ митрополитовъ Петра и Іоны: клялися не измѣнять царю ни дѣломъ, ни словомъ; не умышлять на жизнь или здравіе державнаго, не вредить ему ни ядовитымъ зеліемъ, ни чародѣйствомъ: не думать о возведеніи на престолъ бывшаго великаго князя Тверского, Симеона Бекбулатовича, или сына его; не имѣть съ нимъ тайныхъ сношеній, ни переписки; доносить о всякихъ скопахъ и заговорахъ, безъ жалости къ друзьямъ и ближнимъ въ семъ случаѣ; не уходить въ иныя земли, въ Литву, Германію, Испанію, Францію или Англію. Сверхъ того бояре, чиновники думные и посольскіе обязывались быть скромными въ дѣлахъ и тайнахъ государственныхъ, судіи не кривить душою въ тяжбахъ, казначеи не корыстоваться царскимъ достояніемъ, дьяки не лихоимствовать. Послали въ области грамоты извѣстительныя о счастливомъ избраніи государя, велѣли читать ихъ всенародно, три дня звонить въ колокола и молиться въ храмахъ сперва о царицѣ-инокинѣ Александрѣ, а послѣ о державномъ ея братѣ, семействѣ его, боярахъ и воинствѣ. Патріархъ (9 марта) соборомъ уставилъ торжественно просить Бога, да сподобитъ царя благословеннаго возложить на себя вѣнецъ и порфиру; уставилъ еще навѣки вѣковъ праздновать въ Россіи 21 февраля, день Борисова воцаренія; наконецъ предложилъ Думѣ земской утвердить данную монарху присягу соборною грамотою, съ обязательствомъ для всѣхъ чиновниковъ не уклоняться ни отъ какой службы, не требовать ничего свыше достоинства родовъ или заслуги, всегда и во всемъ слушаться указа царскаго и приговора боярскаго, чтобы въ дѣлахъ разрядныхъ и земскихъ не доводить государя до кручины. Всѣ члены Великой Думы отвѣт-

ствовали единогласно: „даемъ обѣтъ положить свои души и головы за царя, царицу и дѣтей ихъ!“ Велѣли писать хартію, въ такомъ смыслѣ, первымъ грамотѣямъ Россіи.

Сіе дѣло чрезвычайное не мѣшало теченію обыкновенныхъ дѣлъ государственныхъ, коими занимался Борисъ съ отмѣнною ревностію и въ келіяхъ монастыря, и въ Думѣ, часто пріѣзжая въ Москву. Не знали, когда онъ находилъ время для успокоенія, для сна и трапезы: безпрестанно видѣли его въ совѣтѣ съ боярами и съ дьяками, или подлѣ несчастной Ирины, утѣшающаго и скорбящаго, днемъ и ночью. Казалось, что Ирина, дѣйствительно, имѣла нужду въ присутствіи единственнаго человѣка, еще милаго ея сердцу; сраженная кончиною супруга, искренно и нѣжно любимаго ею, она тосковала и плакала неутѣшно до изнуренія силъ, очевидно угасая и нося уже смерть въ груди, истерзанной рыданіями. Святители, вельможи тщетно убѣждали царя оставить печальную для него обитель, переселиться съ супругою и съ дѣтьми въ кремлевскія палаты, явить себя народу въ вѣнцѣ и на тронѣ. Борисъ отвѣтствовалъ: „не могу разлучиться съ великою государынею, моею сестрою злосчастною“, и даже снова, неутомимый въ лицемѣріи, увѣрялъ, что не желаетъ быть царемъ. Но Ирина вторично велѣла ему исполнить волю народа и Божію — пріять скипетръ и царствовать не въ келіи, а на престолѣ Мономаховомъ. Наконецъ, апрѣля 30 подвиглась столица во срѣтеніе государю!

Сей день принадлежитъ къ торжественнѣйшимъ днямъ Россіи въ ея исторіи. Въ часъ утра, духовенство, съ крестами и съ иконами, синклитъ, дворъ, приказы, воинство, всѣ граждане ждали царя у каменнаго моста, близъ церкви св. Николая Зарайскаго. Борисъ ѣхалъ изъ Новодѣвичьяго монастыря съ своимъ семействомъ въ великолѣпной колесницѣ; увидѣвъ хоругви церковныя и народъ, вышелъ, поклонился святымъ иконамъ, милостиво привѣтствовалъ всѣхъ, и знатныхъ и незнатныхъ; представилъ имъ царицу, давно извѣстную благочестіемъ и добродѣтелію искреннею, девятилѣтняго сына и шестнадцатилѣтнюю дочь, ангеловъ красотою. Слыша восклицанія народа: „Вы наши государи, мы ваши подданные“, Ѳеодоръ и Ксенія вмѣстѣ съ отцомъ ласкали чиновниковъ и гражданъ; такъ же, какъ и онъ, взявъ у нихъ хлѣбъ-соль, отвергнули золото, серебро и жемчугъ, поднесенные имъ въ даръ, и звали всѣхъ обѣдать къ царю. Невозбранно тѣснимый безчисленною толпою людей, Борисъ шелъ за духовенствомъ съ супругою и съ дѣтьми, какъ добрый отецъ семейства и народа, въ храмъ Успенія, гдѣ патріархъ возложилъ ему на грудь животворящій крестъ св. Петра митрополита (что было уже началомъ царскаго вѣнчанія), и въ третій разъ благословилъ его

на великое государство московское. Отслуживъ литургію, новый самодержецъ, провождаемый боярами, обходилъ всѣ главныя церкви кремлевскія, вездѣ молился съ теплыми слезами, вездѣ слышалъ радостный кликъ гражданъ и, держа за руку своего юнаго наслѣдника, а другою ведя прелестную Ксенію, вступилъ съ супругою въ палаты царскія. Въ сей день народъ обѣдалъ у царя: не знали числа гостямъ, но всѣ были званые, отъ патріарха до нищаго. Москва не видала такой роскоши и въ Іоанново время. Борисъ не хотѣлъ жить въ комнатахъ, гдѣ скончался Ѳеодоръ, занялъ ту часть кремлевскихъ палатъ, гдѣ жила Ирина, и велѣлъ пристроить къ нимъ для себя новый дворецъ деревянный.

Онъ уже царствовалъ, но еще безъ короны и скипетра; еще не могъ назваться царемъ Боговѣнчаннымъ, помазанникомъ Господнимъ. Надлежало думать, что Борисъ немедленно возложитъ на себя вѣнецъ со всѣми торжественными обрядами, которые въ глазахъ народа освящаютъ лицо властителя: сего требовали патріархъ и синклитъ именемъ Россіи; сего, безъ сомнѣнія, хотѣлъ и Борисъ, чтобы важнымъ церковнымъ дѣйствіемъ утвердить престолъ за собою и своимъ родомъ; но хитрымъ умомъ, властвуя надъ движеніями сердца, вымыслилъ новое очарованіе: вмѣсто скипетра взялъ мечъ въ десницу и спѣшилъ въ поле, доказать, что безопасность отечества ему дороже и короны, и жизни. Такъ царствованіе самое миролюбивое началося ополченіемъ, которое приводило на память возстаніе россіянъ для битвы съ Мамаемъ.

Еще въ мартѣ мѣсяцѣ, изъ келіи Новодѣвичьяго монастыря, отправивъ гонца къ хану съ дружественнымъ письмомъ, Борисъ 1 апрѣля свѣдалъ, по донесенію воеводы оскольскаго, что плѣнникъ, взятый казаками за Донцомъ въ сшибкѣ съ толпою крымскихъ разбойниковъ, говоритъ о намѣреніи Казы-Гирея вступить въ предѣлы московскіе со всею Ордою и съ семью тысячами султанскихъ воиновъ. Борисъ не усомнился въ истинѣ столь мало достовѣрнаго извѣстія и рѣшился, не теряя времени, двинуть всю громаду нашихъ силъ къ берегамъ Оки; писалъ о томъ къ воеводамъ убѣдительно и ласково, требуя отъ нихъ ревности въ первой, важной опасности его царствованія въ доказательство любви къ нему и къ Россіи. Сей указъ произвелъ удивительное дѣйствіе: не было ни ослушныхъ, ни лѣнивыхъ; всѣ дѣти боярскіе, юные и престарѣлые, охотно садились на коней; городскія и сельскія дружины безъ отдыха спѣшили къ мѣстамъ сборнымъ. Главному стану назначили быть въ Серпуховѣ, правой рукѣ въ Алексинѣ, лѣвой—въ Каширѣ, передовому полку въ Калугѣ, сторожевому—въ Коломнѣ. 20 апрѣля пришли новыя вѣсти: писали изъ Бѣлагорода, что татаринъ, схваченный двинскими казаками на перевозѣ, сказывалъ имъ о сильномъ вооруженіи хана; что

толпы крымскія, хотя и малочисленныя, показались въ степяхъ и гонятъ вездѣ нашихъ стражей. Тогда Борисъ велѣлъ все изготовить для похода царскаго и 2 мая выѣхалъ изъ Москвы въ ратномъ доспѣхѣ, взявъ съ собою пять царевичей: киргизскаго, сибирскаго, шамахинскаго, хивинскаго и сына Кайбулина, бояръ, князей Мстиславскаго, Шуйскихъ, Годуновыхъ, Романовыхъ и другихъ, многихъ знатныхъ сановниковъ и между ими Богдана Бѣльскаго, печатника Василья Щелкалова, дворянъ и дьяковъ думныхъ, 44 стольника, 20 стряпчихъ, 274 жильца—однимъ словомъ, всѣхъ людей нужныхъ и для войны, и для совѣта, и для пышности дворской. Въ Москвѣ остался, при царицахъ инокинѣ Александрѣ и Маріи, юный Ѳеодоръ съ боярами Дмитріемъ Ивановичемъ Годуновымъ, князьями Трубецкимъ, Глинскимъ, Черкасскимъ, Шестуновымъ и другими, а при Ѳеодорѣ дядька Иванъ Чемодановъ. Сдѣлали распоряженіе въ столицѣ и на случай осады ея: назначили воеводъ для защиты стѣнъ и башенъ, для объѣздовъ, вылазокъ и битвъ внѣ укрѣпленій. 10 мая, въ селѣ Кузминскомъ, представили царю двухъ плѣнниковъ, литовскаго и цесарскаго, ушедшихъ изъ Крыма: они увѣрили, что ханъ уже въ полѣ и дѣйствительно идетъ на Москву. Тогда Борисъ послалъ гонцовъ ко всѣмъ начальникамъ степныхъ крѣпостей съ милостивымъ словомъ: въ Тулу, Осколъ, Ливны, Елецъ, Курскъ, Воронежъ; симъ гонцамъ велѣно было спросить о здравіи какъ воеводъ, такъ и дворянъ, сотниковъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ; вручить грамоты царскія первымъ и требовать, чтобы они читали ихъ всенародно. „Я стою на берегу Оки (писалъ Борисъ) и смотрю на степи, гдѣ явятся непріятели, тамъ и меня увидите“. Въ Серпуховѣ онъ распорядилъ воеводство, давъ почетное царевичамъ, а дѣйствительное пяти князьямъ знатнѣйшимъ: въ главной рати Мстиславскому, въ правой рукѣ Василію Шуйскому, въ лѣвой Ивану Голицыну, въ передовомъ полку Дмитрію Шуйскому, въ сторожевомъ Тимоѳею Трубецкому. Оградою древней Россіи, въ случаѣ ханскихъ впаденій, служили, сверхъ крѣпостей, засѣки въ мѣстахъ, трудныхъ для обхода: близъ Перемышля, Лихвина, Бѣлева, Тулы, Боровска, Рязани. Государь разсмотрѣлъ чертежи ихъ и послалъ туда особенныхъ воеводъ съ мордвою и стрѣльцами; устроилъ еще плавную или судовую рать на Окѣ, чтобы тѣмъ болѣе вредить непріятелю въ битвахъ на берегахъ ея. Видѣли, чего не видали дотолѣ: полмилліона войска, какъ увѣряютъ, въ движеніи стройномъ, быстромъ, съ усердіемъ несказаннымъ, съ довѣренностію безпредѣльною. Все дѣйствовало сильно на воображеніе людей: и новость царствованія, благопріятная для надежды, и высокое мнѣніе о Борисовой, уже долговременными опытами извѣданной мудрости. Исчезло

самое мѣстничество: воеводы спрашивали только, гдѣ имъ быть и шли къ своимъ знаменамъ, не справляясь съ разрядными книгами о службѣ отцовъ и дѣдовъ, ибо царь объявилъ, что Великій соборъ билъ ему челомъ предписать боярамъ и дворянству службу безъ мѣстъ. Сія ревность, способствуя нужному повиновенію, имѣла и другое важное слѣдствіе: умножила число воиновъ, и воиновъ исправныхъ. Дворяне, дѣти боярскіе выѣхали въ поле на лучшихъ коняхъ, въ лучшихъ доспѣхахъ, со всѣми слугами, годными для ратнаго дѣла, къ живѣйшему удовольствію царя, который не зналъ мѣры въ изъявленіяхъ милости: ежедневно смотрѣлъ полки и дружины, привѣтствовалъ начальниковъ и рядовыхъ, угощалъ обѣдами, и всякій разъ не менѣе десяти тысячъ людей, на серебряныхъ блюдахъ, подъ шатрами. Сіи истинно царскія угощенія продолжались шесть недѣль, ибо слухи о непріятелѣ вдругъ замолкли; разъѣзды наши уже не встрѣчали его: тишина царствовала на берегахъ Донца, и стражи, нигдѣ не видя пыли, нигдѣ не слыша конскаго топота, дремали въ безмолвіи степей. Ложные ли слухи обманули Бориса или онъ притворнымъ легковѣріемъ обманулъ Россію, чтобы явить себя царемъ не только Москвы, но и всего воинства, воспламенить любовь его къ новому самодержцу, въ годину опасности предпочитающему бранный шлемъ вѣнцу Мономахову, и тѣмъ удвоить блескъ своего торжественнаго воцаренія? Хитрость, достойная Бориса, и едва ли сомнительная. Вмѣсто тучи враговъ, явились въ южныхъ предѣлахъ Россіи мирные послы Казы-Гиреевы съ нашимъ гонцомъ; елецкіе воеводы 18 іюня донесли о томъ Борису, который наградилъ вѣстника деньгами и чиномъ.

Слѣдственно ополченіе безпримѣрное, стоивъ великаго иждивенія и труда, оказалось напраснымъ? Увѣряли, что оно спасло государство, поразивъ хана ужасомъ; что крымцы шли дѣйствительно, но, узнавъ о возстаніи Россіи, бѣжали назадъ. По крайней мѣрѣ царь хотѣлъ впечатлѣть ужасъ въ пословъ ханскихъ, изъ коихъ главнымъ былъ Мурза Алей: они въѣхали въ Россію, какъ въ станъ воинскій; видѣли на пути блескъ мечей и копій, многолюдныя дружины всадниковъ, красиво одѣтыхъ, исправно вооруженныхъ: въ лѣсахъ, въ засѣкахъ слышали оклики и пальбу. Ихъ остановили близъ Серпухова, въ семи верстахъ отъ царскихъ шатровъ, на лугахъ Оки, гдѣ уже нѣсколько дней сходилась рать отовсюду. Тамъ, 29 іюня, еще до разсвѣта загремѣло сто пушекъ, и первые лучи солнца освѣтили войско несмѣтное, готовое къ битвѣ. Велѣли крымцамъ, изумленнымъ сею ужасною стрѣльбою и симъ зрѣлищемъ грознымъ, идти къ царю сквозь тѣсные ряды пѣхоты, вдали окруженной густыми толпами конницы. Введенные въ шатеръ царскій, гдѣ все блистало ору-

жіемъ и великолѣпіемъ—гдѣ Борисъ, вмѣсто короны увѣнчанный златымъ шлемомъ, первенствовалъ въ сонмѣ царевичей и князей не столько богатствомъ одежды, сколько видомъ повелительнымъ, Алей Мурза и товарищи его долго безмолствовали, не находя словъ отъ удивленія и замѣшательства; наконецъ сказали, что Казы-Гирей желаетъ вѣчнаго союза съ Россіею, возобновляя договоръ, заключенный въ Ѳеодорово царствованіе, будетъ въ волѣ Борисовой и готовъ со всею Ордою идти на враговъ Москвы. Пословъ угостили пышно и вмѣстѣ съ ними отправили нашихъ къ хану, для утвержденія новой союзной грамоты его присягою.

Въ сей же день св. Петра и Павла царь простился съ войскомъ, давъ ему роскошный обѣдъ въ полѣ, 500,000 гостей пировало на лугахъ Оки; яства, медъ и вино развозили обозами; чиновниковъ дарили бархатами, парчами и камками. Послѣднимъ словомъ царя было: „люблю воинство христіанское и надѣюсь на его вѣрность". Громкія благословенія провожали Бориса далеко по московской дорогѣ. Воеводы, ратники были въ восхищеніи отъ государя столь мудраго, ласковаго и счастливаго, ибо онъ безъ кровопролитія, одною угрозою, далъ отечеству вожделѣннѣйшій плодъ самой блестящей побѣды: тишину, безопасность и честь! Россіяне надѣялись, говоритъ лѣтописецъ, что все царствованіе Борисово будетъ подобно его началу, и славили царя искренно. Для наблюденія осталась часть войска на Окѣ, другая пошла къ границѣ литовской и шведской; большую часть распустили, но всѣ знатнѣйшіе чиновники спѣшили вслѣдъ за государемъ въ столицу.

Тамъ новое торжество ожидало Бориса: вся Москва встрѣтила его, какъ нѣкогда Іоанна, завоевателя Казани, и патріархъ, въ привѣтственной рѣчи, сказалъ ему: „Богомъ избранный, Богомъ возлюбленный, великій самодержецъ! мы видимъ славу твою: ты благодаришь Всевышняго. Благодаримъ Его вмѣстѣ съ тобою; но радуйся же и веселися съ нами, совершивъ подвигъ безсмертный! Государство, жизнь и достояніе людей цѣлы, а лютый врагъ, преклонивъ колѣна, молитъ о мирѣ! Ты не скрылъ, но умножилъ талантъ свой въ семъ случаѣ удивительномъ, ознаменованномъ болѣе нежели человѣческою мудростію... Здравствуй о Господѣ, царь, любезный Небу и народу! Отъ радости плачемъ и тебѣ кланяемся". Патріархъ, духовенство и народъ преклонились до земли. Изъявляя чувствительность и смиреніе, государь спѣшилъ въ храмъ Успенія славословить Всевышняго и въ монастырь Новодѣвичій, къ печальной Иринѣ. Всѣ домы были украшены зеленью и цвѣтами.

Но Борисъ еще отложилъ свое царское вѣнчаніе до 1 сентября, чтобы совершить сей важный обрядъ въ новое лѣто, въ день

общаго доброжелательства и надеждъ, лестныхъ для сердца. Между тѣмъ грамота избирательная была написана отъ имени земской Думы съ такимъ прибавленіемъ: „Всѣмъ ослушникамъ царской воли неблагословеніе и клятва отъ церкви, месть и казнь отъ синклита и государства; клятва и казнь всякому мятежнику, раскольнику любопрительному, который дерзнетъ противорѣчить дѣянію соборному и колебать умы людей молвами злыми, кто бы онъ ни былъ: священнаго ли сана или боярскаго, думнаго или воинскаго, гражданинъ или вельможа: да погибнетъ и память его вовѣки!“ Сію грамоту утвердили 1 августа своими подписями и печатями Борисъ и юный Ѳеодоръ, Іовъ, всѣ святители, архимандриты, игумены, протопопы, келари, старцы чиновные, бояре, окольничіе, знатные сановники двора, печатникъ Василій Щелкаловъ, думные дворяне и дьяки, стольники, дьяки приказовъ, дворяне, стряпчіе и выборные изъ городовъ, жильцы, дьяки нижней степени, гости, сотскіе, числомъ около пятисотъ; одинъ списокъ ея былъ положенъ въ сокровищницу царскую, гдѣ лежали государственные уставы прежнихъ вѣнценосцевъ, а другой въ патріаршую ризницу въ храмѣ Успенія. Казалось, что мудрость человѣческая сдѣлала все возможное для твердаго союза между государемъ и государствомъ!

Наконецъ, Борисъ вѣнчался на царство еще пышнѣе и торжественнѣе Ѳеодора, ибо пріялъ утварь Мономахову изъ рукъ вселенскаго патріарха. Народъ благоговѣлъ въ безмолвіи; но когда царь, осѣненный десницею первосвятителя, въ порывѣ живого чувства, какъ бы забывъ уставъ церковный, среди литургіи воззвалъ громогласно: „Отче, великій патріархъ Іовъ! Богъ мнѣ свидѣтель, что въ моемъ царствѣ не будетъ ни сираго, ни бѣднаго“—и, тряся верхъ своей рубашки, примолвилъ: „отдамъ и сію послѣднюю народу“; тогда единодушный восторгъ прервалъ священнодѣйствіе: слышны были только клики умиленія и благодарности въ храмѣ: бояре славословили монарха, народъ плакалъ. Увѣряютъ, что новый вѣнценосецъ, тронутый знаками общей къ нему любви, тогда же произнесъ и другой важный обѣтъ: щадить жизнь и кровь самыхъ преступниковъ и единственно удалять ихъ въ пустыни сибирскія. Однимъ словомъ, никакое царское вѣнчаніе въ Россіи не дѣйствовало сильнѣе Борисова на воображеніе и чувство людей.—Осыпанный въ дверяхъ церковныхъ золотомъ изъ рукъ Мстиславскаго, Борисъ, въ коронѣ, съ державою и скипетромъ спѣшилъ въ царскую палату занять мѣсто варяжскихъ князей на тронѣ Россіи, чтобы милостями, щедротами и государственными благодѣяніями праздновать сей день великій.

Началось съ двора и синклита: Борисъ пожаловалъ царевича киргизскаго Уразъ-Магмета въ цари касимовскіе; Дмитрія Ива-

новича Годунова въ конюшіе; Степана Васильевича Годунова въ дворецкіе (на мѣсто добраго Григорія Васильевича, который одинъ не радовался возвышенію своего рода и въ тайной горести умеръ), князей Катырева, Черкасскаго, Трубецкаго, Ноготкова и Александра Романова-Юрьева въ бояре; Михаила Романова, Бѣльскаго (любимца Іоаннова и своего бывшаго друга), Кривого-Салтыкова (также любимца Іоаннова) и четырехъ Годуновыхъ въ окольничіе; многихъ въ стольники и въ иные чины. Всѣмъ людямъ служивымъ, воинскимъ и гражданскимъ онъ указалъ выдать двойное жалованье, гостямъ московскимъ и другимъ торговать безпошлинно два года, а землевладѣльцевъ казенныхъ и самихъ дикихъ жителей сибирскихъ освободить отъ податей на годъ. Къ симъ милостямъ чрезвычайнымъ прибавилъ еще новую для крестьянъ господскихъ: уставилъ, сколько имъ работать и платить господамъ законно и безобидно. Обнародовавъ съ престола сіи царскія благодѣянія, Борисъ двѣнадцать дней угощалъ народъ пирами.

Казалось, что и судьба благопріятствовала новому монарху, ознаменовавъ начало его державства и вожделѣннымъ миромъ, и счастливымъ успѣхомъ оружія въ битвѣ, маловажной числомъ воиновъ, но достопамятной своими обстоятельствами и слѣдствіями, мѣстомъ побѣды на краю свѣта и лицомъ побѣжденнаго. Мы оставили царя-изгнанника сибирскаго Кучюма въ степи Барабинской, непреклоннаго къ милостивымъ предложеніямъ Ѳеодоровымъ, неутомимаго въ набѣгахъ на отнятыя у него земли и все еще для насъ опаснаго. Воевода тарскій Андрей Воейковъ выступилъ (4 августа 1598) съ 397 казаками, литовцами и людьми ясашными къ берегамъ Оби, гдѣ, среди полей, засѣянныхъ хлѣбомъ и вдали окруженныхъ болотами, гнѣздился Кучюмъ съ бѣдными остатками своего царства, съ женами, съ дѣтьми, съ вѣрными ему князьями и воинами, числомъ до пяти сотъ. Онъ не ждалъ врага. Бодрый Воейковъ шелъ день и ночь, кинувъ обозъ; имѣлъ лазутчиковъ, хваталъ непріятельскихъ, и 20 августа, предъ восходомъ солнца, напалъ на укрѣпленный станъ ханскій. Цѣлый день продолжалась битва, уже послѣдняя для Кучюма: его братъ и сынъ, Илитенъ и Канъ царевичи, 6 князей, 10 мурзъ, 150 лучшихъ воиновъ пали отъ стрѣльбы нашихъ, которые около вечера вытѣснили татаръ изъ укрѣпленія, прижали къ рѣкѣ, утопили ихъ болѣе ста и взяли 50 плѣнниковъ; немногіе спаслися на судахъ въ темнотѣ ночи. Такъ Воейковъ отмстилъ Кучюму за гибель Ермака неосторожнаго! Восемь женъ, пять сыновей и восемь дочерей ханскихъ, пять князей и не мало богатства остались въ рукахъ побѣдителя. Не зная о судьбѣ Кучюма и думая, что онъ, подобно Ермаку, утонулъ въ глубинѣ рѣки,

Воейковъ не разсудилъ за благо идти далѣе: сжегъ, чего не могъ взять съ собою, и съ знатными своими плѣнниками возвратился въ Тару, донести Борису, что въ Сибири уже нѣтъ иного царя, кромѣ россійскаго. Но Кучюмъ еще жилъ, двумя усердными слугами во время битвы увезенный на лодкѣ внизъ по Оби въ землю Чатскую. Еще воеводы наши снова предлагали ему ѣхать въ Москву, соединиться съ его семействомъ и мирно дожить вѣкъ благодѣяніями государя великодушнаго. Сеитъ, именемъ Тулъ-Мегметъ, посланный Воейковымъ, нашелъ Кучюма въ лѣсу близъ того мѣста, гдѣ лежали тѣла убитыхъ россіянами татаръ на берегу Оби; слѣпой старецъ, неодолимый бѣдствіями, сидѣлъ подъ деревомъ, окруженный тремя сыновьями и тридцатью вѣрными слугами, выслушалъ рѣчь Сеитову о милости царя московскаго и спокойно отвѣтствовалъ: „Я не поѣхалъ къ нему и въ лучшее время доброю волею, цѣлый и богатый, теперь поѣду ли за смертью? Я слѣпъ и глухъ, бѣденъ и сиръ. Жалѣю не о богатствѣ, но только о миломъ сынѣ Асманакѣ, взятомъ россіянами: съ нимъ однимъ, безъ царства и богатства, безъ женъ и другихъ сыновей я могъ бы еще жить на свѣтѣ. Теперь посылаю остальныхъ дѣтей въ Бухарію, а самъ ѣду къ ногаямъ“. Онъ не имѣлъ ни теплой одежды, ни коней и просилъ ихъ изъ милости у своихъ бывшихъ подданныхъ, жителей Чатской волости, которые уже обѣщались быть данниками Россіи: они прислали ему одного коня и шубу. Кучюмъ возвратился на мѣсто битвы и тамъ, въ присутствіи Сеита, занимался два дня погребеніемъ мертвыхъ тѣлъ; въ третій день сѣлъ на коня — и скрылся для исторіи. Остались только невѣрные слухи о бѣдственной его кончинѣ: пишутъ, что онъ, скитаясь въ степяхъ Верхняго Иртыша, въ землѣ калмыцкой, и близъ озера Зайсанъ-Нора, похитивъ нѣсколько лошадей, былъ гонимъ жителями изъ пустыни въ пустыню, разбитъ на берегу озера Кургальчина и почти одинъ явился въ улусѣ ногаевъ, которые безжалостно умертвили слѣпого старца-изгнанника, сказавъ: „Отецъ твой насъ грабилъ, а ты не лучше отца!“ Вѣсть о семъ происшествіи обрадовала Москву и Россію: Борисъ съ донесеніемъ Воейкова спѣшилъ ночью въ монастырь къ Иринѣ, любя дѣлить съ нею всѣ чистыя удовольствія державнаго сана. Истребленіе Кучюма, перваго и послѣдняго царя сибирскаго, если не могуществомъ, то непреклонною твердостію въ злосчастіи достопамятнаго, какъ бы запечатлѣло для насъ господство надъ полунощною Азіею. Въ столицѣ и во всѣхъ городахъ снова праздновали завоеваніе сего неизмѣримаго края звономъ колокольнымъ и молебнами. Воейкова наградили золотою медалью, а его сподвижниковъ деньгами; велѣли привезти знатныхъ плѣнниковъ въ Москву и дали народу удовольствіе

видѣть ихъ торжественный въѣздъ (въ январѣ 1599). Жены, дочери, невѣстки и сыновья Кучюмовы (юноши Асманакъ и Шаимъ; отрокъ Бабадша, младенцы Кумушъ и Молла) ѣхали въ богатыхъ рѣзныхъ саняхъ: царицы и царевны въ шубахъ бархатныхъ, атласныхъ и камчатныхъ, украшенныхъ золотомъ, серебромъ и кружевомъ; царевичи въ ферязяхъ багряныхъ, на мѣхахъ драгоцѣнныхъ; впереди и за ними множество всадниковъ, дѣтей боярскихъ, по два въ рядъ, всѣ въ шубахъ собольихъ съ пищалями. Улицы были наполнены зрителями, россіянами и чужеземцами. Царицъ и царевичей размѣстили въ особенныхъ домахъ, купеческихъ и дворянскихъ; давали имъ содержаніе пристойное, но весьма умѣренное; наконецъ, отпустили женъ и дочерей ханскихъ въ Касимовъ и въ Бѣжецкій Верхъ, къ царю Уразъ-Магмету и къ царевичу сибирскому Маметкулу, согласно съ желаніемъ тѣхъ и другихъ. Сынъ Кучюмовъ Абдулъ-Хаиръ, взятый въ плѣнъ еще въ 1591 году, принялъ тогда христіанскую вѣру и былъ названъ Андреемъ.

Съ сего времени, уже не имѣя войны, но единственно усмиряя безъ важныхъ усилій строптивость нашихъ данниковъ въ Сибири и страхомъ или выгодами мирной, дѣятельной власти умножая число ихъ, мы спокойно занимались тамъ основаніемъ новыхъ городовъ: Верхотурья въ 1598, Мангазеи и Туринска въ 1600, Томска въ 1604 годахъ, населяли ихъ людьми воинскими, семейными, особенно казаками литовскими или малороссійскими, и самихъ коренныхъ жителей сибирскихъ употребляли на ратное дѣло, вселяя въ нихъ усердіе къ службѣ льготою и честію, такъ что они съ величайшею ревностію содѣйствовали намъ въ покореніи своихъ единоземцевъ. Однимъ словомъ, если случай далъ Іоанну Сибирь, то государственный умъ Борисовъ надежно и прочно вмѣстилъ ее въ составъ Россіи.

Въ дѣлахъ внѣшней политики россійской ничто не перемѣнилось,—ни духъ ея, ни виды. Мы вездѣ хотѣли мира или пріобрѣтеній безъ войны, готовясь единственно къ оборонительной; не вѣрили доброжелательству тѣхъ, коихъ польза была несовмѣстна съ нашею, и не упускали случая вредить имъ безъ явнаго нарушенія договоровъ.

Ханъ, увѣряя Россію въ своей дружбѣ, откладывалъ торжественное заключеніе новаго договора съ новымъ царемъ; между тѣмъ донскіе казаки тревожили набѣгами Тавриду, а крымскіе разбойники Бѣлогородскую область. Наконецъ, въ іюнѣ 1602 года, Казы-Гирей, привязъ дары, оцѣненные въ 14.000 рублей, вручилъ послу князю Григорію Волконскому шертную грамоту со всѣми торжественными обрядами, но еще хотѣлъ тридцати тысячъ рублей и жаловался, что россіяне стѣсняютъ ханскіе улусы

основаніемъ крѣпостей въ степяхъ, которыя были дотолѣ привольемъ татарскимъ. „Не видимъ ли" (говорилъ онъ) „вашего умысла, столь недружелюбнаго? Вы хотите задушить насъ въ оградѣ. А я вамъ другъ, какихъ мало. Султанъ живетъ мыслію идти войною на Россію, но слышитъ отъ меня всегда одно слово: далеко! тамъ пустыни, лѣса, воды, болота, грязи непроходимыя". Царь отвѣтствовалъ, что казна его истощилась отъ милостей, оказанныхъ войску и народу; что крѣпости основаны единственно для безопасности нашихъ посольствъ къ хану и для обузданія хищныхъ донскихъ казаковъ; что мы, имѣя рать сильную, не боимся султановой. Любимецъ Казы-Гиреевъ, Ахметъ-Челибей, присланный къ царю съ союзною грамотою, требовалъ отъ него клятвы въ вѣрномъ исполненіи взаимныхъ условій. Борисъ взялъ въ руки книгу (безъ сомнѣнія не евангеліе) и сказалъ: „обѣщаю искреннее дружество Казы-Гирею: вотъ моя большая присяга"; не хотѣлъ ни цѣловать креста, ни показать сей книги Челибею, коего увѣряли, что государь россійскій изъ особенной любви къ хану изустно произнесъ священное обязательство союза, и что договоры съ иными вѣнценосцами утверждаются только боярскимъ словомъ. Такъ Борисъ, вопреки древнему обыкновенію, уклонился отъ безполезнаго униженія святыни въ дѣлахъ съ варварами, уважающими одну корысть и силу; честилъ хана умѣренными дарами, а всего болѣе надѣялся на войско, готовое для защиты юго-восточныхъ предѣловъ Россіи, и сохранилъ ихъ спокойствіе. Были взаимныя досады, однакожъ безъ всякихъ непріятельскихъ дѣйствій. Въ 1603 году Казы-Гирей съ гнѣвомъ выслалъ изъ Тавриды новаго посла государева князя Барятинскаго за то, что онъ не хотѣлъ удержать донскихъ казаковъ отъ впаденія въ Карасанскій улусъ, отвѣтствуя грубо: „у васъ есть сабля; а мое дѣло сноситься только съ ханомъ, не съ ворами казаками". Но сей случай не произвелъ разрыва: ханъ жаловался безъ угрозъ и подтвердилъ обязательство умереть нашимъ другомъ, опасаясь тогда султана и думая найти защитника въ Борисѣ.

Въ дѣлахъ съ Литвою и Швеціею Борисъ также старался возвысить достоинство Россіи, пользуясь случаемъ и временемъ. Сигизмундъ, именемъ еще король Швеціи, уже воевалъ съ ея правителемъ, дядею своимъ герцогомъ Карломъ, и склонилъ вельможныхъ пановъ къ участію въ семъ междоусобіи, уступивъ ихъ отечеству Эстонію. Въ такихъ благопріятныхъ для насъ обстоятельствахъ Литва домогалась прочнаго мира, а Швеція — союза съ Россіею; Борисъ же, изъявляя готовность къ тому и къ другому, вымышлялъ легкій способъ взять у нихъ то, что было нашимъ и что мы уступили имъ невольно: древнія орденскія вла-

дѣнія, о коихъ столько жалѣлъ Іоаннъ, жалѣла и Россія, купивъ оныя долговременными, кровавыми трудами и за ничто отдавъ властолюбивымъ иноземцамъ.

Мы упоминали о сынѣ шведскаго короля Эрика, изгнанникѣ Густавѣ. Скитаясь изъ земли въ землю, онъ жилъ нѣсколько времени въ Торнѣ скуднымъ жалованьемъ брата своего Сигизмунда и рѣшился (въ 1599 году) искать счастія въ нашемъ отечествѣ, куда звали его и Өеодоръ, и Борисъ, предлагая ему не только временное убѣжище, но и знатное помѣстье или удѣлъ. На границѣ, въ Новгородѣ, въ Твери ждали Густава сановники царскіе съ привѣтствіями и дарами; одѣли въ золото и въ бархатъ; ввезли въ Москву на богатой колесницѣ; представили государю въ самомъ пышномъ собраніи двора. Поцѣловавъ руку у Бориса и юнаго Өеодора, Густавъ произнесъ рѣчь (зная славянскій языкъ), сѣлъ на золотомъ изголовьѣ, обѣдалъ у царя за столомъ особеннымъ, имѣя особеннаго крайчаго и чашника. Ему дали огромный домъ, чиновниковъ и слугъ, множество драгоцѣнныхъ сосудовъ и чашъ изъ кладовыхъ царскихъ; наконецъ удѣлъ Калужскій, три города съ волостями для дохода. Однимъ словомъ, послѣ Борисова семейства Густавъ казался первымъ человѣкомъ въ Россіи, ежедневно ласкаемый и даримый. Онъ имѣлъ достоинства, душевное благородство, искренность, свѣдѣнія рѣдкія въ наукахъ, особенно въ химіи, такъ что заслужилъ имя второго Өеофраста Парацельса; зналъ языки, кромѣ шведскаго и славянскаго, итальянскій, нѣмецкій, французскій; много видѣлъ въ свѣтѣ, съ умомъ любопытнымъ и говорилъ пріятно. Но не сіи достоинства и знанія были виною царской къ нему милости: Борисъ мыслилъ употребить его въ орудіе политики, какъ второго Магнуса, желая имѣть въ немъ страшилище для Сигизмунда и Карла: обольстилъ Густава надеждою быть властителемъ Ливоніи съ помощію Россіи и хитро приступилъ къ дѣлу, чтобы обольстить и Ливонію. Еще многіе сановники дерптскіе и нарвскіе жили въ Москвѣ съ женами и дѣтьми, въ неволѣ сносной, однакожъ горестной для нихъ, лишенныхъ отечества и состоянія; Борисъ далъ имъ свободу, съ условіемъ, чтобы они присягнули ему въ вѣрности неизмѣнной; ѣздили куда хотятъ: въ Ригу, въ Литву, въ Германію для торговли, но вездѣ были его усердными слугами, наблюдали, вывѣдывали важное для Россіи и тайно доносили о томъ печатнику Щелкалову. Сіи люди, нѣкогда купцы богатые, уже не имѣли денегъ: царь велѣлъ имъ раздать до двадцати пяти тысячъ нынѣшнихъ рублей серебряныхъ, чтобы они тѣмъ ревностнѣе служили Россіи и преклоняли къ нея своихъ единоземцевъ. Зная неудовольствіе жителей рижскихъ и другихъ ливонцевъ, утѣсняемыхъ правительствомъ и въ гражданской

жизни, и въ богослуженіи, царь велѣлъ тайно сказать имъ, что если хотятъ они спасти вольность свою и вѣру отцовъ, если ужасаются мысли рабствовать всегда подъ тяжкимъ игомъ Литвы и сдѣлаться папистами, или іезуитами, то щитъ Россіи надъ ними, а мечъ ея надъ ихъ утѣснителями; что сильнѣйшій изъ вѣнценосцевъ, равно славный и мудростію, и человѣколюбіемъ, желаетъ быть отцомъ болѣе, нежели государемъ Ливоніи, и ждетъ депутатовъ изъ Риги, Дерпта и Нарвы для заключенія условій, которыя будутъ утверждены присягою бояръ; что свобода, законы и вѣра останутся тамъ неприкосновенными подъ его верховною властію. Въ то же время воеводы псковскіе должны были искусно разгласить въ Ливоніи, что Густавъ, столь милостиво принятый царемъ, немедленно вступитъ въ ея предѣлы съ нашимъ войскомъ, дабы изгнать поляковъ, шведовъ и господствовать въ ней съ правомъ наслѣдственнаго державца, но съ обязанностію россійскаго присяжника. Самъ Густавъ писалъ къ герцогу Карлу: „Европѣ извѣстна бѣдственная судьба моего родителя, а тебѣ извѣстны ея виновники и мои гонители: оставляю месть Богу. Нынѣ я въ тихомъ и безбоязненномъ пристанищѣ у великаго монарха, милостиваго къ несчастнымъ державнаго племени. Здѣсь могу быть полезенъ нашему любезному отечеству, если ты уступишь мнѣ Эстонію, угрожаемую Сигизмундовымъ властолюбіемъ: съ помощію Божіею и царскою буду не только стоять за города ея, но возьму и всю Ливонію, мою законную отчину“. Замѣтимъ, что о семъ письмѣ не упоминается въ нашихъ переговорахъ съ Швеціею, оно едва ли было доставлено герцогу: сочиненное, какъ вѣроятно, въ приказѣ московскомъ, ходило единственно въ спискахъ изъ рукъ въ руки, между ливонскими гражданами, чтобы волновать ихъ умы въ пользу Борисова замысла. Такъ мы хитрили, будучи въ перемиріи съ Литвою и въ мирѣ съ Швеціею!

Но сія хитрость, не чуждая коварства, осталась безплодною отъ трехъ причинъ: 1) ливонцы издревле страшились и не любили Россіи; помнили исторію Магнуса и видѣли еще слѣды Іоаннова свирѣпства въ ихъ отечествѣ; слушали наши обѣщанія и не вѣрили. Только нѣкоторые изъ нарвскихъ жителей, тайно сносясь съ Борисомъ, умышляли сдать ему сей городъ; но, обличенные въ сей измѣнѣ, были казнены всенародно; 2) мы имѣли лазутчиковъ, а Сигизмундъ и Карлъ войско въ Ливоніи: могла ли она, если бы и хотѣла, думать о посольствѣ въ Москву? 3) Густавъ лишился милости Бориса, который думалъ женить его на царевнѣ Ксеніи, съ условіемъ, чтобы онъ исповѣдывалъ одну вѣру съ нею; но Густавъ не согласился измѣнить своему закону, ни оставить любовницы, привезенной имъ съ собою изъ Данцига, не хотѣлъ быть, какъ пишутъ, и слѣпымъ орудіемъ нашей по-

литики ко вреду Швеціи, требовалъ отпуска и, разгоряченный виномъ, въ присутствіи Борисова медика Фидлера, грозился зажечь Москву, если не дадутъ ему свободы выѣхать изъ Россіи. Фидлеръ сказалъ о томъ боярину Семену Годунову, а бояринъ царю, который въ гнѣвѣ, отнявъ у неблагодарнаго и сокровища, и города, велѣлъ держать его подъ стражею въ домѣ; однакожъ скоро умилостивился и далъ ему вмѣсто Калуги разоренный Угличъ. Густавъ (въ 1601 году) снова былъ у царя, но уже не обѣдалъ съ нимъ; удалился въ свое помѣстье и тамъ, среди печальныхъ развалинъ, спокойно занимался химіею до конца Борисовой жизни. Неволею перевезенный тогда въ Ярославль, а послѣ въ Кашинъ, сей несчастный принцъ умеръ въ 1607 году, жалуясь на вѣтренность той женщины, которой онъ пожертвовалъ блестящею долею въ Россіи. Уединенную могилу его въ прекрасной березовой рощѣ, на берегу Кашенки, видѣли знаменитый шведскій военачальникъ Яковъ де-ла-Гарди и посланникъ Карла IX Петрей въ царствованіе Шуйскаго.

Между тѣмъ мы имѣли случай гордостью отплатить Сигизмунду за уничиженіе, претерпѣнное Іоанномъ отъ Баторія. Великій посолъ литовскій, канцлеръ Левъ Сапѣга, пріѣхавъ въ Москву, жилъ шесть недѣль въ праздности для того, какъ ему сказывали, что царь мучился подагрою. Представленный Борису (16 ноября 1600), Сапѣга явилъ условія, начертанныя Варшавскимъ сеймомъ для заключенія вѣчнаго мира съ Россіею; ихъ выслушали, отвергнули и еще нѣсколько мѣсяцевъ держали Сапѣгу въ скучномъ уединеніи, такъ что онъ грозился сѣсть на коня и безъ дѣла уѣхать изъ Москвы. Наконецъ, будто бы изъ уваженія къ милостивому ходатайству юнаго Борисоваго сына, государь велѣлъ думнымъ совѣтникамъ заключить перемиріе съ Литвою на 20 лѣтъ. 11-го марта (1601 года) написали грамоту, но не хотѣли именовать въ ней Сигизмунда королемъ Швеціи подъ лукавымъ предлогомъ, что онъ не извѣстилъ ни Ѳеодора, ни Бориса о своемъ восшествіи на тронъ отцовскій, на самомъ же дѣлѣ мы пользовались случаемъ мести за старое упрямство Литвы называть государей россійскихъ единственно великими князьями и тѣмъ еще давали себѣ право на благодарность шведскаго властителя — право входить съ нимъ въ договоры, какъ съ законнымъ монархомъ. Тщетно Сапѣга возражалъ, требовалъ, молилъ, даже со слезами, чтобы внести въ грамоту весь титулъ королевскій: ее послали къ Сигизмунду для утвержденія съ бояриномъ Михаиломъ Глѣбовичемъ Салтыковымъ и съ думнымъ дьякомъ Афанасьемъ Власьевымъ, которые, не взирая на худое гостепріимство въ Литвѣ, успѣли въ главномъ дѣлѣ, къ чести двора московскаго. Сигизмундъ предводительствовалъ тогда войскомъ въ Ли-

воніи и звалъ ихъ къ себѣ въ Ригу; они сказали: „будемъ ждать короля въ Вильнѣ“ — и поставили на своемъ; въ глубокую осень жили нѣсколько времени на берегахъ Днѣпра, въ шатрахъ; терпѣли голодъ и недостатокъ, но принудили короля ѣхать для нихъ въ Вильно, гдѣ начались жаркія пренія. Литовскіе вельможи говорили Салтыкову и Власьеву: „если дѣйствительно хотите мира, то признайте нашего короля шведскимъ, а Эстонію—собственностію Польши“. Салтыковъ отвѣчалъ: „Миръ вамъ нужнѣе, нежели намъ. Эстонія и Ливонія собственность Россіи отъ временъ Ярослава Великаго; а шведскимъ королевствомъ владѣетъ нынѣ герцогъ Карлъ: царь не даетъ никому пустыхъ титуловъ“. — „Карлъ есть измѣнникъ и хищникъ, — возражали паны: — государь вашъ перестанетъ ли называться въ титулѣ астраханскимъ или сибирскимъ, если какой-нибудь разбойникъ на время завладѣетъ сими землями? Знатная часть Венгріи нынѣ въ рукахъ султана, но цесарь именуется венгерскимъ, а король испанскій— іерусалимскимъ“. Убѣжденія остались безъ дѣйствія; но Сигизмундъ, цѣлуя крестъ предъ нашими послами (7 января 1605 г.) съ обѣщаніемъ свято хранить договоръ, примолвилъ: „Клянуся именемъ Божіимъ умереть съ моимъ наслѣдственнымъ титуломъ короля шведскаго, не уступать никому Эстоніи и въ теченіи сего двадцатилѣтняго перемирія добывать Нарвы, Ревеля и другихъ городовъ ея, кѣмъ бы они ни были заняты“. Тутъ Салтыковъ выступилъ и сказалъ громко: „Король Сигизмундъ! цѣлуй крестъ къ великому государю Борису Ѳеодоровичу по точнымъ словамъ грамоты безъ всякаго прибавленія — или клятва не въ клятву!“ Сигизмундъ долженъ былъ переговорить свою рѣчь, какъ требовалъ бояринъ и смыслъ грамоты. Слѣдственно въ Москвѣ и въ Вильнѣ политика россійская одержала верхъ надъ литовскою: король уступилъ, ибо не хотѣлъ воевать въ одно время и съ шведами, и съ нами; устоялъ только въ отказѣ величать Бориса именемъ царя и самодержца, чего мы требовали и въ Москвѣ, и въ Вильнѣ, но удовольствовались словомъ, что сей титулъ безспорно будетъ данъ королемъ Борису при заключеніи мира вѣчнаго. „Хорошо (говорили паны) и двадцать лѣтъ не лить христіанской крови: еще лучше успокоить навсегда обѣ державы. Двадцать лѣтъ пройдутъ скоро, а кто будетъ тогда государемъ и въ Литвѣ, и въ Россіи — неизвѣстно“. Замѣтимъ еще обстоятельство достопамятное: послы московскіе въ день своего отпуска, пируя во дворцѣ королевскомъ, увидѣли юнаго Сигизмундоваго сына Владислава и какъ бы въ предчувствіе будущаго вызвались цѣловать у него руку. Сей отрокъ семилѣтній, коему надлежало въ возрастѣ юноши явиться столь важнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ нашей исторіи, привѣтствовалъ ихъ умно и ласково: всталъ

съ мѣста и, снявъ съ себя шляпу, велѣлъ кланяться царевичу Θеодору и сказать ему, что желаетъ быть съ нимъ въ искренней дружбѣ. Знатный бояринъ Салтыковъ и думный дьякъ Власьевъ, который замѣнилъ Щелкалова въ дѣлахъ государственныхъ, могли, храня въ душѣ пріятное воспоминаніе о юномъ Владиславѣ, вселить во многихъ россіянъ добрыя мысли о семъ дѣйствительно любезномъ королевичѣ. Возвратясь, послы донесли Борису, что онъ можетъ быть увѣренъ въ безопасности и тишинѣ съ литовской стороны на долгое время; что король и паны знаютъ, видятъ силу Россіи, управляемую столь мудрымъ государемъ, и, конечно, не помыслятъ нарушить договора ни въ какомъ случаѣ, внутренно славя миролюбіе царя, какъ особенную милость Божію къ ихъ отечеству.

Мы сказали, что правитель Швеціи искалъ союза Россіи: Борисъ, убѣждая герцога не мириться съ Сигизмундомъ, дозволялъ шведамъ идти изъ Финляндіи къ Дерпту чрезъ новогородское владѣніе и хотѣлъ дѣйствовать вмѣстѣ съ ними для изгнанія поляковъ изъ Ливоніи; королевскіе чиновники ѣздили въ Москву, наши—въ Стокгольмъ съ изъявленіями взаимнаго дружества. Въ знакъ чрезвычайнаго уваженія къ Борису, герцогъ тайно спрашивалъ у него: исполнить ли ему волю чиновъ государственныхъ и назваться ли королемъ шведскимъ? Царь совѣтовалъ исполнить, и немедленно, для истиннаго блага Швеціи, и тѣмъ заслужилъ живѣйшую признательность Карлову: совѣтовалъ искренно, ибо безопасность Россіи требовала, чтобы Литва и Швеція имѣли разныхъ властителей. Но мы желали Нарвы и для того хитрый царь (въ февралѣ 1601 г.) объявилъ шведскимъ посламъ, Карлу Гендрихсону и Георгію Клаусону, бывшимъ у насъ въ одно время съ литовскимъ канцлеромъ Сапѣгою, что должно еще снова разсмотрѣть и торжественно утвердить мирную грамоту 1597 года, писанную отъ имени Θеодорова и Сигизмундова; что она недѣйствительна, ибо Сигизмундъ не утвердилъ ее; что обстоятельства перемѣнились и что сей король готовъ уступить намъ часть Ливоніи, если будемъ помогать ему въ войнѣ съ герцогомъ. Послы удивились. „Мы заключили миръ“ (говорили они боярамъ) „не между Θеодоромъ и Сигизмундомъ, а между Швеціею и Россіею до скончанія вѣковъ именемъ Божіимъ и добросовѣстно исполнили условія, отдали Кексгольмъ вопреки Сигизмундову несогласію. Нѣтъ, герцогъ Карлъ не повѣритъ, чтобы царь думалъ нарушить обѣтъ, запечатлѣнный цѣлованіемъ креста на святомъ Евангеліи. Если Сигизмундъ уступаетъ вамъ города въ Ливоніи, то уступаетъ не свое: половина ея завоевана герцогомъ. И союзъ съ Литвою надеженъ ли для царя? Прекратились ли споры о Кіевѣ и Смоленскѣ? Гораздо скорѣе можно согласить выгоды

Швеціи и Россіи: главная ихъ выгода есть мирное, доброе сосѣдство. Не самъ ли царь убѣждалъ Карла не мириться съ Сигизмундомъ? Мы воюемъ и беремъ города: что мѣшаетъ вамъ также ополчиться и раздѣлить Ливонію съ нами?“ Но Борисъ, съ удовольствіемъ видя пламя войны между герцогомъ и королемъ, не мыслилъ въ ней участвовать, по крайней мѣрѣ до времени; заключилъ перемиріе съ Литвою, медлилъ утвердить безкорыстный миръ съ Карломъ, отпустилъ его пословъ ни съ чѣмъ и, тайно склоняя жителей Эстоніи измѣнить шведамъ, чтобы присоединиться къ Россіи, досаждалъ ему симъ непрямодушіемъ, — но въ то же время искренно доброхотствовалъ въ войнѣ ливонской, ибо торжество Сигизмундово угрожало намъ соединеніемъ шведской короны съ польскою, а торжество Карлово раздѣляло ихъ навѣки. Борисъ первый изъ государей европейскихъ, и всѣхъ охотнѣе, призналъ герцога королемъ Швеціи, и въ сношеніяхъ съ нимъ уже давалъ ему сіе имя, когда и самъ герцогъ еще назывался только правителемъ.

Новая, важная связь Борисова съ наслѣдственнымъ врагомъ Швеціи могла также безпокоить Карла. Извѣстивъ сосѣдственныхъ и другихъ вѣнценосцевъ, императора, Елисавету о своемъ воцареніи, Борисъ долго медлилъ оказать сію учтивость королю датскому, Христіану; но съ 1601 года начались весьма дружелюбныя сношенія между ими. Въ одно время послы Христіановы, Эске-Брокъ и Карлъ Бриске, отправились въ Москву, а наши, знатный дворянинъ Ржевскій и дьякъ Дмитріевъ, въ Копенгагенъ для взаимнаго привѣтствія и для разрѣшенія старыхъ, безконечныхъ споровъ о кольскихъ и варгавскихъ пустыняхъ. Доказывая, что вся Лапландія принадлежала Норвегіи, Христіанъ ссылался на исторію Саксона Грамматика и даже на Мюнстерову космографію; говорилъ еще, что сами россіяне издревле называютъ Лапландію Мурманскою или Норвежскою землею; а мы возражали, что она, безъ сомнѣнія, наша, ибо въ царствованіе Василія Іоанновича новгородскій священникъ Илія крестилъ ея дикихъ жителей и еще утверждали сіе право собственности слѣдующею повѣстію, основанною на преданіи тамошнихъ старцевъ: „Жилъ нѣкогда въ Корелѣ или Кексгольмѣ знаменитый владѣтель, именемъ Валитъ или Варентъ, данникъ Великаго Новгорода, мужъ необычайной храбрости и силы: воевалъ, побѣждалъ и хотѣлъ господствовать надъ Лопью или Мурманскою землею. Лопари требовали защиты сосѣдственныхъ норвежскихъ нѣмцевъ; но Валитъ разбилъ и нѣмцевъ тамъ, гдѣ нынѣ лѣтній погостъ Варенгскій и гдѣ онъ, въ память вѣкамъ, положилъ своими руками огромный камень, въ вышину болѣе сажени, сдѣлалъ вокругъ его твердую ограду въ двѣнадцать стѣнъ и назвалъ ее Вавилономъ:

сей камень и теперь именуется Валитовымъ. Такая же ограда существовала на мѣстѣ Кольскаго острога. Извѣстны еще въ землѣ Мурманской губа Валитова и городище Валитово среди острова или высокой скалы, гдѣ безопасно отдыхалъ витязь корельскій. Наконецъ побѣжденные нѣмцы заключили съ нимъ миръ, отдавъ ему всю Лопь до рѣки Ивгея. Долго славный и счастливый Валитъ, именемъ христіанскимъ Василій, умеръ и схороненъ въ Кексгольмѣ, въ церкви Спаса; лопари же съ того времени платили дань Новугороду и царямъ московскимъ". Сіи историческіе доводы съ обѣихъ сторонъ были не весьма убѣдительны, и датчане въ знакъ миролюбія желали раздѣлить Лапландію съ нами, вдоль или поперегъ, на двѣ равныя части; а Борисъ, изъ любви къ Христіану, уступалъ ему всѣ земли за монастыремъ Печенегскимъ къ сѣверу, предоставляя датскимъ и россійскимъ чиновникамъ на будущемъ съѣздѣ близъ Колы означить границы обѣихъ державъ. Между тѣмъ возобновили договоръ о свободной торговлѣ датскихъ купцовъ въ Россіи; условились и въ дѣлѣ важнѣйшемъ.

Борисъ искалъ достойнаго жениха для прелестной царевны между европейскими принцами державнаго племени, чтобы такимъ союзомъ возвысить блескъ своего дома въ глазахъ бояръ и князей россійскихъ, которые еще недавно видѣли Годуновыхъ ниже себя. Не успѣвъ въ намѣреніи отдать руку дочери вмѣстѣ съ Ливоніею Густаву, сей нѣжный родитель и хитрый политикъ надѣялся доставить счастіе Ксеніи и выгоды государству супружествомъ ея съ герцогомъ Іоанномъ, братомъ Христіановымъ, юношею умнымъ и пріятнымъ, который, подобно Густаву, могъ служить орудіемъ нашихъ властолюбивыхъ замысловъ на Эстонію, бывшую собственность Даніи. Царь предложилъ и король, неустрашенный судьбою Магнуса, обрадовался чести быть сватомъ знаменитаго самодержца московскаго, въ надеждѣ его усерднымъ вспоможеніемъ осилить враждебную Швецію. Къ сожалѣнію, любопытныя бумаги о семъ сватовствѣ утратились; не знаемъ условій о вѣрѣ, о приданомъ, ни другихъ взаимныхъ обязательствъ; но знаемъ, что Іоаннъ согласился жертвовать Ксеніи отечествомъ и быть удѣльнымъ княземъ въ Россіи,—не для того ли, чтобы въ случаѣ возможнаго несчастія, преждевременной кончины юнаго царевича, тронъ московскій имѣлъ наслѣдниковъ въ семействѣ Борисовомъ, о чемъ, вѣроятно, думалъ царь дальновидный, съ горячностію любя сына, но любя и мысль о непрерывномъ наслѣдствѣ короны въ теченіе вѣковъ для своего рода. Женихъ воевалъ тогда въ Нидерландахъ подъ знаменами Испаніи, спѣшилъ возвратиться, сѣлъ на адмиральскій корабль и вмѣстѣ съ пятью другими приплылъ (10 августа 1602 г.) къ устью Нарову.

Тамъ ожидала гостя ладія царская, устланная бархатомъ, и какъ скоро герцогъ ступилъ на землю русскую, загремѣли пушки: бояринъ Михаило Глѣбовичъ Салтыковъ и думный дьякъ Власьевъ привѣтствовали его именемъ царя, ввели въ богатый шатеръ и поднесли ему 80 драгоцѣннѣйшихъ соболей. Въ каретѣ, блистающей золотомъ и серебромъ, Іоаннъ ѣхалъ въ Ивангородъ, мимо Нарвы, гдѣ развѣвались знамена на башняхъ и стѣнахъ, усѣянныхъ любопытными зрителями; такъ привѣтствовали его и шведы, внутренно опасаясь сего путешествія, коего цѣль они уже знали или угадывали.

Гораздо искреннее честили герцога въ Россіи. Съ нимъ были послы Христіановы, три сенатора (Гильденстернъ, Браге и Голькъ), восемь знатныхъ сановниковъ, нѣсколько дворянъ, два медика, множество слугъ. На каждомъ станѣ, въ самыхъ бѣдныхъ деревняхъ, угощали ихъ какъ бы во дворцѣ московскомъ; за обѣдомъ играла музыка. Въ городахъ стрѣляли изъ пушекъ; войско стояло въ ружьѣ и чиновники за чиновниками представлялись свѣтлѣйшему королевичу. Ѣхали медленно, въ день не болѣе тридцати верстъ, черезъ Новгородъ, Валдай, Торжокъ и Старицу. Путешественникъ не скучалъ: въ часы роздыха гулялъ верхомъ или по рѣкамъ на лодкахъ, забавлялся охотою, стрѣлялъ птицъ; бесѣдовалъ съ бояриномъ Салтыковымъ и дьякомъ Власьевымъ о Россіи, желая знать ея государственные уставы и народныя обыкновенія. Послы Христіановы совѣтовали ему не вдругъ перенимать наши обычаи и держаться еще нѣмецкихъ. „Ѣду къ царю (говорилъ онъ) затѣмъ, чтобы навыкать всему русскому“. Будучи 1 сентября въ Бронницахъ, Іоаннъ сказалъ Салтыкову: „Я знаю, что въ сей день вы празднуете новый годъ; что духовенство, синклитъ и дворъ нынѣ торжественно желаютъ многолѣтія государю: еще не имѣю счастія видѣть его лицо, но также усердно молюся, да здравствуетъ“—спросилъ вина и стоя пилъ царскія чаши вмѣстѣ съ московскими сановниками и датскими послами. Однимъ словомъ, Іоаннъ хотѣлъ любви Борисовой и любви россіянъ. Салтыковъ и Власьевъ писали къ царю о здоровьѣ и веселомъ нравѣ королевича, увѣдомляли о всемъ, что онъ говорилъ и дѣлалъ, даже о нарядахъ, о цвѣтѣ его атласныхъ кафтановъ, украшенныхъ золотыми или серебряными кружевами. Царь требовалъ сихъ подробностей и высылалъ новые дары путешественнику: богатыя ткани азіатскія, шапки, низанныя жемчугомъ, поясы и кушаки драгоцѣнные; золотыя цѣпи, сабли съ бирюзою и съ яхонтами. Наконецъ Іоаннъ изъявилъ нетерпѣніе быть въ Москвѣ: ему отвѣтствовали, что государь боялся спѣшною ѣздою утомить его—и поѣхали скорѣе. 18 сентября ночевали въ Тушинѣ, а 19 приблизились къ столицѣ.

Не только воины и люди сановные, отъ членовъ синклита до приказныхъ дьяковъ, но и граждане встрѣтили герцога въ полѣ. Выслушавъ ласковую рѣчь бояръ, онъ сѣлъ на коня, ѣхалъ Москвою при звукѣ огромнаго кремлевскаго колокола съ датскими и россійскими чиновниками. Ему отвели въ Китаѣ-городѣ лучшій домъ и на другой день прислали обѣдъ царскій: сто тяжелыхъ золотыхъ блюдъ съ яствами, множество кубковъ и чашъ съ винами и медами. 28 сентября было торжественное представленіе. Отъ дому Іоаннова до Краснаго крыльца стояли богато-одѣтые воины; по площади Кремлевской граждане, нѣмцы, литва, также въ лучшемъ нарядѣ. У крыльца встрѣтили Іоанна князья Трубецкой и Черкасскій, на лѣстницѣ Василій Шуйскій и Голицынъ, въ сѣняхъ первый вельможа Мстиславскій съ окольничими и дьяками. Царь и царевичъ были въ золотой палатѣ, въ бархатныхъ порфирахъ, унизанныхъ крупнымъ жемчугомъ; въ ихъ коронахъ и на груди сіяли алмазы и яхонты величины необыкновенной. Увидѣвъ герцога, Борисъ и Ѳедоръ встали, обняли его съ нѣжностію, сѣли съ нимъ рядомъ и долго бесѣдовали въ присутствіи вельможъ и царедворцевъ. Всѣ смотрѣли на юнаго Іоанна съ любовію, плѣняясь его красотою. Борисъ уже видѣлъ въ немъ будущаго сына. Обѣдали въ Грановитой палатѣ: царь сидѣлъ на золотомъ тронѣ, за серебрянымъ столомъ, подъ висящею надъ нимъ короною съ боевыми часами, между Ѳедоромъ и герцогомъ, уже причисленнымъ къ ихъ семейству. Угощеніе заключилось дарами: Борисъ и Ѳедоръ сняли съ себя алмазныя цѣпи и надѣли на шею Іоанну, а царедворцы поднесли ему два ковша золотые, украшенные яхонтами, нѣсколько серебряныхъ сосудовъ, драгоцѣнныхъ тканей, англійскихъ суконъ, сибирскихъ мѣховъ и три одежды русскія. Но женихъ не видалъ Ксеніи, вѣря только слуху о прелестяхъ ея, любезныхъ свойствахъ, достоинствахъ и не обманываясь. Современники пишутъ, что она была средняго роста, полна тѣломъ и стройна; имѣла бѣлизну млечную, волосы черные, густые и длинные, трубами лежащіе на плечахъ, лицо свѣжее, румяное. брови союзныя, глаза большіе, черные, свѣтлые, красоты несказанной, особенно когда блистали въ нихъ слезы умиленія и жалости; не менѣе плѣняла и душою, кротостію, благорѣчіемъ, умомъ и вкусомъ образованнымъ, любя книги и сладкія пѣсни духовныя. Строгій обычай не дозволялъ показывать и такой невѣсты прежде времени; сама же Ксенія и царица могли видѣть Іоанна скрытно, издали, какъ думали его спутники. Обрученіе и свадьбу отложили до зимы, готовясь къ тому, вмѣсто пировъ, молитвою: родители, невѣста и братъ ея поѣхали въ лавру Троицкую. О семъ пышномъ выѣздѣ царскаго семейства очевидцы говорятъ такъ.

„Впереди 600 всадниковъ и 25 заводныхъ коней, блистающихъ убранствомъ, серебромъ и золотомъ; за ними двѣ кареты: пустая царевичева, обитая алымъ сукномъ, и другая, обитая бархатомъ, гдѣ сидѣлъ государь,—обѣ въ 6 лошадей; первую окружали всадники, вторую пѣшіе царедворцы. Далѣе ѣхалъ верхомъ юный Ѳедоръ; коня его вели знатные чиновники. Позади бояре и придворные. Многіе люди бѣжали за царемъ, держа на головѣ бумагу; у нихъ взяли сіи челобитныя и вложили въ красный ящикъ, чтобы представить государю. Черезъ полчаса выѣхала царица въ великолѣпной каретѣ; въ другой, со всѣхъ сторонъ закрытой, сидѣла царевна; первую везли десять бѣлыхъ коней, вторую восемь. Впереди 40 заводныхъ лошадей и дружина всадниковъ, мужей престарѣлыхъ, съ длинными сѣдыми бородами; сзади 24 боярыни, на бѣлыхъ коняхъ. Вокругъ шли 300 приставовъ съ жезлами".—Тамъ, въ обители тишины и святости, Борисъ съ супругою и съ дѣтьми девять дней молился надъ гробомъ св. Сергія, да благословитъ Небо союзъ Ксеніи съ Іоанномъ.

Между тѣмъ жениха ежедневно честили царскими обѣдами въ его домѣ; присылали ему бархаты, объяри, кружева для русской одежды; присылали и богатую постелю, бѣлье, шитое серебромъ и золотомъ. Онъ съ ревностію хотѣлъ учиться нашему языку и даже перемѣнить вѣру, какъ пишутъ, чтобы исповѣдывать одну съ будущею супругою; вообще велъ себя благоразумно и всѣмъ нравился любезностію въ обхожденіи. Но чего искренно желали и россіяне, и датчане, о чемъ молились родители и невѣста, то не было угодно Провидѣнію... На возвратномъ пути изъ лавры, 16 октября, въ селѣ Братовщинѣ государь узналъ о внезапной болѣзни жениха. Іоаннъ еще могъ писать къ нему и прислалъ своего чиновника, чтобы его успокоить. Недугъ усиливался безпрестанно: открылась жестокая горячка; но медики, датскіе и Борисовы, не теряли надежды. Царь заклиналъ ихъ употребить все искусство, обѣщая имъ неслыханныя милости и награды. 19 октября посѣтилъ Іоанна юный Ѳедоръ, 27 самъ государь вмѣстѣ съ патріархомъ и боярами; увидѣлъ его слабаго, безгласнаго, ужаснулся и съ гнѣвомъ винилъ тѣхъ, которые таили отъ него опасность. На другой день, въ вечеру, онъ нашелъ герцога уже при смерти, плакалъ, крушился, говорилъ: „Юноша несчастный! ты оставилъ мать, родныхъ, отечество и пріѣхалъ ко мнѣ, чтобы умереть безвременно!" Еще желая надѣяться, государь далъ клятву освободить 4,000 узниковъ въ случаѣ Іоаннова выздоровленія и просилъ датчанъ молиться Богу съ усердіемъ. Но въ 6 часовъ сего же вечера, 28 октября, пресѣклись цвѣтущіе дни Іоанновы на двадцатомъ году жизни... Не только семейство царское, датчане, нѣмцы, но и весь дворъ, всѣ жители столицы

были въ горести. Самъ Борисъ пришелъ къ Ксеніи и сказалъ ей: „любезная дочь! твое счастіе и мое утѣшеніе погибло!“ Она упала безъ чувствъ къ ногамъ его... Велѣли оказать всю должную честь умершему. Отворили казну царскую для бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ; питали нищихъ въ домѣ, гдѣ скончался Іоаннъ; къ тѣлу приставили знатныхъ чиновниковъ, запретили его анатомить и вложили въ деревянную гробницу, наполненную ароматами, а послѣ въ мѣдную, и еще въ дубовую, обитую чернымъ бархатомъ и серебромъ съ изображеніемъ креста въ серединѣ и съ латинскою надписью о достоинствахъ умершаго, о благоволеніи къ нему царя и народа россійскаго, объ ихъ печали неутѣшной. Въ день погребенія, 25 ноября, Борисъ простился съ тѣломъ, обливаясь слезами, и ѣхалъ за нимъ въ саняхъ Китаемъ-городомъ до Бѣлаго. Гробъ везли на колесницѣ, подъ тремя черными знаменами, съ гербомъ Даніи, мекленбургскимъ и голштейнскимъ; на обѣихъ сторонахъ шли воины царской дружины, опустивъ внизъ остріе своихъ копій; за колесницею бояре, сановники и граждане— до слободы нѣмецкой, гдѣ въ новой церкви аугсбургскаго исповѣданія схоронили тѣло Іоанново въ присутствіи московскихъ вельможъ, которые плакали вмѣстѣ съ датчанами, хотя и не разумѣли умилительной надгробной рѣчи, въ коей герцоговъ пасторъ благодарилъ ихъ за сію чувствительность...

Вѣроятно ли сказаніе нашего лѣтописца, что Борисъ внутренно не жалѣлъ о смерти Іоанна, будто бы завидуя общей къ нему любви россіянъ и страшася оставить въ немъ совмѣстника для юнаго Ѳедора; что медики, узнавъ тайную мысль царя, не смѣли излѣчить больного? Но царь хотѣлъ, чтобы россіяне любили его нарѣченнаго зятя,—для того совѣтовалъ ему быть привѣтливымъ и слѣдовать нашимъ обычаямъ; хотѣлъ, безъ сомнѣнія, и счастія Ксеніи, давалъ симъ бракомъ новый блескъ, новую твердость своему дому и не могъ перемѣнить мыслей въ три недѣли: устрашиться, чего желалъ; видѣть, чего не предвидѣлъ, и ввѣрить столь гнусную тайну зла придворнымъ врачамъ-иноземцамъ, коихъ онъ, по смерти Іоанновой, долго не пускалъ къ себѣ на глаза и которые лѣчили герцога вмѣстѣ съ его собственными, датскими врачами. Свидѣтели сей болѣзни, чиновники Христіанова двора, издали въ свѣтъ ея вѣрное описаніе, доказывая, что всѣ способы искусства, хотя и безъ успѣха, были употреблены для спасенія Іоаннова. Нѣтъ, Борисъ крушился тогда безъ лицемѣрія и чувствовалъ, можетъ быть, казнь небесную въ совѣсти, готовивъ счастье для милой дочери и видя ее вдовою въ невѣстахъ, отвергнувъ украшенія царскія, надѣлъ ризу печали и долго изъявлялъ глубокое уныніе... Все, чѣмъ дарили герцога, было послано въ Копенгагенъ; всѣхъ Іоанновыхъ спутниковъ отпустили

туда съ новыми щедрыми дарами; не забыли и последняго изъ служителей. Борисъ писалъ къ Христіану, что Россія остается въ неразрывномъ дружествѣ съ Даніею. Оно, дѣйствительно, не разорвалося, какъ бы утверждаемое для обоихъ государствъ печальнымъ воспоминаніемъ о судьбѣ юнаго герцога, коего тѣло было перевезено въ Рошильдъ, долго лежавъ подъ сводомъ московской лютеранской церкви. Въ честь Іоанновой памяти Борисъ далъ колокола сей церкви и дозволилъ звонить въ нихъ по днямъ воскреснымъ.

Но печаль не мѣшала Борису ни заниматься дѣлами государственными съ обыкновенною ревностію, ни думать о другомъ женихѣ для Ксеніи: около 1604 года послы наши снова были въ Даніи, и содѣйствіемъ Христіановымъ условились съ герцогомъ шлезвигскимъ Іоанномъ, чтобы одинъ изъ его сыновей, Филиппъ, ѣхалъ въ Москву жениться на царевнѣ и быть тамъ удѣльнымъ княземъ. Сіе условіе не исполнилось единственно отъ тогдашнихъ бѣдственныхъ обстоятельствъ нашего отечества.

Сношенія Россіи съ Австріею были, какъ и въ Ѳедорово время, весьма дружелюбны и не безплодны. Думный дьякъ Власьевъ (въ іюнѣ 1599 года), посланный къ императору съ извѣстіемъ о Борисовомъ воцареніи, сѣлъ на лондонскій корабль въ устьѣ Двины и вышелъ на берегъ въ Германіи. Тамъ, въ Любекѣ и въ Гамбургѣ, знатѣйшіе граждане встрѣтили его съ великою ласкою, съ пушечною стрѣльбою и музыкою, славя уже извѣстную милость Борисову къ нѣмцамъ и надѣясь пользоваться новыми выгодами торговли въ Россіи. Рудольфъ, изгнанный моровымъ повѣтріемъ изъ Праги, жилъ тогда въ Пильзенѣ, гдѣ Власьевъ имѣлъ переговоры съ австрійскими министрами, увѣряя ихъ, что наше войско уже шло на турковъ, но что Сигизмундъ заградилъ оному въ литовскихъ владѣніяхъ путь къ Дунаю; что царь, какъ истинный братъ христіанскихъ монарховъ и вѣчный недругъ оттомановъ, убѣждаетъ шаха и многихъ иныхъ князей азійскихъ дѣйствовать усильно противъ султана и готовъ самолично идти на крымцевъ, если они будутъ помогать туркамъ; что мы непрестанно внушаемъ литовскимъ панамъ утвердить союзъ съ императоромъ и съ нами возведеніемъ Максиміліана на тронъ Ягеллоновъ; что миролюбивый Борисъ не усомнится даже и воевать для достиженія всей цѣли, если императоръ когда-нибудь рѣшится отмстить Сигизмунду за безчестіе своего брата. Рудольфъ изъявилъ благодарность, но требовалъ отъ насъ не людей, а золота для войны съ Магометомъ III, желая только, чтобы мы смирили хана. „Императоръ, — говорили его министры, — любя царя, не хочетъ, чтобы онъ подвергалъ себя опасности личной въ битвахъ съ варварами: у васъ много воеводъ мужественныхъ, которые

легко могутъ и безъ царя унять крымцевъ, вотъ главное дѣло! Если угодно Небу, то корона польская, при добромъ содѣйствіи великодушнаго царя, не уйдетъ отъ Максимиліана; но теперь не время умножать число враговъ". И мы, конечно, не думали дѣйствовать мечомъ для возведенія Максимиліана на тронъ польскій, ибо Сигизмундъ, уже врагъ Швеціи, былъ для насъ не опаснѣе австрійскаго князя въ вѣнцѣ Ягеллоновъ; не думали, вопреки увѣреніямъ Власьева, ратоборствовать и съ султаномъ безъ необходимости; но, предвидя оную, зная, что Магометъ злобится на Россію и дѣйствительно велитъ хану опустошать ея владѣнія, Борисъ усердно доброхотствовалъ Австріи въ войнѣ съ симъ недругомъ христіанства. Отъ 1598 до 1604 года были у насъ разные австрійскіе чиновники и знатный посолъ баронъ Логау, а думный дьякъ Власьевъ вторично ѣздилъ къ императору въ 1603 году. Не имѣемъ свѣдѣнія объ ихъ переговорахъ; извѣстно только, что царь вспомогалъ казною Рудольфу, удерживалъ Казы-Гирея отъ новыхъ впаденій въ Венгрію и старался утвердить дружество между императоромъ и шахомъ персидскимъ, къ коему ѣздили австрійскіе посланники чрезъ Москву и который славно мужествовалъ тогда противъ оттомановъ. Но знаменитый Аббасъ, ласково поздравивъ Бориса царемъ, изъявляя готовность заключить съ нимъ тѣсный союзъ, а для него и съ императоромъ, отправивъ (въ 1600 году) посланника Исеналея чрезъ Холмогоры въ Австрію, въ Римъ, къ королю испанскому, и, въ знакъ особенной любви, приславъ къ своему брату московскому съ вельможею Лачинъ-бекомъ (въ августѣ 1603 года) златый тронъ древнихъ государей персидскихъ, вдругъ оказался нашимъ недругомъ за бѣдную Грузію; не споривъ съ Ѳеодоромъ, не споря и съ Борисомъ о правѣ именоваться ея верховнымъ государемъ, хотѣлъ также безспорно властвовать надъ нею и стиснулъ ее, какъ слабую жертву, въ своихъ рукахъ кровавыхъ.

Царь Александръ не переставалъ жаловаться въ Москвѣ на бѣдственную долю Иверіи. Послы его такъ говорили боярамъ: „Мы плакали отъ невѣрныхъ, и для того отдалися головами царю православному, да защититъ насъ; но плачемъ и нынѣ. Наши домы, церкви и монастыри въ развалинахъ, семейства въ плѣну, рамена подъ игомъ. То ли вы намъ обѣщали? И невѣрные смѣются надъ христіанами, спрашивая: гдѣ же щитъ царя бѣлаго? гдѣ вашъ заступникъ?" Борисъ велѣлъ напомнить имъ о походѣ князя Хворостинина, съ коимъ должно было соединиться ихъ войско и не соединилось; однакожъ послалъ въ Иверію двухъ сановниковъ, Нащокина и Леонтьева, узнать всѣ обстоятельства на мѣстѣ и съ терскими воеводами условиться въ мѣрахъ для ея защиты. Тамъ сдѣлалась перемѣна. Во время тяжкой болѣзни

Александровой сынъ его Давидъ объявилъ себя властителемъ; отецъ выздоровѣлъ, но сынъ уже не хотѣлъ возвратить ему знаковъ державства: царской хоругви, шапки и сабли съ поясомъ. Сего мало, онъ злодѣйски умертвилъ всѣхъ ближнихъ людей Александровыхъ. Тогда несчастный отецъ, прибѣжавъ раздѣтый и босой въ церковь, рыдая, захлипаясь отъ слезъ, всенародно предалъ сына анаѳемѣ и гнѣву Божію, который дѣйствительно постигъ изверга: Давидъ въ внезапной, мучительной болѣзни испустилъ духъ, и посланники наши возвратились съ извѣстіемъ, что Александръ снова царствуетъ въ Иверіи, но недостоинъ милости государевой, будучи усерднымъ рабомъ султана и дерзая укорять Бориса алчностью къ дарамъ. „Мнѣ ли, — сказалъ царь съ негодованіемъ,—мнѣ ли прельщаться дарами нищихъ, когда могу всю Иверію наполнить серебромъ и засыпать золотомъ?“ Онъ не хотѣлъ было видѣть новаго посла иверскаго, архимандрита Кирилла; но сей умный старецъ ясно доказалъ, что Нащокинъ и Леонтьевъ оклеветали Александра; сдѣлалъ еще болѣе: умолилъ государя не казнить ихъ и далъ ему мысль, для будущаго вѣрнаго соединенія Грузіи съ Россіею, построить каменную крѣпость въ Таркахъ, мѣстѣ неприступномъ, изобильномъ и красивомъ, другую на Тузлукѣ, гдѣ большое озеро соляное, много сѣры и селитры, а третью на рѣкѣ Буйнакѣ, гдѣ нѣкогда существовалъ городъ, будто бы Александромъ Македонскимъ основанный и гдѣ еще стояли древнія башни среди садовъ виноградныхъ.

Для сего предпріятія немаловажнаго государь избралъ двухъ знатныхъ воеводъ, окольничихъ Бутурлина и Плещеева, которые должны были, взявъ полки въ Казани и въ Астрахани, дѣйствовать вмѣстѣ съ терскими воеводами и ждать къ себѣ вспомогательной рати иверской, клятвенно обѣщанной посломъ отъ имени Александра. Не теряли времени и не жалѣли денегъ, выдавъ изъ казны не менѣе трехсотъ тысячъ рублей на издержки похода, столь отдаленнаго и труднаго. Войско, довольно многочисленное, выступило съ береговъ Терека (въ 1604 году) къ Каспійскому морю и видѣло единственно тылъ непріятеля. Шавкалъ, уже старецъ ветхій, лишенный зрѣнія, бѣжалъ въ ущелья Кавказа, и россіяне заняли Тарки. Нельзя было найти лучшаго мѣста для строенія крѣпости: съ трехъ сторонъ высокія скалы могли служить ей вмѣсто твердыхъ стѣнъ; надлежало укрѣпить только отлогій скатъ къ морю, покрытый лѣсомъ, садами и нивами; въ горахъ били ключи и надѣляли жителей, посредствомъ многихъ трубъ, свѣжею водою. Тамъ на высотѣ, гдѣ стоялъ дворецъ Шавкаловъ съ двумя башнями, россіяне немедленно начали строить стѣну, имѣя все для того нужное: лѣсъ, камень, известь;

назвали Тарки Новымъ городомъ; заложили крѣпость и на Тузлукѣ. Одни работали, другіе воевали до Андріи или Эндрена и Теплыхъ водъ, не встрѣчая важнаго сопротивленія; плѣнили людей въ селеніяхъ, брали хлѣбъ, отгоняли табуны и стада, но боялись недостатка въ съѣстныхъ припасахъ; для того въ глубокую осень Бутурлинъ послалъ тысячъ пять воиновъ зимовать въ Астрахань. Къ счастію, они шли бережно, ибо сыновья Шавкаловы и кумыки ждали ихъ въ пустыняхъ, напали смѣло, сражались мужественно, цѣлый день, а ночью бѣжали, оставивъ на мѣстѣ 3,000 убитыхъ. О семъ кровопролитномъ дѣлѣ писали воеводы въ Москву и къ царю иверскому, ожидая его войска по крайней мѣрѣ къ веснѣ, чтобы очистить всѣ горы отъ непріятеля, совершенно овладѣть Дагестаномъ и безпрепятственно строить въ немъ новыя крѣпости. Но не было слуха о вспомогательной рати, ни вѣстей изъ несчастной Грузіи. Александръ уже не обманывалъ Россіи: онъ погибъ, и за насъ!

Государь, отпустивъ Кирилла (въ маѣ 1604) изъ Москвы, вмѣстѣ съ нимъ послалъ дворянина Ближней Думы, Михайла Татищева, во-первыхъ, для утвержденія Грузіи въ нашемъ подданствѣ, во-вторыхъ, и для семейственнаго дѣла, еще тайнаго. Сей сановникъ (въ августѣ 1604) не нашелъ царя въ Загемѣ: Александръ былъ у шаха, который строго велѣлъ ему явиться съ войскомъ въ станъ персидскій, не взирая на имя россійскаго данника и не страшася оскорбить тѣмъ друга своего Бориса. Сынъ Александровъ, Юрій, принялъ Татищева не только ласково, но и раболѣпно; славилъ величіе московского царя и плакалъ о бѣдномъ отечествѣ. „Никогда (говорилъ онъ) Иверія не бѣдствовала ужаснѣе нынѣшняго; стоимъ подъ ножами султана и шаха, оба хотятъ нашей крови и всего, что имѣемъ. Мы отдали себя Россіи: пусть же Россія возьметъ насъ не словомъ, а дѣломъ! Нѣтъ времени медлить; скоро некому будетъ здѣсь цѣловать креста въ безполезной вѣрности къ ея самодержцу. Онъ могъ бы спасти насъ. Турки, персіяне, кумыки силою къ намъ врываются, а васъ зовемъ добровольно: придите и спасите! Ты видишь Иверію, ея скалы, ущелья, дебри: если поставите здѣсь твердыни и введете въ нихъ войско русское, то будемъ истинно ваши и цѣлы, и не убоимся ни шаха, ни султана“. Свѣдавъ, что турки идутъ къ Загему, Юрій убѣждалъ Татищева дать ему своихъ стрѣльцовъ для битвы съ ними; умный посолъ долго колебался, опасаясь безъ указа царскаго какъ бы объявить войну султану; наконецъ рѣшился удостовѣрить тѣмъ Иверію въ дѣйствительномъ правѣ Борисовомъ именоваться ея верховнымъ государемъ и далъ Юрію сорокъ московскихъ воиновъ, которые присоединились къ пяти или шести тысячамъ грузинскихъ, съ

доблымъ сотникомъ Михайломъ Семовскимъ; пошли впереди (7 октября) и встрѣтили турковъ сильнымъ залпомъ. Сей первый звукъ нашего оружія въ пустыняхъ иверскихъ изумилъ непріятеля; густая передовая толпа его вдругъ стала рѣже; онъ увидѣлъ новый строй, новыхъ воиновъ; узналъ россіянъ и дрогнулъ, не зная ихъ малаго числа. Юрій съ своими ударилъ мужественно, и болѣе гналъ, нежели сражался, ибо турки бѣжали не оглядываясь. Казалось, что въ сей день воскресла древняя слава Иверіи: ея воины взяли четыре хоругви султанскія и множество плѣнниковъ. Въ слѣдующій день Юрій одержалъ побѣду надъ хищными кумыками, явилъ народу трофеи, уже давно ему неизвѣстные, и всю честь приписалъ сподвижникамъ, горсти россіянъ, славя ихъ какъ героевъ.

Наконецъ, Александръ возвратился изъ Персіи съ сыномъ Константиномъ, принявшимъ тамъ магометанскую вѣру, какъ мы сказали. Аббасъ, самовластно располагая Иверіею, велѣлъ Константину собрать ея людей воинскихъ, всѣхъ безъ остатка, и немедленно идти къ Шамахѣ; далъ ему 2,000 своихъ лучшихъ ратниковъ, нѣсколько хановъ и князей; далъ и тайное повелѣніе, отгаданное умнымъ Татищевымъ, который безполезно остерегалъ Александра и Юрія, говоря, что дружина персидская для нихъ еще опаснѣе, нежели для турковъ; что Константинъ, измѣнивъ Богу христіанскому, можетъ измѣнить и святымъ узамъ родства. Они не смѣли изъявить подозрѣнія, чтобы не разгнѣвать могущественнаго шаха; исполняли его указъ, собирали войско и предали себя убійцамъ. Готовясь уѣхать на обѣдъ къ Александру (12 марта), Татищевъ вдругъ слышитъ стрѣльбу во дворцѣ, крикъ, шумъ битвы; посылаетъ своего толмача узнать, что дѣлается, и толмачъ, входя во дворецъ, видитъ персидскихъ воиновъ съ обнаженными саблями, на землѣ кровь, трупы, и двѣ отсѣченныя головы, лежащія передъ Константиномъ,—головы отца и его брата! Константинъ-мусульманинъ, уже объявленный царемъ Иверіи христіанской, приказалъ къ Татищеву, что Александръ убитъ нечаянно, а Юрій достойно, какъ измѣнникъ шаховъ и государя московскаго, другъ и слуга ненавистныхъ турковъ; что сія казнь не перемѣняетъ отношеній Иверіи къ Россіи; что онъ, исполняя волю великаго Аббаса, брата и союзника Борисова, готовъ во всемъ усердствовать царю христіанскому. Но Татищевъ уже свѣдалъ истину отъ вельможъ грузинскихъ. Долго терпѣвъ связь Александрову съ Россіею, въ надеждѣ на содѣйствіе царя въ войнѣ съ оттоманами, Аббасъ, уже побѣдитель, не захотѣлъ болѣе терпѣть нашего, хотя и мнимаго господства въ землѣ, которая считалась достояніемъ его предковъ. Онъ вразумился въ систему политики Борисовой; увидѣлъ, что мы, радуясь кровопролитію между имъ и султаномъ,

для себя избѣгаемъ онаго; велѣлъ сыну убить отца, будто бы за приверженность къ туркамъ, но въ самомъ дѣлѣ за подданство Россіи, дерзкое и безразсудное для несчастнаго Александра, который исканіемъ дальняго, невѣрнаго заступника раздражалъ двухъ ближнихъ утѣснителей. Будучи только орудіемъ Аббасовой мести и плакавъ всю ночь предъ совершеніемъ гнуснаго отцеубійства, Константинъ увѣрялъ Борисова посла, что шахъ не имѣлъ въ томъ участія. „Родитель мой (говорилъ онъ) сдѣлался жертвою междоусобія сыновей: несчастіе, весьма обыкновенное въ нашей землѣ! Самъ Александръ извелъ отца своего, убилъ и брата; я то же сдѣлалъ, не зная къ добру ли, къ худу ли, для свѣта. По крайней мѣрѣ буду вѣрнымъ моему слову и заслужу милость государя россійскаго лучше Александра и Юрія; благодаренъ ему за крѣпости, основанныя имъ въ землѣ Шавкаловой, и скоро пришлю въ Москву богатые дары“. Татищевъ хотѣлъ не ковровъ и не тканей, а подданства, требовалъ отъ него клятвы въ вѣрности къ Россіи и доказывалъ, что царемъ Иверіи можетъ быть единственно христіанинъ. Константинъ отвѣчалъ, что до времени останется мусульманиномъ и подданнымъ шаховымъ, но будетъ защитникомъ христіанства и другомъ Россіи, прибавивъ: „гдѣ твердый вашъ хребетъ, на который мы въ случаѣ нужды могли бы опереться?“ Съ симъ Татищевъ долженъ былъ выѣхать изъ Загема, торжественно объявивъ, что Борисъ не уступаетъ Иверіи шаху и что Аббасъ, самовластно казнивъ Александра рукою Константина, нарушилъ счастливое дружество, которое дотолѣ существовало между Персіею и Россіею. Однимъ словомъ, мы лишились царства, то-есть права называть его своимъ; но Татищевъ, не выѣзжая изъ Грузіи, нашелъ другое царство для титула Борисова!

Видя юнаго Ѳедора уже близкаго къ совершенному возрасту и снова предложивъ руку дочери датскому принцу, но желая на всякій случай имѣть для нея и другого мужа въ готовности, Борисъ искалъ вдругъ и невѣсты, и жениха въ отечествѣ славной Тамары, знаменитой супруги Георгія Андреевича Боголюбскаго. Посолъ Александровъ, Кириллъ, хвалилъ нашимъ боярамъ красоту иверскаго царевича Давидова, сына Теймураса, и княжны или царевны карталинской Елены, внуки Симеоновой. Татищеву велѣно было видѣть ихъ; онъ не нашелъ Теймураса, отданнаго шаху въ аманаты, и поѣхалъ въ Карталинію видѣть семейство ея владѣтеля. Сія область древней Иверіи, менѣе подверженная набѣгамъ дагестанскихъ кумыковъ, представляла и менѣе развалинъ, нежели Восточная Грузія или Кахетія. Тамъ господствовалъ отецъ Еленинъ, князь Юрій, послѣ Симеона, взятаго въ плѣнъ турками; онъ имѣлъ своихъ князей присяжниковъ (Сон-

скаго и другихъ), многочисленныхъ царедворцевъ, бояръ и святителей; угостилъ Татищева въ шатрахъ и съ изъявленіемъ благодарности выслушалъ его предложенія: первое, чтобы Юрій поддался Россіи; второе, чтобы отпустилъ съ нимъ въ Москву Елену и ближняго родственника своего, юнаго князя Хоздроя, если они имѣютъ всѣ достоинства, нужныя для чести вступить въ семейство Борисово. „Сія честь велика,—сказалъ усердный посолъ:—императоръ и короли шведскій, датскій, французскій искали ее ревностно“. Судьба Александрова ужасала Юрія; но Татищевъ возражалъ, что сей несчастный погубилъ себя криводушіемъ, хотѣвъ служить вмѣстѣ царямъ вѣрному и невѣрному, къ досадѣ обоихъ. „Желая угодить Аббасу,—говоритъ онъ,—Александръ не далъ намъ войска, чтобы истребить Шавкала; оставилъ сына въ Персіи и дозволилъ ему быть магометаниномъ, то-есть острить ножъ на отца и христіанство; сослалъ туда и внука, узнавъ о намѣреніи государя выдать за него царевну Ксенію, ибо страшился, чтобы Теймурасъ не взялъ Грузіи въ приданое за царевною; но могъ ли великій царь нашъ разлучиться съ нею для бѣднаго престола загемскаго, имѣя у себя многія знаменитѣйшія княжества въ удѣлъ милому зятю? Александръ палъ, ибо не прямилъ Россіи и не стоилъ ея сильнаго вспоможенія“. Сорокъ московскихъ стрѣльцовъ спасли Загемъ: Татищевъ обязался немедленно прислать въ Карталинію изъ Терской крѣпости 150 храбрѣйшихъ воиновъ, какъ передовую дружину, для безопасности будущаго свата Борисова—и Юрій съ обрядами священными назвалъ себя россійскимъ данникомъ. Тѣмъ болѣе желая родственнаго союза съ царемъ, онъ представилъ на судъ Татищеву жениха и невѣсту, сказавъ: „Отдаюсь Россіи и съ царствомъ и съ душою. Князь Хоздрой воспитанъ моею матерью вмѣстѣ со мною и служитъ мнѣ правою рукою въ дѣлахъ ратныхъ; когда онъ въ полѣ, тогда могу быть спокоенъ дома. Дѣтей у меня двое: сынъ мое око, а дочь сердце; веселюсь ими и въ бѣдствіяхъ нашего отечества, но не стою за Елену, когда такъ угодно Богу и государю россійскому“. Въ донесеніи царю, о женихѣ и невѣстѣ, Татищевъ пишетъ: „Хоздрою 23 года отъ рожденія; онъ высокъ и строенъ; лицо у него красиво и чисто, но смугло, глаза свѣтлые каріе, носъ съ горбиною, волосы темнорусые, усъ тонкій; бороду уже брѣетъ; въ разговорахъ уменъ и рѣчистъ; знаетъ языкъ турецкій и грамоту иверскую; однимъ словомъ, хорошъ, но не отличенъ, вѣроятно, что полюбится, но не вѣрно... Елену видѣлъ я въ шатрѣ у царицы: она сидѣла между матерью и бабкою на золотомъ коврѣ и жемчужномъ изголовьѣ, въ бархатной одеждѣ съ кружевами, въ шапкѣ, украшенной каменьями драгоцѣнными. Отецъ велѣлъ

ей встать, снять съ себя верхнюю одежду и шапку, вымѣрилъ ея ростъ деревцомъ, и подалъ мнѣ сію мѣрку, чтобы сличить съ данною отъ государя. Елена прелестна, но не чрезвычайно; бѣла и еще нѣсколько бѣлится; глаза у нея черные, носъ небольшой, волосы крашеные; станомъ пряма, но слишкомъ тонка отъ молодости, ибо ей только 10 лѣтъ, и въ лицѣ не довольно полна. Старшій братъ Еленинъ гораздо благовиднѣе". Татищевъ хотѣлъ везти въ Москву невѣсту и жениха, говоря, что первая будетъ жить до совершенныхъ лѣтъ у царицы Маріи, учиться языку и навыкать обычаямъ русскимъ. Отпустивъ съ нимъ Хоздроя, Юрій удержалъ Елену до новаго посольства царскаго, и тѣмъ избавилъ себя отъ слезъ разлуки безполезной, ибо Елена уже не нашла бы въ Москвѣ своего жениха злосчастнаго! Татищевъ долженъ былъ оставить и Хоздроя, для его безопасности, въ землѣ Сонской, узнавъ, что случилось въ Дагестанѣ, гдѣ турки отмстили намъ съ лихвою за геройство московскихъ стрѣльцовъ въ Иверіи и гдѣ въ нѣсколько дней мы лишились всего, кромѣ добраго имени воинскаго!

Отношенія Россіи къ Константинополю были странны: турки въ Іоанново время безъ объявленія войны приступали къ Астрахани, а въ Ѳеодорово и къ самой Москвѣ подъ знаменами Крыма; а цари еще увѣряли султановъ въ дружелюбіи, удивляясь симъ непріятельскимъ дѣйствіямъ, какъ ошибкѣ или недоразумѣнію. Утѣсненный нами Шавкалъ, тщетно ожидавъ вспоможенія отъ Аббаса, искалъ защиты Магомета III, который велѣлъ дербентскому и другимъ пашамъ своимъ въ областяхъ каспійскихъ изгнать россіянъ изъ Дагестана. Турки соединились съ кумыками, лезгинцами, аварами, и весною, въ 1605 году, подступили къ Койсѣ, гдѣ начальствовалъ князь Владиміръ Долгорукій, имѣя мало воиновъ, ибо полки, ушедшіе зимовать въ Астрахань, еще не возвратились. Долгорукій зажегъ крѣпость, сѣлъ на суда и моремъ приплылъ въ городокъ Терскій, а паши осадили Бутурлина въ Таркахъ. Сей воевода, уже старецъ лѣтами, славился доблестію: худо ограждаемый стѣною, еще недостроенною, онъ терялъ много людей, но отразилъ нѣсколько приступовъ. Часть стѣны разрушилась, и каменная башня, подорванная осаждающими, взлетѣла на воздухъ съ лучшею дружиною московскихъ стрѣльцовъ. Бутурлинъ еще мужествовалъ, однакожъ видѣлъ невозможность спасти городъ, слушалъ предложенія султанскихъ чиновниковъ, колебался и, наконецъ, вопреки мнѣнію своихъ товарищей, рѣшился спасти хотя одно войско. Главный паша самъ былъ у него въ ставкѣ, пировалъ и клялся ему выпустить россіянъ съ честію, съ доспѣхами и надѣлить всѣми нужными запасами. Но вѣроломные кумыки, давъ

нашимъ свободный путь изъ крѣпости до степи, вдругъ окружили ихъ и начали страшное кровопролитіе. Пишутъ, что добрые россіяне единодушно обрекли себя на славную гибель; бились съ непріятелемъ злымъ и многочисленнымъ въ рукопашь, человѣкъ съ человѣкомъ, одинъ съ тремя, боясь не смерти, а плѣна. Изъ первыхъ, въ глазахъ отца, палъ сынъ главнаго начальника Бутурлина, прекрасный юноша; за нимъ его старецъ-родитель; также и воевода Плещеевъ съ двумя сыновьями, воевода Полевъ и всѣ, кромѣ тяжело уязвленнаго князя Владиміра Бахтеярова и другихъ немногихъ, взятыхъ замертво непріятелемъ, но послѣ освобожденныхъ султаномъ. Сія битва несчастная, хотя и славная для побѣжденныхъ, стоила намъ отъ шести до семи тысячъ воиновъ, и на 118 лѣтъ изгладила слѣды россійскаго владѣнія въ Дагестанѣ.

Татищевъ возвратился уже въ новое царствованіе и Борисъ, не имѣвъ времени узнать о возведеніи отцеубійцы-мусульманина на престолъ Иверіи, до конца дней своихъ былъ другомъ Аббасу, какъ врагу явнаго, опаснаго врага нашего султана, противъ коего мы ревностно возбуждали тогда и Азію и Европу.

Въ самыхъ переговорахъ съ Англіею Борисъ изъявилъ желаніе, чтобы всѣ христіанскія державы единодушно возстали на Оттоманскую. „Не только послы императора и римскіе,—писалъ онъ къ Елизаветѣ,—но и другіе иноземные путешественники увѣряли насъ, что ты будто бы въ тѣсной связи съ султаномъ; мы дивились и не вѣрили. Нѣтъ, ты не будешь никогда дружить злодѣямъ христіанства и, конечно, пристанешь къ общему союзу государей европейскихъ, чтобы унизить высокую руку невѣрныхъ,—цѣль достойная тебя и всѣхъ насъ!“ Но Елисавета имѣла въ виду только выгоды своего купечества, и для того ласкала самолюбіе царя знаками чрезвычайнаго къ нему уваженія. Посланника нашего, дворянина Микулина, встрѣтили въ Лондонѣ съ необыкновенною честію: въ гавани и въ крѣпости стрѣляли изъ пушекъ, когда онъ (18 сент. 1600) плылъ Темзою и ѣхалъ городомъ въ Елисаветиной каретѣ, провожаемый тремя стами чиновныхъ всадниковъ, альдерманами, купцами въ богатомъ нарядѣ, въ золотыхъ цѣпяхъ. Улицы были тѣсны для множества зрителей. Знаменитому гостю, въ одномъ изъ лучшихъ домовъ Лондона, служили королевины люди: Елисавета прислала ему изъ своей казны блюда, чаши и кубки серебряные. Угадывали и спѣшили исполнять его желанія; но онъ велъ себя умно и скромно: за все благодарилъ и ничего не требовалъ. Представленіе было въ Ричмондѣ (14 октября). Елисавета встала съ мѣста и нѣсколько шаговъ ступила навстрѣчу посланнику; славила воцареніе Бориса, своего брата сердечнаго, издавна мило-

ствваго къ англичанамъ, говорила, что ежедневно молится о немъ Богу; что имѣетъ друзей между государями европейскими, но никого изъ нихъ не любитъ столь вседушно, какъ самодержца россійскаго; что одно изъ ея главныхъ удовольствій есть исполнять его волю. Микулинъ обѣдалъ у королевы, и только одинъ сидѣлъ съ нею. Лорды и знатные чиновники не садились; она стоя пила чашу Борисову. Приглашаемый быть зрителемъ всего любопытнаго, посланникъ нашъ видѣлъ рыцарскія игры въ день восшествія на престолъ Елисаветы, праздникъ орденскій св. Георгія, богослуженіе въ церкви св. Павла и торжественный въѣздъ королевы въ Лондонъ, ночью, при свѣтѣ факеловъ и звукѣ трубъ, со всѣми пэрами и царедворцами, среди безчисленнаго множества гражданъ, исполненныхъ усердія и любви къ своей монархинѣ. Елисавета вездѣ благодарила Микулина за его присутствіе; и въ ласковыхъ съ нимъ бесѣдахъ никогда не забывала хвалить Бориса и россіянъ. Плѣненный ея милостями, сей посланникъ имѣлъ случай оказать ей свое усердіе. Въ день, ужасный для Лондона (18 февраля 1601), когда несчастный Эссексъ, дерзнувъ объявить себя мятежникомъ, съ пятью стами преданныхъ ему людей шелъ овладѣть крѣпостію, когда всѣ улицы, замкнутыя цѣпями, наполнились воинами и гражданами въ доспѣхахъ,—Микулинъ вмѣстѣ съ вѣрными англичанами вооружился для спасенія Елисаветы, какъ сама она, утишивъ бунтъ, писала къ царю, славя доблесть его сановника. Однимъ словомъ, сіе посольство утвердило личное дружество между Борисомъ и королевою. Хотя Елисавета, будучи врагомъ Испаніи и Австріи, не могла принять мысли Борисовой о новомъ крестовомъ походѣ или союзѣ всѣхъ державъ христіанскихъ для изгнанія турковъ изъ Европы, но удостовѣрила его въ томъ, что никогда не мыслила о вспоможеніи султану, и что ревностно желаетъ успѣха христіанскому оружію. Царь имѣлъ и другое сомнѣніе: онъ слышалъ, что Англія благопріятствуетъ Сигизмунду въ войнѣ съ шведскимъ правителемъ; но Елисавета старалась доказать ему, что и вѣра, и политика предписываютъ ей усердствовать Карлу. Довольный сими объясненіями, Борисъ далъ новую жалованную грамоту англичанамъ для свободной, безпошлинной торговли въ Россіи, съ особеннымъ благоволеніемъ принявъ посланника Елисаветина Ричарда Ли, коего главнымъ дѣломъ было увѣрить царя въ ея дружбѣ и величать его добродѣтели. „Вселенная полна славы твоей, — писалъ къ нему Ли, выѣзжая изъ Россіи:—ибо ты, сильнѣйшій изъ монарховъ, доволенъ своимъ, не желая чужого. Враги хотятъ быть съ тобою въ мирѣ отъ страха, а друзья въ союзѣ отъ любви и довѣренности. Когда бы всѣ христіанскіе вѣнценосцы мыслили, подобно

тебѣ, тогда бы царствовала тишина въ Европѣ, и ни султанъ, ни папа не могли бы возмутить ея спокойствія". Узнавъ, что Борисъ имѣетъ намѣреніе женить сына, королева (въ 1603 году) предлагала ему руку знатной, одиннадцатилѣтней англичанки, украшенной рѣдкими прелестями и достоинствами; вызывалась немедленно прислать живописное изображеніе сей и другихъ красавицъ лондонскихъ, и желала, чтобы царь до того времени не искалъ другой супруги для юнаго Өеодора. Но Борисъ хотѣлъ прежде знать, кто невѣста и родня ли королевѣ, увѣряя, что многіе великіе государи требуютъ чести соединить бракомъ дѣтей своихъ съ его семействомъ. Кончина Елисаветы, столь знаменитой въ лѣтописяхъ британскихъ, достопамятной и въ нашей исторіи долговременною пріязнію къ Россіи, устранила дѣло о сватовствѣ, не прервавъ дружественной связи между Англіею и царемъ. Новый король Іаковъ I не замедлилъ извѣстить Бориса о соединеніи Шотландіи съ Англіею и писалъ: „Наслѣдовавъ престолъ моей тетки, желаю наслѣдовать и твою къ ней любовь". Посолъ Іакова Өома Смитъ (въ октябрѣ 1604), представивъ Борису въ даръ великолѣпную карету и нѣсколько сосудовъ серебряныхъ, сказалъ ему, что „король, англійскій и шотландскій, сильный воинствомъ, морскимъ и сухопутнымъ, еще сильнѣйшій любовію народною, только одного московскаго вѣнценосца проситъ о дружбѣ,—ибо всѣ иные государи европейскіе сами ищутъ въ Іаковѣ; что онъ имѣетъ двоякое право на сію дружбу, требуя оной въ память великой Елисаветы и своего незабвеннаго шурина, датскаго герцога Іоанна, коего царь любилъ столь нѣжно и столь горестно оплакалъ". Борисъ сказалъ, что ни съ однимъ изъ монарховъ не былъ онъ въ такой сердечной любви, какъ съ Елисаветою, и что желаетъ навсегда остаться другомъ Англіи. Сверхъ права торговать безпошлинно во всѣхъ нашихъ городахъ, Іаковъ требовалъ свободнаго пропуска англичанъ чрезъ Россію въ Персію, въ Индію и въ другія восточныя земли для отысканія пути въ Китай, ближайшаго и вѣрнѣйшаго, нежели моремъ, около мыса Доброй Надежды, къ обоюдной пользѣ Англіи и Россіи, изъясняя, что драгоцѣнности, перевозимыя купцами изъ земли въ землю, оставляютъ на пути слѣды золотые. Бояре удостовѣрили посла въ неизмѣнной силѣ милостивыхъ грамотъ, данныхъ царемъ гостямъ лондонскимъ, но объявили, что жестокая война пылаетъ на берегахъ Каспійскаго моря; что Аббасъ приступаетъ къ Дербенту, Баку и Шамахѣ; что царь до времени не можетъ пустить туда англичанъ для ихъ безопасности. Съ такимъ отвѣтомъ Смитъ выѣхалъ изъ Москвы (20 марта 1605). Уже не было рѣчи о государственномъ союзѣ Англіи съ Россіею; одна торговля служила твердою связію между ними, будучи равно выгодною для обѣихъ.

Предпочтительно благопріятствуя сей торговлѣ, какъ важнѣйшей для Россіи, Борисъ не усомнился, однакожъ, дать и нѣмецкимъ гостямъ права новыя. Еще недовольная Ѳеодоровою жалованною грамотою, Ганза прислала въ Москву любскаго бургомистра Гермерса, трехъ ратсгеровъ и секретаря своего, которые (3 апрѣля 1603) поднесли въ даръ государю и сыну его литыя серебряныя, вызолоченныя изображенія Фортуны, Венеры, двухъ большихъ орловъ, двухъ коней, льва, единорога, носорога, оленя, страуса, пеликана, грифа и павлина. Купцовъ приняли какъ знатнѣйшихъ вельможъ, угостили обѣдомъ на золотѣ. Отъ имени пятидесяти девяти нѣмецкихъ союзныхъ городовъ они вручили боярамъ челобитную, писанную убѣдительно и смиренно. Въ ней было сказано, что древность ихъ торговли въ нашемъ отечествѣ исчисляется не годами, а столѣтіями; что въ самыя отдаленныя времена, когда англичане, голландцы, французы едва знали имя Россіи, Ганза доставляла ей все нужное и пріятное для жизни гражданской и за то искони пользовалась благоволеніемъ державныхъ предковъ царя, правами и выгодами исключительными. О возвращеніи сихъ правъ молила Ганза, славя Бориса; желала торговли безпошлинной; хотѣла, чтобы онъ дозволилъ ей свободно купечествовать и въ пристаняхъ Сѣвернаго моря, въ Холмогорахъ, въ Архангельскѣ и далъ гостиные дворы въ Новѣгородѣ, Псковѣ, Москвѣ, съ правомъ имѣть тамъ церкви, какъ въ старину бывало; требовала ямскихъ лошадей для перевоза своихъ товаровъ изъ мѣста въ мѣсто, и пр. Царь сказалъ, что въ Россіи берутъ таможенную пошлину съ купцовъ императора, королей испанскаго, французскаго, литовскаго, датскаго; что жители вольныхъ нѣмецкихъ городовъ должны платить ее, какъ и всѣ, но что половина ея, въ знакъ милости, уступается любчанамъ, ибо другіе нѣмцы суть подданные разныхъ властителей, для коихъ ничто не обязываетъ насъ быть столь безкорыстными; что одни же любчане избавляются отъ всякаго таможеннаго осмотра, сами заявляя и цѣня свои товары по совѣсти; что Ганзѣ дозволяется торговать въ Архангельскѣ, также купить или завести гостиные дворы въ Новѣгородѣ, Псковѣ и Москвѣ своимъ иждивеніемъ, а не государевымъ; что всякая вѣра терпима въ Россіи, но строить церквей не дозволяется ни католикамъ, ни лютеранамъ, и что въ семъ отказано знатнѣйшимъ вѣнценосцамъ Европы, императору, королевѣ Елисаветѣ и проч.; что ямы учреждены въ Россіи не для купечества, а единственно для гонцовъ правительства и для пословъ чужеземныхъ. Въ такомъ смыслѣ написали жалованную грамоту (5 іюня), съ прибавленіемъ, что имѣніе гостей, умирающихъ въ Россіи, неприкосновенно для казны и въ цѣлости отдается ихъ наслѣдникамъ; что нѣмцы въ домахъ

своихъ могутъ держать вино русское, пиво и медъ для своего употребленія, а продавать единственно чужеземныя вина, въ куфахъ или въ бочкахъ, но не ведрами и не въ стопы.—Съ сею жалованною грамотою послы выѣхали въ Новгородъ, представили ее тамъ воеводѣ, князю Буйносову-Ростовскому, и требовали мѣста для строенія домовъ и лавокъ; но воевода ждалъ еще особеннаго указа и долго, такъ что они, лишась терпѣнія, уѣхали во Псковъ, гдѣ были счастливѣе: градоначальникъ немедленно отвелъ имъ на берегу рѣки Великой, внѣ города, мѣсто стараго гостинаго двора нѣмецкаго, то-есть его развалины, памятникъ древней цвѣтущей торговли въ знаменитой Ольгиной родинѣ. Жители радовались не менѣе любчанъ, вспоминая преданія о счастливомъ союзѣ ихъ города съ Ганзою; но минувшее уже не могло возвратиться, отъ перемѣны въ отношеніяхъ Ганзы къ Европѣ и Пскова къ Россіи. Оставивъ повѣренныхъ, чтобы изготовить все нужное для заведенія конторы въ Новѣгородѣ и Псковѣ, Гермерсъ и товарищи его спѣшили обрадовать Любекъ успѣхомъ своего дѣла—и въ 1604 году корабли гамбургскіе уже начали приходить въ Архангельскъ.

Между европейскими посольствами замѣтимъ еще римскія и флорентійское. Въ 1601 году были въ Москвѣ нунціи Климента VIII, Францискъ Коста и Дидакъ Миранда, а другіе въ 1603 г., требуя дозволенія ѣхать въ Персію. Царь велѣлъ имъ дать суда, чтобы плыть Волгою въ Астрахань. Фердинандъ, великій герцогъ тосканскій и флорентійскій, одинъ изъ знаменитыхъ властителей славнаго рода Медичисовъ, великодушный другъ Генриха IV, присылалъ къ Борису (въ мартѣ 1602) чиновника Аврама Люса съ предложеніемъ своихъ услугъ для вызова въ Россію людей ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ и для доставленія ей богатыхъ естественныхъ произведеній Италіи, особенно мрамора и дерева драгоцѣннаго, моремъ черезъ наши двинскія гавани.

Не имѣя никакого сношенія съ Магометомъ III, ни съ его наслѣдникомъ Ахметомъ I, мы узнавали всѣ происшествія константинопольскія отъ греческихъ святителей, которые непрестанно являлись въ Москвѣ за милостынею, съ иконами и съ благословеніемъ патріарховъ. Еще Іоаннъ далъ аѳонской Введенской обители дворъ въ Китай-городѣ у монастыря Богоявленскаго, гдѣ приставали ея странники-иноки и другіе греки, искавшіе службы въ Россіи. Извѣстія сихъ нашихъ ревностныхъ единовѣрцевъ о затрудненіяхъ и худомъ внутреннемъ состояніи Оттоманской имперіи удостовѣряли Бориса въ безопасности съ ея стороны, по крайней мѣрѣ на нѣсколько времени.

Государственная хитрость Борисова, по словамъ лѣтописца,

всего успѣшнѣе дѣйствовала въ ногайскихъ улусахъ, ослабленныхъ и разоренныхъ междоусобіемъ ихъ властителей, коихъ будто бы ссорили намѣстники астраханскіе. Вопреки лѣтописцу, бумаги государственныя представляютъ Бориса миротворцемъ ногаевъ, по крайней мѣрѣ главнаго ихъ улуса волжскаго или уральскаго, который со временъ знаменитаго отца Сююнбеки, Юсуфа, имѣлъ всегда одного князя и трехъ чиновниковъ-властителей: нурадына, тайбугу и кокувата, но тогда повиновался двумъ князьямъ, Иштереку, сыну Тинъ-Ахматову, и Янараслану, Урусову сыну, исполненнымъ ненависти другъ къ другу. На приказъ Борисовъ, чтобы они жили въ любви и въ братствѣ, Янарасланъ отвѣчалъ: „Царь московскій желаетъ чуда: велитъ овцамъ дружиться съ волками и пить воду изъ одной проруби!“ Бояринъ Семенъ Годуновъ, уполномоченный царемъ, пріѣхалъ въ Астрахань, собралъ тамъ (въ ноябрѣ 1604) ногайскихъ вельможъ, объявилъ Иштерека первымъ или старѣйшимъ княземъ и взялъ съ него клятвенную грамоту въ томъ, чтобы ему и всему Измаилову племени служить Россіи и биться съ ея врагами до послѣдняго издыханія, не давать никому княжескаго и нурадынскаго достоинства безъ утвержденія государства, не имѣть войны междоусобной, не сноситься съ шахомъ, султаномъ, ханомъ крымскимъ, царями бухарскимъ и хивинскимъ, ташкентцами, ордою киргизскою, Шавкаломъ и черкесами; кочевать въ степяхъ астраханскихъ у моря, по Тереку, Кумѣ и Волгѣ около Царицына; перезвать къ себѣ улусъ Казыевъ или овладѣть имъ, чтобы отъ моря Чернаго до Каспійскаго и далѣе, на востокъ и сѣверъ, не было въ степяхъ иной орды ногайской, кромѣ Иштерековой, вѣрной царю московскому. Улусъ Казыевъ, отдѣлясь отъ Волжскаго и кочуя близъ Азова съ своимъ княземъ Барангазыемъ, зависѣлъ отъ турковъ и крымцевъ, часто искалъ милости въ царѣ, обѣщалъ служить Россіи, вѣроломствовалъ и грабилъ въ ея владѣніяхъ. Чтобы унять или совершенно истребить его, Борисъ велѣлъ донскимъ казакамъ помогать Иштереку и, прислалъ ему въ даръ богатую саблю, писалъ: „она будетъ или на шеѣ злодѣевъ Россіи, или на твоей собственной“. Сей князь исполнилъ условіе и непрестанно тѣснилъ ногаевъ азовскихъ, такъ что многіе изъ нихъ сдѣлались нищими и продавали дѣтей своихъ въ Астрахани. Третій ногайскій улусъ, именуясь альтаульскимъ, занималъ степи въ окрестностяхъ Синяго моря или Арала, и находился въ тѣсной связи съ Бухаріею и съ Хивою. Иштерекъ долженъ былъ также склонять его мурзъ къ подданству россійскому, соединенному съ важною выгодою въ торговлѣ: Борисъ, дозволяя вѣрнымъ ногаямъ мирно купечествовать въ Астрахани, освобождалъ ихъ отъ всякой пошлины.

Представивъ въ семъ обозрѣніи важнѣйшія дѣйствія Борисовой политики, европейской и азіатской,—политики вообще благоразумной, не чуждой властолюбія, но умѣреннаго: болѣе охранительной, нежели стяжательной,—представимъ дѣйствія Борисовы внутри государства, въ законодательствѣ и въ гражданскомъ образованіи Россіи.

Въ 1599 году Борисъ, въ знакъ любви къ патріарху Іову, возобновилъ жалованную грамоту, данную Іоанномъ митрополиту Аѳанасію такого содержанія, что всѣ люди первосвятителя, его монастыри, чиновники, слуги и крестьяне ихъ освобождаются отъ вѣдомства царскихъ бояръ, намѣстниковъ, волостелей, тіуновъ и не судятся ими ни въ какихъ преступленіяхъ, кромѣ душегубства, завися единственно отъ суда патріаршаго; увольняются также отъ всякихъ податей казенныхъ. Сіе древнее государственное право нашего духовенства оставалось неизмѣннымъ и въ царствованіе Василія Шуйскаго, Михаила и сына его.

Законъ объ укрѣпленіи сельскихъ работниковъ, цѣлію своею благопріятный для владѣльцевъ среднихъ или неизбыточныхъ, какъ мы сказали, имѣлъ однакожъ и для нихъ вредное слѣдствіе, частыми побѣгами крестьянъ, особенно изъ селеній мелкаго дворянства: владѣльцы искали бѣглецовъ, жаловались другъ на друга въ ихъ укрывательствѣ, судились, разорялись. Зло было столь велико, что Борисъ, не желая совершенно отмѣнить закона благонамѣреннаго, рѣшился объявить его только временнымъ, и въ 1601 году снова дозволилъ земледѣльцамъ господъ малочиновныхъ, дѣтей боярскихъ и другихъ, вездѣ, кромѣ одного Московскаго уѣзда, переходить въ извѣстный срокъ отъ владѣльца къ владѣльцу того же состоянія, но не всѣмъ вдругъ, и не болѣе какъ по два вмѣстѣ; а крестьянамъ бояръ, дворянъ, знатныхъ дьяковъ и казеннымъ, святительскимъ, монастырскимъ велѣлъ остаться безъ перехода на означенный 1601 годъ. Увѣряютъ, что измѣненіе устава древняго и нетвердость новаго, возбудивъ негодованіе многихъ людей, имѣли вліяніе и на бѣдственную судьбу Годунова; но сіе любопытное сказаніе историковъ XVIII вѣка не основано на извѣстіяхъ современниковъ, которые единогласно хвалятъ мудрость Бориса въ дѣлахъ государственныхъ.

Хвалили его также за ревность искоренять грубые пороки народа. Несчастная страсть къ крѣпкимъ напиткамъ, болѣе или менѣе свойственная всѣмъ народамъ сѣвернымъ, долгое время была осуждаема въ Россіи единственно учителями христіанства и мнѣніемъ людей нравственныхъ. Іоаннъ III и внукъ его хотѣли ограничить ея неумѣренность закономъ и наказывали оную какъ гражданское преступленіе. Можетъ быть не столько для умноженія царскихъ доходовъ, сколько для обузданія невоздержныхъ,

Іоаннъ IV налагалъ пошлину на вареніе пива и меда. Въ Ѳеодорово время существовали въ большихъ городахъ казенные питейные домы, гдѣ продавалось и вино хлѣбное, неизвѣстное въ Европѣ до XIV вѣка; но и многіе частные люди торговали крѣпкими напитками къ распространенію пьянства. Борисъ строго запретилъ сію вольную продажу, объявивъ, что скорѣе помилуетъ вора и разбойника, нежели корчемниковъ; убѣждалъ ихъ жить инымъ способомъ и честными трудами; обѣщалъ дать имъ земли, если они желаютъ заняться хлѣбопашествомъ. Но, хотѣвъ тѣмъ, какъ пишутъ, воздержать народъ отъ страсти, равно вредной и гнусной, царь не могъ истребить корчемства, и самые казенные питейные домы, наперерывъ откупаемые за высокую цѣну, служили мѣстомъ разврата для людей слабыхъ.

Въ усердной любви къ гражданскому образованію, Борисъ превзошелъ всѣхъ древнѣйшихъ вѣнценосцевъ Россіи, имѣвъ намѣреніе завести школы и даже университеты, чтобы учить молодыхъ россіянъ языкамъ европейскимъ и наукамъ. Въ 1600 году онъ посылалъ въ Германію нѣмца Іоанна Крамера, уполномочивъ его искать тамъ и привезти въ Москву профессоровъ и докторовъ. Сія мысль обрадовала въ Европѣ многихъ ревностныхъ друзей просвѣщенія; одинъ изъ нихъ, учитель правъ, именемъ Товія Лонціусъ, писалъ къ Борису (въ январѣ 1601): „Ваше царское величество хотите быть истиннымъ отцомъ отечества и заслужить всемірную безсмертную славу. Вы избраны Небомъ совершить дѣло великое, новое для Россіи: просвѣтить умъ вашего народа несмѣтнаго и тѣмъ возвысить его душу вмѣстѣ съ государственнымъ могуществомъ, слѣдуя примѣру Египта, Греціи, Рима и знаменитыхъ державъ европейскихъ, цвѣтущихъ искусствами и науками благородными“. Сіе важное намѣреніе не исполнилось, какъ пишутъ, отъ сильныхъ возраженій духовенства, которое представило царю, что Россія благоденствуетъ въ мирѣ единствомъ закона и языка; что разность языковъ можетъ произвести и разность въ мысляхъ, опасную для церкви; что во всякомъ случаѣ неблагоразумно ввѣрить ученіе юношества католикамъ и лютеранамъ. Но, оставивъ мысль заводить университеты въ Россіи, царь послалъ 18 молодыхъ боярскихъ людей въ Лондонъ, въ Любекъ и во Францію учиться языкамъ иноземнымъ такъ же, какъ молодые англичане и французы ѣздили тогда въ Москву учиться русскому. Умомъ естественнымъ понявъ великую истину, что народное образованіе есть сила государственная, и, видя несомнительное въономъ превосходство другихъ европейцевъ, онъ звалъ къ себѣ изъ Англіи, Голландіи, Германіи не только лѣкарей, художниковъ, ремесленниковъ, но и людей чиновныхъ въ службу. Такъ, посланникъ нашъ Микулинъ сказалъ

въ Лондонѣ тремъ путешествующимъ баронамъ нѣмецкимъ, что, если они желаютъ изъ любопытства видѣть Россію, то царь съ удовольствіемъ приметъ ихъ и съ честію отпуститъ; но если, любя славу, хотятъ служить ему умомъ и мечомъ въ дѣлѣ воинскомъ, наравнѣ съ князьями владѣтельными, то удивятся его ласкѣ и милости. Въ 1601 году Борисъ съ отмѣннымъ благоволеніемъ принялъ въ Москвѣ 35 ливонскихъ дворянъ и гражданъ, изгнанныхъ изъ отечества поляками. Они не смѣли идти во дворецъ, будучи худо одѣты; царь велѣлъ сказать имъ: „хочу видѣть людей, а не платье“; обѣдалъ съ ними, утѣшалъ ихъ и тронулъ до слезъ увѣреніемъ, что будетъ имъ вмѣсто отца: дворянъ сдѣлаетъ князьями, мѣщанъ дворянами; далъ каждому, сверхъ богатыхъ тканей и соболей, пристойное жалованье и помѣстье, не требуя въ возмездіе ничего, кромѣ любви, вѣрности и молитвы о благоденствіи его дома. Знатнѣйшій изъ нихъ, Тизенгаузенъ, клялся именемъ всѣхъ умереть за Бориса, и сіи добрые ливонцы, какъ увидимъ, не обманули царя, съ ревностію вступивъ въ его нѣмецкую дружину. Вообще благосклонный къ людямъ ума образованнаго, онъ чрезвычайно любилъ своихъ иноземныхъ медиковъ, ежедневно видѣлся съ ними, разговаривалъ о дѣлахъ государственныхъ, о вѣрѣ; часто просилъ ихъ за него молиться, и только въ удовольствіе имъ согласился на возобновленіе лютеранской церкви въ слободѣ Яузской. Пасторъ сей церкви, Мартинъ Беръ, коему мы обязаны любопытною исторіею временъ Годунова и слѣдующихъ, пишетъ: „Мирно слушая ученіе христіанское и торжественно славя Всевышняго по обрядамъ вѣры своей, нѣмцы московскіе плакали отъ радости, что дожили до такого счастія!“

Признательность иноземцевъ къ милостямъ царя не осталась безплодною для его славы: мужъ ученый Фидлеръ, житель кенигсбергскій (братъ одного изъ Борисовыхъ медиковъ), сочинилъ ему въ 1602 году на латинскомъ языкѣ похвальное слово, которое читала Европа и въ коемъ ораторъ уподобляетъ своего героя Нумѣ, превознося въ немъ законодательную мудрость, миролюбіе и чистоту нравовъ. Сію послѣднюю хвалу, дѣйствительно, заслуживалъ Борисъ, ревностный наблюдатель всѣхъ уставовъ церковныхъ и правилъ благочинія, трезвый, воздержный, трудолюбивый, врагъ забавъ суетныхъ и примѣръ въ жизни семейственной, супругъ, родитель нѣжный, особенно къ милому, ненаглядному сыну, котораго онъ любилъ до слабости, ласкалъ непрестанно, называлъ своимъ велителемъ, не пускалъ никуда отъ себя, воспитывалъ съ отмѣннымъ стараніемъ, даже училъ наукамъ: любопытнымъ памятникомъ географическихъ свѣдѣній сего царевича осталась ландкарта Россіи, изданная подъ его именемъ въ

1614 году нѣмцемъ Герардомъ. Готовя въ сынѣ достойнаго монарха для великой державы и заблаговременно пріучая всѣхъ любить Ѳеодора, Борисъ въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ давалъ ему право ходатая, заступника, умирителя; ждалъ его слова, чтобы оказать милость и снисхожденіе, дѣйствуя и въ семъ случаѣ, безъ сомнѣнія, какъ искусный политикъ, но еще болѣе, какъ страстный отецъ, и своимъ семейственнымъ счастіемъ доказывая, сколь неизъяснимо сліяніе добра и зла въ сердцѣ человѣческомъ!

Но время приближалось, когда сей мудрый властитель, достойно славимый тогда въ Европѣ за свою разумную политику, любовь къ просвѣщенію, ревность быть истиннымъ отцомъ отечества, наконецъ за благонравіе въ жизни общественной и семейственной, долженъ былъ вкусить горькій плодъ беззаконія и сдѣлаться одною изъ удивительныхъ жертвъ суда небеснаго. Предтечами были внутреннее безпокойство Борисова сердца и разные бѣдственные случаи, коимъ онъ еще усильно противоборствовалъ твердостію духа, чтобы вдругъ оказать себя слабымъ и какъ бы безпомощнымъ въ послѣднемъ явленіи своей судьбы чудесной.

ГЛАВА II.

Продолженіе царствованія Борисова.

1600—1605.

Блестящее властвованіе Годунова. — Молитва о царѣ. — Подозрѣнія Борисовы.—Гоненія.—Голодъ. — Новыя зданія въ Кремлѣ. — Разбои.— Порочные нравы. — Мнимыя чудеса. — Явленіе Самозванца. — Поведеніе и наружность обманщика.—Іезуиты.—Свиданіе Лжедимитрія съ королемъ польскимъ.—Письмо къ папѣ.—Собраніе войска.— Договоры Лжедимитрія съ Мнишкомъ. — Мѣры, взятыя Борисомъ.—Первая измѣна.—Витязь Басмановъ.—Робость Годунова.—Общее расположеніе умовъ.— Великодушіе Борисово.— Битва.— Поляки оставляютъ Самозванца.—Честь Басманову.—Побѣда воеводъ Борисовыхъ.—Осада Кромъ.—Письмо Самозванца къ Борису.—Кончина Годунова.

Достигнувъ цѣли, возникнувъ изъ ничтожности рабской до высоты самодержца усиліями неутомимыми, хитростью неусыпною, коварствомъ, происками, злодѣйствомъ, наслаждался ли Годуновъ въ полной мѣрѣ своимъ величіемъ, коего алкала душа его,—величіемъ, купленнымъ столь дорогою цѣною? Наслаждался ли и чистѣйшимъ удовольствіемъ души, благотворя подданнымъ и тѣмъ заслуживая любовь отечества? По крайней мѣрѣ недолго.

Первые два года сего царствованія казались лучшимъ временемъ Россіи съ XV вѣка или съ ея возстановленія: она была на вышней степени своего новаго могущества, безопасная собственными силами и счастіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а внутри управляемая съ мудрою твердостію и съ кротостію необыкновенною. Борисъ исполнялъ обѣтъ царскаго вѣнчанія и справедливо хотѣлъ именоваться отцомъ народа, уменьшивъ его тягости; отцомъ сирыхъ и бѣдныхъ, изливая на нихъ щедроты безпримѣрныя; другомъ человѣчества, не касаясь жизни людей, не обагряя земли русской ни каплею крови и наказывая преступниковъ только ссылкою. Купечество, менѣе стѣсняемое въ торговлѣ; войско, въ мирной тишинѣ осыпаемое наградами; дворяне, приказные люди, знаками милости отличаемые за ревностную службу; синклитъ, уважаемый царемъ дѣятельнымъ и совѣтолюбивымъ; духовенство, чтимое царемъ набожнымъ — однимъ словомъ, всѣ государственныя состоянія могли быть довольны за себя и еще довольнѣе за отечество, видя, какъ Борисъ въ Европѣ и въ Азіи возвеличилъ имя Россіи безъ кровопролитія и безъ тягостнаго напряженія силъ ея; какъ радѣетъ о благѣ общемъ, правосудіи, устройствѣ. Итакъ, неудивительно, что Россія, по сказанію современниковъ, любила своего вѣнценосца, желая забыть убіеніе Димитрія или сомнѣваясь въономъ!

Но вѣнценосецъ зналъ свою тайну и не имѣлъ утѣшенія вѣрить любви народной; благотворя Россіи, скоро началъ удаляться отъ россіянъ; отмѣнилъ уставъ временъ древнихъ: не хотѣлъ, въ извѣстные дни и часы, выходить къ народу, выслушивать его жалобы и собственными руками принимать челобитныя; являлся рѣдко, и только въ пышности недоступной. Но, убѣгая людей какъ бы для того, чтобы лицомъ монарха не напомнить имъ лицо бывшаго раба Іоаннова, онъ хотѣлъ невидимо присутствовать въ ихъ жилищахъ или въ мысляхъ и, недовольный обыкновенною молитвою въ храмахъ о государѣ и государствѣ, велѣлъ искуснымъ книжникамъ составить особенную для чтенія во всей Россіи, во всѣхъ домахъ, на трапезахъ и вечеряхъ, за чашами, о душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи „слуги Божія, царя Всевышнимъ избраннаго и превознесеннаго, самодержца всей восточной страны и сѣверной; о царицѣ и дѣтяхъ ихъ; о благоденствіи и тишинѣ отечества и церкви подъ скипетромъ единаго христіанскаго вѣнценосца въ мірѣ, чтобы всѣ иные властители предъ нимъ уклонялись и рабски служили ему, величая имя его отъ моря до моря и до конца вселенныя; чтобы россіяне всегда съ умиленіемъ славили Бога за такого монарха, коего умъ есть пучина мудрости, а сердце исполнено любви и долготерпѣнія; чтобы всѣ земли трепетали меча нашего, а земля Русская непре-

станно высилась и расширялась; чтобы юныя, цвѣтущія вѣтви Борисова дому возросли благословеніемъ Небеснымъ и непрерывно осѣнили оную до скончанія вѣковъ!“ То-есть святое дѣйствіе души человѣческой, ея таинственное сношеніе съ Небомъ, Борисъ дерзнулъ осквернить своимъ тщеславіемъ и лицемѣріемъ, заставивъ народъ свидѣтельствовать предъ Окомъ Всевидящимъ о добродѣтеляхъ убійцы, губителя и хищника! Но Годуновъ, какъ бы не страшась Бога, тѣмъ болѣе страшился людей, и еще до ударовъ судьбы, до измѣнъ счастія и подданныхъ, еще спокойный на престолѣ, искренно славимый, искренно любимый, уже не зналъ мира душевного; уже чувствовалъ, что если путемъ беззаконія можно достигнуть величія, то величіе и блаженство, самое земное, не одно знаменуютъ.

Сіе внутреннее безпокойство души, неизбѣжное для преступника, обнаружилось въ царѣ несчастными дѣйствіями подозрѣнія, которое, тревожа его, скоро встревожило и Россію. Мы видѣли, что онъ, касаясь рукою вѣнца Мономахова, уже мечталъ о тайныхъ ковахъ противъ себя, ядѣ, чародѣйствѣ, ибо естественно думалъ, что и другіе, подобно ему, могли имѣть жажду къ верховной власти, лицемѣріе и дерзость. Нескромно открывъ боязнь свою и взявъ съ россіянъ клятву постыдную, Борисъ столь же естественно не довѣрялъ ей: хотѣлъ быть на стражѣ неусыпной, все видѣть и слышать, чтобы предупредить всѣ умыслы; возстановилъ для того бѣдственную Іоаннову систему доносовъ и ввѣрилъ судьбу гражданъ, дворянства, вельможъ сонму гнусныхъ извѣтниковъ.

Первою знаменитою жертвою подозрѣнія и доносовъ былъ тотъ, съ кѣмъ Годуновъ жилъ нѣкогда душа въ душу, кто охотно дѣлилъ съ нимъ милость Іоаннову и страдалъ за него при Өеодорѣ—свойственникъ царицы Маріи, Бѣльскій. Спасенный Годуновымъ отъ злобы народной во время московскаго мятежа, но оставленный надолго въ честной ссылкѣ, снова призванный ко двору, но безъ всякаго отличія, и въ самое царствованіе Бориса удостоенный только второстепеннаго думнаго сана, сей главный любимецъ Грознаго, считая себя благодѣтелемъ Годунова, могъ быть или казаться недовольнымъ, слѣдственно виновнымъ въ глазахъ царя, имѣя еще и другую, важнѣйшую вину за собою: онъ зналъ лучше иныхъ глубину Борисова сердца! Въ 1600 году царь послалъ его въ дикую степь строить новую крѣпость Борисовъ на берегу Донца Сѣверскаго, безъ сомнѣнія не въ знакъ милости; но Бѣльскій, стыдясь представлять лицо уничиженнаго, ѣхалъ въ отдаленныя пустыни, какъ на знатнѣйшое воеводство, съ необыкновенною пышностію, съ богатою казною и множествомъ слугъ; велѣлъ заложить городъ своимъ, а не царскимъ людямъ;

ежедневно угощалъ стрѣльцовъ и казаковъ, давалъ имъ одежду и деньги, не требуя ничего отъ государя. Слѣдствіемъ было то, что новую крѣпость построили скорѣе и лучше всѣхъ другихъ крѣпостей, что дѣлатели не скучали работою, любя, славя начальника. А царю донесли, что начальникъ, милостію прельстивъ воиновъ, думаетъ объявить себя независимымъ и говоритъ: „Борисъ царь въ Москвѣ, а я — царь въ Борисовѣ!“ Сію клевету, основанную, вѣроятно, на тщеславіи и какомъ-нибудь неосторожномъ словѣ Бѣльскаго, приняли за истину (ибо Годуновъ желалъ избавиться отъ стариннаго безпокойнаго друга) и рѣшили, что онъ достоинъ смерти; но царь, хвалясь милосердіемъ, велѣлъ только взять у него имѣніе и выщипать ему всю длинную, густую бороду, избравъ шотландскаго хирурга Габріеля для совершенія такой новой казни. Бѣльскій снесъ позоръ и заточенный въ одинъ изъ низовыхъ городовъ, дожилъ тамъ до случая отмстить неблагодарному хотя въ могилѣ. Умный, опытный въ дѣлахъ государственныхъ, сей преемникъ Малюты Скуратова былъ ненавистенъ россіянамъ страшными воспоминаніями своихъ дней счастливыхъ, а иноземцамъ своею жестокою къ нимъ непріязнію, которою онъ могъ гнѣвить и Бориса, ихъ ревностнаго покровителя. Мало жалѣли о старомъ, безродномъ временщикѣ; но его опала предшествовала другой, гораздо чувствительнѣйшей для знатныхъ родовъ и для всего отечества.

Память добродѣтельной Анастасіи и свойство Романовыхъ-Юрьевыхъ съ царскимъ домомъ Мономаховой крови были для нихъ правомъ на общее уваженіе и самую любовь народа. Бояринъ Никита Романовичъ, достойный сей любви и личными благородными качествами, оставилъ 5 сыновей: Өедора, Александра, Михайла, Ивана и Василія, въ послѣдній часъ жизни моливъ Годунова быть имъ вмѣсто отца. Честя ихъ наружно, давъ старшимъ, Өедору и Александру, боярство, Михайлу санъ окольничаго, и женивъ своего ближняго, Ивана Ивановича Годунова на ихъ меньшей сестрѣ Иринѣ, Борисъ внутренно опасался Романовыхъ, какъ совмѣстниковъ для его юнаго сына, ибо носилась молва, что Өеодоръ, за нѣсколько времени до кончины, мыслилъ объвить старшаго изъ нихъ наслѣдникомъ государства; молва, вѣроятно, несправедливая; но они, будучи единокровными Анастасіи и двоюродными братьями Өеодора, казались народу ближайшими къ престолу. Сего было достаточно для злобы Борисовой, усиленной насказами родственниковъ царскихъ; но гоненіе требовало предлога, если не для успокоенія совѣсти, то для мнимой безопасности гонителя, чтобы личиною закона прикрыть злодѣйство, какъ иногда поступалъ Грозный и самъ Борисъ, избавляя себя отъ ненавистныхъ ему людей въ Өеодорово время.

Надежнѣйшими извѣтниками считались тогда рабы: желая ободрить ихъ въ семъ предательствѣ, царь не устыдился явно наградить одного изъ слугъ боярина князя Ѳедора, Шестунова, за ложный доносъ на господина въ недоброхотствѣ къ вѣнценосцу: Шестунова еще не тронули, но всенародно, на площади сказали клеветнику милостивое слово государево, дали вольность, чинъ и помѣстье. Между тѣмъ шептали слугамъ Романовымъ, что ихъ за такое же усердіе ждетъ еще важнѣйшая милость царская. И главный клевретъ новаго тиранства, новый Малюта Скуратовъ, вельможа Семенъ Годуновъ, изобрѣлъ способъ уличить невинныхъ въ злодѣйствѣ, надѣясь на общее легковѣріе и невѣжество, подкупивъ казначея Романовыхъ, далъ ему мѣшки наполненные кореньями, велѣлъ спрятать въ кладовой у боярина Александра Никитича и донести на своихъ господъ, что они тайно занимаясь составомъ яда, умышляютъ на жизнь вѣнценосца. Вдругъ сдѣлалась въ Москвѣ тревога: синклитъ и всѣ знатные чиновники спѣшатъ къ патріарху; посылаютъ окольничаго Михайла Салтыкова для обыска въ кладовой у боярина Александра, находятъ тамъ мѣшки, несутъ къ Іову и въ присутствіи Романовыхъ высыпаютъ коренья, будто бы волшебные, изготовленные для отравленія царя. Всѣ въ ужасѣ—и вельможи, усердные, подобно римскимъ сенаторамъ Тиберіева или Неронова времени, съ воплемъ кидаются на мнимыхъ злодѣевъ, какъ дикіе звѣри на агнцовъ, грозно требуютъ отвѣта и не слушаютъ его въ шумѣ. Отдаютъ Романовыхъ подъ крѣпкую стражу и велятъ судить, какъ судятъ беззаконіе.

Сіе дѣло есть одно изъ гнуснѣйшихъ Борисова ожесточенія и безстыдства. Не только Романовымъ, но и всѣмъ ихъ ближнимъ надлежало погибнуть, чтобы не осталось мстителей на землѣ за невинныхъ страдальцевъ. Взяли князей Черкасскихъ, Шестуновыхъ, Репниныхъ, Карповыхъ, Сицкихъ: знатнѣйшаго изъ послѣднихъ, князя Ивана Васильевича, намѣстника астраханскаго, привезли въ Москву скованнаго съ женою и сыномъ. Допрашивали, ужасали пыткою, особенно Романовыхъ; мучили, терзали слугъ ихъ, безжалостно и безполезно: никто не утѣшилъ тирана клеветою на самого себя или на другихъ; вѣрные рабы умирали въ мукахъ, свидѣтельствуя единственно о невинности господъ своихъ передъ царемъ и Богомъ. Но судіи не дерзали сомнѣваться въ истинѣ преступленія, столь грубо вымышленнаго, и прославили неслыханное милосердіе царя, когда онъ велѣлъ имъ осудить Романовыхъ, со всѣми ихъ ближними, единственно на заточеніе, какъ уличенныхъ въ измѣнѣ и въ злодѣйскомъ намѣреніи извести государя средствами волшебства. Въ іюнѣ 1601 года исполнился приговоръ боярскій: Ѳеодора Никитича Романова (бу-

дущаго знаменитаго іерарха), постриженнаго и названнаго Филаретомъ, сослали въ Сійскую Антовіеву обитель; супругу его Ксенію Ивановну, также постриженную и названную Мароою, въ одинъ изъ заонежскихъ погостовъ; тещу Өедорову, дворянку Шестову въ Чебоксары, въ Никольскій дѣвичій монастырь; Александра Никитича въ Усолье-Луду, къ Бѣлому морю; третьяго Романова, Михайла, въ Великую Пермь, въ Ныробскую волость; четвертаго, Ивана, въ Пелымъ; пятаго, Василья, въ Яренскъ; зятя ихъ, князя Бориса Черкасскаго, съ женою и съ дѣтьми ея брата, Өедора Никитича, съ шестилѣтнимъ Михаиломъ (будущимъ царемъ!) и съ юною дочерью, на Бѣлоозеро; сына Борисова, князя Ивана, въ Малмыжъ на Вятку; князя Ивана Васильевича Сицкаго въ Кожеозерскій монастырь, а жену его въ пустыню Сумскаго острога; другихъ Сицкихъ, Өедора и Владиміра Шестуновыхъ, Карповыхъ и князей Репниныхъ—въ темницы разныхъ городовъ; одного же изъ послѣднихъ, воеводу Яренскаго, будто бы за расхищеніе царскаго достоянія, въ Уфу. Вотчины и помѣстья опальныхъ роздали другимъ; имѣніе движимое и домы взяли въ казну.

Но гоненіе не кончилось ссылкою и лишеніемъ собственности: не вѣря усердію или строгости мѣстныхъ начальниковъ, послали съ несчастными московскихъ приставовъ, коимъ надлежало смотрѣть за ними неусыпно, давать имъ нужное для жизни и доносить царю о каждомъ ихъ словѣ значительномъ. Никто не смѣлъ взглянуть на оглашенныхъ измѣнниковъ, ни ходить близъ уединенныхъ домовъ, гдѣ они жили, внѣ городовъ и селеній, вдали отъ большихъ дорогъ, нѣкоторые въ землянкахъ и даже скованные. Въ монастырь Сійскій не пускали богомольцевъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не доставилъ письма Өедору Никитичу, иноку невольному, но ревностному въ благочестіи: коварный приставъ, съ умысломъ заговаривая ему о дворѣ, семействѣ и друзьяхъ его, доносилъ царю, что Филаретъ не находитъ между боярами и вельможами ни одного весьма умнаго, способнаго къ дѣламъ государственнымъ, кромѣ опальнаго Богдана Бѣльскаго, и считаетъ себя жертвою ихъ злобныхъ навѣтовъ; что хотя занимается единственно спасеніемъ души, но тоскуетъ о женѣ и дѣтяхъ, не зная, гдѣ они безъ него сиротствуютъ, и моля Бога о скоромъ концѣ ихъ бѣдственной жизни (Богъ не услышалъ сей молитвы, къ счастію Россіи!). Донесли также царю, что Василій Романовичъ, отягченный болѣзнію и цѣпями, не хотѣлъ однажды славить милосердія Борисова, сказавъ приставу: „истинная добродѣтель не знаетъ тщеславія“. Но Борисъ, какъ бы желая доказать узнику истину своего милосердія, велѣлъ снять съ него цѣпи, объявить за нихъ царскій гнѣвъ приставу, излишне ревностному въ угне-

тенія опальныхъ, перевезти недужнаго Василія въ Пелымъ къ брату Ивану Никитичу, лишенному движенія въ рукѣ и ногѣ отъ удара, и дать имъ печальное утѣшеніе страдать вмѣстѣ. Василій отъ долговременной болѣзни скончался (15 февраля 1602) подъ молитвою брата и великодушнаго раба, который, вѣрно служивъ господину въ чести, служилъ ему и въ оковахъ съ усердіемъ нѣжнаго сына; Александръ и Михайло Никитичи также не долго жили въ темницѣ, бывъ жертвою горести, или насильственной смерти, какъ пишутъ: перваго схоронили въ Лудѣ, второго въ семи верстахъ отъ Чардыня, близъ села Ныроба, въ мѣстѣ пустынномъ, гдѣ надъ могилою выросли два кедра. Донынѣ въ церкви Ныробской хранятся Михайловы тяжкія оковы и старцы еще разсказываютъ тамъ о великодушномъ терпѣніи, о чудесной силѣ и крѣпости сего мужа, о любви къ нему всѣхъ жителей, коихъ дѣти приходили къ его темницѣ играть на свирѣляхъ, и сквозь отверстія землянки подавали узнику все лучшее, что имѣли для утоленія голода и жажды,—любовь, за которую ихъ гнали при Годуновѣ и наградили въ царствованіе Романовыхъ милостивою обѣльною грамотою. Если вѣрить лѣтописцу, то Борисъ, велѣвъ удавить въ монастырѣ князя Ивана Сицкаго съ женою, хотѣлъ уморить голодомъ и недужнаго Ивана Романова; но бумаги приказныя свидѣтельствуютъ, что послѣдній имѣлъ весьма не бѣдное содержаніе, ежедневно два или три блюда, мясо, рыбу, бѣлый хлѣбъ, и что у пристава его было 90 (450 нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей въ казнѣ, для доставленія ему нужнаго. Скоро участь опальныхъ смягчилась, отъ политики ли царя (ибо народъ жалѣлъ объ нихъ), или отъ ходатайства зятя Романовыхъ, крайчаго Ивана Ивановича Годунова. Въ мартѣ 1602 царь милостиво указалъ Ивану Романову (оставляя его подъ надзоромъ, но уже безъ имени злодѣя) ѣхать въ Уфу на службу, откуда въ Нижній-Новгородъ, и наконецъ въ Москву вмѣстѣ съ племянникомъ, княземъ Иваномъ Черкасскимъ; Сицкихъ послалъ воеводствовать въ города низовскіе (освободилъ ли Шестуновыхъ и Репниныхъ—неизвѣстно), а княгинѣ Черкасской Мароѣ Никитишнѣ, овдовѣвшей на Бѣлоозерѣ, велѣлъ жить съ невѣсткою, сестрою и дѣтьми Ѳедора Никитича, въ отчинѣ Романовыхъ Юрьевскаго уѣзда, въ селѣ Клинѣ, гдѣ лишенный отца и матери, но блюдомый Провидѣніемъ, дожилъ семилѣтній отрокъ Михаилъ, грядущій вѣнценосецъ Россіи, до гибели Борисова племени. Царь хотѣлъ изъявить милость и Филарету, позволилъ ему стоять въ церкви на клиросѣ, взять къ себѣ чернеца въ келію для услугъ и бесѣды; приказалъ всѣмъ довольствовать своего измѣнника (еще такъ называя сего мужа непорочнаго въ совѣсти) и для богомольцевъ отворить монастырь Сійскій, но не пус-

кать ихъ къ опальному иноку; приказалъ, наконецъ (въ 1605 г.), посвятить Филарета въ іеромонахи и въ архимандриты, чтобы тѣмъ болѣе удалить его отъ міра.

Ни одни Романовы были страшилищемъ для Борисова воображенія. Онъ запретилъ князьямъ Мстиславскому и Василію Шуйскому жениться, думая, что ихъ дѣти, по древней знатности своего рода, могли бы также состязаться съ его сыномъ о престолѣ. Между тѣмъ, устраняя будущія мнимыя опасности для юнаго Ѳеодора, робкій губитель трепеталъ настоящихъ; волнуемый подозрѣніями, непрестанно боясь тайныхъ злодѣевъ и равно боясь заслужить народную ненависть мучительствомъ, гналъ и миловалъ: сослалъ воеводу, князя Владиміра Бахтѣярова-Ростовскаго, и простилъ его; удалилъ отъ дѣлъ знаменитаго дьяка Щелкалова, но безъ явной опалы; нѣсколько разъ удалялъ и Шуйскихъ и снова приближалъ къ себѣ,—ласкалъ ихъ, и въ то же время грозилъ немилостію всякому, кто имѣлъ обхожденіе съ ними. Не было торжественныхъ казней, но морили несчастныхъ въ темницахъ, пытали по доносамъ. Сонмы извѣтниковъ, если не всегда награждаемыхъ, то всегда свободныхъ отъ наказанія за ложь и клевету, стремились къ царскимъ палатамъ изъ домовъ боярскихъ и хижинъ, изъ монастырей и церквей: слуги доносили на господъ, иноки, попы, дьячки, просвирницы на людей всякаго званія, самыя жены на мужей, самыя дѣти на отцовъ, къ ужасу человѣчества! „И въ дикихъ ордахъ (прибавляетъ лѣтописецъ) не бываетъ столь великаго зла: господа не смѣли глядѣть на рабовъ своихъ, ни ближніе искренно говорить между собою, а когда говорили, то взаимно обязывались страшною клятвою не измѣнять скромности“. Однимъ словомъ, сіе печальное время Борисова царствованія, уступая Іоаннову въ кровопійствѣ, не уступало ему въ беззаконіи и развратѣ,—наслѣдство гибельное для будущаго! Но великодушіе еще дѣйствовало въ россіянахъ (оно пережило Іоанна и Годунова, чтобы спасти отечество): жалѣли о невинныхъ страдальцахъ и мерзили постыдными милостями вѣнценосца къ доносителямъ; другіе боялись за себя, за ближнихъ—и скоро неудовольствіе сдѣлалось общимъ. Еще многіе славили Бориса; приверженники, льстецы, извѣтники, утучняемые стяжаніемъ опальныхъ; еще знатное духовенство, какъ увѣряютъ, хранило въ душѣ усердіе къ вѣнценосцу, который осыпалъ святителей знаками благоволенія: но гласъ отечества уже не слышался въ хвалѣ частной, корыстолюбивой, и молчаніе народа, служа для царя явною укоризною, возвѣстило важную перемѣну въ сердцахъ россіянъ; они уже не любили Бориса.

Такъ говоритъ лѣтописецъ современный, безпристрастный, и самъ знаменитый въ нашей исторіи своею государственною доб-

лестію: келарь Палицынъ. Народы всегда благодарны: оставляя Небу судить тайну Борисова сердца, россіяне искренно славили царя, когда онъ, подъ личиною добродѣтели, казался имъ отцомъ народа; но, признавъ въ немъ тирана, естественно возненавидѣли его и за настоящее, и за минувшее; въ чемъ, можетъ быть, хотѣли сомнѣваться, въ томъ снова удостовѣрились, и кровь Дмитріева явнѣе означилась для нихъ на порфирѣ губитиля невинныхъ; вспомнили судьбу Углича и другихъ жертвъ мстительнаго властолюбія Годунова; безмолвствовали, но тѣмъ сильнѣе чувствовали въ присутствіи извѣтниковъ—и тѣмъ сильнѣе говорили въ святилищахъ недоступныхъ для услужниковъ тиранства, коего время бываетъ и царствомъ клеветы, и царствомъ ненарушимой скромности. Тамъ, въ тихихъ бесѣдахъ дружества, неумолимая истина обнажала, а ненависть чернила Бориса, упрекая его не только душегубствомъ, гоненіемъ людей знаменитыхъ, грабежомъ ихъ достоянія, алчностью къ прибытку беззаконному, корыстолюбивымъ введеніемъ откуповъ, размноженіемъ казенныхъ домовъ питейныхъ, порчею нравовъ, но и пристрастіемъ къ иноземнымъ, новымъ обычаямъ (изъ коихъ брадобритіе особенно соблазняло усердныхъ старовѣровъ), даже наклонностію къ армянской и къ латинской ереси! Какъ любовь, такъ и ненависть рѣдко бываютъ довольны истиною: первая въ хвалѣ, послѣдняя въ осужденіи. Годунову ставили въ вину и самую ревность его къ просвѣщенію!

Въ сіе время общей нелюбви къ Борису онъ имѣлъ случай доказать свою чувствительность къ народному бѣдствію, заботливость, щедрость необыковенную; но и тѣмъ уже не могъ тронуть сердецъ, къ нему остылыхъ. Среди естественнаго обилія и богатства земли плодоносной, населенной хлѣбопашцами трудолюбивыми, среди благословеній долговременнаго мира, и въ царствованіе дѣятельное, предусмотрительное, пала на милліоны людей казнь страшная: весною, въ 1601 году, небо омрачилось густою тьмою и дожди лили въ теченіе десяти недѣль непрестанно, такъ что жители сельскіе пришли въ ужасъ, не могли ничѣмъ заниматься, ни косить, ни жать; а 15 августа жестокій морозъ повредилъ какъ зеленому хлѣбу, такъ и всѣмъ плодамъ незрѣлымъ. Еще въ житницахъ и въ гумнахъ находилось немало стараго хлѣба; но земледѣльцы, къ несчастію, засѣяли поля новымъ, гнилымъ, тощимъ и не видали всходовъ ни осенью, ни весною; все истлѣло и смѣшалось съ землею. Между тѣмъ запасы изошли и поля уже остались незасѣянными. Тогда началося бѣдствіе, и вопль голодныхъ встревожилъ царя: не только гумна въ селахъ, но и рынки въ столицѣ опустѣли, и четверть ржи возвысилась цѣною отъ 12 и 15 денегъ до трехъ (пятнадцати нынѣшнихъ се-

ребряныхъ) рублей. Борисъ велѣлъ отворить царскія житницы въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, убѣдилъ духовенство и вельможъ продавать хлѣбные свои запасы также низкою цѣною, отворилъ и казну: въ четырехъ оградахъ, сдѣланныхъ близъ деревянной стѣны московской, лежали кучи серебра для бѣдныхъ; ежедневно, въ часъ утра, каждому давали двѣ московки, деньгу или копейку. Но голодъ свирѣпствовалъ, ибо хитрые корыстолюбцы обманомъ скупали дешевый хлѣбъ въ житницахъ казенныхъ, святительскихъ, боярскихъ, чтобы возвышать его цѣну и торговать имъ съ прибыткомъ безсовѣстнымъ; бѣдные, получая въ день копейку серебряную, не могли питаться. Самое благодѣяніе обратилось во зло для столицы: изъ всѣхъ ближнихъ и дальныхъ мѣстъ земледѣльцы съ женами и дѣтьми стремились толпами въ Москву за царскою милостынею, умножая тѣмъ число нищихъ. Казна раздавала въ день нѣсколько тысячъ рублей, и безполезно: голодъ усиливался и, наконецъ, достигъ крайности столь ужасной, что нельзя безъ трепета читать ея достовѣрнаго описанія въ преданіяхъ современниковъ. „Свидѣтельствуюсь истиною и Богомъ,—пишетъ одинъ изъ нихъ,—что я собственными глазами видѣлъ въ Москвѣ людей, которые, лежа на улицахъ, подобно скоту, щипали траву и питались ею; у мертвыхъ находили во рту сѣно“. Мясо лошадиное казалось лакомствомъ: ѣли собакъ, кошекъ, стерво, всякую нечистоту. Люди сдѣлались хуже звѣрей: оставляли семейства и женъ, чтобы не дѣлиться съ ними кускомъ послѣднимъ. Не только грабили, убивали за ломоть хлѣба, но и пожирали другъ друга. Путешественники боялись хозяевъ, и гостиницы стали вертепами душегубства: давили, рѣзали сонныхъ для ужасной пищи. Мясо человѣческое продавалось въ пирогахъ на рынкахъ! Матери глодали трупы своихъ младенцевъ! Злодѣевъ казнили, жгли, кидали въ воду; но преступленія не уменьшались. И въ сіе время другіе изверги копили, берегли хлѣбъ въ надеждѣ продать его еще дороже! Гибло множество въ неизъяснимыхъ мукахъ голода. Вездѣ шатались полумертвые, падали, издыхали на площадяхъ. Москва заразилась бы смрадомъ гніющихъ тѣлъ, если бы царь не велѣлъ, на свое иждивеніе, хоронить ихъ, истощая казну и для мертвыхъ. Приставы ѣздили въ Москвѣ изъ улицы въ улицу, подбирали мертвецовъ, обмывали, завертывали въ бѣлые саваны, обували въ красные башмаки или коты и сотнями возили за городъ въ три скудельницы, гдѣ въ два года и четыре мѣсяца было схоронено 127,000 труповъ, кромѣ погребенныхъ людьми христолюбивыми у церквей приходскихъ. Пишутъ, что въ одной Москвѣ умерло тогда 500,000 человѣкъ, а въ селахъ и въ другихъ областяхъ еще несравненно болѣе, отъ голода и холода: ибо зимою нищіе толпами замерзали

на дорогахъ. Пища неестественная также производила болѣзни и моръ, особенно въ Смоленскомъ уѣздѣ, куда царь въ одно время послалъ 20,000 рублей для бѣдныхъ, не оставивъ ни одного города въ Россіи безъ вспоможенія, и если не спасая многихъ, то вездѣ уменьшая число жертвъ, такъ что сокровищница московская, полная отъ благополучнаго Ѳеодорова царствованія, казалась неистощимою. И всѣ иныя возможныя мѣры были имъ приняты: онъ не только въ ближнихъ городахъ скупалъ, цѣною имъ опредѣленною, волею и неволею, всѣ хлѣбные запасы у богатыхъ, но послалъ и въ самыя дальнія, изобильнѣйшія мѣста освидѣтельствовать гумна, гдѣ еще нашлися огромные скирды, въ теченіе полувѣка неприкосновенные и поросшіе деревьями; велѣлъ немедленно молотить и везти хлѣбъ, какъ въ Москву, такъ и въ другія области. Въ доставленіи встрѣчались неминуемыя, едва одолимыя трудности: во многихъ мѣстахъ на пути не было ни подводъ, ни корму; ямщики и всѣ жители сельскіе разбѣгались. Обозы шли Россіею какъ бы пустынею африканскою, подъ мечами и копьями воиновъ, опасаясь нападенія голодныхъ, которые не только внѣ селеній, но и въ Москвѣ, на улицахъ и рынкахъ, силою отнимали съѣстное. Наконецъ, дѣятельность верховной власти устранила всѣ препятствія, и въ 1603 году мало-по-малу исчезли всѣ знаменія ужаснѣйшаго изъ золъ: снова явилось обиліе, и такое, что четверть хлѣба упала цѣною отъ трехъ рублей до 10 копеекъ, къ восхищенію народа и къ отчаянію корыстолюбцевъ, еще богатыхъ тайными запасами ржи и пшеницы! Памятникомъ бывшей, безпримѣрной дороговизны осталась навсегда, какъ сказано въ лѣтописяхъ, ею введенная, новая мѣра четверика, ибо до 1601 года хлѣбъ продавали въ Россіи единственно оковами, бочками или кадями, четвертями и осьминами.

Бѣдствіе прекратилось, но слѣды его не могли быть скоро изглажены: замѣтно уменьшилось число людей въ Россіи и достояніе многихъ; оскудѣла, безъ сомнѣнія, и казна, хотя Годуновъ, великодушно расточая оную для спасенія народнаго, не только не убавилъ своей обыкновенной пышности царской, но еще болѣе нежели когда-нибудь хотѣлъ блистать оною, чтобы закрыть тѣмъ дѣйствіе гнѣва небеснаго, особенно для пословъ иноземныхъ, окружая ихъ на пути, отъ границы до Москвы, призраками изобилія и роскоши: вездѣ являлись люди, богато или красиво одѣтые, вездѣ рынки полные товаровъ, мяса и хлѣба, и ни единаго нищаго, тамъ гдѣ за версту въ сторону могилы наполнялись жертвами голода. Въ сіе-то время Борисъ столь пышно угощалъ своего нареченнаго зятя, герцога датскаго, и въ сіе же время украшалъ древній Кремль новыми зданіями: въ 1600 году, воздвигнувъ огромную колокольню Ивана Великаго, пристроилъ,

въ 1601 и 1602 годахъ, на мѣстѣ сломаннаго деревяннаго дворца Іоаннова, двѣ большія каменныя палаты къ Золотой и Грановитой, столовую и панихидную, чтобы доставить тѣмъ работу и пропитаніе людямъ бѣднымъ, соединяя съ милостію пользу и во дни плача думая о великолѣпіи! Однакожъ не московскіе лѣтописцы, а только чужеземные историки упрекаютъ Бориса гордостію неуклонною и въ общемъ бѣдствіи суетою, тщеславіемъ, разсказывая, что онъ запретилъ тогда россіянамъ купить весьма умѣренною цѣною знатное количество ржи у нѣмцевъ въ Ивангородѣ, стыдясь питать народъ свой чужимъ хлѣбомъ. Извѣстіе, конечно, несправедливое, ибо наши государственныя бумаги, свидѣтельствуя о приходѣ туда нѣмецкихъ кораблей съ хлѣбомъ въ 1602 году, не упоминаютъ о такомъ жестокомъ запретѣ. Борисъ, оказавъ въ семъ несчастіи столько дѣятельности и столько щедрости, чтобы удостовѣрить Россію въ любви истинно отеческой царя къ подданнымъ, не могъ явно жертвовать ихъ спасеніемъ тщеславію безумному.

Но Борисъ не обольстилъ россіянъ своими благодѣяніями, ибо мысль, для него страшная, господствовала въ душахъ — мысль, что Небо за беззаконія царя казнитъ царство. „Изливая на бѣдныхъ щедроты, — говорятъ лѣтописцы, — онъ въ золотой чашѣ подавалъ имъ кровь невинныхъ, да піютъ во здравіе; питалъ ихъ милостынею богопротивною, расхитивъ имѣніе вельможъ честныхъ и древнія сокровища царскія осквернивъ добычею грабежа“. Россія не благоденствовала въ новомъ избиліи, не имѣла времени успокоиться: открылось новое бѣдствіе, въ коемъ современники непосредственно винили Бориса.

Еще Іоаннъ IV, желая населить литовскую Украйну, землю Сѣверскую, людьми годными къ ратному дѣлу, не мѣшалъ въ ней укрываться и спокойно жительствовать преступникамъ, которые уходили туда отъ казни, ибо думалъ, что они, въ случаѣ войны, могутъ быть надежными защитниками границы. Борисъ, любя слѣдовать многимъ государственнымъ мыслямъ Іоанновымъ, послѣдовалъ и сей, весьма ложной и весьма несчастной, ибо незнаемо изготовилъ тѣмъ многочисленную дружину злодѣевъ въ услугу врагамъ отечества и собственнымъ. „Великій разумъ и жестокость Грознаго, — по словамъ лѣтописца, — не давали двинуться зміямъ, а кроткій набожный Ѳеодоръ связывалъ ихъ своею молитвою“; но Борисъ увидѣлъ зло, и еще увеличилъ его другими плодами своего мудрованія, несогласнаго съ вѣчными уставами правды. Издревле бояре наши окружали себя толпами слугъ, вольныхъ и крѣпостныхъ; издревле также любили кабалить первыхъ. Законъ, изданный въ Ѳеодорово время, единственно въ угодность знатному дворянству объ укрѣпленіи всѣхъ лю-

дей, служащихъ господамъ не менѣе шести мѣсяцевъ, совершенно прекратилъ родъ вольныхъ слугъ въ нашемъ отечествѣ и наполнилъ домы боярскіе рабами, коими сдѣлались тогда, въ противность Іоаннову. Судебнику, даже и многіе люди воинскіе, благородные, отъ нищеты, но безъ стыда служивъ богачамъ именитымъ,—законъ, недостойный сего имени своею явною несправедливостію! Еще мало: къ его дѣйствію присоединилось и насиліе: знатные и случайные безсовѣстно укрѣпляли и не слугъ, а всякаго беззащитнаго, кто имъ нравился художествомъ, рукодѣліемъ, ловкостію или красотою. Но, въ дешевое время охотно умноживъ свою челядь, дворяне во время голода начали распускать ее—воля обратилась въ казнь и мучительство! Люди, еще совѣстные, выгоняли слугъ изъ дому по крайней мѣрѣ съ отпускными, а злые безъ всякаго письменнаго вида, съ намѣреніемъ клепать ихъ въ бѣгствѣ и въ сносѣ, чтобы ябедою суда разорять тѣхъ, которые могли бы изъ человѣколюбія дать имъ у себя дѣло и пищу — ужасъ разврата обыкновеннаго въ годины бѣдствій! Несчастные гибли или разбойничали вмѣстѣ со многими людьми вельможъ ссыльныхъ, Романовыхъ и другихъ, осужденными вести жизнь бродягъ (ибо никто не смѣлъ принять слугъ опальнаго), вмѣстѣ съ украинскими бѣглецами, ходившими изъ гнѣзда своего на добычу и внутрь Россіи. Явились шайки на дорогахъ; завелись пристани въ мѣстахъ глухихъ и лѣсистыхъ; грабили, убивали подъ самою Москвою. Не боялись и сыскныхъ дружинъ воинскихъ: злодѣи смѣло пускались на сѣчу съ ними, имѣя атамана Хлопка или Косолапа, удальца рѣдкаго. Государь долженъ былъ дѣйствовать съ усиліемъ немаловажнымъ, и въ мирное время отрядить цѣлое войско противъ разбойника! Главный воевода, окольничій Иванъ Ѳедоровичъ Басмановъ, едва выступивъ въ поле, уже встрѣтилъ Хлопка, врага презрительнаго, но злого, который, соединивъ свои шайки, дерзнулъ близъ Москвы спорить съ нимъ о побѣдѣ. Упорная битва, безславная и жестокая, рѣшилась смертію Басманова: видя его, падающаго съ коня, воины кинулись на разбойниковъ, не жалѣя себя, и, наконецъ, одолѣли ихъ остервенѣніе; большую часть истребили и взяли въ плѣнъ атамана, изнемогшаго отъ тяжелыхъ ранъ — злодѣя, коего необыкновенная храбрость достойна была лучшаго побужденія и лучшей цѣли! Удивленный дерзостію сего опаснаго скопища, Борисъ искалъ, кажется, тайныхъ соумышленниковъ или наставниковъ Хлопка между людьми значительнѣйшими, зная, что въ его шайкахъ находились слуги господъ опальныхъ, и подозрѣвая, что они могли быть вооружены местію противъ гонителя Романовыхъ. Нарядили слѣдствіе; допрашивали, пытали взятыхъ разбойниковъ, но, повидимому, ничего не узнали, кромѣ

ихъ собственныхъ злодѣяній. Хлопко, вѣроятно, умеръ отъ ранъ или въ мукахъ; всѣхъ другихъ перевѣшали, и Борисъ единственно въ семъ случаѣ уклонился отъ своего человѣколюбиваго обѣта не казнить никого смертію. Еще многіе изъ товарищей Хлопковыхъ спаслися бѣгствомъ въ Украйну, гдѣ воеводы, по указу государеву, ихъ ловили и вѣшали, но не могли истребить гнѣзда злодѣйскаго, которое ждало новаго, гораздо опаснѣйшаго атамана, чтобы дать ему передовую дружину на пути къ столицѣ.

Такъ готовилась Россія къ ужаснѣйшему изъ явленій въ своей исторіи; готовилась долго: неистовымъ тиранствомъ двадцати-четырехъ лѣтъ Іоанновыхъ, адской игрою Борисова властолюбія, бѣдствіями свирѣпаго голода и всемѣстныхъ разбоевъ, ожесточеніемъ сердецъ, развратомъ народа — всѣмъ, что предшествуетъ ниспроверженію государствъ, осужденныхъ Провидѣніемъ на гибель или на мучительное возрожденіе.

Если, какъ пишутъ очевидцы, не было ни правды, ни чести въ людяхъ; если долговременный голодъ не смирилъ, не исправилъ ихъ, но еще умножилъ пороки между ими: распутство, корыстолюбіе, лихоимство, безчувствіе къ страданію ближнихъ; если и самое лучшее дворянство, и самое духовенство заражалось общею язвою разврата, слабѣя въ усердіи къ отечеству отъ беззаконій царя, уже вообще ненавистнаго, то нужны ли были иныя, чудесныя знаменія для устрашенія Россіи? ибо сіи же лѣтописцы, слѣдуя древнему обыкновенію суевѣрія, разсказываютъ, „что нерѣдко восходили тогда двѣ и три луны, два и три солнца вмѣстѣ; столпы огненные, ночью пылая на тверди, въ своихъ быстрыхъ движеніяхъ представляли битву воиновъ и краснымъ цвѣтомъ озаряли землю: отъ бурь и вихрей падали колокольни и башни; женщины и животныя производили на свѣтъ множество уродовъ; рыбы во глубинѣ водъ и дичь въ лѣсахъ исчезали, или, употребляемыя въ пищу, не имѣли вкуса; алчные псы и волки, вездѣ бѣгая станицами, пожирали людей и другъ друга; звѣри и птицы невиданные явились; орлы парили надъ Москвою; въ улицахъ, у самаго дворца, ловили руками лисицъ черныхъ; лѣтомъ (въ 1604 году), въ свѣтлый полдень, возсіяла на небѣ комета и мудрый старецъ, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ вызванный Борисомъ изъ Германіи, объявилъ дьяку государственному (Власьеву), что царству угрожаетъ великая опасность“. Оставимъ суевѣріе предкамъ: его мнимые ужасы не столь разнообразны, какъ дѣйствительные въ исторіи народовъ.

Въ сіе время скончалась Ирина въ келіи Новодѣвичьяго монастыря, около шести лѣтъ не выходившая изъ своего добровольнаго заключенія никуда, кромѣ церкви, пристроенной къ ея смиренному жилищу. Жена знаменитая душевными качествами и судь-

бою необыкновенною: безъ отца, безъ матери, въ печальномъ сиротствѣ взысканная удивительнымъ счастіемъ; воспитанная, любимая Іоанномъ и добродѣтельная; первая державная царица Россіи и въ юныхъ лѣтахъ монахиня; чистая сердцемъ предъ Богомъ, но омраченная въ исторіи союзомъ съ злымъ властолюбцемъ, коему она указала путь къ престолу, хотя и невинно, будучи ослѣплена любовію къ нему и блескомъ его наружныхъ добродѣтелей, не зная его тайныхъ преступленій или не вѣря онымъ. Могъ ли Борисъ открыть свою темную душу сердцу, преданному святой набожности? Онъ дѣлилъ съ нѣжною сестрою только добрыя чувства: съ нею радовался торжеству отечества и скорбѣлъ о случаяхъ, бѣдственныхъ для онаго; повѣрялъ ей, можетъ быть, свое великое намѣреніе просвѣтить Россію, жаловался на злую неблагодарность, на злые умыслы, призраки его безпокойной совѣсти, и на горестную необходимость карать вельможъ-измѣнниковъ; лицемѣривъ предъ сестрою въ добрѣ, не лицемѣрилъ, можетъ быть, только въ изъявленіяхъ скорби о кончинѣ ея: Ирина не мѣшала ему державствовать и служила ангеломъ-хранителемъ, всѣми любимая какъ истинная мать народа и въ келіи. Погребли инокиню съ великолѣпіемъ царскимъ, въ дѣвичьемъ Вознесенскомъ монастырѣ, близъ гроба Іоанновой дочери Маріи, и никогда не раздавалось столько милостыни, какъ въ сей день печали; бѣдные во всѣхъ городахъ россійскихъ благословили щедрость Борисову. Ирина была счастлива, смеживъ глаза навѣки, ибо не видала гибели всего, что еще любила въ жизни.

Настало время явной казни для того, кто не вѣрилъ правосудію Божественному въ земномъ мірѣ, надѣясь, можетъ быть, смиреннымъ покаяніемъ спасти свою душу отъ ада (какъ надѣялся Іоаннъ) и дѣлами достохвальными загладить для людей память своихъ беззаконій. Не тамъ, гдѣ Борисъ стерегся опасности, внезапная опасность явилась; не потомки Рюриковы, не князья и вельможи, имъ гонимые, не дѣти и друзья ихъ, вооруженные местію, умыслили свергнуть его съ царства: сіе дѣло умыслилъ и совершилъ презрѣнный бродяга, именемъ младенца, давно лежавшаго въ могилѣ. Какъ бы дѣйствіемъ сверхъестественнымъ тѣнь Димитріева вышла изъ гроба, чтобы ужасомъ поразить, обезумить убійцу и привести въ смятеніе всю Россію. Начинаемъ повѣсть, равно истинную и неимовѣрную.

Бѣдный сынъ боярскій, галичанинъ Юрій Отрепьевъ, въ юности лишась отца, именемъ Богдана-Якова, стрѣлецкаго сотника, зарѣзаннаго въ Москвѣ пьянымъ литвиномъ, служилъ въ домѣ у Романовыхъ и князя Бориса Черкасскаго; зналъ грамотѣ, оказывалъ много ума, но мало благоразумія; скучалъ низкимъ состояніемъ и рѣшился искать удовольствія безпечной праздности

въ санѣ инока, слѣдуя примѣру дѣда Замятни-Отрепьева, который уже давно монашествовалъ въ обители Чудовской. Постриженный вятскимъ игуменомъ Трифономъ и названный Григоріемъ, сей юный чернецъ скитался изъ мѣста въ мѣсто; жилъ нѣсколько времени въ Суздалѣ, въ обители св. Евфимія, въ галицкой—Іоанна Предтечи и въ другихъ; наконецъ въ Чудовѣ монастырѣ, въ келіи у дѣда, подъ началомъ. Тамъ патріархъ Іовъ узналъ его, посвятилъ въ діаконы и взялъ къ себѣ для книжнаго дѣла, ибо Григорій умѣлъ не только хорошо списывать, но даже сочинять каноны святымъ лучше многихъ старыхъ книжниковъ того времени. Пользуясь милостію Іова, онъ часто ѣздилъ съ нимъ и во дворецъ, видѣлъ пышность царскую и плѣнялся ею; изъявлялъ необыкновенное любопытство, съ жадностію слушалъ людей разумныхъ, особенно когда въ искреннихъ, тайныхъ бесѣдахъ произносилось имя Димитрія царевича; вездѣ, гдѣ могъ, вывѣдывалъ обстоятельства его судьбы несчастной и записывалъ на хартіи. Мысль чудная уже поселилась и зрѣла въ душѣ мечтателя, внушенная ему, какъ увѣряютъ, однимъ злымъ инокомъ—мысль, что смѣлый самозванецъ можетъ воспользоваться легковѣріемъ россіянъ, умиляемыхъ памятію Димитрія, и въ честь небеснаго правосудія казнить святоубійцу! Сѣмя пало на землю плодоносную: юный діаконъ съ прилежаніемъ читалъ россійскія лѣтописи, и нескромно, хотя и въ шутку, говаривалъ иногда чудовскимъ монахамъ: „знаете ли, что я буду царемъ на Москвѣ?“ Одни смѣялись, другіе плевали ему въ глаза, какъ вралю дерзкому. Сіи или подобныя рѣчи дошли до ростовскаго митрополита Іоны, который объявилъ патріарху и самому царю, что недостойный инокъ Григорій хочетъ быть сосудомъ діавольскимъ. Добродушный патріархъ не уважилъ митрополитова извѣта; но царь велѣлъ дьяку своему Смирнову-Васильеву отправить безумца Григорія въ Соловки или въ Бѣлозерскія пустыни, будто бы за ересь, на вѣчное покаяніе. Смирной сказалъ о томъ другому дьяку Евфимьеву; Евфимьевъ же, будучи свойственникомъ Отрепьевыхъ, умолилъ его не спѣшить въ исполненіи царскаго указа и далъ способъ опальному діакону спастися бѣгствомъ (въ февралѣ 1602 года), вмѣстѣ съ двумя иноками чудовскими, священникомъ Варлаамомъ и крылошаниномъ Мисаиломъ Повадинымъ. Не думали гнаться за ними и не извѣстили царя, какъ увѣряютъ, о семъ побѣгѣ, коего слѣдствія оказались столь важными.

Бродяги-иноки были тогда явленіемъ обыкновеннымъ; всякая обитель служила для нихъ гостиницею; во всякой находили они покой и довольствіе, а на путь—запасъ и благословеніе. Григорій и товарищи его свободно достигли Новгорода-Сѣверскаго, гдѣ архимандритъ Спасской обители принялъ ихъ весьма друже-

любно и далъ имъ слугу съ лошадьми, чтобы ѣхать въ Путивль; но бѣглецы, отославъ провожатаго, спѣшили въ Кіевъ, и спасскій архимандритъ нашелъ въ келіи, гдѣ жилъ Григорій, слѣдующую записку: „Я царевичъ Димитрій, сынъ Іоанновъ, и не забуду твоей ласки, когда я сяду на престолъ отца моего“. Архимандритъ ужаснулся, не зналъ, что дѣлать; рѣшился молчать.

Такъ въ первый разъ открылся Самозванецъ еще въ предѣлахъ Россіи; такъ бѣглый діаконъ вздумалъ грубою ложью низвергнуть великаго монарха и сѣсть на его престолѣ, въ державѣ, гдѣ вѣнценосецъ считался земнымъ богомъ, гдѣ народъ еще никогда не измѣнялъ царямъ и гдѣ присяга, данная государю избранному, для вѣрныхъ подданныхъ была не менѣе священною! Чѣмъ, кромѣ дѣйствія непостижимой судьбы, кромѣ воли Провидѣнія, можемъ изъяснить не только успѣхъ, но и самую мысль такого предпріятія? Оно казалось безуміемъ, но безумецъ избралъ надежнѣйшій путь къ цѣли—Литву!

Тамъ древняя, естественная ненависть къ Россіи всегда усердно благопріятствовала нашимъ измѣнникамъ, отъ князей Шемякина, Верейскаго, Боровскаго и Тверского до Курбскаго и Головина; туда устремился и Самозванецъ не прямою дорогою, а мимо Стародуба, къ Луевымъ горамъ, сквозь темные лѣса и дебри, гдѣ служилъ ему путеводителемъ новый спутникъ его, инокъ Днѣпрова монастыря Пименъ, и гдѣ, вышедши наконецъ изъ россійскихъ владѣній близъ литовскаго селенія Слободки, онъ принесъ усердную благодарность небу за счастливое избѣжаніе всѣхъ опасностей. Въ Кіевѣ, снискавъ милость знаменитаго воеводы, князя Василія Константиновича Острожскаго, Григорій жилъ въ Печерскомъ монастырѣ, а послѣ въ Никольскомъ и въ Дерманѣ; вездѣ священнодѣйствовалъ какъ діаконъ, но велъ жизнь соблазнительную, презирая уставъ воздержанія и цѣломудрія: хвалился свободою мнѣній, любилъ толковать о законѣ съ иновѣрцами и былъ даже въ тѣсной связи съ анабаптистами. Между тѣмъ безумная мысль не усыпала въ головѣ пришлеца: онъ распустилъ темную молву о спасеніи и тайномъ убѣжищѣ Димитрія въ Литвѣ; свелъ знакомство съ другимъ отчаяннымъ бродягою, инокомъ Крыпецкаго монастыря Леонидомъ, уговорилъ его назваться своимъ именемъ, то-есть Григоріемъ Отрепьевымъ; а самъ, скинувъ съ себя одежду монашескую, явился міряниномъ, чтобы удобнѣе пріобрѣсти навыки и знанія, нужныя ему для ослѣпленія людей. Среди густыхъ камышей днѣпровскихъ гнѣздились тогда шайки удалыхъ запорожцевъ, бдительныхъ стражей и дерзкихъ грабителей Литовскаго княжества: у нихъ, какъ пишутъ, растрига Отрепьевъ нѣсколько времени учился владѣть мечомъ и конемъ, въ шайкѣ Герасима Евангелика, старшины именитаго; узналъ и

полюбилъ опасность, добылъ первой воинской опытности и корысти. Но скоро увидѣли пришлеца на иномъ театрѣ—въ мирной школѣ городка волынскаго Гащи за польскою и латинскою грамматикою, ибо мнимому царевичу надобно было дѣйствовать не только оружіемъ, но и словомъ. Изъ школы онъ перешелъ въ службу къ князю Адаму Вишневецкому, который жилъ въ Брагинѣ со всею пышностію богатаго вельможи. Тутъ Самозванецъ приступилъ къ дѣлу—и если искалъ надежнаго лучшаго пособника въ предпріятіи, равно дерзкомъ и нелѣпомъ, то не обманулся въ выборѣ, ибо Вишневецкій, сильный при дворѣ и въ государственной Думѣ многочисленными друзьями и прислужниками, соединялъ въ себѣ надменность съ умомъ слабымъ и легковѣріемъ младенца. Новый слуга знаменитаго пана велъ себя скромно; убѣгалъ всякихъ низкихъ забавъ, ревностно участвовалъ только въ воинскихъ, и съ отмѣнною ловкостію. Имѣя наружность некрасивую—ростъ средній, грудь широкую, волосы рыжеватые, лицо круглое, бѣлое, но совсѣмъ не привлекательное, глаза голубые безъ огня, взоръ тусклый, носъ широкій, бородавку подъ правымъ глазомъ, также на лбу, и одну руку короче другой—Отрепьевъ замѣнялъ сію невыгоду живостію и смѣлостію ума, краснорѣчіемъ, осанкою благородною. Заслуживъ вниманіе и доброе расположеніе господина, хитрый обманщикъ притворился больнымъ, требовалъ духовника и сказалъ ему тихо: „Умираю. Предай мое тѣло землѣ съ честію, какъ хоронятъ дѣтей царскихъ. Не объявлю своей тайны до гроба; когда же закрою глаза навѣки, ты найдешь у меня подъ ложемъ свитокъ и все узнаешь; но другимъ не сказывай. Богъ судилъ мнѣ умереть въ злосчастіи“ Духовникъ былъ іезуитъ: онъ спѣшилъ извѣстить князя Вишневецкаго о сей тайнѣ, а любопытный князь спѣшилъ узнать ее: обыскалъ постелю мнимо-умирающаго; нашелъ бумагу, заблаговременно изготовленную, и прочиталъ въ ней, что слуга его есть царевичъ Димитрій, спасенный отъ убіенія своимъ вѣрнымъ медикомъ, что злодѣи, присланные въ Угличъ, умертвили одного сына іерейскаго вмѣсто Димитрія, коего укрыли добрые вельможи и дьяки Щелкаловы, а послѣ выпроводили въ Литву, исполняя наказъ Іоанновъ, данный имъ на сей случай. Вишневецкій изумился: еще хотѣлъ сомнѣваться, но уже не могъ, когда хитрецъ, виня нескромность духовника, раскрылъ свою грудь, показалъ золотой, драгоцѣнными каменьями осыпанный крестъ (вѣроятно, гдѣ нибудь украденный) и со слезами объявилъ, что сія святыня дана ему крестнымъ отцомъ, княземъ Иваномъ Мстиславскимъ.

Вельможа литовскій былъ въ восхищеніи. Какая слава представлялась для него возможною—бывшаго слугу своего увидѣть на тронѣ московскомъ! Онъ не щадилъ ничего, чтобы поднять

мнимаго Димитрія съ одра смертнаго, и въ краткое время его притворнаго выздоровленія, изготовивъ ему великолѣпное жилище, пышную услугу, богатыя одежды, успѣлъ во всей Литвѣ разгласить о чудесномъ спасеніи Іоаннова сына. Братъ князя Адама, Константинъ Вишневецкій, и тесть сего послѣдняго, воевода Сендомирскій Юрій Мнишекъ, взяли особенное участіе въ судьбѣ столь знаменитаго изгнанника, какъ они думали, вѣря свитку, золотому кресту обманщика и свидѣтельству двухъ слугъ: обличеннаго вора, бѣглеца Петровскаго и другого Мнишкова холопа, который въ Іоанново время былъ нашимъ плѣнникомъ и будто бы видалъ Димитрія (младенца двухъ или трехъ лѣтъ) въ Угличѣ. Первый увѣрялъ, что царевичъ, дѣйствительно, имѣлъ примѣты Самозванца (дотолѣ никому не извѣстныя): бородавки на лицѣ и короткую руку. Вишневецкіе донесли Сигизмунду, что у нихъ истинный наслѣдникъ Ѳеодоровъ, а Сигизмундъ отвѣтствовалъ, что желаетъ его видѣть, уже бывъ извѣщенъ о семъ любопытномъ явленіи другими, не менѣе ревностными доброхотами Самозванца: папскимъ нунціемъ Рангони и пронырливыми іезуитами, которые тогда царствовали въ Польшѣ, управляя совѣстію малодушнаго Сигизмунда, и легко вразумили его въ важныя слѣдствія такого случая.

Въ самомъ дѣлѣ, что могло казаться счастливѣе для Литвы и Рима? Чего имъ нельзя было требовать отъ благодарности Лжедимитрія, содѣйствуя ему въ пріобрѣтеніи царства, которое всегда грозило Литвѣ и всегда отвергало духовную власть Рима? Въ опасномъ непріятелѣ Сигизмундъ могъ найти друга и союзника, а папа — усерднаго сына въ непреклонномъ ослушникѣ. Симъ изъясняется легковѣріе короля и нунція: думали не объ истинѣ, но единственно о пользѣ; одно бѣдствіе, одно смятеніе и междоусобіе Россіи уже плѣняло воображеніе нашихъ враговъ естественныхъ и если робкій Сигизмундъ еще колебался, то ревностные іезуиты побѣдили его нерѣшимость, представивъ ему способъ, обольстительный для душъ слабыхъ: дѣйствовать не открыто, не прямо и подъ личиною мирнаго сосѣда ввергнуть пламя войны въ Россію. Уже Рангони находился въ тѣсной связи съ Самозванцемъ и дѣятельные іезуиты служили посредниками между ими; уже съ обѣихъ сторонъ изъяснились и заключили договоръ: Лжедимитрій письменно обязался за себя и за Россію пристать къ латинской церкви, а Рангони быть его ходатаемъ, не только въ Польшѣ и въ Римѣ, но и во всей Европѣ; совѣтовалъ ему спѣшить къ королю и ручался за доброе слѣдствіе ихъ свиданія.

Вмѣстѣ съ воеводою Сендомирскимъ и княземъ Вишневецкимъ Отрепьевъ (въ 1603 или 1604 году), явился въ Краковѣ, гдѣ нун-

цій немедленно посѣтилъ его. „Я самъ былъ тому свидѣтелемъ, — пишетъ секретарь королевскій Чили, вѣря мнимому царевичу: — я видѣлъ, какъ нунцій обнималъ и ласкалъ Димитрія, бесѣдуя съ нимъ о Россіи и говоря, что ему должно торжественно объявить себя католикомъ для успѣха въ своемъ дѣлѣ. Димитрій съ видомъ сердечнаго умиленія клялся въ непремѣнномъ исполненіи даннаго имъ обѣта и вторично подтвердилъ свою клятву въ домѣ у нунція, въ присутствіи многихъ вельможъ. Угостивъ царевича пышнымъ обѣдомъ, Рангони повезъ его во дворецъ. Сигизмундъ, обыкновенно важный и величавый, принялъ Димитрія въ кабинетѣ стоя и съ ласковою улыбкою. Димитрій поцѣловалъ у него руку, разсказалъ ему всю свою исторію, и заключилъ такъ: Государь! вспомни, что ты самъ родился въ узахъ и спасенъ единственно Провидѣніемъ. Державный изгнанникъ требуетъ отъ тебя сожалѣнія и помощи. Чиновникъ королевскій далъ знакъ царевичу, чтобы онъ вышелъ въ другую комнату, гдѣ воевода Сендомирскій и всѣ мы ждали его. Король остался наединѣ съ нунціемъ и чрезъ нѣсколько минутъ снова призвалъ Димитрія. Положивъ руку на сердце, смиренный царевичъ болѣе вздохами, нежели словами убѣждалъ Сигизмунда быть милостивымъ. Тогда король съ веселымъ видомъ, приподнявъ свою шляпу, сказалъ: Да поможетъ вамъ Богъ, московскій князь Димитрій! а мы, выслушавъ и разсмотрѣвъ всѣ ваши свидѣтельства, несомнительно видимъ въ васъ Іоаннова сына и въ доказательство нашего искренняго благоволенія опредѣляемъ вамъ ежегодно 40,000 злотыхъ (54,000 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ) на содержаніе и всякія издержки. Сверхъ того вы, какъ истинный другъ республики, вольны сноситься съ нашими панами и пользоваться ихъ усерднымъ вспоможеніемъ“. Сія рѣчь столь восхитила Димитрія, что онъ не могъ сказать ни единаго слова: нунцій благодарилъ короля, привезъ царевича въ домъ къ воеводѣ Сендомирскому и, снова обнявъ его, совѣтовалъ ему дѣйствовать немедленно, чтобы скорѣе достигнуть цѣли: отнять державу у Годунова и навѣки утвердить въ Россіи вѣру католическую съ іезуитами. Прежде всего надлежало самому Лжедимитрію принять сію вѣру, чего неотмѣнно хотѣлъ Рангони; но условились не оглашать того до времени, боясь закоренѣлой ненависти россіянъ къ латинской церкви. Дѣйствіе совершилось въ домѣ краковскихъ іезуитовъ. Разстрига шелъ къ нимъ тайно, съ какимъ-то вельможею польскимъ, въ бѣдномъ рубищѣ, закрывая лицо свое, чтобы никто не узналъ его; выбралъ одного изъ нихъ себѣ въ духовники, исповѣдался, отрекся отъ нашей церкви и какъ новый ревностный сынъ западной принялъ тѣло Христово съ муропомазаніемъ отъ римскаго нунція. Такъ сказано въ Пись-

махъ іезуитскаго общества, которое славило будущія великія добродѣтели мнимаго Димитрія, надѣясь усердіемъ его подчинить Риму всѣ неизмѣримыя страны Востока!—Тогда Отрепьевъ, слѣдуя наставленіямъ нунція, собственною рукою написалъ краснорѣчивое латинское письмо къ папѣ, чтобы имѣть въ немъ искренняго покровителя, и Климентъ VIII не замедлилъ удостовѣрить его въ своей готовности вспомогать ему всею духовною властію апостольскаго намѣстника.

Должно отдать справедливость уму Разстриги: предавъ себя іезуитамъ, онъ выбралъ дѣйствительнѣйшее средство одушевить ревностію безпечнаго Сигизмунда, который, вопреки чести, совѣсти, народному праву и мнѣнію многихъ знатныхъ вельможъ, рѣшился быть сподвижникомъ бродяги. Славный другъ Баторіевъ, гетманъ Замойскій, былъ еще живъ: король писалъ къ нему о своемъ важномъ предпріятіи, говоря, что республика, доставивъ Димитрію корону, будетъ располагать силами московской державы, легко обуздаетъ турковъ, хана и шведовъ, возьметъ Эстонію и всю Ливонію, откроетъ путь для своей торговли въ Персію и въ Индію; но что сіе великое намѣреніе, требуя тайны и скорости, не можетъ быть предложено сейму, дабы Годуновъ не имѣлъ времени изготовиться къ оборонѣ. Тщетно старецъ Замойскій, панъ Жолкѣвскій, князь Острожскій и другіе вельможи благоразумные удерживали короля, не совѣтуя ему легкомысленно вдаваться въ опасность такой войны, особенно безъ вѣдома чиновъ государственныхъ и съ малыми силами; тщетно знаменитый панъ Збаражскій доказывалъ, что мнимый Димитрій есть безъ сомнѣнія обманщикъ. Убѣжденный іезуитами, но не дерзая самовластно нарушить двадцатилѣтняго перемирія, заключеннаго между имъ и Борисомъ, король велѣлъ Мнишку и Вишневецкимъ поднять знамя противъ Годунова именемъ Іоаннова сына и составить рать изъ вольницы; опредѣлилъ ей на жалованье доходы Сендомирскаго воеводства; внушалъ дворянамъ, что слава и богатство ожидаютъ ихъ въ Россіи, и, торжественно возложивъ съ своей груди златую цѣпь на Разстригу, отпустилъ его съ двумя іезуитами изъ Кракова въ Галицію, гдѣ, близъ Львова и Самбора, въ мѣстностяхъ вельможи Мнишка, подъ распущенными знаменами уже толпилась шляхта и чернь, чтобы идти на Москву.

Главою и первымъ ревнителемъ сего подвига сдѣлался старецъ Мнишекъ, коему старость не мѣшала быть ни честолюбивымъ, ни легкомысленнымъ до безразсудности. Онъ имѣлъ юную дочь, прелестницу Марину, подобно ему честолюбивую и вѣтреную: Лжедимитрій, гостя у него въ Самборѣ, объявилъ себя, искренно или притворно, страстнымъ ея любовникомъ и вскружилъ ей голову именемъ царевича; а гордый воевода съ радостію благосло-

вилъ сію взаимную склонность въ надеждѣ видѣть Россію у ногъ своей дочери, какъ наслѣдственную собственность его потомства. Чтобы утвердить сію лестную надежду и хитро воспользоваться еще невѣрными обстоятельствами жениха, Мнишекъ предложилъ ему условія, безъ малѣйшаго сомнѣнія принятыя Разстригою, который далъ на себя слѣдующее обязательство (писанное 25 мая 1604, собственною рукою воеводы Сендомирскаго): „Мы, Димитрій Ивановичъ, Божіею милостію царевичъ Великой Россіи, углицкій, дмитровскій и проч., князь отъ колѣна предковъ своихъ и всѣхъ государствъ московскихъ государь и наслѣдникъ, по уставу небесному и примѣру монарховъ христіанскихъ, избрали себѣ достойную супругу, вельможную панну Марину, дочь ясновельможнаго пана Юрія Мнишка, коего считаемъ отцомъ своимъ, испытавъ его честность и любовь къ намъ, но отложили бракосочетаніе до нашего воцаренія: тогда—въ чемъ клянемся именемъ Св. Троицы и прямымъ словомъ царскимъ — женюся на паннѣ Маринѣ, обязываясь: 1) выдать немедленно милліонъ злотыхъ (1.350,000 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) на уплату его долговъ и на ея путешествіе до Москвы, сверхъ драгоцѣнностей, которыя пришлемъ ей изъ нашей казны московской; 2) торжественнымъ посольствомъ извѣстить о семъ дѣлѣ короля Сигизмунда и просить его благосклоннаго согласія на оное; 3) будущей супругѣ нашей уступить два великія государства, Новгородъ и Псковъ, со всѣми уѣздами и пригородами, съ людьми думными, дворянами, дѣтьми боярскими и съ духовенствомъ, такъ, чтобы она могла судить и рядить въ нихъ самовластно, опредѣлять намѣстниковъ, раздавать вотчины и помѣстья своимъ людямъ служивымъ, заводить школы, строить монастыри и церкви латинской вѣры, свободно исповѣдуя сію вѣру, которую и мы сами приняли съ твердымъ намѣреніемъ ввести оную во всемъ государствѣ московскомъ. Если же — отъ чего Боже сохрани — Россія воспротивится нашимъ мыслямъ и мы не исполнимъ всего обязательства въ теченіе года, то панна Марина вольна развестися со мною или взять терпѣніе еще на годъ“, и проч. Сего недовольно: въ восторгѣ благодарности Лжедимитрій другою грамотою (писанною 12 іюня 1604) отдалъ Мнишку въ наслѣдственное владѣніе княжество Смоленское и Сѣверское, кромѣ нѣкоторыхъ уѣздовъ, назначенныхъ имъ въ даръ королю Сигизмунду и республикѣ, въ залогъ вѣчнаго, ненарушимаго мира между ею и Московскою державою. Такъ бѣглый діаконъ, чудесное орудіе гнѣва небеснаго, подъ именемъ царя россійскаго, готовился предать Россію, съ ея величіемъ и православіемъ, въ добычу іезуитамъ и ляхамъ! Но способы его еще не отвѣтствовали важности замысла.

Ополчалась въ самомъ дѣлѣ не рать, а сволочь на Россію. Весьма немногіе знатные дворяне, въ угодность королю, малоуважаемому, или прельщаясь мыслію храбровать за изгнанника царевича, явились въ Самборѣ и Львовѣ; стремились туда бродяги, голодные, полунагіе, требуя оружія не для побѣды, но для грабежа, или жалованья, которое щедро выдавалъ Мнишекъ въ надеждѣ на будущее — на богатое вѣно Марины и доходы смоленскаго княжества. Разстрига и друзья его чувствовали нужду въ иныхъ, лучшихъ сподвижникахъ, и должны были естественно искать ихъ въ самой Россіи. Достойно замѣчанія, что нѣкоторые изъ московскихъ бѣглецовъ, дѣтей боярскихъ, исполненныхъ ненависти къ Годунову, укрываясь тогда въ Литвѣ, не хотѣли быть участниками сего предпріятія, ибо видѣли обманъ и гнушались злодѣйствомъ. Пишутъ, что одинъ изъ нихъ, Яковъ Пыхачевъ, даже всенародно и предъ лицомъ короля, свидѣтельствовалъ о семъ грубомъ обманѣ вмѣстѣ съ товарищемъ Разстригинымъ, инокомъ Варлаамомъ, встревоженнымъ совѣстію; но имъ не вѣрили и прислали обоихъ скованныхъ къ воеводѣ Мнишку въ Самборъ, гдѣ Варлаама заключили въ темницу, а Пыхачева, обвиняемаго въ намереніи умертвить Лжедимитрія, казнили. Другіе бѣглецы менѣе совѣстные, дворянинъ Иванъ Борошинъ съ десятью или пятнадцатью клевретамь, пали къ ногамъ мнимаго царевича и составили его первую дружину русскую. Скоро нашлася гораздо сильнѣйшая. Зная свойство мятежныхъ донскихъ казаковъ, зная, что они не любили Годунова, казнившаго многихъ изъ нихъ за разбои, Лжедимитрій послалъ на Донъ литвина Свирскаго съ грамотою; писалъ, что онъ сынъ перваго царя Бѣлаго, коему сіи вольные христіанскіе витязи присягнули въ вѣрности; звалъ ихъ на дѣло славное — свергнуть раба и злодѣя съ престола Іоаннова. Два атамана, Андрей Корело и Михайло Нѣжакожъ, спѣшили видѣть Лжедимитрія; видѣли его чествимаго Сигизмундомъ, вельможными панами и возвратились къ товарищамъ съ удостовѣреніемъ, что ихъ зоветъ истинный царевичъ. Удальцы донскіе сѣли на коней, чтобы присоединиться къ толпамъ Самозванца. Между тѣмъ усердный слуга его панъ Михайло Ратомскій, остерскій староста, волновалъ нашу Украйну чрезъ своихъ лазутчиковъ и двухъ монаховъ русскихъ, вѣроятно Мисаила и Леонида, изъ коихъ послѣдній, снявъ съ себя имя Григорія Отрепьева, могъ свидѣтельствовать, что оно не принадлежитъ Самозванцу. Въ городахъ, въ селахъ и на дорогахъ подкидывали грамоты отъ Лжедимитрія къ россіянамъ; съ вѣстію, что онъ живъ и скоро къ нимъ будетъ. Народъ изумлялся не зная, вѣрить тому или не вѣрить, а бродяги, негодяи, разбойники, издавна гнѣздясь въ землѣ Сѣверской, обрадовались:

наступало ихъ время. Кто бѣжалъ въ Галицію къ Самозванцу, кто въ Кіевъ, гдѣ Ратомскій также выставилъ знамя для собранія вольницы; онъ поднялъ и казаковъ запорожскихъ, прельщенныхъ мыслію вести бывшаго ученика своего на царство Московское.—Столько движенія, столько гласныхъ происшествій могло ли утаиться отъ Годунова?

Еще прежде нежели Самозванецъ открылся Вишневецкимъ, слухъ, распущенный имъ въ Литвѣ о Димитріи, сдѣлался, вѣроятно, извѣстнымъ Борису. Въ январѣ 1604 года нарвскій сановникъ Тирфельдъ писалъ съ гонцомъ къ абоасскому градоначальнику, что мнимо-убитый сынъ Іоанновъ живетъ у казаковъ. Гонца задержали въ Ивангородѣ и письмо его доставили царю. Въ то же время пришли и вѣсти изъ Литвы и подметныя грамоты Лжедимитріевы отъ нашихъ воеводъ украинскихъ, въ то же время на берегахъ Волги донскіе казаки разбили окольничаго Семена Годунова, посыланнаго въ Астрахань, и захвативъ нѣсколько стрѣльцовъ, отпустили ихъ въ Москву съ такимъ наказомъ: „объявите Борису, что мы скоро будемъ къ нему съ царевичемъ Димитріемъ!“ Одинъ Богъ видѣлъ, что происходило въ душѣ Годунова, когда онъ услышалъ сіе роковое имя! Но чѣмъ болѣе устрашился, тѣмъ болѣе хотѣлъ казаться безстрашнымъ. Не сомнѣваясь въ убіеніи истиннаго сына Іоаннова, онъ изъяснялъ для себя столь дерзкую ложь умысломъ своихъ тайныхъ враговъ, и велѣвъ лазутчикамъ узнать въ Литвѣ, кто сей Самозванецъ, искалъ заговора въ Россіи: подозрѣвалъ бояръ, призвалъ въ Москву царицу-инокиню, мать Димитріеву, и ѣздилъ къ ней въ Дѣвичій монастырь съ патріархомъ, воображая, какъ вѣроятно, что она могла быть участницею предполагаемаго кова и надѣясь лѣстію или угрозами вывѣдать ея тайну; но царица-инокиня, равно какъ и бояре, ничего не знала, съ удивленіемъ и, можетъ быть, не безъ внутренняго удовольствія слыша о Лжедимитріи, который не замѣнялъ сына для матери, но страшилъ убійцу. Свѣдавъ наконецъ, что Самозванецъ есть разстрига Отрепьевъ и что дьякъ Смирной не исполнилъ царскаго указа—сослать его въ пустыню Бѣломорскую, Борисъ усиліемъ притворства не оказалъ гнѣва, ибо хотѣлъ увѣрить россіянъ въ маловажности сего случая. Смирной трепеталъ, ждалъ гибели и былъ казненъ, но послѣ, и будто бы за другую вину—за расхищеніе государственнаго достоянія. Удвоивъ заставы на литовской границѣ, чтобы перехватывать вѣсти о Самозванцѣ, однакожъ, чувствуя невозможность скрыть его явленіе отъ Россіи и боясь молчаніемъ усилить вредные толки, Годуновъ обнародовалъ исторію бѣглеца чудовскаго вмѣстѣ съ допросами монаха Пимена, Венедикта чернеца смоленскаго и мѣщанина ярославца,

инока Степана. Первый объявлялъ, что онъ самъ вывелъ бродягу Григорія въ Литву, но не хотѣлъ идти съ нимъ далѣе и возвратился; второй и третій свидѣтельствовали, что они знали Отрепьева діакономъ въ Кіевѣ и воромъ между запорожцами; что сей негодяй, богоотступникъ, чернокнижникъ, съ умысла князей Вишневецкихъ и самого короля дерзаетъ въ Литвѣ называться Димитріемъ. Въ то же время царь послалъ, отъ имени бояръ, дядю Разстригина, Смирнаго-Отрепьева, къ Сигизмундовымъ вельможамъ, чтобы въ ихъ присутствіи изобличить племянника; послалъ и къ донскимъ казакамъ дворянина Хрущова, вывести ихъ изъ бѣдственнаго заблужденія. Но грамоты и слова не дѣйствовали: вельможи королевскіе не хотѣли показать Лжедимитрія Смирнову-Отрепьеву и сухо отвѣтствовали, что имъ нѣтъ дѣла до мнимаго царевича россійскаго; а казаки схватили Хрущова, оковали и привезли къ Самозванцу. Уже Разстрига (15 августа) двинулся съ своими дружинами къ берегамъ днепровскимъ и стоялъ (17 того же мѣсяца) въ Сокольникахъ. Хрущовъ, представленный ему въ цѣпяхъ, взглянулъ на него, залился слезами и палъ на колѣни, воскликнувъ: „вижу Іоанна въ лицѣ твоемъ: я твой слуга навѣки!“ Съ него сняли оковы, и сей первый чиновный измѣнникъ, ослѣпленный страхомъ или корыстію, въ знакъ усердія донесъ своему новому государю, мѣшая истину съ ложью, что „народъ изъявляетъ въ Россіи любовь къ Димитрію; что самые знатные люди, меньшій Булгаковъ и другіе, пили у себя съ гостями чашу за его здравіе и были по доносу слугъ осуждены на казнь; что Борисъ умертвилъ и сестру, вдовствующую царицу Ирину, которая всегда видѣла въ немъ монарха беззаконнаго; что онъ, не смѣя явно ополчаться противъ Димитрія, сводитъ полки въ Ливнахъ, будто бы на случай ханскаго впаденія; что главые воеводы ихъ Петръ Шереметьевъ и Михайло Салтыковъ, встрѣтясь съ нимъ, Хрущовымъ, въ искренней бесѣдѣ сказали, насъ ожидаетъ не крымская, а совсѣмъ иная война, но трудно поднять руку на государя природнаго; что Борисъ нездоровъ, едва ходитъ отъ слабости въ ногахъ и думаетъ тайно выслать казну московскую въ Астрахань и въ Персію“. Годуновъ безъ сомнѣнія, не убилъ Ирины и не думалъ искать убѣжища въ Персіи; еще не видалъ дотолѣ измѣны въ россіянахъ и не казнилъ ни одного человѣка за явную приверженность къ Самозванцу; съ жадностью слушая лазутчиковъ, доносителей, клеветниковъ, воздерживалъ себя отъ тиранства для своей безопасности въ такихъ обстоятельствахъ и, терзаемый подозрѣніями, еще неосновательными, хотѣлъ знаками великодушной довѣренности тронуть бояръ и чиновниковъ, но дѣйствительно медлилъ двинуть значительную рать прямо къ литовскимъ предѣламъ, въ

доказательство ли безстрашія, боясь ли сильнымъ ополченіемъ дать народу мысль о важности непріятеля, избѣгая ли войны съ Польшею до самой крайней необходимости? Сія необходимость была уже очевидная: король Сигизмундъ вооружилъ на Бориса не только Самозванца, но и крымскихъ разбойниковъ, убѣждая хана вступить вмѣстѣ съ Лжедимитріемъ въ Россію. Борисъ зналъ все и еще послалъ въ Варшаву, лично къ королю, дворянина Огарева усовѣстить его представленіемъ, сколь унизительно для вѣнценосца христіанскаго быть союзникомъ подлаго обманщика; вторично объявлялъ, кто сей мнимый царевичъ и спрашивалъ, чего Сигизмундъ желаетъ: мира или войны съ Россіею? Сигизмундъ хотѣлъ лукавствовать и, подобно своимъ вельможамъ, отвѣчалъ, что не стоитъ за Лжедимитрія и не мыслитъ нарушать перемирія; что нѣкоторые ляхи самовольно помогаютъ сему бродягѣ, ушедшему въ Галицію, и будутъ наказаны какъ мятежники. „Мы хотѣли обмануть Бога (пишетъ современникъ, одинъ изъ знатныхъ ляховъ), увѣряя безсовѣстно, что король и республика не участвуютъ въ Димитріевомъ предпріятіи“. Уже самозванецъ началъ дѣйствовать, а царь велѣлъ патріарху Іову еще писать къ духовенству литовскому и польскому, чтобы оно для блага обѣихъ державъ старалось удалить кровопролитіе за богоотступника Разстригу; всѣ наши епископы скрѣпили патріаршую грамоту своими печатями, клятвенно свидѣтельствуя, что они всѣ знали Отрепьева монахомъ. Такую же грамоту написалъ Іовъ и къ кіевскому воеводѣ, князю Василію Острожскому, напоминая ему, что онъ самъ зналъ сего бѣглеца діакономъ, и заклиная его быть достойнымъ сыномъ церкви: обличить Разстригу, схватить и прислать въ Москву. Но гонцы патріарховы не возвратились; ихъ задержали въ Литвѣ и не отвѣтствовали Іову ни духовенство, ни князь Острожскій, ибо Самозванецъ дѣйствовалъ уже съ блестящимъ успѣхомъ.

Сіе грозное ополченіе, которое шло низвергнуть Годунова, состояло едва ли изъ 1,500 воиновъ исправныхъ, всадниковъ и пѣшихъ, кромѣ сволочи, безъ устройства и почти безъ оружія. Главными предводителями были самъ Лжедимитрій (сопровождаемый двумя іезуитами), юный Мнишекъ (сынъ воеводы Сендомирскаго), Дворжицкій, Фредро и Нѣборскій; каждый изъ нихъ имѣлъ свою особенную дружину и хоругвь, а старецъ Мнишекъ первенствовалъ въ ихъ думѣ. Они соединились близъ Кіева съ двумя тысячами донскихъ казаковъ, приведенныхъ Свирскимъ, съ толпами вольницы, кіевской и сѣверской, ополченной Ратомскимъ, и 16 октября вступили въ Россію. Тогда единственно Борисъ началъ рѣшительно готовиться къ оборонѣ: послалъ надежныхъ воеводъ въ украинскія крѣпости съ головами стрѣлец-

кими, а знатныхъ бояръ: князя Дмитрія Шуйскаго, Ивана Годунова и Михайла Глѣбовича Салтыкова въ Брянскъ, чтобы собрать тамъ многочисленное полевое войско. Еще Борисъ могъ стыдиться страха, видя противъ себя толпы ляховъ, нестройной вольницы и казаковъ, предводимыя бѣглымъ Разстригою; но сей человѣкъ назывался именемъ ужаснымъ для Бориса и любезнымъ для Россіи.

Лжедимитрій шелъ съ мечемъ и съ манифестомъ: объявлялъ россіянамъ, что онъ, невидимой десницею Всевышняго устраненный отъ ножа Борисова и долго сокрываемый въ неизвѣстности, сею же рукою изведенъ на театръ міра подъ знаменами сильнаго, храбраго войска и спѣшитъ въ Москву взять наслѣдіе своихъ предковъ, вѣнецъ и скипетръ Владиміровъ; напоминалъ всѣмъ чиновникамъ и гражданамъ присягу, данную ими Іоанну; убѣждалъ ихъ оставить хищника Бориса и служить государю законному; обѣщалъ миръ, тишину, благоденствіе, коихъ они не могли имѣть въ царствованіе злодѣя богопротивнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ воевода Сендомирскій именемъ короля и вельможныхъ пановъ обнародовалъ, что они, убѣжденные доказательствами очевидными, несомнѣнно признали Димитрія истиннымъ великимъ княземъ московскимъ, дали ему рать и готовы дать еще сильнѣйшую для восшествія на престолъ отца его. Сей манифестъ довершилъ дѣйствіе прежнихъ подметныхъ грамотъ Лжедимитрія въ Украйнѣ, гдѣ не только сподвижники Хлопковы и слуги опальныхъ бояръ, ненавистники Годунова, не только низкая чернь, но и многіе люди воинскіе повѣрили Самозванцу, не узнавая бѣглаго діакона въ союзникѣ короля Сигизмунда, окруженномъ знатными ляхами; въ витязѣ ловкомъ, искусномъ владѣть мечемъ и конемъ; въ военачальникѣ бодромъ и безстрашномъ, ибо Лжедимитрій былъ всегда впереди, презиралъ опасность и взоромъ спокойнымъ искалъ, казалось, не враговъ, а друзей въ Россіи. Несчастія Годунова времени, надежда на лучшее, любовь къ чрезвычайному и золото, разсыпаемое Мнишкомъ и Вишневецкими, также способствовали легковѣрію народному. Тщетно градоначальники Борисовы хотѣли мѣшать распространенію листовъ Самозванцевыхъ, опровергали и жгли ихъ: листы ходили изъ рукъ въ руки, готовя измѣну. Начались тайныя сношенія между Самозванцемъ и городами украинскими, гдѣ лазутчики его дѣйствовали съ величайшею ревностію, обольщая умы и страсти людей, доказывая, что присяга, данная Годунову, не имѣетъ силы, ибо обманутый народъ, присягая ему, считалъ сына Іоаннова мертвымъ; что самъ Борисъ знаетъ сію истину, обезумѣлъ въ ужасѣ и не противится мирному вступленію царевича въ Россію. Самые чиновники колебались, или въ оцѣпенѣніи ждали дальнѣйшихъ происшествій; самые воеводы,

видя общее движеніе въ пользу Лжедимитрія, опасались, кажется, употребить строгость и не изъявили должнаго усердія. Составились заговоры, и мятежъ вспыхнулъ.

Отрепьевъ на лѣвомъ берегу Днѣпра раздѣлилъ свое войско: послалъ часть его къ Бѣлгороду, а самъ шелъ вверхъ Десны, вслѣдъ за разсыпною дружиною перемѣтчиковъ, которые служили ему вѣрными путеводителями, зная мѣста и людей. Едва поставивъ ногу на русскую землю (18 октября), въ слободѣ Шляхетской, онъ свѣдалъ о своемъ первомъ успѣхѣ: жители и воины Моравска отложились отъ Бориса, связали, выдали воеводъ своихъ Лжедимитрію, встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью. Чувствуя важность начала въ такомъ предпріятіи, умный пришлецъ велъ себя съ отмѣнною ловкостію: торжественно славилъ Бога, изъявлялъ милость и величавость; не укорялъ воеводъ моравскихъ вѣрностію къ Борису, жалѣя только объ ихъ заблужденіи, и далъ имъ свободу; жаловалъ, ласкалъ измѣнниковъ, гражданъ, воиновъ, видомъ и разговоромъ не безъ искусства представляя лицо державнаго, такъ что отъ литовскаго рубежа до самыхъ внутреннихъ областей Россіи съ неимовѣрною быстротою промчалась добрая слава о Лжедимитріи, и знаменитая столица древнихъ Ольговичей не усомнилась слѣдовать примѣру Моравска. 26 октября покорился Самозванцу Черниговъ, гдѣ ратники и граждане также встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью, выдавъ ему воеводъ, изъ коихъ главный, князь Иванъ Андреевичъ Татевъ, внутренно ненавидя Бориса, какъ второй Хрущовъ, безстыдно вступилъ въ службу къ обманщику. Тамъ хранилась значительная казна: Лжедимитрій, раздѣливъ ее между своими воинами, усилилъ тѣмъ ихъ ревность; умножилъ и число, присоединивъ къ нимъ 300 стрѣльцовъ измѣнниковъ и жителей, ополченныхъ усердіемъ къ нему или духомъ буйнымъ. Взявъ изъ Черниговской крѣпости 12 пушекъ, Самозванецъ оставилъ въ ней начальникомъ ляха и спѣшилъ къ Новгороду-Сѣверскому. Онъ надѣялся быть вездѣ завоевателемъ безъ кровопролитія, и дѣйствительно, на берегахъ Десны, Свины и Снова, видѣлъ единственно колѣнопреклоненіе народа и слышалъ радостный кликъ: „Да здравствуетъ государь нашъ Димитрій“.

Но вѣсти не было изъ Новгорода: жители не высылали ко Лжедимитрію ни призывныхъ грамотъ, ни воеводъ связанныхъ; тамъ бодрствовалъ одинъ человѣкъ, рѣшительный, смѣлый—и еще вѣрный. Сей витязь былъ Петръ Өедоровичъ Басмановъ, братъ убитаго разбойниками (1604 году) Ивана Басманова, дотолѣ извѣстный чрезвычайною судьбою отца и дѣда, которые, всѣмъ жертвуя Іоанновой милости, своею гибелью доказали небесное правосудіе. Наслѣдовавъ ихъ духъ царедворческій, онъ соединялъ въ себѣ

великія способности ума и даже нѣкоторыя благородныя качества сердца съ совѣстію уклонною, не строгою, будучи готовъ на добро и зло для первенства между людьми. Борисъ видѣлъ въ юномъ Басмановѣ только достоинства, вывелъ его, вмѣстѣ съ братомъ, изъ родовой опалы на степень знатности, въ 1601 году давъ ему санъ окольничаго, и вмѣстѣ съ бояриномъ княземъ Никитою Романовичемъ Трубецкимъ послалъ было спасти Черниговъ; но они за 15 верстъ до сего города свѣдали, что тамъ уже Самозванецъ и заключились въ Новгородѣ. Тогда узнали Басманова! Великая опасность поставила его выше боярина Трубецкаго. Принявъ начальство въ городѣ, гдѣ все колебалось отъ внушеній измѣны или страха, онъ истиною и грозою обуздалъ предательство; самъ увѣренный въ обманѣ, увѣрилъ въ немъ и другихъ; самъ, не боясь смерти, устрашилъ мятежниковъ казнію; сжегъ предмѣстія и съ пятисотенною дружиною стрѣльцовъ московскихъ заперся въ крѣпости, волею или неволею взявъ къ себѣ и знатнѣйшихъ жителей. 11 ноября Лжедимитрій подступилъ къ Новгороду. Тутъ россіяне привѣтствовали его въ первый разъ ядрами и пулями. Онъ требовалъ переговоровъ. Басмановъ съ зажженнымъ фитилемъ стоялъ на стѣнѣ и слушалъ клеврета Самозванцева ляха Бучинскаго, который сказалъ, что царь и великій князь Димитрій готовъ быть отцомъ воиновъ и жителей, если ему сдадутся, или, въ случаѣ упорства, не оставитъ живымъ ни грудного младенца въ Новгородѣ. „Великій князь и царь въ Москвѣ,—отвѣтствовалъ Басмановъ,—а вашъ Димитрій разбойникъ сядетъ на колъ вмѣстѣ съ вами“. Отрепьевъ посылалъ россійскихъ измѣнниковъ уговаривать Басманова, но безполезно, хотѣлъ взять крѣпость смѣлымъ приступомъ, и былъ отраженъ; хотѣлъ огнемъ разрушить ея стѣны, но не успѣлъ въ томъ; лишился многихъ людей и видѣлъ бѣдствіе передъ собою. Станъ его унылъ; Басмановъ давалъ время войску Борисову ополчиться и примѣръ неробости инымъ градоначальникамъ.

Но добрыя вѣсти утѣшили Самозванца. Въ крѣпкомъ Путивлѣ начальствовали знатный окольничій Михайло Салтыковъ и князь Василій Рубецъ-Мосальскій: сей послѣдній, какъ воинъ не безъ достоинства, какъ гражданинъ безъ чести и правилъ, съ дьякомъ Сутуповымъ объявилъ себя за мнимаго царевича; самъ возмутилъ гражданъ и ратниковъ; самъ связалъ Салтыкова и (18 ноября), предавъ сіе важное мѣсто Разстригѣ, сдѣлался съ того времени любимцемъ его и совѣтникомъ. Не менѣе важный Рыльскъ, волость Комарницкая или Сѣвская, Борисовъ, Бѣлгородъ, Волуйки, Осколъ, Воронежъ, Кромы, Ливны, Елецъ (гдѣ находился и ревностно дѣйствовалъ тогда монахъ Леонидъ подъ именемъ Григорія Отрепьева) также поддались Самозванцу. Вся южная Россія

кипѣла бунтомъ; вездѣ вязали чиновниковъ, едва ли искренно вѣрныхъ Борису, и представляли Лжедимитрію, который немедленно освобождалъ ихъ и съ милостію принималъ къ себѣ въ службу. Рать его умножалась новыми толпами измѣнниковъ. Перехвативъ казну, тайно везенную московскими купцами въ медовыхъ бочкахъ къ начальникамъ сѣверскихъ городовъ, онъ послалъ знатную часть ея въ Литву, къ князю Вишневецкому и пану Рожинскому, чтобы набирать тамъ новыя дружины сподвижниковъ, а самъ еще стоялъ подъ Новгородомъ, стрѣлялъ изъ большихъ пушекъ, разрушалъ стѣны. Басмановъ не слабѣлъ духомъ и мужествовалъ въ счастливыхъ вылазкахъ; но, видя разрушеніе крѣпости и зная, что войско Борисово идетъ спасти ее, онъ хитро заключилъ перемиріе съ Самозванцемъ, будто въ ожиданіи вѣстей изъ Москвы и во всякомъ случаѣ обязываясь сдаться ему черезъ двѣ недѣли. Уже Самозванецъ считалъ Новгородъ своимъ и Басманова плѣнникомъ.

Сіи быстрые успѣхи обольщенія поразили Годунова и всю Россію. Царь увидѣлъ, вѣроятно, свою ошибку—и сдѣлалъ другую; увидѣлъ, что ему надлежало бы не обманывать людей знаками лицемѣрнаго презрѣнія къ Разстригѣ, но готовымъ, сильнымъ войскомъ отразить его отъ нашей границы и не пускать въ Сѣверскую землю, гдѣ еще жилъ старый духъ литовскій и гдѣ скопище злодѣевъ, бѣглецовъ, слугъ опальныхъ, естественно ожидало мятежа какъ счастія; гдѣ народъ и самые люди воинскіе, удивленные безпрепятственнымъ входомъ Самозванца въ Россію, могли, вѣря внушенію его лазутчиковъ, думать, что Годуновъ дѣйствительно не смѣетъ противиться истинному Іоаннову сыну. Новое доказательство, сколь умъ обманчивъ въ раздорѣ съ совѣстію и какъ хитрость, чуждая добродѣтели, запутывается въ сѣтяхъ собственныхъ! Еще Борисъ могъ бы исправить сію ошибку: сѣсть на браннаго коня и самолично вести россіянъ противъ злодѣя. Присутствіе вѣнценосца, его великодушная смѣлость и довѣренность, безъ сомнѣнія, имѣли бы дѣйствіе. Не рожденный героемъ, Годуновъ, однакожъ, съ юныхъ лѣтъ зналъ войну; умѣлъ силою души своей оживлять доблесть въ сердцахъ и спасти Москву отъ хана, будучи только правителемъ. За него были святость вѣнца и присяги, навыкъ повиновенія, воспоминаніе многихъ государственныхъ благодѣяній—и Россія на полѣ чести не предала бы царя Разстригѣ. Но смятенный ужасомъ, Борисъ не дерзалъ идти навстрѣчу къ Димитріевой тѣни: подозрѣвалъ бояръ и вручилъ имъ судьбу свою, назвавъ главнымъ воеводою Мстиславскаго, добросовѣстнаго, лично мужественнаго, но болѣе знатнаго, нежели искуснаго предводителя; велѣлъ строго людямъ ратнымъ, всѣмъ безъ исключенія, спѣшить въ Брянскъ, а самъ какъ бы укрывался въ столицѣ.

Однимъ словомъ, судъ Божій гремѣлъ надъ державнымъ преступникомъ. Никто изъ россіянъ до 1604 года не сомнѣвался въ убіеніи Димитрія, который возрасталъ на глазахъ всего Углича и коего видѣлъ весь Угличъ мертваго, въ теченіе пяти дней орошавъ его тѣло слезами; слѣдственно россіяне не могли благоразумно вѣрить воскресенію царевича; но они не любили Бориса! Сіе несчастное расположеніе готовило ихъ быть жертвою обмана. Самъ Борисъ ослабилъ свидѣтельство истины, казнивъ важнѣйшихъ очевидцевъ Димитріевой смерти и явно ложными показаніями затмивъ ея страшныя обстоятельства. Еще многіе знали вѣрно сію истину въ Угличѣ, въ Пелымѣ; но тамъ жила въ сердцахъ ненависть къ тирану. Всѣхъ громогласнѣе, какъ пишутъ, свидѣтельствовалъ въ столицѣ князь Василій Шуйскій, торжественно, на лобномъ мѣстѣ, о несомнительности смерти царевича, имъ видѣннаго во гробѣ и въ могилѣ. То же писалъ и патріархъ во всѣ концы Россіи, ссылаясь и на мать Димитріеву, которая сама погребала сына. Но безсовѣстность Шуйскаго была еще въ свѣжей памяти; знали и слѣпую преданность Іова къ Годунову; слышали имя только царицы-инокини—никто не видался, никто не говорилъ съ нею, снова заключеннною въ пустыни Выксинской. Еще не имѣвъ примѣра въ исторіи самозванцевъ и не понимая столь дерзкаго обмана, любя древнее племя царей и съ жадностію слушая тайные разсказы о мнимыхъ добродѣтеляхъ Лжедимитрія, россіяне тайно же передавали другъ другу мысль, что Богъ дѣйствительно какимъ-нибудь чудомъ, достойнымъ его правосудія, могъ спасти Іоаннова сына для казни ненависнаго хищника и тирана. По крайней мѣрѣ сомнѣвались и не изъявляли ревности стоять за Бориса. Разстрига съ своими ляхами уже господствовалъ въ нашихъ предѣлахъ, а воины отечества уклонялись отъ службы, шли неохотно въ Брянскъ подъ знамена и тѣмъ неохотнѣе, чѣмъ болѣе слышали объ успѣхахъ Лжедимитрія, думая, что самъ Богъ помогаетъ ему. Такъ нелюбовь къ государю рождаетъ нечувствительность и къ государственной чести.

Въ сей опасности, уже явной, Борисъ прибѣгнулъ къ двумъ средствамъ: къ церкви и къ строгости. Онъ велѣлъ іерархамъ пѣть вѣчную память Димитрію въ храмахъ, а Разстригу съ его клевретами, настоящими и будущими, клясть всенародно, на амвонахъ и торжищахъ, какъ злого еретика, умышляющаго не только похитить царство, но и ввести въ немъ латинскую вѣру,—слѣдственно Борисъ уже зналъ или угадывалъ обѣтъ, данный Лжедимитріемъ іезуитамъ и легату папскому. Хотя народъ, видѣвъ слабость и потворство святителей въ изслѣдованіи Димитріева убіенія, не могъ имѣть къ нимъ безпредѣльной довѣренности, но ужасъ анаѳемы долженъ былъ тронуть совѣсть людей набожныхъ

и вселить въ нихъ омерзеніе къ человѣку, отверженному церковію и преданному ею суду Божію. Второе средство также не осталось безплоднымъ. Издавъ указъ, чтобы съ каждыхъ двухъ сотъ четвертей земли обработанной выходилъ ратникъ въ поле съ конемъ, доспѣхомъ и запасомъ—слѣдственно убавивъ до половины число воиновъ, опредѣленное уставомъ Іоанновымъ—Борисъ требовалъ скорости; писалъ, что владѣльцы богатые живутъ въ домахъ, не заботясь о гибели царства и церкви; грозилъ жестокою казнію лѣнивымъ и безпечнымъ, не упоминая о злонамѣренныхъ, и дѣйствительно велѣлъ наказывать ослушныхъ безъ пощады—лишеніемъ имѣнія, темницею и кнутомъ; велѣлъ, чтобы и всѣ слуги патріаршіе, святительскіе и монастырскіе, годные для ратнаго дѣла, спѣшили къ войску подъ опасеніемъ тяжкаго гнѣва царскаго въ случаѣ медленности. „Бывали времена,—сказано въ семъ опредѣленіи Государственнаго Совѣта,—когда и самые иноки, священники, діаконы вооружались для спасенія отечества, не жалѣли своей крови; но мы не хотимъ того: оставляемъ ихъ въ храмахъ, да молятся о государѣ и государствѣ“. Сіи мѣры, угрозы и наказанія недѣль въ шесть соединили до пятидесяти тысячъ всадниковъ въ Брянскѣ, вмѣсто полумилліона, въ 1598 году ополченнаго призывнымъ словомъ царя, коего любила Россія!

Но Борисъ еще оказалъ тогда великодушіе. Шведскій король, врагъ Сигизмундовъ, услышавъ о Самозванцѣ и вѣроломствѣ ляховъ, предлагалъ царю союзъ и войско вспомогательное. Царь отвѣтствовалъ, что Россія не требуетъ вспоможенія иноземцевъ; что она при Іоаннѣ въ одно время воевала съ султаномъ, Литвою, Швеціею, Крымомъ и не должна бояться мятежника презрѣннаго. Борисъ зналъ, что въ случаѣ вѣрности россіянъ, горсть шведовъ ему не нужна, а въ случаѣ невѣрности—безполезна, ибо не могла бы спасти его.

Грозный часъ опыта наступалъ—нельзя было медлить, ибо Самозванецъ ежедневно усиливался и распространялъ свои мирныя завоеванія. Бояре, князья Ѳеодоръ Ивановичъ Мстиславскій, Андрей Телятевскій, Дмитрій Шуйскій, Василій Голицынъ, Михайло Салтыковъ, окольничіе князь Михайло Кашинъ, Иванъ Ивановичъ Годуновъ, Василій Морозовъ, выступили изъ Брянска, чтобы пресѣчь успѣхи измѣны и спасти Новгородскую крѣпость, которая одна противилась Разстригѣ уже среди подвластной ему страны. Не только Годуновъ съ мучительнымъ волненіемъ души слѣдовалъ мыслями за московскими знаменами, но и вся Россія сильно тревожилась въ ожиданіи, чѣмъ судьба рѣшитъ столь важную прю между Борисомъ и ложнымъ или неложнымъ Димитріемъ, ибо не было общаго удостовѣренія ни въ войскѣ, ни въ государ-

ствѣ. Мысль поднять руку на дѣйствительнаго сына Іоаннова или предаться дерзкому обманщику, клятому церковію, равно ужасала сердца благородныя. Многіе, и самые благороднѣйшіе изъ россіянъ, не любя Бориса, но гнушаясь измѣною, хотѣли соблюсти данную ему присягу; другіе, слѣдуя единственно внушенію страстей, только желали или не желали перемѣны царя и не заботились объ истинѣ, о долгѣ вѣрноподданнаго; а многіе не имѣли точнаго образа мыслей, готовясь думать, какъ велитъ случай. Если бы въ сіе время открылась проницанію наблюдателя и самая внутренность душъ, то онъ, можетъ быть, еще не рѣшилъ бы для себя вопроса о вѣроятной удачѣ или неудачѣ Самозванцева дѣла,— столь расположеніе умовъ было отчасти несогласно, отчасти неясно и нерѣшительно! Войско шло, повинуясь царской власти, но колебалось сомнѣніемъ, толками, взаимнымъ недовѣріемъ.

Приближаясь къ Трубчевскому, гдѣ уже славилось имя Димитріево, воеводы Борисовы писали къ Сендомирскому, чтобы онъ немедленно вышелъ изъ Россіи, мирной съ Литвою, оставивъ злодѣя Разстригу на казнь, имъ заслуженную. Мнишекъ не отвѣтствовалъ, въ надеждѣ, что войско Борисово не обнажитъ меча,— такъ думалъ Самозванецъ, такъ говорили ему измѣнники, сносясь съ своими единомышленниками въ полкахъ московскихъ. 17 декабря, на берегу Десны, верстахъ въ шести отъ стана Лжедимитріева, была перестрѣлка между отрядами того и другого войска, а на третій день легкая сшибка. Ни съ которой стороны не изъявляли пылкой ревности: Самозванецъ ждалъ, кажется, чтобы рать Борисова, слѣдуя примѣру городовъ, связала и выдала ему своихъ начальниковъ; а Мстиславскій—чтобы непріятель ушелъ безъ битвы, какъ слабѣйшій, едва ли имѣя и 12,000 воиновъ. Но не видали ни измѣны, ни бѣгства; перешло къ Лжедимитрію только три человѣка изъ дѣтей боярскихъ. Оставивъ Новгородъ и свой укрѣпленный станъ, онъ выстроился на равнинѣ, весьма неблагопріятной для войска малочисленнаго, оказывалъ спокойствіе и бодрость; говорилъ рѣчь къ сподвижникамъ, стараясь воспламенить ихъ мужество; молился велегласно, воздѣвъ руки на небо, и дерзнулъ, какъ увѣряютъ, громко произнести слѣдующія слова: „Всевышній! Ты зришь глубину моего сердца. Если обнажаю мечъ неправедно и беззаконно, то сокруши меня небеснымъ громомъ“... (увидимъ 17 мая 1606 года)! „Когда же я правъ и чистъ душою, дай силу неодолимую рукѣ моей въ битвѣ! А Ты, Мать Божія, буде покровомъ нашего воинства!“ 21 декабря началось дѣло, сперва нежаркое; но вдругъ конница польская съ воплемъ устремилась на правое крыло россіянъ, гдѣ предводительствовали князья Дмитрій Шуйскій и Михайло Кашинъ; оно дрогнуло и въ бѣгствѣ опрокинуло средину войска, гдѣ стоялъ

Мстиславскій. Изумленный такою робостію и такимъ безпорядкомъ, онъ удерживалъ мечемъ своихъ и непріятелей; бился въ свалкѣ, облился кровію, и съ пятнадцатью ранами упалъ на землю; дружина стрѣльцовъ едва спасла его отъ плѣна. Часъ былъ рѣшительный: если бы Лжедимитрій общимъ нападеніемъ подкрѣпилъ ударъ смѣлыхъ ляховъ, то вся рать московская, какъ пишутъ очевидцы, представила бы зрѣлище срамнаго бѣгства; но онъ далъ ей время опомниться: 700 нѣмецкихъ всадниковъ, вѣрныхъ Борису, удержали стремленіе непріятельскихъ, и лѣвое крыло наше уцѣлѣло. Тогда же Басмановъ вышелъ изъ крѣпости, чтобы дѣйствовать въ тылу у Самозванца, который, слыша выстрѣлы позади себя и видя свой укрѣпленный станъ въ пламени, прекратилъ битву. Обѣ стороны вдругъ отступили: Лжедимитрій—хвалясь побѣдою и четырьмя тысячами убитыхъ непріятелей, а Борисовы воеводы—отъ стыда безмолвствуя, хотя и взявъ нѣсколько плѣнниковъ. Чтобы менѣе стыдиться, россіяне выдумали басню: увѣряли, что ляхи испугали ихъ коней, нарядясь въ медвѣжьи шубы навыворотъ; иноземцы же, свидѣтели сего малодушнаго бѣгства, пишутъ, что россіяне не имѣли, казалось, ни мечей, ни рукъ, имѣя единственно ноги!

Однакожъ мнимый побѣдитель не веселился. Сія битва странная доказала не то, что хотѣлось Самозванцу: россіяне сражались съ нимъ худо, безъ усердія, но сражались; бѣжали, но отъ него, а не къ нему. Онъ зналъ, что безъ ихъ общаго предательства ни ляхи, ни казаки не свергнутъ Бориса, и страшился быть между двумя огнями, двумя вѣрными воеводами Мстиславскимъ и Басмановымъ, который, видя отступленіе перваго, снова заключился въ крѣпости, готовый умереть въ ея развалинахъ. На другой день присоединилось къ Лжедимитрію 4,000 запорожцевъ, и войско Борисово удалилось къ Стародубу-Сѣверскому, но для того, чтобы ожидать тамъ другихъ, свѣжихъ полковъ изъ Брянска, могло чрезъ нѣсколько дней возвратиться къ Новгороду, обороняемому столь усильно. Ревность наемниковъ и союзниковъ ослабѣла. Ляхи надѣялись вести своего царя въ Москву безъ кровопролитія—и увидѣли, что надобно ратоборствовать; не любили ни зимнихъ походовъ, ни зимнихъ осадъ—и какъ легкомысленно начали, такъ легкомысленно и кончили: объявили, что идутъ назадъ, будто бы исполняя указъ Сигизмундовъ—не воевать съ Россіею въ случаѣ, если она будетъ стоять за царя Годунова. Тщетно убѣждалъ ихъ Лжедимитрій не терять надежды: осталось не болѣе четырехъ сотъ удальцовъ польскихъ; всѣ другіе бѣжали восвояси, а съ ними и горестный Мнишекъ. Думая, что все погибло—и княжество Смоленское для него и царство для Марины, сей вѣтреный старецъ еще дружественно простился съ женихомъ

ея и смѣло обѣщалъ ему возвратиться съ сильнѣйшею ратью. Но Самозванецъ, едва ли уже вѣря нареченному тестю, еще вѣрилъ счастію: съ обрядами священными предавъ на полѣ сраженія тѣла убитыхъ, своихъ и непріятелей и снявъ осаду Новгорода, расположился станомъ въ Комарницкой волости, занялъ Сѣвскій острогъ, спѣшилъ вооружать, кого могъ, гражданъ и земледѣльцевъ. Рать Борисова не дала ему времени.

Смятеніе воеводъ московскихъ было столь велико, что они даже медлили извѣстить царя о битвѣ. Узнавъ отъ другихъ всѣ ея печальныя обстоятельства, Борисъ (1 января) послалъ князя Василія Шуйскаго къ войску, быть вторымъ предводителемъ онаго, а чашника Вельяминова къ раненому Мстиславскому, ударить ему челомъ за кровь, проліянную имъ изъ усердія къ святому отечеству, и сказать именемъ государя: „Когда ты, совершивъ знаменитую службу, увидишь образъ Спасовъ, Богоматери, чудотворцевъ московскихъ и наши царскія очи, тогда пожалуемъ тебя свыше твоего чаянія. Нынѣ шлемъ къ тебѣ искуснаго врача, да будешь здравъ и снова на конѣ ратномъ“. Всѣмъ инымъ воеводамъ царь велѣлъ объявить свое неудовольствіе за ихъ преступное молчаніе, но войско увѣрить въ милости. Чтобы блестящею наградою мужества оживить доблесть въ сердцахъ россіянъ, Борисъ, искренно довольный однимъ Басмановымъ, призвалъ его къ себѣ, выслалъ знатнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ навстрѣчу къ герою и собственныя великолѣпныя сани для торжественнаго въѣзда въ Москву со всею царскою пышностью; далъ ему изъ своихъ рукъ тяжелое золотое блюдо, насыпанное червонцами, и 2,000 рублей, множество серебряныхъ сосудовъ изъ казны кремлевской, доходное помѣстье и санъ боярина думнаго. Столица и Россія обратили взоръ на сего новаго вельможу, ознаменованнаго вдругъ и славою подвига, и милостію царскою: превозносили его необыкновенныя достоинства—и любимецъ государевъ сдѣлался любимцемъ народнымъ, первымъ человѣкомъ своего времени въ общемъ мнѣніи. Но столь блестящая награда одного была укоризною для многихъ и естественно рождала негодованіе зависти между знатными. Если бы царь осмѣлился презрѣть уставъ боярскаго старѣйшинства и дать главное воеводство Басманову, то, можетъ быть, спасъ бы свой домъ отъ гибели и Россію отъ бѣдствій—чего судьба не хотѣла! Призвавъ Басманова въ Москву, вѣроятно, съ намѣреніемъ пользоваться его совѣтами въ Думѣ, царь отнялъ лучшаго воеводу у рати и сдѣлалъ, кажется, новую ошибку, избравъ Шуйскаго въ начальники. Сей князь, подобно Мстиславскому, могъ не робѣть смерти въ битвахъ, но не имѣлъ ни ума, ни души вождя истиннаго, рѣшительнаго и смѣлаго; увѣренный въ самозванствѣ бродяги, не думалъ предать ему отече-

ства, но, угождая Борису какъ царедворецъ льстивый, помнилъ свои опалы: видѣлъ, можетъ быть, не безъ тайнаго удовольствія муку его тиранскаго сердца и, желая спасти честь Россіи, зложелательствовалъ царю.

Шуйскій, провождаемый множествомъ чиновныхъ стольниковъ и стряпчихъ, нашелъ войско близъ Стародуба въ лѣсахъ, между засѣками, гдѣ оно, усиленное новыми дружинами, какъ бы таилось отъ непріятеля въ бездѣйствіи, въ уныніи, съ предводителемъ недужнымъ; другая запасная рать подъ начальствомъ Ѳедора Шереметева собиралась близъ Кромъ, такъ что Борисъ имѣлъ въ полѣ не менѣе осьмидесяти тысячъ воиновъ. Мстиславскій, еще изнемогая отъ ранъ, и Шуйскій немедленно двинулись къ Сѣвску, гдѣ Лжедимитрій не хотѣлъ ждать ихъ: смѣлый отчаяніемъ, вышелъ изъ города и встрѣтился съ ними въ Добрыничахъ. Силы были несоразмѣрны: у него 15,000 конныхъ и пѣшихъ; у воеводъ Борисовыхъ 60 или 70 тысячъ. Узнавъ, что полки наши тѣснятся въ деревнѣ, онъ хотѣлъ ночью зажечь ее и врасплохъ нагрянуть на сонныхъ; тамошніе жители взялись подвезти его къ селенію незамѣтно; но стражи увидѣли сіе движеніе: сдѣлалась тревога, и непріятель удалился. Ждали разсвѣта (21 января). Самозванецъ молился, говорилъ рѣчь къ своимъ, какъ и въ день Новгородской битвы; раздѣлилъ войско на три части: для перваго удара взялъ себѣ 400 ляховъ, и 2,000 россіянъ всадниковъ, которые всѣ отличались бѣлою одеждою сверхъ латъ, чтобы знать другъ друга въ сѣчѣ; за ними должны были идти 8,000 казаковъ, также всадниковъ, и 4,000 пѣшихъ воиновъ съ пушками. Утромъ началась сильная пальба. Россіяне, столь многочисленные, не шли впередъ, съ обѣихъ сторонъ примыкая къ селенію, гдѣ стояла ихъ пѣхота. Оглядѣвъ устроеніе московскихъ воеводъ, Лжедимитрій сѣлъ на борзаго, караго аргамака-держа въ рукѣ обнаженный мечъ, и повелъ свою конницу долиною, чтобы стремительнымъ нападеніемъ разрѣзать войско Борисово между селеніемъ и правымъ крыломъ. Мстиславскій, слабый и томный, былъ на конѣ, угадалъ мысль непріятеля и двинулъ сіе крыло, съ иноземною дружиною, къ нему навстрѣчу. Тутъ Разстрига, какъ истинный витязь, оказалъ смѣлость необыкновенную: сильнымъ ударомъ смялъ россіянъ и погналъ ихъ; сломилъ и дружину иноземную, несмотря на ея мужественное, блестящее сопротивленіе, и кинулся на пѣхоту московскую, которая стояла предъ деревнею съ огнестрѣльнымъ снарядомъ—и не трогалась, какъ бы въ оцѣпенѣніи, ждала, и вдругъ залпомъ изъ сорока пушекъ, изъ десяти или двѣнадцати тысячъ ружей, поразила непріятеля: множество всадниковъ и коней пало; кто уцѣлѣлъ, бѣжалъ назадъ въ безпамятствѣ страха — и самъ Лжеди-

митрій. Уже казаки его неслись было во всю прыть довершить легкую побѣду своего героя, но видя, что она не ихъ, обратили тылъ, сперва запорожцы, а послѣ и донцы, и пѣхота. 5,000 россіянъ и нѣмцы съ кликомъ: Hilf Gott (помоги Богъ), гнали, разили бѣгущихъ на пространствѣ осьми верстъ, убили тысячъ шесть, взяли немало и плѣнниковъ, 15 знаменъ, 13 пушекъ; наконецъ истребили бы всѣхъ до единаго, если бы воеводы, какъ пишутъ, не велѣли имъ остановиться, думая, вѣроятно, что все кончено и что самъ Лжедимитрій убитъ. Съ сею счатливою вѣстію прискакалъ въ Москву сановникъ Шеинъ и нашелъ царя, молящагося въ лаврѣ св. Сергія...

Борисъ затрепеталъ отъ радости; велѣлъ пѣть благодарственные молебны, звонить въ колокола и представить народу трофеи: знамена, трубы и бубны Самозванцевы; далъ гонцу санъ окольничаго, послалъ съ любимымъ стольникомъ княземъ Мезецкимъ золотыя медали воеводамъ, а войску 80.000 рублей, и писалъ къ первымъ, что ждетъ отъ нихъ вѣсти о концѣ мятежа, будучи готовъ отдать вѣрнымъ слугамъ и послѣднюю свою рубашку; въ особенности благодарилъ усердныхъ иноземцевъ и двухъ ихъ предводителей, Вальтера Розена, ливонскаго дворянина, и француза Якова Маржерета; наконецъ изъявлялъ живѣйшее удовольствіе, что побѣда стоила намъ недорого, ибо мы лишились въ битвѣ только пяти сотъ россіянъ и двадцати-пяти нѣмцевъ.

Но Самозванецъ былъ живъ; побѣдители, безвременно веселясь и торжествуя, упустили его: онъ на раненомъ конѣ ускакалъ въ Сѣвскъ и въ ту же ночь бѣжалъ далѣе, въ городъ Рыльскъ, съ немногими ляхами, съ княземъ Татевымъ и съ другими измѣнниками. Въ слѣдующій день явились къ нему разсѣянные запорожцы; Самозванецъ не впустилъ ихъ въ городъ, какъ малодушныхъ трусовъ или предателей, такъ что они съ досадою и стыдомъ ушли восвояси. Не видя для себя безопасности и въ Рыльскѣ, Лжедимитрій искалъ ея въ Путивлѣ, лучше укрѣпленномъ и ближайшемъ къ границѣ; а воеводы Борисовы все еще стояли въ Добрынычахъ, занимаясь казнями: вѣшали плѣнниковъ (кромѣ литовскихъ, пана Тишкевича и другихъ, посланныхъ въ Москву); мучили, разстрѣливали земледѣльцевъ, жителей Камарницкой волости, за ихъ измѣну, безжалостно и безразсудно, усиливая тѣмъ остервенѣніе мятежниковъ, ненависть къ царю и доброе расположеніе къ обманщику, который миловалъ и самыхъ усердныхъ слугъ своего непріятеля. Сія жестокость, вмѣстѣ съ оплошностію воеводъ, спасли злодѣя. Уже лишенный всей надежды, разбитый на-голову, почти истребленный, съ гордостію бѣглецовъ унылыхъ, онъ хотѣлъ тайно уйти изъ Путивля въ Литву; измѣнники отчаянные удержали его, сказавъ: „мы всѣмъ тебѣ

жертвовали, а ты думаешь только о жизни постыдной и предаешь насъ мести Годунова; но еще можемъ спастись, выдавъ тебя живого Борису!“ Они предложили ему все, что имѣли: жизнь и достоянiе, ободряли его, ручались за множество своихъ единомышленниковъ и въ полкахъ Борисовыхъ, и въ государствѣ. Не менѣе ревности оказали и казаки донскiе: ихъ снова пришло къ Самозванцу 4,000 въ Путивль; другiе засѣли въ городахъ и клялися оборонять ихъ до послѣдняго издыханiя. Лжедимитрiй волею и неволею остался; послалъ князя Татева къ Сигизмунду требовать немедленнаго вспоможенiя, укрѣплялъ Путивль и, слѣдуя совѣту измѣнниковъ, издалъ новый манифестъ, разсказывая въ немъ свою вымышленную исторiю о Димитрiевомъ спасенiи, свидѣтельствуясь именемъ людей умершихъ, особенно даромъ князя Ивана Мстиславскаго, крестомъ драгоцѣннымъ, и прибавляя, что онъ (Димитрiй) тайно воспитывался въ Бѣлоруссiи, а послѣ тайно же былъ съ канцлеромъ Сапѣгою въ Москвѣ, гдѣ видѣлъ хищника Годунова, сидящаго на престолѣ Іоанновомъ. Сей второй манифестъ, удовлетворяя любопытству баснями, дотолѣ неизвѣстными, умножилъ число друзей Самозванца, хотя и разбитаго. Говорили, что россiяне шли на него только принужденно, съ неизъяснимою боязнiю, внушаемою чѣмъ-то сверхъестественнымъ, безъ сомнѣнiя Небомъ; что они побѣдили случайно и не устояли бы безъ слѣпого остервенѣнiя нѣмцевъ, что Провидѣнiе, очевидно, хотѣло спасти сего витязя въ самой несчастной битвѣ, что онъ и въ самой крайности не оставленъ Богомъ, не оставленъ вѣрными слугами, которые, принявъ въ немъ истиннаго Димитрiя, еще готовы жертвовать ему собою, женами, дѣтьми, и, конечно, не могли бы имѣть столь великаго усердiя къ обманщику. Такiя разглашенiя сильно дѣйствовали на легковѣрныхъ и многiе люди, особенно изъ Камарницкой волости, гдѣ свирѣпствовала месть Борисова, стекались въ Путивль, требуя оружiя и чести умереть за Димитрiя.

Между тѣмъ воеводы царскiе, свѣдавъ, что Самозванецъ не истребленъ, тронулись съ мѣста, приступили къ Рыльску и, не обѣщая никому помилованiя, хотѣли, чтобы городъ сдался безъ условiя. Тамъ начальствовали злые измѣнники, князь Григорiй Долгорукiй-Роща и Яковъ Змѣевъ. Видя предъ собою висѣлицу, они велѣли сказать Мстиславскому: „служимъ царю Димитрiю“, и залпомъ изъ всѣхъ пушекъ доказали свою неприклонность. Воеводы стояли двѣ недѣли подъ городомъ, хвалились не во-время человѣколюбiемъ, жалѣли крови и рѣшились дать отдохновенiе войску, дѣйствительно утружденному зимнимъ походомъ; отступили въ Комарницкую волость и донесли царю, что будутъ ждать тамъ весны въ покойныхъ станахъ. Но Борисъ, послѣ кратко-

временной радости, встревоженный извѣстіями о спасеніи Лжедимитрія и новыхъ прельщеніяхъ измѣны, досадуя на Мстиславскаго и всѣхъ его сподвижниковъ, послалъ къ нимъ въ острогъ Радогостскій окольничаго Петра Шереметева и думнаго дьяка Власьева съ дружиною московскихъ дворянъ и съ гнѣвнымъ словомъ; укорялъ ихъ въ нерадѣніи, винилъ въ упущеніи Самозванца изъ рукъ, въ безполезности побѣды и произвелъ всеобщее негодованіе въ войскѣ. Жаловались на жестокость и несправедливость царя тѣ, которые дотолѣ вѣрно исполняли присягу, обагрились кровію въ битвахъ, изнемогли отъ трудовъ ратныхъ; еще болѣе жаловались зломышленники, чтобы усиливать нелюбовь къ царю—и могли хвалиться успѣхомъ, ибо съ сего времени, по извѣстію лѣтописца, многіе чиновники воинскіе видимо склонялись къ Самозванцу, и желаніе избыть Бориса овладѣло сердцами. Измѣна возникла, но еще не дозрѣла до мятежа; еще наблюдалось, хотя и неохотное, повиновеніе законное. Слѣдуя строгому предписанію государеву, Мстиславскій и Шуйскій снова вывели войско въ поле, чтобы удивить Россію ничтожностію своихъ дѣйствій: оставили Лжедимитрія на свободѣ въ Путивлѣ, соединились съ запасною ратію Θедора Шереметева, уже двѣ или три недѣли тѣснившаго Кромы, и вмѣстѣ съ нимъ въ великій постъ начали осаждать сію крѣпость. Дѣло невѣроятное: тысячъ восемьдесятъ или болѣе ратниковъ, имѣя множество стѣнобитныхъ орудій, безъ успѣха приступало къ деревянному городку, ибо въ немъ, сверхъ жителей, сидѣло 600 мужественныхъ донцовъ съ храбрымъ атаманомъ Корелою! Осаждающіе ночью сожгли городъ, заняли пепелище и валъ, но казаки сильною, мѣткою стрѣльбою не допускали ихъ до острога, и бояринъ Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ, или малодушный или уже предатель, не сказавъ ни слова главнымъ воеводамъ, велѣлъ рати отступить въ тотъ часъ, когда ей должно было устремиться на послѣднюю ограду измѣнниковъ. Мстиславскій и Шуйскій не дерзнули наказать виновнаго, уже видя худое расположеніе въ сподвижникахъ — и съ сего дня, въ надеждѣ взять крѣпость голодомъ, только стрѣляли изъ пушекъ, не вредя осажденнымъ, которые выкопали себѣ землянки и подъ защитою вала укрывались въ нихъ безопасно; иногда же выползали изъ своихъ норъ и дѣлали смѣлыя вылазки. Между тѣмъ войско, стоя на снѣгу и въ сырости, было жертвою повальной болѣзни: смертоноснаго мыта. Сіе бѣдствіе еще оказало достохвальную заботливость царя, приславшаго въ станъ лѣкарства и все нужное для спасенія болящихъ, но умножило нерадивость осады, такъ что въ бѣлый день 100 возовъ хлѣба и 500 казаковъ Лжедимитріевыхъ изъ Путивля могли пройти въ обожженныя Кромы.

Досадуя на замедленіе воинскихъ дѣйствій, Борисъ хотѣлъ

инымъ способомъ, какъ пишутъ современники, избавить себя и Россію отъ злодѣя. Три инока, знавшіе Отрепьева діакономъ, явились въ Путивлѣ (8 марта) съ грамотами отъ государя и патріарха къ тамошнимъ жителямъ; первый обѣщалъ имъ великія милости, если они выдадутъ ему Самозванца живого или мертваго; второй грозилъ страшнымъ дѣйствіемъ церковной анаѳемы. Сихъ монаховъ схватили и привели къ Лжедимитрію, который употребилъ хитрость: вмѣсто его, въ царскомъ одѣяніи, на тронѣ сидѣлъ полякъ Иваницкій и, представляя лицо Самозванца, спросилъ у нихъ: „знаете ли меня?“ Монахи сказали: „нѣтъ; знаемъ только, что ты во всякомъ случаѣ не Димитрій“. Ихъ стали пытать; двое терпѣли и молчали, а третій спасъ себя объявленіемъ, что у нихъ есть ядъ, коимъ они, исполняя волю Борисову, хотѣли уморить Лжецаревича, и что нѣкоторые изъ ближнихъ его людей въ заговорѣ съ ними. Ядъ, дѣйствительно, нашелся въ сапогѣ у младшаго изъ сихъ иноковъ, и Самозванецъ, открывъ двухъ измѣнниковъ между своими любимцами, предалъ ихъ въ жертву народной мести. Увѣряютъ, что онъ, хваляся явнымъ небеснымъ къ нему благоволеніемъ, писалъ тогда къ патріарху и къ самому царю: укорялъ Іова злоупотребленіемъ церковной власти въ пользу хищника, а Бориса убѣждалъ мирно оставить престолъ и свѣтъ, заключиться въ монастырѣ и жить для спасенія души, обѣщая ему свою царскую милость. Такое письмо, если дѣйствительно писанное и доставленное Годунову, было, конечно, новымъ искушеніемъ для его твердости!

Душа сего властолюбца жила тогда ужасомъ и притворствомъ! Обманутый побѣдою въ ея слѣдствіяхъ, Борисъ страдалъ, видя бездѣйствіе войска, нерадивость, неспособность или зломысліе воеводъ и боясь смѣнить ихъ, чтобы не избрать худшихъ; страдалъ, внимая молвѣ народной, благопріятной для Самозванца, и не имѣя силъ унять ее ни снисходительными убѣжденіями, ни клятвою святительскою, ни казнію, ибо въ сіе время уже рѣзали языки нескромнымъ. Доносы ежедневно умножались, и Годуновъ страшился жестокостію ускорить общую измѣну: еще былъ самодержцемъ, но чувствовалъ оцѣпенѣніе власти въ рукѣ своей и съ престола, еще окруженнаго льстивыми рабами, видѣлъ открытую для себя бездну! Дума и дворъ не измѣнялись наружно: въ первой текли дѣла, какъ обыкновенно; второй блисталъ пышностію, какъ и дотолѣ. Сердца были закрыты: одни таили страхъ, другіе злорадство, а всѣхъ болѣе долженъ былъ принуждать себя Годуновъ, чтобы уныніемъ и разслабленіемъ духа не предвѣстить своей гибели — и, можетъ быть, только въ глазахъ вѣрной супруги обнаруживалъ сердце: казалъ ей кровавыя, глубокія раны его, чтобы облегчать себя свободнымъ стенаніемъ. Онъ не имѣлъ утѣшенія

чистѣйшаго: не могъ предаться въ волю святого Провидѣнія, служа только идолу властолюбія, хотѣлъ еще наслаждаться плодомъ Димитріева убіенія и дерзнулъ бы, конечно, на злодѣяніе новое, чтобы не лишиться пріобрѣтеннаго злодѣйствомъ. Въ такомъ ли расположеніи души утѣшается смертный вѣрою и надеждою небесною? Храмы были отверсты: Годуновъ молился Богу, неумолимому для тѣхъ, которые не знаютъ ни добродѣтели, ни раскаянія! Но есть предѣлъ мукамъ въ бренности нашего естества земного.

Борису исполнилось 53 года отъ рожденія; въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ мужества онъ имѣлъ недуги, особенно жестокую подагру, и легко могъ, уже старѣясь, истощить свои тѣлесныя силы душевнымъ страданіемъ. Борисъ 13 апрѣля, въ часъ утра, судилъ и рядилъ съ вельможами въ Думѣ, принималъ знатныхъ иноземцевъ, обѣдалъ съ ними въ Золотой палатѣ и, едва вставъ изъ-за стола, почувствовалъ дурноту; кровь хлынула у него изъ носу, ушей и рта, лилась рѣкою; врачи, столь имъ любимые, не могли остановить ее. Онъ терялъ память, но успѣлъ благословить сына на государство Россійское, воспріять ангельскій образъ съ именемъ Боголѣпа и чрезъ два часа испустилъ духъ въ той же храминѣ, гдѣ пировалъ съ боярами и съ иноземцами.

Къ сожалѣнію, потомство не знаетъ ничего болѣе о сей кончинѣ, разительной для сердца. Кто не хотѣлъ бы видѣть и слышать Годунова въ послѣднія минуты такой жизни, читать въ его взорахъ и въ душѣ, смятенной внезапнымъ наступленіемъ вѣчности? Предъ нимъ былъ тронъ, вѣнецъ и могила; супруга, дѣти, ближніе, уже обреченныя жертвы судьбы; рабы неблагодарные, уже съ готовою измѣною въ сердцѣ; предъ нимъ и святое знаменіе христіанства—образъ Того, Кто не отвергаетъ, можетъ быть, и поздняго раскаянія! Молчаніе современниковъ, подобно непроницаемой завѣсѣ, сокрыло отъ насъ зрѣлище столь важное, столь нравоучительное, дозволяя дѣйствовать одному воображенію.

Увѣряютъ, что Годуновъ былъ самоубійцею, въ отчаяніи лишивъ себя жизни ядомъ; но обстоятельства и родъ его смерти подтверждаютъ ли истину сего извѣстія? И сей нѣжный отецъ семейства, сей человѣкъ, сильный духомъ, могъ ли, спасаясь ядомъ отъ бѣдствія, малодушно оставить жену и дѣтей на гибель, почти несомнительную? И торжество Самозванца было ли вѣрно, когда войско еще не измѣняло царю дѣломъ, еще стояло, хотя и безъ усердія, подъ его знаменами? Только смерть Борисова рѣшила успѣхъ обмана; только измѣнники, явные и тайные, могли желать, могли ускорить ее; но всего вѣроятнѣе, что ударъ, а не ядъ, прекратилъ бурные дни Борисовы къ истинной скорби отечества, ибо сія безвременная кончина была небесною казнію для Россіи еще болѣе, нежели для Годунова: онъ умеръ

по крайней мѣрѣ на тронѣ, не въ узахъ предъ бѣглымъ діакономъ, какъ бы еще въ воздаяніе за государственныя его благотворенія; Россія же, лишенная въ немъ царя умнаго и попечительнаго, сдѣлалась добычею злодѣйства на многія лѣта.

Но имя Годунова, одного изъ разумнѣйшихъ властителей въ мірѣ, въ теченіе столѣтій было и будетъ произносимо съ омерзѣніемъ во славу нравственнаго неуклоннаго правосудія. Потомство видитъ лобное мѣсто, обагренное кровію невинныхъ, св. Димитрія, издыхающаго подъ ножомъ убійцъ, героя Псковскаго въ петлѣ, столь многихъ вельможъ въ мрачныхъ темницахъ и келіяхъ; видитъ гнусную мзду, рукою вѣнценосца предлагаемую клеветникамъ-доносителямъ; видитъ систему коварства, обмановъ, лицемѣрія предъ людьми и Богомъ... вездѣ личину добродѣтели, и гдѣ добродѣтель? въ правдѣ ли судовъ Борисовыхъ, въ щедрости, въ любви къ гражданскому образованію, въ ревности къ величію Россіи, въ политикѣ мирной и здравой? Но сей яркій для ума блескъ хладенъ для сердца, удостовѣреннаго, что Борисъ не усомнился бы ни въ какомъ случаѣ дѣйствовать вопреки своимъ мудрымъ государственнымъ правиламъ, если бы властолюбіе потребовало отъ него такой перемѣны. Онъ не былъ, но бывалъ тираномъ; не безумствовалъ, но злодѣйствовалъ подобно Іоанну, устраняя совмѣстниковъ или казня недоброжелателей. Если Годуновъ на время благоустроилъ державу, на время возвысилъ ее во мнѣніи Европы, то не онъ ли и ввергнулъ Россію въ бездну злополучія, почти неслыханнаго, предалъ въ добычу ляхамъ и бродягамъ, вызвалъ на театръ сонмъ мстителей и самозванцевъ истребленіемъ древняго племени царскаго? Не онъ ли, наконецъ, болѣе всѣхъ содѣйствовалъ уничиженію престола, возсѣвъ на немъ святоубійцею?

ГЛАВА III.

Царствованіе Θеодора Борисовича Годунова.

1605.

Присяга Θеодору.—Достоинства юнаго царя.—Избраніе Басманова въ военачальники.—Присяга войска.—Измѣна Басманова.—Самозванецъ усиливается.—Измѣна Голицыныхъ и Салтыкова.—Измѣна войска.—Походъ къ Москвѣ.—Оцѣпенѣніе умовъ въ столицѣ.—Измѣна москвитянъ.—Сведеніе Θеодора съ престола.—Присяга Лжедимитрію.—Заточеніе патріарха и Годуновыхъ.—Цареубійство.

Еще россіяне погребли Бориса съ честію во храмѣ св. Михаила, между памятниками своихъ вѣнценосцевъ варяжскаго племени; еще духовенство льстило ему и въ могилѣ: святители въ

окружныхъ грамотахъ къ монастырямъ писали о безпорочной и праведной душѣ его, мирно отошедшей къ Богу! Еще всѣ, отъ патріарха и синклита до мѣщанъ и земледѣльцевъ, съ видомъ усердія присягнули „царицѣ Маріи, дѣтямъ ея, царю Θеодору и Ксеніи, обязываясь страшными клятвами не измѣнять имъ, не умышлять на ихъ жизнь и не хотѣть на государство московское ни бывшаго великаго князя тверского, слѣпца Симеона, ни зло-

ΘЕОДОРЪ II. БОРИСОВИЧЪ.
Царь и Самод. Всероссійскій

дѣя, именующаго себя Димитріемъ, не избѣгать царской службы и не бояться въ ней ни трудовъ, ни смерти“. Достигнувъ вѣнца злодѣйствомъ, Годуновъ былъ, однакожъ, царемъ законнымъ; сынъ естественно наслѣдовалъ права его, утвержденныя двукратною присягою, и какъ бы давалъ имъ новую силу прелестію своей невинной юности, красоты мужественной, души равно твердой и кроткой; онъ соединялъ въ себѣ умъ отца съ добродѣ-

телью матери и шестнадцати лѣтъ удивлялъ вельможъ даромъ слова и свѣдѣніями необыкновенными въ тогдашнее время—первымъ счастливымъ плодомъ европейскаго воспитанія въ Россіи; рано узналъ и науку правленія, отрокомъ засѣдая въ Думѣ; узналъ и сладость благодѣянія, всегда употребляемый родителемъ въ посредники между закономъ и милостію. Чего нельзя было ожидать государству отъ такого вѣнценосца? Но тѣнь Борисова съ ужасными воспоминаніями омрачала престолъ Ѳеодоровъ: ненависть къ отцу препятствовала любви къ сыну. Россіяне ждали только бѣдствій отъ злого племени, въ ихъ глазахъ опальнаго предъ Богомъ, и, страшась быть жертвою небесной казни за Годунова, не устрашились подвергнуться сей казни за преступленіе собственное—за вѣроломство, осуждаемое уставомъ божественнымъ и человѣческимъ.

Еще Ѳеодоръ, столь юный, имѣлъ нужду въ совѣтникахъ: мать его блистала единственно скромными добродѣтелями своего пола. Немедленно велѣли тремъ знатнѣйшимъ боярамъ: князьямъ Мстиславскому, Василію и Димитрію Шуйскимъ, оставить войско и быть въ Москву, чтобы правительствовать въ синклитѣ; возвратили свободу, честь и достояніе славному Бѣльскому, чтобы также пользоваться его умомъ и свѣдѣніями въ Думѣ. Но всего важнѣе было избраніе главнаго воеводы: искали уже не старѣйшаго, а способнѣйшаго, и выбрали Басманова, ибо не могли сомнѣваться ни въ его воинскихъ дарованіяхъ, ни въ вѣрности, доказанной дѣлами блестящими. Юный Ѳеодоръ, въ присутствіи матери, сказалъ ему съ умиленіемъ: „служи намъ, какъ ты служилъ отцу моему“—и сей честолюбецъ, пылая (такъ казалось) чувствомъ усердія, клялся умереть за царя и царицу! Басманову дали въ товарищи одного изъ знатнѣйшихъ бояръ князя Михайла Катырева-Ростовскаго, добраго и слабодушнаго. Послали съ ними и митрополита новгородскаго Исидора, чтобы войско въ его присутствіи цѣловало крестъ на имя Ѳеодора. Нѣсколько дней прошло въ тишинѣ для столицы. Дворъ и народъ торжественно молились о душѣ царя усопшаго; гораздо искреннѣе молились истинные друзья отечества о спасеніи государства, предвидя бурю. Съ нетерпѣніемъ ждали вѣстей изъ Кромскаго стана—и первыя донесенія новыхъ воеводъ казались еще благопріятными.

Невидимо держа въ рукѣ судьбу отечества, Басмановъ 17 апрѣля прибылъ въ станъ и не нашелъ тамъ уже ни Мстиславскаго, ни Шуйскихъ; созвалъ всѣхъ, чиновниковъ и рядовыхъ, подъ знамена, извѣстилъ ихъ о воцареніи Ѳеодора и прочиталъ имъ грамоты его, весьма милостивыя: юный монархъ обѣщалъ вѣрному, усердному войску безпримѣрныя награды послѣ сорочинъ Борисовыхъ. Сильное внутреннее движеніе обнаружилось на ли-

цахъ: нѣкоторые плакали о царѣ усопшемъ, боясь за Россію; другіе не таили злой радости. Но войско, подобно Москвѣ, присягнуло Өеодору. Съ симъ извѣстіемъ митрополитъ Исидоръ возвратился въ столицу, самъ Басмановъ доносилъ о томъ... а черезъ нѣсколько дней узнали его измѣну!

Удививъ современниковъ, дѣло Басманова удивляетъ и потомство. Сей человѣкъ имѣлъ душу, какъ увидимъ въ роковой часъ его жизни; не вѣрилъ Самозванцу, столь ревностно обличалъ и столь мужественно разилъ его подъ стѣнами Новогорода-Сѣверскаго; былъ осыпанъ милостями Бориса, удостоенъ всей довѣренности Өеодора, избранъ въ спасители царя и царства, съ правомъ на ихъ благодарность безпредѣльную, съ надеждою оставить блестящее имя въ лѣтописяхъ — и палъ къ ногамъ Разстриги, въ видѣ гнуснаго предателя! Изъяснимъ ли такое непонятное дѣйствіе худымъ расположеніемъ войска? Скажемъ ли, что Басмановъ, предвидя неминуемое торжество Самозванца, хотѣлъ ускореніемъ измѣны спасти себя отъ уничиженія, хотѣлъ лучше отдать и войско и царство обманщику, нежели быть выданному ему мятежниками? Но полки еще клялися именемъ Божіимъ въ вѣрности къ Өеодору: какою новою ревностію могъ бы одушевить ихъ воевода доблій, силою своего духа и закона обуздавъ зломысленниковъ? Нѣтъ, вѣримъ сказанію лѣтописца, что не общая измѣна увлекла Басманова, но Басмановъ произвелъ общую измѣну войска. Сей честолюбецъ безъ правилъ чести, жадный къ наслажденіямъ временщика, думалъ, вѣроятно, что гордые, завистливые родственники Өеодоровы никогда не уступятъ ему ближайшаго мѣста къ престолу, и что Самозванецъ безродный, имъ (Басмановымъ) возведенный на царство, естественно будетъ привязанъ благодарностію и собственною пользою къ главному виновнику своего счастія. Судьба ихъ дѣлалась нераздѣльною, и кто могъ затмить Басманова достоинствами личными? Онъ зналъ другихъ бояръ и себя,—не зналъ только, что сильные духомъ падаютъ, какъ младенцы, на пути беззаконія. Басмановъ, вѣроятно, не дерзнулъ бы измѣнить Борису, который дѣйствовалъ на воображеніе и долговременнымъ повелительствомъ, и блескомъ великаго ума государственнаго; Өеодоръ, слабый юностію лѣтъ и новостію державства, вселялъ смѣлость въ предателя, вооруженнаго суемудріемъ для успокоенія сердца: онъ могъ думать, что измѣною спасаетъ Россію отъ ненавистной олигархіи Годуновыхъ, вручая скипетръ хотя и Самозванцу, хотя и человѣку низкаго происхожденія, но смѣлому, умному, другу знаменитаго вѣнценосца польскаго и какъ бы избранному судьбою для совершенія достойной мести надъ родомъ святоубійцы; могъ думать, что направитъ Лжедимитрія на путь добра и ми-

лости, обманетъ Россію, но загладитъ сей обманъ ея счастіемъ! Можетъ быть Басмановъ выѣхалъ изъ столицы еще въ нерѣшимости, готовый дѣйствовать по обстоятельствамъ для выгодъ своего честолюбія, можетъ быть онъ рѣшился на измѣну единственно тогда, какъ увидѣлъ преклонность и воеводъ, и войска къ обманщику. Всѣ цѣловали крестъ Ѳеодору (ибо никто не дерзнулъ быть первый мятежникомъ), но большею частью съ нехотѣніемъ или съ уныніемъ. И тѣ, которые дотолѣ не вѣрили мнимому Димитрію, стали вѣрить ему, будучи поражены внезапною смертію Годунова и находя въ ней новое доказательство, что не Самозванецъ, а дѣйствительно наслѣдникъ Іоанновъ требуетъ своего законнаго достоянія, ибо Всевышній, какъ они думали, несомнительно благоволитъ о немъ и ведетъ его, чрезъ могилу хищника, на царство. Замѣтили также, что въ присягѣ Ѳеодоровой Самозванецъ не былъ именованъ Отрепьевымъ; слагатели ея, вѣроятно безъ умысла, написали единственно: клянемся не приставать къ тому, кто именуетъ себя Димитріемъ. „Слѣдственно,—говорили многіе,—сказка о бѣгломъ діаконѣ чудовскомъ уже торжественно объявляется вымысломъ. Кто же сей Димитрій, если не истинный?“ Самые вѣрные имѣли печальную мысль, что Ѳеодору не удержаться на престолѣ. Такое расположеніе умовъ и сердецъ обѣщало легкій успѣхъ измѣнѣ; Басмановъ наблюдалъ, рѣшился и, готовя Россію въ даръ обманщику, безъ сомнѣнія, удостовѣрился, посредствомъ тайныхъ сношеній, въ его благодарности.

Оставленный на свободѣ въ Путивлѣ, Лжедимитрій въ теченіе трехъ мѣсяцевъ укрѣплялъ свои города и вооружалъ людей; писалъ къ Мнишку, что надѣется на счастіе болѣе, нежели когда-нибудь; посылалъ дары къ хану, желая заключить съ нимъ союзъ; ждалъ новыхъ сподвижниковъ изъ Галиціи и былъ усиленъ дружиною всадниковъ, приведенныхъ къ нему Михайломъ Ратомскимъ, который увѣрялъ его, что вслѣдъ за нимъ будетъ и воевода Сендомирскій съ королевскими полками. Но только смерть Борисова, только измѣна воеводъ царскихъ могла исполнить дерзкую надежду Разстриги: о первой свѣдалъ онъ въ концѣ апрѣля отъ бѣглеца дворянина Бахметева, о второй въ началѣ мая, вѣроятно отъ самого Басманова, и съ того времени зналъ все, что происходило въ станѣ Кромскомъ.

Отдавъ честь мужа думнаго и славу знаменитаго витязя за прелесть исключительнаго вельможества подъ скипетромъ бродяги, Басмановъ, увѣренный въ сей наградѣ, увѣрилъ въ ней и другихъ низкихъ самолюбцевъ: боярина князя Василія Васильевича Голицына, брата его князя Ивана и Михайла Глѣбовича Салтыкова, которые также не имѣли ни совѣсти, ни стыда и также

хотѣли быть временщиками новаго царствованія въ воздаяніе за гнусное злодѣйство. Но и злодѣи ищутъ благовидныхъ предлоговъ въ своихъ ковахъ: обманывая другъ друга, лицемѣры находили въ Лжедимитріи всѣ признаки истиннаго, добродѣтели царскія и свойства души высокой; дивились чудесной судьбѣ его, ознаменованной перстомъ Божіимъ; злословили царство Годуновыхъ, снисканное лукавствомъ и беззаконіемъ; оплакивали бѣдствіе войны междоусобной и кровопролитной, необходимой для удержанія короны на слабой главѣ Ѳеодоровой, и въ торжествѣ Разстриги видѣли пользу, тишину, счастіе Россіи. Они условились въ предательствѣ и спѣшили дѣйствовать. Еще нѣсколько дней коварствовали втайнѣ, умножая число надежныхъ единомышленниковъ (между коими отличались ревностію боярскіе дѣти городовъ Рязани, Тулы, Каширы, Алексина); успокоивали совѣсть людей малоумныхъ, недальновидныхъ, твердя и повторяя, что для россіянъ одна присяга законная, данная ими Іоанну и дѣтямъ его; что новѣйшія, взятыя съ нихъ на имя Бориса и Ѳеодора, суть плодъ обмана и недѣйствительны, когда сынъ Іоанновъ не умиралъ и здравствуетъ въ Путивлѣ. Наконецъ, 7 мая, заговоръ открылся: ударили тревогу, Басмановъ сѣлъ на коня и громогласно объявилъ Димитрія царемъ московскимъ. Тысячи воскликнули и рязанцы первые: „да здравствуетъ же отецъ нашъ, государь Димитрій Іоанновичъ!“ Другіе же безмолвствовали въ изумленіи. Тогда единственно проснулись воеводы вѣрные, обманутые коварствомъ Басманова: князья Михайло Катыревъ-Ростовскій, Андрей Телятевскій, Иванъ Ивановичъ Годуновъ,—но поздно! Видя малое число усердныхъ къ Ѳеодору, они бѣжали въ Москву вмѣстѣ съ нѣкоторыми чиновниками и воинами, россіянами и чужеземцами; ихъ гнали, били; настигли Ивана Годунова и связаннаго привели въ станъ, гдѣ войско въ несчастномъ заблужденіи торжествовало измѣну, какъ свѣтлый праздникъ отечества. Никто не смѣлъ изъявить сомнѣнія, когда знаменитѣйшій противникъ Самозванца, герой Новогорода-Сѣверскаго, уже призналъ въ немъ сына Іоаннова, и радость видѣть снова на тронѣ древнее племя царское заглушала упреки совѣсти для обольщенныхъ вѣроломцевъ! Въ сей памятный беззаконіемъ день первенствовалъ Басмановъ дерзкимъ злодѣйствомъ, а другой измѣнникъ — подлымъ лукавствомъ: князь Василій Голицынъ велѣлъ связать себя, желая на всякій случай увѣрить Россію, что предается обманщику невольно!

Нарушивъ клятву, войско съ знаками живѣйшаго усердія обязалось другою: измѣнивъ Ѳеодору, быть вѣрнымъ мнимому Димитрію, и дало знать атаману Корелѣ, что они служатъ уже одному государю. Война прекратилась: кромскіе защитники вы-

ползли изъ своихъ норъ и братски обнимались съ бывшими непріятелями на валу крѣпости; а князь Иванъ Голицынъ спѣшилъ въ Путивль уже не къ царевичу, а къ царю съ повинною отъ имени войска и съ узникомъ Иваномъ Годуновымъ въ залогъ вѣрности. Лжедимитрій имѣлъ нужду въ необыкновенной душевной силѣ, чтобы скрыть свою чрезмѣрную радость: важно, величаво сидѣлъ на тронѣ, когда Голицынъ, провождаемый множествомъ сановниковъ и дворянъ, смиренно билъ ему челомъ и съ видомъ благоговѣнія говорилъ такъ: „Сынъ Іоанновъ! войско вручаетъ тебѣ державу Россіи и ждетъ твоего милосердія. Обольщенные Борисомъ, мы долго противились нашему царю законному, нынѣ же, узнавъ истину, всѣ единодушно тебѣ присягнули. Иди на престолъ родительскій; царствуй счастливо и многія лѣта! Враги твои, клевреты Борисовы, въ узахъ. Если Москва дерзнетъ быть строптивою, то смиримъ ее. Иди съ нами въ столицу вѣнчаться на царство!“ Въ сей самый часъ, по извѣстію лѣтописца, нѣкоторые дворяне московскіе, смотря на Лжедимитрія, узнали въ немъ діакона Отрепьева, содрогнулись, но уже не смѣли говорить и плакали тайно. Хитро представляя лицо монарха великодушнаго, тронутаго раскаяніемъ виновныхъ подданныхъ, счастливый обманщикъ не благодарилъ, а только простилъ войско; велѣлъ ему идти къ Орлу и самъ выступилъ туда 19 мая изъ Путивля съ 600 ляховъ, съ донцами и своими россіянами, старѣйшими другихъ въ измѣнѣ; хотѣлъ видѣть развалины Кромъ, прославленныя мужествомъ ихъ защитниковъ, и тамъ, оглядѣвъ пепелище, валъ, землянки казаковъ и необозримый, укрѣпленный станъ, гдѣ въ теченіе шести недѣль болѣе осьмидесяти тысячъ добрыхъ воиновъ за семидесятью огромными пушками укрывалось въ бездѣйствіи, изъявилъ удивленіе и хвалился чудомъ небесной къ нему милости. Далѣе на пути встрѣтили Разстригу воеводы Михайло Салтыковъ, князь Василій Голицынъ, Шереметевъ и глава предательства Басмановъ... сей послѣдній съ искреннею клятвою умереть за того, кому онъ жертвовалъ совѣстію и бѣднымъ отечествомъ! Единодушно принятый войскомъ какъ царь благодатный, Лжедимитрій распустилъ часть его на мѣсяцъ для отдохновенія, другую послалъ къ Москвѣ, а самъ, съ двумя или тремя тысячами надежнѣйшихъ сподвижниковъ, шелъ тихо вслѣдъ за нею. Вездѣ народъ и люди воинскіе встрѣчали его съ дарами; крѣпости, города сдавались: изъ самой отдаленной Астрахани привезли къ нему въ цѣпяхъ воеводу Михайла Сабурова, ближняго родственника Ѳеодорова. Только въ Орлѣ горсть великодушныхъ не хотѣла измѣнять закону; сихъ достойныхъ россіянъ, къ сожалѣнію неизвѣстныхъ для исторіи, ввергнули въ темницу. Всѣ другіе ревностно преклоняли колѣна, славили Бога и Ди-

митрія, какъ нѣкогда героя Донского или завоевателя Казани! На улицахъ, на дорогахъ тѣснились къ его коню, чтобы лобызать ноги Самозванца! Все было въ волненіи, не ужаса, но радости. Исчезъ оплотъ стыда и страха для измѣны: она бурною рѣкою стремилась къ Москвѣ, неся съ собою гибель царю и народной чести. Тамъ первыми вѣстниками злополучія были бѣглецы добросовѣстные, воеводы Катыревъ-Ростовскій и Телятевскій съ ихъ дружинами. Ѳеодоръ, еще пользуясь царскою властію, изъявилъ имъ благодарность отечества торжественными наградами и какъ бы спокойно ждалъ своего жребія на бѣдственномъ тронѣ, видя вокругъ себя уже немногихъ друзей искреннихъ, отчаяніе, недоумѣніе, притворство, а въ народѣ еще тишину, но грозную—готовность къ великой перемѣнѣ, тайно желаемой сердцами. Можетъ быть зломысліе и лукавство нѣкоторыхъ думныхъ совѣтниковъ, благопріятствуя Самозванцу, усыпляли жертву наканунѣ ея закланія,—обманывали Ѳеодора, его мать и ближнихъ, уменьшая опасность или предлагая мѣры, недѣйствительныя для спасенія. Власть верховная дремала въ палатахъ кремлевскихъ, когда Отрепьевъ шелъ къ столицѣ, когда имя Димитрія уже гремѣло на берегахъ Оки, когда на самой Красной площади толпился народъ, съ жадностію слушая вѣсти объ его успѣхахъ. Еще были воеводы и воины вѣрные: юный стратигъ державный, въ видѣ ангела красоты и невинности, еще могъ бы смѣло идти съ ними на сонмы ослѣпленныхъ клятвопреступниковъ и на подлаго Разстригу, въ дѣлѣ законномъ есть сила особенная, непонятная и страшная для беззаконія. Но если не коварство, то чудное оцѣпенѣніе умовъ предавало Москву въ мирную добычу злодѣйству. Звукъ оружія и движенія ратныя могли бы дать бодрость унылымъ и страхъ измѣнникамъ; но спокойствіе, ложное, смертоносное, господствовало въ столицѣ и служило для козней вожделѣннымъ досугомъ. Дѣятельность правительства оказывалась единственно въ томъ, что ловили гонцовъ съ грамотами отъ войска и Самозванца къ московскимъ жителямъ: грамоты жгли, гонцовъ сажали въ темницу; наконецъ, не устерегли — и въ одинъ часъ все свершилось!

Лжедимитрій, угадывая, что его письма не доходятъ до Москвы, избралъ двухъ сановниковъ смѣлыхъ, расторопныхъ, Плещеева и Пушкина, далъ имъ грамоту и велѣлъ ѣхать въ Красное Село, чтобы возмутить тамошнихъ жителей, а чрезъ нихъ и столицу. Сдѣлалось, какъ онъ думалъ. Купцы и ремесленники красносельскіе, плѣненные довѣренностію мнимаго Димитрія, присягнули ему съ ревностію и торжественно ввели гонцовъ его (1 іюня) въ Москву, открытую, безоружную, ибо воины, высланные царемъ для усмиренія сихъ мятежниковъ, бѣжали назадъ, не обнаживъ

меча, а красносельцы, славя Димитрія, нашли множество единомышленниковъ въ столицѣ, мѣщанъ и людей служивыхъ, другихъ силою увлекли за собою, нѣкоторые пристали къ нимъ только изъ любопытства. Сей шумный сонмъ стремился къ Лобному мѣсту, гдѣ, по данному знаку, все умолкло, чтобы слушать грамоту Лжедимитріеву къ синклиту, къ большимъ дворянамъ, сановникамъ, людямъ приказнымъ, воинскимъ, торговымъ, среднимъ и чернымъ. „Вы клялися отцу моему, — писалъ Разстрига, — не измѣнять его дѣтямъ и потомству во вѣки вѣковъ, но взяли Годунова въ цари. Не упрекаю васъ: вы думали, что Борисъ умертвилъ меня въ лѣтахъ младенческихъ; не знали его лукавства и не смѣли противиться человѣку, который уже самовластвовалъ и въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича,—жаловалъ и казнилъ, кого хотѣлъ. Имъ обольщенные, вы не вѣрили, что я, спасенный Богомъ, иду къ вамъ съ любовію и кротостію. Драгоцѣнная кровь лилася... Но жалѣю о томъ безъ гнѣва: невѣдѣніе и страхъ извиняютъ васъ. Уже судьба рѣшилась: города и войско мои. Дерзнете ли на брань междоусобную въ угодность Маріи Годуновой и сыну ея? Имъ не жаль Россіи: они не своимъ, а чужимъ владѣютъ; упитали кровію землю Сѣверскую и хотятъ разоренія Москвы. Вспомните, что было отъ Годунова вамъ, бояре, воеводы и всѣ люди знаменитые: сколько опалъ и безчестія несноснаго? А вы, дворяне и дѣти боярскіе, чего не претерпѣли въ тягостныхъ службахъ и въ ссылкахъ? А вы, купцы и гости, сколько утѣсненій имѣли въ торговлѣ и какими неумѣренными пошлинами отягощались? Мы же хотимъ васъ жаловать безпримѣрно: бояръ и всѣхъ мужей сановитыхъ честію и новыми отчинами, дворянъ и людей приказныхъ милостію, гостей и купцовъ льготою, въ непрерывное теченіе дней мирныхъ и тихихъ. Дерзнете ли быть непреклонными? Но отъ нашей царской руки не избудете: иду и сяду на престолѣ отца моего; иду съ сильнымъ войскомъ, своимъ и литовскимъ, ибо не только россіяне, но и чужеземцы охотно жертвуютъ мнѣ жизнію. Самые невѣрные ногаи хотѣли слѣдовать за мною: я велѣлъ имъ остаться въ степяхъ, щадя Россію. Страшитесь гибели, временной и вѣчной; страшитесь отвѣта въ день суда Божія: смиритесь и немедленно пришлите митрополитовъ, архіепископовъ, мужей думныхъ, большихъ дворянъ и дьяковъ, людей воинскихъ и торговыхъ бить намъ челомъ, какъ вашему царю законному“. Народъ московскій слушалъ съ благоговѣніемъ и разсуждалъ такъ: „Войско и бояре поддалися, безъ сомнѣнія, не ложному Димитрію. Онъ приближается къ Москвѣ: съ кѣмъ стоять намъ противъ его силы? съ горстію ли бѣглецовъ кромскихъ? съ нашими ли старцами, женами и младенцами? и за кого? за ненавистныхъ Годуновыхъ,

похитителей державной власти? Для ихъ спасенія предадимъ ли Москву пламени и разоренію? Но не спасемъ ни ихъ, ни себя сопротивленіемъ безполезнымъ. Слѣдственно не о чемъ думать: должно прибѣгнуть къ милосердію Димитрія!“

И въ то же время, когда сіе беззаконное вѣче располагало царствомъ, главные совѣтники престола трепетали въ Кремлѣ отъ ужаса. Патріахъ молилъ бояръ дѣйствовать, а самъ, въ смятеніи духа, не мыслилъ явиться на Лобномъ мѣстѣ въ ризахъ святительскихъ, съ крестомъ въ десницѣ, съ благословеніемъ для вѣрныхъ, съ клятвою для измѣнниковъ: онъ только плакалъ! Знатнѣйшіе бояре Мстиславскій и Василій Шуйскій, Бѣльскій и другіе думные совѣтники вышли изъ Кремля къ гражданамъ, сказали имъ нѣсколько словъ въ увѣщаніе и хотѣли схватить гонцовъ Лжедимитріевыхъ; народъ не далъ ихъ и завопилъ: „Время Годуновыхъ миновалось! Мы были съ ними во тьмѣ кромѣшней: солнце восходитъ для Россіи! Да здравствуетъ царь Димитріи! Клятва Борисовой памяти! Гибель племени Годуновыхъ!“ Съ симъ воплемъ толпы ринулись въ Кремль. Стража и тѣлохранители исчезли вмѣстѣ съ подданными для Ѳеодора; дѣйствовали одни буйные мятежники, вломились во дворецъ и дерзостною рукою коснулись того, кому недавно присягали: стащили юнаго царя съ престола, гдѣ онъ искалъ безопасности! Мать злосчастная упала къ ногамъ неистовыхъ и слезно молила не о царствѣ, а только о жизни милаго сына! Но мятежники еще страшились быть извергами: безвредно вывели Ѳеодора, его мать и сестру изъ дворца въ кремлевскій собственный домъ Борисовъ и тамъ приставили къ нимъ стражу; всѣхъ родственниковъ царскихъ, Годуновыхъ, Сабуровыхъ, Вельяминовыхъ, заключили, имѣніе ихъ расхитили, домы сломали; не оставили ничего цѣлаго и въ жилищѣ иноземныхъ медиковъ, любимцевъ Борисовыхъ; хотѣли грабить и погреба казенные, но удержались, когда Бѣльскій напомнилъ имъ, что все казенное уже есть Димитріево. Сей пѣстунъ меньшого Іоаннова сына явился тогда вдругъ главнымъ совѣтникомъ народа, какъ злѣйшій врагъ Годуновыхъ, и вмѣстѣ съ другими боярами, малодушными или коварными, старался утишить мятежъ именемъ царя новаго. Всѣ дали присягу Димитрію, и (3 іюня) вельможи, князья Иванъ Михайловичъ Воротынскій, Андрей Телятевскій, Петръ Шереметевъ, думный дьякъ Власьевъ и другіе знатнѣйшіе чиновники, дворяне, граждане выѣхали изъ столицы съ повинною къ Самозванцу въ Тулу. Уже вѣстникъ Плещеева и Пушкина предупредилъ ихъ; уже Разстрига зналъ все, что сдѣлалось въ Москвѣ, и еще не былъ спокоенъ: послалъ туда князя Василія Голицына, Мосальскаго и дьяка Сутупова съ тайнымъ наказомъ, а Петра Басманова съ воинскою

дружиною, чтобы мерзостнымъ злодѣйствомъ увѣнчать торжество беззаконія.

Сіи достойные слуги Лжедимитріевы, принятые въ Москвѣ какъ полновластные исполнители царской воли, начали дѣло свое съ патріарха. Слабодушнымъ участіемъ въ козняхъ Борисовыхъ лишивъ себя довѣренности народной, не имѣвъ мужества умереть за истину и за Ѳеодора, онѣмѣвъ отъ страха и даже, какъ увѣряютъ, вмѣстѣ съ другими святителями бивъ челомъ Самозванцу, надѣялся ли Іовъ снискать въ немъ срамную милость? Но Лжедимитрій не вѣрилъ его безстыдству; не вѣрилъ, чтобъ онъ могъ съ видомъ благоговѣнія возложить царскій вѣнецъ на своего бѣглаго діакона — и для того послы Самозванцевы объявили народу московскому, что рабъ Годуновыхъ не долженъ остаться первосвятителемъ. Свергнувъ царя, народъ во дни беззаконія не усомнился свергнуть и патріарха. Іовъ совершалъ литургію въ храмѣ Успенія; вдругъ мятежники неистовые, вооруженные копьями и дреколіемъ, вбѣгаютъ въ церковь, не слушаютъ божественнаго пѣнія, стремятся въ алтарь, хватаютъ и влекутъ патріарха, рвутъ съ него одежду святительскую. Тутъ несчастный Іовъ изъявилъ и смиреніе, и твердость: снявъ съ себя панагію и положивъ ее къ образу Владимірской Богоматери, сказалъ громогласно: „Здѣсь, предъ сею святою иконою я былъ удостоенъ сана архіерейскаго и 19 лѣтъ хранилъ цѣлость вѣры; нынѣ вижу бѣдствіе церкви, торжество обмана и ереси. Матерь Божія! спаси православіе!“ Его одѣли въ черную ризу, таскали, позорили въ храмѣ, на площади и вывезли въ телѣгѣ изъ города, чтобы заключить въ монастырѣ Старицкомъ. Удаливъ важнѣйшаго свидѣтеля истины, противнаго Самозванцу, рѣшили судьбу Годуновыхъ, Сабуровыхъ и Вельяминовыхъ: отправили ихъ скованныхъ въ темницы городовъ дальнихъ, низовыхъ и сибирскихъ (ненавистнаго Семена Годунова задавили въ Переславлѣ). Немедленно рѣшили и судьбу державнаго семейства.

Юный Ѳеодоръ, Марія и Ксенія, сидя подъ стражею въ томъ домѣ, откуда властолюбіе Борисово извлекло ихъ на театръ гибельнаго величія, угадывали свой жребій. Народъ еще уважилъ въ нихъ святость царскаго сана, можетъ быть и святость непорочности; можетъ быть въ самомъ неистовствѣ бунта желалъ, чтобы мнимый Димитрій оказалъ великодушіе и, взявъ себѣ корону, оставилъ жизнь несчастнымъ хотя въ уединеніи какого-нибудь монастыря пустыннаго. Но великодушіе въ семъ случаѣ казалось Разстригѣ несогласнымъ съ политикою: чѣмъ болѣе достоинствъ личныхъ имѣлъ сверженный законный царь, тѣмъ болѣе онъ могъ страшить лжецаря, возводимаго на престолъ злодѣйствомъ нѣкоторыхъ и заблужденіемъ многихъ; успѣхъ из-

мѣны всегда готовитъ другую — и никакая пустыня не скрыла бы державнаго юношу отъ умиленія россіянъ. Такъ, вѣроятно, думалъ и Басмановъ; однакожъ не хотѣлъ явно участвовать въ дѣлѣ ужасномъ,—зло и добро имѣютъ степени! Другіе были смѣлѣе: князья Голицынъ и Мосальскій, чиновники Молчановъ и Шерефединовъ, взявъ съ собою трехъ звѣровидныхъ стрѣльцовъ, 10 іюня пришли въ домъ Борисовъ, увидѣли Өеодора и Ксенію, сидящихъ спокойно подлѣ матери, въ ожиданіи воли Божіей, вырвали нѣжныхъ дѣтей изъ объятій царицы, развели ихъ по особымъ комнатамъ и велѣли стрѣльцамъ дѣйствовать: они въ ту же минуту удавили царицу Марію; но юный Өеодоръ, надѣленный отъ природы силою необыкновенною, долго боролся съ четырьмя убійцами, которые едва могли одолѣть и задушить его. Ксенія была несчастнѣе матери и брата—осталась жива: гнусный сластолюбецъ Разстрига слышалъ о ея прелестяхъ и велѣлъ князю Мосальскому взять ее къ себѣ въ домъ. Москвѣ объявили, что Өеодоръ и Марія сами лишили себя жизни ядомъ; но трупы ихъ, дерзостно выставленные на позоръ, имѣли несомнительные признаки удавленія. Народъ толпился у бѣдныхъ гробовъ, гдѣ лежали двѣ вѣнценосныя жертвы, супруга и сынъ властолюбца, который обожалъ—и погубилъ ихъ, давъ имъ престолъ на ужасъ и на смерть лютѣйшую! „Святая кровь Димитріева,—говорятъ лѣтописцы,—требовала крови чистой, и невинные пали за виновнаго, да страшатся преступники изъ-за своихъ ближнихъ!“ Многіе смотрѣли только съ любопытствомъ, но многіе и съ умиленіемъ; жалѣли о Маріи, которая, бывъ дочерью гнуснѣйшаго изъ палачей Іоанновыхъ и женою святоубійцы, жила единственно благодѣяніями и коей Борисъ не смѣлъ никогда открывать своихъ злыхъ намѣреній; еще болѣе жалѣли о Өеодорѣ, который цвѣлъ добродѣтелію и надеждою, — столько имѣлъ, и столько обѣщалъ прекраснаго для счастія Россіи, если бы оно угодно было Провидѣнію! — Нарушили и спокойствіе могилъ: выкопали тѣло Борисово, вложили въ раку деревянную, перенесли изъ церкви Св. Михаила въ дѣвичій монастырь Св. Варсонофія на Срѣтенкѣ и погребли тамъ уединенно, вмѣстѣ съ тѣлами Өеодора и Маріи.

Такъ совершилась казнь Божія надъ убійцею Димитрія истиннаго и началася новая надъ Россією подъ скипетромъ ложнаго!

ГЛАВА IV.

Царствованіе Лжедимитрія.

1605—1606.

Первое оскорбленіе бояръ.—Указы Лжедимитріевы.—Посолъ англійскій.—Шествіе къ Москвѣ.—Довѣренность Разстриги къ нѣмцамъ.—Вступленіе въ столицу.—Пиръ.—Милости.—Филаретъ и юный Михаилъ.—Царь Симеонъ и Годуновы.—Гробы Нагихъ и Романовыхъ перенесены въ Москву. — Благодѣянія.—Преобразованія Думы.—Любовь Самозванца къ Генриху IV.—Милосердіе.—Похвальное слово Разстригѣ.—Избраніе новаго патріарха.—Безмолвное свидѣтельство царицы-инокини.—Вѣнчаніе.—Безразсудность Лжедимитрія.—Дѣла гнусныя.—Постриженіе Ксеніи.—Шопотъ о Разстригѣ.—Обличенія.—Шуйскій. — Нѣмцы-тѣлохранители. — Пышность и веселья. — Посольство въ Литву за невѣстою.—Неудовольствія.—Слухъ, что Борисъ Годуновъ живъ.—Титулъ цесаря.—Обрученіе.—Слухи о Самозванцѣ въ Польшѣ.—Лжедимитрій платитъ долги Мнишковы. — Происшествія въ Москвѣ. — Возвращеніе Шуйскихъ.—Самозванецъ Петръ.—Начало заговора.—Посольство къ шаху.—Собраніе войска въ Ельцѣ. — Письмо къ шведскому королю. — Сношенія съ ханомъ. — Толки о замыслахъ Лжедимитрія. — Казнь стрѣльцовъ и дьяка Осипова.—Опала царя Симеона и Татищева. — Путешествіе воеводы Сендомирскаго съ Мариною.—Рѣчь Мнишкова.—Условія.—Опала двухъ святителей.—Въѣздъ Марины въ столицу.—Негодованіе москвитянъ. — Соблазны.—Ссора съ послами.—Дары.—Обрученіе и свадьба.—Новыя причины къ негодованію.—Пиры. — Новая ссора съ литовскими послами. — Переговоры государственные.—Замышляемыя потѣхи.—Наглость ляховъ. — Ночной совѣтъ въ домѣ у Шуйскаго.—Дерзкія рѣчи на площади.—Волненіе народа.—Спокойствіе Лжедимитрія. — Измѣна войска. — Послѣдняя ночь для Самозванца. — Возстаніе Москвы.—Гибель Басманова.—Свидѣтельство царицы-инокини.—Судъ, допросъ и казнь Лжедимитрія.—Щадятъ Марину. — Убійства.—Бояре утишаютъ мятежъ.—Глубокая тишина ночи. — Козни властолюбія. — Рѣчь Шуйскаго въ Думѣ. — Избраніе новаго царя. — Развѣяніе Самозванцева праха. — Доказательства, что Лжедимитрій былъ дѣйствительно обманщикъ.

Нелѣпою дерзостью и неслыханнымъ счастіемъ достигнувъ цѣли, какимъ-то обаяніемъ прельстивъ умы и сердца вопреки здравому смыслу, сдѣлавъ—чему нѣтъ примѣра въ исторіи—изъ бѣглаго монаха, казака-разбойника и слуги пана литовскаго въ три года ставъ царемъ великой державы, Самозванецъ казался хладнокровнымъ, спокойнымъ, неудивленнымъ среди блеска и величія, которые окружили его въ сіе время заблужденія, срама и безстыдства. Тула имѣла видъ шумной столицы, исполненной торжества и ликованія: тамъ собралося болѣе ста тысячъ людей воинскихъ и чиновныхъ, множество купцовъ и народа изъ всѣхъ ближнихъ городовъ и селеній. Вслѣдъ за князьями Воротынскимъ и Телятевскимъ, избранными бить челомъ Разстригѣ отъ имени Москвы, спѣшили туда и знатнѣйшіе думные мужи: Мстислав-

скій, Шуйскіе и другіе, чтобы достойно вкусилъ плодъ своего малодушія: презрѣніе отъ того, кому они всѣмъ жертвовали, кромѣ сана и богатства, безчестнаго въ такихъ обстоятельствахъ. Вмѣстѣ съ ними были въ тульскомъ дворцѣ у Лжедимитрія казаки, новые донскіе выходцы (Смага Чертенскій съ товарищами): онъ далъ руку имъ первымъ, и съ ласкою, а боярамъ уже послѣ, и съ гнѣвомъ за ихъ долговременную строптивость. Пишутъ, что подлые казаки, въ присутствіи Самозванца,

ЛЖЕДИМИТРІЙ
Гришка Отрепьевъ.

нагло ругали сихъ вельможъ увичиженныхъ, особенно князя Андрея Телятевскаго, долѣе другихъ вѣрнаго закону. Вельможи представили Лжедимитрію печать государственную, ключи отъ казны кремлевской, одежды, доспѣхи царскіе и сонмъ царедворцевъ для услугъ его. Уже началось державство Разстриги, который, по внушенію ли собственнаго ума или совѣтниковъ, немедленно занялся правительствомъ, дѣйствуя свободно, рѣшительно, какъ бы человѣкъ, рожденный на престолѣ и съ навыкомъ власти: 11 іюня, еще не имѣвъ вѣсти о Ѳеодоровомъ убіеніи, писалъ во всѣ города и въ самую дальнюю Сибирь, что

онъ, укрытый невидимою силою отъ злодѣя Бориса и дозрѣвъ до мужества, правомъ наслѣдія сѣлъ на государствѣ московскомъ; что духовенство, синклитъ, всѣ чины и народъ цѣловали ему крестъ съ усердіемъ; что воеводы городскіе должны немедленно взять со всѣхъ людей такую же присягу на имя царицы-матери, инокини Маѳы Ѳеодоровны, и его, царя Димитрія, съ обязательствомъ служить имъ вѣрно и не давать отравы, не сноситься ни съ женою, ни сыномъ Борисовымъ, Ѳедькою, и ни съ кѣмъ изъ Годуновыхъ; не мстить никому, не убивать никого безъ указа государева, жить въ тишинѣ и мирѣ, а на службѣ прямить и мужествовать неизмѣнно. Уже Самозванецъ занимался и дѣлами внѣшними: велѣлъ догнать посла англійскаго Смита, еще не выѣхавшаго изъ Россіи; взять у него Борисовы письма къ королю и сказать ему, что новый царь, въ знакъ особеннаго дружества къ Англіи, дастъ ея купцамъ новыя выгоды въ торговлѣ и немедленно послѣ своего вѣнчанія отправитъ изъ Москвы знатнаго сановника въ Лондонъ, слѣдуя европейскому обычаю и движенію истинной любви къ Іакову.

Узнавъ, что воля его исполнилась: патріархъ сверженъ, Ѳеодоръ и Марія въ могилѣ, ихъ ближніе изгнаны, Москва спокойна и съ нетерпѣніемъ ждетъ воскресшаго Димитрія, — Самозванецъ выступилъ изъ Тулы и 16 іюня расположился станомъ на лугахъ Москвы рѣки, у села Коломенскаго, гдѣ всѣ чиновники и знатнѣйшіе граждане поднесли ему хлѣбъ-соль, златые кубки и соболей, а бояре великолѣпнѣйшую утварь царскую, и говорили съ видомъ единодушнаго усердія: „Иди и владѣй достояніемъ твоихъ предковъ. Святые храмы, Москва и чертоги Іоанновы ожидаютъ тебя. Уже нѣтъ злодѣевъ; земля поглотила ихъ. Настало время мира, любви и веселія“. Лжедимитрій отвѣтствовалъ, что забываетъ вины дѣтей и будетъ не грознымъ владыкою, а ласковымъ отцомъ Россіи. Тутъ же явились и нѣмцы съ челобитною: бывъ до конца вѣрны Борису, оказавъ мужество въ двухъ битвахъ, не хотѣвъ участвовать и въ измѣнѣ воеводъ подъ Кромами, они молили Самозванца не вмѣнять имъ дѣла добросовѣстнаго въ преступленіе и писали: „мы честно исполнили долгъ присяги и какъ служили Борису, такъ готовы служить и тебѣ, уже царю законному“. Лжедимитрій принялъ ихъ начальниковъ весьма милостиво и сказалъ: „будьте для меня тоже, что вы были для Годунова: я вѣрю вамъ болѣе, нежели своимъ русскимъ!“ Онъ хотѣлъ видѣть нѣмецкаго чиновника, державшаго знамя въ Добрынской битвѣ и, положивъ ему руку на грудь, славилъ его неустрашимость, чего не могли слушать россіяне съ удовольствіемъ; но они должны были изъявлять радость!

20 іюня, въ прекрасный лѣтній день, Самозванецъ вступилъ въ Москву, торжественно и пышно. Впереди поляки, литаврщики, трубачи, дружина всадниковъ съ копьями; пищальники, колесницы, заложенныя шестернями, и верховыя лошади царскія, богато украшенныя; далѣе барабанщики и полки россіянъ, духовенство съ крестами и Лжедимитрій на бѣломъ конѣ, въ одеждѣ великолѣпной, въ блестящемъ ожерельѣ, цѣною въ 150,000 червонныхъ: вокругъ его 60 бояръ и князей; за ними дружина литовская, нѣмцы, казаки и стрѣльцы. Звонили во всѣ колокола московскіе. Улицы были наполнены безчисленнымъ множествомъ людей; кровли домовъ и церквей, башни и стѣны также усыпаны зрителями. Видя Лжедимитрія, народъ падалъ ницъ съ восклицаніемъ: „здравствуй, отецъ нашъ, государь и великій князь Димитрій Іоанновичъ, спасенный Богомъ для нашего благоденствія! Сіяй и красуйся, о солнце Россіи!“ Лжедимитрій всѣхъ громко привѣтствовалъ и называлъ своими добрыми подданными, веля имъ встать и молиться за него Богу. Не взирая на то, онъ еще не вѣрилъ москвитянамъ — ближніе чиновники его скакали изъ улицы въ улицу и непрестанно доносили ему о всѣхъ движеніяхъ народныхъ — все было тихо и радостно. Но вдругъ, когда Лжедимитрій черезъ Живой мостъ и ворота Москворѣцкія выѣхалъ на площадь, сдѣлался страшный вихрь: всадники едва могли усидѣть на коняхъ, пыль взвилась столбомъ и заслѣпила имъ глаза, такъ что царское шествіе остановилось. Сей случай естественный поразилъ воиновъ и гражданъ; они крестились въ ужасѣ, говоря другъ другу: „спаси насъ, Господи, отъ бѣды! Это худое предзнаменованіе для Россіи и Димитрія!“ Тутъ же люди благочестивые были встревожены соблазномъ: когда Разстрига, встрѣченный святителями и всѣмъ клиромъ московскимъ на Лобномъ мѣстѣ, сошелъ съ коня, чтобы приложиться къ образамъ, литовскіе музыканты играли на трубахъ и били въ бубны, заглушая пѣніе молебна. Увидѣли и другую непристойность: вступивъ за духовенствомъ въ Кремль и соборную церковь Успенія, Лжедимитрій ввелъ туда и многихъ иновѣрцевъ, ляховъ, венгровъ, чего никогда не бывало и что казалось народу оскверненіемъ храма. Такъ Разстрига на самомъ первомъ шагу изумилъ столицу легкомысленнымъ неуваженіемъ къ святынѣ! Оттуда спѣшилъ онъ въ церковь архистратига Михаила, гдѣ съ видомъ благоговѣнія преклонился на гробъ Іоанновъ, лилъ слезы и сказалъ: „О родитель любезный! Ты оставилъ меня въ сиротствѣ и гоненіи; но святыми твоими молитвами я цѣлъ и державствую!“ Сіе искусное лицедѣйствіе было не безполезно: народъ плакалъ и говорилъ: „то истинный Димитрій!“ Наконецъ Разстрига въ чертогахъ Іоанновыхъ сѣлъ на престолъ государей московскихъ.

Въ сей часъ многіе вельможи вышли изъ дворца на Красную площадь къ народу и съ ними Богданъ Бѣльскій, который сталъ на Лобное мѣсто, снялъ съ груди своей образъ св. Николая, поцѣловалъ его и клялся московскимъ гражданамъ, что новый государь есть дѣйствительно сынъ Іоанновъ, сохраненный и данный имъ Николаемъ чудотворцемъ; убѣждалъ россіянъ любить того, кто возлюбленъ Богомъ, и служить ему вѣрно. Народъ отвѣтствовалъ единогласно: „многія лѣта государю нашему Димитрію! Да погибнутъ враги его!" — Торжество казалось искреннимъ, общимъ. Самозванецъ съ вельможами и духовенствомъ пировалъ во дворцѣ, граждане на площадяхъ и дома; пили и веселились до глубокой ночи. „Но плачъ былъ недалеко отъ радости,—говоритъ лѣтописецъ,—и вино лилось въ Москвѣ предъ кровію".

Объявили милости. Лжедимитрій, возвратилъ свободу, чины и достояніе не только Нагимъ, мнимымъ своимъ родственникамъ, но и всѣмъ опальнымъ Борисова времени: страдальца Михаила Нагого пожаловалъ въ санъ великаго конюшаго; брата его и трехъ племянниковъ, Ивана Никитича Романова, двухъ Шереметевыхъ, двухъ князей Голицыныхъ, Долгорукова, Татева, Куракина и Кашина въ бояре; многихъ въ окольничіе и между ими знаменитаго Василія Щелкалова, удаленнаго отъ дѣлъ Борисомъ; князя Василія Голицына назвалъ великимъ дворецкимъ, Бѣльскаго великимъ оружничимъ, князя Михайла Скопина-Шуйскаго великимъ мечникомъ, князя Лыкова-Оболенскаго великимъ крайчимъ, Пушкина великимъ сокольничимъ, дьяка Сутупова великимъ секретаремъ и печатникомъ, а Власьева также секретаремъ великимъ и надворнымъ подскарбіемъ или казначеемъ,—то есть, кромѣ новыхъ чиновъ, первый ввелъ въ Россіи наименованія иноязычныя, заимствованныя отъ ляховъ. Лжедимитрій вызвалъ и невольнаго, опальнаго инока Филарета изъ Сійской пустыни, чтобы дать ему санъ митрополита ростовскаго: сей добродѣтельный мужъ, нѣкогда главный изъ вельможъ и ближнихъ царскихъ, имѣлъ, наконецъ, сладостное утѣшеніе видѣть тѣхъ, о коихъ и въ жизни отшельника тосковало его сердце—бывшую супругу свою и сына. Съ того времени инокиня Мареа и юный Михаилъ, отданный ей на воспитаніе, жили въ епархіи Филаретовой, близъ Костромы, въ монастырѣ св. Ипатія, гдѣ все напоминало непрочную знаменитость и разительное паденіе ихъ личныхъ злодѣевъ, ибо сей монастырь въ XIV вѣкѣ былъ основанъ предкомъ Годуновыхъ, мурзою Четомъ, и богато украшенъ ими. Странное пугалище вообраafженія Борисова, мнимый царь и великій князь Іоаннова времени, Симеонъ Бекбулатовичъ, ослѣпленный, какъ увѣряютъ, и сосланный Годуновымъ, также удостоился Лжедимитріева благо-

воленія въ память Іоанну: ему велѣли быть ко двору, оказали великую честь и дозволили снова именоваться царемъ. Сняли опалу съ родственниковъ Борисовыхъ и дали имъ мѣста воеводъ въ Сибири и въ другихъ областяхъ дальнихъ. Не забыли и мертвыхъ: тѣла Нагихъ и Романовыхъ, усопшихъ въ бѣдствіи, вынули изъ могилъ пустынныхъ, перевезли въ Москву и схоронили съ честію тамъ, гдѣ лежали ихъ предки и ближніе.

Угодивъ всей Россіи милостями къ невиннымъ жертвамъ Борисова тиранства, Лжедимитрій старался угодить ей и благодѣяніями общими: удвоилъ жалованье сановникамъ и войску; велѣлъ заплатить всѣ долги казенные Іоаннова царствованія, отмѣнилъ многія торговыя и судныя пошлины; строго запретилъ всякое мздоимство и наказалъ многихъ судей безсовѣстныхъ; обнародовалъ, что въ каждую среду и субботу будетъ самъ принимать челобитныя отъ жалобщиковъ на Красномъ крыльцѣ. Онъ издалъ также достопамятный законъ о крестьянахъ и холопяхъ: указалъ всѣхъ бѣглыхъ возвратить ихъ отчинникамъ и помѣщикамъ, кромѣ тѣхъ, которые ушли во время голода, бывшаго въ Борисово царствованіе, не имѣвъ нужнаго пропитанія, объявилъ свободными слугъ, лишенныхъ воли насиліемъ, безъ крѣпостей, внесенныхъ въ государственныя книги. Чтобы оказать довѣренность къ подданнымъ, Лжедимитрій отпустилъ своихъ иноземныхъ тѣлохранителей и всѣхъ ляховъ, давъ каждому изъ нихъ въ награду за вѣрную службу по сороку злотыхъ деньгами и мѣхами, но тѣмъ не удовлетворивъ ихъ корыстолюбію: они хотѣли болѣе, не выѣзжали изъ Москвы, жаловались и пировали!

Плѣненный обычаями той земли, гдѣ началася его жизнь пышная и гдѣ все казалось ему блестящимъ, превосходнымъ въ сравненіи съ Россіею, Лжедимитрій не удовольствовался введеніемъ новыхъ чиновъ и наименованій; онъ спѣшилъ въ духѣ сего подражанія измѣнить составъ нашей древней государственной Думы: указалъ засѣдать въ ней, сверхъ патріарха (что въ важныхъ случаяхъ и дотолѣ бывало), четыремъ митрополитамъ, семи архіепископамъ и тремъ епископамъ, надѣясь, можетъ быть, обольстить тѣмъ мірское честолюбіе духовенства, а болѣе всего желая слѣдовать уставу королевства польскаго; назвалъ всѣхъ мужей Думныхъ сенаторами, умножилъ число ихъ до семидесяти, самъ ежедневно тамъ присутствовалъ, слушалъ и рѣшалъ дѣла, какъ увѣряютъ, съ необыкновенною легкостію. Пишутъ, что онъ, имѣя даръ краснословія, блисталъ имъ въ совѣтѣ, говорилъ много и складно, любилъ уподобленія, часто ссылался на исторію и разсказывалъ, что самъ видѣлъ въ иныхъ земляхъ, то-есть въ Литвѣ и въ Польшѣ; изъявлялъ особенное уваженіе къ королю французскому Генриху IV; хвалился, подобно Борису, милосер-

діемъ, кротостію, великодушіемъ и твердилъ людямъ ближнимъ: „я могу двумя способами удержаться на престолѣ: тиранствомъ и милостію; хочу испытать милость и вѣрно исполнить обѣтъ, данный мною Богу—не проливать крови“. Такъ говорилъ убійца непорочнаго Ѳеодора и благодѣтельной Маріи! Разстригу славили: московскій благовѣщенскій протоіерей Терентій сочинилъ ему похвальное слово, какъ вѣнценосцу доблему, носящему на языкѣ милость, а патріархъ іерусалимскій униженною грамотою извѣстилъ его, что вся Палестина ликуетъ о спасеніи Іоаннова сына, предвидя въ немъ будущаго своего избавителя, и что три лампады денно и нощно пылаютъ надъ гробомъ Христовымъ во имя царя Димитрія.

Ближніе люди Самозванца совѣтовали ему, для утвержденія своей власти, немедленно вѣнчаться на царство, ибо многіе думали, что и злосчастный Ѳеодоръ не столь легко сдѣлался бы жертвою измѣны, если бы успѣлъ освятить себя въ глазахъ народа саномъ помазанника. Сей обрядъ торжественный надлежало совершить патріарху. Не довѣряя россійскому духовенству, Лжедимитрій на мѣсто сверженнаго Іова выбралъ чужеземца, грека Игнатія, архіепископа кипрскаго, который, бывъ изгнанъ изъ отечества турками, жилъ нѣсколько времени въ Римѣ, пріѣхалъ къ намъ въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, угодилъ Борису, и съ 1603 года правилъ епархіею рязанскою. Онъ снискалъ милость Самозванца, встрѣтивъ его еще въ Тулѣ; не имѣлъ ни чистой вѣры, ни любви къ Россіи, ни стыда нравственнаго и казался ему надежнѣйшимъ орудіемъ для всѣхъ замышляемыхъ имъ соблазновъ. На спѣхъ поставили Игнатія въ патріархи и наспѣхъ готовились къ царскому вѣнчанію; а Лжедимитрій готовилъ между тѣмъ иное торжественное явленіе, необходимое для полнаго удостовѣренія и Москвы и Россіи, что вѣнецъ Мономаховъ возлагается на главу Іоаннова сына.

Войско, синклитъ, всѣ чины государственные признали обманщика Димитріемъ, всѣ, кромѣ матери, которой свидѣтельство было столь важно и естественно, что народъ, безъ сомнѣнія, ожидалъ его съ нетерпѣніемъ. Уже Самозванецъ около мѣсяца властвовалъ въ Москвѣ, а народъ еще не видалъ царицы-инокини, хотя она жила только въ пяти стахъ верстахъ оттуда, ибо Лжедимитрій не могъ быть увѣренъ въ ея согласіи на обманъ, столь противный святому званію инокини и материнскому сердцу. Тайныя сношенія требовали времени: съ одной стороны представили ей жизнь царскую, а съ другой—муки и смерть; въ случаѣ упрямства, страшнаго для обманщика, могли задушить несчастную—сказать, что она умерла отъ болѣзни или радости и великолѣпными похоронами мнимой государевой матери успокоить народъ

легковѣрный. Вдовствующая супруга Іоаннова, еще не старая лѣтами, помнила удовольствія свѣта, двора и пышности; 13 лѣтъ плакала въ уничиженіи, страдала за себя, за своихъ ближнихъ— и не усомнилась въ выборѣ. Тогда Лжедимитрій уже гласно послалъ къ ней въ Выксинскую пустыню великаго мечника князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго и другихъ людей знатныхъ съ убѣдительнымъ челобитьемъ нѣжнаго сына: благословить его на царство — и самъ, 18 іюля, выѣхалъ встрѣтить ее въ селѣ Тайнинскомъ. Дворъ и народъ были свидѣтелями любопытнаго зрѣлища, въ коемъ лицемѣрное искусство имѣло видъ искренности и природы. Близъ дороги разставили богатый шатеръ, куда ввели царицу, гдѣ Лжедимитрій говорилъ съ нею наединѣ—не знали, о чемъ, но увидѣли слѣдствіе: мнимые сынъ и мать вышли изъ шатра, изъявляя радость и любовь, нѣжно обнимали другъ друга и произвели въ сердцахъ многихъ зрителей восторгъ умиленія. Добродушный народъ обливался слезами, видя ихъ въ глазахъ царицы, которая могла плакать и не лицемѣрно, воспоминая объ истинномъ Димитріи и чувствуя свой грѣхъ предъ нимъ, и предъ совѣстію и Россіею! Лжедимитрій посадилъ Марѳу въ великолѣпную колесницу, а самъ съ открытою головою шелъ нѣсколько верстъ пѣшкомъ, окруженный всѣми боярами; наконецъ сѣлъ на коня, ускакалъ впередъ и принялъ царицу въ Іоанновыхъ палатахъ, гдѣ она жила до того времени, какъ изготовили ей прекрасныя комнаты въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, съ особенною царскою услугою. Тамъ Самозванецъ, въ лицѣ почтительнаго и нѣжнаго сына, ежедневно видѣлся съ нею; былъ доволенъ искуснымъ ея притворствомъ, но удалялъ онъ нея всѣхъ людей сомнительныхъ, чтобы она не имѣла случая измѣнить ему въ важной тайнѣ отъ нескромности или раскаянія.

21 іюля совершилось вѣнчаніе съ извѣстными обрядами; но россіяне изумились, когда послѣ сего священнаго дѣйствія выступилъ іезуитъ Николай Черниковскій, чтобы привѣтствовать нововѣнчаннаго монарха непонятною для нихъ рѣчью на языкѣ латинскомъ. Какъ обыкновенно, все знатнѣйшее духовенство, вельможи и чиновники пировали въ сей день у царя, силясь наперерывъ оказывать ему усердіе и радость, но уже многіе лицемѣрно, ибо общее заблужденіе не продолжилось!

Первымъ врагомъ Лжедимитрія былъ самъ онъ, легкомысленный и вспыльчивый отъ природы, грубый отъ худого воспитанія, надменный, безразсудный и неосторожный отъ счастія. Удивляя бояръ остротою и живостью ума въ дѣлахъ государственныхъ, державный пришлецъ часто забывался, оскорблялъ ихъ своими насмѣшками, упрекалъ невѣжествомъ; дразнилъ хвалою иноземцевъ и твердилъ, что россіяне должны быть ихъ учениками, ѣз-

дить въ чужія земли, видѣть, наблюдать, образоваться и заслужить имя людей. Польша не сходила у него съ языка. Онъ распустилъ своихъ иностранныхъ тѣлохранителей, но исключительно ласкалъ поляковъ, только имъ давалъ всегда свободный къ себѣ доступъ, съ ними обходился дружески и совѣтовался какъ съ ближними; взялъ даже въ тайные царскіе секретари двухъ ляховъ Бучинскихъ. Россійскіе вельможи, измѣнивъ закону и чести, лишились права на уваженіе, но хотѣли его отъ того, кому они пожертвовали закономъ и честію—самолюбіе не безмолвствуетъ и въ стыдѣ, и въ молчаніи совѣсти. Только одинъ россіянинъ отъ начала до конца пользовался довѣренностію и дружбою Самозванца—всѣхъ виновнѣйшій Басмановъ; но и сей несчастный ошибся: видѣлъ себя единственно любимцемъ, а не руководителемъ Лжедимитрія, который не для того искалъ престола, чтобы сидѣть на немъ всегдашнимъ ученикомъ Басманова; иногда спрашивался, иногда слушалъ его, но чаще дѣйствовалъ вопреки наставнику, по собственному уму или безумію. Грубостію огорчая бояръ, Самозванецъ допускалъ ихъ, однакожъ, въ разговорахъ съ нимъ до вольности необыкновенной и не согласной съ мыслями россіянъ о высокости царскаго сана, такъ что бояре, имъ не уважаемые, и сами уважали его менѣе прежнихъ государей.

Самозванецъ скоро охладилъ къ себѣ и любовь народную своимъ явнымъ неблагоразуміемъ. Снискавъ нѣкоторыя познанія въ школѣ и въ обхожденіи съ знатными ляхами, онъ считалъ себя мудрецомъ, смѣялся надъ мнимымъ суевѣріемъ набожныхъ россіянъ, и, къ великому ихъ соблазну, не хотѣлъ креститься предъ иконами; не велѣлъ также благословлять и кропить святою водою царской трапезы, садясь за обѣдъ не съ молитвою, а съ музыкою. Не менѣе соблазнялись россіяне и благоволеніемъ его къ іезуитамъ, коимъ онъ въ священной оградѣ кремлевской далъ лучшій домъ и позволилъ служить латинскую обѣдню. Страстный къ обычаямъ иноземнымъ, вѣтреный Лжедимитрій не думалъ слѣдовать русскимъ; желалъ во всемъ уподобляться ляху, въ одеждѣ и въ прическѣ, въ походкѣ и въ тѣлодвиженіяхъ; ѣлъ телятину, которая считалась у насъ заповѣднымъ, грѣшнымъ яствомъ; не могъ терпѣть бани и никогда не ложился спать послѣ обѣда (какъ издревле дѣлали всѣ россіяне отъ вѣнценосца до мѣщанина), но любилъ все сіе время гулять: украдкою выходилъ изъ дворца, одинъ или самъ-другъ; бѣгалъ изъ мѣста въ мѣсто къ художникамъ, золотарямъ, аптекарямъ; а царедворцы, не зная гдѣ царь, вездѣ искали его съ безпокойствомъ и спрашивали о немъ на улицахъ, чему дивились москвитяне, дотолѣ видавъ государей только въ пышности, окруженныхъ на каждомъ

шагу толпою знатныхъ сановниковъ. Всѣ забавы и склонности Лжедимитріевы казались странными: онъ любилъ ѣздить верхомъ на дикихъ, бѣшеныхъ жеребцахъ и собственною рукою, въ присутствіи двора и народа, бить медвѣдей; самъ испытывалъ новыя пушки и стрѣлялъ изъ нихъ въ цѣль съ рѣдкою мѣткостію; самъ училъ воиновъ, строилъ, бралъ приступомъ земляныя крѣпости, кидался въ свалку, и терпѣлъ, что иногда толкали его небережно, сшибали съ ногъ, давили, то-есть хвалился искусствомъ всадника, звѣролова, пушкаря, бойца, забывая достоинства монарха. Онъ не помнилъ сего достоинства и въ дѣйствіяхъ своего нрава вспыльчиваго; за малѣйшую вину, ошибку, неловкость, выходилъ изъ себя и бивалъ палкою знатнѣйшихъ воинскихъ чиновниковъ,—а низость въ государѣ противнѣе самой жестокости для народа. Осуждали еще въ Самозванцѣ непомѣрную расточительность: онъ сыпалъ деньгами и награждалъ безъ ума; давалъ иноземнымъ музыкантамъ жалованье, какого не имѣли и первые государственные люди; любя роскошь и великолѣпіе, непрестанно покупалъ, заказывалъ всякія драгоцѣнныя вещи, и мѣсяца въ три издержалъ болѣе семи милліоновъ рублей—а народъ не любитъ расточительности въ государяхъ, ибо страшится налоговъ. Описывая тогдашній блескъ московскаго двора, иноземцы съ удивленіемъ говорятъ о Лжедимитріевомъ престолѣ, вылитомъ изъ чистаго золота, обвѣшанномъ кистями алмазными и жемчужными, утвержденномъ внизу на двухъ серебряныхъ львахъ и покрытомъ крестообразно четырьмя богатыми щитами, надъ коими сіялъ золотой шаръ и прекрасный орелъ изъ того же металла. Хотя Разстрига ѣздилъ всегда верхомъ, даже въ церковь, но имѣлъ множество колесницъ и саней, окованныхъ серебромъ, обитыхъ бархатомъ и соболями; на гордыхъ азіатскихъ его коняхъ сѣдла, узды, стремена блистали золотомъ, изумрудами и яхонтами; возницы, конюхи царскіе одѣвались какъ вельможи. Не любя голыхъ стѣнъ въ палатахъ кремлевскихъ, находя ихъ печальными и сломавъ деревянный дворецъ Борисовъ, какъ памятникъ ненавистный, Самозванецъ построилъ для себя, ближе къ Москвѣ-рѣкѣ, новый дворецъ, также деревянный, украсилъ стѣны шелковыми персидскими тканями, цвѣтныя изразцовыя печи серебряными рѣшетками, замки у дверей яркою позолотою, и въ удивленіе москвитянамъ предъ симъ любимымъ своимъ жилищемъ поставилъ изваянный образъ адскаго стража, мѣднаго огромнаго Цербера, коего три челюсти, отъ легкаго прикосновенія, разверзались и бряцали, „чѣмъ Лжедимитрій,—какъ сказано въ лѣтописи,—„предвѣстилъ себѣ жилище въ вѣчности: адъ и тьму кромѣшную!“

Дѣйствуя вопреки нашимъ обычаямъ и благоразумію, Лжеди-

митрій презиралъ и святѣйшіе законы нравственности: не хотѣлъ обуздывать вождѣленій грубыхъ и, пылая сластолюбіемъ, явно нарушалъ уставы цѣломудрія и пристойности, какъ бы съ намѣреніемъ уподобиться тѣмъ мнимому своему родителю; безчестилъ женъ и дѣвицъ, дворъ, семейства и святыя обители дерзостію разврата и не устыдился дѣла, гнуснѣйшаго изъ всѣхъ его преступленій: убивъ мать и брата Ксеніи, взялъ ее себѣ въ наложницы. Красота сей несчастной царевны могла увянуть отъ горести, но самое отчаяніе жертвы, самое злодѣйство неистовое казалось прелестію для изверга, который симъ однимъ мерзостнымъ безстудствомъ заслужилъ свою казнь, почти сопредѣльную съ торжествомъ его... Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Ксенію постригли, назвали Ольгою и заключили въ пустынѣ на Бѣлѣозерѣ, близъ монастыря Кириллова.

Но Самозванецъ подъ личиною Димитрія, вѣроятно могъ бы еще долго безумствовать и злодѣйствовать въ вѣнцѣ Мономаховомъ, если бы сія какъ бы волшебная личина не спала съ него въ глазахъ народа: столь велико было усердіе россіянъ къ древнему племени державному! Заблужденіе возвысило бродягу,—истина долженствовала извергнуть обманьщика. Не одинъ удаленный Іовъ зналъ бѣглеца чудовскаго въ Москвѣ: надѣялся ли Разстрига казаться другимъ человѣкомъ, стараясь казаться полуляхомъ и черную ризу инока перемѣнивъ на царскую; или ослѣпленный счастіемъ, уже не видалъ для себя опасности, имѣя въ рукахъ своихъ власть съ грозою и считая россіянъ стадомъ овецъ безсловесныхъ? или дерзостію мыслилъ уменьшить сію опасность, поколебать удостовѣреніе, сомкнуть уста робкой истинѣ? Онъ не думалъ скрываться и смѣло смотрѣлъ въ глаза всякому любопытному на улицахъ; не ходилъ только въ святую обитель Чудовскую, мѣсто непріятныхъ для него знакомствъ и воспоминаній. И такъ неудивительно, что въ самомъ началѣ новаго царствованія, когда Москва еще гремѣла хвалою Димитрію, уже многіе люди шептали между собою о дѣйствительномъ сходствѣ его съ діакономъ Григоріемъ; хвала умолкала отъ безразсудности и худыхъ дѣлъ царя, а шопотъ становился внятнѣе— и скоро взволновалъ столицу. Первымъ уличителемъ и первою жертвою былъ инокъ, который сказалъ всенародно, что мнимый Димитрій извѣстенъ ему съ дѣтскихъ лѣтъ подъ именемъ Огрепьева, учился у него грамотѣ и жилъ съ нимъ въ одномъ монастырѣ: инока тайно умертвили въ темницѣ. Нашелся и другой опаснѣйшій свидѣтель истины—тотъ, кому судьба вручала месть праведную, но коего часъ еще не наступилъ: князь Василій Шуйскій. Въ смятеніи ужаса признавъ бродягу царемъ, вмѣстѣ съ иными боярами, онъ менѣе всѣхъ могъ извиняться заблуж-

деніемъ, ибо собственными глазами видѣлъ Іоаннова сына во гробѣ. Терзаясь ли горестію и стыдомъ, или имѣя уже дальновидные тайные замыслы властолюбія, Шуйскій недолго безмолвствовалъ въ столицѣ: сказалъ ближнимъ, друзьямъ, пріятелямъ, что Россія у ногъ обманьщика; внушалъ и народу чрезъ своихъ повѣренныхъ, купца Ѳедора Конева и другихъ, что Годуновъ и святитель Іовъ объявляли совершенную правду о Самозванцѣ, еретикѣ, орудіи ляховъ и папистовъ. Еще Лжедимитрій имѣлъ многихъ ревностныхъ слугъ; Басмановъ узналъ и донесъ ему о семъ ковѣ, опасномъ знатностію виновника. Взяли Шуйскаго съ братьями подъ стражу и велѣли судить, какъ дотолѣ еще никого не судили въ Россіи: соборомъ, избраннымъ людямъ всѣхъ чиновъ и званій. Лѣтописецъ увѣряетъ, что князь Василій въ семъ единственномъ случаѣ жизни своей явилъ себя героемъ; не отрицался; смѣло, великодушно говорилъ истину; къ искреннему и лицемѣрному ужасу судей, которые хотѣли заглушить ее воплемъ, проклиная такія хулы на вѣнценосца. Шуйскаго пытали—онъ молчалъ, не назвалъ никого изъ соумышленниковъ и былъ одинъ приговоренъ къ смертной казни; братьевъ его лишали только свободы. Вь глубокой тишинѣ народъ тѣснился вокругъ Лобнаго мѣста, гдѣ стоялъ осужденный бояринъ (какъ бывало въ Іоанново время!) подлѣ сѣкиры и плахи, между дружинами воиновъ, стрѣльцовъ и казаковъ; на стѣнахъ и башняхъ кремлевскихъ также блистало оружіе, для устрашенія москвитянъ, и Петръ Басмановъ, держа бумагу, читалъ народу отъ имени царскаго: „великій бояринъ, князь Василій Ивановичъ Шуйскій измѣнилъ мнѣ, законному государю вашему Димитрію Іоанновичу всея Россіи; коварствовалъ, злословилъ, ссорилъ меня съ вами, добрыми, подданными, называлъ лжецаремъ, хотѣлъ свергнуть съ престола. Для того осужденъ на казнь: да умретъ за измѣну и вѣроломство!“ Народъ безмолвствовалъ въ горести, издавна любя Шуйскихъ, и пролилъ слезы, когда несчастный князь Василій, уже обнаженный палачомъ, громко воскликнулъ къ зрителямъ: „братья! умираю за истину, за вѣру христіанскую и за васъ!“ Уже голова осужденнаго лежала на плахѣ... Вдругъ слышатъ крикъ: стой! и видятъ царскаго чиновника, скачущаго изъ Кремля къ Лобному мѣсту, съ указомъ въ рукѣ—объявляютъ помилованіе Шуйскому! Тутъ вся площадь закипѣла въ неописанномъ движеніи радости: славили царя, какъ въ первый день его торжественнаго вступленія въ Москву; радовались и вѣрные приверженники Самозванца, думая, что такое милосердіе даетъ ему новое право на любовь общую, негодовали только дальновиднѣйшіе изъ нихъ, и не ошиблись: могъ-ли забыть Шуйскій пытки и плаху! Узнали, что не вѣтреный

Лжедимитрій вздумалъ тронуть сердца симъ неожиданнымъ дѣйствіемъ великодушія, но что царица-инокиня слезнымъ моленіемъ убѣдила мнимаго сына не казнить врага, который искалъ головы его!... Совѣсть, вѣроятно, терзала сію несчастную пособницу обмана: спасая мученика истины, Маѳа надѣялась уменьшить грѣхъ свой предъ людьми и Богомъ. Вмѣстѣ съ нею ходатайствовали за осужденнаго и нѣкоторые ляхи, видя, сколь живое участіе принимали москвитяне въ судьбѣ его, и желая снискать тѣмъ ихъ благодарность. Всѣхъ трехъ Шуйскихъ, князя Василія, Димитрія, Ивана, сослали въ пригороды Галицкіе; имѣніе ихъ описали, домы опустошили.

Тогда же разгласилось въ Москвѣ и свидѣтельство многихъ галичанъ, единоземцевъ и самыхъ ближнихъ Григорія Отрепьева—дяди, брата и даже матери, добросовѣстной вдовы Варвары: они видѣли его, узнали и не хотѣли молчать. Ихъ заключили, а дядю Смирнаго-Отрепьева (въ 1604 году ѣздившаго къ Сигизмунду для уличенія племянника) сослали въ Сибирь. Схватили еще дворянина Петра Тургенева и мѣщанина Ѳедора, которые явно возмущали народъ противъ лжецаря. Самозванецъ велѣлъ казнить обоихъ торжественно и съ удовольствіемъ видѣлъ, что народъ, благодарный ему за помилованіе Шуйскаго, не изъявилъ чувствительности къ великодушію сихъ двухъ страдальцевъ: оба шли на смерть безъ ужаса и раскаянія, громогласно именуя Лжедимитрія антихристомъ и любимцемъ сатаны, жалѣя о Россіи и предсказывая ей бѣдствіе; чернь ругалась надъ ними, восклицая: „умираете за дѣло!“—Съ сего времени не умолкали доносы, справедливые и ложные, какъ въ Борисово царствованіе,—ибо Самозванецъ, дотолѣ желавъ хвалиться милосердіемъ, уже слѣдовалъ инымъ правиламъ: хотѣлъ грозою унять дерзость и для того благопріятствовалъ извѣтамъ. Пытали, казнили, душили въ темницахъ, лишали имѣнія, ссылали за слово о Разстригѣ. По такимъ ли доносамъ, или единственно опасаясь нескромности своихъ старыхъ пріятелей, Лжедимитрій велѣлъ удалить многихъ чудовскихъ иноковъ въ другія, пустынныя обители, хотя (что достойно замѣчанія) оставилъ въ покоѣ крутицкаго митрополита Пафнутія, который съ перваго взгляда узналъ въ немъ діакона Григорія, бывъ въ его время архимандритомъ сего монастыря; но, какъ вѣроятно, лицемѣрнымъ или безсовѣстнымъ изъявленіемъ усердія къ Самозванцу спасъ себя отъ гоненія. Молчали и другіе въ боязни, такъ что столица казалась тихою. Но Разстрига сдѣлался осторожнѣе и, явно не довѣряя москвитянамъ, снова окружилъ себя иноплеменниками: выбралъ 300 нѣмцевъ въ свои тѣлохранители, раздѣлилъ ихъ на три особенныя дружины подъ начальствомъ капитановъ: француза Маржерета, ливонца Кнутсена и шотланд-

ца Вандемана; одѣлъ весьма богато, въ камку и бархатъ; вооружилъ алебардами и протазанами, сѣкирами и бердышами съ золотыми орлами на древкахъ, съ кистями золотыми и серебряными; далъ каждому воину, сверхъ помѣстья, отъ 40 до 70 рублей денежнаго жалованья — и съ того времени уже никуда не ѣздилъ, и не ходилъ одинъ, всюду провожаемый сими грозными тѣлохранителями, за коими только вдали слѣдовали бояре и царедворцы. Мѣра, достойная бродяги, игрою судьбы вознесеннаго на степень державства: триста иноземныхъ сѣкиръ и копій должны были спасать его отъ предполагаемой измѣны цѣлаго народа и полумилліона воиновъ, безполезно раздражаемыхъ знаками недовѣрія обиднаго! Между тѣмъ Лжедимитрій хотѣлъ веселья: музыка, пляска и зернь были ежедневною забавою двора. Угождая вкусу царя къ пышности, всѣ знатные и незнатные старались блистать одеждою богатою. Всякій день казался праздникомъ. „Многіе плакали въ домахъ, а на улицахъ казались веселыми и нарядными женихами“, говоритъ лѣтописецъ. Смиренный видъ и смиренная одежда для людей неубогихъ считались знакомъ худого усердія къ царю веселому и роскошному, который симъ призракомъ благосостоянія желалъ увѣрить Россію въ ея златомъ вѣкѣ подъ державою обманщика.

Утишивъ, какъ онъ думалъ, Москву, Лжедимитрій спѣшилъ исполнить обѣтъ, данный его благодарностью, сердцемъ или политикою: предложилъ руку и вѣнецъ Маринѣ, которая любовію и довѣренностію къ бродягѣ заслуживала честь сидѣть съ нимъ на тронѣ. Сношенія между воеводою Сендомирскимъ и нареченнымъ его зятемъ не прерывались: Самозванецъ увѣдомлялъ Мнишка о всѣхъ своихъ успѣхахъ, называлъ всегда отцомъ и другомъ; писалъ къ нему изъ Путивля, Тулы, Москвы, а воевода писалъ не только къ Самозванцу, но и къ боярамъ московскимъ, требуя ихъ признательности такими словами: „способствовавъ счастію Димитрія, я готовъ стараться, чтобы оно было и счастіемъ Россію, побуждаемый къ сему моею всегдашнею къ ней любовію и надеждою на вашу благодарность, когда вы увидите мое ревностное о васъ ходатайство передъ трономъ и будете имѣть новыя выгоды, новыя важныя права, неизвѣстныя донынѣ въ Московскомъ государствѣ“. Наконецъ (въ сентябрѣ мѣсяцѣ), Лжедимитрій послалъ великаго секретаря и казначея Афанасія Власьева въ Краковъ для торжественнаго сватовства, давъ ему грамоту къ Сигизмунду и другую отъ царицы-инокини Мароы къ отцу невѣстину. Могли ли россіяне одобрить сей бракъ съ иновѣркою, хотя и знатнаго, но не державнаго племени, — съ удовольствіемъ видѣть спѣсиваго пана тестемъ царскимъ, ждать къ себѣ толпу его ближнихъ, не менѣе спѣсивыхъ, и раболѣпно

чтить въ нихъ свойство съ вѣнценосцемъ, который избраніемъ чужеземной невѣсты оказывалъ презрѣніе ко всѣмъ благороднымъ россіянкамъ? Самозванецъ, вопреки обычаю, даже и не извѣстилъ бояръ о семъ важномъ дѣлѣ: говорилъ, совѣтовался единственно съ ляхами. Но, легкомысленно досаждая россіянамъ, онъ въ то же время не вполнѣ удовлетворялъ и желаніямъ своихъ друзей иноземныхъ.

Никто ревностнѣе нунція папскаго Рангони не служилъ обманщику. Пышною грамотою привѣтствуя Лжедимитрія на тронѣ, Рангони славилъ Бога и восклицалъ: мы побѣдили! льстилъ ему хвалами неумѣренными и надѣялся, что соединеніе церквей будетъ первымъ изъ его дѣлъ безсмертныхъ; писалъ: „Изображеніе лица твоего уже въ рукахъ св. Отца, исполненнаго къ тебѣ любви и дружества. Не медли изъявить свою благодарность главѣ вѣрныхъ, и прими отъ меня дары духовные: образъ сильнаго воеводы, коего содѣйствіемъ ты побѣдилъ и царствуешь, четки молитвенныя и библію латинскую, да услаждаешься ея чтеніемъ и да будешь вторымъ Давидомъ“. Скоро прибылъ въ Москву и чиновникъ римскій, графъ Александръ Рангони (племянникъ нунція) съ апостольскимъ благословеніемъ и съ поздравительною грамотою отъ преемника Климентова, нетерпѣливаго въ желаніи видѣть себя главою нашей церкви. Но Самозванецъ въ учтивомъ отвѣтѣ, хваляся чудесною къ нему благостію Божіею, истребившею злодѣя, отцеубійцу его, не сказалъ ни слова о соединеніи церквей; говорилъ только о великодушномъ своемъ намѣреніи жить не въ праздности, но вмѣстѣ съ императоромъ идти на султана, чтобы стереть державу невѣрныхъ съ лица земли, убѣждая Павла V не допускать Рудольфа до мира съ турками, для чего хотѣлъ отправить въ Австрію и собственнаго посла. Лжедимитрій писалъ и вторично къ папѣ, обѣщая доставить безопасность его миссіонаріямъ на пути ихъ чрезъ Россію въ Персію и быть вѣрнымъ въ исполненіи даннаго ему слова; посылалъ и самъ іезуита Андрея Лавицкаго въ Римъ, но, кажется, болѣе для государственнаго, нежели церковнаго дѣла—для переговоровъ о войнѣ турецкой, которую онъ дѣйствительно замышлялъ, плѣняясь въ воображеніи ея славою и пользою. Надменный счастіемъ, рожденный смѣлымъ и съ любовію къ опасностямъ, Самозванецъ въ круженіи легкой головы своей уже не былъ доволенъ государствомъ московскимъ—хотѣлъ завоеваній и державъ новыхъ! Сія ревность еще сильнѣе воспылала въ немъ отъ донесенія воеводъ терскихъ, что ихъ стрѣльцы и казаки одержали верхъ въ сшибкѣ съ турками, и что нѣкоторые данники султанскіе въ Дагестанѣ присягнули Россіи. Издавна проповѣдуя въ Европѣ необходимость всеобщаго возстанія державъ христіанскихъ

на Оттоманскую, могъ ли Римъ не одобрить намѣренія Лжедимитріева? Папа славилъ царя героя, совѣтуя ему только начать съ ближайшаго—съ Тавриды, чтобы истребленіемъ гнѣзда злодѣйскаго, столь бѣдоноснаго для Россіи и Польши, отрѣзать крылья и правую руку у султана въ войнѣ съ императоромъ; однакожъ имѣлъ причину не довѣрять ревности Самозванца къ латинской церкви, видя, какъ онъ въ письмахъ своихъ избѣгаетъ всякаго яснаго слова о законѣ. Кажется, что Самозванецъ охладѣлъ въ усердіи сдѣлать россіянъ папистами, ибо, не взирая на свойственную ему безразсудность, усмотрѣлъ опасность сего нелѣпаго замысла и едва ли бы рѣшился приступить къ исполненію онаго, если бы и долѣе царствовалъ.

Скоро увидѣлъ и главный благодѣтель Лжедимитріевъ, Сигизмундъ лукавый, что счастіе и престолъ измѣнили того, кто еще недавно въ восторгѣ лобызалъ его руку, безмолвствовалъ и вздыхалъ передъ нимъ, какъ рабъ униженный. Бывъ непосредственнымъ виновникомъ успѣховъ Самозванца, оказавъ бродягѣ честь сына царскаго, давъ ему деньги, воиновъ, и тѣмъ склонивъ народъ сѣверскій вѣрить обману, Сигизмундъ весьма естественно ждалъ благодарности, и чрезъ секретаря своего Гонсѣвскаго, привѣтствуя новаго царя, нескромно требовалъ, чтобы Лжедимитрій выдалъ ему шведскихъ пословъ, если они будутъ въ Москвѣ отъ мятежника Карла. Гонсѣвскій, бесѣдуя съ царемъ наединѣ, объявилъ за тайну, что король встревоженъ молвою удивительною. „Недавно (говорилъ сей чиновникъ) выѣхалъ къ намъ изъ Россіи одинъ приказный, который увѣряетъ, что Борисъ живъ: устрашенный твоими побѣдами и слѣдуя наставленію волхвовъ, онъ уступилъ державу сыну, юному Ѳеодору, притворился мертвымъ и велѣлъ торжественно, вмѣсто себя, схоронить другого человѣка, опоеннаго ядомъ, а самъ, взявъ множество золота, съ вѣдома одной царицы и Семена Годунова, бѣжалъ въ Англію, называясь купцомъ. Поручивъ надежнымъ людямъ развѣдать въ Лондонѣ, дѣйствительно ли, укрывается тамъ опасный злодѣй твой, Сигизмундъ, какъ истинный другъ, счелъ за нужное предостеречь тебя, и думая, что вѣрность россіянъ еще сомнительна, далъ указъ нашимъ литовскимъ воеводамъ быть въ готовности для твоей защиты“. Сія сказка не испугала Лжедимитрія: онъ благодарилъ короля, но отвѣтствовалъ, что „въ смерти Борисовой не сомнѣвается, что готовъ быть недругомъ мятежнику шведскому, но прежде хочетъ удостовѣриться въ искренней дружбѣ Сигизмунда, который, вопреки ласковымъ словамъ, уменьшаетъ данное ему Богомъ достоинство“, — ибо Сигизмундъ въ письмѣ своемъ назвалъ его господаремъ и великимъ княземъ, а не царемъ. Самозванецъ же хотѣлъ не только сего титула, но и но-

ваго, пышнѣйшаго: вздумалъ именовать себя цесаремъ, и даже непобѣдимымъ, мечтая о своихъ будущихъ побѣдахъ! Узнавъ о такомъ гордомъ требованіи, Сигизмундъ изъявилъ досаду, и вельможные паны упрекали недавняго бродягу смѣшнымъ высокоуміемъ, злою неблагодарностью, а Лжедимитрій писалъ въ Варшаву, что онъ не забылъ добрыхъ услугъ Сигизмундовыхъ, чтитъ его какъ брата, какъ отца, желаетъ утвердить съ нимъ союзъ, но не престанетъ требовать цесарскаго титула, хотя и не мыслитъ грозить ему за то войною. Люди благоразумные, особенно Мнишекъ и нунцій папскій, тщетно доказывали Самозванцу, что король называетъ его такъ, какъ государи польскіе всегда называли государей московскихъ, и что Сигизмунду нельзя перемѣнить сего обыкновенія безъ согласія чиновъ республики. Другіе же, не менѣе благоразумные люди думали, что республика не должна ссориться за пустое имя съ хвастливымъ другомъ, который можетъ быть ей орудіемъ для усмиренія шведовъ; но паны не хотѣли слышать о новомъ титулѣ, и воевода познанскій сказалъ въ гнѣвѣ одному чиновнику россійскому: „Богъ не любитъ гордыхъ, и непобѣдимому царю вашему не усидѣть на тронѣ“. Сей жаркій споръ не мѣшалъ, однакожъ, успѣху въ дѣлѣ сватовства.

1 ноября великій посолъ царскій Аѳанасій Власьевъ, съ многочисленною благородною дружиною пріѣхалъ въ Краковъ и былъ представленъ Сигизмунду; говорилъ сперва о счастливомъ воцареніи Іоаннова сына, о славѣ низвергнуть державу Оттоманскую, завоевать Грецію, Іерусалимъ, Виѳлеемъ и Виѳанію, а послѣ о намѣреніи Димитрія раздѣлить престолъ съ Мариною, изъ благодарности за важныя услуги, оказанныя ему во дни его невзгоды и печали знаменитымъ ея родителемъ. 12 ноября, въ присутствіи Сигизмунда, сына его Владислава и сестры, шведской королевы Анны, совершилось торжественное обрученіе (воспѣтое въ стихахъ пиндарическихъ іезуитомъ Гроховскимъ). Марина, съ короною на головѣ, въ бѣлой одеждѣ, унизанной каменьями драгоцѣнными, блистала равно и красотою, и пышностію. Именемъ Мнишка сказавъ Власьеву (который заступалъ мѣсто жениха), что отецъ благословляетъ дочь на бракъ и царство, литовскій канцлеръ Сапѣга говорилъ длинную рѣчь, также и панъ Ленчицкій и кардиналъ, епископъ краковскій, славя „достоинства, воспитаніе и знатный родъ Марины, вольной дворянки государства вольнаго, честность Димитрія въ исполненіи даннаго имъ обѣта, счастіе Россіи имѣть законнаго, отечественнаго вѣнценосца, вмѣсто иноземнаго или похитителя, и видѣть искреннюю дружбу между Сигизмундомъ и царемъ, который, безъ сомнѣнія не будетъ примѣромъ неблагодарности, зная, чѣмъ обязанъ ко-

ролю и королевству польскому". Кардиналъ и знатнѣйшіе духовные сановники пѣли молитву: veni Creator; всѣ преклонили колѣна, но Власьевъ стоялъ—и едва не произвелъ смѣха, на вопросъ епископа: не обрученъ ли Димитрій съ другою невѣстою?" отвѣтствуя: „а мнѣ какъ знать? того у меня нѣтъ въ наказѣ". Мѣняясь перстнями, онъ вынулъ царскій изъ ящика, съ однимъ большимъ алмазомъ, и вручилъ кардиналу, а самъ не хотѣлъ голою рукою взять невѣстина перстня. По совершеніи священныхъ обрядовъ, былъ великолѣпный столъ у воеводы Сендомирскаго; Марина сидѣла подлѣ короля, принимая отъ россійскихъ чиновниковъ дары своего жениха: богатый образъ св. Троицы, благословеніе царицы-инокини Марѳы; перо изъ рубиновъ, чашу гіацинтовую, золотой корабль, осыпанный многими драгоцѣнными каменьями; золотого быка, пеликана и павлина; какіе-то удивительные часы съ флейтами и трубами; слишкомъ три пуда жемчугу, 640 рѣдкихъ соболей, кипы бархатовъ, парчей, штофовъ, атласовъ и проч., и проч. Между тѣмъ Власьевъ, желая быть почтительнымъ, не хотѣлъ садиться за столъ съ Мариною ни пить, не ѣсть, и худо разумѣя, что онъ представляетъ лицо Димитрія, билъ челомъ въ землю, когда Сигизмундъ и семейство его пили за здоровье царя и царицы—уже такъ именовали невѣсту обрученную. Послѣ обѣда король Владиславъ и шведская принцесса Анна танцовали съ Мариною, а Власьевъ уклонялся отъ сей чести, говоря: „дерзну ли коснуться ея величества!" Наконецъ, прощаясь съ Сигизмундомъ, Марина упала къ ногамъ его и плакала отъ умиленія, къ неудовольствію посла, который видѣлъ въ томъ униженіе для будущей супруги московскаго вѣнценосца; но ему отвѣтствовали, что Сигизмундъ государь ея, ибо она еще въ Краковѣ. Поднявъ Марину съ ласкою, король сказалъ ей: „чудесно возвышенная Богомъ, не забудь, чѣмъ ты обязана странѣ своего рожденія и воспитанія,—странѣ, гдѣ оставляешь ближнихъ и гдѣ нашло тебя счастіе необыкновенное. Питай въ супругѣ дружество къ намъ и благодарность за сдѣланное для него мною и твоимъ отцомъ. Имѣй страхъ Божій въ сердцѣ, чти родителей и не измѣняй обычаямъ польскимъ". Снявъ съ себя шапку, онъ перекрестилъ Марину, собственными руками отдалъ послу и дозволилъ воеводѣ Сендомирскому ѣхать съ нею въ Россію, а Власьевъ, немедленно отправивъ къ Самозванцу перстень невѣсты и живописное изображеніе лица ея, жилъ еще нѣсколько дней въ Краковѣ, чтобы праздновать Сигизмундово бракосочетаніе съ австрійскою эрцгерцогинею, и (8 декабря) выѣхалъ въ Слонимъ ожидать тамъ Мнишка и Марины на пути ихъ въ Россію, но ждалъ долго.

Пожертвовавъ Самозванцу знатною частію своего богатства,

воевода Сендомирскій не былъ доволенъ одними дарами: требовалъ отъ него денегъ, чтобы расплатиться съ заимодавцами, и не хотѣлъ безъ того выѣхать изъ Кракова; скучалъ, досадовалъ и тревожился худою молвою о будущемъ зятѣ. Въ Краковѣ знали, что дѣлалось въ Москвѣ, знали о негодованіи россіянъ, и многіе не вѣрили ни царскому происхожденію Лжедимитрія, ни долговременности его счастія; говорили о томъ всенародно, предостерегали короля и Мнишка. Сама царица-инокиня Мароа, какъ увѣряютъ, тайно велѣла черезъ одного шведа объявить Сигизмунду, что мнимый Димитрій не есть сынъ ея. Даже и чиновники россійскіе, присылаемые гонцами въ Польшу, шептали на ухо любопытнымъ о царѣ беззаконномъ и предсказывали неминуемый скорый ему конецъ. Но Сигизмундъ и Мнишекъ не вѣрили такимъ рѣчамъ или показывали, что не вѣрятъ, желая приписывать ихъ единственно внушеніямъ тайныхъ злодѣевъ царя, друзей Годунова и Шуйскаго. Во всякомъ случаѣ уже не время было думать о разрывѣ съ тѣмъ, кто звалъ на престолъ Марину и честно вознаграждалъ отца ея за всѣ его убытки,—ибо, наконецъ (въ январѣ 1606), секретарь Янъ Бучинскій привезъ изъ Москвы 200 тысячъ злотыхъ Мнишку, сверхъ 100 тысячъ, отданныхъ Лжедимитріемъ Сигизмунду въ уплату суммы, которую занялъ у него воевода Сендомирскій на ополченіе 1604 года. Разстрига изъявлялъ нетерпѣніе видѣть невѣсту; но отецъ ея, занимаясь пышными сборами, еще долго жилъ въ Галиціи и выѣхалъ съ толпою своихъ ближнихъ уже въ распутицу, такъ что нѣкоторые изъ нихъ отъ худой дороги возвратились,—къ ихъ счастію, ибо въ Москвѣ уже все изготовилось къ страшному дѣйствію народной мести.

Оградивъ себя иноземными тѣлохранителями и видя тишину въ столицѣ, уклончивость, низость при дворѣ, Лжедимитрій совершенно успокоился; вѣрилъ какому-то предсказанію, что ему властвовать 34 года, и пировалъ съ боярами на ихъ свадьбахъ, дозволивъ имъ свободно выбирать себѣ невѣстъ и жениться, чего не было въ царствованіе Годунова и чѣмъ воспользовался, хотя уже и не въ молодыхъ лѣтахъ, знатнѣйшій вельможа князь Мстиславскій, за коего Самозванецъ выдалъ двоюродную сестру царицы-инокини Мароы. Казалось, что и Москва искренно веселилась съ царемъ: никогда не видали столько денегъ въ обращеніи, ибо нѣмцы, ляхи, казаки, сподвижники Лжедимитрія, отъ щедротъ его сыпали золотомъ, къ немалой выгодѣ московскаго купечества, и, хвастаясь богатствомъ, по словамъ лѣтописца, не только ѣли, пили, но и въ баняхъ мылись изъ серебряныхъ сосудовъ. Въ сіи веселые дни Самозванецъ, расположенный къ дѣйствіямъ милости, простилъ Шуйскихъ, чрезъ шесть мѣсяцевъ

ссылки, возвратилъ имъ богатство и знатность, въ удовольствіе ихъ многочисленныхъ друзей, которые умѣли хитро ослѣпить его прелестію такого великодушія, и, вѣроятно, уже не безъ намѣренія, гибельнаго для лжецаря. Всѣми уважаемый какъ первостепенный мужъ государственный и потомокъ Рюриковъ, Василій Шуйскій былъ тогда идоломъ народа, прославивъ себя неустрашимою твердостію въ обличеніи Самозванца: пытки и плаха дали ему, въ глазахъ россіянъ, блистательный вѣнецъ героя-мученика, и никто изъ бояръ не могъ, въ случаѣ народнаго движенія, имѣть столько власти надъ умами, какъ сей князь, равно честолюбивый, лукавый и смѣлый. Давъ на себя письменное обязательство въ вѣрности Лжедимитрію, онъ возвратился въ столицу, повидимому, инымъ человѣкомъ: казался усерднѣйшимъ его слугою и снискалъ въ немъ особенную довѣренность вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ ближнихъ людей Самозванца, которые говорили, что можно изъ милосердія, иногда одобряемаго политикою, не казнить измѣнника и клятвопреступника, но безразсудно вѣрить его новой клятвѣ; что Шуйскій, не видавъ отъ Димитрія ничего, кромѣ благоволенія, замышлялъ его гибель, а претерпѣвъ отъ него безчестіе, муки, ужасъ смерти, конечно не исполнился любви къ своему карателю, хотя и правосудному, — исполнился, вѣроятнѣе, злобы и мести, скрываемыхъ подъ личиною раскаянія. Они говорили истину: Шуйскій возвратился съ тѣмъ, чтобы погибнуть или погубить Лжедимитрія. Но легкоумный, гордый Самозванецъ, хваляся еще не столько благостію, сколько безстрашіемъ, отвѣтствовалъ, что, находя искреннее удовольствіе въ милости, любитъ прощать совершенно, не въ половину, и безъ грѣха не можетъ чего-нибудь страшиться, бывъ отъ самой колыбели чудесно и явно хранимъ Богомъ. Онъ хотѣлъ, чтобы князь Василій, подобно Мстиславскому, избралъ себѣ знатную невѣсту: Шуйскій выбралъ княжну Буйносову-Ростовскую, свойственницу Нагихъ, и долженъ былъ жениться чрезъ нѣсколько дней послѣ царской свадьбы;—однимъ словомъ, бывъ угодникомъ Іоанновымъ и Борисовымъ, обворожилъ Разстригу нехитраго, сдѣлался его совѣтникомъ, и не для того, чтобы совѣтовать ему доброе!

Лжедимитрій дѣйствовалъ, какъ и прежде, вѣтрено и безразсудно; то желалъ снискать любовь россіянъ, то умышленно оскорблялъ ихъ. Современники разсказываютъ слѣдующее происшествіе: „онъ велѣлъ сдѣлать зимою ледяную крѣпость, близъ Вязьмы, верстахъ въ тридцати отъ Москвы, и поѣхалъ туда со своими тѣлохранителями, съ конною дружиною ляховъ, съ боярами и лучшимъ воинскимъ дворянствомъ. Россіянамъ надлежало защищать городокъ, а нѣмцамъ взять его приступомъ; тѣмъ и дру-

гимъ, вмѣсто оружія, дали снѣжные комы. Начался бой и Самозванецъ, предводительствуя нѣмцами, первый ворвался въ крѣпость, торжествовалъ побѣду, говорилъ: такъ возьму Азовъ—и хотѣлъ новаго приступа. Но многіе изъ россіянъ обливались кровію, ибо нѣмцы, во время схватки, бросая въ нихъ снѣгомъ, бросали и каменьями. Сія худая шутка, оставленная царемъ безъ наказанія и даже безъ выговора, столь озлобила россіянъ, что Лжедимитрій, опасаясь дѣйствительно сѣчи между ими, тѣлохранителями и ляхами, спѣшилъ развести ихъ и возвратиться въ Москву“. Ненависть къ иноземцамъ, падая и на пристрастнаго къ нимъ царя, ежедневно усиливалась въ народѣ отъ ихъ дерзости: напримѣръ, съ дозволенія Лжедимитріева имѣя свободный входъ въ наши церкви, они безчинно гремѣли тамъ оружіемъ, какъ бы готовясь къ битвѣ; опирались, ложились на гробы святыхъ. Не менѣе жаловались москвитяне и на казаковъ, сподвижниковъ Разстригиныхъ: величаясь своею услугою, сіи люди грубые оказывали къ нимъ презрѣніе и называли ихъ въ ругательство жидами; суда не было. Но самымъ злѣйшимъ врагомъ Лжедимитрія сдѣлалось духовенство. Какъ бы желая унизить санъ монашества, онъ срамилъ иноковъ, въ случаѣ ихъ гражданскихъ преступленій, безчестною торговою казнію; занималъ деньги въ богатыхъ обителяхъ и не думалъ платить сихъ долговъ значительныхъ; наконецъ велѣлъ представить себѣ опись имѣнію и всѣмъ доходамъ монастырей, изъявивъ мысль оставить имъ только необходимое для умѣреннаго содержанія старцевъ, а все прочее взять на жалованье войску,—то-есть смѣлый бродяга, бурею кинутый на престолъ шаткій и новою бурею угрожаемый, хотѣлъ прямо, необыкновенно совершить дѣло, на которое не отважились государи законные, Іоаннъ III и IV, въ тишинѣ безспорнаго властвованія и повиновенія неограниченнаго! Дѣло менѣе важное, но не менѣе безразсудное также возбудило негодованіе бѣлаго московскаго духовенства: Лжедимитрій выгналъ всѣхъ арбатскихъ и чертольскихъ священниковъ изъ ихъ домовъ, чтобы помѣстить тамъ своихъ иноземныхъ тѣлохранителей, которые жили большею частію въ слободѣ Нѣмецкой, слишкомъ далеко отъ кремля. Пастыри душъ, въ храмахъ торжественно молясь за мнимаго Димитрія, тайно кляли въ немъ врага своего и шептали прихожанамъ о Самозванцѣ, гонителѣ церкви и благопріятелѣ всѣхъ ересей, ибо онъ, дозволивъ іезуитамъ служить латинскую обѣдню въ Кремлѣ, дозволилъ и лютеранскимъ пасторамъ говорить тамъ проповѣди, чтобы его тѣлохранители не имѣли труда ѣздить для моленія въ отдаленную Нѣмецкую слободу.

Въ сіе время явленіе новаго самозванца также повредило Разстригѣ въ общемъ мнѣніи. Завидуя успѣху и чести донцовъ, ихъ

братья, казаки волжскіе и терскіе, назвали одного изъ своихъ товарищей, молодого казака Илейку, сыномъ государя Θеодора Іоанновича, Петромъ и выдумали сказку, что Ирина, въ 1592 году, разрѣшилась отъ бремени симъ царевичемъ, коего властолюбивый Борисъ умѣлъ скрыть и подмѣнить дѣвочкою (Θеодосіею). Ихъ собралося 4,000, къ ужасу путешественниковъ, особенно людей торговыхъ, ибо сіи мятежники, сказывая, что идутъ въ Москву съ царемъ, грабили всѣхъ купцовъ на Волгѣ, между Астраханью и Казанью, такъ что добычу ихъ цѣнили въ 300 тысячъ рублей; а Лжедимитрій не мѣшалъ имъ злодѣйствовать и писалъ къ мнимому Петру—вѣроятно, желая заманить его въ сѣти—что если онъ истинный сынъ Θеодоровъ, то спѣшилъ бы въ столицу, гдѣ будетъ принятъ съ честію. Никто не вѣрилъ новому обманщику, но многіе еще болѣе увѣрились въ самозванствѣ Разстриги, изъясняя одну басню другою; многіе даже думали, что оба самозванца въ тайномъ согласіи, что Лжепетръ есть орудіе Лжедимитрія, что послѣдній велитъ казакамъ грабить купцовъ для обогащенія казны своей и ждетъ ихъ въ Москву, какъ новыхъ ревностныхъ союзниковъ, для безопаснѣйшаго тиранства надъ россіянами, ему ненавистными. Илейка, дѣйствительно, какъ пишутъ, хотѣлъ воспользоваться ласковымъ приглашеніемъ Разстриги и шелъ къ Москвѣ, но узналъ въ Свіяжскѣ, что мнимаго дяди его уже не стало.

По всѣмъ извѣстіямъ, возвращеніе князя Василія Шуйскаго было началомъ великаго заговора и рѣшило судьбу Лжедимитрія, который изготовилъ легкій успѣхъ одного, досаждая боярамъ, духовенству и народу, презирая вѣру и добродѣтель. Можетъ быть, слѣдуя инымъ, лучшимъ правиламъ, онъ удержался бы на тронѣ и вопреки явнымъ уликамъ въ самозванствѣ; можетъ быть осторожнѣйшіе изъ бояръ не захотѣли бы свергнуть властителя хотя и незаконнаго, но благоразумнаго, чтобы не предать отечества въ жертву безначалію. Такъ, вѣроятно, думали многіе въ первые дни Разстригина царствованія: вѣдая, кто онъ, надѣялись, по крайней мѣрѣ, что сей человѣкъ удивительный, одаренный нѣкоторыми блестящими свойствами, заслужитъ счастіе дѣлами достохвальными, увидѣли безуміе—и возстали на обманщика, ибо Москва, какъ пишутъ, уже не сомнѣвалась тогда въ единствѣ Отрепьева и Лжедимитрія. Любопытно знать, что самые ближніе люди Разстригины не скрывали истины другъ отъ друга; самъ несчастный Басмановъ въ бесѣдѣ искренней съ двумя нѣмцами, преданными Лжедимитрію, сказалъ имъ: „Вы имѣете въ немъ отца и благоденствуете въ Россіи—молитесь о здравіи его вмѣстѣ со мною. Хотя онъ и не сынъ Іоанновъ, но государь нашъ, ибо мы присягали ему, и лучшаго найти не мо-

жемъ". Такъ Басмановъ оправдывалъ свое усердіе къ Самозванцу. Другіе же судили, что присяга, данная въ заблужденіи или въ страхѣ, не есть истинная;—сію мысль еще недавно внушали народу друзья Лжедимитріевы, склоняя его измѣнить юному Ѳеодору; сею же мыслію успокоивалъ и Шуйскій россіянъ добросовѣстныхъ, чтобы низвергнуть бродягу. Надлежало открыться множеству людей разнаго званія, имѣть сообщниковъ въ синклитѣ, духовенствѣ, войскѣ, гражданствѣ. Шуйскій уже испыталъ опасность кововъ, лежавъ на плахѣ отъ нескромности своихъ клевретовъ; но съ того времени общая ненависть къ Лжедимитрію созрѣла и ручалась за вѣрнѣйшее храненіе тайны. По крайней мѣрѣ не нашлося предателей-измѣнниковъ — и Шуйскій умѣлъ, въ глазахъ Самозванца, ежедневно съ нимъ веселясь и пируя, составить заговоръ, коего нить шла отъ Царской Думы чрезъ всѣ степени государственныя до народа московскаго, такъ что и многіе изъ ближнихъ людей Отрепьева, выведенные изъ терпѣнія его упрямствомъ въ неблагоразуміи, пристали къ сему кову. Распускали слухи зловредные для Самозванца, истинные и ложные: говорили, что онъ, пылая жаждою кровопролитія безумнаго, въ одно время грозитъ войною Европѣ и Азіи. Лжедимитрій несомнительно думалъ воевать съ султаномъ, назначилъ для того посольство къ шаху Абасу, чтобы пріобрѣсти въ немъ важнаго сподвижника, и велѣлъ дружинамъ дѣтей боярскихъ идти въ Елецъ, отправивъ туда множество пушекъ. Грозилъ и Швеціи: написалъ къ Карлу: „Всѣхъ сосѣдственныхъ государей увѣдомивъ о своемъ воцареніи, увѣдомляю тебя единственно о моемъ дружествѣ съ законнымъ королемъ шведскимъ Сигизмундомъ, требуя, чтобы ты возвратилъ ему державную власть, похищенную тобою вѣроломно, вопреки уставу божественному, естественному и народному праву—или вооружишь на себя могущественную Россію. Усовѣстись и размысли о печальномъ жребіи Бориса Годунова: такъ Всевышній казнитъ похитителей—казнитъ и тебя". Увѣряли еще, что Лжедимитрій вызываетъ хана опустошать южныя владѣнія Россіи и, желая привести его въ бѣшенство, послалъ къ нему въ даръ шубу изъ свиныхъ кожъ,—басня, опровергаемая современными государственными бумагами, въ коихъ упоминается о мирныхъ, дружественныхъ сношеніяхъ Лжедимитрія съ Казы-Гиреемъ и дарахъ обыкновенныхъ. Говорили справедливѣе о намѣреніи или обѣщаній Самозванца предать нашу церковь папѣ и знатную часть Россіи Литвѣ, о чемъ сказалъ боярамъ дворянинъ Золотой-Квашнинъ, бѣглецъ Іоаннова времени, который долго жилъ въ Польшѣ. Говорили, что Разстрига ждетъ только воеводы Сендомирскаго съ новыми шайками ляховъ для исполненія своихъ умысловъ, гибельныхъ для отечества. Уже

начальники заговора хотѣли было приступить къ дѣлу, но отложили ударъ до свадьбы Лжедимитріевой,—для того ли, какъ пишутъ, чтобы съ невѣстою и съ ея ближними возвратились въ Москву древнія царскія сокровища, раздаренныя имъ щедростію Самозванца, или для того, чтобы онъ имѣлъ время и способъ еще болѣе озлобить россіянъ новыми беззаконіями, предвидѣнными Шуйскимъ и друзьями его?

Между тѣмъ два или три случая, не будучи въ связи съ заговоромъ, могли потревожить Самозванца. Ему донесли, что нѣкоторые стрѣльцы всенародно злословятъ его, какъ врага вѣры. Онъ призвалъ всѣхъ московскихъ стрѣльцовъ съ головою Григоріемъ Микулинымъ, объявилъ имъ дерзость ихъ товарищей и требовалъ, чтобы вѣрные воины судили измѣнниковъ. Микулинъ обнажилъ мечъ, и хулители лжецаря, не изъявляя ни раскаянія, ни страха, были изсѣчены въ куски своими братьями, за что Самозванецъ пожаловалъ Микулина, какъ усерднаго слугу, въ дворяне думные, а народъ возненавидѣлъ, какъ убійцу великодушныхъ страдальцевъ. Такимъ же мученикомъ хотѣлъ быть и дьякъ Тимоѳей Осиповъ: пылая ревностію изобличить Разстригу, онъ нѣсколько дней говѣлъ дома, пріобщился св. Таинъ и торжественно, въ палатахъ царскихъ, предъ всѣми боярами, назвалъ его Гришкою Отрепьевымъ, рабомъ грѣха, еретикомъ. Всѣ изумились, и самъ Лжедимитрій безмолвствовалъ въ смятеніи: опомнился и велѣлъ умертвить сего въ исторіи незабвеннаго мужа, который своею кровію, вмѣстѣ съ немногими другими, искупалъ россіянъ отъ стыда повиноваться бродягѣ. Пишутъ, что и стрѣльцы, и дьякъ Осиповъ, прежде ихъ убіенія, были допрашиваемы Басмановымъ, но никого не оговорили въ единомысліи съ ними. Не менѣе безстрашнымъ оказалъ себя и знаменитый слѣпецъ, такъ называемый царь Симеонъ. Будучи ревностнымъ христіаниномъ и слыша, что Лжедимитрій склоняется къ латинской вѣрѣ, онъ презрѣлъ его милость и ласки, всенародно изъявлялъ негодованіе, убѣждалъ истинныхъ сыновъ церкви умереть за ея святые уставы. Симеона, обвиняемаго въ неблагодарности, удалили въ монастырь Соловецкій и постригли. Тогда же чиновникъ, извѣстный способностями ума и гибкостью нрава, бывъ въ равной довѣренности у Бориса и Самозванца, думный дворянинъ Михайло Татищевъ вдругъ заслужилъ опалу смѣлостію, въ немъ совсѣмъ необыкновенною. Однажды за столомъ царскимъ князь Василій Шуйскій, видя блюдо телятины, въ первый разъ сказалъ Лжедимитрію, что не должно подчивать россіянъ яствами, для нихъ гнусными; а Татищевъ, приставъ къ Шуйскому, началъ говорить столь невѣжливо и дерзко, что его вывели изъ дворца и хотѣли сослать на Вятку; но Басмановъ чрезъ двѣ недѣли

исходатайствовалъ ему прощеніе (себѣ на гибель, какъ увидимъ). Сей случай возбудилъ подозрѣніе въ нѣкоторыхъ ближнихъ людяхъ Отрепьева и въ немъ самомъ: думали, что Шуйскій завелъ сей разговоръ съ умысломъ и что Татищевъ недаромъ измѣнилъ своему навыку; что они, зная вспыльчивость Лжедимитрія, хотѣли вырвать изъ него какое-нибудь слово нескромное и во вредъ ему разгласить о томъ въ городѣ; что у нихъ должно быть намѣреніе дальновидное и злое. Къ счастію, Лжедимитрій, по нраву и правиламъ неопасливый, скоро оставилъ сію безпокойную мысль, видя вокругъ себя лица веселыя, всѣ знаки усердія и преданности, особенно въ Шуйскомъ, и всего болѣе думая тогда о великолѣпномъ пріемѣ Марины.

Но воевода Сендомирскій какъ долго не трогался съ мѣста, такъ медленно и путешествовалъ; вездѣ останавливался, пировалъ, къ досадѣ своего провожатаго, Аѳанасія Власьева, и еще изъ Минска писалъ въ Москву, что ему нельзя выѣхать изъ литовскихъ владѣній, пока царь не заплатитъ королю всего долга; что грубость излишне ревностнаго слуги Власьева, нудящаго ихъ не ѣхать, а летѣть въ Россію, несносна для него, ветхаго старца, и для нѣжной Марины. Самозванецъ не жалѣлъ денегъ: обязался удовлетворить всѣмъ требованіемъ Сигизмундовымъ, прислалъ 5,000 червонцевъ въ даръ невѣстѣ и сверхъ того 5,000 рублей и 13,000 талеровъ на ея путешествіе до предѣловъ Россіи; но изъявилъ неудовольствіе. „Вижу, — писалъ онъ къ Мнишку,—что вы едва ли и весною достигнете нашей столицы, гдѣ можете не найти меня, ибо я намѣренъ встрѣтить лѣто въ станѣ моего войска и буду въ полѣ до зимы. Бояре, высланные ждать васъ на рубежѣ, истратили въ сей голодной странѣ всѣ свои запасы и должны будутъ возвратиться, къ стыду и поношенію царскаго имени“. Мнишекъ въ досадѣ хотѣлъ ѣхать назадъ: однакожъ, извинивъ колкія выраженія будущаго зятя нетерпѣніемъ его страстной любви, 8 апрѣля въѣхалъ въ Россію.

Пишутъ, что Марина, оставляя навѣки отечество, неутѣшно плакала въ горестныхъ предчувствіяхъ, и что Власьевъ не могъ успокоить ее велерѣчивымъ изображеніемъ ея славы. Воевода Сендомирскій желалъ блеснуть пышностію: съ нимъ было родственниковъ, пріятелей и слугъ не менѣе двухъ тысячъ, и столько же лошадей. Марина ѣхала между рядами конницы и пѣхоты. Мнишекъ, братъ и сынъ его, князь Вишневецкій и каждый изъ знатныхъ пановъ имѣлъ свою дружину воинскую. На границѣ привѣтствовали невѣсту царедворцы московскіе, а за мѣстечкомъ Краснымъ бояре Михайло Нагой (мнимый дядя Лжедимитріевъ) и князь Василій Мосальскій, который сказалъ отцу ея, что знаменитѣйшіе государи европейскіе хотѣли бы выдать дочерей сво-

ихъ за Димитрія, но что Димитрій предпочитаетъ имъ его дочь, умѣя любить и быть благодарнымъ. Оттуда повезли Марину на двѣнадцати бѣлыхъ коняхъ, въ саняхъ великолѣпныхъ, украшенныхъ серебрянымъ орломъ; возницы были въ парчевой одеждѣ, въ черныхъ лисьихъ шапкахъ; впереди ѣхало двѣнадцать знатныхъ всадниковъ, которые служили путеводителями и кричали возницамъ, гдѣ видѣли камень или яму. Несмотря на весеннюю распутицу, вездѣ исправили дорогу, вездѣ построили новые мосты и домы для ночлеговъ. Въ каждомъ селеніи жители встрѣчали невѣсту съ хлѣбомъ и солью, священники съ иконами. Граждане въ Смоленскѣ, Дорогобужѣ, Вязьмѣ подносили ей многоцѣнные дары отъ себя, а сановники вручали письма отъ жениха съ дарами, еще богатѣйшими. Всѣ старались угождать не только будущей царицѣ, но и спутникамъ ея, надменнымъ ляхамъ, которые вели себя нескромно, грубили россіянамъ, притворно смиреннымъ, и, достигнувъ береговъ Угры, вспомнили, что тутъ была древняя граница Литвы,—надѣялись, что и будетъ снова, ибо Мнишекъ везъ съ собою владѣнную грамоту, данную ему Самозванцемъ, на княженіе Смоленское! Оставивъ Марину въ Вязьмѣ, Сендомирскій воевода съ сыномъ и княземъ Вишневецкимъ спѣшили въ Москву для нѣкоторыхъ предварительныхъ условій съ царемъ относительно брака.

25 апрѣля, имѣвъ пышный въѣздъ въ столицу, Мнишекъ съ восторгомъ увидѣлъ будущаго зятя на великолѣпномъ тронѣ, окруженномъ боярами и духовенствомъ; патріархъ и епископы сидѣли на правой сторонѣ, вельможи на лѣвой. Мнишекъ цѣловалъ руку Лжедимитріеву, говорилъ рѣчь и не находилъ словъ для выраженія своего счастія. „Не знаю (сказалъ онъ), какое чувство господствуетъ теперь въ душѣ моей: удивленіе ли чрезмѣрное или радость неописанная? Мы проливали нѣкогда слезы умиленія, слушая повѣсть о жалостной, мнимой кончинѣ Димитрія—и видимъ его воскресшаго! Давно ли, съ горестью иного рода, съ участіемъ искреннимъ и нѣжнымъ, я жалъ руку изгнанника, моего гостя печальнаго—и сію руку, нынѣ державную, лобызаю съ благоговѣніемъ!.. О счастіе! какъ ты играешь смертными! Но что говорю? не слѣпому счастію, а Провидѣнію дивимся въ судьбѣ твоей: Оно спасло тебя и возвысило къ утѣшенію Россіи и всего христіанства. Уже извѣстны мнѣ твои блестящія свойства: я видѣлъ тебя въ пылу битвы неустрашимаго, въ трудахъ воинскихъ неутомимаго, къ хладу зимнему нечувствительнаго... ты бодрствовалъ въ полѣ, когда и звѣри сѣвера въ своихъ норахъ таились. Исторія и стихотворство прославятъ тебя за мужество и за многія иныя добродѣтели, которыя спѣши открыть въ себѣ міру; но я особенно долженъ сла-

вить твою высокую ко мнѣ милость, щедрую награду за мое къ тебѣ раннее дружество, которое предупредило честь и славу твою въ свѣтѣ: ты дѣлишь свое величіе съ моею дочерью, умѣя цѣнить ея нравственное воспитаніе и выгоды, данныя ей рожденіемъ въ государствѣ свободномъ, гдѣ дворянство столь важно и сильно, а всего болѣе зная, что одна добродѣтель есть истинное украшеніе человѣка". Лжедимитрій слушалъ съ видомъ чувствительности, непрестанно утирая себѣ глаза платкомъ, но не сказалъ ни слова; вмѣсто царя отвѣтствовалъ Аѳанасій Власьевъ. Началося роскошное угощеніе. Мнишекъ обѣдалъ у Лжедимитрія въ новомъ дворцѣ, гдѣ поляки хвалили и богатство, и вкусъ украшеній. Честя гостя, Самозванецъ не хотѣлъ однакожъ сидѣть съ нимъ рядомъ, сидѣлъ одинъ за серебряною трапезою, и въ знакъ уваженія велѣлъ только подавать ему, сыну его и князю Вишневецкому золотыя тарелки. Во время обѣда привели двадцать лопарей, бывшихъ тогда въ Москвѣ съ данію, и разсказывали любопытнымъ иноземцамъ, что сіи странные дикари живутъ на краю свѣта, близъ Индіи и Ледовитаго моря, не зная ни домовъ, ни теплой пищи, ни законовъ, ни вѣры; — Лжедимитрій хвалился неизмѣримостію Россіи и чуднымъ разнообразіемъ ея народовъ. Ввечеру играли во дворцѣ польскіе музыканты, сынъ воеводы Сендомирскаго и князь Вишневецкій танцовали, а Лжедимитрій забавлялся переодѣваніемъ, ежечасно являясь то русскимъ щеголемъ, то венгерскимъ гусаромъ! Пять или шесть дней угощали Мнишка изобильными, безконечными обѣдами, ужинами, звѣриною ловлею, въ коей Лжедимитрій, какъ обыкновенно, блисталъ искусствомъ и смѣлостію, билъ медвѣдей рогатиною, отсѣкалъ имъ голову саблею и веселился громкими восклицаніями бояръ: „слава царю!" Въ сіе время занимались и дѣломъ.

Лжедимитрій писалъ еще въ Краковъ къ воеводѣ Сендомирскому, что Марина, какъ царица россійская, должна, по крайней мѣрѣ, наружно чтить вѣру греческую и слѣдовать обрядамъ ея; должна также наблюдать обычаи московскіе и не убирать волосовъ; но легатъ папскій Рангони съ досадою отвѣтствовалъ на первое требованіе, что государь самодержавный не обязанъ угождать безсмысленному народному суевѣрію, что законъ не воспрещаетъ брака между христіанами греческой и римской церкви и не велитъ супругамъ жертвовать другъ другу совѣстію; что самые предки Димитріевы, когда хотѣли жениться на княжнахъ польскихъ, всегда оставляли имъ свободу въ вѣрѣ. Сіе затрудненіе было, кажется, рѣшено въ бесѣдахъ Лжедимитрія съ воеводою Сендомирскимъ и съ нашимъ духовенствомъ: условились, чтобы Марина ходила въ греческія церкви, пріобщалась святыхъ Таинъ отъ патріарха и постилась еженедѣльно не въ субботу,

а въ среду, имѣя однакожъ свою латинскую церковь и наблюдая всѣ иные уставы римской вѣры. Патріархъ Игнатій былъ доволенъ; другіе святители молчали, всѣ, кромѣ митрополита казанскаго Гермогена и коломенскаго епископа Іосифа, сосланныхъ Разстригою за ихъ смѣлость, ибо они утверждали, что невѣсту должно крестить, или женитьба царя будетъ беззаконіемъ. Гордяся хитрою политикою, удовольствовавъ, какъ онъ думалъ, и Римъ, и Москву, устроивъ все для торжественнаго бракосочетанія и принятія невѣсты, Лжедимитрій далъ ей знать, что ждетъ ее съ нѣжнымъ чувствомъ любовника и съ великолѣпіемъ царскимъ.

Марина дня четыре жила въ Вязьмѣ, бывшемъ селѣ Годунова, гдѣ находился его дворецъ, окруженный валомъ, и гдѣ въ каменномъ храмѣ, донынѣ цѣломъ, видны еще многія польскія надписи Мнишковыхъ спутниковъ. 1 мая, верстъ за 15 отъ Москвы, встрѣтили будущую царицу купцы и мѣщане съ дарами; 2 мая, близъ городской заставы—дворянство и войско, дѣти боярскіе, стрѣльцы, казаки (всѣ въ красныхъ суконныхъ кафтанахъ, съ бѣлою перевязью на груди), нѣмцы, поляки, числомъ до ста тысячъ. Самъ Лжедимитрій былъ тайно въ простой одеждѣ между ними, вмѣстѣ съ Басмановымъ разставилъ ихъ по обѣимъ сторонамъ дороги и возвратился въ Кремль. Не въѣзжая въ городъ, на берегу Москвы-рѣки Марина вышла изъ кареты и вступила въ великолѣпный шатеръ, гдѣ находились бояре; князь Мстиславскій говорилъ ей привѣтственную рѣчь, всѣ другіе кланялись до земли. У шатра стояли 12 прекрасныхъ верховыхъ коней въ даръ невѣстѣ и богатая колесница, украшенная серебряными орлами царскаго герба и запряженная десятью пѣгими лошадьми; въ сей колесницѣ Марина въѣхала въ Москву, будучи сопровождаема своими ближними, боярами, чиновниками и тремя дружинами царскихъ тѣлохранителей; впереди шло 300 гайдуковъ съ музыкантами, а позади ѣхало 13 каретъ и множество всадниковъ. Звонили въ колокола, стрѣляли изъ пушекъ, били въ барабаны, играли на трубахъ, а народъ безмолвствовалъ, смотрѣлъ съ любопытствомъ, но изъявлялъ болѣе печали, нежели радости, и замѣтилъ вторично бѣдственное предзнаменованіе: увѣряютъ, что въ сей день свирѣпствовала буря, такъ же какъ и во время Разстригина вступленія въ Москву. Предъ воротами кремлевскими, на возвышенномъ мѣстѣ площади (гдѣ встрѣтило бы невѣсту царскую духовенство съ крестами, еслибы сія невѣста была православная), встрѣтили Марину новыя толпы литаврщиковъ, производя несносный для слуха шумъ и громъ. При въѣздѣ ея въ Спасскія ворота музыканты польскіе играли свою народную пѣсню: „навѣки въ счастьѣ и несчастьѣ“. Колесница остановилась въ Кремлѣ у Дѣвичьяго мо-

настыря; тамъ невѣста была принята царицею-инокинею, тамъ увидѣла и жениха и жила до свадьбы, отложенной на шесть дней еще для нѣкоторыхъ приготовленій.

Между тѣмъ Москва волновалась. Помѣстивъ воеводу Сендомирскаго въ кремлевскомъ домѣ Борисовомъ (вертепѣ цареубійства), взяли для его спутниковъ всѣ лучшіе дворы въ Китаѣ, въ Бѣломъ-городѣ и выгнали хозяевъ, не только купцовъ, дворянъ, дьяковъ, людей духовнаго сана, но и первыхъ вельможъ, даже мнимыхъ родственниковъ царскихъ, Нагихъ. Сдѣлался крикъ и вопль. Съ другой стороны, видя тысячи гостей незваныхъ, съ ногъ до головы вооруженныхъ, видя, какъ они еще изъ телѣгъ своихъ вынимали запасныя сабли, копья, пистолеты, москвитяне спрашивали у нѣмцевъ, ѣздятъ ли въ ихъ земляхъ на свадьбу, какъ на битву, и говорили другъ другу, что поляки хотятъ овладѣтъ столицею. Въ одинъ день съ Мариною въѣхали въ Москву великіе послы Сигизмундовы, паны Олесницкій и Гонсѣвскій, также съ воинскою многочисленою дружиною и также къ безпокойству народа, который думалъ, что они пріѣхали за вѣномъ Марины и что царь уступаетъ Литвѣ всѣ земли отъ границы до Можайска — мнѣніе несправедливое, какъ доказываютъ бумаги сего посольства: Олесницкій и Гонсѣвскій должны были только, вмѣсто короля, присутствовать на свадьбѣ Лжедимитрія, утвердить Сигизмундову съ нимъ дружбу и союзъ съ Россіею, не требуя ничего болѣе. Самозванецъ, по сказанію лѣтописца, зная молву народную о грамотѣ, данной имъ Мнишку на Смоленскъ и Сѣверскую область, говорилъ боярамъ, что не уступитъ ни пяди земли россійской ляхамъ, и, можетъ быть говорилъ искренно, можетъ быть обманывая папу, обманулъ бы и тестя, и жену свою; но бояре, по крайней мѣрѣ Шуйскій съ друзьями, не старались перемѣнить худыхъ мыслей народа о Лжедимитріи, который новыми соблазнами еще усилилъ общее негодованіе.

Доброжелатели сего безразсуднаго хотѣли увѣрить благочестивыхъ россіянъ, что Марина въ уединенныхъ, недоступныхъ келіяхъ учится нашему закону и постится, готовясь къ крещенію. Въ первый день она дѣйствительно казалась постницею, ибо ничего не ѣла, гнушаясь русскими яствами; но женихъ, узнавъ о томъ, прислалъ къ ней въ монастырь поваровъ отца ея, коимъ отдали ключи отъ царскихъ запасовъ и которые начали готовить тамъ обѣды, ужины, совсѣмъ не монастырскіе. Марина имѣла при себѣ одну служанку, никуда не выходила изъ келій, не ѣздила даже и къ отцу; но ежедневно видѣла страстнаго Лжедимитрія, сидѣла съ нимъ наединѣ, или была увеселяема музыкою, пляскою и пѣснями недуховными. Разстрига вводилъ скомороховъ въ обитель тишины и набожности, какъ бы ругаясь надъ святымъ мѣ-

стомъ и саномъ инокинь непорочныхъ. Москва свѣдала о томъ съ омерзѣніемъ.

Соблазнъ иного рода, плодъ вѣтренности Лжедимитріевой, изумилъ царедворцевъ. 3 мая Разстрига торжественно принималъ, въ Золотой палатѣ, знатныхъ ляховъ, родственниковъ Мнишковыхъ и пословъ королевскихъ. Гофмейстеръ Марины, Стадницкій, именемъ всѣхъ ея ближнихъ говоря рѣчъ, сказалъ ему: „Если кто нибудь удивится твоему союзу съ домомъ Мнишка, перваго изъ вельможъ королевскихъ, то пусть заглянетъ въ исторію государства Московскаго: прадѣдъ твой, думаю, былъ женатъ на дочери Витовта, а дѣдъ на Глинской, и Россія жаловалась ли на соединеніе царской крови съ литовскою?—нимало. Симъ бракомъ утверждаешь ты связь между двумя народами, которые сходствуютъ въ языкѣ и въ обычаяхъ, равны въ силѣ и доблести, но донынѣ не знали мира искренняго и своею закоснѣлою враждою тѣшили невѣрныхъ; нынѣ же готовы, какъ истинные братья, дѣйствовать единодушно, чтобы низвергнуть луну ненавистную— и слава твоя, какъ солнце, возсіяетъ въ странахъ Сѣвера“. За родственниками воеводы Сендомирскаго важно и величаво шли послы. Лжедимитрій сидѣлъ на престолѣ. Сказавъ царю привѣтствіе, Олесницкій вручилъ Сигизмундову грамоту Аѳанасію Власьеву, который тихо прочиталъ Самозванцу ея надпись и возвратилъ бумагу посламъ, говоря, что она писана къ какому-то князю Димитрію, а монархъ россійскій есть цесарь; что послы должны ѣхать съ нею обратно къ своему государю. Изумленный панъ Олесницкій, взявъ грамоту, сказалъ Лжедимитрію: „Принимаю съ благоговѣніемъ; но что дѣлается?—оскорбленіе безпримѣрное для короля, для всѣхъ знаменитыхъ ляховъ, стоящихъ здѣсь предъ тобою, для всего нашего отечества, гдѣ мы еще недавно видѣли тебя, осыпаемаго ласками и благодѣяніями! Ты съ презрѣніемъ отвергаешь письмо его величества на семъ тронѣ, на коемъ сидишь по милости Божіей, государя моего и народа польскаго!“ Такое нескромное слово оскорбляло всѣхъ россіянъ не менѣе царя; но Лжедимитрій не мыслилъ выгнать дерзкаго пана, и какъ бы обрадовался случаю блистать своимъ краснорѣчіемъ; велѣлъ снять съ себя корону и самъ отвѣтствовалъ слѣдующее: „Необыкновенное, неслыханное дѣло, чтобы вѣнценосцы, сидя на престолѣ, спорили съ иноземными послами; но король упрямствомъ выводитъ меня изъ терпѣнія. Ему изъяснено и доказано, что я не только князь, не только господарь и царь, но и великій императоръ въ своихъ неизмѣримыхъ владѣніяхъ. Сей титулъ данъ мнѣ Богомъ, и не есть одно пустое слово, какъ титулы иныхъ королей; ни ассирійскіе, ни мидійскіе, ниже римскіе цесари не имѣли дѣйствительнѣйшаго права такъ именоваться. Могу ли быть доволенъ

названіемъ князя и господаря, когда мнѣ служатъ не только господари и князья, но и цари? Не вижу себѣ равнаго въ странахъ полунощныхъ; надо мною одинъ Богъ. И не всѣ ли монархи европейскіе называютъ меня императоромъ? Для чего же Сигизмундъ того не хочетъ? Панъ Олесницкій! спрашиваю: могъ ли бы ты принять на свое имя письмо, еслибы въ его надписи не было означено твое шляхетское достоинство? Сигизмундъ имѣлъ во мнѣ друга и брата, какого еще не имѣла республика Польская; а теперь вижу въ немъ своего зложелателя". Извиняясь въ худомъ витійствѣ неспособностію говорить безъ приготовленія, а въ смѣлости навыкомъ человѣка свободнаго, Олесницкій съ жаромъ и грубостію упрекалъ Лжедимитрія неблагодарностію, забвеніемъ милостей королевскихъ, безразсудностію въ требованіи титула новаго, безъ всякаго права; указывая на бояръ, ставилъ ихъ въ свидѣтели, что вѣнценосцы россійскіе никогда не думали именоваться цесарями; предавалъ Самозванца суду Божію за кровопролитіе, вѣроятное слѣдствіе такого неумѣреннаго честолюбія. Самозванецъ возражалъ, наконецъ смягчился и звалъ Олесницкаго къ рукѣ не въ видѣ посла, а въ видѣ своего добраго знакомца; но разгоряченный панъ сказалъ: „или я посолъ, или не могу цѣловать руки твоей", и сею твердостью принудилъ Разстригу уступить: „для того (сказалъ Власьевъ), что царь, готовясь къ брачвому веселію, расположенъ къ снисходительности и къ мирнымъ чувствамъ". Грамоту Сигизмундову взяли, посламъ указали мѣста, и Лжедимитрій спросилъ о здоровьѣ короля, но сидя; Олесницкій хотѣлъ, чтобъ онъ для сего вопроса, въ знакъ уваженія къ королю, привсталъ, и Разстрига исполнилъ его желаніе—однимъ словомъ, унизилъ, остыдилъ себя въ глазахъ двора явленіемъ непристойнымъ, досадивъ вмѣстѣ и ляхамъ, и россіянамъ. Съ честію отпустивъ пословъ въ ихъ домъ, Лжедимитрій велѣлъ дьяку Грамотину сказать имъ, что они могутъ жить, какъ имъ угодно, безъ всякаго надзора и принужденія: видѣться и говорить, съ кѣмъ хотятъ; что обычаи перемѣнились въ Россіи, и спокойная любовь къ свободѣ заступила мѣсто недовѣрчиваго тиранства; что гостепріимная Москва ликуетъ, въ первый разъ видя такое множество ляховъ, а царь готовъ удивить Европу и Азію дружбою своею къ королю, если онъ признаетъ его императоромъ изъ благодарности за титулъ шведскаго, отнятый Борисомъ у Сигизмунда, но возвращаемый ему Димитріемъ.—Дѣломъ государственнаго союза хотѣли заняться послѣ свадьбы царской, ибо Лжедимитрій не имѣлъ времени мыслить о дѣлахъ, занимаясь единственно невѣстою и гостями.

Въ монастырѣ веселились, во дворцѣ пировали. Женихъ ежедневно дарилъ невѣсту и родныхъ ея, покупая лучшіе товары у

купцовъ иноземныхъ, коихъ множество наѣхало въ Москву изъ Литвы, Италіи и Германіи. За два дня до свадьбы принесли Маринѣ шкатулку съ узорочьями, цѣною въ 50 тысячъ рублей, а Мнишку выдали еще 100 тысячъ золотыхъ для уплаты остальныхъ долговъ его, такъ что казна издержала въ сіе время на одни дары 800,000 (нынѣшнихъ серебряныхъ 4,000,000) рублей, кромѣ милліоновъ, издержанныхъ на путешествіе или угощеніе Марины съ ея ближними. Лжедимитрій хотѣлъ царскою роскошью затмить польскую, ибо воевода Сендомирскій и другіе знатные ляхи также не жалѣли ничего для внѣшняго блеска, имѣли богатыя кареты и прекрасныхъ коней, рядили слугъ въ бархатъ и готовились жить пышно въ Москвѣ (куда Мнишекъ привезъ 30 бочекъ одного вина венгерскаго). Но самая роскошь гостей озлобляла народъ: видя ихъ великолѣпіе, москвитяне думали, что оно есть плодъ расхищенія казны царской; что достояніе отечества, собранное умомъ и трудами нашихъ государей, идетъ въ руки вѣчныхъ непріятелей Россіи.

7 мая, ночью, невѣста вышла изъ монастыря и при свѣтѣ двухъ сотъ факеловъ, въ колесницѣ, окруженной тѣлохранителями и дѣтьми боярскими, переѣхала во дворецъ, гдѣ въ слѣдующее утро совершилось обрученіе по уставу нашей церкви и древнему обычаю; но, вопреки сему уставу и сему обычаю, въ тотъ же день, наканунѣ пятницы и святого праздника, совершился и бракъ, ибо Самозванецъ не хотѣлъ ни однимъ днемъ своего счастія жертвовать, какъ онъ думалъ, народному предразсудку. Невѣсту для обрученія ввели въ столовую палату княгиня Мстиславская и воевода Сендомирскій. Тутъ присутствовали только ближайшіе родственники Мнишковы и чиновники свадебные: тысяцкій князь Василій Шуйскій, дружки (братъ его и Григорій Нагой), свахи и весьма немногіе изъ бояръ. Марина, усыпанная алмазами, яхонтами, жемчугомъ, была въ русскомъ красномъ бархатномъ платьѣ съ широкими рукавами и въ сафьянныхъ сапогахъ; на головѣ ея сіялъ вѣнецъ. Въ такомъ же платьѣ былъ и Самозванецъ, также съ головы до ногъ блистая алмазами и всякими каменьями драгоцѣнными. Духовникъ царскій, благовѣщенскій протоіерей, читалъ молитвы, дружки рѣзали короваи съ сырами и разносили ширинки. Оттуда пошли въ Грановитую палату, гдѣ находились всѣ бояре и сановники двора, знатные ляхи и послы Сигизмундовы. Тамъ увидѣли россіяне важную новость: два престола, одинъ для Самозванца, другой для Марины, и князь Василій Шуйскій сказалъ ей: „Наияснѣйшая великая государыня, цесаревна Марія Юрьевна! волею Божіею и непобѣдимаго самодержца, цесаря и великаго князя всея Россіи, ты избрана быть его супругою: вступи же на свой цесарскій маестатъ

и властвуй вмѣстѣ съ государемъ надъ нами!“ Она сѣла. Вельможа Михайло Нагой держалъ предъ нею корону Мономахову и діадиму. Велѣли Маринѣ поцѣловать ихъ и духовнику царскому нести въ храмъ Успенія, гдѣ уже все изготовили къ торжественному обряду и куда по разостланнымъ сукнамъ и бархатамъ велъ жениха воевода Сендомирскій, а невѣсту княгиня Мстиславская; впереди шли, сквозь ряды тѣлохранителей и стрѣльцовъ, стольники, стряпчіе, всѣ знатные ляхи, чиновники свадебные, князь Василій Голицынъ съ жезломъ или скипетромъ, Басмановъ съ державою; позади бояре, люди думные, дворяне и дьяки. Народа было множество. Въ церкви Марина приложилась къ образамъ и началось священнодѣйствіе, дотолѣ безпримѣрное въ Россіи: царское вѣнчаніе невѣсты, коимъ Лжедимитрій хотѣлъ удовлетворить ея честолюбію, возвысить ее въ глазахъ россіянъ и, можетъ быть, дать ей, въ случаѣ своей смерти и неимѣнія дѣтей, право на державство. Среди храма, на возвышенномъ, такъ называемомъ чертожномъ мѣстѣ сидѣли женихъ, невѣста и патріархъ: первый на золотомъ тронѣ персидскомъ, вторая на серебряномъ. Лжедимитрій говорилъ рѣчь, патріархъ ему отвѣтствовалъ и съ молитвою возложилъ животворящій крестъ на Марину, бармы, діадиму и корону (для чего свахи сняли головной уборъ или вѣнецъ невѣсты). Лики пѣли многолѣтіе государю и благовѣрной цесаревѣ Маріи, которую патріархъ на литургіи украсилъ цѣпію Мономаховою, помазалъ и причастилъ. Такимъ образомъ дочь Мнишкова, еще не будучи супругою царя, уже была вѣнчанною царицею (не имѣла только державы и скипетра). Духовенство и бояре цѣловали ея руку съ обѣтомъ вѣрности. Наконецъ выслали всѣхъ людей, кромѣ знатнѣйшихъ, изъ церкви, и протопопъ благовѣщенскій обвѣнчалъ Разстригу съ Мариною. Держа другъ друга за руку, оба въ коронахъ, царь и царица (послѣдняя опираясь на князя Василія Шуйскаго) вышли изъ храма уже въ часъ вечера и были громко привѣтствуемы звукомъ трубъ и литавръ, выстрѣлами пушечными и колокольнымъ звономъ, но тихо и невнятно народными восклицаніями. Князь Мстиславскій, въ дверяхъ осыпавъ новобрачныхъ золотыми деньгами изъ богатой мисы, кинулъ толпамъ гражданъ всѣ остальные въ ней червонцы и медали (съ изображеніемъ орла двуглаваго). Воевода Сендомирскій и немногіе бояре обѣдали съ Лжедимитріемъ въ столовой палатѣ, но сидѣли недолго, встали и проводили его до спальни, а Мнишекъ и князь Василій Шуйскій до постели. Все утихло во дворцѣ. Москва казалась спокойною; праздновали и шумѣли одни ляхи, въ ожиданіи брачныхъ пировъ царскихъ, новыхъ даровъ и почестей. Не праздновали и не дремали клевреты Шуйскаго—время дѣйствовать наступало.

Сей день, радостный для Самозванца и столь блестящій для Марины, еще усилилъ народное негодованіе. Не взирая на всѣ безразсудныя дѣла Разстриги, москвитяне думали, что онъ не дерзнетъ дать сана россійской царицы иновѣркѣ и что Марина приметъ законъ нашъ; ждали того до послѣдняго дня и часа,— увидѣли ее въ коронѣ, въ вѣнцѣ брачномъ, и не слыхали отреченія отъ латинства. Хотя Марина цѣловала наши святыя иконы, вкусила тѣло и кровь Христову изъ рукъ патріарха, была помазана елеемъ и торжественно возглашена благовѣрною царицею, но сіе явное дѣйствіе лжи казалось народу новою дерзостію беззаконія, равно какъ и царское вѣнчаніе польской шляхетки, удостоенной величія неслыханнаго и недоступнаго для самихъ царицъ, истинно благовѣрныхъ и добродѣтельныхъ—для Анастасіи, Ирины и Маріи Годуновой. Корона Мономахова на главѣ иноземки, племени ненавистнаго для тогдашнихъ россіянъ, вопіяла къ ихъ сердцамъ о мести за оскверненіе святыни. Такъ мыслилъ народъ, или такія мысли внушали ему еще невидимые вожди его въ сіе грозное будущимъ время. Ничто не укрывалось отъ наблюдателей строгихъ. Только немногимъ изъ ляховъ Разстрига дозволилъ быть въ церкви свидѣтелями его бракосочетанія, но и сіи немногіе своимъ безчинствомъ возбудили общее вниманіе: шутили, смѣялись или дремали въ часъ литургіи, прислонясь спиною къ иконамъ. Послы Сигизмундовы непремѣнно хотѣли сидѣть, требовали креселъ и едва успокоились, когда Лжедимитрій велѣлъ сказать имъ, что и самъ онъ сидитъ въ церкви на тронѣ, единственно по случаю коронованія Марины. Замѣчая, какъ бояре служили царю, какъ Шуйскіе и другіе ставили ему и царицѣ скамьи подъ ноги, кичливые паны дивились вслухъ такой низости и благодарили Бога, что живутъ въ республикѣ, гдѣ король не смѣетъ требовать столь презрительныхъ услугъ отъ послѣдняго изъ людей вольныхъ. Россіяне видѣли, слышали и не прощали.

Въ слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, барабаны и трубы возвѣстили начало свадебнаго праздника; сія шумная музыка не умолкала до самаго полудня. Во дворцѣ готовился пиръ для россіянъ и ляховъ; но Лжедимитрій, желая веселиться, имѣлъ досаду— новую ссору съ королевскими послами. Онъ звалъ ихъ обѣдать учтиво и ласково; послы также учтиво благодарили, хотѣли однакожъ непремѣнно сидѣть съ царемъ за однимъ столомъ, какъ Власьевъ на свадьбѣ у короля сидѣлъ за столомъ королевскимъ. Лжедимитрій для объясненія прислалъ къ нимъ Власьева; сей важный чиновникъ сказалъ Олесницкому: „Вы требуете неслыханнаго: у насъ никому нѣтъ мѣста за особенною царскою трапезою; король же угостилъ меня наравнѣ съ послами императорскимъ и римскимъ, слѣдственно не сдѣлалъ ничего чрезвычай-

наго, ибо государь нашъ не менѣе ни императора, ни римскаго владыки—нѣтъ, великій цесарь Димитрій болѣе ихъ: что у васъ папа, то у него попы". Такъ изъяснялся первый дѣлецъ государственный и вѣрный слуга Разстригинъ, въ душѣ своей не благопріятствуя ляхамъ и желая, можетъ быть, сею непристойною насмѣшкою доказать, что Лжедимитрій не есть папистъ. Олесницкій снесъ грубость, но рѣшился не ѣхать во дворецъ. Всѣ иные знатные ляхи обѣдали съ Самозванцемъ въ Грановитой палатѣ, кромѣ воеводы Сендомирскаго: онъ находилъ требованіе пословъ справедливымъ, тщетно умолялъ зятя исполнить оное, проводилъ его и Марину до столовой комнаты и въ неудовольствіи уѣхалъ домой.

Сія размолвка не мѣшала блеску пиршества. Новобрачные обѣдали на тронѣ, за ними стояли тѣлохранители съ сѣкирами, бояре имъ служили; играла музыка, и ляхи удивлялись несмѣтному богатству, видя предъ собою горы золота и серебра. Россіяне же съ негодованіемъ видѣли царя въ гусарскомъ платьѣ, а царицу въ польскомъ, ибо оно болѣе нравилось мужу ея, который и наканунѣ едва согласился, чтобы Марина, хотя для вѣнчанія, одѣлась россіянкою. Ввечеру ближніе Мнишковы веселились во внутреннихъ царскихъ комнатахъ, а въ слѣдующій день (10 мая) Лжедимитрій принималъ дары отъ патріарха, духовенства, вельможъ, всѣхъ знатныхъ людей, всѣхъ купцовъ чужестранныхъ, и снова пировалъ съ ними въ Грановитой палатѣ, сидя лицомъ къ иноземцамъ, спиною къ русскимъ. Въ Золотой палатѣ обѣдало 150 ляховъ, простыхъ воиновъ, но избранныхъ, угощаемыхъ думными дворянами; наливъ чашу вина, Лжедимитрій громогласно желалъ славныхъ успѣховъ оружію польскому и выпилъ ее до самаго дна. Наконецъ, 11 мая, обѣдали во дворцѣ и послы Сигизмундовы, съ ревностнымъ миротворцемъ, воеводою Сендомирскимъ, который, убѣдивъ зятя дать Олесницкому первое мѣсто возлѣ стола царскаго, уговорилъ и сего пана не требовать ничего болѣе и не жертвовать спору о суетной чести выгодами союза съ Россіею. Хотя Лжедимитрій едва было не возобновилъ пренія, сказавъ Олесницкому: „я не звалъ короля къ себѣ на свадьбу, слѣдственно ты здѣсь не въ лицѣ его, а только въ качествѣ посла"; но Мнишекъ благоразумными представленіями утишилъ зятя, и все кончилось дружелюбно. Сей третій пиръ казался еще пышнѣе. Царь и царица были въ коронахъ и въ польскомъ великолѣпномъ нарядѣ. Тутъ обѣдали и женщины: княгини Мстиславская, Шуйская и родственницы воеводы Сендомирскаго, который, забывъ свою дряхлость, не хотѣлъ сидѣть: держа шапку въ рукахъ, стоялъ предъ царицею и служилъ ей не какъ отецъ, а какъ подданный, къ удивленію всѣхъ. Лжедимитрій пилъ

здоровье короля; вообще пили много, особенно иноземные гости, хваля царскія вина, но жалуясь на яства русскія, для нихъ не вкусныя. Послѣ стола откланялись царю сановники, коимъ надлежало ѣхать къ шаху персидскому съ письмами, они цѣловали руку у Лжедимитрія и Марины. 12 мая царица въ своихъ комнатахъ угощала однихъ ляховъ, пригласивъ только двухъ россіянъ: Власьева и князя Василія Мосальскаго. Услуга и кушанья были польскія, такъ что паны, изъявляя живѣйшее удовольствіе, говорили: „мы пируемъ не въ Москвѣ и не у царя, а въ Варшавѣ или Краковѣ у короля нашего". Пили и плясали до ночи. Лжедимитрій, въ гусарской одеждѣ, танцовалъ съ женою и съ тестемъ. Но царица оказала милость и россіянамъ: 14 мая обѣдали у нея бояре и люди чиновные. Въ сей день она казалась русскою, вѣрно соблюдая наши обычаи, старалась быть и любезною, всѣхъ привѣтствуя и лаская. Но привѣтствія уже не трогали сердецъ ожесточенныхъ. Между тѣмъ не умолкала въ столицѣ музыка: барабаны, литавры, трубы съ утра до вечера оглушали жителей. Ежедневно гремѣли и пушки въ знакъ веселія царскаго: не щадили пороху, и въ пять или въ шесть дней истратили его болѣе, нежели въ войну Годунова съ Самозванцемъ. Ляхи также въ забаву стрѣляли изъ ружей, въ своихъ домахъ и на улицахъ, днемъ и ночью, трезвые и пьяные.

Утомленный празднествами, Лжедимитрій хотѣлъ заняться дѣлами, и 15 мая, въ часъ утра, послы Сигизмундовы нашли его въ новомъ дворцѣ сидящаго на креслѣ, въ прекрасной голубой одеждѣ, безъ короны, въ высокой шапкѣ, съ жезломъ въ рукѣ, среди множества царедворцевъ; онъ велѣлъ посламъ идти къ боярамъ въ другую комнату, чтобы объяснить имъ предложенія Сигизмундовы. Князь Дмитрій Шуйскій, Татищевъ, Власьевъ и дьякъ Грамотинъ бесѣдовали съ ними. Олесницкій, въ рѣчи плодовитой, Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ доказывалъ обязанность христіанскихъ монарховъ жить въ союзѣ и противиться невѣрнымъ; оплакивалъ паденіе Константинополя и несчастіе Іерусалима, хвалилъ великодушное намѣреніе царя освободить ихъ отъ бѣдственнаго ига и заключилъ тѣмъ, что Сигизмундъ, пылая усердіемъ раздѣлить съ братомъ своимъ Димитріемъ славу такого предпріятія, желаетъ знать, когда и съ какими силами онъ думаетъ идти на султана? Татищевъ отвѣтствовалъ: „Король хочетъ знать—вѣримъ, но хочетъ ли дѣйствительно помогать непобѣдимому цесарю въ войнѣ съ турками?—сомнѣваемся. Желаніе все вывѣдать, съ намѣреніемъ ничего не дѣлать, кажется намъ только обманомъ и лукавствомъ". Удивляясь дерзости Татищева (который говорилъ невѣжливо, ибо уже зналъ о скорой перемѣнѣ обстоятельствъ), послы свидѣтельствовались Власье-

вымъ, что не Сигизмундъ Димитрію, а Димитрій Сигизмунду предложилъ воевать Оттоманскую державу, слѣдственно и долженъ объявить ему свои мысли о способахъ успѣха. Тутъ россійскіе чиновники оставили пословъ, ходили къ Лжедимитрію, возвратились и, сказавъ: „самъ цесарь будетъ говорить съ вами въ присутствіи бояръ“, отпустили ихъ домой, но мнимый цесарь уже не могъ сдержать слова! Еще Лжедимитрій готовилъ потѣхи новыя: велѣлъ строить деревянную крѣпость съ земляною осыпью внѣ города, за Срѣтенскими воротами, и вывести туда множество пушекъ изъ Кремля, чтобы 18 мая представить ляхамъ и россіянамъ любопытное зрѣлище приступа, если не кровопролитнаго, то громозвучнаго, коему надлежало заключиться пиршествомъ общенароднымъ. Марина также замышляла особенное увеселеніе для царя и людей ближнихъ во внутреннихъ комнатахъ дворца: думала съ своими польками плясать въ личинахъ. Но россіяне уже не хотѣли ждать ни той, ни другой потѣхи.

Если Шуйскій отложилъ ударъ до свадьбы Отрепьева съ намѣреніемъ дать ему время еще болѣе возмутить сердца своимъ легкомысліемъ, то сіе предвидѣніе исполнилось: новые соблазны для церкви, двора и народа умножили ненависть и презрѣніе къ Самозванцу, а наглость ляховъ все довершила, такъ что имъ обязанный счастіемъ, онъ ихъ же содѣйствіемъ и погибнулъ! Сіи гости и друзья его услуживали хитрому Шуйскому, истощая терпѣніе россіянъ, столь мало ими уважаемыхъ (какъ мы видѣли), что Мнишекъ нескромно обѣщалъ боярамъ свою милость, и посолъ королевскій дерзнулъ торжественно назвать Лжедимитрія твореніемъ Сигизмундовымъ. На самыхъ пирахъ свадебныхъ, во дворцѣ, разгоряченные виномъ ляхи укоряли воеводъ нашихъ трусостію и малодушіемъ, хваляся: „мы дали вамъ царя!“ Но россіяне, сколь ни униженные, сколь ни виновные предъ отечествомъ и добродѣтелью, еще имѣли гордость народную, кипѣли злобою, но удерживались и шептали другъ другу: „часъ мести недалеко!“ Сего мало: воины польскіе, и даже чиновнѣйшіе ляхи, не трезвые, возвращаясь изъ дворца съ обнаженными саблями, на улицахъ рубили москвитянъ, безчестили женъ и дѣвицъ самыхъ благородныхъ, силою извлекая ихъ изъ колесницъ или вламываясь въ домы; мужья, матери вопили, требовали суда. Одного ляха-преступника хотѣли казнить, но товарищи освободили его, умертвивъ палача и не страшась закона.

Такъ было — и на беззаконіе возстало беззаконіе. Мы удивлялись легкому торжеству Самозванца, теперь удивимся его легкому паденію. Въ то время, какъ онъ безпечно тѣшился и плясалъ съ своими ляхами, когда головы кружились отъ веселія и мысли затмевались парами вина, — Шуйскій, неусыпно наблюдая, рѣшился

уже не медлить, и въ тишинѣ ночи призвать къ себѣ не только сообщниковъ (изъ коихъ главными именуются князь Василій Голицынъ и бояринъ Иванъ Куракинъ), не только друзей, клевретовъ, но и многихъ людей стороннихъ: дворянъ царскихъ, чиновниковъ военныхъ и градскихъ, сотниковъ, пятидесятниковъ, которые еще не были въ заговорѣ, благопріятствуя оному единственно втайнѣ мыслей. Шуйскій смѣло открылъ имъ свою душу, сказалъ, что отечество и вѣра гибнутъ отъ Лжедимитрія, извинялъ заблужденіе россіянъ, извинялъ и тѣхъ, которые знали истину, но приняли обманщика, желая низвергнуть ненавистныхъ Годуновыхъ, и въ надеждѣ, что сей юный витязь, хотя и разстрига, будетъ добрымъ властителемъ. „Заблужденіе скоро исчезло, — продолжалъ онъ, — и вы знаете, кто первый дерзнулъ обличать Самозванца; но голова моя лежала на плахѣ, а злодѣй спокойно величался на престолѣ — Москва не тронулась!“ Шуйскій извинялъ и сіе бездѣйствіе, ибо многіе еще не имѣли тогда полнаго удостовѣренія въ обманѣ и въ злодѣйствѣ мнимаго Димитрія. Представивъ всѣ улики и доказательства его самозванства, всѣ его дѣла неистовыя, измѣну вѣрѣ, государству и нашимъ обычаямъ, нравственность гнусную, оскверненіе храмовъ и святыхъ обителей, расхищеніе древней казны царской, беззаконное супружество и возложеніе вѣнца Мономахова на польку некрещеную; изобразивъ сѣтованіе Москвы, какъ бы плѣненной сонмами ляховъ, ихъ дерзость и насилія, Шуйскій спрашивалъ, хотятъ ли россіяне, сложивъ руки, ждать гибели неминуемой: видѣть костелы римскіе на мѣстѣ церквей православныхъ, границу литовскую подъ стѣнами Москвы и въ самыхъ стѣнахъ ея злое господство иноземцевъ? или хотятъ дружнымъ возстаніемъ спасти Россію и церковь, для коихъ онъ снова готовъ идти на смерть безъ ужаса? Не было ни разногласія, ни безмолвія сомнительнаго: кто не принадлежалъ, тотъ присталъ къ заговору въ семъ сборищѣ многолюдномъ, но единодушномъ силою ненависти къ Самозванцу. Положили избыть Разстригу и ляховъ, не боясь ни клятвопреступленія, ни безначалія, ибо Шуйскій и друзья его, овладѣвъ умами, смѣло брали на свою душу, именемъ отечества, вѣры, духовенства, всѣ затрудненія людей совѣстныхъ и смѣло обѣщали Россіи царя лучшаго. Условились въ главныхъ мѣрахъ. Градскіе сотники и пятидесятники отвѣтствовали за народъ, воинскіе чиновники — за воиновъ, господа — за слугъ усердныхъ. Богатые Шуйскіе имѣли въ своемъ распоряженіи нѣсколько тысячъ надежныхъ людей, призванныхъ ими въ Москву изъ ихъ собственныхъ владѣній, будто бы для того, чтобы они видѣли пышность царской свадьбы. Назначили день и часъ; ждали, готовились—и хотя не было прямыхъ доносовъ (ибо доносчики страшились, ка-

жется, быть жертвою народной злобы), но какая скромность могла утаить движенія заговора столь многолюднаго?

12 мая говорили торжественно, на площадяхъ, что мнимый Димитрій есть царь поганый: не чтитъ святыхъ иконъ, не любитъ набожности, питается гнусными яствами, ходитъ въ церковь нечистый, прямо съ ложа скверняго, и еще ни однажды не мылся въ банѣ съ своею поганою царицею; что онъ, безъ сомнѣнія, еретикъ и не крови царской. Лжедимитріевы тѣлохранители схватили одного изъ такихъ поносителей и привели во дворецъ: Разстрига велѣлъ боярамъ допросить его; но бояре сказали, что сей человѣкъ пьянъ и бредитъ; что царю не должно уважать рѣчей безумныхъ и слушать нѣмцевъ-наушниковъ. Самозванецъ успокоился. Въ слѣдующіе три дня примѣтно было сильное движеніе въ народѣ: разглашали, что Лжедимитрій для своей безопасности мыслитъ изгубить бояръ, знатнѣйшихъ чиновниковъ и гражданъ; что 18 мая, въ часъ мнимой воинской потѣхи внѣ Москвы, на лугу Срѣтенскомъ, ихъ всѣхъ перестрѣляютъ изъ пушекъ; что столица россійская будетъ добычею ляховъ, коимъ Самозванецъ отдастъ не только всѣ домы боярскіе, дворянскіе и купеческіе, но и святыя обители, выгнавъ оттуда иноковъ и женивъ ихъ на инокиняхъ. Москвитяне вѣрили, толпились на улицахъ днемъ и ночью; совѣтовались другъ съ другомъ и не давали подслушивать себя иноземцамъ, отгоняя ихъ какъ лазутчиковъ, грозя имъ словами и взорами. Были и драки: уже не спуская гостямъ буйнымъ, народъ прибилъ людей князя Вишневецкаго и едва не вломился въ его домъ, изъявляя особенную ненависть къ сему пану, старшему изъ друзей Разстригиныхъ. Нѣмцы остерегали Лжедимитрія и ляховъ, остерегалъ перваго и Басмановъ, одинъ изъ россіянъ! Но Самозванецъ, желая болѣе всего казаться неустрашимымъ и твердымъ на тронѣ въ глазахъ поляковъ, шутилъ, смѣялся, искренно или притворно, и сказалъ испуганному воеводѣ Сендомирскому: „какъ вы, ляхи, малодушны“, а посламъ Сигизмундовымъ: „я держу въ рукѣ Москву и государство: ничто не смѣетъ двинуться безъ моей воли“. Въ полночь, съ 15 на 16 мая, схватили въ Кремлѣ шесть человѣкъ подозрительныхъ, пытали ихъ какъ лазутчиковъ, ничего не свѣдали, и Лжедимитрій не считалъ за нужное усилить стражу во дворцѣ, гдѣ находилось обыкновенно 50 тѣлохранителей; онъ велѣлъ другимъ быть дома въ готовности на всякій случай; велѣлъ еще разставить стрѣльцовъ по улицамъ для охраненія ляховъ, чтобы успокоить тестя, докучавшаго ему и Маринѣ своею боязнію. 16 мая иноземцы уже не могли купить въ гостиномъ дворѣ ни фунта пороху и никакого оружія: всѣ лавки были для нихъ заперты. Ночью, наканунѣ рѣшительнаго дня, вкралось въ Москву съ разныхъ сторонъ до

18 тысячъ воиновъ, которые стояли въ полѣ, верстахъ въ шести отъ города, и должны были идти въ Елецъ, но присоединились къ заговорщикамъ. Уже дружины Шуйскаго въ сію ночь овладѣли двѣнадцатью воротами московскими, никого не пуская въ столицу, ни изъ столицы; а Лжедимитрій еще ничего не зналъ, увеселяясь въ своихъ комнатахъ музыкою. Самые поляки, хотя и не чуждые опасенія, мирно спали въ домахъ, уже ознаменованныхъ для кровавой мести: россіяне скрытно поставили знаки на оныхъ въ цѣль удара. Нѣкоторые изъ пановъ имѣли собственную стражу, другіе надѣялись на царскую: но стрѣльцы, ихъ хранители, или сами были въ заговорѣ, или не думали кровію русскою спасать иноплеменниковъ противныхъ. Ночь миновалась безъ сна для большей части москвитянъ, ибо градскіе чиновники ходили по дворамъ съ тайнымъ приказомъ, чтобы всѣ жители были готовы стать грудью за церковь и царство, ополчились и ждали набата. Многіе знали, многіе и не знали, чему быть надлежало, но угадывали и съ ревностію вооружились, чѣмъ могли, для великаго и святого подвига, какъ имъ сказали. Сильнѣе, можетъ быть, всего дѣйствовала въ народѣ ненависть къ ляхамъ; дѣйствовалъ и стыдъ имѣть царемъ бродягу, и страхъ быть жертвою его безумія, и, наконецъ, самая прелесть бурнаго мятежа для страстей необузданныхъ.

17 мая, въ четвертомъ часу дня, прекраснѣйшаго изъ весеннихъ, восходящее солнце освѣтило ужасную тревогу столицы: ударили въ колоколъ сперва у св. Иліи, близъ двора гостинаго, и въ одно время загремѣлъ набатъ въ цѣлой Москвѣ, и жители устремились изъ домовъ на Красную площадь, съ копьями, мечами, самопалами, дворяне, дѣти боярскіе, стрѣльцы, люди приказные и торговые, граждане и чернь. Тамъ, близъ Лобнаго мѣста, сидѣли бояре на коняхъ, окруженные сонмомъ князей и воеводъ, въ шлемахъ и латахъ, въ полныхъ доспѣхахъ, и представляя въ лицѣ своемъ отечество, ждали народа. Стеклося безчисленное множество людей и ворота Спасскія растворились: князь Василій Шуйскій, держа въ одной рукѣ мечъ, въ другой Распятіе, въѣхалъ въ Кремль, сошелъ съ коня, въ храмѣ Успенія приложился къ святой иконѣ Владимірской и воскликнулъ къ тысячамъ: „во имя Божіе, идите на злого еретика!“ указалъ имъ дворецъ, куда съ грознымъ шумомъ и крикомъ уже неслися толпы, но гдѣ еще царствовала глубокая тишина! Пробужденный звукомъ набата, Лжедимитрій въ удивленіи встаетъ съ ложа, спѣшитъ одѣться, спрашиваетъ о причинѣ тревоги; ему отвѣтствуютъ, что, вѣроятно, горитъ Москва; но онъ слышитъ свирѣпый вопль народа, видитъ въ окно лѣсъ копій и блистаніе мечей; зоветъ Басманова, ночевавшаго во дворцѣ, и велитъ ему узнать

предлогъ мятежа. Сей бояринъ, духа твердаго, могъ быть предателемъ, но только однажды: измѣнивъ государю законному, уже стыдился измѣнить Самозванцу и, тщетно желавъ образумить, спасти легкомысленнаго, желалъ, по крайней мѣрѣ, не разлучаться съ нимъ въ опасности. Басмановъ встрѣтилъ толпу уже въ сѣняхъ; на вопросъ его, куда она стремится? въ нѣсколько голосовъ кричатъ: „веди насъ къ Самозванцу! выдай намъ своего бродягу!“ Басмановъ кинулся назадъ, захлопнулъ двери, велѣлъ тѣлохранителямъ не пускать мятежниковъ и, въ отчаяніи прибѣжавъ къ Разстригѣ, сказалъ ему: „Все кончилось! Москва бунтуетъ; хотятъ головы твоей: спасайся! Ты мнѣ не вѣрилъ!“ Вслѣдъ за нимъ ворвался въ царскіе покои одинъ дворянинъ безоружный, съ голыми руками, требуя, чтобы мнимый сынъ Іоанновъ шелъ къ народу дать отчетъ въ своихъ беззаконіяхъ. Басмановъ разсѣкъ ему голову мечемъ. Самъ Лжедимитрій, изъявляя смѣлость, выхватилъ бердышъ у тѣлохранителя Шварцгофа, растворилъ дверь въ сѣни и, грозя народу, кричалъ: „я вамъ не Годуновъ!“ Отвѣтомъ были выстрѣлы, и нѣмцы снова заперли дверь; но ихъ было только 50 человѣкъ и еще, во внутреннихъ комнатахъ дворца, 20 или 30 поляковъ, слугъ и музыкантовъ: иныхъ защитниковъ въ сей грозный часъ не имѣлъ тотъ, кому наканунѣ повиновались милліоны! Но Лжедимитрій имѣлъ еще друга; не находя возможности противиться силѣ силою, въ ту минуту, когда народъ отбивалъ двери, Басмановъ вторично вышелъ къ нему— увидѣлъ бояръ въ толпѣ и между ними самыхъ ближнихъ людей Разстригиныхъ: князей Голицыныхъ, Михаила Салтыкова, старыхъ и новыхъ измѣнниковъ; хотѣлъ ихъ усовѣстить, говорилъ объ ужасѣ бунта, вѣроломства, безначалія; убѣждалъ ихъ одуматься, ручался за милость царя. Но ему не дали говорить много: Михайло Татищевъ, имъ спасенный отъ ссылки, завопилъ: „злодѣй! иди въ адъ вмѣстѣ съ твоимъ царемъ!“ и ножемъ ударилъ его въ сердце. Басмановъ испустилъ духъ и мертвый былъ сброшенъ съ крыльца — судьба, достойная измѣнника и ревностнаго слуги злодѣйства, но жалостная для человѣка, который могъ и не захотѣлъ быть честію Россіи!

Уже народъ вломился во дворецъ, обезоружилъ тѣлохранителей, искалъ Разстриги и не находилъ: дотолѣ смѣлый и не устрашимый, Самозванецъ, въ смятеніи ужаса, кинувъ свой мечъ, бѣгалъ изъ комнаты въ комнату, рвалъ на себѣ волосы и, не видя иного спасенія, выскочилъ изъ палатъ въ окно на житный дворъ— вывихнулъ себѣ ногу, разбилъ грудь, голову и лежалъ въ крови. Тутъ узнали его стрѣльцы, которые въ семъ мѣстѣ были на стражѣ и не участвовали въ заговорѣ; они взяли Разстригу, посадили на фундаментъ сломаннаго дворца Годуновскаго, отливали

водою, изъявляли жалость. Самозванецъ, омывая теплою кровію развалины Борисовыхъ чертоговъ (гдѣ жило нѣкогда счастіе и также измѣнило своему любимцу), пришелъ въ себя, молилъ стрѣльцовъ быть ему вѣрными, обѣщалъ имъ богатство чины. Уже стеклося вокругъ ихъ множество людей, хотѣли взять Разстригу,—но стрѣльцы не выдавали его и требовали свидѣтельства царицы-инокини, говоря: „если онъ сынъ ея, то мы умремъ за него; а если царица скажетъ, что онъ Лжедимитрій, то воленъ въ немъ Богъ". Сіе условіе было принято. Мнимая мать Самозванцева, вызванная боярами изъ келіи, торжественно объявила народу, что истинный Дмитрій скончался на рукахъ ея въ Угличѣ; что она, какъ жена слабая, дѣйствіемъ угрозъ и лести была вовлечена въ грѣхъ безсовѣстной лжи: неизвѣстнаго ей человѣка назвала сыномъ, раскаялась и молчала отъ страха, но тайно открывала истину многимъ людямъ. Призвали и родственниковъ ея Нагихъ: они сказали тоже, вмѣстѣ съ нею винясь передъ Богомъ и Россіею. Чтобы еще болѣе удостовѣрить народъ, Мароа показала ему изображеніе младенческаго лица Димитріева, которое у нея хранилось и ни мало не сходствовало съ чертами лица Разстригина.

Тогда стрѣльцы выдали обманщика и бояре велѣли нести его во дворецъ, гдѣ онъ увидѣлъ своихъ тѣлохранителей подъ стражею, заплакалъ и протянулъ имъ руку, какъ бы благодаря ихъ за вѣрность. Одинъ изъ сихъ нѣмцевъ, ливонскій дворянинъ Фирстенбергъ, тѣснился сквозь толпу къ Самозванцу и былъ жертвою озлобленія россіянъ: его умертвили; хотѣли умертвить и другихъ тѣлохранителей, но бояре не велѣли трогать сихъ честныхъ слугъ,—и въ комнатѣ, наполненной людьми вооруженными, стали допрашивать Лжедимитрія, покрытаго бѣднымъ рубищемъ, ибо народъ уже сорвалъ съ него одежду царскую. Шумъ и крики заглушали рѣчи; слышали только, какъ увѣряютъ, что Разстрига, на вопросъ: „кто ты злодѣй?" отвѣчалъ: „вы знаете: я Димитрій"—и ссылался на царицу-инокиню; слышали, что князь Иванъ Голицынъ возразилъ ему: „ея свидѣтельство уже намъ извѣстно: она предаетъ тебя казни". Слышали еще, что Самозванецъ говорилъ: „несите меня на Лобное мѣсто: тамъ объявлю истину всѣмъ людямъ". Нетерпѣливый народъ ломился въ дверь, спрашивая, винится ли злодѣй? Ему сказали, что винится,—и два выстрѣла прекратили допросъ вмѣстѣ съ жизнію Отрепьева (его убили дворяне Иванъ Воейковъ и Григорій Волуевъ). Толпа бросилась терзать мертваго; сѣкли мечами, кололи трупъ бездушный и кинули съ крыльца на тѣло Басманова, восклицая: „будьте неразлучны и въ адѣ! вы здѣсь любили другъ друга!" Яростная чернь схватила, извлекла сіи

нагіе трупы изъ Кремля и положила близъ Лобнаго мѣста: Разстригу на столѣ, съ маскою, дудкою и волынкою, въ знакъ любви его къ скоморошеству и музыкѣ, а Басманова на скамьѣ, у ногъ Разстригиныхъ.

Совершивъ главное дѣло, истребивъ Лжедимитрія, бояре спасли Марину. Изумленная тревогою и шумомъ, не имѣвъ времени одѣться, спрашивая, что дѣлается и гдѣ царь, слыша, наконецъ, о смерти мужа, она въ безпамятствѣ выбѣжала въ сѣни; народъ встрѣтилъ ее, не узналъ и столкнулъ съ лѣстницы. Марина возвратилась въ свои комнаты, гдѣ была ея польская гофмейстерина со шляхетками и гдѣ усердный слуга (именемъ Осмульскій) стоялъ въ дверяхъ съ обнаженною саблею: воины и граждане вломились, умертвили его, и Марина лишилась бы жизни или чести, еслибы не приспѣли бояре, которые выгнали неистовыхъ и, взявъ, опечатавъ все достояніе бывшей царицы, дали ей стражу для безопасности. Не могли однакожъ или не хотѣли унять кровопролитія,—убійства только начинались!

Еще при первомъ звукѣ набата воины окружили домы ляховъ, заградили улицы рогатками, завалили ворота; а паны безпечно и крѣпко спали, такъ что слуги едва могли разбудить ихъ,—и самого воеводу Сендомирскаго, который лучше многихъ видѣлъ опасность и предостерегалъ зятя. Мнишекъ, сынъ его, князь Вишневецкій, послы Сигизмундовы угадывали вину и цѣль мятежа, спѣшили вооружить людей своихъ; иные прятались или въ оцѣпенѣніи ждали, что будетъ съ ними, и скоро услышали вопль: „смерть ляхамъ!“ Пылая злобою, умертвивъ въ Кремлѣ музыкантовъ Разстригиныхъ, опустошивъ домъ іезуитовъ, истерзавъ духовника Маринина, служившаго обѣдню, народъ устремился въ Китай и Бѣлый городъ, гдѣ жили поляки, и нѣсколько часовъ плавалъ въ крови ихъ, алчно наслаждаясь ужасною местію, противною великодушію, если и заслуженною. Сила карала слабость, безъ жалости и безъ мужества: сто нападало на одного! Ни оборона, ни бѣгство, ни моленія трогательныя не спасали; поляки не могли соединиться, будучи истребляемы въ запертыхъ домахъ или на улицахъ, прегражденныхъ рогатками или копьями. Сіи несчастные, наканунѣ гордые, лобзали ноги россіянъ, требовали милосердія именемъ Божіимъ, именемъ своихъ невинныхъ женъ и дѣтей; отдавали все, что имѣли, клялись прислать и болѣе изъ отечества,—ихъ не слушали и рубили. Изсѣченные, обезображенные, полумертвые еще молили о бѣдныхъ остаткахъ жизни,—напрасно! Въ числѣ самыхъ жестокихъ карателей находились священники и монахи переодѣтые; они вопили: „губите ненавистниковъ нашей вѣры!“ Лилася и кровь россіянъ: отчаяніе вооружало убиваемыхъ, и губители падали

вмѣстѣ съ жертвами. Не тронувъ жилищаословъ Сигизмундовыхъ, народъ приступалъ къ домамъ Мнишковъ и князя Вишневецкаго, коихъ люди защищались и стрѣляли въ толпы изъ оконъ; уже москвитяне везли пушки, чтобы разбить сіи домы въ щепы и не оставить въ нихъ ни одного человѣка живого; но тутъ явились бояре и велѣли прекратить убійства. Мстиславскій, Шуйскіе скакали изъ улицы въ улицу, обуздывая, усмиряя народъ и всюду разсылая стрѣльцовъ для спасенія ляховъ, обезоруженныхъ честнымъ словомъ боярскимъ, что жизнь ихъ уже въ безопасности. Самъ князь Василій Шуйскій успокоилъ и спасъ Вишневецкаго, другіе—Мнишка. Именемъ Государственной Думы сказали посламъ Сигизмундовымъ, что Лжедимитрій, обманувъ Литву и Россію, но скоро изобличивъ себя дѣлами неистовыми, казненъ Богомъ и народомъ, который въ самомъ безпорядкѣ и смятеніи уважилъ священный санъ мужей, представляющихъ лицо своего монарха, и мстилъ единственно ихъ наглымъ единоземцамъ, пріѣхавшимъ злодѣйствовать въ Россію. Сказали воеводѣ Сендомирскому: „Судьба царствъ зависитъ отъ Всевышняго и ничто не бываетъ безъ Его опредѣленія, такъ и въ сей день совершилась воля Божія: кончилось царство бродяги и добыча исторгнута изъ рукъ хищника! Ты, его опекунъ и наставникъ, ты, который привелъ обманщика къ намъ, чтобы возмутить Россію мирную,—не достоинъ ли участи сего злодѣя? не достоинъ ли такой же казни? Но хвалися счастіемъ: ты живъ и будешь цѣлъ; дочь твоя спасена—благодари Небо!“ Ему позволили видѣться съ Мариною во дворцѣ и безъ свидѣтелей—не нужно было знать, что они могли сказать другъ другу въ своемъ злополучіи! Воевода Сендомирскій шелъ къ ней и назадъ сквозь ряды мечей и копій, обагренныхъ кровію его соотечественниковъ; но москвитяне смотрѣли на него уже болѣе съ любопытствомъ, нежели съ яростію,—побѣда укротила злобу.

Еще смятеніе продолжалось нѣсколько времени; еще изъ слободъ городскихъ и ближнихъ деревень стремилось множество людей съ дрекольемъ въ Москву на звукъ колоколовъ; еще грабили имѣніе литовское, но уже безъ кровопролитія. Бояре не сходили съ коней и повелѣвали съ твердостію; дружины воинскія разгоняли чернь, вездѣ охраняя ляховъ, какъ плѣнниковъ. Наконецъ, въ 11 часовъ утра все затихло. Велѣли народу смириться, и народъ, утомленный мятежемъ, спѣшилъ домой отдыхать и говорить въ семействахъ о чрезвычайныхъ происшествіяхъ сего дня, незабвеннаго для тѣхъ, которые были свидѣтелями его ужасовъ. „Въ теченіе семи часовъ,—пишутъ они,—мы не слыхали ничего, кромѣ набата, стрѣльбы, стука мечей и крика: сѣки, руби злодѣевъ! не видали ничего, кромѣ волне-

нія, бѣганія, скаканія, смертоубійства и мятежа". Число жертвъ простиралось за тысячу, кромѣ избитыхъ и раненыхъ; но знатнѣйшіе ляхи остались живы, многіе въ рубашкахъ и на соломѣ. Чернь ошибкою умертвила и нѣкоторыхъ россіянъ, носившихъ одежду польскую въ угодность Самозванцу. Нѣмцевъ щадили; ограбили только купцовъ аугсбургскихъ, вмѣстѣ съ миланскими и другими, которые жили въ одной улицѣ съ ляхами. Сей для человѣчества горестный день былъ бы еще несравненно ужаснѣе, по сказанію очевидцевъ, если бы ляхи остереглися, успѣли соединиться для отчаянной битвы и зажгли городъ, къ несчастію Москвы и собственному, ибо никто изъ нихъ уже не избавился бы тогда отъ мести россіянъ; слѣдственно, безпечность ляховъ уменьшила бѣдствіе.

До самаго вечера москвитяне ликовали въ домахъ или мирно сходились на улицахъ поздравлять другъ друга съ избавленіемъ Россіи отъ Самозванца и поляковъ, хвалились своею доблестію и „не думали (говоритъ лѣтописецъ) благодарить Всевышняго: храмы были затворены!" Радуясь настоящему, не тревожились о будущемъ,—и послѣ такого бурнаго дня настала ночь совершенно тихая: казалось, что Москва вдругъ опустѣла; нигдѣ не слышно было голоса человѣческаго; одни любопытные иноземцы выходили изъ домовъ, чтобы удивляться сей мертвой тишинѣ города многолюднаго, гдѣ за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ все кипѣло яростнымъ бунтомъ. Еще улицы дымились кровію и тѣла лежали грудами, а народъ покоился какъ бы среди глубокаго мира и непрерывнаго благоденствія, не имѣя царя, не зная наслѣдника, опятнавъ себя двукратною измѣною и будущему вѣнценосцу угрожая третьею!

Но въ семъ безмолвіи бодрствовало властолюбіе съ своими обольщеніями и кознями, устремляя алчный взоръ на добычу мятежа и смертоубійства — на вѣнецъ и скипетръ, обагренные кровію двухъ послѣднихъ царей. Легко было предвидѣть, кто возьметъ сію добычу, силою и правомъ. Смѣлѣйшій обличитель Самозванца, чудесно спасенный отъ казни и еще безстрашный въ новомъ усиліи низвергнуть его; виновникъ, герой, глава народнаго возстанія, князь отъ племени Рюрика, св. Владиміра, Мономаха, Александра Невскаго; второй бояринъ мѣстомъ въ думѣ, первый любовію москвитянъ и достоинствами личными, Василій Шуйскій могъ ли еще остаться простымъ царедворцемъ, и послѣ такой отваги, съ такою знаменитостію, начать новую службу лести предъ какимъ-нибудь новымъ Годуновымъ? Но Годунова не было между тогдашними вельможами. Старѣйшій изъ нихъ князь Ѳедоръ Мстиславскій, отличаясь добродушіемъ, честностію, мужествомъ, еще болѣе отличался смиреніемъ или благоразуміемъ; не хотѣлъ слышать о державномъ санѣ и говорилъ друзьямъ:

„Если меня изберутъ въ цари, то немедленно пойду въ монахи". Сказаніе нѣкоторыхъ чужеземныхъ историковъ, что бояринъ князь Иванъ Голицынъ, имѣя многихъ знатныхъ родственниковъ и величаясь своимъ происхожденіемъ отъ Гедимина Литовскаго, вмѣстѣ съ Шуйскимъ искалъ короны, едва ли достойно вѣроятія, будучи несогласно съ извѣстіями очевидцевъ. Сообщникъ Басманова, коего обнаженное тѣло въ сіи часы лежало на площади, загладилъ ли измѣну измѣною, предавъ юнаго Ѳеодора, предавъ и Лжедимитрія? Не равняясь ни сановитостію, ни заслугами, могъ ли равняться и числомъ клевретовъ съ тѣмъ, кто безъ имени царя уже начальствовалъ въ день рѣшительный для отечества, велъ Москву и побѣдилъ съ нею? Имѣя силу, имѣя право, Шуйскій употребилъ и всевозможныя хитрости: далъ наставленія друзьямъ и приверженникамъ, что говорить въ синклитѣ и на Лобномъ мѣстѣ, какъ дѣйствовать и править умами; самъ изготовился, и въ слѣдующее утро, собравъ Думу, произнесъ, какъ увѣряютъ, рѣчь весьма умную и лукавую: славилъ милость Божію къ Россіи, возвеличенной самодержцами варяжскаго племени; славилъ особенно разумъ и завоеванія Іоанна IV, хотя и жестокаго; хвалился своею блестящею службою и важною государственною опытностію, пріобрѣтенною имъ въ сіе дѣятельное царствованіе; изобразилъ слабость Іоаннова наслѣдника, злое властолюбіе Годунова, всѣ бѣдствія его времени и ненависть народную къ святоубійцѣ, которая была виною успѣховъ Лжедимитрія и принудила бояръ слѣдовать общему движенію. „Но мы,—говорилъ Шуйскій,—загладили сію слабость, когда насталъ часъ умереть или спасти Россію. Жалѣю, что я, предупредивъ другихъ въ смѣлости, обязанъ жизнію Самозванцу: онъ не имѣлъ права, но могъ умертвить меня, и помиловалъ, какъ разбойникъ милуетъ иногда странника. Признаюсь, что я колебался, боялся упрека въ неблагодарности, но гласъ совѣсти, вѣры, отечества вооружилъ мою руку, когда я увидѣлъ въ васъ ревность къ великому подвигу. Дѣло наше есть правое, необходимое, святое; оно, къ несчастію, требовало крови; но Богъ благословилъ насъ успѣхомъ—слѣдственно оно Ему угодно! Теперь, избывъ злодѣя, еретика, чернокнижника, должны мы думать объ избраніи достойнаго властителя. Уже нѣтъ племени царскаго, но есть Россія: въ ней можемъ снова найти угасшее на престолѣ. Мы должны искать мужа знаменитаго родомъ, усерднаго къ вѣрѣ и къ нашимъ древнимъ обычаямъ, добродѣтельнаго, опытнаго, слѣдственно уже не юнаго — человѣка, который, пріявъ вѣнецъ и скипетръ, любилъ бы не роскошь и пышность, но умѣренность и правду, ограждалъ бы себя не копьями и крѣпостями, но любовію подданныхъ; не умножалъ бы золота въ казнѣ своей, но избытокъ и довольствіе народа считалъ бы собственнымъ богатствомъ. Вы

скажете, что такого человѣка найти трудно, — знаю; но добрый гражданинъ обязанъ желать совершенства, по крайней мѣрѣ возможнаго, въ государствѣ".

Всѣ знали, видѣли, чего хотѣлъ Шуйскій: никто не дерзалъ явно противиться его желанію; однакожъ многіе мыслили и говорили, что безъ Великой Земской Думы нельзя приступить къ дѣлу столь важному; что должно собрать въ Москвѣ чины государственные изъ всѣхъ областей Россійскихъ, какъ было при избраніи Годунова, и съ ними рѣшить, кому отдать царство. Сіе мнѣніе было основательно и справедливо. Вѣроятно, что и вся Россія избрала бы Шуйскаго; но онъ не имѣлъ терпѣнія и друзья его возражали, что время дорого, что правительство безъ царя какъ безъ души, а столица въ смятеніи; что надобно предупредить и всеобщее смятеніе Россіи немедленнымъ врученіемъ скипетра достойнѣйшему изъ вельможъ; что гдѣ Москва, тамъ и государство; что нѣтъ нужды въ совѣтѣ, когда всѣ глаза обращены на одного, когда у всѣхъ на языкѣ одно имя. Симъ именемъ огласилась вдругъ и Дума, и Красная площадь. Не всѣ избирали, но никто не отвергалъ избираемаго — и 19 мая, во второмъ часу дня, звукъ литавръ, трубъ и колоколовъ возвѣстилъ новаго монарха столицѣ. Бояре и знатнѣйшее дворянство вывели князя Василія Шуйскаго изъ Кремля на Лобное мѣсто, гдѣ люди воинскіе и граждане, гости и купцы, особенно къ нему усердные, привѣтствовали его уже какъ отца Россіи... тамъ, гдѣ еще недавно лежала голова Шуйскаго на плахѣ и гдѣ въ сей часъ лежало недавно окровавленное тѣло Разстригино! Подобно Годунову, изъявляя скромность, онъ хотѣлъ, чтобы синклитъ и духовенство прежде всего избрали архипастыря для церкви на мѣсто лжесвятителя Игнатія. Толпы восклицали: „Государь нужнѣе патріарха для отечества!" и проводили Шуйскаго въ храмъ Успенія, въ коемъ митрополиты и епископы ожидали и благословили его на царство. Все сдѣлалось такъ скоро и спѣшно, что не только россіяне иныхъ областей, но и многіе именитые москвитяне не участвовали въ семъ избраніи — обстоятельство несчастное, ибо оно служило предлогомъ для измѣнъ и смятеній, которыя ожидали Шуйскаго на престолѣ, къ новому стыду и бѣдствію отечества!

Въ день государственнаго торжества едва успѣли очистить столицу отъ крови и труповъ; вывезли, схоронили ихъ за городомъ. Трупъ Басманова отдали родственникамъ для погребенія у церкви Николы Мокраго, гдѣ лежалъ его сынъ, умершій въ юности. Тѣло Самозванца, бывъ три дня предметомъ любопытства и ругательствъ на площади, было также вывезено и схоронено въ убогомъ домѣ, за Серпуховскими воротами, близъ большой дороги. Но судьба не дала ему мирнаго убѣжища и въ нѣдрахъ

земли. Съ 18 до 25 мая были тогда жестокіе морозы, вредные для садовъ и полей: суевѣріе приписывало такую чрезвычайность волшебству Разстриги и видѣло какія-то ужасныя явленія надъ его могилою; чтобы пресѣчь сію молву, тѣло мнимаго чародѣя вынули изъ земли, сожгли на котлахъ и, смѣшавъ пепелъ съ порохомъ, выстрѣлили имъ изъ пушки въ ту сторону, откуда Самозванецъ пришелъ въ Москву съ великолѣпіемъ! Вѣтеръ развѣялъ бренные останки злодѣя, но примѣръ остался. Увидимъ слѣдствія!

Описавъ исторію сего перваго Лжедимитрія, должны ли мы еще увѣрять внимательныхъ читателей въ его обманѣ? Не явна ли для нихъ истина сама собою въ изображеніи случаевъ и дѣяній? Только пристрастные иноземцы, ревностно служивъ обманщику, ненавидя его истребителей и желая очернить ихъ, писали, что въ Москвѣ убитъ дѣйствительный сынъ Іоанновъ, не бродяга, а царь законный, — хотя россіяне, казнивъ и бродягу, не могли хвалиться своимъ дѣломъ, соединеннымъ съ нарушеніемъ присяги, ибо святость ея нужна для цѣлости гражданскихъ обществъ и вѣроломство есть всегда преступленіе. Недовольные укоризною справедливою, зложелатели Россіи выдумали басню, украсили ее любопытными обстоятельствами, подкрѣпили доводами благовидными, въ пищу умамъ, наклоннымъ къ историческому вольнодумству, къ сомнѣнію въ несомнительномъ, такъ что и въ наше время есть люди, для коихъ важный вопросъ о Самозванцѣ остается еще нерѣшеннымъ. Можетъ быть, представивъ всѣ главныя черты истины въ связи, мы дадимъ имъ болѣе силы, если не для совершеннаго убѣжденія всѣхъ читателей, то по крайней мѣрѣ для нашего собственнаго оправданія, чтобы они не укоряли насъ слѣпою вѣрою къ принятому въ Россіи мнѣнію, основанному будто бы на доказательствахъ слабыхъ.

Выслушаемъ защитниковъ Лжедимитріевой памяти. Они разсказываютъ слѣдующее: „Годуновъ, предпріявъ умертвить Димитрія, за тайну объявилъ свое намѣреніе царевичеву медику, старому нѣмцу, именемъ Симону, который, притворно давъ слово участвовать въ семъ злодѣйствѣ, спросилъ у девятилѣтняго Димитрія, имѣетъ ли онъ столько душевной силы, чтобы нести изгнаніе, бѣдствіе и нищету, если Богу угодно будетъ искусить оными твердость его. Царевичъ отвѣтствовалъ: имѣю, а медикъ сказалъ: „Въ сію ночь хотятъ тебя умертвить. Ложась спать, обмѣняйся бѣльемъ съ юнымъ слугою, твоимъ ровесникомъ, положи его къ себѣ на ложе и скройся за печь: что бы ни случилось въ комнатѣ, сиди безмолвно и жди меня“. Димитрій исполнилъ предписаніе. Въ полночь отворилась дверь: вошли два человѣка, зарѣзали слугу вмѣсто царевича и бѣжали. На разсвѣтѣ увидѣли кровь и мертваго; думали, что убитъ царевичъ и сказа-

ли о томъ матери. Сдѣлалась тревога. Царица кинулась на трупъ и въ отчаяніи не узнала, что сей мертвый отрокъ не сынъ ея. Дворецъ наполнился людьми; искали убійцъ, рѣзали виновныхъ и невиновныхъ, отнесли тѣло въ церковь, и всѣ разошлися. Дворецъ опустѣлъ, и медикъ въ сумерки вывелъ оттуда Димитрія, чтобы спастися бѣгствомъ въ Украйну, къ князю Ивану Мстиславскому, который жилъ тамъ въ ссылкѣ еще со временъ Іоанновыхъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ докторъ и Мстиславскій умерли, давъ совѣтъ Димитрію искать безопасности въ Литвѣ. Сей юноша присталъ къ странствующимъ инокамъ, былъ съ ними въ Москвѣ, въ землѣ Волошской, и, наконецъ, явился въ домъ князя Вишневецкаго“. Извѣстно, что и самъ Разстрига приписывалъ свое чудесное спасеніе доктору, но сочинители сей басни не знали, что князь Иванъ Мстиславскій умеръ инокомъ Кирилловской обители еще въ 1586 году и что Іоаннъ никогда не ссылалъ его въ Украйну. Другіе изобрѣтатели называютъ медика-спасителя Августиномъ, прибавляя, что онъ былъ изъ числа многихъ людей ученыхъ, которые жили тогда въ Угличѣ, и бѣжалъ съ царевичемъ къ Ледовитому морю, въ пустынную обитель. Еще другіе пишутъ, что сама царица, угадывая злое намѣреніе Борисово, съ помощью своего иноземнаго дворецкаго (родомъ изъ Кельна), тайно удалила Димитрія и въ его мѣсто взяла іерейскаго сына. Всѣ такія сказки основаны на предположеніи, что убійство совершилось ночью, когда злодѣи могли не распознать жертвы. И въ семъ случаѣ вѣроятно ли, чтобы слуги царицыны (не говоримъ о ней самой) и жители Углича, нерѣдко видавъ Димитрія въ церкви, обманулись въ убитомъ, коего тѣло пять дней лежало предъ ихъ глазами? Но царевичъ убитъ въ полдень; кѣмъ?— злодѣями, которые жили во дворцѣ и не спускали глазъ съ несчастнаго младенца... И кто предалъ его на убіеніе? — мамка; отъ колыбели до могилы Димитрій былъ въ рукахъ у Годунова. Сіи обстоятельства ясно, несомнительно утверждены свидѣтельствомъ лѣтописцевъ и допросами цѣлаго Углича, сохраненными въ нашемъ Государственномъ Архивѣ.

Если Разстрига не былъ самозванецъ, то для чего же онъ, сѣвъ на престолѣ, не удовлетворилъ народному любопытству знать всѣ подробности его судьбы чрезвычайной? для чего не объявилъ Россіи о мѣстахъ своего убѣжища, о своихъ воспитателяхъ и хранителяхъ въ теченіе двѣнадцати или тринадцати лѣтъ, чтобы разрѣшить всякое сомнѣніе? Никакою безпечностью невозможно изъяснить столь важнаго упущенія. Манифесты или грамоты Лжедимитріевы внесены въ лѣтописи и даже подлинники ихъ цѣлы въ архивахъ, слѣдственно нельзя съ вѣроятностію предположить, чтобы именно любопытнѣйшую изъ сихъ бумагъ истребило время. Бродяга молчалъ, ибо не имѣлъ свидѣтельствъ

истинныхъ и думалъ, что признанный царемъ, безопасно можетъ не трудить себя вымысломъ ложнымъ. Въ Литвѣ говорилъ онъ, что въ спасеніи его участвовали нѣкоторые вельможи и дьяки Щелкаловы;—сіи вельможи остались безъ извѣстной награды и неизвѣстными для Россіи, а Василій Щелкаловъ, вмѣстѣ съ другими опальными Борисова царствованія, хотя и снова явился у двора, однакожъ не въ числѣ ближнихъ и первыхъ людей. Разстригу окружали не старые, вѣрные слуги его юности, а только новые измѣнники,—отчего и палъ онъ съ такою легкостію!

„Но царица-инокиня Мароа признала сына въ томъ, кто назывался Димитріемъ?“ Она же признала его и самозванцемъ. Первымъ свидѣтельствомъ, безмолвнымъ, неоткровеннымъ, выраженнымъ для народа только слезами умиленія и ласками къ Разстригѣ, невольная монахиня возвращала себѣ достоинство царицы; вторымъ, торжественнымъ, клятвеннымъ, въ случаѣ лжи мать предавала сына злой смерти;—которое же изъ двухъ достовѣрнѣе? И что понятнѣе: обыкновенная ли слабость человѣческая, или дѣйствіе ужасное, столь неестественное для горячности родительской? Геройство знаменитой жены лигурійской, которая, скрывъ сына отъ ярости непріятелей, на вопросъ, гдѣ онъ? сказала: здѣсь, въ моей утробѣ, и погибла въ мукахъ, не объявивъ его убѣжища—сіе геройство, прославленное римскимъ историкомъ, трогаетъ, но не изумляетъ насъ: видимъ мать! Не удивлялись бы мы также, если и царица-инокиня, спасая истиннаго Димитрія, кинулась на копья москвитянъ съ восклицаніемъ: онъ сынъ мой! И ей не грозили смертію за правду—грозили единственно судомъ Божіемъ за ложь. Слово царицы рѣшило жребій того, кто чтилъ ее какъ истинную мать и дѣлился съ нею величіемъ. Осуждая Лжедимитрія на смерть, Мароа осуждала и себя на стыдъ вѣчный, какъ участницу обмана, и не усомнилась, ибо имѣла еще совѣсть и терзалась раскаяніемъ. Сколько людей слабыхъ не впало бы въ искушеніе зла, если бы они могли предвидѣть, чего стоитъ всякое беззаконіе для сердца! Замѣтимъ еще обстоятельство, достойное вниманія: Шуйскій искалъ гибели Лжедимитрія и былъ спасенъ отъ казни неотступнымъ моленіемъ царицы-инокини съ явною опасностью для ея мнимаго сына, изобличаемаго имъ въ самозванствѣ. Клеветникъ, измѣнникъ могъ ли бы имѣть право на такое ревностное заступленіе? Но спасеніе героя истины умиряло совѣсть виновной Мароы. Къ сему прибавимъ вѣроятное сказаніе одного писателя иноземнаго (находившагося тогда въ Москвѣ), что Разстрига велѣлъ было извергнуть тѣло Димитріево изъ углицкаго соборнаго храма и погребсти въ другомъ мѣстѣ, какъ тѣло мнимаго іерейскаго сына, но что царица-инокиня не дозволила ему сдѣлать того, ужасаясь мысли отнять у мертваго, истиннаго ея сына царскую могилу.

Возражаютъ еще: „Король Сигизмундъ не взялъ бы столь живого участія въ судьбѣ обманщика и вельможа Мнишекъ не выдалъ бы дочери за бродягу“. Но король и Мнишекъ могли быть легковѣрны въ случаѣ обольстительномъ для ихъ страстей: Сигизмундъ надѣялся дать россіянамъ царя-католика, взысканнаго его милостію, а воевода Сендомирскій—видѣть дочь на престолѣ московскомъ. И кто знаетъ, что они дѣйствительно не сомнѣвались въ высокомь родѣ бѣглеца? Удача была для нихъ важнѣе правды. Король не дерзнулъ торжественно признать Лжедимитрія истиннымъ до его рѣшительнаго успѣха, и воевода Сендомирскій, сдѣлавъ только опытъ, пожертвовавъ частію своего богатства надеждѣ величія, оставилъ будущаго зятя, когда увидѣлъ сопротивленіе россіянъ. Сигизмундъ и Мнишекъ обманулись, можетъ быть не во мнѣніи о правахъ, но единственно во мнѣніи о счастіи и благоразуміи Самозванца, думавъ, что онъ удержитъ на головѣ вѣнецъ, данный ему измѣною и заблужденіемъ. Для того король спѣшилъ громогласно объявить себя виновникомъ Разстригина державства и панъ вельможный быть тестемъ царя, хотя бы и племени Отрепьевыхъ. Похитителями въ ихъ силѣ и благоденствіи гнушаются не страсти мірскія, но только чистая совѣсть и добродѣтель уединенная.

Убѣдительнѣе ли и сужденіе тѣхъ друзей Лжедимитрія, которые говорятъ: „Войско, бояре, Москва не приняли бы его въ цари безъ сильныхъ доказательствъ, что онъ сынъ Іоанновъ“. Но войско, бояре, Москва и свергнули его, какъ уличеннаго самозванца. Для чего вѣрить имъ въ первомъ случаѣ и не вѣрить въ послѣднемъ? Въ обоихъ, конечно, дѣйствовало удостовѣреніе, основанное на доказательствахъ, но люди и народы всегда могли ошибаться, какъ свидѣтельствуетъ исторія... и самого Лжедимитрія!

Напомнимъ читателямъ, что знаменитѣйшій изъ клевретовъ и единственный вѣрный другъ Разстриги въ бесѣдахъ искреннихъ не скрывалъ его самозванства;—такое важное признаніе слышалъ и сообщилъ потомству нѣмецкій пасторъ Беръ, который любилъ, усердно славилъ Лжедимитрія и клялъ россіянъ за убіеніе царя, хотя и не сына Іоаннова. Сей же очевидецъ тогдашнихъ дѣяній передалъ намъ слѣдующія, не менѣе достопамятныя свидѣтельства истины:

1) „Голландскій аптекарь Арендъ Клаузендъ, бывъ 40 лѣтъ въ Россіи, служивъ Іоанну, Ѳеодору, Годунову, Самозванцу и лично знавъ, ежедневно видавъ Димитрія во младенчествѣ, сказывалъ мнѣ утвердительно, что мнимый царь Димитрій есть совсѣмъ другой человѣкъ и не походитъ на истиннаго, имѣвшаго смуглое лицо и всѣ черты матери, съ которою Самозванецъ ни мало не сходствовалъ. 2) Въ томъ же увѣряла меня ливонская

плѣнница, дворянка Тизенгаузенъ, освобожденная въ 1611 году, бывъ повивальною бабкою царицы Маріи, служивъ ей днемъ и ночью не только въ Москвѣ, но и въ Угличѣ, непрестанно видавъ Димитрія живого, видѣвъ и мертваго. 3) Скоро по убіеніи Лжедимитрія выѣхалъ я изъ Москвы въ Угличъ и, разговаривая тамъ съ однимъ маститымъ старцемъ, бывшимъ слугою при дворѣ Маріи, заклиналъ его объявить мнѣ истину о царѣ убитомъ. Онъ всталъ, перекрестился и такъ отвѣтствовалъ: „Москвитяне клялися ему въ вѣрности и нарушили клятву, — не хвалю ихъ. Убитъ человѣкъ разумный и храбрый, но не сынъ Іоанновъ, дѣйствительно зарѣзанный въ Угличѣ: я видѣлъ его мертваго, лежащаго на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ всегда игрывалъ. Богъ судія князьямъ и боярамъ нашимъ: время покажетъ, будемъ ли счастливѣе“.

Въ заключеніе упомянемъ о свидѣтельствѣ извѣстнаго шведа Петрея, который былъ посланникомъ въ Москвѣ отъ Карла IX и Густава Адольфа, лично зналъ Самозванца и пишетъ, что онъ казался человѣкомъ лѣтъ за тридцать; а Димитрій родился въ 1582 году, и слѣдственно имѣлъ бы тогда не болѣе двадцати четырехъ лѣтъ отъ рожденія.

Однимъ словомъ, несомнительныя, историческія и нравственныя доказательства убѣждаютъ насъ въ истинѣ, что мнимый Димитрій былъ самозванецъ. Но представляется другой вопросъ: кто же именно? дѣйствительно ли разстрига Отрепьевъ? Многіе иноземцы-современники не хотѣли вѣрить, чтобы бѣглый инокъ Чудовской обители могъ сдѣлаться вдругъ мужественнымъ витяземъ, неустрашимымъ бойцомъ, искуснымъ всадникомъ, и многіе считали его полякомъ или трансильванцемъ, незаконнымъ сыномъ героя Баторія, воспитанникомъ іезуитовъ, утверждаясь на мнѣніи нѣкоторыхъ знатныхъ ляховъ и прибавляя, что онъ не чисто говорилъ языкомъ русскимъ;—мнѣніе явно несправедливое, когда современныя донесенія іезуитовъ къ ихъ начальству свидѣтельствуютъ, что они узнали его въ Литвѣ уже подъ именемъ Димитрія и не католикомъ, а сыномъ греческой церкви. Никто изъ россіянъ не упрекалъ Самозванца худымъ знаніемъ языка нашего, коимъ онъ владѣлъ совершенно, говорилъ правильно, писалъ съ легкостью и не уступалъ никакому дьяку тогдашняго времени въ красивомъ изображеніи буквъ. Имѣя нѣсколько подписей Самозванцевыхъ, видимъ въ латинскихъ слабую, невѣрную руку ученика, а въ русскихъ—твердую, мастерскую, кудрявый почеркъ грамотея приказнаго, каковъ былъ Отрепьевъ, книжникъ патріаршій. Возраженіе, что келіи не производятъ витязей, уничтожается исторіею его юности: одѣваясь инокомъ, не велъ ли онъ жизни смѣлаго дикаря, скитаясь изъ пустыни въ пустыню, учась безстрашію, не боясь въ дремучихъ лѣсахъ ни звѣ-

рей, ни разбойниковъ, и наконецъ бывъ самъ разбойникомъ подъ хоругвію казаковъ днѣпровскихъ? Если нѣкоторые изъ людей, ослѣпленныхъ личнымъ къ нему пристрастіемъ, находили въ Лжедимитріи какое-то величіе, необыкновенное для человѣка, рожденнаго въ низкомъ состояніи, то другіе, хладнокровнѣйшіе наблюдатели, видѣли въ немъ всѣ признаки закоснѣлой подлости, не изглаженные ни обхожденіемъ съ знатными ляхами, ни счастіемъ нравиться Мнишковой дочери. Съ умомъ естественнымъ, легкимъ, живымъ и быстрымъ, даромъ слова, знаніями школьника и грамотѣя соединяя рѣдкую дерзость, силу души и воли, Самозванецъ былъ, однакожъ, худымъ лицедѣемъ на престолѣ, не только безъ основательныхъ свѣдѣній въ государственной наукѣ, но и безъ всякой сановитости благородной: сквозь великолѣпіе державства проглядывалъ въ царѣ бродяга. Такъ судили объ немъ и поляки безпристрастные. Доселѣ мы могли затрудняться однимъ важнымъ свидѣтельствомъ: извѣстный въ Европѣ капитанъ Маржеретъ, усердно служивъ Борису и Самозванцу, видѣвъ людей и происшествія собственными глазами, увѣрялъ Генриха IV, знаменитаго историка де-Ту и читателей своей книги о Московской державѣ, что Григорій Отрепьевъ былъ не Лжедимитрій, а совсѣмъ другой человѣкъ, который съ нимъ (Самозванцемъ) ушелъ въ Литву и съ нимъ же возвратился въ Россію, велъ себя непристойно, пьянствовалъ, употреблялъ во зло благосклонность его и, сосланный имъ за то въ Ярославль, дожилъ тамъ до воцаренія Шуйскаго. Нынѣ, отыскавъ новыя современныя преданія историческія, изъясняемъ Маржеретово сказаніе обманомъ монаха Леонида, который назвался именемъ Отрепьева для увѣренія россіянъ, что Самозванецъ не Отрепьевъ. Царь Годуновъ имѣлъ способы открыть истину: тысячи лазутчиковъ ревностно служили ему не только въ Россіи, но и въ Литвѣ, когда онъ развѣдывалъ о происхожденіи обманщика. Вѣроятно ли, чтобы въ случаѣ, столь важномъ, Борисъ, легкомысленно, безъ удостовѣренія, объявилъ Лжедимитрія бѣглецомъ чудовскимъ, коего многіе люди знали въ столицѣ и въ другихъ мѣстахъ, слѣдственно узнали бы и неправду при первомъ взорѣ на Самозванца? Наконецъ, москвитяне видѣли Лжедимитрія, живого, мертваго, и все еще утвердительно признавали дьякономъ Григоріемъ; ни одинъ голосъ сомнѣнія не раздался въ потомствѣ до нашего времени.

Сего довольно. Приступаемъ къ описанію дальнѣйшихъ бѣдствій Россіи, не менѣе чрезвычайныхъ, не менѣе оскорбительныхъ для ея чести, но уже подобныхъ мрачному сновидѣнію,— уже только любопытныхъ для народа, коему Небо судило временнымъ уничиженіемъ достигнуть величія, и который достигъ онаго, загладивъ память слабости великодушнымъ напряженіемъ силъ, и память стыда необыкновенною славою.

Изданіе А. А. ПЕТРОВИЧА.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

СОЧИНЕНІЕ

Н. М. Карамзина.

ТОМЪ XII.

МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская ул., соб. домъ.
1903.

Дозволено цензурою. Москва, 4 сентября 1903 года.

ГЛАВА I.

Царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго.

1606 — 1608 Г.

Родъ Василіевъ.—Свойства царя.—Клятва Василіева.—Обнародованныя грамоты.—Вѣнчаніе.—Опалы.—Неудовольствія.—Перенесеніе Димитріева тѣла.—Новый патріархъ.—Гордость Марины.—Рѣчь пословъ литовскихъ.—Посольство къ Сигизмунду.—Сношенія съ Европою и съ Азіею.—Мятежи въ Москвѣ.—Бунтъ Шаховского.—Второй Лжедимитрій.—Болотниковъ.—Успѣхи мятежниковъ.—Прокопій Ляпуновъ.—Перенесеніе тѣла Борисова.—Мятежники подъ Москвою.—Побѣда Скопина-Шуйскаго.—Лжепетръ.—Осада Калуги.—Годуновы въ Сибири.—Распоряженія Василіевы.—Призваніе Іова.—Храбрость Болотникова.—Побѣда Романова.—Мужество Скопина.—Бодрость Василія въ несчастіяхъ.—Доблесть воеводъ царскихъ.—Осада Тулы.—Явленіе новаго Лжедимитрія.—Взятіе Тулы.—Бракъ Василіевъ.—Законы.—Уставъ воинскій.

Василій Іоанновичъ Шуйскій, происходя въ восьмомъ колѣнѣ отъ Димитрія Суздальскаго, спорившаго съ Донскимъ о великомъ княжествѣ, былъ внукомъ ненавистнаго олигарха Андрея Шуйскаго, казненнаго во время Іоанновой юности, и сыномъ боярина-воеводы, убитаго шведами въ 1573 году подъ стѣнами Лоде.

Если всякаго вѣнценосца избраннаго судятъ съ большею строгостію, нежели вѣнценосца наслѣдственнаго; если отъ перваго требуютъ обыкновенно качествъ рѣдкихъ, чтобы повиноваться ему охотно, съ усердіемъ и безъ зависти, то какія достоинства, для царствованія мирнаго и непрекословнаго, надлежало имѣть новому самодержцу Россіи, возведенному на тронъ болѣе сонмомъ клевретовъ, нежели отечествомъ единодушнымъ, вслѣдствіе измѣнъ, злодѣйствъ, буйности и разврата? Василій, льстивый царедворецъ Іоанновъ, сперва явный непріятель, а послѣ безсовѣстный угодникъ и все еще тайный зложелатель Борисовъ, достигнувъ вѣнца успѣхомъ кова, могъ быть только вторымъ Годуновымъ: лицемѣромъ, а не героемъ добродѣтели, которая бываетъ главною силою и властителей, и народовъ въ опасностяхъ чрезвычайныхъ. Борисъ, воцаряясь, имѣлъ выгоду: Россія уже давно и счастливо ему повиновалась, еще не зная примѣровъ въ крамольствѣ. Но

Василій имѣлъ другую выгоду: не былъ святоубійцею; обагренный единственно кровію ненавистною и заслуживъ удивленіе россіянъ дѣломъ блестящимъ, оказавъ въ низложеніи Самозванца и хитрость, и неустрашимость, всегда плѣнительную для народа. Чья судьба въ исторіи равняется съ судьбою Шуйскаго? Кто съ мѣста казни восходилъ на тронъ, и знаки жестокой пытки прикрывалъ на себѣ хламидою царскою. Сіе воспоминаніе не вредило, но способствовало общему благорасположенію къ Василію: онъ страдалъ за отечество и вѣру! Безъ сомнѣнія, уступая Борису въ великихъ дарованіяхъ государственныхъ, Шуйскій славился, однакожъ, разумомъ мужа думнаго и свѣдѣніями книжными, столь удивительными для тогдашнихъ суевѣровъ, что его считали волхвомъ; съ наружностію невыгодною (будучи роста малаго, толстъ, несановитъ и лицомъ смуглъ; имѣя взоръ суровый, глаза красноватые и подслѣпые, ротъ широкій), даже съ качествами, вообще нелюбезными, съ холоднымъ сердцемъ и чрезмѣрною скупостію, умѣлъ, какъ вельможа, снискать любовь гражданъ честною жизнію, ревностнымъ наблюденіемъ старыхъ обычаевъ, доступностію, ласковымъ обхожденіемъ. Престолъ явилъ для современниковъ слабость въ Шуйскомъ: зависимость отъ внушеній, склонность и къ легковѣрію, коего желаетъ зломысліе, и къ недовѣрчивости, которая охлаждаетъ усердіе. Но престолъ же явилъ для потомства и чрезвычайную твердость души Василіевой въ бореніи съ необходимымъ рокомъ: вкусивъ всю горесть державства несчастнаго, уловленнаго властолюбіемъ, и свѣдавъ, что вѣнецъ бываетъ иногда не наградою, а казнію, Шуйскій палъ съ величіемъ въ развалинахъ государства!

Онъ хотѣлъ добра отечеству и, безъ сомнѣнія, искренно; еще болѣе хотѣлъ угождать россіянамъ. Видѣвъ столько злоупотребленій неограниченной державной власти, Шуйскій думалъ устранить ихъ и плѣнить Россію новостію важною. Въ часъ своего воцаренія, когда вельможи, сановники и граждане клялися ему въ вѣрности, самъ нареченный вѣнценосецъ, къ общему изумленію, далъ присягу, дотолѣ неслыханную: 1) не казнить смертію никого безъ суда боярскаго, истиннаго, законнаго; 2) преступниковъ не лишать имѣнія, но оставлять его въ наслѣдіе женамъ и дѣтямъ невиннымъ; 3) въ извѣтахъ требовать прямыхъ, явныхъ уликъ съ очей на очи и наказывать клеветниковъ тѣмъ же, чему они подвергали винимыхъ ими несправедливо. „Мы желаемъ (говорилъ Василій), чтобы православное христіанство наслаждалось миромъ и тишиною подъ нашею царскою хранительною властію"—и, велѣвъ читать грамоту, которая содержала въ себѣ означенный уставъ, цѣловалъ крестъ въ удостовѣреніе, что исполнитъ его добросовѣстно. Симъ священнымъ обѣтомъ мыслилъ

новый царь избавитъ россіянъ отъ двухъ ужасныхъ золъ своего вѣка: отъ ложныхъ доносовъ и беззаконныхъ опалъ, соединенныхъ съ разореніемъ цѣлыхъ семействъ въ пользу алчной казны; мыслилъ, въ годину смятеній и бѣдствій, дать гражданамъ то благо, коего не знали ни дѣды, ни отцы наши до человѣколюби-

ВАСИЛІЙ V. ІОАННО-
ВИЧЬ.
Шуйский
Царь и Самод. Всероссийский

ваго царствованія Екатерины Второй. Но вмѣсто признательности, многіе люди, знатные и незнатные, изъявили негодованіе и напомнили Василію правило, установленное Іоанномъ III, что не государь народу, а только народъ государю даетъ клятву. Сіи россіяне были искренніе друзья отечества, не рабы и не льстецы низкіе: имѣя въ свѣжей памяти грозы тиранства, еще помнили и

бурные дни Іоаннова младенчества, когда власть царская въ пеленахъ дремала; боялись ея стѣсненія, вреднаго для государства, какъ они думали, и предпочитали свободную милость закону. Царь не внялъ ихъ убѣжденіямъ, дѣйствуя или по собственному изволенію, или въ угодность нѣкоторымъ боярамъ, склоннымъ къ аристократіи, и чтобы блеснуть великодушіемъ, торжественно обѣщалъ забыть всякую личную вражду, всѣ досады, претерпѣнныя имъ въ Борисово время; ему вѣрили, но недолго.

Отмѣнивъ новости, введенныя Лжедимитріемъ, и возстановивъ древнюю Государственную Думу, какъ она была до его времени, Василій спѣшилъ извѣстить всю Россію о своемъ воцареніи и не оставить въ умахъ ни малѣйшаго сомнѣнія о Самозванцѣ. Послали всюду чиновниковъ знатныхъ приводить народъ къ крестному цѣлованію, съ обѣтомъ не дѣлать, не говорить и не мыслить ничего злого противъ царя, будущей супруги и дѣтей его; велѣли, какъ обыкновенно, три дня звонить въ колокола, отъ Москвы до Астрахани и Чернигова, до Тары и Колы, молиться о здравіи государя и мирѣ отечества. Читали въ церквахъ грамоты отъ бояръ, царицы-инокини Маѳы и Василія (именованнаго въ сихъ бумагахъ потомкомъ Кесаря римскаго). Описавъ дерзость, злодѣйства, собственное въ томъ признаніе и гибель Самозванца, бояре величали родъ и заслуги Шуйскаго, спасителя церкви и государства. Маѳа свидѣтельствовалась Богомъ, что ея сердце успокоено казнію обманщика, а Василій увѣрялъ россіянъ въ своей любви и милости безпримѣрной. Обнародовали найденную во внутреннихъ комнатахъ дворца переписку Лжедимитрія съ римскимъ дворомъ и духовенствомъ о введеніи у насъ латинской вѣры, запись, данную воеводѣ Сендомирскому на Смоленскъ и Сѣверскую землю, также допросы Мнишка и Бучинскихъ, Яна и Станислава; Мнишекъ винился въ заблужденіи, сказывая, что онъ и самъ уже не могъ считать мнимаго Димитрія истиннымъ, примѣтивъ въ немъ ненависть къ Россіи, и для того часто впадалъ въ болѣзнь отъ горести. Бучинскіе объявляли, что Разстрига дѣйствительно хотѣлъ съ помощію ляховъ умертвить 18 мая, на лугу Срѣтенскомъ, двадцать главныхъ бояръ и всѣхъ лучшихъ москвитянъ, что пану Ратомскому надлежало убить князя Мстиславскаго, Тарлу и Стадницкимъ Шуйскихъ; что ляхи должны были занять всѣ мѣста въ Думѣ, править войскомъ и государствомъ,—свидѣтельство, едва ли достойное уваженія, и если не вымышленное, то вынужденное страхомъ изъ двухъ малодушныхъ слугъ, которые, желая спасти себя отъ мести россіянъ, не боялись клеветать на пепелъ своего милостивца, развѣянный вѣтромъ! Современники вѣрили, но трудно убѣдить потомство, чтобы Лжедимитрій, хотя и неразсудительный, могъ дерзнуть на дѣло ужасное и безумное,

ибо легко было предвидѣть, что бояре и москвитяне не дали бы рѣзать себя, какъ агнцевъ, и что кровопролитіе заключилось бы гибелью ляховъ вмѣстѣ съ ихъ главою.

Іюня 1 совершилось царское вѣнчаніе въ храмѣ Успенія, съ наблюденіемъ всѣхъ торжественныхъ обрядовъ, но безъ всякой расточительной пышности: корону Мономахову возложилъ на Василія митрополитъ новогородскій. Синклитъ и народъ славили вѣнценосца съ усердіемъ; гости и купцы отличились щедростію въ дарахъ, ему поднесенныхъ. Являлось, однакожъ, какое-то уныніе въ столицѣ. Не было ни милостей, ни пировъ; были опалы. Смѣнили дворецкаго, князя Рубца Мосальскаго, одного изъ первыхъ клятвопреступниковъ Борисова времени, и велѣли ему ѣхать воеводою въ Корелу или Кексгольмъ; Михайлу Нагому запретили именоваться конюшимъ, желая ли навѣки уничтожить сей знаменитый санъ, чрезмѣрно возвышенный Годуновымъ, или единственно въ знакъ неблаговоленія къ злопамятному страдальцу Василіева криводушія въ дѣлѣ о Димитріевомъ убіеніи; великаго секретаря и подскарбія Аѳанасія Власьева сослали на воеводство въ Уфу, какъ ненавистнаго приверженника Разстригина; двухъ важныхъ бояръ, Михайла Салтыкова и Бѣльскаго, удалили, давъ первому начальство въ Ивангородѣ, второму въ Казани, многихъ иныхъ сановниковъ и дворянъ, не угодныхъ царю, также выслали на службу въ дальніе города; у многихъ взяли помѣстья. Василій,—говоритъ лѣтописецъ,—нарушилъ обѣтъ свой не мстить никому лично, безъ вины и суда. Оказалось неудовольствіе; слышали ропотъ. Василій, какъ опытный наблюдатель тридцатилѣтняго гнуснаго тиранства, не хотѣлъ ужасомъ произвести безмолвія, которое бываетъ знакомъ тайной, всегда опасной ненависти къ жестокимъ властителямъ; хотѣлъ равняться въ государственной мудрости съ Борисомъ и превзойти Лжедимитрія; въ свободолюбіи отличать слово отъ умысла, искать въ нескромной искренности только указаній для правительства и грозить мечомъ закона единственно крамольникамъ. Слѣдствіемъ была удивительная вольность въ сужденіяхъ о царѣ, особенная величавость въ боярахъ, особенная смѣлость во всѣхъ людяхъ чиновныхъ; казалось, что они имѣли уже не государя самовластнаго, а полуцаря. Никто не дерзнулъ спорить о коронѣ съ Шуйскимъ, но многіе дерзали ему завидовать и порочить его избраніе, какъ незаконное. Самые усердные клевреты Василія изъявляли негодованіе, ибо онъ, доказывая свою умѣренность, безпристрастіе и желаніе царствовать не для клевретовъ, а для блага Россіи, не далъ имъ никакихъ наградъ блестящихъ въ удовлетвореніе ихъ суетности и корыстолюбія. Замѣтили еще необыкновенное своевольство въ народѣ и шаткость въ умахъ, ибо частныя перемѣны

государственной власти рождаютъ недовѣріе къ ея твердости и любовь къ перемѣнамъ: Россія же въ теченіе года имѣла четвертаго самодержца, праздновала два цареубійства и не видала нужнаго общаго согласія на послѣднее избраніе. Старость Василія, уже почти шестидесятилѣтняго, его одиночество, неизвѣстность наслѣдія, также производили уныніе и безпокойство. Однимъ словомъ, самые первые дни новаго царствованія, всегда благопріятнѣйшіе для ревности народной, болѣе омрачили, нежели утѣшили сердца истинныхъ друзей отечества.

Между тѣмъ, какъ бы еще не полагаясь на удостовѣреніе россіянъ въ самозванствѣ Разстриги, Василій дерзнулъ явленіемъ торжественнымъ напомнить имъ о своихъ лжесвидѣтельствахъ, коими онъ, въ угодность Борису, затмилъ обстоятельства Димитріевой гибели. Царь велѣлъ святителямъ, Филарету ростовскому и Ѳеодосію астраханскому, съ боярами княземъ Воротынскимъ, Петромъ Шереметевымъ, Андреемъ и Григоріемъ Нагими, перевезти въ Москву тѣло Димитрія изъ Углича, гдѣ оно, въ господствованіе Самозванца, лежало уединенно въ опальной могилѣ, никѣмъ непосѣщаемой: іереи не смѣли служить панихидъ надъ нею; граждане боялись приближаться къ сему мѣсту, которое безмолвно уличало мнимаго Димитрія въ обманѣ. Но паденіе обманщика возвратило честь гробу царевича; жители устремились къ нему толпами, пѣли молебны, лили слезы умиленія и покаянія, лучше другихъ россіянъ знавъ истину и молчавъ противъ совѣсти. Когда святители и бояре московскіе, прибывъ въ Угличъ, объявили волю государеву, народъ долго не соглашался выдать имъ драгоцѣнные останки юнаго мученика, взывая: „Мы его любили и за него страдали! Лишенные живого, лишимся ли и мертваго?“ Когда же, вынувъ изъ земли гробъ и снявъ его крышку, увидѣли тѣло, въ пятнадцать лѣтъ едва поврежденное сыростію земли: плоть на лицѣ и волосы на головѣ цѣлые, равно какъ и жемчужное ожерелье, шитый платокъ въ лѣвой рукѣ, одежду, также шитую серебромъ и золотомъ, сапожки, горсть орѣховъ, найденныхъ у закланнаго младенца въ правой рукѣ и съ нимъ положенныхъ въ могилу,—тогда, въ единодушномъ восторгѣ, жители и пришельцы начали славить сіе знаменіе святости—и за чудомъ слѣдовали новыя чудеса, по свидѣтельству современниковъ: недужные, съ вѣрою и любовію касаясь мощей, исцѣлялись. Изъ Углича несли раку, перемѣняясь, люди знатнѣйшіе, воины, граждане и земледѣльцы; Василій, царица-инокиня Марѳа, духовенство, синклитъ, народъ встрѣтили ее за городомъ; открыли мощи, явили ихъ нетлѣніе, чтобы утѣшить вѣрующихъ и сомкнуть уста невѣрнымъ. Василій взялъ святое бремя на рамена свои и несъ до церкви Михаила Архангела, какъ бы желая симъ уcер-

діемъ и смиреніемъ очистить себя передъ тѣмъ, кого онъ столь безстыдно оклеветалъ въ самоубійствѣ! Тамъ, среди храма, инокиня Марѳа, обливаясь слезами, молила царя, духовенство, всѣхъ россіянъ простить ей грѣхъ согласія съ Лжедимитріемъ для ихъ обмана—и святители, исполняя волю царя, разрѣшили ее торжественно, изъ уваженія къ ея супругу и сыну. Народъ исполнился умиленія, и еще болѣе, когда церковь огласилась радостными кликами многихъ людей, вдругъ излѣченныхъ отъ болѣзней дѣйствіемъ вѣры къ мощамъ Димитріевымъ, какъ пишутъ очевидцы. Хотѣли предать землѣ сіи святые останки и раскопали засыпанную могилу Годунова, чтобы поставить въ ней гробъ его жертвы, въ придѣлѣ, гдѣ лежатъ царь Іоаннъ и два сына его; но благодарность исцѣленныхъ и надежда болящихъ убѣдили Василія не скрывать источника благодати: вложили тѣло въ деревянную раку, обитую золотымъ атласомъ, оставили ее на помостѣ и велѣли пѣть молебны новому угоднику Божію, вѣчно праздновать его память и вѣчно клясть Лжедимитріеву.

Еще церковь не имѣла патріарха: въ самый первый день Василіева царствованія свели Игнатія съ престола безъ суда духовнаго, единственно по указу государеву, одѣли въ черную рясу и заперли въ келіяхъ Чудова монастыря; Іовъ же, въ печали, въ слезахъ, лишась зрѣнія, не хотѣлъ возвратиться въ Москву, гдѣ находились тогда всѣ святители россійскіе, кромѣ митрополита Ермогена, удаленнаго Лжедимитріемъ и тѣмъ возвышеннаго во мнѣніи народа. Среди жалостныхъ примѣровъ слабости, оказанной несчастнымъ Іовомъ и всѣмъ духовенствомъ, Ермогенъ, не обольщенный милостью Самозванца, не устрашенный опалою за ревность къ православію, казался героемъ церкви, и былъ единодушно, единогласно нареченъ патріархомъ, — нетерпѣливо ожидаемъ и немедленно посвященъ, какъ скоро прибылъ изъ Казани въ столицу, соборомъ нашихъ епископовъ. Царь, съ любовью вручая Ермогену жезлъ св. Петра митрополита, и Ермогенъ, съ любовью благословляя царя, заключили искренній, вѣрный союзъ церкви съ государствомъ, но не для ихъ міра и счастія!

Утвердивъ себя на престолѣ великодушнымъ обѣтомъ блюсти законъ всенароднымъ оправданіемъ казни Разстригиной, своимъ царскимъ вѣнчаніемъ, торжествомъ Димитріевой святости, избраніемъ патріарха ревностнаго и мужественнаго духомъ; поставивъ войско на берегахъ Оки и въ Украйнѣ, велѣвъ надежнымъ чиновникамъ осмотрѣть его и воеводамъ ждать царскаго указа, чтобы идти для усмиренія враговъ, гдѣ они явятся, Василій немедленно занялся дѣлами внѣшними. Важнѣйшимъ дѣломъ было рѣшить миръ или войну съ Литвою, не уронить достоинства

Россіи, но безъ крайности не начинать кровопролитія въ смутныхъ обстоятельствахъ государства, коего внутреннее устройство, послѣ измѣнъ и бунтовъ, требовало времени и тишины. Еще тѣло Самозванца лежало на Лобномъ мѣстѣ, когда духовенство наше отправило гонца въ Кіевъ, къ тамошнему воеводѣ князю Острожскому, съ извѣстительною грамотою о всемъ, что̀ случилось въ Москвѣ, и съ увѣреніемъ въ миролюбіи россійскаго правительства, не взирая на всѣ козни литовскаго. Въ семъ смыслѣ дѣйствовалъ и новый вѣнценосецъ: хранилъ поляковъ отъ злобы народа, велѣлъ имъ давать все нужное въ изобиліи и съ честью отвезти Марину къ отцу, который, обманывая себя и другихъ, еще именовалъ ее царицею, и въ видѣ слуги усерднаго благоговѣлъ передъ дочерью. Марина изъявляла болѣе высокомѣрія, нежели скорби, и говорила своимъ ближнимъ: „избавьте меня отъ вашихъ безвременныхъ утѣшеній и слезъ малодушныхъ!“ У нея взяли сокровища, одежды богатыя, данныя ей мужемъ: она не жаловалась отъ гордости. Взяли и все имѣніе воеводы Сендомирскаго: 10.000 рублей деньгами, кареты, лошадей, приборы конскіе, вина, всего на 250.000 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ, сказавъ ему: „возвратимъ тебѣ, что найдется твоимъ собственнымъ; удержимъ достояніе казны царской“. Въ свиданіи съ боярами Мнишекъ не скрывалъ глубокой своей печали, ни раскаянія, вѣроятно, искренняго, бывъ знаменитѣйшимъ вельможею въ отечествѣ и видя себя невольникомъ въ странѣ чуждой, гдѣ народная месть, имъ заслуженная, угрожала ему гибелью или узами, послѣ его сновидѣнія о державномъ величіи. Бояре обѣщали Мнишку не только безопасность, но и свободу, если король удостовѣритъ Василія въ истинномъ расположеніи къ миру.

Они имѣли нѣсколько свиданій и съ послами литовскими. Первое было 27 мая, во дворцѣ, гдѣ сіи паны замѣтили разительную перемѣну: исчезла пышность Лжедимитріева времени; скрылись блестящіе золотомъ тѣлохранители и стрѣльцы, самые знатные чиновники, угождая вкусу Василіеву къ бережливости, не отличались богатствомъ платья. Вмѣсто роскоши и веселья, являлись вездѣ простота, угрюмая важность, безмолвная печаль. „Намъ казалось,—пишутъ ляхи-очевидцы,—что дворъ московскій готовился къ погребенію“. Князья Мстиславскій, Дмитрій Шуйскій, Трубецкой, Голицыны, Татищевъ приняли Олесницкаго и Гонсѣвскаго въ той же палатѣ, въ коей они бесѣдовали съ ними именемъ Лжедимитрія, называя его тогда непобѣдимымъ цесаремъ, а въ сіе время гнуснымъ исчадіемъ ада! Мстиславскій произнесъ сильную рѣчь о злодѣйскомъ убіеніи истиннаго сына Іоаннова по волѣ Годунова, о нелѣпомъ самозванствѣ Разстриги, о козняхъ Сигизмундовыхъ, желая доказать, что бродяга безъ

вспоможенія ляховъ никогда не овладѣлъ бы московскимъ престоломъ; что сей бродяга достойно казненъ Россіею, а немногіе ляхи въ часъ мятежа убиты чернью за ихъ наглость, безъ вѣдома бояръ и дворянства. „Однимъ словомъ, — заключилъ Мстиславскій,—кто виною зла и всѣхъ бѣдствій? Король и вы, паны, нарушивъ святость мирнаго договора и крестнаго цѣлованія“.

Олесницкій и Гонсѣвскій тихо совѣтовались другъ съ другомъ, и дали отвѣтъ не менѣе сильный, изъясняясь смѣло, и если не во всемъ искренно, то по крайней мѣрѣ умно и благородно. „Мы слышали о бѣдственной кончинѣ Димитрія, — говорили паны,—и жалѣли о ней, какъ христіане, гнушаясь убійцею. Но явился человѣкъ подъ именемъ сего царевича, свидѣтельствуясь разными примѣтами въ истинѣ своего увѣренія и сказывая, какъ онъ спасенъ Небомъ отъ убійцъ, какъ Борисъ тайно умертвилъ царя Өеодора, истребилъ знатнѣйшіе роды дворянскіе, тѣснилъ, гналъ всѣхъ людей именитыхъ. Не то ли самое говорили намъ о Борисѣ и нѣкоторые изъ васъ, мужей думныхъ? И читая исторію, не находимъ ли въ ней примѣровъ, что мнимоусопшіе являются иногда живы въ казнь злодѣйству? Но мы еще не вѣрили бродягѣ: повѣрилъ ему только добросердечный воевода Сендомирскій, и не ему одному, но многимъ россіянамъ, признавшимъ въ немъ Димитрія: они клялися, что Россія ждетъ его; что города и войско сдадутся Іоаннову наслѣднику. Дѣйствуя самовольно, Мнишекъ хотѣлъ быть свидѣтелемъ торжества Димитріева—и былъ; но, повинуясь указу королевскому, возвратился, чтобы не нарушать мира, заключеннаго нами съ Годуновымъ. Димитрій, какъ онъ называлъ себя, остался въ землѣ Сѣверской единственно съ россіянами, донскими и запорожскими казаками; что жъ сдѣлали россіяне?—пали къ ногамъ его воеводы и войско. Что сдѣлали и вы, бояре? — выѣхали къ нему навстрѣчу съ царскою утварью; вопили, что принимаете государя любимаго отъ Бога и кипѣли гнѣвомъ, когда ляхи смѣли утверждать, что они дали царство Димитрію. Мы, послы, собственными глазами видѣли, какъ вы передъ нимъ благоговѣли. Здѣсь, въ сей самой палатѣ, разсуждая съ нами о дѣлахъ государственныхъ, вы не изъявляли ни малѣйшаго сомнѣнія о родѣ его и санѣ. Однимъ словомъ, не мы, поляки, но вы, русскіе, признали своего же русскаго бродягу Димитріемъ, встрѣтили съ хлѣбомъ и солью на границѣ, привели въ столицу, короновали и... убили; вы начали, вы и кончили. Для чего же вините другихъ? Не лучше ли молчать и каяться въ грѣхахъ, за которые Богъ наказалъ васъ такимъ ослѣпленіемъ? Не говоримъ о клятвопреступленіи и цареубійствѣ, не осуждаемъ вашего дѣла и не имѣемъ причины жалѣть о семъ человѣкѣ, который въ вашихъ глазахъ оскорблялъ насъ, вели-

чался, безумно требовалъ неслыханныхъ титуловъ и едва ли могъ быть надежнымъ другомъ нашего отечества; но дивимся, что вы, бояре, какъ люди извѣстно умные, дозволяете себѣ суесловить, желая оправдать душегубство — безчеловѣчное избіеніе нашихъ братьевъ... Они не воевали съ вами, не помогали вашему Лжедимитрію, не хранили его, ибо онъ ввѣрилъ жизнь свою не имъ, а вамъ единственно! Слагаете вину на чернь: повѣримъ тому, если можно; повѣримъ, если вы невредимо отпустите съ нами воеводу Сендомирскаго, дочь его и всѣхъ ляховъ къ королю, дабы мы своимъ миролюбивымъ ходатайствомъ обезоружили месть готовую. Но доколѣ, вопреки народному праву, уважаемому и варварами, будете держать насъ, какъ бы плѣнниковъ, дотолѣ въ глазахъ короля, республики и всей Европы не чернь московская, а вы съ вашимъ новымъ царемъ останетесь виновниками сего кровопролитія, и не въ безопасности. Разсудите!"

Бояре слушали съ великимъ вниманіемъ и долго сидѣли въ молчаніи, смотря другъ на друга; наконецъ, отвѣтствовали панамъ: „вы были послами у Самозванца, а теперь уже не послы: слѣдственно не должно говорить вамъ такъ вольно и смѣло", но разстались съ ними ласково, видѣлись снова и сказали имъ, что Василій милостиво приказалъ освободить всѣхъ нечиновныхъ ляховъ и вывезти за границу; но что послы, воевода Сендомирскій и другіе знатные паны должны ждать въ Россіи рѣшенія судьбы своей отъ Сигизмунда, къ коему ѣдетъ царскій чиновникъ для важныхъ объясненій и переговоровъ. Дворянинъ князь Григорій Волконскій немедленно былъ посланъ въ Краковъ; Олесницкій и Гонсѣвскій остались въ Москвѣ подъ стражею; Мнишка съ дочерью вывезли въ Ярославль, Вишневецкаго—въ Кострому, товарищей ихъ въ Ростовъ и Тверь. Они имѣли дозволеніе писать къ королю и писали миролюбиво, желая какъ можно скорѣе избавиться отъ неволи, чтобы говорить и дѣйствовать иначе.

Уже слухъ о гибели Самозванца и многихъ ляховъ въ Москвѣ встревожилъ всю Польшу: въ городахъ и въ мѣстечкахъ литовскихъ останавливали князя Волконскаго и дьяка его, безчестили, ругали, называли убійцами, злодѣями, метали въ ихъ людей камнями и грязью, а королевскіе чиновники отвѣчали имъ на жалобы, что никакая власть не можетъ унять народнаго негодованія. Бывъ четыре мѣсяца въ дорогѣ, Волконскій пріѣхалъ въ Краковъ, гдѣ Сигизмундъ встрѣтилъ его съ лицомъ угрюмымъ, не звалъ къ обѣду, не удостоилъ ни одного ласковаго слова и, скрывъ печаль свою о судьбѣ Лжедимитрія, отъ коего Польша ждала столько выгодъ, слушалъ холодно извѣщеніе о новомъ самодержцѣ въ Россіи. Въ переговорахъ съ коронными панами Волконскій доказывалъ то же, что наши бояре доказывали въ

Москвѣ посламъ Сигизмундовымъ, а паны отвѣтствовали ему то, что послы боярамъ. Мы говорили ляхамъ: „вы дали намъ Лжедимитрія!“ Ляхи возражали: „вы взяли его съ благодарностью!“ Но съ обѣихъ сторонъ умѣряли колкость выраженій, оставляя слово на миръ. Волконскій требовалъ удовлетворенія за бѣдствіе, претерпѣнное Россіею отъ Самозванца; за гибель многихъ людей и расхищеніе нашей казны; король же требовалъ освобожденія своихъ пословъ и платежа за товары, взятые Лжедимитріемъ у купцовъ литовскихъ и галицкихъ, или разграбленные черныо московскою въ день мятежа. Не могли согласиться, однако же не грозили войною другъ другу. „Швеція,—сказалъ Волконскій,—уступаетъ царю знатную часть Ливоніи, желая его вспоможенія; но онъ не хочетъ нарушить прежняго мирнаго договора“. Паны увѣряли, что они также не нарушатъ сего договора, если мы будемъ соблюдать его. Ничего не рѣшили и ни въ чемъ не условились. Сигизмундъ не взялъ даровъ отъ Волконскаго и хотѣлъ писать съ нимъ къ Василію; но Волконскій отвѣчалъ: „я не гонецъ“. Король велѣлъ ему ѣхать къ царю съ поклономъ, сказавъ, что пришлетъ въ Москву собственнаго чиновника, но медлилъ, уже зная о новыхъ мятежахъ Россіи и готовясь воспользоваться ими какъ сосѣдъ дѣятельный въ ненависти къ ея величію.

Еще Василій имѣлъ время возобновить дружественныя сношенія съ императоромъ, съ королями англійскимъ и датскимъ. Гонецъ Рудольфовъ и посланникъ шведскій находились въ Москвѣ. Непримиримый врагъ врага нашего Сигизмунда, Карлъ IX, ревностно искалъ союза Россіи, и Василій, дѣйствительно, не спѣшилъ заключить его, въ надеждѣ обойтись безъ войны съ Сигизмундомъ. Ханъ Казы-Гирей увѣрялъ царя въ братствѣ, ногайскій князь Иштерекъ въ повиновеніи. Воевода князь Ромодановскій отправился къ шаху Аббасу для важныхъ переговоровъ о Турціи и христіанскихъ земляхъ Востока. Еще дворъ московскій занимался дѣлами Европы и Азіи, политикою Австріи и Персіи; но скоро опасности ближайшія, внутреннія, многочисленныя и грозныя скрыли отъ насъ внѣшность, и Россія, терзая свои нѣдра, забыла Европу и Азію!.. Сіи новыя бѣдствія начались такимъ образомъ.

Въ первые дни іюня, ночью, тайные злодѣи, всегда готовые подвижники въ бурныя времена гражданскихъ обществъ—желая ли только беззаконной корысти, или чего важнѣйшаго: бунта, убійствъ, испроверженія верховной власти — написали мѣломъ на воротахъ у богатѣйшихъ иноземцевъ и у нѣкоторыхъ бояръ и дворянъ, что царь предастъ ихъ дома расхищенію за измѣну. Утромъ скопилось тамъ множество людей, и грабители приступили къ дѣлу; но воинскія дружины успѣли разогнать ихъ безъ кровопролитія.

Черезъ нѣсколько дней новое смятеніе. Увѣрили народъ, что царь желаетъ говорить съ нимъ на Лобномъ мѣстѣ. Вся Москва пришла въ движеніе, и Красная площадь наполнилась любопытными, отчасти и зломысленными, которые лукавыми внушеніями подстрекали чернь къ мятежу. Царь шелъ въ церковь, услышалъ необыкновенный шумъ внѣ Кремля, свѣдалъ о созваніи народа и велѣлъ немедленно узнать виновниковъ такого беззаконія; остановился и ждалъ донесенія, не трогаясь съ мѣста.

Бояре, царедворцы, сановники окружали его. Василій безъ робости и гнѣва началъ укорять ихъ въ непостоянствѣ и въ легкомысліи, говоря: „вижу вашъ умыселъ; но для чего лукавствовать, ежели я вамъ не угоденъ? Кого вы избрали, того можете и свергнуть. Будьте спокойны: противиться не буду“. Слезы текли изъ глазъ сего несчастнаго властолюбца. Онъ кинулъ жезлъ царскій, снялъ вѣнецъ съ головы и примолвилъ: „ищите же другого царя!“ Всѣ молчали отъ изумленія. Шуйскій надѣлъ снова вѣнецъ, поднялъ жезлъ и сказалъ: „если я царь, то мятежники да трепещутъ! Чего хотятъ они?—смерти всѣхъ невинныхъ иноземцевъ, всѣхъ лучшихъ, знаменитѣйшихъ россіянъ и моей; по крайней мѣрѣ насилія и грабежа. Но вы знали меня, избирая въ цари: имѣю власть и волю казнить злодѣевъ“. Всѣ единогласно отвѣтствовали: „ты нашъ государь законный! мы тебѣ присягали и не измѣнимъ! Гибель крамольникамъ!“ Объявили указъ гражданамъ мирно разойтися, и никто не ослушался; схватили пять человѣкъ въ толпахъ, какъ возмутителей народа, и высѣкли кнутомъ. Доискивались и тайныхъ, знатнѣйшихъ крамольниковъ; подозрѣвали Нагихъ: думали, что они волнуютъ Москву, желая свести Шуйскаго съ престола, собрать великую Думу земскую и вручить державу своему ближнему, князю Мстиславскому. Изслѣдовали дѣло, честно и добросовѣстно; выслушали отвѣты, свидѣтельства, оправданія и торжественно признали невинность скромнаго Мстиславскаго; не тронули и Нагихъ; сослали одного боярина Петра Шереметева, воеводу псковскаго, также ихъ родственника, дѣйствительно уличеннаго въ козняхъ. Шуйскій въ семъ случаѣ оказалъ твердость и не нарушилъ данной имъ клятвы судить законно. Ему готовились искушенія важнѣйшія.

Столица утихла до времени; но знатная часть государства уже пылала бунтомъ!.. Тамъ, гдѣ явился первый Лжедимитрій, явился и второй, какъ бы въ посмѣяніе Россіи, снова требуя легковѣрія или безстыдства и находя его въ ослѣпленіи или въ развратѣ людей, отъ черни до вельможнаго сана.

Казалось, что Самозванецъ, всѣми оставленный въ часъ бѣдствія, не имѣлъ ни друзей, ни приверженцевъ, кромѣ Басмано-

ва. Тѣ, коихъ онъ любилъ съ довѣренностію, осыпалъ милостями и наградами, громогласнѣе другихъ кляли память его, желая неблагодарностію спасти себя и — спаслися: сохранили всю добычу измѣны, санъ и богатство. Нѣкоторые изъ нихъ умѣли даже снискать довѣренность Василіеву: такъ князь Григорій Петровичъ Шаховскій, извѣстный любимецъ Разстригинъ, былъ посланъ воеводою въ Путивль, на смѣну князю Бахтѣярову, честному, но, можетъ быть, не весьма расторопному и смѣлому. Правительство знало важность сего назначенія: нигдѣ граждане и чернь не оказывали столько усердія къ Самозванцу и не могли столько бояться новаго царя, какъ въ землѣ Сѣверской, гдѣ оставалось еще не мало бродягъ, бѣглыхъ разбойниковъ, злодѣевъ сподвижниковъ Отрепьева, и куда многіе изъ нихъ, послѣ его гибели, спѣшили возвратиться. Шаховскій, безъ сомнѣнія, говорилъ Василію то же, что Басмановъ несчастному Ѳеодору,— и сдѣлалъ то же. Рожденный въ свое время, въ вѣкъ мятежей и беззаконій, со всѣми качествами, нужными для первенства въ оныхъ, Шаховскій пылалъ ненавистію къ виновникамъ Лжедимитріевой гибели, зналъ расположеніе народа сѣверскаго и неудовольствіе многихъ россіянъ, которые имѣли право участвовать и не участвовали въ избраніи вѣнценосца; зналъ волненіе умовъ и въ Москвѣ, и въ цѣломъ государствѣ, смятенномъ бунтами и еще не совсѣмъ успокоенномъ властію закона; считалъ державство Василія нетвердымъ, обстоятельства благопріятными и, прельщаясь блескомъ великой отваги, рѣшился на злодѣйство, удивительное и для сего времени: созвалъ гражданъ въ Путивлѣ и сказалъ имъ торжественно, что московскіе измѣнники, вмѣсто Димитрія, умертвили какого-то нѣмца; что Димитрій, истинный сынъ Іоанновъ, живъ, но скрывается до времени, ожидая помощи своихъ друзей сѣверскихъ; что злобный Василій готовитъ жителямъ Путивля и всей Украйны, за оказанное ими усердіе къ Димитрію, жребій новгородцевъ, истерзанныхъ Іоанномъ Грознымъ; что не только за истиннаго царя, но и для собственнаго спасенія они должны возстать на Шуйскаго. Народъ не усомнился, и возсталъ. Казалось, что всѣ города южной Россіи ждали только примѣра: Моравскъ, Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскій немедленно, а скоро и Бѣлгородъ, Борисовъ, Осколъ, Трубчевскъ, Кромы, Ливны, Елецъ отложились отъ Москвы. Граждане, стрѣльцы, казаки, люди боярскіе, крестьяне толпами стекались подъ знамя бунта, выставленное Шаховскимъ и другимъ, еще знатнѣйшимъ сановникомъ, черниговскимъ воеводою, мужемъ думнымъ, нѣкогда вѣрнымъ закону, княземъ Андреемъ Телятевскимъ. Сей человѣкъ удивительный, не хотѣвъ вмѣстѣ съ цѣлымъ войскомъ предаться живому, торжествующему

Самозванцу, съ шайками крамольниковъ предался его тѣни, имени безъ существа, ослѣпленный заблужденіемъ или непріязнію къ Шуйскимъ. Такъ люди, кромѣ истинно великодушныхъ, измѣняются въ государственныхъ смятеніяхъ! Еще не видали никакого Димитрія, ни лица, ни меча его, и все пылало къ нему усердіемъ, какъ въ Борисово и Ѳедорово время! Сіе роковое имя съ чудною легкостію побѣждало власть законную, уже не обольщая милосердіемъ, какъ прежде, но устрашая муками и смертію. Кто не вѣрилъ грубому, безстыдному обману, кто не хотѣлъ измѣнить Василію и дерзалъ противиться мятежу, тѣхъ убивали, вѣшали, кидали съ башенъ, распинали! Такъ еще, ко славѣ отечества, погибли воеводы: бояринъ князь Буйносовъ въ Бѣлгородѣ, Бутурлинъ—въ Осколѣ, Плещеевъ—въ Ливнахъ, двое Воейковыхъ, Пушкинъ, князь Щербатый, Бартеневъ, Мальцовъ; другихъ ввергали въ темницы. Злодѣйствомъ доказывалась любовь къ царю; вѣрность называли измѣною, богатство преступленіемъ: холопи грабили имѣніе господъ своихъ, безчестили ихъ женъ, женились на дочеряхъ боярскихъ. Плавая въ крови, утопая въ мерзостяхъ насилія, терпѣливо ждали Димитрія, и едва спрашивали: гдѣ онъ? Увѣряя въ необходимости молчанія до нѣкотораго времени, Шаховскій давалъ, однакожъ, разумѣть, что солнце взойдетъ для Россіи—изъ Сендомира!

Могъ ли одинъ человѣкъ предпріять и совершить такое дѣло, равно ужасное и нелѣпое, безъ условія съ другими, безъ приготовленія и заговора? Шаховскій имѣлъ клевретовъ въ Москвѣ, гдѣ скоро, по убіеніи Лжедимитрія, распустили слухъ, что онъ живъ, за нѣсколько часовъ до мятежа, ночью, ускакавъ верхомъ съ двумя царедворцами неизвѣстно куда. Въ то же время видѣли на берегу Оки, близъ Серпухова, трехъ необыкновенныхъ, таинственныхъ путешественниковъ; одинъ изъ нихъ далъ перевозчику семь злотыхъ и сказалъ: „Знаешь ли насъ? Ты перевезъ государя Димитрія Іоанновича, который спасается отъ московскихъ измѣнниковъ, чтобы возвратиться съ сильнымъ ополченіемъ, казнить ихъ, а тебя сдѣлать великимъ человѣкомъ. „Вотъ онъ!“—промолвилъ незнакомецъ, указавъ на младшаго изъ спутниковъ, и немедленно удалился вмѣстѣ съ ними. Многіе другіе видѣли ихъ и далѣе, за Тулою, около Путивля, и слышали то же. Сіи путешественники, или бѣглецы, выѣхали изъ предѣловъ Россіи въ Литву,—и вдругъ вся Польша заговорила о Димитріи, который будто бы ушелъ изъ Москвы въ одеждѣ инока, скрывается въ Сендомирѣ и ждетъ счастливой для него перемѣны обстоятельствъ въ Россіи. Посолъ Васильевъ, князь Волконскій, будучи въ Краковѣ, свѣдалъ, что жена Мнишкова, дѣйствительно, объявила какого-то человѣка своимъ зятемъ Дими-

тріемъ; что онъ живетъ то въ Сендомирѣ, то въ Самборѣ, въ ея домѣ и въ монастырѣ, удаляясь отъ людей; что мнимая теща купила для него богатыя одежды и приняла 200 слугъ и тѣлохранителей; что съ нимъ только одинъ москвитянинъ, дворянинъ Заболоцкій, но что многіе знатные россіяне, и въ числѣ ихъ князь Василій Мосальскій, ему тайно благопріятствуютъ. Новый самозванецъ ни мало не сходствовалъ наружностью съ первымъ: былъ выше его лицомъ, не бѣлъ, а смуглъ; имѣлъ волосы кудрявые, черные (вмѣсто рыжеватыхъ), глаза большіе, брови густыя, навислыя, носъ покляпый, бородавку среди щеки, усъ, бороду стриженую; но такъ же, какъ Отрепьевъ, говорилъ твердо языкомъ польскимъ и разумѣлъ латинскій. Волконскій удостовѣрился, что сей обманщикъ былъ дворянинъ Михайло Молчановъ, гнусный убійца юнаго царя Θеодора и мнимый чернокнижникъ, сѣченный за то кнутомъ въ Борисово время; онъ скрылся въ началѣ Василіева царствованія. Дѣйствуя по условію съ Шаховскимъ, Молчановъ успѣлъ въ главномъ дѣлѣ: ославилъ воскресеніе Разстриги, чтобы питать мятежъ въ землѣ Сѣверской, но не спѣшилъ явиться тамъ, гдѣ его знали, и готовился передать имя Димитрія иному, менѣе извѣстному или дерзновеннѣйшему злодѣю.

Уже самый первый слухъ о бѣгствѣ Разстриги встревожилъ московскую чернь, которая, три дня терзавъ мертваго лжецаря, не знала: вѣрить ли или не вѣрить его спасенію, ибо думали, что онъ, какъ извѣстный чародѣй, могъ ожить силою адскою, или въ часъ опасности сдѣлаться невидимымъ и подставить другого на свое мѣсто; нѣкоторые даже говорили, что человѣкъ, убитый вмѣсто Лжедимитрія, походилъ на одного молодого дворянина, его любимца, который съ сего времени пропалъ безъ вѣсти. Дѣйствовала и любовь къ чудесному, и любовь къ мятежамъ: „чернь московская,— (пишутъ свидѣтели очевидные),— была готова мѣнять царей еженедѣльно, въ надеждѣ доискаться лучшаго или своевольствовать въ безначаліи“—и люди, обагренные, можетъ быть, кровію Самозванца, вдругъ начали жалѣть объ его дняхъ веселыхъ, сравнивая ихъ съ унылымъ царствованіемъ Василія! Но легковѣріе многихъ и зломысліе нѣкоторыхъ не могли еще произвести общаго движенія въ пользу Разстриги тамъ, гдѣ онъ воскресъ бы къ ужасу своихъ измѣнниковъ и душегубцевъ,—гдѣ всѣ, отъ вельможъ до мѣщанъ, хвалились его убіеніемъ. Клевреты Шаховского въ столицѣ желали единственно волненія, безпокойства народнаго, и вмѣстѣ съ слухами распространяли письма отъ имени Лжедимитрія, кидали ихъ на улицахъ, прибивали къ стѣнамъ: въ сихъ грамотахъ упрекали россіянъ неблагодарностію къ милостямъ великодушнѣйшаго изъ

царей и сказывали, что Димитрій будетъ въ Москвѣ къ новому году. Государь велѣлъ искать виновниковъ такого возмущенія: призывали всѣхъ дьяковъ, сличали ихъ руки съ подметными письмами и не открыли сочинителей.

Еще правительство не уважало сихъ козней, изъясняя оныя безсильною злобой тайныхъ, малочисленныхъ друзей Разстригиныхъ; но, свѣдавъ въ одно время о бунтѣ Южной Россіи и сендомирскомъ самозванцѣ, увидѣло опасность и спѣшило дѣйствовать—сперва убѣжденіемъ. Василій послалъ крутицкаго митрополита Пафнутія въ Сѣверскую землю образумить ея жителей словомъ истины и милосердія, закона и совѣсти; митрополита не приняли и не слушали. Царица-инокиня Мароа, исполненная ревности загладить вину свою, писала къ жителямъ всѣхъ городовъ украинскихъ, свидѣтельствуя предъ Богомъ и Россіею, что она собственными глазами видѣла убіеніе Димитрія въ Угличѣ и Самозванца въ Москвѣ, что одни ляхи и злодѣи утверждаютъ противное; что царь великодушный далъ ей слово покрыть милосердіемъ вину заблужденія; что не только возмущенные, но даже и возмутители могутъ жить безопасно и мирно въ домахъ своихъ, если изъявятъ раскаяніе, что она шлетъ къ нимъ брата, боярина Григорія Нагого, и святый образъ Димитріевъ, да услышатъ истину, да зрятъ ангельское лицо ея сына, который былъ рожденъ любить, а не терзать отечество смутами и злодѣйствами. Ни грамоты, ни посольства не имѣли успѣха. Бунтъ кипѣлъ, остервенѣніе возрастало. Дѣйствуя неусыпно, Шаховскій звалъ всю Россію соединиться съ Украйною; писалъ указы именемъ Димитрія и прикладывалъ къ нимъ печать государственную, которую онъ похитилъ въ день московскаго мятежа. Рать измѣнниковъ усиливалась и выступала въ поле, съ воеводою, достойнымъ такого начальства, холопомъ князя Телятевскаго, Иваномъ Болотниковымъ. Сей человѣкъ, взятый въ плѣнъ татарами, проданный въ неволю туркамъ и выкупленный нѣмцами въ Константинополѣ, жилъ нѣсколько времени въ Венеціи, захотѣлъ возвратиться въ отечество, услышалъ въ Польшѣ о мнимомъ Димитріи, предложилъ ему свои услуги и явился съ письмомъ отъ него къ князю Шаховскому въ Путивлѣ. Внутренно вѣря или не вѣря Самозванцу, Болотниковъ воспламенилъ другихъ любопытными о немъ разсказами; имѣя умъ смѣтливый, нѣкоторыя знанія воинскія и дерзость, сдѣлался главнымъ орудіемъ мятежа, къ коему пристали еще двое князей Мосальскихъ и Михайло Долгорукій.

Видя необходимость кровопролитія, Василій велѣлъ полкамъ идти къ Ельцу и Кромамъ. Предводительствовали бояре Воротынскій, сынъ отца столь знаменитаго, и князь Юрій Трубецкой,

стольникъ, удостоенный необыкновенной чести имѣть мужей думныхъ подъ своими знаменами. Воротынскій близъ Ельца разсѣялъ шайки мятежниковъ; но чиновникъ царскій, везя къ нему золотыя медали въ награду его мужества, вмѣсто побѣдителей встрѣтилъ бѣглецовъ на пути. Гдѣ нѣкогда самъ Шуйскій съ сильнымъ войскомъ не умѣлъ одолѣть горсти измѣнниковъ и гдѣ измѣна Басманова рѣшила судьбу отечества, тамъ, въ виду несчастныхъ Кромъ, Болотниковъ напалъ на 5.000 царскихъ всадниковъ; они, съ княземъ Трубецкимъ, дали тылъ; за ними и Воротынскій ушелъ отъ Ельца; винили, обгоняли другъ друга въ срамномъ бѣгствѣ и, какъ бы еще имѣя стыдъ, не хотѣли явиться въ столицѣ: разъѣхались по домамъ, сложивъ съ себя обязанность чести и защитниковъ царства.

Побѣдитель Болотниковъ ругался надъ плѣнными: называлъ ихъ кровопійцами, злодѣями, бунтовщиками, а царя Василія шубникомъ; велѣлъ однихъ утопить, другихъ вести въ Путивль для казни, нѣкоторыхъ сѣчь плетьми и едва живыхъ отпустить въ Москву; шелъ впередъ и возстановлялъ державу Самозванца. Орелъ, Мценскъ, Тула, Калуга, Веневъ, Кашира, вся земля Рязанская пристали къ бунту, вооружились, избрали начальниковъ: сына боярскаго Истому Пашкова, веневскаго сотника Григорія Сунбулова, бывшаго воеводою въ Рязани, и тамошняго дворянина Прокопія Ляпунова, дотолѣ неизвѣстнаго, отселѣ знаменитаго, созданнаго быть вождемъ и повелителемъ людей въ безначаліи, въ мятежахъ и буряхъ,—одареннаго красотою и крѣпостію тѣлесною, силою ума и духа, смѣлостію и мужествомъ. Сіе новое войско отличалось ревностію чистѣйшею, составленное изъ гражданъ, владѣльцевъ, людей домовитыхъ. Бывъ первыми, усерднѣйшими клевретами Басманова въ измѣнѣ Ѳеодору, они хотя и присягнули Василію, но осуждали дѣло москвитянъ, убіеніе Разстриги и думали, что присяга Шуйскому сама собою уничтожается, когда живъ Димитрій, старѣйшій и слѣдственно одинъ вѣнценосецъ законный. Но ревность ихъ также вела къ злодѣйствамъ: лилась кровь воиновъ и гражданъ, вѣрныхъ чести и Василію. Рязанскій намѣстникъ, бояринъ князь Черкасскій, воеводы: князь Тростенскій, Вердеревскій, князь Каркадиновъ, Измайловъ были скованные отправлены Ляпуновымъ въ Путивль на судъ или смерть. Разбойники сѣверскіе жгли, опустошали селенія; грабя, не щадили и святыни церквей; срамили человѣчество гнуснѣйшими дѣлами. Ужасъ распространялъ измѣну, какъ буря пламень, съ неимовѣрною быстротою, отъ предѣловъ Тулы и Калуги къ Смоленску и Твери. Дорогобужъ, Вязьма, Ржевъ, Зубцовъ, Старица предались тѣни Лжедимитрія, чтобы спастися отъ ярости мятежниковъ; но Тверь, издревле славная въ нашихъ лѣтописяхъ

вѣрностію, не измѣнила: достойный ея святитель Θеоктистъ, великодушно негодуя на слабость воеводъ, явился бодрымъ стратигомъ: ополчилъ духовенство, людей приказныхъ, собственныхъ дѣтей боярскихъ, граждапъ; разбилъ многочисленную шайку злодѣевъ и послалъ къ государю нѣсколько сотъ плѣнныхъ.

Встревоженный бѣгствомъ воеводъ отъ Ельца и Кромъ, бѣгствомъ чиновниковъ и рядовыхъ отъ воеводъ и знаменъ,—наконецъ, силою, успѣхами бунта, Василій еще не смутился духомъ, имѣя данное ему отъ природы мужество, если не для одолѣнія бѣдствія, то, по крайней мѣрѣ, для великодушной гибели. Лѣтописецъ говоритъ, что царь безъ искусныхъ стратиговъ и безъ казны есть орелъ безкрылый, и что таковъ былъ жребій Шуйскаго. Борисъ оставилъ преемнику казну и только одного славнаго храбростію воеводу Басманова-измѣнника; Лжедимитрій-расточитель не оставилъ ничего, кромѣ измѣнниковъ; но Василій дѣлалъ что могъ. Объявивъ всенародно о происхожденіи мятежа—о нелѣпой басни Разстригина спасенія, о сонмищѣ воровъ и негодяевъ, коимъ имя Димитрія служитъ единственно предлогомъ для злодѣйства, въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жители, ими обманутые, встрѣчаютъ ихъ какъ друзей,—царь выслалъ въ поле новое сильнѣйшее войско, и какъ бы спокойный сердцемъ, какъ бы въ мирное, безмятежное время, удумалъ загладить несправедливость современниковъ въ глазахъ потомства—снять опалу съ памяти вѣнценосца, хотя и ненавистнаго за многія дѣла злыя, но достойнаго хвалы за многія государственныя благотворенія: велѣлъ пышно и великолѣпно перенести тѣла Бориса, Маріи, юнаго Θеодора изъ бѣдной обители св. Варсанофія въ знаменитую лавру Сергіеву. Торжественно огласивъ убіеніе и святость Димитрія, Шуйскій не смѣлъ приблизить къ его мощамъ гробъ убійцы и снова поставить между царскими памятниками; но хотѣлъ симъ дѣйствіемъ уважить законнаго монарха въ Годуновѣ, будучи также монархомъ избраннымъ, хотѣлъ возбудить жалость, если не къ Борису виновному, то къ Маріи и къ Θеодору невиннымъ, чтобы произвести живѣйшее омерзѣніе къ ихъ гнуснымъ умертвителямъ, сообщникамъ Шаховского, жаднымъ къ новому цареубійству. Въ присутствіи безчисленнаго множества людей, всего духовенства, двора и синклита, открыли могилы; двадцать иноковъ взяли раку Борисову на плеча свои (ибо сей царь скончался инокомъ); Θеодорову и Маріину несли знатные сановники, провожаемые святителями и боярами. Позади ѣхала, въ закрытыхъ саняхъ, несчастная Ксенія и громко вопила о гибели своего дома, жалуясь Богу и Россіи на изверга Самозванца. Зрители плакали, воспоминая счастливые дни ея семейства, счастливые и для Россіи въ первые два года Борисова

царствованія. Многіе объ немъ тужили, встревоженные настоящимъ и страшася будущаго. Въ лаврѣ, внѣ церкви Успенія, съ благоговѣніемъ погребли отца, мать и сына; оставили мѣсто и для дочери, которая жила еще 16 горестныхъ лѣтъ въ дѣвичьемъ монастырѣ Владимірскомъ, не имѣя никакихъ утѣшеній, кромѣ небесныхъ. Новымъ погребеніемъ возвращая санъ царю, лишенному онаго въ могилѣ, думалъ ли Василій, что нѣкогда и собственныя его кости будутъ лежать въ неизвѣстности, въ презрѣніи, и что великодушная жалость, справедливость и политика также возвратятъ имъ честь царскую?

Уже не только политика мирила Василія съ Годуновымъ, но и злополучіе, разительное сходство ихъ жребія. Обоимъ власть измѣнила, опоры того и другого, видомъ крѣпкія, падали, рушились, какъ тлѣнъ и бреніе. Рати Василіевы, подобно Борисовымъ, цѣпенѣли, казалось, предъ тѣнію Димитрія. Юноша, ближній государевъ, князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій имѣлъ успѣхъ въ битвѣ съ непріятельскими толпами на берегахъ Пахры; но воеводы главные, князья Мстиславскій, Дмитрій Шуйскій, Воротынскій, Голицынъ, Нагіе, имѣя съ собою всѣхъ дворянъ московскихъ, стольниковъ, стряпчихъ, жильцовъ, встрѣтились съ непріятелемъ уже въ пятидесяти верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Троицкомъ, сразились и бѣжали, оставивъ въ его рукахъ множество знатныхъ плѣнниковъ.

Уже Болотниковъ, Пашковъ, Ляпуновъ, взявъ, опустошивъ Коломну, стояли (въ октябрѣ мѣсяцѣ) подъ Москвою, въ селѣ Коломенскомъ; торжественно объявили Василія царемъ сверженнымъ; писали къ москвитянамъ, духовенству, синклиту и народу, что Димитрій снова на престолѣ и требуетъ ихъ новой присяги; что война кончилась и царство милосердія начинается. Между тѣмъ мятежники злодѣйствовали въ окрестностяхъ, звали къ себѣ бродягъ, холопей; приказывали имъ рѣзать дворянъ и людей торговыхъ, брать ихъ женъ и достояніе, обѣщая имъ богатство и воеводство; разсыпались по дорогамъ, не пускали запасовъ въ столицу, ими осажденную. Войско и самое государство какъ бы исчезли для Москвы, преданной съ ея святынею и славою въ добычу неистовому бунту. Но въ сей ужасной крайности еще блеснулъ лучъ великодушія: оно спасло царя и царство, хотя на время!

Василій, велѣвъ написать къ мятежникамъ, что ждетъ ихъ раскаянія и еще медлитъ истребить жалкій сонмъ безумцевъ, спокойно устроилъ защиту города, предмѣстій и слободъ. Духовенство молилось; народъ постился три дня и, видя неустрашимость въ государѣ, самъ казался неустрашимымъ. Воины, граждане, по собственному движенію, обязали другъ друга клятвою

въ вѣрности, и никто изъ нихъ не бѣжалъ къ злодѣямъ. Полководцы, князья Скопинъ-Шуйскій, Андрей Голицынъ и Татевъ, расположились станомъ у Серпуховскихъ воротъ для наблюденія и для битвы въ случаѣ приступа. Высланные изъ Москвы отряды возстановили ея сообщеніе съ городами, ближними и дальними. Патріархъ, святители писали всюду грамоты увѣщательныя: вѣрные одушевились ревностію, измѣнники устыдились. Тверь, Смоленскъ служили примѣромъ: ихъ дворяне, дѣти боярскіе, люди торговые кинули семейства и спѣшили спасти Москву. Къ добрымъ тверитянамъ присоединились жители Зубцова, Старицы, Ржева; къ добрымъ смолянамъ граждане Вязьмы, Дорогобужа, Серпейска, уже не преступники отъ малодушія, но снова достойные россіяне; вездѣ били злодѣевъ, выгнали ихъ изъ Можайска, Волока, обители св. Іосифа, не давали имъ пощады, казнили плѣнныхъ.

Тогда же въ Коломенскомъ станѣ открылась важная измѣна. Болотниковъ, называя себя воеводою царскимъ, хотѣлъ быть главнымъ; но воеводы, избранные городами, не признавали сей власти, требовали Димитрія отъ него, отъ Шаховского,—не видали, и начинали хладѣть въ усердіи. Ляпуновъ первый удостовѣрился въ обманѣ и, стыдясь быть союзникомъ бродягъ, холопей, разбойниковъ безъ всякой государственной, благородной цѣли, первый явился въ столицѣ съ повинною (вѣроятно, вслѣдствіе тайныхъ, предварительныхъ сношеній съ царемъ); а за Ляпуновымъ и всѣ рязанцы, Сунбуловъ и другіе. Василій простилъ ихъ и далъ Ляпунову санъ думнаго дворянина. Скоро и многіе иные сподвижники бунта, удостовѣренные въ милосердіи государя, перебѣжали изъ Коломенскаго въ Москву, гдѣ уже не было ни страха, ни печали: все ожило и пылало ревностію ударить на остальныхъ мятежниковъ. Василій медлилъ; изъявляя человѣколюбіе и жалость къ несчастнымъ жертвамъ заблужденія, говорилъ: „Они также русскіе и христіане: молюся о спасеніи ихъ душъ, да раскаются, и кровь отечества да не льется въ междоусобіи!“ Василій или дѣйствительно надѣялся утушить бунтъ безъ дальнѣйшаго кровопролитія, торжественно предлагая милость самымъ главнымъ виновникамъ онаго, или для вѣрнѣйшей побѣды ждалъ смолянъ и тверитянъ: они соединились въ Можайскѣ съ воеводою царскимъ Колычевымъ и приближались къ столицѣ.

Еще мятежники упорствовали въ намѣреніи овладѣть Москвою; укрѣпили Коломенскій станъ валомъ и тыномъ, терпѣливо сносили ненастье и холодъ глубокой осени; приступили къ Симонову монастырю и къ Горной и Рогожской слободѣ; были отражены, лишившись многихъ людей, и все еще не унывали, по крайней

мѣрѣ Болотниковъ; онъ не слушалъ обѣщаній Василія—забыть его вину и дать ему знатный чинъ, отвѣтствуя: „Я клялся Димитрію умереть за него и сдержу слово: буду въ Москвѣ не измѣнникомъ, а побѣдителемъ“; уже видѣлъ знамена тверитянъ и смолянъ на Дѣвичьемъ полѣ, видѣлъ движеніе въ войскѣ московскомъ и смѣло ждалъ битвы неравной. Василій, самъ опытный въ дѣлѣ бранномъ, еще не хотѣлъ и передъ стѣнами кремлевскими ратоборствовать лично, какъ бы стыдясь врага подлаго; хотѣлъ быть только невидимымъ зрителемъ сей битвы: ввѣрилъ главное начальство усерднѣйшему или счастливѣйшему витязю, двадцатилѣтнему князю Скопину-Шуйскому, который свелъ полки въ монастырѣ Даниловскомъ и мыслилъ окружить непріятеля въ станѣ. Болотниковъ и Пашковъ встрѣтили воеводъ царскихъ: первый сразился какъ левъ; второй, не обнаживъ меча, передался къ нимъ со свѣми дворянами и съ знатною частію войска. У Болотникова остались казаки, холопи, сѣверскіе бродяги, но онъ бился до совершеннаго изнуренія силъ и бѣжалъ съ немногими къ Серпухову; остальные разсѣялись. Казаки еще держались въ укрѣпленномъ селеніи Заборьѣ и, наконецъ, съ атаманомъ Беззубцевымъ сдалися, присягнувъ Василію въ вѣрности. Кромѣ ихъ, взяли на бою столь великое число плѣнныхъ, что они не умѣстились въ темницахъ московскихъ и были всѣ утоплены въ рѣкѣ, какъ злодѣи ожесточенные; но казаковъ не тронули и приняли въ царскую службу. Юношѣ-побѣдителю князю Скопину, рожденному къ чести, утѣшенію и горести отечества, дали санъ боярина, а воеводѣ Колычеву—боярина и дворецкаго. Радовались и торжествовали, пѣли молебны съ колокольнымъ звономъ и благодарили Небо за истребленіе мятежниковъ, но прежде времени.

Болотниковъ думалъ остановиться въ Серпуховѣ: жители не пустили его. Онъ засѣлъ въ Калугѣ, въ нѣсколько дней укрѣпилъ ее глубокими рвами и валомъ, собралъ тысячъ десять бѣглецовъ, изготовился къ осадѣ и писалъ сѣверской Думѣ измѣнниковъ, что ему нужно вспоможеніе и еще нужнѣе Димитрій, истинный или мнимый, что имя безъ человѣка уже не дѣйствуетъ и что всѣ ихъ клевреты готовы слѣдовать примѣру Ляпунова, Сунбулова и Пашкова, если явленіе вожделѣннаго царя-изгнанника, столь долго славимаго и невидимаго, не дастъ имъ новаго усердія и новыхъ сподвижниковъ. Но кого было представить? Сендомирскаго ли самозванца, Молчанова, извѣстнаго въ Россіи и нимало не сходнаго съ Лжедимитріемъ, еще извѣстнѣйшимъ? Сей бѣглецъ могъ дѣйствовать на легковѣрныхъ только издали, слухомъ, а не присутствіемъ, которое изобличило бы его въ обманѣ. Пишутъ, что злодѣи россійскіе хотѣли назвать Димитріемъ иного человѣка, какого-то благороднаго ляха, но что онъ—взявъ вѣ-

роятно деньги за такую отвагу—раздумалъ искать гибельнаго величія въ буряхъ мятежа, мирно остался въ Польшѣ жить нескуднымъ двoряниномъ и прервалъ, наконецъ, связь съ Шаховскимъ, коему случай далъ, между тѣмъ, другое орудіе.

Мы упомянули о бродягѣ Илейкѣ, Лжепетрѣ, мнимомъ сынѣ царя Ѳеодора. На пути къ Москвѣ, узнавъ о гибели Разстриги, онъ съ терскими казаками бѣжалъ наздъ, мимо Казани, гдѣ бояре Морозовъ и Бѣльскій хотѣли схватить его; казаки обманули ихъ, прислали сказать, что выдадутъ имъ самозванца, и ночью уплыли внизъ по Волгѣ, грабили людей торговыхъ и служилыхъ, злодѣйствовали, жгли селенія на берегахъ, до Царицына, гдѣ убили князя Ромодановскаго, ѣхавшаго посломъ въ Персію, и воеводу Акинѳеева, остановились зимовать на Дону и разславили въ Украйнѣ о своемъ лжецаревичѣ. Обманъ способствовалъ обману: Шаховскій призналъ Илейку сыномъ Ѳеодоровымъ, звалъ къ себѣ вмѣстѣ съ шайкою терскихъ мятежниковъ, встрѣтилъ въ Путивлѣ честію, какъ племянника и намѣстника Димитріева въ его отсутствіе, и даже не усумнился обѣщать ему царство, если Димитрій, ими ожидаемый, не явится. Сей союзъ злодѣйства праздновали новымъ душегубствомъ въ доказательство державной власти разбойника Илейки. Онъ велѣлъ умертвить всѣхъ знатныхъ плѣнниковъ, которые еще сидѣли въ темницахъ: вѣрныхъ воеводъ рязанскихъ, думнаго мужа Сабурова, князя Пріимкова-Ростовскаго, начальниковъ города Борисова и воеводу путивльскаго, князя Бахтѣярова, взявъ себѣ его дочь въ наложницы. Искали и союзниковъ внѣшнихъ тамъ, гдѣ вредъ Россіи всегда считался выгодою и гдѣ старая ненависть къ намъ усилилась желаніемъ мести за стыдъ неудачнаго дружества съ бродягою; новый самозванецъ Петръ также обратился къ Сигизмунду, и вельможные паны не устыдились сказать князю Волконскому, который еще находился тогда въ Краковѣ, что они „ждутъ пословъ отъ государя сѣверскаго, сына Ѳеодорова, который вмѣстѣ съ Димитріемъ, укрывающимся въ Галиціи, намѣренъ свергнуть Василія съ престола, что если царь возвратитъ свободу Мнишку и всѣмъ знатнымъ ляхамъ, московскимъ плѣнникамъ, то не будетъ ни Лжедимитрія, ни Лжепетра, а въ противномъ случаѣ оба сдѣлаются истинными и найдутъ сподвижниковъ въ республикѣ!“ Но ляхи только грозили Василію, манили, вѣроятно, мятежниковъ обѣщаніями и не спѣшили дѣйствовавать; Шаховской, Телятевскій, Долгорукій, Мосальскіе, съ новымъ атаманомъ Илейкою не имѣли времени ждать ихъ, призвали къ себѣ запорожцевъ, ополчили всѣхъ, кого могли, въ землѣ Сѣверской и выступили въ поле, чтобы спасти Болотникова.

Умѣлъ ли Василій воспользоваться своею побѣдою, давъ мя-

тежникамъ соединиться и вновь усилиться въ Калугѣ? Онъ послалъ къ ней войско, но уже черезъ нѣсколько дней и малочисленное, смятое первою смѣлою вылазкою; послалъ и другое, сильнѣйшее съ бояриномъ Иваномъ Шуйскимъ, который, одержавъ верхъ въ кровопролитномъ дѣлѣ съ Болотниковымъ при устьѣ рѣки Угры, осадилъ Калугу (30 декабря), но безъ надежды взять ее скоро. Худыя вѣсти, одна за другою, встревожили Москву. Въ Калужской и Тульской области новыя шайки злодѣевъ скопились и заняли Тулу. Бунтъ вспыхнулъ въ уѣздѣ Арзамасскомъ и въ Алатырскомъ; мордва, холопи, крестьяне грабили, рѣзали царскихъ чиновниковъ и дворянъ, утопили алатырскаго воеводу Сабурова, осадили Нижній-Новгородъ именемъ Димитрія. Астрахань также измѣнила: ея знатный воевода, окольничій князь Иванъ Хворостининъ, взялъ сторону Шаховского; вѣрныхъ умертвили: добраго, мужественнаго дьяка Карцова и многихъ иныхъ. Самыхъ границъ Сибири коснулось возмущеніе, но не проникло въ оную: тамъ начальствовали усердные Годуновы, хотя и въ честной ссылкѣ. Изъ Вятки, изъ Перми силою гнали воиновъ въ Москву, а чернь славила Димитрія. Къ сему смятенію присоединилось ужасное естественное бѣдствіе—язва въ Новгородѣ, гдѣ умерло множество людей и въ числѣ ихъ бояринъ Катыревъ. Между тѣмъ цѣлое войско злодѣевъ разными путями шло отъ Путивля къ Тулѣ, Калугѣ и Рязани.

Василій бодрствовалъ неусыпно, распоряжался хладнокровно; посылалъ рати и воеводъ: знатнѣйшаго саномъ князя Мстиславскаго и знаменитѣйшаго мужествомъ Скопина-Шуйскаго къ Калугѣ, Воротынскаго къ Тулѣ, Хилкова къ Веневу, Измайлова къ Козельску, Хованскаго къ Михайлову, боярина Ѳедора Шереметева къ Астрахани, Пушкина къ Арзамасу, а самъ еще остался въ Москвѣ съ дружиною царскою, чтобы хранить святыню отечества и церкви, или явиться на полѣ битвы въ часъ рѣшительный. Василій думалъ предупредить соединеніе матежниковъ, истребить ихъ отдѣльно нападеніями разными единомысленными, чтобы вдругъ и вездѣ утушить бунтъ. Дѣйствуя въ воинскихъ распоряженіяхъ какъ стратигъ искусный, онъ хотѣлъ дѣйствовать и на сердца людей, оживить въ нихъ силу нравственную, успокоить совѣсть, возмущенную беззаконіями государственными, и снова скрѣпить союзъ царя съ царствомъ, нарушенный злодѣйствомъ.

Имѣвъ торжественное совѣщаніе съ Ермогеномъ, духовенствомъ, синклитомъ, людьми чиновыми и торговыми, Василій опредѣлилъ звать въ Москву бывшаго патріарха Іова для великаго земскаго дѣла. Ермогенъ писалъ къ Іову: „Преклоняемъ колѣна: удостой насъ видѣть благолѣпное лицо твое и слышать

гласъ твой сладкій: молимъ тебя именемъ отечества смятеннаго". Іовъ пріѣхалъ и (20 февраля) явился въ церкви Успенія, извнѣ окруженной и внутри наполненной несмѣтнымъ множествомъ людей. Онъ стоялъ у патріаршаго мѣста въ видѣ простого инока, въ бѣдной ризѣ, но возвышаемый въ глазахъ зрителей памятію его знаменитости и страданій за истину, смиреніемъ и святостію,—отшельникъ, вызванный почти изъ гроба примирить Россію съ закономъ и Небомъ. Все было изготовлено царемъ для дѣйствія торжественнаго, въ коемъ патріархъ Ермогенъ съ любовью уступалъ первенство старцу, уже безчиновному. Въ глубокой тишинѣ общаго безмолвія и вниманія поднесли Іову бумагу и велѣли патріаршему діякону читать ее на амвонѣ. Въ сей бумагѣ народъ—и только одинъ народъ—молилъ Іова отпустить ему, именемъ Божіимъ, всѣ его грѣхи передъ закономъ, строптивость, ослѣпленіе, вѣроломство и клялся впредь не нарушать присяги, быть вѣрнымъ государю; требовалъ прощенія для живыхъ и мертвыхъ, дабы успокоить души клятвопреступниковъ и въ другомъ мірѣ: винилъ себя во всѣхъ бѣдствіяхъ, ниспосланныхъ Богомъ на Россію, но не винился въ цареубійствахъ, приписывая убіеніе Ѳеодора и Маріи одному Разстригѣ; наконецъ, молилъ Іова, какъ святого мужа, благословить Василія, князей, бояръ, христолюбивое воинство и всѣхъ христіанъ, да восторжествуетъ царь надъ мятежниками и да насладится Россія счастіемъ тишины. Іовъ отвѣтствовалъ грамотою, заблаговременно но дѣйствительно имъ сочиненною, писанною извѣстнымъ его слогомъ, умилительно и не безъ искусства. Тотъ же діаконъ читалъ ее народу. Изобразивъ въ ней величіе Россіи, произведенное умомъ и счастіемъ ея монарховъ, хваля особенно государственный умъ Іоанна Грознаго, Іовъ соболѣзновалъ о гибельныхъ слѣдствіяхъ его преждевременной кончины и Димитріева закланія, но умолчалъ о виновникѣ онаго, нѣкогда любивъ и славивъ Бориса; напомнилъ единодушное избраніе Годунова въ цари и народное къ нему усердіе; дивился ослѣпленію россіянъ, прельщенныхъ бродягою; говорилъ: „Я давалъ вамъ страшную на себя клятву въ удостовѣреніе, что онъ самозванецъ: вы не хотѣли мнѣ вѣрить—и сдѣлалось, чему нѣтъ примѣра ни въ священной, ни въ свѣтской исторіи". Описавъ всѣ измѣны, бѣдствіе отечества и церкви, свое изгнаніе, гнусное цареубійство, если не совершенное, то, по крайней мѣрѣ, допущенное народомъ; воздавъ хвалу Василію, царю святому и праведному, за великодушное избавленіе Россіи отъ стыда и гибели,—Іовъ продолжалъ: „Вы знаете, убитъ ли Самозванецъ; знаете, что не осталось на землѣ и скареднаго тѣла его, а злодѣи дерзаютъ увѣрять Россію, что онъ живъ и есть истинный

Димитрій! Велики грѣхи наши передъ Богомъ и сіи времена послѣднія, когда вымыслы нелѣпые, когда сволочь мерзостная, тати, разбойники, бѣглые холопи могутъ столь ужасно возмущать отечество!“ Наконецъ, исчисливъ всѣ клятвопреступленія россіянъ, не исключая и данной Лжедимитрію присяги, Іовъ именемъ небеснаго милосердія, своимъ и всего духовенства объявлялъ имъ разрѣшеніе и прощеніе, въ надеждѣ, что они уже не измѣнятъ снова царю законному и добродѣтелію вѣрности, плодомъ чистаго раскаянія, умилостивятъ Всевышняго, да побѣдятъ враговъ и возвратятъ государству миръ съ тишиною.

Дѣйствіе было неописанное. Народу казалось, что тяжкіе узы клятвы спали съ него и что самъ Всевышній устами праведника изрекъ помилованіе Россіи. Плакали, радовались—и тѣмъ сильнѣе тронуты были вѣстію, что Іовъ, едва успѣвъ доѣхать изъ Москвы до Старицы, преставился. Мысль, что онъ, уже стоя на прагѣ вѣчности, бесѣдовалъ съ Москвою, умиляла сердца. Забыли въ немъ слугу Борисова; видѣли единственно мужа святого, который въ послѣднія минуты жизни и въ послѣднихъ моленіяхъ души своей ревностно занимался судьбою горестнаго отечества, умеръ, благословляя его и возвѣстивъ ему умилостивленіе Неба!

Но происшествія не соотвѣтствовали благопріятнымъ ожиданіямъ. Воеводы, посланные царемъ истребить скопища мятежниковъ, большею частію не имѣли успѣха. Мстиславскій, съ главнымъ войскомъ, обступивъ Калугу, стрѣлялъ изъ тяжелыхъ пушекъ, дѣлалъ приметъ къ укрѣпленіямъ, издали велъ къ нимъ деревянную гору и хотѣлъ зажечь ее вмѣстѣ съ тыномъ острога; но Болотниковъ подкопомъ взорвалъ сію гору, не зналъ и не давалъ успокоенія осаждающимъ, сражался день и ночь, не жалѣлъ ни людей, ни себя, обливался кровію въ битвахъ непрестанныхъ и выходилъ изъ оныхъ побѣдителемъ, доказывая, что ожесточеніе злодѣйства можетъ иногда уподобляться геройству добродѣтели. Онъ боялся не смерти, а долговременной осады, предвидя необходимость сдаться отъ голода, ибо не успѣлъ запастися хлѣбомъ. Разбойники калужскіе ѣли лошадей, не жаловались и не слабѣли въ сѣчахъ. Царь велѣлъ снова обѣщать милость ихъ атаману, если покорится; отвѣтомъ его было: „жду милости единственно отъ Димитрія!“ Тщетно прибѣгали и къ средствамъ, менѣе законнымъ: московскій лѣкарь Фидлеръ вызвался отравить главнаго злодѣя, далъ на себя страшную клятву и, взявъ 100 флориновъ, обманулъ Василія, уѣхалъ въ Калугу служить за деньги Болотникову, изъ любви къ Разстригѣ. Неудачная осада продолжалась четыре мѣсяца.

Другіе воеводы, встрѣтивъ непріятеля въ полѣ, бѣжали: Хо-

ванскій отъ Михайлова въ Переяславль-Рязанскій, Хилковъ отъ Венева въ Каширу, Воротынскій отъ Тулы въ Алексинъ, на голову разбитый предводителемъ измѣнниковъ княземъ Андреемъ Телятевскимъ, который успѣлъ прежде его занять и Тулу, и Дѣдиловъ. Только Измайловъ и Пушкинъ честно сдѣлали свое дѣло: первый, разсѣявъ многочисленную шайку измѣнника князя Михайла Долгорукаго, осадилъ мятежниковъ въ Козельскѣ; второй спасъ Нижній-Новгородъ, усмирилъ бунтъ въ Арзамасѣ, въ Ардатовѣ и еще приспѣлъ къ Хилкову въ Коширу, чтобы идти съ нимъ къ Серебрянымъ Прудамъ, гдѣ они истребили скопище злодѣевъ и взяли ихъ двухъ начальниковъ, князя Ивана Мосальскаго и литвина Сторовскаго, но близъ Дѣдилова были разбиты сильными дружинами Телятевскаго и въ безпорядкѣ отступили къ Коширѣ. Воевода Ададуровъ положилъ голову на мѣстѣ сей несчастной битвы и множество бѣглецовъ утонуло въ рѣкѣ Шатѣ. Бояринъ Шереметевъ, коему надлежало усмирить Астрахань, не могъ взять города, укрѣпился на островѣ Болдинскомъ, и, не взирая на зимній холодъ, нужду, смертоносную цингу въ своемъ войскѣ, отражалъ всѣ приступы тамошнихъ бунтовщиковъ, которые въ изступленіи ярости мучили, убивали плѣнныхъ. Глава ихъ, князь Хворостининъ, объявилъ самого Шереметева измѣнникомъ, грозилъ ему лютѣйшею казнію и звалъ ногайскихъ владѣтелей подъ знамена Димитрія. Но царь уже не думалъ о томъ, что происходило въ отдаленной Астрахани, когда судьба его и царства рѣшилась за 160 верстъ отъ столицы.

Ежедневно надѣясь побѣдить Болотникова, если не мечомъ, то голодомъ, надѣясь, что Воротынскій въ Алексинѣ и Хилковъ въ Коширѣ заслоняютъ осаду Калуги и блюдутъ безопасность Москвы, главный воевода князь Мстиславскій отрядилъ бояръ Ивана Никитича Романова, Михайла Нагого и князя Мезецкаго противъ злодѣя Василія Мосальскаго, который шелъ съ своими толпами Бѣлевскою дорогою къ Калугѣ. Они сразились съ непріятелемъ на берегу Вырки смѣло и мужественно. Цѣлые сутки продолжалась битва. Мосальскій палъ, оказавъ храбрость, достойную лучшей цѣли. Такъ пали и многіе клевреты его: уже не имѣя вождя, тѣснимые, разстроенные, не хотѣли бѣжать ни сдаться, умирали въ сѣчѣ; другіе зажгли свои пороховыя бочки и взлетѣли на воздухъ, какъ жертвы остервенѣнія, свойственнаго только войнамъ междоусобнымъ. Романовъ, дотолѣ извѣстный единственно великодушнымъ терпѣніемъ въ несчастіи, удостоился благодарности царя и золотой медали за оказанную имъ доблесть.

Но измѣнники въ другомъ мѣстѣ были счастливѣе. Они, подобно царю, соображали свои дѣйствія наступительныя, слѣдуя

общей мысли и стремясь съ разныхъ сторонъ къ одной цѣли: освободить Болотникова. Гибель Мосальскаго не устрашила Телятевскаго, который также шелъ къ Калугѣ и также встрѣтилъ московскихъ воеводъ князей Татева, Черкасскаго и Борятинскаго, высланныхъ Мстиславскимъ изъ Калужскаго стана. Въ жестокой битвѣ на Пчелнѣ легли Татевъ и Черкасскій со многими изъ добрыхъ воиновъ; остальные спаслися бѣгствомъ въ станъ Калужскій и привели его въ ужасъ, коимъ воспользовался Болотниковъ: сдѣлалъ вылазку и разогналъ войско, еще многочисленное; всѣ обратили тылъ, кромѣ юнаго князя Скопина-Шуйскаго и витязя Истомы Пашкова, уже вѣрнаго слуги царскаго: они упорнымъ боемъ дали время малодушнымъ бѣжать, спасая если не честь, то жизнь ихъ; отступили, сражаясь, къ Боровску, гдѣ несчастный Мстиславскій и другіе воеводы соединили разсѣянные остатки войска, бросивъ пушки, обозъ, запасы въ добычу непріятелю. Еще хуже робости была измѣна: 15.000 воиновъ царскихъ, и въ числѣ ихъ около ста нѣмцевъ, пристали къ мятежникамъ. Узнавъ, что сдѣлалось подъ Калугою, Измайловъ снялъ осаду Козельска, по крайней мѣрѣ не кинулъ снаряда огнестрѣльнаго и засѣлъ въ Мещовскѣ.

Сіи вѣсти поразили Москву. Шуйскій снова колебался на престолѣ, но не въ душѣ: созвалъ духовенство, бояръ, людей чиновныхъ; предложилъ имъ мѣры спасенія, далъ строгіе указы, требовалъ немедленнаго исполненія и грозилъ казнію ослушникамъ. Всѣ россіяне, годные для службы, должны были спѣшить къ нему съ оружіемъ, монастыри запасти столицу хлѣбомъ на случай осады и самые иноки готовиться къ ратнымъ подвигамъ за вѣру. Употребили и нравственное средство: святители предали анаѳемѣ Болотникова и другихъ извѣстныхъ, главныхъ злодѣевъ, чего царь не хотѣлъ дотолѣ, въ надеждѣ на ихъ раскаяніе. Время было дорого; къ счастію, мятежники не двигались впередъ, ожидая Илейки, который съ послѣдними силами и съ Шаховскимъ еще шелъ къ Тулѣ. 21 мая Василій сѣлъ на ратнаго коня и самъ вывелъ войско, приказавъ Москву брату Димитрію Шуйскому, князьямъ Одоевскому и Трубецкому, а всѣхъ иныхъ бояръ, окольничихъ, думныхъ дьяковъ и дворянъ взявъ съ собою подъ царское знамя, коего уже давно не видали въ полѣ съ такимъ блескомъ и множествомъ сановниковъ. Уже не стыдились идти всѣмъ царствомъ на скопище злодѣевъ храбрыхъ! Близъ Серпухова соединились съ Василіемъ Мстиславскій и Воротынскій, оба какъ бѣглецы въ уныніи стыда. Довольный числомъ, но боясь робости сподвижниковъ, царь умѣлъ одушевить ихъ своимъ великодушіемъ; въ присутствіи ста тысячъ воиновъ, цѣлуя крестъ, громогласно произнесъ обѣтъ возвратиться

въ Москву побѣдителемъ или умереть; онъ не требовалъ клятвы отъ другихъ, какъ бы опасаясь ввести слабыхъ въ новый грѣхъ вѣроломства, и далъ ее въ твердой рѣшимости исполнить. Казалось, что Россія нашла царя, а царь нашелъ подданныхъ: всѣ съ ревностію повторили обѣтъ Василіевъ—и на сей разъ не измѣнили.

Свѣдавъ, что Илейка съ Шаховскимъ уже въ Тулѣ и что Болотниковъ къ нимъ присоединился, Василій послалъ князей Андрея Голицына, Лыкова и Прокопія Ляпунова въ Кöширѣ. Самозванецъ Петръ, какъ главный предводитель злодѣевъ, велѣлъ также занять сей городъ Телятевскому. Рати сошлись на берегахъ Восми; началось дѣло кровопролитное и мятежники одолѣвали; но Голицынъ и Лыковъ кинулись въ пылъ битвы съ восклицаніемъ: „Нѣтъ для насъ бѣгства; одна смерть или побѣда!“ и сильнымъ, отчаяннымъ ударомъ смяли непріятеля. Телятевскій ушелъ въ Тулу, оставивъ москвитянамъ всѣ свои знамена, пушки, обозы; гнали бѣгущихъ на пространствѣ тридцати верстъ и взяли 5.000 плѣнныхъ. Храбрѣйшіе изъ злодѣевъ, казаки терскіе, яицкіе, донскіе, украинскіе, числомъ 1.700, засѣли въ оврагахъ и стрѣляли; уже не имѣли пороха и все еще не сдавались; ихъ взяли силою на третій день и казнили, кромѣ семи человѣкъ, помилованныхъ за то, что они спасли нѣкогда жизнь вѣрнымъ дворянамъ, которые были въ рукахъ у злодѣя Илейки,—черта достохвальная въ самой неумолимой мести!

Обрадованный столь важнымъ успѣхомъ и геройствомъ воеводъ своихъ еще болѣе, нежели числомъ враговъ истребленныхъ, Василій изъявилъ Голицыну и Лыкову живѣйшую благодарность; двинулся къ Алексину, выгналъ оттуда мятежниковъ, шелъ къ Тулѣ. Еще злодѣи хотѣли отвѣдать счастія, и въ семи верстахъ отъ города, на рѣчкѣ Воронеѣ, сразились съ полкомъ князя Скопина-Шуйскаго, стояли въ мѣстѣ крѣпкомъ, въ лѣсу, между топями и долго противились; наконецъ москвитяне зашли имъ въ тылъ, смѣшали ихъ и вогнали въ городъ; нѣкоторые вломились даже за ними въ улицы, но тамъ пали, ибо воеводы безъ царскаго указа не дерзнули на общій приступъ, а царь жалѣлъ людей или опасался неудачи, зная, что въ Тулѣ было еще не менѣе двадцати тысячъ злодѣевъ отчаянныхъ,— россіяне умѣли оборонять крѣпости, не умѣя брать ихъ. Обложили Тулу. Князь Андрей Голицынъ занялъ дорогу Каширскую; Мстиславскій, Скопинъ и другіе воеводы—Кропивинскую; тяжелый снарядъ огнестрѣльный разставили за турами близъ рѣки Упы; далѣе, въ трехъ верстахъ отъ города, шатры царскіе. Началась осада, медленная и кровопролитная, подобно Калужской: тотъ же Болотниковъ и съ тою же смѣлостію бился въ вылазкахъ; прези-

рая смерть, казался и невредимымъ, и неутомимымъ: три-четыре раза въ день нападалъ на осаждающихъ, которые одерживали верхъ единственно превосходствомъ силы и не могли хвалиться дѣйствіемъ своихъ тяжелыхъ стѣнобитныхъ орудій, стрѣляя только издали и не мѣтко. Воеводы московскіе взяли Дѣдиловъ, Кропивну, Епифань и не пускали никого ни въ Тулу, ни изъ Тулы. Василій хотѣлъ одолѣть ея жестокое сопротивленіе голодомъ, чтобы въ одномъ гнѣздѣ захватить всѣхъ главныхъ злодѣевъ и тѣмъ прекратить бѣдственную войну междоусобную. „Но Россія,— говоритъ лѣтописецъ,— утопала въ пучинѣ крамолъ и волны стремились за волнами: рушились однѣ, поднимались другія“.

Замышляя измѣну, Шаховскій надѣялся, вѣроятно, одною сказкою о царѣ-изгнанникѣ низвергнуть Василія и дать Россіи иного вѣнценосца, новаго ли бродягу, или кого-нибудь изъ вельможъ, знаменитыхъ родомъ, если, не взирая на свою дерзость, не смѣлъ мечтать о коронѣ для самого себя; но, обманутый надеждой, уже стоялъ на краю бездны. Ежедневно уменьшались силы, запасы и ревность стѣсненныхъ въ Тулѣ мятежниковъ, которые спрашивали: „Гдѣ же тотъ, за кого умираемъ? гдѣ Димитрій?“ Шаховскій и Болотниковъ клялись имъ: первый—что царь въ Литвѣ; второй—что онъ видѣлъ его тамъ собственными глазами. Оба писали въ Галицію, къ ближнимъ и друзьямъ Мнишковымъ, требуя отъ нихъ какого-нибудь Димитрія или войска, предлагая даже Россію ляхамъ такими словами: „Отъ границы до Москвы все наше: придите и возьмите; только избавьте насъ отъ Шуйскаго“. Съ письмами и наказомъ послали въ Литву атамана казаковъ днѣпровскихъ Ивана Мартинова Заруцкаго, смѣлаго и лукаваго: умѣвъ ночью пройти сквозь станъ московскій, онъ не хотѣлъ ѣхать далѣе Стародуба, жилъ въ семъ городѣ безопасно и питалъ въ гражданахъ ненависть къ Василію. Послали другого вѣстника, который достигъ Сендомира, не нашелъ тамъ никакого Димитрія, но заставилъ ближнихъ Мнишковыхъ искать его: искали и нашли бродягу, жителя Украйны, сына поповскаго Матвѣя Веревкина, какъ увѣряютъ лѣтописцы, или жида, какъ сказано въ современныхъ бумагахъ государственныхъ. Сей самозванецъ и видомъ и свойствами отличался отъ Разстриги: былъ грубъ, свирѣпъ, корыстолюбивъ до низости; только, подобно Отрепьеву, имѣлъ дерзость въ сердцѣ и нѣкоторую хитрость въ умѣ; владѣлъ искусно двумя языками, русскимъ и польскимъ; зналъ твердо св. писаніе и кругъ церковный; разумѣлъ, если вѣрить одному чужеземному историку, и языкъ еврейскій, читалъ Талмудъ, книги раввиновъ, среди самыхъ опасностей воинскихъ; хвалился мудростію и предвидѣніемъ будущаго. Панъ Мѣховецкій, другъ перваго обманщика, сдѣлался руководителемъ и наставникомъ

второго; впечатлѣлъ ему въ память всѣ обстоятельства и случаи Лжедимитріевой исторіи,—открылъ много и тайнаго, чтобы изумлять тѣмъ любопытныхъ; взялъ на себя чинъ его гетмана, пригласилъ сподвижниковъ, какъ нѣкогда воевода Сендомирскій, чтобы возвратить державному изгнаннику царство; находилъ менѣе легковѣрныхъ, но столько же, или еще болѣе, ревнителей славы или корысти. „Не спрашивали,—говоритъ историкъ польскій,—истинный ли Димитрій или обманщикъ зоветъ воителей? Довольно было того, что Шуйскій сидѣлъ на престолѣ, обагренномъ кровію ляховъ. Война ливонская кончилась: юношество, скучая праздностію, кипѣло любовію къ ратной дѣятельности, не ждало указа королевскаго и рѣшенія чиновъ государственныхъ, хотѣло и могло дѣйствовать самовольно", но, конечно, съ тайнаго одобренія Сигизмундова и пановъ думныхъ. Богатые давали деньги бѣднымъ на предпріятіе, коего цѣлію было расхищеніе цѣлой державы. Выставили знамена, образовалось войско, и вѣсть за вѣстію приходила къ жителямъ сѣверскимъ, что скоро будетъ у нихъ Димитрій.

Наконецъ, 1-го августа, явились въ Стародубѣ два человѣка; одинъ именовалъ себя дворяниномъ Андреемъ Нагимъ, другой Алексѣемъ Рукинымъ, московскимъ подьячимъ; они сказали народу, что Димитрій недалеко съ войскомъ и велѣлъ ему ѣхать впередъ, узнать расположеніе гражданъ: любятъ ли они своего царя законнаго? хотятъ ли служить ему усердно? Народъ единодушно воскликнулъ: „гдѣ онъ? гдѣ отецъ нашъ? идемъ къ нему всѣ головами". Онъ здѣсь,—отвѣтствовалъ Рукинъ,—и замолчалъ, какъ бы устрашаясь своей нескромности. Тщетно граждане убѣждали его изъясниться,—вышли изъ терпѣнія, схватили и хотѣли пытать безмолвнаго упрямца; тогда Рукинъ объявилъ имъ, что мнимый Андрей Нагой есть Димитрій. Никто не усомнился: всѣ кинулись лобызать ноги пришельца, вопили: „Хвала Богу! нашлося сокровище нашихъ душъ!" Ударили въ колокола, пѣли молебны, честили самозванца, коего прислалъ Мѣховецкій, готовясь идти вслѣдъ за нимъ съ войскомъ,—прислалъ съ однимъ клевретомъ безоруженнаго, беззащитнаго, по тайному уговору, какъ вѣроятно, съ главными стародубскими измѣнниками, желая доказать ляхамъ, что они могутъ надѣяться на россіянъ въ войнѣ за Димитрія. Путивль, Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскій, едва услышавъ о прибытіи Лжедимитрія и, еще не видя знаменъ польскихъ, спѣшили изъявить ему свое усердіе и дать воиновъ. Заблужденіе уже не извиняло злодѣйства: многіе изъ сѣверянъ знали перваго Самозванца и слѣдственно знали обманъ, видя второго человѣка, имъ извѣстнаго; но славили его какъ царя истиннаго, отъ ненависти къ Шуйскому, отъ буйности и любви

къ мятежу. Такъ атаманъ Заруцкій, бывъ наперстникомъ Разстригинымъ, упалъ къ ногамъ стародубскаго обманщика, увѣряя, что будетъ служить ему съ прежнею ревностію, и безстыдно исчисляя опасности и битвы, въ коихъ они будто бы вмѣстѣ храбровали. Но были и легковѣрные, съ горячимъ сердцемъ и воображеніемъ, слабые умомъ, твердые душою. Такимъ оказался одинъ стародубецъ, сынъ боярскій: взялъ и вручилъ царю, въ станѣ подъ Тулою, письмо отъ городовъ сѣверскихъ, въ которомъ мятежники совѣтовали Шуйскому уступить престолъ Димитрію и грозили казнію въ случаѣ упорства. Сей посолъ дерзнулъ сказать въ глаза Василію то же, называя его не царемъ, а злымъ измѣнникомъ; терпѣлъ пытку, хваляся вѣрностію къ Димитрію, и былъ сожженъ въ пепелъ, не изъявивъ ни чувствительности къ мукамъ, ни сожалѣнія о жизни, въ изступленіи о ревности удивительной.

Василій, узнавъ о семъ явленіи самозванца, о семъ новомъ движеніи и скопищѣ мятежниковъ въ южной Россіи, отрядилъ воеводъ—князей Литвинова-Мосальскаго и Третьяка-Сеитова къ ея предѣламъ. Первый сталъ у Козельска, второй занялъ Лихвинъ, Бѣлевъ и Болховъ. Скоро услышали, что Мѣховецкій уже въ Стародубѣ съ сильными литовскими дружинами; что Заруцкій призвалъ нѣсколько тысячъ казаковъ и соединилъ ихъ съ толпами сѣверскими; что Лжедимитрій, выступивъ въ поле, идетъ къ Тулѣ. Воеводы царскіе не могли спасти Брянска и велѣли зажечь его, когда жители вышли съ хлѣбомъ и солью навстрѣчу къ мнимому Димитрію. Въ сіе время одинъ изъ польскихъ друзей его, Николай Харлевскій, исполненный къ нему усердія и надежды завоевать Россію, писалъ къ своимъ ближнимъ въ Литву слѣдующее письмо любопытное: „Царь Димитрій и всѣ наши благородные витязи здравствуютъ. Мы взяли Брянскъ, сожженный людьми Шуйскаго, которые вывезли оттуда всѣ сокровища и бѣжали такъ скоро, что ихъ нельзя было настигнуть. Димитрій теперь въ Карачевѣ, ожидая знатнѣйшаго вспоможенія изъ Литвы. Съ нимъ нашихъ 5.000, но многіе вооружены худо... Зовите къ намъ всѣхъ храбрыхъ, прельщайте ихъ и славою, и жалованьемъ царскимъ. У васъ носится слухъ, что сей Димитрій есть обманщикъ: не вѣрьте. Я самъ сомнѣвался и хотѣлъ видѣть его; увидѣлъ—и не сомнѣваюсь. Онъ набоженъ, трезвъ, уменъ, чувствителенъ; любитъ военное искусство, любитъ нашихъ, милостивъ и къ измѣнникамъ: дастъ плѣннымъ волю служить ему или снова Шуйскому. Но есть злодѣи; опасаясь ихъ, Димитрій никогда не спитъ на своемъ царскомъ ложѣ, гдѣ только для вида велитъ быть стражѣ: положивъ тамъ кого-нибудь изъ русскихъ, самъ уходитъ ночью къ гетману или ко мнѣ, и возвращается домой

на разсвѣтѣ. Часто бываетъ тайно между воинами, желая слышать ихъ рѣчи, и все знаетъ. Зная даже и будущее, говоритъ, что ему властвовать не долѣе трехъ лѣтъ; что лишится престола измѣною, но опять воцарится и распространитъ государство. Безъ прибытія новыхъ, сильнѣйшихъ дружинъ польскихъ, онъ не думаетъ спѣшить къ Москвѣ, если возьметъ и самого Шуйскаго, который въ ужасѣ, въ смятеніи снялъ осаду Тулы; всѣ бѣгутъ отъ него къ Димитрію"... Но самозванецъ, оставивъ за собою Болховъ, Бѣлевъ, Козельскъ и, разбивъ князя Литвинова - Мосальскаго близъ Мещовска, на пути къ Тулѣ свѣдалъ, что въ ней славится уже не Димитріево, а Василіево имя.

Еще мятежники оборонялись тамъ усиленно до конца лѣта, хотя и терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, въ хлѣбѣ и соли. Счастливая мысль одного воина дала царю способъ взять сей городъ безъ кровопролитія. Муромецъ, сынъ боярскій, именемъ Суминъ Кровковъ, предложилъ Василію затопить Тулу, изъяснилъ возможность успѣха и ручался въ томъ жизнію. Приступили къ дѣлу, собрали мельниковъ, велѣли ратникамъ носить землю въ мѣшкахъ на берегъ Упы, ниже города и запрудили рѣку деревянною плотиною: вода поднялася, вышла изъ береговъ, влилась въ острогъ, въ улицы и дворы, такъ что осажденные ѣздили изъ дому въ домъ на лодкахъ; только высокія мѣста остались сухи и казались грядами острововъ. Битвы, вылазки пресѣклись. Ужасъ потопа и голода смирилъ мятежниковъ: они ежедневно цѣлыми толпами приходили въ станъ къ царю, винились, требовали милосердія и находили его всѣ безъ исключенія. Главные злодѣи еще нѣсколько времени упорствовали; наконецъ и Телятевскій, Шаховскій, самъ непреклонный Болотниковъ извѣстили Василія, что готовы передать ему Тулу и самозванца Петра, если царскимъ словомъ удостовѣрены будутъ въ помилованіи, или, въ противномъ случаѣ, умрутъ съ оружіемъ въ рукахъ, и скорѣе съѣдятъ другъ друга отъ голода, нежели сдадутся. Уже зная, что новый Лжедимитрій недалеко, Василій обѣщалъ милость,—и 10 октября бояринъ Колычевъ, вступивъ въ Тулу съ воинами московскими, взялъ подлѣйшаго изъ злодѣевъ, Илейку. Болотниковъ явился, съ головы до ногъ вооруженный, передъ шатрами царскими, сошелъ съ коня, обнажилъ саблю, положилъ ее себѣ на шею, палъ ницъ и сказалъ Василію: „Я исполнилъ обѣтъ свой: служилъ вѣрно тому, кто называлъ себя Димитріемъ въ Сендомирѣ: обманщикъ или царь истинный—не знаю; но онъ выдалъ меня. Теперь я въ твоей власти: вотъ сабля, если хочешь головы моей; когда же оставишь мнѣ жизнь, то умру въ твоей службѣ усерднѣйшимъ изъ рабовъ вѣрныхъ". Онъ угадывалъ, кажется, свою долю. Миловать такихъ злодѣевъ есть преступле-

віе; но Василій обѣщалъ и не хотѣлъ явно нарушить слова: Болотникова, Шаховского и другихъ начальниковъ мятежа отправили, вслѣдъ за скованнымъ Илейкою, въ Москву съ приставами; а князя Телятевскаго, знатнѣйшаго и тѣмъ виновнѣйшаго измѣнника, изъ уваженія къ его именитымъ родственникамъ, не лишили слободы, ни боярства, къ посрамленію сего вельможнаго достоинства и къ соблазну государственному, — слабость безстыдная, вреднѣйшая жестокости!

Но общая радость все прикрывала. Взятіе Тулы праздновали какъ завоеваніе Казанскаго царства или Смоленскаго княжества, и, желая, чтобы сія радость была еще искреннѣе для войска утомленнаго, царь далъ ему отдыхъ: уволилъ дворянъ и дѣтей боярскихъ въ ихъ помѣстья, свѣдавъ, что Лжедимитрій, испуганный судьбою Лжепетра, ушелъ назадъ къ Трубчевскому. Вопреки опыту, презирая новаго врага Россіи, Василій не спѣшилъ истребить его; послалъ только легкія дружины къ Брянску, а конницу черемисскую и татарскую въ Сѣверскую землю для грабежа и казни виновныхъ ея жителей: не хотѣлъ ждать, чтобы сдалась Калуга, гдѣ еще держались клевреты Болотникова съ атаманомъ Скотницкимъ, велѣлъ осаждать ее малочисленной рати и возвратился въ столицу. Москва встрѣтила его какъ побѣдителя. Онъ въѣзжалъ съ необыкновенною пышностію, съ двумя тысячами нарядныхъ всадниковъ, въ богатой колесницѣ, на прекрасныхъ бѣлыхъ коняхъ; умиленно слушалъ рѣчь патріарха, видѣлъ знаки народнаго усердія и казался счастливымъ! Три дня славили въ храмахъ милость Божію къ Россіи; пять дней молился Василій въ лаврѣ св. Сергія и заключилъ церковное торжество дѣйствіемъ государственнаго правосудія: злодѣя Илейку повѣсили на Серпуховской дорогѣ, близъ Данилова монастыря. Болотникова, атамана Ѳедора Нагибу и строптивѣйшихъ мятежниковъ отвезли въ Каргополь и тайно утопили. Шаховского сослали въ каменную пустыню Кубенскаго озера, а вѣроломныхъ нѣмцевъ, взятыхъ въ Тулѣ, числомъ 52, и съ ними медика Филлера въ Сибирь. Всѣхъ другихъ плѣнниковъ оставили безъ наказанія и свободными. Калуга, Козельскъ еще противились; вся южная Россія, отъ Десны до устья Волги, за исключеніемъ немногихъ городовъ, признавала царемъ своимъ мнимаго Димитрія; сей злодѣй, отступивъ, ждалъ времени и новыхъ силъ, чтобы идти впередъ, а Москва, утомленная тревогами, наслаждалась тишиною послѣ ужасной грозы и предъ ужаснѣйшею! Испытавъ умъ, твердость царя и собственное мужество, вѣрные россіяне думали, что главное сдѣлано, хотѣли временнаго успокоенія и надѣялись легко довершить остальное.

Такъ думалъ и самъ Василій. Бывъ дотолѣ въ непрестанныхъ

заботахъ и въ безпокойствѣ, мысливъ единственно о спасеніи царства и себя отъ гибели, онъ вспомнилъ, наконецъ, о своемъ счастіи и невѣстѣ,—жестокою политикою лишенный удовольствія быть супругомъ и отцомъ въ лѣтахъ цвѣтущихъ спѣшилъ вкусить его хотя въ лѣтахъ преклонныхъ, и женился на Маріи, дочери боярина князя Петра Ивановича Буйносова-Ростовскаго. Вѣрить ли сказанію одного лѣтописца, что сей бракъ имѣлъ слѣдствія бѣдственныя; что Василій, алчный къ наслажденіямъ любви, столь долго ему неизвѣстнымъ, предался нѣгѣ, роскоши, лѣности: началъ слабѣть и въ государственной и въ ратной дѣятельности, среди опасности засыпать духомъ и своимъ небреженіемъ охладилъ ревность лучшихъ совѣтниковъ думы, воеводъ и воиновъ, въ царствѣ самодержавномъ, гдѣ все живетъ и движется царемъ, съ нимъ бодрствуетъ или дремлетъ? Но согласно ли такое очарованіе любви съ природными свойствами человѣка, который въ недосугахъ заговора и властвованія смутнаго цѣлые два года забывалъ милую ему невѣсту? И какое очарованіе могло устоять противъ такихъ бѣдствій?

По крайней мѣрѣ до сего времени Василій бодрствовалъ не только въ усиліяхъ истребить мятежниковъ, но съ удивительнымъ хладнокровіемъ, едва избавивъ отъ нихъ Москву, занимался и земскими или государственными уставами и способами народнаго образованія, какъ бы среди глубокаго мира. Въ мартѣ 1607 года, имѣвъ торжественное разсужденіе съ патріархомъ, духовенствомъ и синклитомъ, онъ издалъ соборную грамоту о бѣглыхъ крестьянахъ, велѣлъ ихъ возвратить тѣмъ владѣльцамъ, за коими они были записаны въ книгахъ съ 1593 года, т.-е. подтвердилъ уложеніе Θеодора Іоанновича, но сказавъ, что оно есть дѣло Годунова, неодобренное боярами старѣйшими, и произвело въ началѣ много зла, неизвѣстнаго въ Іоанново время, когда земледѣльцы могли свободно переходить изъ селенія въ селеніе. Далѣе установлено въ сей грамотѣ, что принимающій чужихъ крестьянъ долженъ платить въ казну 10 рублей пени съ человѣка, а господамъ ихъ три рубля за каждое лѣто; что подговорщикъ, сверхъ денежной пени, наказывается кнутомъ; что мужъ бѣглой дѣвки или вдовы дѣлается рабомъ ея господина; что если господинъ не женитъ раба до двадцати лѣтъ, а рабы не выдастъ замужъ до восемнадцати, то обязанъ дать имъ волю и не имѣетъ права жаловаться на судѣ на ихъ бѣгство, даже и въ случаѣ кражи или сноса,—законъ благонамѣренный, полезный не только для размноженія людей, но и для чистоты нравственной.

Тогда же Василій велѣлъ перевести съ нѣмецкаго и латинскаго языковъ уставъ дѣлъ ратныхъ, желая, какъ сказано въ началѣ онаго, чтобы „россіяне знали всѣ новыя хитрости воинскія,

коими хвалятся Италія, Франція, Испанія, Австрія, Голландія, Англія, Литва и могли не только силѣ силою, но и смыслу смысломъ противиться съ успѣхомъ въ такое время, когда умъ человѣческій всего болѣе вперенъ въ науку, необходимую для благосостоянія и славы государствъ,—въ науку побѣждать враговъ и хранить цѣлость земли своей“. Ничто не забыто въ сей любопытной книгѣ: даны правила для образованія и раздѣленія войска, для строя, похода, становъ, обоза, движеній пѣхоты и конницы, стрѣльбы пушечной и ружейной, осады и приступовъ, съ ясностію и точностію. Не забыты и нравственныя средства. Предъ всякою битвою надлежало воеводѣ ободрять воиновъ лицомъ веселымъ, напоминать имъ отечество и присягу; говорить: „я буду впереди... Лучше умереть съ честію, нежели жить безчестно“, и съ симъ вручать себя Богу.

Угождая народу своею любовію къ старымъ обычаямъ русскимъ, Василій не хотѣлъ однакожъ, въ угодность ему, гнать иноземцевъ; не оказывалъ къ нимъ пристрастія, коимъ упрекали Разстригу и даже Годунова, но не давалъ ихъ въ обиду мятежной черни, выслалъ ревностныхъ тѣлохранителей Лжедимитріевыхъ и четырехъ медиковъ германскихъ за тѣсную связь съ поляками, оставивъ лучшаго изъ нихъ лѣкаря Вазмера при себѣ; но старался милостію удержать всѣхъ честныхъ нѣмцевъ въ Москвѣ и въ царской службѣ, какъ воиновъ, такъ и людей ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ, любя гражданское образованіе и зная, что они нужны для успѣховъ его въ Россіи; однимъ словомъ, имѣлъ желаніе, не имѣлъ только времени сдѣлаться просвѣтителемъ отечества... и въ какой вѣкъ! въ какихъ обстоятельствахъ ужасныхъ!

ГЛАВА II.

Продолженіе Василіева царствованія.

1607 — 1609 Г.

Бѣгство воеводъ отъ Калуги.—Самозванецъ усиливается.—Дѣло знаменитое.—Грамота Лжедимитріева.—Предложеніе шведовъ.—Побѣда Лисовскаго.—Побѣда Самозванца.—Ужасъ въ Москвѣ.—Измѣна воеводъ.—Самозванецъ въ Тушинѣ.—Перемиріе съ Литвою.—Коварство ляховъ.—Побѣда Сапѣги.—Марина и Мнишекъ у Самозванца.—Скопинъ посланъ къ шведамъ.—Бѣгство къ Самозванцу.—Развратъ въ Москвѣ.—Знаменитая осада Лавры.—Измѣна городовъ. — Ужасное состояніе Россіи. — Тушино. — Договоръ Самозванца съ Мнишкомъ. — Польша объявляетъ войну Россіи. — Крайность Россіи и перемѣна къ лучшему.

Въ то время, когда Москва праздновала Василіево бракосочетаніе, война междоусобная уже снова пылала.

Калуга упорствовала въ бунтѣ. Отъ имени царя ѣздилъ къ ея жителямъ и людямъ воинскимъ прощенный измѣнникъ атаманъ Беззубцевъ, съ убѣжденіемъ смириться. Они сказали: „Не знаемъ царя, кромѣ Димитрія: ждемъ и скоро его увидимъ". Вѣроятно, что явленіе втораго Лжедимитрія было имъ уже извѣстно. Василій, жалѣя утомлять войско трудами зимней осады, предложилъ весьма неосторожно, четыремъ тысячамъ донскихъ мятежниковъ, которые въ битвѣ подъ Москвою ему сдалися, загладить вину свою взятіемъ Калуги. Донцы изъявили не только согласіе, но и живѣйшую ревность, клялись оказать чудеса храбрости; прибыли въ калужскій станъ къ государевымъ воеводамъ и чрезъ нѣсколько дней взбунтовались, такъ что устрашенные воеводы бѣжали отъ нихъ въ Москву. Часть мятежниковъ вступила въ Калугу; другіе ушли къ Самозванцу.

Сей наглый обманщикъ недолго былъ въ бездѣйствіи. Дружины за дружинами приходили къ нему изъ Литвы, конныя и пѣхотныя, съ вождями знатными: въ числѣ ихъ находились мозырскій хорунжій Іосифъ Будзило, паны Тишкевичи и Лисовскій, бѣглецъ, за какое-то преступленіе осужденный на казнь въ своемъ отечествѣ, смѣлостію и мужествомъ витязь, ремесломъ—грабитель. Узнавъ, что Василій распустилъ главное войско, Лжедимитрій, по совѣту Лисовскаго, немедленно выступилъ изъ Трубчевска съ семью тысячами ляховъ, осмью тысячами казаковъ и немалымъ числомъ россіянъ. Воеводы царскіе князь Михайло Кашинъ и Ржевскій укрѣпились въ Брянскѣ. Самозванецъ осадилъ его, но не могъ взять отъ храбрости защитниковъ, которые терпѣли голодъ, ѣли лошадей и, не имѣя воды, доставали ее своею кровію, ежедневными вылазками и битвами. Рать Лжедимитріева усилилась шайками новыхъ донскихъ выходцевъ; они представили ему какого-то неизвѣстнаго бродягу, мнимаго царевича Ѳеодора, будто бы втораго сына Ирины. Но Лжедимитрій не хотѣлъ признать его племянникомъ и велѣлъ умертвить. Осада длилась, и Василій успѣлъ принять мѣры: бояринъ князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ изъ столицы, а князь Литвиновъ изъ Мещевска шли спасать Брянскъ. Литвиновъ первый съ дружинами московскими достигъ береговъ Десны, видѣлъ сей городъ и станъ Лжедимитріевъ на другой сторонѣ ея, но не могъ перейти туда, ибо рѣка покрывалась льдомъ. Осажденные также видѣли его; кричали своимъ московскимъ братьямъ: „Спасите насъ! не имѣемъ куска хлѣба!" и съ слезами простирали къ нимъ руки. Сей день (15 декабря 1607) остался памятнымъ въ нашей исторіи: Литвиновъ кинулся въ рѣку на конѣ, за Литвиновымъ всѣ, восклицая: „Лучше умереть, нежели выдать своихъ,—съ нами Богъ!" плыли, разгребая ледъ, подъ выстрѣлами непріятеля, изумленнаго такою

смѣлостію; вышли на берегъ и сразились. Кашинъ и Ржевскій сдѣлали вылазку. Непріятель между двумя огнями не устоялъ, смѣшался, отступилъ. Уже побѣда совершилась, когда приспѣлъ Куракинъ дивиться мужеству добрыхъ россіянъ и славить Бога русскаго; но самъ, какъ главный воевода, не отличился: только запасъ городъ всѣмъ нужнымъ для осады, укрѣпился на лѣвомъ берегу Десны и далъ время непріятелю образумиться. Рѣка стала. Лжедимитрій соединилъ полки свои и напалъ на Куракина. Бились мужественно, нѣсколько разъ, безъ рѣшительнаго слѣдствія, и войско царское, оставивъ Брянскъ, заняло Карачевъ. Не имѣя надежды взять ни того, ни другого города, Самозванецъ двинулся впередъ, мирно вступилъ въ Орелъ и написалъ оттуда слѣдующую грамоту къ своему мнимому тестю, воеводѣ Сендомирскому: „Мы Димитрій Іоанновичъ, Божіею милостію царь всея Россіи, великій князь московскій, дмитровскій, углицкій, городецкій... и другихъ многихъ земель и татарскихъ ордъ, Московскому царству подвластныхъ, государь и наслѣдникъ... Любезному отцу нашему! Судьбы Всевышняго непостижимы для ума человѣческаго. Все, что бываетъ въ мірѣ, искони предопредѣлено Небомъ, коего страшный судъ совершился и надо мною: за грѣхи ли нашихъ предковъ или за мои собственные изгнанный изъ отечества, и скитаясь въ земляхъ чуждыхъ, сколько терпѣлъ я бѣдствій и печали! Но Богъ же милосердый, не помянувъ моихъ беззаконій, и спасъ меня отъ измѣнниковъ, возвращаетъ мнѣ царство, караетъ нашихъ злодѣевъ, преклоняетъ къ намъ сердца людей, россіянъ и чужеземцевъ, такъ что надѣемся скоро освободить васъ и всѣхъ друзей нашихъ къ неописанной радости вашего сына. Богу единому слава! Да будетъ также вамъ извѣстно, что его величество король Сигизмундъ, нашъ пріятель, и вся Рѣчь Посполитая усердно содѣйствуютъ мнѣ въ отысканіи наслѣдственной державы“. Сія грамота, вѣроятно, не дошла до Мнишка, заключеннаго въ Ярославлѣ, но была, конечно, и писана не для него, а единственно для тѣхъ, которые еще могли вѣрить обману.

Самозванецъ зимовалъ въ Орлѣ спокойно, умножая число подданныхъ обольщеніемъ и силою; слѣдуя правилу Шаховского и Болотникова, возмущалъ крестьянъ: объявлялъ независимость и свободу тѣмъ, коихъ господа служили царю, жаловалъ холопей въ чины, давалъ помѣстья своимъ усерднымъ слугамъ, иноземцамъ и русскимъ. Тамъ прибыли къ нему знатные князья Рожинскій и Адамъ Вишневецкій, съ двумя или тремя тысячами всадниковъ. Первый, властолюбивый, надменный и необузданный, въ жаркой распрѣ собственною рукою умертвилъ Мѣховецкаго, друга, наставника Лжедимитріева, и заступилъ мѣсто убитаго,

сдѣлался гетманомъ бродяги, презираемаго имъ и всѣми умными ляхами.

Но Василій уже не могъ презирать сего злодѣя. Еще не думая оставить юной супруги и столицы, онъ ввѣрилъ рать любимому своему брату Дмитрію Шуйскому, князьямъ Василію Голицыну, Лыкову, Волконскому, Нагому, велѣлъ присоединиться къ нимъ Куракину, конницѣ татарской и мордовской, посланной еще изъ Тулы на Сѣверскую землю, и если не былъ, то, по крайней мѣрѣ, казался удостовѣреннымъ, что власть законная, не взирая на смятеніе умовъ въ Россіи, одолѣетъ крамолу. Въ сіе время чиновникъ шведскій Петрей, находясь въ Москвѣ, остерегалъ Василія, доказывая, что явленіе Лжедимитріевъ есть дѣло Сигизмунда и папы, желающихъ овладѣть Россіею, предлагалъ намъ, отъ имени Карла IX, союзъ и значительное вспоможеніе, но Василій, такъ же какъ и Годуновъ, сказалъ, что ему нуженъ только одинъ помощникъ—Богъ, а другихъ не надобно. Къ несчастію, онъ долженъ былъ скоро перемѣнить мысли.

Главный воевода Димитрій Шуйскій отличался единственно величавостью и спѣсью, не былъ ни любимъ, ни уважаемъ войскомъ, не имѣлъ ни духа ратнаго, ни прозорливости въ совѣтахъ и въ выборѣ людей, имѣлъ зависть къ достоинствамъ блестящимъ и слабость къ ласкателямъ коварнымъ; для того, вѣроятно, не взялъ юнаго, счастливаго витязя Скопина-Шуйскаго и для того взялъ князя Василія Голицына, знименитаго измѣнами. Рать московская остановилась въ Болховѣ, не дѣйствовала, за тогдашними глубокими снѣгами, до самой весны, и дала непріятелю усилиться. Шуйскій и сподвижники его, утружденные зимнимъ походомъ, съ семидесятью тысячами воиновъ отдыхали, а толпы Лжедимитріевы, не боясь ни морозовъ, ни снѣговъ, вездѣ разсыпались, брали города, жгли села и приближались къ Москвѣ. Начальники Рязани князь Хованскій и думный дворянинъ Ляпуновъ хотѣли выгнать мятежниковъ изъ Пронска, овладѣли его внѣшними укрѣпленіями и вломились въ городъ; но Ляпунова тяжело ранили, Хованскій отступилъ—и чрезъ нѣсколько дней, подъ стѣнами Зарайска, былъ наголову разбитъ паномъ Лисовскимъ, который оставилъ тамъ памятникъ своей побѣды, видимый и донынѣ: высокій курганъ, насыпанный надъ могилою убитыхъ въ семъ дѣлѣ россіянъ. Царю надлежало защитить Москву новымъ войскомъ. Писали къ Дмитрію Шуйскому, чтобы онъ не медлилъ, шелъ и дѣйствовалъ. Шуйскій, наконецъ, выступилъ, и верстахъ въ десяти отъ Болхова уже встрѣтилъ Самозванца.

Первый вступилъ въ дѣло князь Василій Голицынъ, и первый бѣжалъ; главное войско также дрогнуло, но запасное, подъ начальствомъ Куракина, смѣлымъ ударомъ остановило стремленіе

непріятеля. Бились долго и разошлись безъ побѣды. Съ честію пали многіе воины, московскіе и нѣмецкіе, коихъ главный сановникъ Ламсдорфъ тайно обѣщалъ Лжедимитрію передаться къ нему со всею дружиною, но пьяный забылъ о семъ уговорѣ, и не мѣшалъ ей отличаться мужествомъ въ битвѣ. Въ слѣдующій день возобновилось кровопролитіе и Шуйскій, излишне осторожный или робкій, велѣвъ преждевременно спасать тяжелыя пушки и везти назадъ къ Болхову, далъ мысль войску о худомъ концѣ сраженія, чѣмъ воспользовался Лжедимитрій, извѣщенный переметчикомъ (боярскимъ сыномъ Лихаревымъ), и сильнымъ нападеніемъ смялъ ряды москвитянъ; всѣ бѣжали, еще кромѣ нѣмцевъ: капитанъ Ламсдорфъ, уже не пьяный, предложилъ имъ братски соединиться съ ляхами, но многіе, сказавъ: „наши жены и дѣти въ Москвѣ“, ускакали вслѣдъ за россіянами. Остались 200 человѣкъ при знаменахъ съ Ламсдорфомъ, ждали чести отъ Лжедимитрія—и были изрублены казаками: гетманъ Рожинскій велѣлъ умертвить ихъ, какъ обманщиковъ, за кровь ляховъ, убитыхъ ими наканунѣ. Сія измѣна нѣмцевъ утаилась отъ Василія: онъ наградилъ ихъ вдовъ и сиротъ, думая, что Ламсдорфъ съ добрыми сподвижниками легъ за него въ жаркой сѣчѣ.

Царскіе воеводы и воины бѣжали къ Москвѣ; нѣкоторые съ княземъ Третьякомъ-Сеитовымъ, засѣли въ Болховѣ, другіе ушли въ домы. Болховъ, гдѣ находилось 5,000 людей ратныхъ, сдался Лжедимитрію; всѣ они присягнули ему въ вѣрности, выступили съ нимъ къ Калугѣ; но шли особенно, подъ начальствомъ князя Сеитова. Москва была въ ужасѣ. Бѣглецы, оправдывая себя, въ разсказахъ своихъ, умножали силы Самозванца, число ляховъ, казаковъ и россійскихъ измѣнниковъ, даже увѣряли, что сей второй Лжедимитрій есть одинъ человѣкъ съ первымъ, что они узнали его въ битвѣ по храбрости еще болѣе, нежели по лицу. Чернь начинала уже винить бояръ въ несчастной измѣнѣ Самозванцу ожившему и думала, въ случаѣ крайности, выдать ихъ ему головами; нѣкоторые только страшились, чтобы онъ, какъ волшебникъ, не увидѣлъ на нихъ крови истерзанныхъ ими ляховъ или своей собственной! Но въ то же время достойные россіяне, многіе дворяне и дѣти боярскіе, оставивъ семейства, изъ ближнихъ городовъ спѣшили въ столицу защитить царя въ опасности. Явились и мнимые измѣнники болховскіе, князь Третьякъ-Сеитовъ съ пятью тысячами воиновъ: удостовѣренные, что Самозванецъ есть подлый злодѣй, они ушли отъ него съ береговъ Оки въ Москву, извиняясь минутнымъ страхомъ и неволею. Василій составилъ новое войско и далъ начальство—къ несчастію, поздно—знаменитому князю Скопину и доброму боярину Ивану Романову. Сіе войско стало на берегахъ Незнани, между Москвою

и Калугою, ждало непріятеля и готовилось къ битвѣ, но едва не было жертвою гнуснаго заговора. Главные сподвижники Скопина и Романова, чистыхъ сердцемъ предъ людьми и Богомъ, не имѣли ихъ души благородной: воеводы князья Иванъ Катыревъ, Юрій Трубецкой, Троекуровъ, думая, что пришла гибель Шуйскихъ, какъ нѣкогда Годунова, и что лучше ускореніемъ ея снискать милость бродяги, какъ сдѣлалъ Басмановъ, нежели гибнуть вмѣстѣ съ царемъ злосчастнымъ, начали тайно склонять дворянъ и дѣтей боярскихъ къ измѣнѣ. Умыселъ открылся; Василій приказалъ ихъ схватить, везти въ Москву, пытать—и, несомнѣнно уличенныхъ, осудилъ единственно на ссылку изъ уваженія къ древнимъ родамъ княжескимъ: Катырева удалили въ Сибирь, Трубецкого—въ Тотьму, Троекурова—въ Нижній, но менѣе знатныхъ и менѣе виновныхъ преступниковъ, участниковъ злодѣйскаго кова, казнили: Желябовскаго и Невтева. Встревоженный симъ происшествіемъ и вѣстію, что Самозванецъ обходитъ станъ воеводъ царскихъ и приближается къ Москвѣ другимъ путемъ, государь велѣлъ имъ также идти къ столицѣ для ея защиты.

1 іюня Лжедимитрій, съ своими ляхами и россіянами, сталъ въ двѣнадцати верстахъ оттуда, на дорогѣ волоколамской, въ селѣ Тушинѣ, думая однимъ своимъ явленіемъ взволновать Москву и свергнуть Василія; писалъ грамоты къ ея жителямъ, и тщетно ждалъ отвѣта. Войско, вѣрное царю, заслоняло съ сей стороны городъ. Были кровопролитныя сшибки, но ничего не рѣшили. Увѣряютъ, что князь Рожинскій хотѣлъ взять Москву немедленнымъ приступомъ, но что Лжедимитрій сказалъ ему: Если разорите мою столицу, то гдѣ же мнѣ царствовать? если сожжете мою казну, то чѣмъ же будетъ мнѣ наградить васъ? „Сія жалость къ Москвѣ погубила его“—пишетъ историкъ чужеземный, который доброхотствовалъ злодѣю болѣе, нежели Россіи: „Самозванецъ щадилъ столицу, но не щадилъ государства, преданнаго имъ въ жертву ляхамъ и разбойникамъ. На пеплѣ Москвы скоро явилась бы новая; она уцѣлѣла, а вся Россія сдѣлалась пепелищемъ“. Но Самозванецъ, имѣя тысячъ пятнадцать ляховъ и казаковъ, пятьдесятъ или шестьдесятъ тысячъ россійскихъ измѣнниковъ, большею частію худо вооруженныхъ, дѣйствительно ли имѣлъ способъ взять Москву, обширную твердыню, гдѣ, кромѣ жителей, находилось не менѣе осьмидесяти тысячъ исправныхъ воиновъ подъ защитою крѣпкихъ стѣнъ и безчисленнаго множества пушекъ? Лжедимитрій надѣялся болѣе на измѣну, нежели на силу; хотѣлъ отрѣзать Москву отъ городовъ сѣверныхъ и перенесъ станъ въ село Тайнинское, но былъ самъ отрѣзанъ: войско московское заняло калужскую дорогу и пересѣкло его сообщеніе съ Украйною, откуда шли къ нему новыя дружины ли-

товскія и везли запасы,—дружины были разсѣяны, запасы взяты, и Лжедимитрій стѣсненъ на маломъ пространствѣ. Усильнымъ боемъ очистивъ себѣ путь, онъ возвратился въ Тушино, избралъ мѣсто выгодное, между рѣками Москвою и Всходнею, подлѣ волоколамской дороги, и спѣшилъ тамъ укрѣпиться валомъ съ глубокими рвами (коихъ слѣды видимъ и нынѣ). Воеводы царскіе князь Скопинъ-Шуйскій, Романовъ и другіе стали между Тушинымъ и Москвою, на Ходынкѣ; за ними и самъ государь, на Прѣснѣ или Ваганьковѣ, со всѣмъ дворомъ и полками отборными. Выѣзжая изъ столицы, онъ видѣлъ усердіе и любовь народа, слышалъ его искренніе обѣты вѣрности и требовалъ отъ него тишины, великодушнаго спокойствія. Столица, дѣйствительно, казалась спокойною, извнѣ оберегаемая царемъ, внутри особеннымъ засаднымъ войскомъ, коимъ предводительствовали бояре, и которое, храня всѣ укрѣпленія отъ Кремля до слободъ, въ случаѣ нападенія, могло одно спасти городъ. Воспоминали нашествіе, угрозы и гибель Болотникова; надѣялись, что будетъ то же и Самозванцу, а царю новая слава, и ежечасно ждали битвы. Но царь, готовый обороняться, не думалъ наступать и далъ время непріятелю укрѣпиться въ Тушинскомъ станѣ: Василій занимался переговорами.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ находились въ Москвѣ чиновники Сигизмундовы: Витовскій и князь Друцкій-Соколинскій, присланные королемъ поздравить Василія съ воцареніемъ и требовалъ свободы всѣхъ знатныхъ ляховъ. Бояре предложили имъ возобновить мирный договоръ Годунова времени, нарушенный Сигизмундомъ столь безсовѣстно; но чиновники королевскіе объявили, что имъ должно видѣться для того съ литовскими послами, заключенными въ Москвѣ, и что безъ нихъ они не могутъ ничего сдѣлать. Бояре согласились. Живъ 18 мѣсяцевъ въ страхѣ и въ скукѣ, тщетно хотѣвъ бѣжать и даже силою вырваться изъ неволи, Олесницкій и Госѣвскій снова явились въ Кремлевскомъ дворцѣ, какъ послы, съ вѣрющею грамотою королевскою; говорили, спорили, расходились съ неудовольствіемъ, чтобы опять сойтися. Мы желали мира, ляхи желали только освободить единоземцевъ своихъ изъ рукъ нашихъ. Исполняя ихъ требованіе, царь велѣлъ привезти въ Москву воеводу Сендомирскаго и дозволилъ ему бесѣдовать съ ними тайно, наединѣ, безъ сомнѣнія, не въ миролюбивомъ къ намъ расположеніи... Но Самозванецъ былъ уже подъ Москвою! Имѣя одну цѣль: отнять у него союзниковъ-ляховъ, Василій дозволилъ князю Рожинскому навѣдываться, словесно или письменно, о здоровьѣ пословъ Сигизмундовыхъ, для чего сановники литовскіе ѣздили изъ Тушинскаго стана въ Москву, свободно и безопасно. Наконецъ, 25 іюля, послы за-

ключили съ боярами слѣдующій договоръ: „1) Въ теченіе трехъ лѣтъ и одиннадцати мѣсяцевъ не быть войнѣ между Россіей и Литвою. 2) Въ сіе время условиться о вѣчномъ мирѣ или двадцатилѣтнемъ перемиріи. 3) Обоимъ государствамъ владѣть, чѣмъ владѣютъ. 4) Царю не помогать врагамъ королевскимъ, королю врагамъ царя, ни людьми, ни деньгами. 5) Воеводу Сендомирскаго, съ дочерью, и всѣхъ ляховъ освободить и дать имъ нужное для путешествія до границы. 6) Князьямъ Рожинскому, Вишневецкому и другимъ ляхамъ, безъ вѣдома королевскаго вступившимъ въ службу къ злодѣю, второму Лжедимитрію, немедленно оставить его, и впредь не приставать къ бродягамъ, которые вздумаютъ именовать себя царевичами россійскими. 7) Воеводѣ Сендомирскому не называть сего новаго обманщика своимъ зятемъ и не выдавать за него дочери, 8) Маринѣ не именоваться и не писаться московскою царицею“. Договоръ утвердили съ обѣихъ сторонъ клятвою; но не Василій, а Сигизмундъ достигъ цѣли. Коварство ляховъ открылось еще во время переговоровъ.

Чиновники, посланные отъ князя Рожинскаго изъ Тушина въ Москву, дѣйствовали какъ лазутчики, высматривая укрѣпленія города и стана Ходынскаго. Царь былъ неостороженъ, воеводы еще неосторожнѣе. Сперва они бодрствовали неутомимо, днемъ и ночью, въ доспѣхахъ и на коняхъ,—вдали легкіе отряды, вокругъ неусыпная стража. Но тишина, бездѣйствіе и слухъ о мирѣ съ ляхами уменьшили опасеніе: россіяне уже не береглися, а гетманъ Лжедимитріевъ, ночью, съ ляхами и казаками, внезапно ударилъ на станъ Ходынскій захватилъ обозъ и пушки, рѣзалъ сонныхъ или безоружныхъ и гналъ изумленныхъ ужасомъ бѣглецовъ почти до самой Прѣсни, гдѣ ихъ встрѣтило войско, высланное царемъ съ людьми ближними, стольниками, стряпчими и жильцами. Тутъ началась кровопролитная битва, и непріятель долженъ былъ отступить; его тѣснили и гнали до Ходынки.

Василій могъ справедливо жаловаться, что ляхи, заключая миръ, воюютъ и нападаютъ врасплохъ,—онъ скоро увидѣлъ ихъ совершенное вѣроломство. Исполняя договоръ, Василій вмѣстѣ съ послами немедленно отпустилъ въ Литву воеводу Сендомирскаго, Марину и всѣхъ ихъ знатныхъ единоземцевъ изъ Москвы и другихъ мѣстъ, гдѣ они содержались; далъ имъ для храненія воинскую дружину подъ начальствомъ князя Владиміра Долгорукаго и надѣялся, что Рожинскій, Вишневецкій и другіе паны, извѣщенные объ условіяхъ мира, оставятъ Лжедимитрія; но никто изъ нихъ не думалъ оставить его. Они дали время посламъ и Мнишку удалиться и снова начали воевать, не внимая убѣжденіямъ нашихъ бояръ, которые писали къ нимъ, что обманъ, столь гнусный, достоинъ не витязей державы христіанской, а

подлыхъ слугъ злодѣя подлаго; что если Рожинскій имѣетъ хотя искру чести въ душѣ, то обязанъ выдать Самозванца для казни и немедленно выйти изъ Россіи. Число ляховъ-грабителей еще умножилось семью тысячами всадниковъ, приведенныхъ въ Тушино усвятскимъ старостою Яномъ Петромъ Сапѣгою. Сей рыцарь знатный, воинскими способностями превосходя всѣхъ иныхъ сподвижниковъ бродяги, превосходилъ ихъ и въ безстыдствѣ: зналъ, кто онъ, смѣялся надъ нимъ и надъ россіянами, говорилъ: „Мы жалуемъ въ цари московскіе, кого хотимъ"; жегъ, грабилъ и хвалился римскимъ геройствомъ! Сапѣга хотѣлъ битвою рѣшить судьбу Москвы и тревожилъ нападеніями станъ Ходынскій. Рожинскій, управляя Самозванцемъ, медлилъ, ожидая скорой измѣны въ столицѣ, ибо тамъ уже дѣйствовали злодѣи, ненавистники Василіевы, сносились еще съ послами литовскими, сносились и съ гетманомъ Лжедимитріемъ, давали имъ совѣты, готовили предательство. Нетерпѣливый и гордый Сапѣга отдѣлился отъ гетмана, желалъ начальствовать независимо, завоевать внутреннія области Россіи, и съ пятнадцатью тысячами двинулся къ лаврѣ Сергіевой, чтобы разграбить ея богатство. Съ другой стороны панъ Лисовскій, именемъ Димитрія присоединивъ къ своимъ шайкамъ 30.000 измѣнниковъ, тульскихъ и рязанскихъ, взялъ Коломну, плѣнилъ тамошняго воеводу Долгорукаго, епископа Іосифа, дѣтей боярскихъ и шелъ къ Москвѣ. Царь выслалъ противъ него князей Куракина и Лыкова, которые на берегахъ Москвы-рѣки, на Медвѣжьемъ броду, сражались цѣлый день, разбили непріятеля, освободили коломенскихъ плѣнниковъ — и Лисовскій, хотѣвъ явиться въ Тушинѣ побѣдителемъ, явился тамъ бѣглецомъ съ немногими всадниками. Царскіе воеводы Иванъ Бутурлинъ и Глѣбовъ снова заняли Коломну.

Сей успѣхъ былъ предтечею бѣдствія. Князья Иванъ Шуйскій и Григорій Ромодановскій, посланные съ войскомъ вслѣдъ за Сапѣгою, настигли его между селомъ Задвиженскимъ и Рахманцовымъ, отразили два нападенія и взяли пушки. Казалось, что они побѣдили; но Сапѣга, раненый пулею въ лицо, не выпускалъ меча изъ рукъ и, сказавъ своимъ: „Отечество далеко, спасеніе и честь впереди, а за спиною стыдъ и гибель", третьимъ отчаяннымъ ударомъ смѣшалъ москвитянъ. Винили воеводу Ѳедора Головина, который первый дрогнулъ и бѣжалъ; хвалили Ромодановскаго, который не думалъ о сынѣ, подлѣ него убитомъ, и сражался мужественно; другіе слѣдовали примѣру Головина, а не Ромодановскаго, и, бывъ числомъ вдвое сильнѣе непріятеля, разсыпались какъ стадо овецъ. Сапѣга гналъ ихъ 15 верстъ, взялъ 20 знаменъ и множество плѣнниковъ. Воеводы съ главными чиновниками бѣжали, по крайней мѣрѣ, къ царю, но воины въ

домы свои, крича: „Идемъ защищать нашихъ женъ и дѣтей отъ непріятеля!“.

Другое важное происшествіе имѣло для Москвы и Россіи еще вреднѣйшее слѣдствіе. Послы литовскіе и Мнишекъ, выѣзжая изъ столицы, уже знали, чему надлежало случиться, бывъ въ тайномъ сношеніи съ Лжедимитріевыми совѣтниками, какъ мы сказали. Василій далъ на себя оружіе злодѣямъ, давъ свободу Маринѣ. Онъ вѣрилъ договору и клятвѣ; но могъ ли благоразумно вѣрить имъ въ такихъ обстоятельствахъ, въ такомъ общемъ забвеніи всѣхъ уставовъ чести и справедливости? Князь Долгорукій ѣхалъ съ послами и съ воеводою Сендомирскимъ чрезъ Угличъ, Тверь, Бѣлую, къ Смоленской границѣ, и былъ встрѣченъ сильнымъ отрядомъ конницы, высланной изъ Тушинскаго стана съ двумя чиновными ляхами Зборовскимъ и Стадницкимъ, чтобы освободить Марину. Долгорукій не могъ или не хотѣлъ противиться; воины его разбѣжались, онъ самъ ускакалъ назадъ въ Москву, а чиновники Лжедимитріевы, объявивъ Маринѣ, что супругъ ждетъ ее съ нетерпѣніемъ, вручили грамоту отцу ея: „Мы сердечно обрадовались, — писалъ къ нему Самозванецъ, — услышавъ о вашемъ отъѣздѣ изъ Москвы, ибо лучше знать, что вы далѣе, но свободны, нежели думать, что вы близко, но въ плѣну. Спѣшите къ нѣжному сыну. Не въ уничиженіи, какъ теперь, а въ чести и въ славѣ, какъ будетъ скоро, должна видѣть васъ Польша. Мать моя, ваша супруга, здорова и благополучна въ Сендомирѣ; ей все извѣстно“. Мнишекъ и Марина не колебались. Отечество, безопасность, вельможество и богатство для жизни роскошной, не имѣли для нихъ прелести трона и мщенія; ни опасности, ни стыдъ не могли удержать ихъ отъ новаго, вѣроломнаго и еще гнуснѣйшаго союза съ злодѣйствомъ. Лжедимитрій звалъ къ себѣ и пословъ Сигизмундовыхъ; одинъ, Николай Олесницкій, возвратился; другіе спѣшили въ Литву, не хотѣвъ быть свидѣтелями срамнаго торжества Марины, которая ѣхала къ мнимому царю своему пышно и безопасно, мѣстами уже ему подвластными. Узнавъ, что она приближается, Самозванецъ велѣлъ палить изъ всѣхъ пушекъ; но Марина остановилась въ шатрахъ за версту отъ Тушина. Тамъ было первое свиданіе, и не радостное, какъ пишутъ. Марина знала истину; знала вѣрно, что убитый мужъ ея не воскресъ изъ мертвыхъ, и заблаговременно приготовилась къ обману; съ печалію, однакожъ, увидѣла сего второго самозванца, гадкаго наружностью, грубаго, низкаго душою — и, еще не мертвая для чувствъ женскаго сердца, содрогнулась отъ мысли раздѣлять ложе съ такимъ человѣкомъ. Но поздно! Мнишекъ и честолюбіе убѣдили Марину преодолѣть слабость. Условились, чтобы духовникъ воеводы Сендомирскаго, іезуитъ,

тайно обвѣнчалъ ее съ Лжедимитріемъ, который далъ слово жить съ нею какъ братъ съ сестрою до завоеванія Москвы. Наконецъ, 1 сентября Марина торжественно въѣхала въ Тушинскій станъ и лицедѣйствовала столь искусно, что зрители умилились ея нѣжностію къ супругу; радостныя слезы, объятія, слова, внушенныя, казалось, истиннымъ чувствомъ — все было употреблено для обмана, и не безполезно: многіе вѣрили ему, или, по крайней мѣрѣ, говорили, что вѣрятъ, и россійскіе измѣнники писали къ своимъ друзьямъ: „Димитрій есть, безъ сомнѣнія, истинный, когда Марина признала въ немъ мужа“. Сіи письма имѣли дѣйствіе: изъ разныхъ городовъ, изъ самаго войска царскаго пріѣхали къ злодѣю дворяне, люди чиновные, стольники: князья Дмитрій Трубецкой, Черкасскій, Алексѣй Сицкій, Засѣкины, Михайло Бутурлинъ, дьякъ Грамотинъ, Третьяковъ и другіе, которые знали перваго Лжедимитрія и слѣдственно знали обманъ второго. Въ числѣ сихъ немаловажныхъ измѣнниковъ находился и знатнѣйшій вельможа, дворецкій Отрепьева, князь Василій Рубецъ-Мосальскій; сосланный воеводствовать въ Кексгольмъ, онъ былъ вызванъ или привезенъ въ Москву, какъ человѣкъ подозрительный, видѣлъ себя въ опалѣ и съ дерзостію явился на новомъ театрѣ злодѣйства. Другіе, менѣе безсовѣстные, но малодушные, не ожидая ничего, кромѣ бѣдствія для царя, разъѣхались отъ него по домамъ; не тронулись и были ему до конца вѣрны одни украинскіе дворяне и дѣти боярскія, вопреки бунтамъ ихъ отчизны клятой.

Видя страшное начало измѣнъ и ежедневное уменьшеніе войска, Василій рѣшился устранить гордость народную: доселѣ не хотѣвъ услышать о вспоможеніи иноземномъ, велѣлъ своему знаменитому племяннику, князю Михаилу Скопину-Шуйскому, ѣхать къ непріятелю Сигизмундову Карлу IX заключить съ нимъ союзъ и привести шведовъ для спасенія Россіи! Уже царь могъ безъ вины не вѣрить отечеству, зараженному духомъ предательства— и лучшій изъ воеводъ, хотя и юнѣйшій, въ годину величайшей опасности съ печалію удалился отъ рати, думая, что онъ возвратится, можетъ быть, уже поздно, не спасти царя, а только умереть послѣднимъ изъ достойныхъ россіянъ! Тогда же царь писалъ къ государямъ Западной Европы, къ королю датскому, англійскому и къ императору о вѣроломствѣ Сигизмундовомъ, требуя ихъ вспоможенія или, по крайней мѣрѣ, суда безпристрастнаго. Но не въ такихъ обстоятельствахъ державы находятъ союзниковъ ревностныхъ: касаясь гибели, Россія могла быть только предметомъ любопытства или безплодной жалости для Европы!

Еще оказывая благородную неустрашимость, Василій искалъ, если не геройства, то стыда въ россіянахъ; собралъ воиновъ и спрашивалъ, кто хочетъ стоять съ нимъ за Москву и за царство?

говорилъ: „Для чего срамить себя бѣгствомъ? Даю вамъ волю: идите куда хотите! Пусть только вѣрные останутся со мною!“ Казалось, что воины ждали сего великодушнаго слова: требовали евангелія и креста, наперерывъ цѣловали его и клялись умереть за царя... а на другой и слѣдующіе дни толпами бѣжали въ Тушино... Тѣ, которые еще недавно служили вѣрно Іоанну ужасному, измѣняли царю снисходительному, передавались къ бродягѣ и ляхамъ, древнимъ непріятелямъ Россіи, исполненнымъ злобной мести и справедливаго къ нимъ презрѣнія! Чудесное изступленіе страстей, изъясняемое единственно гнѣвомъ Божіимъ! Сей народъ, безмолвный въ грозахъ самодержавія наслѣдственнаго, уже игралъ царями, узнавъ, что они могутъ быть избираемы и низвергаемы его властію или дерзкимъ своевольствомъ!

Съ такимъ ли войскомъ могъ Василій отважиться на рѣшительную битву въ полѣ? Бывъ дотолѣ защитникомъ Москвы, онъ уже искалъ въ ней защиты для себя: вступилъ со всѣми полками въ столицу, орошенную кровію Самозванца и ляховъ, туда, гдѣ страхъ лютой мести долженъ былъ воспламенить и малодушныхъ для отчаяннаго сопротивленія. Всѣ улицы, стѣны, башни, земляныя укрѣпленія наполнились воинами подъ начальствомъ мужей думныхъ, которые еще съ видомъ усердія ободряли ихъ и народъ. Но не было уже ни взаимной довѣренности между государственною властію и подданными, ни ревности въ душахъ, какъ бы утомленныхъ напряженіемъ силъ въ непрестанномъ бореніи съ опасностями грозными. Все ослабѣло: благоговѣніе къ сану царскому, уваженіе къ синклиту и духовенству. Блескъ Васильевой великодушной твердости затмѣвался въ глазахъ страждущей Россіи его несчастіемъ, которое ставили ему въ вину и въ обманъ, ибо сей властолюбецъ, принимая скипетръ, обѣщалъ благоденствіе государству. Видѣли ревностную мольбу Василіеву въ храмахъ; но Богъ не внималъ ей—и царь злосчастный казался народу царемъ неблагословеннымъ, отверженнымъ. Духовенство славило высокую добродѣтель вѣнценосца, и бояре еще изъявляли къ нему усердіе; но москвитяне помнили, что духовенство славило и кляло Годунова, славило и кляло Отрепьева; что бояре изъявляли усердіе и къ Разстригѣ наканунѣ его убіенія. Въ смятеніи мыслей и чувствъ добрые скорбѣли, слабые недоумѣвали, злые дѣйствовали... и гнусныя измѣны продолжались.

Столица уже не имѣла войска въ полѣ: конныя дружины непріятельскія, разъѣзжая въ виду стѣнъ ея, прикрывали бѣгство московскихъ измѣнниковъ, воиновъ и чиновниковъ къ Самозванцу; многіе изъ нихъ возвращались съ увѣреніемъ, что онъ не Димитрій, и снова уходили къ нему. Злодѣйство уже казалось только легкомысліемъ; уже не мерзили сими обыкновенными бѣглецами,

а шутили надъ ними, называя ихъ перелетами. Развратъ былъ столь ужасенъ, что родственники ближніе уговаривались между собою, кому оставаться въ Москвѣ, кому ѣхать въ Тушино, чтобы пользоваться выгодами той и другой стороны, а въ случаѣ несчастія, здѣсь или тамъ, имѣть заступниковъ. Вмѣстѣ обѣдавъ и пировавъ (тогда еще пировали въ Москвѣ!), одни спѣшили къ царю въ Кремлевскія палаты, другіе—къ царику: такъ именовали второго Лжедимитрія. Взявъ жалованье изъ казны московской, требовали иного изъ тушинской—и получали! Купцы и дворяне за деньги снабдѣвали станъ непріятельскій яствами, солью, платьемъ, оружіемъ и не тайно: знали, видѣли и молчали, а кто доносилъ царю, именовался наушникомъ. Василій колебался; но не смѣлъ въ крайности быть жестокимъ, подобно Годунову, и спускалъ преступникамъ; то хотѣлъ строгостью унять ихъ и, вѣря иногда клеветникамъ, наказывалъ невинныхъ къ умноженію зла. „Вельможи его, — говорилъ лѣтописецъ, — были въ смущеніи и въ двоемысліи: служили языкомъ, а не душою и тѣломъ; нѣкоторые дерзали и словами язвить царя заочно, вопреки присяги и совѣсти“. Не взирая на то, Москва, наученная примѣромъ Отрепьева, еще не думала предать царя; еще вѣрность, хотя и сомнительная, одолѣвала измѣну въ войскѣ и въ народѣ; все колебалось, но еще не падало къ ногамъ Самозванца. Окруженная твердынями, наполненная воинами, столица могла не страшиться приступа, когда гордый Сапѣга въ сіе время тщетно силился взять монастырь и монастырскую ограду, гдѣ горсть защитниковъ среди ужасовъ беззаконія и стыда, еще помнила Бога и честь русскаго имени.

Троицкая лавра св. Сергія (въ шестидесяти верстахъ отъ столицы), прельщая ляховъ своимъ богатствомъ, множествомъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, драгоцѣнныхъ каменьевъ, образовъ, крестовъ, была важна и въ воинскомъ смыслѣ, способствуя удобному сообщенію Москвы съ Сѣверомъ и Востокомъ Россіи—съ Новгородомъ, Вологдою, Пермію, Сибирскою землею, съ областями Владимірскою, Нижегородскою и Казанскою, откуда шли на помощь къ царю дружины ратныя, везли казну и запасы. Основанная въ лѣсной пустынѣ, среди овраговъ и горъ, лавра, еще въ царствованіе Іоанна IV, была ограждена (на пространствѣ шестисотъ сорока двухъ саженей) каменными стѣнами (вышиною въ четыре, толщиною въ три сажени) съ башнями, острогомъ и глубокимъ рвомъ. Предусмотрительный Василій успѣлъ занять ее дружинами дѣтей боярскихъ, казаковъ вѣрныхъ, стрѣльцовъ и съ помощью усердныхъ иноковъ снабдить всѣмъ нужнымъ для сопротивленія долговременнаго. Сіи иноки, изъ коихъ многіе, бывъ мірянами, служили царямъ въ чинахъ воинскихъ и дум-

ныхъ—взяли на себя не только значительныя издержки и молитву, но и труды кровавые въ бѣдствіяхъ отечества; не только, сверхъ рясъ надѣвъ доспѣхи, ждали непріятеля подъ своими стѣнами, но и выходили вмѣстѣ съ воинами на дороги, чтобы истреблять его разъѣзды, ловить вѣстниковъ и лазутчиковъ, прикрывать обозы царскіе; дѣйствовали и невидимо въ стѣнахъ вражескихъ, письменными увѣщаніями отнимая клевретовъ у Самозванца, трогая совѣсть легкомысленныхъ, еще незакоснѣлыхъ измѣнниковъ, и представляли имъ въ спасительное убѣжище лавру, гдѣ число добрыхъ подвижниковъ, одушевленныхъ чистою ревностію или раскаяніемъ, умножалось. „Доколѣ,—говорили Лжедимитрію ляхи,—доколѣ свирѣпствовать противъ насъ симъ кровожаднымъ вранамъ, гнѣздящимся въ ихъ каменномъ гробѣ? Города многолюдные и цѣлыя области уже твои; Шуйскій бѣжалъ отъ тебя съ войскомъ, а чернецы ведутъ дерзкую войну съ тобой! Разсыплемъ ихъ прахъ и жилище!“ Еще Лисовскій, злодѣйствуя въ Переяславской и Владимірской областяхъ, мыслилъ взять лавру; увидѣвъ трудность, прошелъ мимо и сжегъ только посадъ Клементьевскій; но Сапѣга, разбивъ князей Ивана Шуйскаго и Ромодановскаго, хотѣлъ, чего бы то ни стоило, овладѣть ею.

Сія осада знаменита въ нашихъ лѣтописяхъ не менѣе псковской, и еще удивительнѣе: первая утѣшила народъ во время его страданія отъ жестокости Іоанновой; другая утѣшаетъ потомство въ страданіи за предковъ, униженныхъ развратомъ. Въ общемъ паденіи духа увидимъ доблесть нѣкоторыхъ и въ ней причину государственнаго спасенія: казня Россію, Всевышній не хотѣлъ ея гибели и для того еще оставилъ ей такихъ гражданъ. Не устранимъ подробностей въ описаніи дѣлъ славныхъ, совершенныхъ хотя и въ предѣлахъ смиренной обители монашеской, людьми простыми, низкими званіемъ, высокими единственно душою.

23 сентября Сапѣга, а съ нимъ и Лисовскій, князь Константинъ Вишневецкій, Тишкевичи и многіе другіе знатные паны, предводительствуя тридцатью тысячами ляховъ, казаковъ и россійскихъ измѣнниковъ, стали въ виду монастыря на Клементьевскомъ полѣ. Осадные воеводы лавры, князь Григорій Долгорукій и Алексѣй Голохвастовъ, желая узнать непріятеля и показать ему свое мужество, сдѣлали вылазку и возвратились съ малымъ урономъ, давъ время жителямъ монастырскихъ слободъ обратить ихъ въ пепелъ: каждый зажегъ домъ свой, спасая только семейство, и спѣшилъ въ лавру. Непріятель въ слѣдующій день, осмотрѣвъ мѣста, занялъ всѣ высоты и всѣ пути, расположился станомъ и началъ укрѣпляться. Между тѣмъ лавра наполнилась множествомъ людей, которые искали въ ней убѣжища, не могли вмѣститься въ келіяхъ и не имѣли крова: больные, дѣти, родиль-

ницы лежали на дождѣ въ холодную осень. Легко было предвидѣть дальнѣйшія, гибельныя слѣдствія тѣсноты; но добрые иноки говорили: „Св. Сергій не отвергаетъ злосчастныхъ“—и всѣхъ принимали. Воеводы, архимандритъ Іоасафъ и соборные старцы урядили защиту: вездѣ разставили пушки, назначили кому биться на стѣнахъ, или въ вылазкахъ, и князь Долгорукій съ Голохвастовымъ первые, надъ гробомъ св. Сергія, поцѣловали крестъ въ томъ, чтобы сидѣть въ осадѣ безъ измѣны. Всѣ люди ратные и монастырскіе слѣдовали ихъ примѣру въ духѣ любви и братства, ободряли другъ друга и съ ревностью готовились къ трапезѣ кровопролитной, пить чашу смертную за отечество. Съ сего времени пѣніе не умолкало въ церквахъ лавры ни днемъ, ни ночью.

29 сентября Сапѣга и Лисовскій писали къ воеводамъ: „Покоритесь Димитрію, истинному царю вашему и нашему, который не только сильнѣе, но и милостивѣе лжецаря Шуйскаго, имѣя чѣмъ жаловать вѣрныхъ, ибо владѣетъ уже едва не всѣмъ государствомъ, стѣснивъ своего злодѣя въ Москвѣ осажденной. Если мирно сдадитесь, то будете намѣстниками Троицкаго града и владѣтелями многихъ селъ богатыхъ; въ случаѣ безполезнаго упорства, падутъ ваши головы...“ Они писали и къ архимандриту, и къ инокамъ, напоминая имъ милость Іоанна къ лаврѣ и требуя благодарности, ожидаемой отъ нихъ его сыномъ и невѣсткою. Архимандритъ и воеводы читали сіи грамоты всенародно; а монахи и воины сказали: „Упованіе наше есть Святая Троица, стѣна и щитъ Богоматерь, святые Сергій и Никонъ сподвижники; не страшимся!“ Въ бранномъ отвѣтѣ ляхамъ не оставили слова на миръ, но не тронули измѣнника, сына боярскаго, Бессона Руготина, который привозилъ къ нимъ Сапѣгины грамоты.

30 сентября непріятель утвердилъ туры на горѣ Волкушѣ, Терентьевской, Круглой и Красной; выкопалъ ровъ отъ Келарева пруда до Глиняннаго врага, насыпалъ широкій валъ и съ 3 октября, въ теченіе шести недѣль, палилъ изъ шестидесяти трехъ пушекъ, стараясь разрушить каменную ограду стѣны; башни тряслися, но не падали, отъ худого ли искусства пушкарей, или отъ малости ихъ орудій,—сыпались кирпичи, дѣлались отверстія и немедленно задѣлывались; ядра каленыя летѣли мимо зданій монастырскихъ въ пруды, или гасли на пустыняхъ и въ ямахъ, къ удивленію осажденныхъ, которые, видя въ томъ чудесную къ нимъ милость Божію, укрѣплялись духомъ; и въ ожиданіи приступа всѣ исповѣдались, чтобы съ чистою совѣстію не робѣть смерти; многіе постриглись, желая умереть въ санѣ монашескомъ. Иноки, дѣля съ воинами опасности и труды, ежедневно обходили стѣны со святыми иконами.

Сапѣга готовился къ первому рѣшительному дѣлу не молитвою, не покаяніемъ, а пиромъ для всего войска. 12 октября съ утра до вечера ляхи и россійскіе измѣнники шумѣли въ станѣ, пили, стрѣляли, скакали на лошадяхъ съ знаменами вокругъ лавры, въ сумерки вышли полками къ турамъ, заняли дорогу углицкую, переславскую и ночью устремились къ монастырю съ лѣстницами, щитами и тарасами, съ крикомъ и музыкою. Ихъ встрѣтили залпомъ изъ пушекъ и пищалей; не допустили до стѣнъ, многихъ убили, ранили; всѣ другіе бѣжали, кинувъ лѣстницы, щиты и тарасы. Въ слѣдующее утро осажденные взяли сіи трофеи и предали огню, славя Бога. Не одолѣвъ силою, Сапѣга еще думалъ взять лавру угрозами и лестію: ляхи мирно подъѣзжали къ стѣнамъ, указывали на свое многочисленное войско, предлагали выгодныя условія; но чѣмъ болѣе требовали сдачи, тѣмъ менѣе казались страшными для осажденныхъ, которые уже дѣйствовали и наступательно.

19 октября, видя малое число непріятелей въ огородахъ монастырскихъ, стрѣльцы и казаки безъ повелѣнія воеводъ спустились на веревкахъ со стѣны, напали и перерѣзали тамъ всѣхъ ляховъ. Пользуясь сею ревностію, князь Долгорукій и Голохвастовъ тогда же сдѣлали смѣлую вылазку съ конными и пѣхотными дружинами къ турамъ Красной горы, чтобы разрушить непріятельскія бойницы; но въ жестокой сѣчѣ лишились многихъ добрыхъ воиновъ. Никто не отдался въ плѣнъ; раненыхъ и мертвыхъ принесли въ лавру, всего болѣе жалѣя о храбромъ чиновникѣ Бреховѣ: онъ еще дышалъ и былъ вмѣстѣ съ другими умирающими постриженъ въ монахи... Въ возмездіе за вѣрную службу царю земному отечество передавало ихъ въ образѣ ангельскомъ Царю Небесному.

Гордясь симъ дѣломъ, какъ побѣдою, непріятель хотѣлъ довершить ее: въ темную осеннюю ночь (25 октября), когда огни едва свѣтились и все затихло въ лаврѣ, дремлющіе воины встрепенулись отъ внезапнаго шума: ляхи и россійскіе измѣнники, подъ громомъ всѣхъ своихъ бойницъ, съ крикомъ и воплемъ стремились къ монастырю, достигли рва и соломою съ берестомъ зажгли острогъ: яркое пламя озарило ихъ толпы, какъ бы днемъ, въ цѣль пушкамъ и пищалямъ. Сильною стрѣльбою и гранатами осажденные побили множество смѣлѣйшихъ ляховъ и не дали имъ сжечь острога; непріятель ушелъ въ свои закопы, но и въ нихъ не остался: при свѣтѣ восходящаго солнца, видя на стѣнахъ церковныя хоругви, воиновъ, священниковъ, которые пѣли тамъ благодарственный молебенъ за побѣду, онъ устрашился нападенія и бѣжалъ въ станъ укрѣпленный. Нѣсколько дней минуло въ бездѣйствіи.

Но Сапѣга и Лисовскій въ тишинѣ готовили гибель лаврѣ: вели подкопы къ стѣнамъ ея. Угадывая сіе тайное дѣло, князь Долгорукій и Голохвастовъ хотѣли добыть языковъ: сдѣлали вылазку на Княжеское поле, къ Мишутинскому врагу, гдѣ, разбивъ непріятельскую стражу, захватили литовскаго ротмистра Брушевскаго и безъ урона возвратились, не давъ Сапѣгѣ преградить имъ пути. Разспрашивали чиновнаго плѣнника и пытали: онъ сказалъ, что ляхи дѣйствительно ведутъ подкопъ, но не зналъ мѣста. Воеводы избрали человѣка искуснаго въ ремесмѣ горномъ, монастырскаго слугу Корсакова, и велѣли ему дѣлать подъ башнями такъ называемые слухи, или ямы въ глубину земли, чтобы слушать тамъ голоса или стукъ людей, копающихъ въ ея нѣдрахъ; велѣли еще углубить ровъ внѣ лавры, отъ востока къ сѣверу; Сія работа произвела двѣ битвы кровопролитныя: непріятель напалъ на копателей, но былъ отраженъ дѣйствіемъ монастырскихъ пушекъ. Въ другой сѣчѣ за рвомъ, ноября 1, ляхи убили 190 человѣкъ и взяли нѣсколько плѣнниковъ, стѣснили осажденныхъ, не пускали ихъ черпать воды въ прудахъ внѣ крѣпости, и приблизили свои окопы къ стѣнамъ. Сердца уныли и въ великодушныхъ: видѣли уменьшеніе силъ ратныхъ, опасались болѣзней отъ тѣсноты и недостатка въ хорошей водѣ; знали вѣрно, что есть подкопъ, но не знали гдѣ, и могли ежечасно взлетѣть на воздухъ. Тогда же нѣсколько ядеръ упало въ лавру: одно ударило въ большой колоколъ, въ церковь, и, къ общему ужасу, раздробило святыя иконы, предъ коими народъ молился съ усердіемъ; другимъ убило инокиню: третьимъ, въ день Архангела Михаила, оторвало ногу у старца Корнилія: сей инокъ благочестивый, исходя кровію, сказалъ: „Богъ архистратигомъ своимъ Михаиломъ отмстить кровь христіанскую“ — и тихо скончался. Тогда же между вѣрными россіянами нашлися и невѣрные: слуга монастырскій Селевинъ бѣжалъ къ ляхамъ. Боялись его извѣтовъ, козней и тайныхъ единомышленниковъ: одинъ примѣръ измѣны былъ уже опасенъ. Въ сихъ обстоятельствахъ не измѣнилась ревность добрыхъ старцевъ: первые на молитвѣ, на стражѣ и въ битвахъ, они словомъ и дѣломъ воспламеняли защитниковъ, представляя имъ малодушіе грѣхомъ, неробкую смерть долгомъ христіанскимъ и гибель временную вѣчнымъ спасеніемъ.

Битвы продолжались. Осажденные сдѣлали въ землѣ ходъ изъ-подъ стѣны въ ровъ съ тремя желѣзными воротами для скорѣйшихъ вылазокъ; въ темныя ночи нападали на окопы непріятельскіе, хватали языковъ, допрашивали и свѣдали, наконецъ, важную тайну; тяжело раненый плѣнникъ, казакъ Дѣдиловскій, умирая христіаниномъ, указалъ воеводамъ мѣсто подкопа: ляхи вели его отъ мельницы къ круглой угольной башнѣ нижняго мона-

стыря. Укрѣпивъ сіе мѣсто частоколомъ и турами, воеводы рѣшились уничтожить опасный замыселъ Сапѣги. Два случая ободрили ихъ: мѣткою стрѣльбою имъ удалось разбить главную литовскую пушку, которая называлась трещерою и болѣе иныхъ вредила монастырю. Другое счастливое происшествіе уменьшало силу непріятеля: 500 казаковъ донскихъ, съ атаманомъ Епифанцемъ, устыдились воевать святую обитель и бѣжали отъ Сапѣги въ свою отчизну. 9 ноября, за три часа до свѣта, взявъ благословеніе архимандрита надъ гробомъ св. Сергія, воеводы тихо вышли изъ крѣпости съ людьми ратными и монахами. Глубокая тьма скрывала ихъ отъ непріятеля; но какъ скоро они стали въ ряды, сильный порывъ вѣтра разсѣялъ облака, мгла исчезла, ударили въ осадный колоколъ и всѣ кинулись впередъ, восклицая имя св. Сергія. Нападеніе было съ трехъ сторонъ, но стремились къ одной цѣли: выгнали казаковъ и ляховъ изъ ближайшихъ укрѣпленій, овладѣли мельницею, нашли и взорвали подкопъ, къ сожалѣнію съ двумя смѣльчаками (Шиловымъ и Слотомъ, клементьевскими земледѣльцами), которые наполнили его веществомъ горючимъ, зажгли и не успѣли спастись. Побѣдители были еще недовольны: рѣзались съ непріятелемъ между его бойницами, падали отъ ядеръ и меча. Не слушаясь начальниковъ, всѣ остальные иноки и воины, толпа за толпою, прибѣжали изъ монастыря въ пылъ сѣчи, долго упорной. Нѣсколько разъ ляхи сбивали ихъ съ высотъ въ лощины, гнали и трубили побѣду; но россіяне снова выходили изъ овраговъ, лѣзли на горы и, наконецъ, взяли Красную со всѣми ея турами; немало плѣнниковъ, знамена, 8 пушекъ, множество самопаловъ, ручницъ, копій, палашей, воинскихъ снарядовъ, трубъ и литавръ; сожгли, чего не могли взять, и въ торжествѣ, облитые кровію, возвратились при колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей монастырскихъ, неся своихъ мертвыхъ, 174 человѣка, и 66 тяжело раненыхъ, а непріятельскія укрѣпленія оставивъ въ пламени. Битва не пресѣкалась съ ранняго утра до темнаго вечера. 1,500 россійскихъ измѣнниковъ и ляховъ, съ панами Угорскимъ и Мазовецкимъ, легли около мельницы, прудовъ Клементьевскаго, Келарева, Конюшеннаго и Круглаго, церквей нижняго монастыря и противъ Красныхъ воротъ (ибо ляхи, въ срединѣ дѣла, имѣвъ выгоду, гнали нашихъ до самой ограды). Иноки и воины хоронили тѣла съ умиленіемъ и благодарностію; раненыхъ покоили съ любовію въ лучшихъ келіяхъ, на иждивеніе лавры. Славили мужество дворянъ Внукова и Есипова, убитыхъ, Ходырева и Зубова живыхъ. Братъ измѣнника и перемѣтчика, сотникъ Данило Селавинъ, сказалъ: „хочу смертію загладить безчестіе нашего рода“, и сдержалъ слово: пѣшій напалъ на дружину атамана Чики, саблею изрубилъ

трехъ всадниковъ и, смертельно раненый въ грудь четвертымъ, еще имѣлъ силу убить его на мѣстѣ. Другой воинъ Селевинъ также удивилъ храбростію и самыхъ храбрыхъ. Слуга монастырскій Меркурій Айгустовъ первый достигъ непріятельскихъ бойницъ и былъ застрѣленъ изъ ружья литовскимъ пушкаремъ, коему сподвижники Меркуріевы въ тоже мгновеніе отсѣкли голову. Иноки сражались вездѣ впереди. О семъ счастливомъ дѣлѣ архимандритъ и воеводы извѣстили Москву, которая праздновала оное вмѣстѣ съ лаврою.

Стыдясь своихъ неудачъ, Сапѣга и Лисовскій хотѣли испытать хитрость: ночью скрыли конницу въ оврагахъ и послали нѣсколько дружинъ къ стѣнамъ, чтобы выманить осажденныхъ, которые, дѣйствительно, устремились на нихъ и гнали бѣгущихъ къ засадѣ; но стражи, увидѣвъ съ высокой башни, звукомъ осаднаго колокола извѣстили своихъ о хитрости непріятельской: они возвратились безвредно и съ плѣнниками.

Настала зима. Непріятель, большею частію укрываясь въ станѣ, держался въ закопахъ. Воеводы троицкіе хотѣли выгнать его изъ ближнихъ укрѣпленій и на разсвѣтѣ туманнаго дня вступили въ дѣло жаркое; занявъ врагъ Мишутинъ, Благовѣщенскій лѣсъ и Красную гору до Клементьевскаго пруда, не могли одолѣть соединенныхъ силъ Лисовскаго и Сапѣги, были притиснуты къ стѣнамъ, но, подкрѣпленные новыми дружинами, начали вторую битву, еще кровопролитнѣйшую и для себя отчаянную, ибо уже не имѣли ничего въ запасѣ. Монастырскія бойницы и личное геройство многихъ дали имъ побѣду. „Св. Сергій, — говоритъ лѣтописецъ, — „охрабрилъ и невѣждъ; безъ латъ и шлемовъ, безъ навыка и знанія ратнаго, они шли на воиновъ опытныхъ, доспѣшныхъ, и побѣждали“. Такъ, житель села Молокова, именемъ Суета, ростомъ великанъ, силою и душою богатырь, всѣхъ затмилъ чудесною доблестію: сдѣлался истиннымъ воеводою, увлекалъ другихъ за собою въ жестокую свалку, на обѣ стороны сѣкъ головы бердышомъ и двигался впередъ по трупамъ. Слуга Пименъ Тененевъ пустилъ стрѣлу въ лѣвый високъ Лисовскаго и свалилъ его съ коня. Другого знатнаго ляха, князя Юрія Горскаго, убилъ воинъ Павловъ и примчалъ мертваго въ лавру. Бились въ рукопашь, рѣзались ножами и толпы непріятельскія рѣдѣли отъ сильнаго дѣйствія стѣнныхъ пушекъ. Сапѣга, неготовый къ приступу, увидѣвъ, наконецъ, вредъ своей запальчивости, удалился, а лавра торжествовала вторую знаменитую побѣду.

Но предстояло искушеніе для твердости. Въ холодную зиму монастырь не имѣлъ дровъ: надлежало кровію доставать ихъ, ибо непріятель стерегъ дровосѣковъ въ рощахъ, убивалъ и плѣнилъ многихъ людей. Осажденные едва не лишились и воды: два

злодѣя, изъ дѣтей боярскихъ, передались къ ляхамъ и сказали Сапѣгѣ, что если онъ велитъ спустить главный внѣшній прудъ, изъ коего были проведены трубы въ ограду, то всѣ монастырскіе пруды изсохнутъ. Непріятель началъ работу, и тайно; къ счастію, воеводы узнали отъ плѣнника и могли уничтожить сей замыселъ: сдѣлавъ ночью вылазку, они умертвили работниковъ и, вдругъ отворивъ всѣ подземельныя трубы, водою внѣшняго пруда наполнили свои внутри обители на долгое время. Нашлись и другіе, гораздо важнѣйшіе измѣнники: казначей монастырскій Іосифъ Дѣвочкинъ и самъ воевода Голохвастовъ, если вѣрить сказанію лѣтописца, — ибо въ великихъ опасностяхъ или бѣдствіяхъ, располагающихъ умы и сердца къ подозрѣнію, нерѣдко вражда личная язвитъ и невинность клеветою смертоносною. Пишутъ, что сіи два чиновника, сомнѣваясь въ возможности спасти лавру доблестію, хотѣли спасти себя злодѣйствомъ, и чрезъ бѣглеца Селевина тайно условились съ Сапѣгою передать ему монастырь; что Голохвастовъ думалъ, въ часъ вылазки, впустить непріятеля въ крѣпость; что старецъ Гурій Шишкинъ хитро вывѣдалъ отъ нихъ адскую тайну и донесъ архимандриту. Іосифу дали время на покаяніе, — онъ умеръ скоропостижно, Голохвастовъ же остался воеводою; слѣдственно не былъ уличенъ ясно, но сія измѣна, дѣйствительная или мнимая, произвела зло—взаимное недовѣріе между защитниками лавры.

Тогда же открылось зло еще ужаснѣйшее. „Когда,— говоритъ лѣтописецъ лавры, — бѣдствіе и гибель ежедневно намъ угрожали, мы думали только о душѣ; когда гроза начала слабѣть, мы обратились къ тѣлесному. Непріятель, изнуренный тщетными усиліями и холодомъ, кинулъ окопы, удалился отъ стѣнъ и заключился въ земляныхъ укрѣпленіяхъ стана, къ великой радости осажденныхъ, которые могли, наконецъ, безопасно выходить изъ тѣсной для нихъ ограды, чтобы дышать свободнѣе за стѣнами, рубить лѣсъ, мыть бѣлье въ прудахъ внѣшнихъ, уже не боялись приступовъ, и только добровольно сражались, отъ времени до времени тревожа непріятеля вылазками, начинали и прекращали битву, когда хотѣли. Сей отдыхъ, сія свобода пробудили склонность къ удовольствіямъ чувственнымъ: крѣпкіе меды и молодыя женщины кружили головы воинамъ, увѣщанія и примѣръ трезвыхъ иноковъ не имѣли дѣйствія. Уже не берегли, какъ дотолѣ, запасовъ монастырскихъ; раскошествовали, пировали, тѣшились музыкою, пляскою... и скоро оцѣпенѣли отъ ужаса.

Долговременная тѣснота, зима сырая, употребленіе худой воды, недостатокъ въ уксусѣ, въ пряныхъ зельяхъ и въ хлѣбномъ винѣ произвели цынгу; заразились бѣднѣйшіе и ею заразили другихъ. Больные пухли и гнили; живые смердѣли, какъ трупы, за-

дыхались отъ зловонія и въ кельяхъ, и въ церквахъ. Умирало въ день отъ двадцати до пятидесяти человѣкъ, не успѣвали копать могилъ: за одну платили два, три, пять рублей, клали въ нее тридцать и сорокъ тѣлъ. Съ утра до вечера отпѣвали усопшихъ, и хоронили; ночью стонъ и вой не умолкалъ: кто издыхалъ, кто плакалъ надъ издыхающимъ. И здоровые шатались какъ тѣни отъ изнеможенія, особенно священники, коихъ водили и держали подъ руки для исправленія требъ церковныхъ. Томные и слабые, предвидя смерть отъ страшнаго недуга, искали ее на стѣнахъ отъ пули непріятельской. Вылазки пресѣклись, къ злой радости измѣнниковъ и ляховъ, которые, слыша всегдашній плачъ въ обители, всходили на высоты, взлѣзали на деревья и видѣли гибель ея защитниковъ, кучи тѣлъ и ряды могилъ свѣжихъ, исполнились дерзости, подъѣзжали къ воротамъ, звали иноковъ и воиновъ на битву, ругались надъ ихъ безсиліемъ, но не думали приступомъ увѣриться въ ономъ, надѣясь, что они скоро сдадутся или всѣ погибнутъ.

Въ крайности бѣдствія архимандритъ Іоасафъ писалъ къ знаменитому келарю лавры Авраамію Палицыну, бывшему тогда въ Москвѣ, чтобы онъ убѣдилъ царя спасти сію священную твердыню немедленнымъ вспоможеніемъ: Авраамій убѣждалъ Василія, братьевъ его, синклитъ, патріарха; но столица сама трепетала, ожидая приступа тушинскихъ злодѣевъ. Авраамій доказывалъ, что лавра можетъ еще держаться только мѣсяцъ, и паденіемъ откроетъ непріятелю весь сѣверъ Россіи до моря. Наконецъ, Василій послалъ нѣсколько воинскихъ снарядовъ и 60 казаковъ съ атаманомъ Останковымъ, а келарь 20 слугъ монастырскихъ. Сія дружина, хотя и слабая числомъ, утѣшила осажденныхъ: они видѣли готовность Москвы помогать имъ и новою дерзостью,— къ сожалѣнію дѣломъ жестокимъ—явили непріятелю, сколь мало страшатся его злобы. Неосторожно пропустивъ царскаго атамана въ лавру и захвативъ только четырехъ казаковъ, варваръ Лисовскій съ досады велѣлъ умертвить ихъ предъ монастырскою стѣною. Такое злодѣйство требовало мести: осажденные вывели цѣлую толпу литовскихъ плѣнниковъ и казнили изъ нихъ 42 человѣка, къ ужасу поляковъ, которые, гнушаяся виновниковъ сего душегубства, хотѣли убить Лисовскаго, едва спасеннаго менѣе безчеловѣчнымъ Сапѣгою.

Бѣдствія лавры не уменьшились, болѣзнь еще свирѣпствовала: новые сподвижники, атаманъ Останковъ съ казаками, сдѣлались также ея жертвою, и непріятель удвоилъ заставы, чтобы лишить осажденныхъ всякой надежды на помощь. Но великодушіе не ослабѣло: всѣ готовились къ смерти, никто не смѣлъ упомянуть о сдачѣ. Кто выздоравливалъ, тотъ отвѣдывалъ силъ своихъ

въ битвѣ, и вылазки возобновились. Дѣйствуя мечомъ, употребляли и коварство. Часто ляхи, подъѣзжая къ стѣнамъ, дружелюбно разговаривали съ осажденными, вызывали ихъ, давали имъ вино за медъ, вмѣстѣ пили и хватали другъ друга въ плѣнъ или убивали. Въ числѣ такихъ плѣнниковъ былъ одинъ ляхъ, называемый въ лѣтописи Мартіасомъ, умный и столь искусный въ льстивомъ притворствѣ, что воеводы ввѣрились въ него какъ въ измѣнника Литвы и въ друга Россіи, ибо онъ извѣщалъ ихъ о тайныхъ намѣреніяхъ Сапѣги, предсказывылъ съ точностью всѣ движенія непріятеля, училъ пушкарей мѣткой стрѣльбѣ, выходилъ даже биться съ своими единоземцами за стѣною, и бился мужественно. Князь Долгорукій столь любилъ его, что жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ, совѣтовался въ важныхъ дѣлахъ и поручалъ ему иногда ночную стражу. Къ счастію, перебѣжалъ тогда въ лавру отъ Сапѣги другой панъ литовскій Нѣмко, отъ природы глухой и безсловесный, но въ бояхъ витязь неустрашимый, ревнитель нашей вѣры и св. Сергія. Увидѣвъ Мартіаса, Нѣмко заскрежеталъ зубами, выгналъ его изъ горницы и съ видомъ ужаса знаками изъяснилъ воеводамъ, что отъ сего человѣка падутъ монастырскія стѣны. Мартіаса начали пытать и свѣдали истину: онъ былъ лазутчикъ Сапѣгинъ, пускалъ къ нему тайныя письма на стрѣлахъ и готовился, по условію, въ одну ночь заколотить всѣ пушки монастырскія. Коварство непріятеля, усиливая остервенѣніе, возвышало доблесть подвижниковъ лавры. Славнѣйшіе изгибли, ихъ мѣсто заступили новые, дотолѣ презираемые или неизвѣстные, безчиновные, слуги, земледѣльцы. Такъ, Ананія Селевинъ, рабъ смиренный, заслужилъ имя Сергіева витязя дѣлами храбрости необыкновенной; россійскіе измѣнники и ляхи знали его коня и тяжелую руку, видѣли издали и не смѣли видѣть вблизи, по сказанію лѣтописца; дерзнулъ одинъ Лисовскій, и раненый палъ на землю. Такъ, стрѣлецъ Нехорошевъ и селянинъ Никифоръ Шиловъ были всегда путеводителями и героями вылазокъ; оба, единоборствуя съ тѣмъ же Лисовскимъ, обагрились его кровью: одинъ убилъ подъ нимъ коня, другой разсѣкъ ему бедро. Стражи непріятельскіе бодрствовали, но грамоты утѣшительныя, хотя и безъ воиновъ, изъ Москвы приходили: келарь Авраамій, душою присутствуя въ лаврѣ, писалъ къ ея вѣрнымъ россіянамъ: „будьте непоколебимы до конца!“ Архимандритъ, иноки разсказывали о видѣніяхъ и чудесахъ: увѣряли, что святые Сергій и Никонъ являются имъ съ благовѣстіемъ спасенія; что ночью въ церквахъ затворенныхъ невидимые лики ангельскіе поютъ надъ усопшими, свидѣтельствуя тѣмъ ихъ санъ небесный въ награду за смерть добродѣтельную. Все питало надежду и вѣру, огонь въ сердцахъ и воображеніи; терпѣли и мужались до самой весны.

Тогда цѣлебное вліяніе теплаго воздуха прекратило болѣзнь смертоносную, и 9 мая въ новоосвященномъ храмѣ св. Николая иноки и воины пѣли благодарственный молебенъ, за коимъ слѣдовала счастливая вылазка. Хотѣли доказать непріятелю, что лавра уже снова цвѣтетъ душевнымъ и тѣлеснымъ здравіемъ; но силы не соотвѣтствовали духу. Въ теченіе пяти или шести мѣсяцевъ умерло тамъ 297 старыхъ иноковъ, 500 новопостриженныхъ и 2.125 дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, казаковъ, людей даточныхъ и слугъ монастырскихъ. Сапѣга зналъ, сколь мало осталось живыхъ для защиты, и рѣшился на третій общій приступъ. 27 мая зашумѣлъ станъ непріятельскій: ляхи, слѣдуя своему обыкновенію, съ утра начали веселиться, пить, играть на трубахъ. Въ полдень многіе всадники объѣзжали вокругъ стѣнъ и высматривали мѣста; другіе взадъ и впередъ скакали, и мечами грозили осажденнымъ. Ввечеру многочисленная конница съ знаменами стала на Клементьевскомъ полѣ; вышелъ и Сапѣга съ остальными дружинами, всадниками и пѣхотою, какъ бы желая доказать, что презираетъ выгоду нечаянности въ нападеніи и даетъ время непріятелю изготовиться къ бою. Лавра изготовилась: не только монахи съ оружіемъ, но и женщины явились на стѣнахъ съ камнями, съ огнемъ, смолою, известью и сѣрою. Архимандритъ и старые іеромонахи въ полномъ облаченіи стояли передъ алтаремъ и молились. Ждали часа. Уже наступила ночь и скрыла непріятеля; но въ глубокомъ мракѣ и безмолвіи осажденные слышали ближе и ближе шорохъ: ляхи, какъ змѣи, ползли ко рву съ стѣнобитными орудіями, щитами, лѣстницами, и вдругъ съ Красной горы грянулъ пушечный громъ: непріятель завопилъ, ударилъ въ бубны и кинулся къ оградѣ, придвинулъ щиты на колесахъ, лѣзъ на стѣны. Въ сей роковой часъ остатокъ великодушныхъ увѣнчалъ свой подвигъ. Готовые къ смерти, защитники лавры уже не могли ничего страшиться: безъ ужаса и смятенія каждый дѣлалъ свое дѣло; стрѣляли, кололи изъ отверстій, метали камни, зажженную смолу и сѣру, лили варъ, ослѣпляли глаза известью, отбивали щиты, тарасы и лѣстницы. Непріятель оказывалъ смѣлость и твердость; отражаемый, съ усиліемъ возобновлялъ приступы до самаго утра, которое освѣтило спасеніе лавры: ляхи и россійскіе злодѣи начали отступать, а побѣдители, неутомимые и ненасытные, сдѣлавъ вылазку, еще били ихъ во рвахъ, гнали въ полѣ и въ лощинахъ схватили 30 пановъ и чиновныхъ измѣнниковъ, взяли множество стѣнобитныхъ орудій и возвратились славить Бога въ храмѣ Троицы. Симъ дѣломъ важнымъ, но кровопролитнымъ только для непріятеля, рѣшилась судьба осады. Еще держася въ станѣ, еще надѣясь одолѣть непреклонность лавры совершеннымъ изнеможеніемъ

ся защитниковъ, Сапѣга уже берегъ свое войско; не нападая, единственно отражалъ смѣлыя вылазки, и ждалъ, что будетъ съ Москвою. Ждала того и лавра, служа для нея примѣромъ, къ несчастью, безплоднымъ.

Когда горсть достойныхъ воиновъ-монаховъ, слугъ и земледѣльцевъ, изнуренныхъ болѣзнью и трудами, неослабно боролась съ полками Сапѣги, Москва, имѣя кромѣ гражданъ войско многочисленное, все лучшее дворянство, всю нравственную силу государства, давала владычествовать бродягѣ Лжедимитрію въ двѣнадцати верстахъ отъ стѣнъ Кремлевскихъ и досугъ покорять Россію. Москва находилась въ осадѣ, ибо непріятель своими разъѣздами мѣшалъ ея сообщеніямъ. Хотя царскіе воеводы иногда выходили въ поле, иногда сражались, чтобы очистить пути, и въ дѣлѣ кровопролитномъ, въ коемъ былъ раненъ гетманъ Лжедимитріевъ, имѣли выгоду, но не предпринимали ничего рѣшительнаго. Василій ждалъ вѣстей отъ Скопина; ждалъ и ближайшей помощи, давъ указъ жителямъ всѣхъ городовъ сѣверныхъ вооружиться, идти въ Ярославль и къ Москвѣ; велѣлъ и боярину Ѳедору Шереметеву оставить Астрахань, взять людей ратныхъ въ низовыхъ городахъ и также спѣшить къ столицѣ. Но для сего требовалось время, коимъ непріятель могъ воспользоваться, отчасти и воспользовался къ ужасу всей Россіи.

Не имѣя силъ овладѣть Москвою, не умѣвъ овладѣть и лаврою, Лжедимитрій съ измѣнниками и ляхами послалъ отряды къ Суздалю, Владиміру и другимъ городамъ, чтобы дѣйствовать обольщеніемъ, угрозами или силою. Надежда его исполнилась. Суздаль первый измѣнилъ чести, слушаясь злодѣя, дворянина Шилова: цѣловалъ крестъ Самозванцу, принялъ Лисовскаго и воеводу Ѳедора Плещеева отъ Сапѣги. Переславль-Залѣсскій очернилъ себя еще гнуснѣйшимъ дѣломъ: жители его соединились съ ляхами и приступили къ Ростову. Тамъ крушился о бѣдствіяхъ отечества добродѣтельный митрополитъ Филаретъ. Не имѣя крѣпкихъ стѣнъ, граждане предложили ему удалиться вмѣстѣ съ ними въ Ярославль; но Филаретъ сказалъ, что не бѣгствомъ, а кровью должно спасать отечество; что великодушная смерть лучше жизни срамной; что есть другая жизнь и вѣнецъ мучениковъ для христіанъ, вѣрныхъ царю и Богу. Видя бѣгство народа, Филаретъ съ немногими усердными воинами и гражданами заключился въ соборной церкви: всѣ исповѣдались, причастились Святыхъ Таинъ и ждали непріятеля или смерти. Не ляхи, а братья единовѣрные, переславцы, дерзнули осадить святой храмъ, стрѣляли, ломились въ двери и дикимъ ревомъ ярости отвѣтствовали на голосъ митрополита, который молилъ ихъ не быть извергами. Двери пали; добрые ростовцы окружили Филарета и бились до совершен-

наго изнеможенія. Храмъ наполнился трупами. Злодѣи-побѣдители схватили митрополита и, сорвавъ съ него ризы святительскія, одѣли въ рубище, обнажили церковь, сняли золото съ гробницы св. Леонтія и раздѣлили между собою по жеребью; опустошили городъ и съ добычею святотатства вышли изъ Ростова, куда Сапѣга прислалъ воеводствовать злого измѣнника Матвѣя Плещеева. Филарета повезли въ Тушинскій станъ, какъ узника, босого, въ одеждѣ литовской, въ татарской шапкѣ; но Самозванецъ готовилъ ему безчестіе и срамъ иного рода, — встрѣтилъ его съ знаками чрезвычайнаго уваженія, какъ племянника Іоанновой супруги Анастасіи и жертву Борисовой ненависти, величалъ какъ знаменитѣйшаго, достойнаго архипастыря и назвалъ патріархомъ, далъ ему златой поясъ и святительскихъ чиновниковъ для наружной пышности, но держалъ его въ тѣсномъ заключеніи, какъ непреклоннаго въ вѣрности царю Василію. Сей второй Лжедимитрій, наученный бѣдствіемъ перваго, хотѣлъ казаться ревностнымъ чтителемъ церкви и духовенства; училъ лицемѣрію и жену свою, которая съ благоговѣніемъ приняла отъ Сапѣги богатую икону св. Леонтія, — ростовскую добычу; уже не смѣла гнушаться обрядами православія, молилась въ нашихъ церквахъ и поклонялась мощамъ угодниковъ Божіихъ. Еще притворствовали и хитрили для ослѣпленія умовъ въ вѣкъ безумія и страстей неистовыхъ!

Городъ за городомъ сдавался Лжедимитрію: Владиміръ, Угличъ, Кострома, Галичъ, Вологда и другіе, тѣ самые, откуда Василій ждалъ помощи. Являлась толпа измѣнниковъ и ляховъ, восклицая: „да здравствуетъ Димитрій!“, и жители, отвѣтствуя такимъ же восклицаніемъ, встрѣчали ихъ какъ друзей и братьевъ. Добросовѣстные безмолвствовали въ горести, видя силу на сторонѣ разврата и легкомыслія, ибо многіе, вопреки здравому смыслу, еще вѣрили мнимому Димитрію. Другіе, зная обманъ, измѣняли отъ робости или для того, чтобы злодѣйствовать свободно, приставали къ шайкамъ Самозванца и вмѣстѣ съ ними грабили гдѣ и что хотѣли. Шуя, наслѣдственное владѣніе Васильевыхъ предковъ, и Кинешма, гдѣ защищался воевода Өедоръ Боборыкинъ, были взяты, разорены Лисовскимъ; взята и вѣрная Тверь, ибо лучшіе воины ея находились съ царемъ въ Москвѣ. Отрядъ легкой Сапѣгиной конницы вступилъ и въ отдаленный Бѣлозерскъ, гдѣ издревле хранилась часть казны государственной; ляхи не нашли казны, но тамъ и вездѣ освободили ссыльныхъ, а въ ихъ числѣ и злодѣя Шаховского, себѣ въ усердные сподвижники. Ярославль, обогащенный торговлею англійскою, сдался на условіи — не грабить его церквей, домовъ и лавокъ, не безчестить женъ и дѣвицъ; принялъ воеводу отъ Лжедимитрія, шведа грече-

ской вѣры, именемъ Лоренца Біугге, Іоаннова ливонскаго плѣнника; послалъ въ Тушинскій станъ 30.000 р., обязался снарядить 1.000 всадниковъ. Псковъ, знаменитый древними и новѣйшими воспоминаніями славы, сдѣлался вдругъ вертепомъ разбойниковъ и душегубцевъ. Тамъ снова начальствовалъ бояринъ Петръ Шереметевъ, недолго бывъ въ опалѣ, вѣрный царю, нелюбимый народомъ за лихоимство. Духовенство, дворяне, гости были также вѣрны, но лазутчики и письма тушинскаго злодѣя взволновали мелкихъ гражданъ, чернь, стрѣльцовъ, казаковъ, исполненныхъ ненависти къ людямъ сановитымъ и богатымъ. Мятежниками предводительствовалъ дворянинъ Ѳедоръ Плещеевъ; торжествуя числомъ, силою и дерзостью, они присягнули Лжедимитрію; вопили, что Шуйскій отдаетъ Псковъ шведамъ, заключили Шереметева и гражданъ знатнѣйшихъ, расхитили достояніе святительское и монастырское. Узнавъ о томъ, Лжедимитрій прислалъ къ нимъ свою шайку. Начались убійства. Шереметева удавили въ темницѣ, другихъ узниковъ казнили, мучили, сажали на колъ. Въ сіе ужасное время сгорѣла знатная часть Пскова, и кучи пепла облилися новою кровью: неистовые мятежники объявили дворянъ и богатыхъ куповъ зажигателями, грабили, рѣзали невинныхъ и славили царя тушинскаго... Кто могъ въ сихъ изступленіяхъ злодѣйства узнать отчизну св. Ольги, гдѣ цвѣла нѣкогда добродѣтель человѣческая и государственная, гдѣ еще за 26 лѣтъ предъ тѣмъ жили граждане великодушные, побѣдители героя Баторія, спасители нашей чести и славы?

Но кто могъ узнать и всю Россію, гдѣ въ теченіе вѣковъ видѣли столько подвиговъ достохвальныхъ, столько твердости въ бѣдствіяхъ, столько чувствъ благородныхъ? Казалось, что россіяне уже не имѣли отечества, ни души, ни вѣры; что государство, зараженное нравственною язвою, въ страшныхъ судорогахъ кончалось! Такъ повѣствуетъ добродѣтельный свидѣтель тогдашнихъ ужасовъ Авраамій Палицынъ, исполненный любви къ злосчастному отечеству и къ истинѣ.

„Россію терзали свои болѣе нежели иноплеменные: путеводителями, наставниками и хранителями ляховъ были наши измѣнники, первые и послѣдніе въ кровавыхъ сѣчахъ; ляхи, съ оружіемъ въ рукахъ, только смотрѣли и смѣялись безумному междоусобію. Въ лѣсахъ, въ болотахъ непроходимыхъ россіяне указывали или готовили имъ путь, и числомъ превосходнымъ берегли ихъ въ опасностяхъ, умирая за тѣхъ, которые обходились съ ними какъ съ рабами. Вся добыча принадлежала ляхамъ, они избирали себѣ лучшихъ изъ плѣнниковъ, красныхъ юношей и дѣвицъ, или отдавали на выкупъ ближнимъ—и снова отнимали, къ забавѣ россіянъ! Сердце трепещетъ отъ воспоминанія злодѣйствъ: тамъ, гдѣ стыла

теплая кровь, гдѣ лежали трупы убіенныхъ, тамъ гнусное любострастіе искало одра для своихъ мерзростныхъ наслажденій. Святыхъ юныхъ инокинь обнажали, позорили; лишенныя чести, лишались и жизни въ мукахъ срама. Были жены, прельщаемыя иноплеменниками и развратомъ, но другія смертію избавляли себя отъ звѣрскаго насилія. Уже не сражаясь за отечество, еще многіе умирали за семейства: мужъ—за супругу, отецъ—за дочь, братъ—за сестру вонзалъ ножъ въ грудь ляху. Не было милосердія: добрый, вѣрный царю воинъ, взятый въ плѣнъ ляхами, иногда находилъ въ нихъ жалость и самое уваженіе къ его вѣрности; но измѣнники называли ихъ за то женами слабыми и худыми союзниками царя тушинскаго; всѣхъ твердыхъ въ добродѣтели предавали жестокой смерти, метали съ крутыхъ береговъ въ глубину рѣкъ, разстрѣливали изъ луковъ и самопаловъ; въ глазахъ родителей жгли дѣтей, носили головы ихъ на сабляхъ и копьяхъ; грудныхъ младенцевъ, вырывая изъ рукъ матерей, разбивали о камни. Видя сію неслыханную злобу, ляхи содрогались и говорили: что же будетъ намъ отъ россіянъ, когда они и другъ друга губятъ съ такою лютостію? Сердца окаменѣли, умы омрачились: не имѣли ни состраданія, ни предвидѣнія, вблизи свирѣпствовало злодѣйство, а мы думали: оно минуетъ насъ! или искали въ немъ личныхъ для себя выгодъ. Въ общемъ круженіи головъ всѣ хотѣли быть выше своего званія: рабы господами, чернь дворянствомъ, дворяне вельможами. Не только простые простыхъ, но и знатные знатныхъ, и разумные разумныхъ обольщали измѣною, въ домахъ и въ самыхъ битвахъ; говорили: мы блаженствуемъ, идите къ намъ отъ скорби къ утѣхамъ! Гибли отечество и церковь: храмы истиннаго Бога разорялись, подобно капищамъ Владимірова времени, скотъ и псы жили въ алтаряхъ, воздухами и пеленами украшались кони, пили изъ потировъ, мяса стояли на дискосахъ, на иконахъ играли въ кости, хоругви церковныя служили вмѣсто знаменъ, въ ризахъ іерейскихъ плясали блудницы. Иноковъ, священниковъ палили огнемъ, допытываясь ихъ сокровищъ; отшельниковъ, схимниковъ заставляли пѣть срамныя пѣсни, безмолвствующихъ убивали. Люди уступали свои жилища звѣрямъ: медвѣди и волки, оставивъ лѣса, витали въ пустыхъ городахъ и весяхъ; враны плотоядные сидѣли станицами на тѣлахъ человѣческихъ; малыя птицы гнѣздились въ черепахъ. Могилы, какъ горы, вездѣ возвышались. Граждане и земледѣльцы жили въ дебряхъ, въ лѣсахъ и въ пещерахъ недовѣдомыхъ, или въ болотахъ, только ночью выходя изъ нихъ осушиться. И лѣса не спасали; люди, уже покинувъ звѣроловство, ходили туда съ чуткими псами на ловлю людей; матери, укрываясь въ густотѣ древесной, страшились вопля своихъ младенцевъ, зажимали имъ ротъ и душили ихъ до смерти. Не свѣтомъ луны,

а пожарами озарялись ночи, ибо грабители жгли, чего не могли взять съ собою, домы и все, да будетъ Россія пустынею необитаемою!“

Россія бывала пустынею; но въ сіе время, не Батыевы, а собственные варвары свирѣпствовали въ ея нѣдрахъ, изумляя и самыхъ неистовыхъ иноплеменниковъ. Россія могла тогда завидовать временамъ Батыевымъ, будучи жертвою величайшаго изъ бѣдствій,—разврата государственнаго, который мертвитъ и надежду на умилостивленіе небесное! Сія надежда питалась только великодушною смертію многихъ россіянъ, ибо не въ одной лаврѣ блистало геройство: сіи, по выраженію лѣтописца, горы могилъ, всюду видимыя, вмѣщали въ себѣ персть мучениковъ вѣрности и закона. Добродѣтель какъ фениксъ возрождается изъ пепла могилы, примѣромъ и памятію; тамъ не все погибло, гдѣ хотя немногіе предпочитаютъ гибель беззаконію. Съ честію умирали и воины, и граждане, и старцы, и жены. Въ духовенствѣ особенно сіяла доблесть. Мы видѣли мужество Филарета. Епископъ тверской Ѳеоктистъ, крестомъ и мечомъ вооруженный, до послѣдняго издыханія боролся съ измѣною, и, взятый въ плѣнъ, удостоился вѣнца страдальческаго. Архіепископъ суздальскій Галактіонъ, не хотѣвъ благословить Самозванца, скончался въ изгнаніи. Добродѣтельнаго коломенскаго святителя Іосифа злодѣи влачили привязаннаго къ пушкѣ; онъ терпѣлъ и молилъ Бога образумить россіянъ. Святитель псковскій Геннадій, въ тщетномъ усиліи обуздать мятежниковъ, умеръ отъ горести. Немногіе изъ священниковъ, какъ сказано въ лѣтописи, уцѣлѣли, ибо вездѣ противились бунту.

Сей бунтъ уже поглощалъ Россію. Какъ разсѣянные острова среди бурнаго моря, являлись еще подъ знаменемъ московскимъ вблизи лавра, Коломна, Переславль Рязанскій, вдали Смоленскъ, Новгородъ, Нижній, Саратовъ, Казань, города сибирскіе; всѣ другіе уже принадлежали къ царству беззаконія, коего столицею былъ Тушинскій станъ, дѣйствительно подобный городу разными зданіями внутри онаго, купеческими лавками, улицами, площадями, гдѣ толпилось болѣе ста тысячъ разбойниковъ, обогащаемыхъ плодами грабежа, гдѣ каждый день, съ утра до вечера, казался праздникомъ грубой роскоши: вино и медъ лилися изъ бочекъ, мяса, вареныя и сырыя, лежали грудами, пресыщая и людей, и псовъ, которые вмѣстѣ съ измѣнниками стекались въ Тушино. Число сподвижниковъ Лжедимитріевыхъ умножилось татарами, приведенными къ нему потѣшнымъ царемъ Борисовымъ, державцемъ касимовскимъ Уразъ - Мегметомъ, и крещенымъ ногайскимъ княземъ Арасланомъ Петромъ, сыномъ Урусовымъ; оба не менѣе россіянъ виновные, измѣнили Василію; второй оставилъ и вѣру христіанскую, и жену (бывшую княгиню Шуйскую), чтобы

служить царику тушинскому, то-есть грабить и злодѣйствовать. Жилище Самозванца, пышно именуемое дворцомъ, наполнялось лицемѣрами благоговѣнія, россійскими чиновниками и знатными ляхами (между коими унижался и посолъ Сигизмундовъ Олесницкій, выпросивъ у бродяги въ даръ себѣ городъ Бѣлую). Тамъ безстыдная Марина, съ своею поруганною красотою, наружно величалась саномъ театральной царицы, но внутренно тосковала, не властвуя, какъ ей хотѣлось, а раболѣпствуя и съ трепетомъ завися отъ мужа-варвара, который даже отказывалъ ей въ средствахъ блистать пышностію, тамъ вельможный отецъ ея лобызалъ руку бѣглаго поповича или жида, принявъ отъ него новую владѣнную грамоту на Смоленскъ, еще не взятый, и Сѣверную землю, съ обязательствомъ выдать ему (Мнишку) 300,000 рублей изъ казны московской, еще незавоеванной. Тамъ, упоенный счастіемъ и господствуя надъ Россіею отъ Десны до Чудского и Бѣлаго озера, Двины и моря Каспійскаго, ежедневно слыша о новыхъ успѣхахъ мятежа, ежедневно видя новыхъ подданныхъ у ногъ своихъ, стѣсняя Москву, угрожаемую голодомъ и предательствомъ, Самозванецъ терпѣливо ждалъ послѣдняго успѣха—гибели Шуйскаго, въ надеждѣ скоро взять столицу и безъ кровопролитія, какъ обѣщали ему легкомысленные переметчики, которые не хотѣми видѣть въ ней ни меча, ни пламени, имѣя тамъ домы и семейства.

Миновало и возвратилось лѣто; Самозванецъ еще стоялъ въ Тушинѣ. Хотя въ злодѣйскихъ предпріятіяхъ всякое замедленіе опасно, и близкая цѣль требуетъ не отдыха, а быстрѣйшаго къ ней стремленія; хотя Лжедимитрій, слишкомъ долго смотря на Москву, давалъ время узнавать и презирать себя, и съ умноженіемъ силъ вещественныхъ лишался нравственной,—но торжество злодѣя могло бы совершиться, если-бы ляхи, виновники его счастія, не сдѣлались виновниками и его гибели, невольно услуживъ нашему отечеству, какъ и во время перваго Лжедимитрія. Россіи издыхающей помогъ новый непріятель!

Доселѣ король Сигизмундъ враждовалъ намъ тайно, не снимая съ себя личины мирной, и содѣйствуя самозванцамъ только наемными дружинами или вольницею. Настало время снять личину и дѣйствовать открыто.

Соединивъ, уже неразрывно, судьбу Марины и мнимую честь свою съ судьбою обманщика, боясь худого оборота въ дѣлахъ его и надѣясь быть зятю полезнѣе въ королевской Думѣ, нежели въ Тушинскомъ станѣ, воевода Сендомирскій (въ январѣ 1609 года) уѣхалъ въ Варшаву такъ скоро, что не успѣлъ и благословить дочери, которая въ письмахъ къ нему жаловалась на сію холодность. Вслѣдъ за Мнишкомъ надлежало ѣхать и посламъ Лжеди-

митріевымъ туда, гдѣ все съ живѣйшимъ любопытствомъ занималось нашими бѣдствіями, желая ими воспользоваться и для государственныхъ, и для частныхъ выгодъ, ибо еще многіе благородные ляхи, пылая страстію удальства и корысти, думали искать счастія въ смятенной Россіи. Уже друзья воеводы Сендомирскаго дѣйствовали ревностно на Сеймѣ, представляя, что торжество мнимаго Димитрія есть торжество Польши; что нужно довершить оное силами республики, дать корону бродягѣ и взять Смоленскъ, Сѣверскую и другія, нѣкогда литовскія земли. Они хотѣли, чего хотѣлъ Мнишекъ: войны за Самозванца, и если бы Сигизмундъ, признавъ Лжедимитрія царемъ, усердно и заблаговременно помогъ ему, какъ союзнику, новымъ войскомъ, то едва ли Москва, едва ли шесть или семь городовъ, еще вѣрныхъ, устояли бы въ сей бурѣ общаго мятежа и разрушенія. Что сдѣлалось бы тогда съ Россіею, вторичною гнусною добычею самозванства и его пѣстуновъ? могла ли бы она еще возстать изъ сей бездны срама и быть, чѣмъ видимъ ее нынѣ? Такъ судьба Россіи зависѣла отъ политики Сигизмундовой; но Сигизмундъ, къ счастію, не имѣлъ духа Баторіева: властолюбивый, съ малодушіемъ и съ умомъ недальновиднымъ, онъ не вразумился въ причины дѣйствій; не зналъ, что ляхи единственно подъ знаменами россійскими могли терзать, унижать, топтать Россію, не своимъ геройствомъ, а Димитріевымъ именемъ чудесно обезуруживая народъ ея слѣпотствующій, — не зналъ, и политикою грубо-стяжательною открылъ ему глаза, воспламенилъ въ немъ искру великодушія, оживилъ, усилилъ старую ненависть къ Литвѣ и, сдѣлавъ много зла Россіи, далъ ей спастися для ужаснаго, хотя и медленнаго, возмездія ея врагамъ непримиримымъ.

Увѣряютъ, что многіе знатные россіяне, въ искреннихъ разговорахъ съ ляхами, изъявили желаніе видѣть на престолѣ московскомъ юнаго Сигизмундова сына Владислава вмѣсто обманщиковъ и бродягъ, безразсудно покровительствуемыхъ королемъ и вельможными панами; нѣкоторые даже прибавляли, что самъ Шуйскій желаетъ уступить ему царство. Искренно ли и дѣйствительно ли такъ объяснялись россіяне—неизвѣстно; но король вѣрилъ и, въ надеждѣ пріобрѣсти Россію для сына и для себя, уже не доброхотствовалъ Лжедимитрію. Друзья королевскіе предложили Сейму объявить войну царю Василію за убіеніе мирныхъ ляховъ въ Москвѣ и за долговременную безчестную неволю пословъ республики Олесницкаго и Гонсѣвскаго; доказывали, что Россія не только виновна, но и слаба; что война съ нею не только справедлива, но и выгодна; говорили: „Шуйскій зоветъ шведовъ, и если ихъ вспоможеніемъ утвердитъ власть свою, то чего добраго ждать республикѣ отъ союза двухъ враговъ ея? Еще хуже, если шведы овла-

дѣютъ Москвою; не лучше, если она, утомленная бѣдствіями, покорится и султану, и татарамъ. Должно предупредить опасность и легко; 3,000 ляховъ въ 1605 году дали бродягѣ Московское царство; нынѣ дружины вольницы угрожаютъ Шуйскому плѣномъ: можемъ ли бояться сопротивленія?“ Были, однакожъ, сенаторы благоразумные, которые не восхищались мыслью о завоеваніи Москвы и думали, что республика едва ли не виновнѣе Россіи, дозволивъ первому Лжедимитрію, вопреки миру, ополчаться въ Галиціи и въ Литвѣ на Годунова и, не мѣшая ляхамъ, участвовать въ злодѣйствахъ второго; что Польша, бывъ еще недавно жертвою междоусобія, не должна легкомысленно начинать войны съ государствомъ обширнымъ и многолюднымъ; что въ семъ случаѣ надлежитъ имѣть четыре войска: два противъ Шуйскаго и мнимаго Димитрія, два противъ шведовъ и собственныхъ мятежниковъ; что такія ополченія безъ тягостныхъ налоговъ невозможны, а налоги опасны. Имъ отвѣтствовали: „Богатая Россія будетъ наша“ — и Сеймъ исполнилъ желаніе короля: не взирая на перемиріе, вновь заключенное въ Москвѣ, одобрилъ войну съ Россіею безъ всякаго сношенія съ Лжедимитріемъ, къ горести Мнишка, который, пріѣхавъ въ отечество, уже не могъ ничего сдѣлать для своего зятя и долженъ былъ удалиться отъ двора, гдѣ только сожалѣли о немъ, и не безъ презрѣнія.

Сигизмундъ казался новымъ Баторіемъ, съ необыкновенною ревностію готовясь къ походу; собиралъ войско, не имѣя денегъ для жалованья, но тѣмъ болѣе, обѣщая, въ надеждѣ, что кончитъ войну одною угрозою и что Россія, изнуренная, встрѣтитъ его не съ мечомъ, а съ вѣнцомъ Мономаховымъ, какъ спасителя. Узнавъ толки злословія, которое приписывало ему намѣреніе завоевать Москву и силами ея подавить вольность въ республикѣ — то есть сдѣлаться обоихъ государствъ самодержцемъ — король окружнымъ письмомъ удостовѣрилъ сенаторовъ въ нелѣпости сихъ разглашеній, клялся не мыслить о личныхъ выгодахъ и дѣйствовать единственно для блага республики; выѣхалъ изъ Кракова въ іюнѣ мѣсяцѣ къ войску и еще не зналъ, куда вести оное: въ землю ли Сѣверскую, гдѣ царствовало беззаконіе подъ именемъ Димитрія, или къ Смоленску, гдѣ еще царствовали законъ и Василій, или прямо къ Москвѣ, чтобы истребить Лжедимитрія, отвлечь отъ него и ляховъ, и россіянъ, а послѣ истребить и Шуйскаго, какъ совѣтовалъ умный гетманъ Жолкѣвскій? Сигизмундъ колебался, медлилъ, и, наконецъ, пошелъ къ Смоленску, ибо канцлеръ Левъ Сапѣга и панъ Гонсѣвскій увѣрили короля, что сей городъ желаетъ ему сдаться, желая избавиться отъ ненавистной власти Самозванца. Но въ Смоленскѣ начальствовалъ доблій Шеинъ.

Границы Россіи были отверсты, сообщенія прерваны, воины разсѣяны, города и селенія въ пеплѣ или въ бунтѣ, сердца въ ужасѣ или въ ожесточеніи, правительство въ безсиліи, царь въ осадѣ и среди измѣнниковъ. Но когда Сигизмундъ, согласно съ пользою своей державы, шелъ къ намъ за легкою добычею властолюбія, въ то время бѣдствія Россіи, достигнувъ крайности, уже являли признаки оборота и возможность спасенія, рождая надежду, что Богъ не оставляетъ государства, гдѣ многіе или немногіе граждане еще любятъ отечество и добродѣтель.

ГЛАВА III.

1608 — 1610 г.

Князь Пожарскій.—Доблесть Нижняго Новгорода.—Возстаніе и другихъ городовъ низовыхъ.—Возстаніе Сѣверной Россіи.—Крамолы въ Москвѣ.—Голодъ.—Вѣсть о князѣ Михаилѣ и его подвиги.—Приступы Лжедимитрія къ Москвѣ.—Побѣда царскаго войска.—Три самозванца.—Нѣкоторыя удачи Лжедимитріевы.—Новый мятежъ въ Москвѣ.—Слобода Александровская.—Побѣда надъ Сапѣгою. — Любовь къ князю Михаилу.— Предлагаютъ вѣнецъ герою. — Разбои. — Пожарскій. — Осада Смоленска.—Смятеніе Лжедимитріевыхъ ляховъ.—Распря между Сигизмундомъ и конфедератами. — Посольство королевское въ Тушино.—Переговоры съ тушинскими измѣнниками.— Бѣгство Лжедимитрія.—Высокомѣріе Марины.—Злодѣйства Самозванца въ Калугѣ.—Волненіе въ Тушинѣ. — Бѣгство Марины. — Посольство тушинское къ королю. — Измѣнники признаютъ Владислава царемъ.—Марина въ Калугѣ.—Успѣхи князя Михаила.—Освобожденіе лавры.—Бѣгство Сапѣги.—Опустѣніе Тушина.—Дѣло князя Михаила.—Торжественное вступленіе героя въ Москву.

Первое счастливое дѣло сего времени было подъ Коломною, гдѣ воеводы царскіе князь Прозоровскій и Сукинъ разбили пана Хмѣлевскаго. Во второмъ дѣлѣ оказалось мужество и счастіе юнаго, еще неизвѣстнаго стратига, коему Провидѣніе готовило благотворнѣйшую славу въ мірѣ: славу героя-спасителя отечества. Князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, происходя отъ Всеволода III и князей Стародубскихъ, царедворецъ безчиновный въ Борисово время и стольникъ при Разстригѣ, опасностями Россіи вызванный на театръ кровопролитія, долженъ былъ вторично защитить Коломну отъ нападенія Литвы и нашихъ измѣнниковъ, шедшихъ изъ Владимира. Пожарскій не хотѣлъ ждать ихъ: встрѣтилъ въ селѣ Высоцкомъ, въ тридцати верстахъ отъ Коломны, и на утренней зарѣ внезапнымъ, сильнымъ ударомъ изумилъ непріятеля; взялъ множество плѣнниковъ, запасовъ и богатую казну; одержалъ побѣду съ малымъ урономъ, явивъ не

только смѣлость, но и рѣдкое искусство, въ предвѣстіе своего великаго назначенія.

Тогда же и въ иныхъ мѣстахъ судьба начинала благопріятствовать царю. Мятежники, мордва, черемисы и Лжедимитріевы шайки, ляхи, россіяне, съ воеводою княземъ Вяземскимъ, осаждали Нижній-Новгородъ. Вѣрные жители обрекли себя на смерть; простились съ женами, дѣтьми, и единодушною вылазкою разбили осаждающихъ наголову: взяли Вяземскаго и немедленно повѣсили какъ измѣнника. Такъ добрые нижегородцы воспрянули къ подвигамъ, коимъ надлежало увѣнчаться ихъ безсмертною, святою, для самыхъ отдаленныхъ вѣковъ утѣшительною славою въ нашей исторіи. Они не удовольствовались своимъ избавленіемъ, только временнымъ: свѣдавъ, что бояринъ Ѳедоръ Шереметевъ, въ исполненіе Василіева указа, оставилъ, наконецъ, Астрахань, идетъ къ Казани, вездѣ смиряетъ бунтъ, вездѣ бьетъ и гонитъ шайки мятежниковъ, нижегородцы выступили въ поле, взяли Балахну и съ ея жителей присягу въ вѣрности къ Василію; обратили къ закону и другіе низовые города, воспламеняя въ нихъ ревность добродѣтельную. Возстали и жители Юрьевца, Гороховца, Луха, Решмы, Холуя, и подъ начальствомъ сотника Краснаго, мѣщанъ Кувшинникова, Нагавицына, Деньгина и крестьянина Лапши разбили непріятеля въ Лухѣ и въ селѣ Дуниловѣ: ляхи и наши измѣнники съ воеводою Ѳедоромъ Плещеевымъ, сподвижникомъ Лисовскаго, бѣжали въ Суздаль. Побѣдители взяли многихъ недостойныхъ дворянъ, отправили, какъ плѣнниковъ, въ Нижній-Новгородъ и разорили ихъ домы.

Москва осажденная не знала о сихъ важныхъ происшествіяхъ, но знала о другихъ, еще важнѣйшихъ. Не теряя надежды усовѣстить измѣнниковъ, Василій писалъ къ жителямъ городовъ сѣверныхъ: Галича, Ярославля, Костромы, Вологды, Устюга: „Несчастные! кому вы рабски цѣловали крестъ и служите? Злодѣю и злодѣямъ, бродягѣ и ляхамъ! Уже видите ихъ дѣла, и еще гнуснѣйшія увидите! Когда своимъ малодушіемъ предадите имъ государство и церковь; когда падетъ Москва, а съ нею и святое отечество и святая вѣра, то будете отвѣтствовать уже не намъ, а Богу... есть Богъ мститель! Въ случаѣ же раскаянія и новой вѣрной службы, обѣщаемъ вамъ, чего у васъ нѣтъ и на умѣ: милости, льготу, торговлю безпошлинную на многія лѣта“. Сіи письма, доставляемыя усердными слугами гражданамъ обольщеннымъ, имѣли дѣйствіе; всего же сильнѣе дѣйствовали наглость ляховъ и неистовство россійскихъ клевретовъ Самозванца, которые, губя враговъ, не щадили и друзей. Присяга Лжедимитрію не спасала отъ грабежа, а народъ, лишась чести, тѣмъ болѣе стоитъ за имѣніе. Земледѣльцы первые ополчались на грабителей; встрѣ-

чали ляховъ уже не хлѣбомъ и солью, а при звукѣ набата, съ дрекольемъ, копьями, сѣкирами и ножами; убивали, топили въ рѣкахъ и кричали: „Вы опустошили наши житницы и хлѣвы: теперь питайтесь рыбою! Примѣру земледѣльцевъ слѣдовали и города, отъ Романова до Перми: свергали съ себя иго злодѣйства, изгоняли чиновниковъ Лжедимитріевыхъ. Люди слабые раскаялись; люди твердые ободрились, и между ими два человѣка прославились особенною ревностію: знаменитый гость Петръ Строгановъ и нѣмецъ греческаго исповѣданія, богатый владѣлецъ Даніилъ Эйловъ. Первый не только удержалъ Соль-Вычегодскую, гдѣ находились его богатыя заведенія, въ неизмѣнномъ подданствѣ царю, но и другіе города, пермскіе и казанскіе, жертвуя своимъ достояніемъ для ополченія гражданъ и крестьянъ, второго именуютъ главнымъ виновникомъ сего возстанія, которое встревожило станъ Тушинскій и Сапѣгинъ, замѣшало царство злодѣйское, отвлекло знатную часть силъ непріятельскихъ отъ Москвы и лавры. Паны Тишкевичъ и Лисовскій выступили съ полками усмирять мятежъ, сожгли предмѣстіе Ярославля, Юрьевецъ, Кинешму; Зборовскій и князь Григорій Шаховскій—Старицу. Жители противились мужественно въ городахъ, дѣлали въ селеніяхъ остроги, въ лѣсахъ засѣки; не имѣли только единодушія, ни устройства. Измѣнники и ляхи побили ихъ нѣсколько тысячъ въ шестидесяти верстахъ отъ Ярославля, въ селеніи Даниловскомъ и, пылая злобою, все жгли и губили: женъ, дѣтей, старцевъ—и тѣмъ усиливали взаимное остервенѣніе. Вѣрные россіяне также не знали ни жалости, ни человѣчества въ мести, одерживая иногда верхъ въ сшибкахъ, убивали плѣнныхъ, казнили воеводъ Самозванцевыхъ Застолпскаго, Нащокина и пана Маттіаса, нѣмца Шмита, ярославскаго жителя сварили въ котлѣ за то, что онъ, выѣхавъ къ тамошнимъ гражданамъ для переговоровъ, дерзнулъ склонять ихъ къ новой измѣнѣ. Бѣдствія сего края, душегубство, пожары еще умножились, но уже знаменовали великодушное сопротивленіе злодѣйству; и вѣсти о счастливой перемѣнѣ, сквозь пламя и кровь, доходили до Москвы. Уже Василій писалъ благодарныя грамоты къ добрымъ сѣвернымъ россіянамъ; послалъ къ нимъ чиновниковъ для образованія войска, велѣлъ ихъ дружинамъ идти въ Ярославль, открыть сообщеніе съ городами низовыми и съ бояриномъ Ѳедоромъ Шереметевымъ; наконецъ, спѣшить къ столицѣ.

Но столица была театромъ козней и мятежей. Тамъ, гдѣ опасались не измѣны, а доносовъ на измѣну, гдѣ страшились мести ляховъ и Самозванца болѣе, нежели царя и закона, гдѣ власть верховная, ужасаясь явнаго и тайнаго множества злодѣевъ, умышленнымъ послабленіемъ хотѣла, казалось, только продлить тѣнь

бытія своего и на часъ удалить гибель, тамъ надлежало дивиться не смятенію, а призраку тишины и спокойствія, когда государство едва существовало и Москва видѣла себя среди Россіи въ уединеніи, будучи отрѣзана, угрожаема всѣми бѣдствіями долговременной осады, безъ надежды на избавленіе, безъ довѣренности къ правительству, безъ любви къ царю, ибо москвитяне, нѣкогда усердные къ боярину Шуйскому, уже не любили въ немъ вѣнценосца, приписывая государственныя злополучія его неразумію или несчастію, — обвиненіе равно важное въ глазахъ народа! Еще какая-то невидимая сила, законъ, совѣсть, нерѣшительность, разномысліе, хранили Василія. Желали перемѣны; но кому отдать вѣнецъ? въ тайныхъ преніяхъ не соглашались. Самозванцемъ вообще гнушались; ляховъ вообще ненавидѣли, и никто изъ вельможъ не имѣлъ ни столько достоинствъ, ни столько клевретовъ, чтобы обѣщать себѣ державство. Дни текли, и Василій еще сидѣлъ на тронѣ, измѣряя взорами глубину бездны предъ собою, мысля о средствахъ спасенія, но готовый и погибнуть безъ малодушія. Уже блеснулъ лучъ надежды: оружіе царское снова имѣло успѣхи: лавра стояла непоколебимо; Востокъ и Сѣверъ Россіи ополчились за Москву, — и въ сіе время крамольники дерзнули явно, рѣшительно возстать на царя, боясь ли опустить время? боясь ли, чтобы счастливая перемѣна обстоятельствъ не утвердила Василіева державства?

Извѣстными начальниками кова были царедворецъ князь Романъ Гагаринъ, воевода Григорій Сунбуловъ (прощенный измѣнникъ) и дворянинъ Тимоѳей Грязной: знатнѣйшіе, вѣроятно, скрывались за ними до времени. 17 февраля вдругъ сдѣлалась тревога: заговорщики звали гражданъ на Лобное мѣсто; силою привели туда и патріарха Ермогена; звали и всѣхъ думныхъ бояръ, торжественно предлагая имъ свести Василія съ царства, доказывая, что онъ избранъ не Россіею, а только своими угодниками, обманомъ и насиліемъ; что сіе беззаконіе произвело всѣ распри и мятежи, междоусобіе и самозванцевъ; что Шуйскій и не царь, и не умѣетъ быть царемъ, имѣя болѣе тщеславія, нежели разума и способностей, нужныхъ для успокоенія державы въ такомъ волненіи. Не стыдились и клеветы грубой: обвиняли Василія даже въ нетрезвости и распутствѣ. Они умолчали о преемникѣ Шуйскаго и мнимомъ Димитріи; не сказали, гдѣ взять царя новаго, лучшаго и тѣмъ затруднили для себя удачу. Немногіе изъ гражданъ и воиновъ соединились съ ними; другіе, подумавъ, отвѣтствовали имъ хладнокровно: „Мы всѣ были свидѣтелями Василіева избранія, добровольнаго, общаго; всѣ мы и вы съ нами, присягали ему, какъ государю законному. Пороковъ его не вѣдаемъ. И кто далъ вамъ право располагать царствомъ

безъ чиновъ государственныхъ?“ Ермогенъ, презирая угрозы, заклиналъ народъ не участвовать въ злодѣйствѣ и возвратился въ Кремль. Синклитъ также остался вѣрнымъ и только одинъ мужъ думный, старый измѣнникъ, князь Василій Голицынъ—вѣроятно, тайный благопріятель сего кова—выѣхалъ къ мятежникамъ на Красную площадь; всѣ иные бояре, съ негодованіемъ выслушавъ предложеніе свергнуть царя и быть участниками беззаконнаго вѣча, съ дружинами усердными окружили Шуйскаго. Не взирая на то, мятежники вломились въ Кремль, но были побѣждены безъ оружія. Въ часъ опасный Василій снова явилъ себя неустрашимымъ: смѣло вышелъ къ ихъ сонму, сталъ имъ въ лицо и сказалъ голосомъ твердымъ: „Чего хотите? Если убить меня, то я предъ вами, и не боюсь смерти; но свергнуть меня съ царства не можете безъ Думы земской. Да соберутся великіе бояре и чины государственные, и въ моемъ присутствіи да рѣшатъ судьбу отечества и мою собственную: ихъ судъ будетъ для меня закономъ, но не воля крамольниковъ!“ Дерзость злодѣйства обратилась въ ужасъ: Гагаринъ, Сунбуловъ, Грязной и съ ними 300 человѣкъ бѣжали; а вся Москва какъ бы снова избрала Шуйскаго въ государи,—столь живо было усердіе къ нему, столь сильно дѣйствіе оказаннаго имъ мужества!

Къ несчастію, торжество закона и великодушія было недолговременно. Мятежники ушли въ Тушино, для того ли, что доброжелательствовали Самозванцу или единственно для своего личнаго спасенія, какъ въ мѣсто, безопаснѣйшее для злодѣевъ? Ихъ бѣгствомъ Москва не очистилась отъ крамолы. Мужъ знатный, воевода Василій Бутурлинъ, донесъ царю, что бояринъ и дворецкій Крюкъ-Колычевъ есть измѣнникъ и тайно сносится съ Лжедимитріемъ. Измѣны тогда не удивляли: Колычевъ, бывъ вѣренъ, могъ сдѣлаться предателемъ, подобно Юрію Трубецкому и столь многимъ другимъ, но могъ быть и нагло оклеветанъ врагами личными. Его судили, пытали и казнили на лобномъ мѣстѣ. Пытали и всѣхъ мнимыхъ участниковъ новаго кова и наполняли ими темницы, обѣщая невиннымъ, спокойнымъ гражданамъ утвердить ихъ безопасность искорененіемъ мятежниковъ.

Но зло иного рода уже начинало свирѣпствовать въ столицѣ. Лишаемая подвозовъ, она истощила свои запасы! имѣла сообщеніе съ одною Коломною, и того лишилась, ибо рать Лжедимитріева вторично осадила сей городъ. Предвидѣвъ недостатокъ, алчные корыстолюбцы скупили весь хлѣбъ въ Москвѣ и въ окрестностяхъ, и ежедневно возвышали его цѣну, такъ что четверть ржи стоила, наконецъ, семь рублей, къ ужасу людей бѣдныхъ. Тщетно Василій желалъ умѣрить дороговизну неслыханную, установлялъ цѣну справедливую и запрещалъ безбожную; купцы не

слушались: скрывали свое изобиліе и продавали тайно, кому и какъ хотѣли. Тщетно царь и патріархъ надѣялись разбудить совѣсть и жалость въ людяхъ: призывали вельможъ, купцовъ, богачей въ храмъ Успенія и предъ алтаремъ Всевышняго заклинали быть человѣколюбивыми: не торговать жизнію христіанъ и спустить цѣну хлѣба, не скупать его въ большомъ количествѣ и тѣмъ не отнимать у бѣдныхъ. Лицемѣры со слезами увѣряли, что у нихъ нѣтъ запасовъ и безсовѣстно обманывали, думая единственно о своей выгодѣ, какъ и во время дороговизны 1603 года. Народъ впадалъ въ отчаяніе. Кричали на улицахъ: „Мы гибнемъ отъ царя злосчастнаго; отъ него кровопролитіе и голодъ!“ Люди, увѣренные въ обманѣ мнимаго Димитрія, уходили къ нему единственно для того, чтобы не умереть въ Москвѣ безъ пищи; другіе толпами врывались въ Кремль и вопили предъ дворцомъ: „Долго ли намъ сидѣть въ осадѣ и ждать голодной смерти?“ Они требовали избавленія, побѣды и хлѣба — или царя счастливѣйшаго! Василій не скрывался отъ народа: выходилъ къ нему съ лицомъ спокойнымъ, увѣщалъ и грозилъ; смирялъ дерзость страждущихъ, но только на время. Радѣя о бѣдныхъ, онъ убѣдилъ троицкаго келаря Авраамія отворить для нихъ московскія житницы его обители: цѣна хлѣба вдругъ упала отъ семи до двухъ рублей. Сихъ запасовъ не могло стать надолго, но вопль умолкъ въ столицѣ и счастливая вѣсть ободрила Москву.

Князь Гагаринъ, первый изъ мятежниковъ, ушедшихъ къ Самозванцу, несмотря на крамольство, имѣлъ душу: увидѣлъ, узналъ Лжедимитрія и явился къ царю съ раскаяніемъ; принесъ ему свою виновную голову; сказалъ, что лучше хочетъ умереть на плахѣ, нежели служить бродягѣ гнусному—и былъ помилованъ Василіемъ. Выведенный къ народу, Гагаринъ именемъ Божіимъ заклиналъ его не прельщаться діавольскимъ обманомъ, не вѣрить злодѣю тушинскому, орудію ляховъ, желающихъ единственно гибели Россіи и святой церкви. Сіи убѣжденія произвели дѣйствіе, и еще несравненно болѣе, когда Гагаринъ объявилъ москвитянамъ, что станъ Тушинскій въ сильной тревогѣ; что Лжедимитрій и ляхи свѣдали о соединеніи шведовъ съ россіянами; что князь Михаилъ Скопинъ Шуйскій ведетъ ихъ къ столицѣ и побѣждаетъ. Удивленіе радости измѣнило лица печальныя: всѣ славили Бога; многіе стыдились своего намѣренія — бѣжать въ Тушино, укрѣпились въ вѣрности—и съ того дня уже никто не уходилъ къ Самозванцу.

Гагаринъ сказалъ истину о тревогѣ злодѣевъ тушинскихъ. Опишемъ начало подвиговъ знаменитаго юноши, который въ бѣдственныя времена родился счастливымъ и кому надлежало бы только жить, чтобы спасти царя, ознаменованнаго судьбою для

злополучія. Мы видѣли, какъ Михаилъ Шуйскій, во время величайшей опасности, съ горестію удалился отъ войска, чтобы искать защитниковъ Россіи внѣ Россіи. Прибывъ въ Новгородъ, гдѣ начальствовали бояринъ князь Андрей Куракинъ и царедворецъ Татищевъ, онъ немедленно доставилъ королю шведскому грамоту Василіеву; писалъ къ нему и самъ, писалъ и къ его воеводамъ, финляндскому и ливонскому, Арвиду Вильдману и графу Мансфельду, требуя вспоможенія и представляя имъ, что ляхи воцареніемъ Лжедимитрія хотятъ обратить силы Россіи на Шведію для торжества латинской вѣры, будучи побуждаемы къ тому папою, іезуитами и королемъ испанскимъ. Ничто не было естественнѣе союза между шведскимъ и россійскимъ вѣнценосцами, искренними друзьями отъ ихъ общей ненависти къ ляхамъ. Надлежало единственно удостовѣрить Карла, что шведы еще найдутъ и могутъ утвердить Василія на престолѣ, для чего князь Михаилъ, слѣдуя своему наказу и внушенію политики, таилъ отъ Карла ужасныя обстоятельства Россіи; говорилъ только о частныхъ въ ней мятежахъ, объ измѣнѣ тысячъ осьми или десяти россіянъ, которые вмѣстѣ съ пятью или шестью тысячами ляховъ злодѣйствуютъ близъ Москвы. Требовалось немало времени для объясненій. Секретарь Мансфельдовъ видѣлся съ княземъ Михаиломъ въ Новгородѣ, а воевода Головинъ, шуринъ Скопина, поѣхалъ въ Выборгъ, гдѣ знатные чиновники шведскіе ждали его, чтобы условиться въ мѣрахъ вспоможенія. Между тѣмъ князь Михаилъ, желая спасти Москву и царя не одною рукою иноплеменниковъ, мыслилъ ополчить всю сѣверо-западную Россію, и грамотою убѣдительною звалъ къ себѣ псковитянъ, хваля ихъ древнюю доблесть; но псковитяне, уже хвалясь злодѣйствомъ, отвѣтствовали ему угрозою, и самые новгородцы оказывали расположеніе, столь подозрительное, что князь Михаилъ рѣшился искать усердія или безопасности въ иномъ мѣстѣ,—вышелъ изъ Новгорода съ Татищевымъ, дьякомъ Телепневымъ и малочисленною дружиною вѣрныхъ, и требовалъ убѣжища въ Ивангородѣ; тамъ ихъ не приняли, ни въ Орѣшкѣ, гдѣ воевода, предатель, бояринъ Михайло Салтыковъ, считая Лжедимитрія побѣдителемъ, уже именовалъ себя его намѣстникомъ. Въ то время, когда Михаилъ, оставленный и нѣкоторыми изъ робкихъ спутниковъ при устьѣ Невы, думалъ въ печали, что дѣлать, явились послы отъ Новгорода съ моленіемъ, чтобы онъ возвратился къ Святой Софіи. Митрополитъ Исидоръ и достойные россіяне одерживали тамъ верхъ надъ беззаконіемъ и встрѣтили князя Михаила какъ утѣшителя, въ лицѣ его привѣтствуя отечество и вѣрность, искренно клялися умереть за царя Василія, какъ предки ихъ умирали за Ярослава Великаго, и свѣдавъ, что воевода Лжедимитріевъ

Керносицкій, съ ляхами и россіянами, идетъ отъ Тушина къ берегамъ Ильменя, готовились выступить въ поле. Древній Новгородъ, казалось, воскресъ съ своимъ великодушіемъ; къ несчастію, ревность достохвальная имѣла дѣйствіе зловредное.

Татищевъ, извѣстный мужествомъ, вызвался вести передовой отрядъ къ Бронницамъ, но князю Михаилу донесли, что сей царедворецъ лукавый замышляетъ предательство. Извѣтъ былъ важенъ, а князь Шуйскій молодъ и пылокъ: онъ созвалъ воиновъ и гражданъ, объявилъ имъ доносъ и хотѣлъ съ ними торжественно судить, уличить или оправдать виновнаго. Вмѣсто суда народъ, въ изступленіи ярости, умертвилъ Татищева, не давъ ему сказать ни единаго слова, къ горести Михаила, увидѣвшаго поздно, что народъ въ кипѣніи страстей можетъ быть скорѣе палачомъ, нежели судіею. Татищева, едва ли виновнаго, схоронили съ честію въ обители св. Антонія, и многіе дворяне, вѣроятно устрашенные его судьбою, бѣжали изъ города, даже къ непріятелю, который шелъ впередъ невозбранно, занялъ Хутынскій и другіе окрестные монастыри, жегъ, грабилъ—и вдругъ скрылся, услышавъ отъ плѣнниковъ, что сильное войско вступило въ село Грузино и спѣшитъ на помощь къ Новгороду. Плѣнники обманули непріятеля: мнимое войско состояло единственно изъ тысячи областныхъ жителей, ополченныхъ дворянами Горихвостовымъ и Рязановымъ въ Тихвинѣ и за Онегою. Сіи добрые россіяне, будучи въ шесть разъ слабѣе Керносицкаго, имѣли счастіе безъ кровопролитія избавить Новгородъ, гдѣ князь Михаилъ съ нетерпѣніемъ ждалъ вѣстей отъ Головина.

Вѣсти были благопріятны. Король шведскій словомъ и дѣломъ доказалъ свою искренность. Еще генералы его Бое и Вильдманъ не успѣли заключить договора съ Головинымъ и дьякомъ Зиновьевымъ, а войско королевское уже стояло подъ знаменами въ Финляндіи. Съ обѣихъ сторонъ не хотѣли тратить времени, и 28 февраля подписали въ Выборгѣ слѣдующія условія: „1) Мирный договоръ 1595 года возобновляется между Россіею и Швеціею навѣки вѣковъ. 2) Первой не вступаться въ Ливонію. 3) Карлъ дастъ Василію 2.000 конныхъ и 3.000 пѣшихъ ратниковъ, а Василій 100.000 ефимковъ въ мѣсяцъ на ихъ жалованье. 4) Сіе войско въ полномъ распоряженіи князя Михаила Шуйскаго; должно занимать города единственно именемъ царскимъ и не можетъ выводить плѣнниковъ изъ Россіи, кромѣ ляховъ. 5) Съѣстные припасы будутъ ему доставляемы по цѣнѣ умѣренной. 6) Царь взаимно обязывается помогать королю войскомъ на Сигизмунда въ Ливоніи, куда открыть путь шведамъ изъ Финляндіи чрезъ россійскія владѣнія. 7) Ни та, ни другая держава безъ общаго согласія не вольна мириться съ Сигизмундомъ,

8) Царь въ знакъ признательности уступаетъ Швеціи Кексгольмъ въ вѣчное владѣніе, но тайно до времени, ибо сія уступка можетъ произвести сильное неудовольствіе между россіянами. 9) Князь Михаилъ Шуйскій даритъ шведскому войску 5.000 рублей не въ счетъ опредѣленнаго жалованья. Сія грамота будетъ утверждена въ Новгородѣ имъ, княземъ Шуйскимъ, воеводою, бояриномъ и ближнимъ пріятелемъ царскимъ, а въ Москвѣ самимъ царемъ".

26 марта уже вступилъ въ Россію полководецъ шведскій Іаковъ Делагарди, сынъ Понтусовъ, юный, двадцатисемилѣтній витязь, ученикъ и сподвижникъ славнаго Морица Нассаускаго въ долговременномъ кровопролитномъ бореніи за свободу Голландской республики. На границѣ встрѣтилъ союзниковъ воевода Ододуровъ, высланный княземъ Михаиломъ и 2,300 россіянъ, которые въ первый разъ увидѣли себя подъ одними знаменами съ шведами и наемниками ихъ, французами, англичанами, шотландцами, нѣмцами и нидерландцами. Сіи 5.000 разноземцевъ, большею частію людей безъ отечества и нравственности, исполненныхъ любви не къ ратной чести, а къ низкой корысти, шли спасать преемника монарховъ, оставленныхъ въ Европѣ и Азіи несмѣтными ихъ силами! Союзникамъ указали станъ близъ Новгорода, куда звали Делагарди и генераловъ его для свиданія съ княземъ Шуйскимъ.

Тамъ сіи два полководца, оба юные, привѣтствовали другъ друга съ ласкою, съ уваженіемъ взаимнымъ. „Князь Михаилъ,— пишетъ современный шведскій историкъ, — имѣлъ 23 года отъ рожденія, прекрасную душу, умъ не по лѣтамъ зрѣлый, наружность, осанку пріятную, искусство въ битвахъ и въ обхожденіи съ иноземнымъ войскомъ. Делагарди сказалъ ему, что королю извѣстны всѣ ухищренія ляховъ, что онъ прислалъ рать и готовитъ еще сильнѣйшую для вспоможенія Россіи, желая благоденствія царю и народу ея, а врагамъ ихъ желая гибели. Князь Михаилъ, кланяясь, опустилъ руку до земли; изъявлялъ благодарность, увѣрялъ, что Россія усердна къ царю и волнуема только малымъ числомъ измѣнниковъ, коихъ легко одолѣть единодушнымъ дѣйствіемъ союзниковъ. Разсуждали, какъ дѣйствовать и съ чего начать. Делагарди требовалъ впередъ жалованья войску; князь Шуйскій обѣщалъ немедленно выдать 8,000 рублей, 5,000 деньгами и 3,000 соболями; утвердилъ (4 апрѣля) Выборгскій договоръ и самъ проводилъ Делагарди до воротъ крѣпости".

Грязи и разлитіе рѣкъ мѣшали походу. Шведскій военачальникъ хотѣлъ ждать просухи и для безопаснаго сообщенія съ Ливоніею и Финляндіею заняться прежде всего осадою Копорья, Иванагорода и Ямы, гдѣ царствовала измѣна. Князь Михаилъ имѣлъ другую мысль. Еще до прибытія шведовъ, воевода Осининъ

ходилъ изъ Новгорода съ дѣтьми боярскими и казаками къ мятежному Пскову, разбилъ тамошнихъ злодѣевъ въ полѣ и надѣялся взять городъ; но Скопинъ велѣлъ ему возвратиться, чтобы не тратить времени въ предпріятіяхъ частныхъ и склонилъ Делагарди немедленно идти къ Москвѣ. Воевода Чулковъ и шведскій генералъ Эвертъ Горнъ вступили въ Русу, гнали измѣнниковъ и ляховъ до уѣзда Торопецкаго, одержали (25 апрѣля) побѣду надъ Керносицкимъ въ селѣ Каменкахъ, взяли 9 пушекъ, знамена и плѣнниковъ. Порховъ, Торопецъ сдались мирно и Торжокъ—другому воеводѣ Чоглокову. Узнавъ, что панъ Зборовскій и князь Григорій Шаховскій, съ тремя тысячами измѣнниковъ и ляховъ, идутъ изъ Твери на Чоглокова, князь Михаилъ отрядилъ туда Головина и Горна; имѣя не болѣе двухъ тысячъ воиновъ, они сразились съ непріятелемъ. Чоглоковъ сдѣлалъ вылазку и Зборовскій послѣ дѣла кровопролитнаго отступилъ къ Твери.

Самъ князь Михаилъ, отпѣвъ молебенъ въ Софійскомъ храмѣ, исполненномъ древнихъ знаменитыхъ воспоминаній, вывелъ (10 мая) главную рать. Новгородъ, нѣкогда великій, столь многолюдный и воинственный, далъ ему все, что могъ—тысячи двѣ подвижниковъ неопытныхъ! Но войско россійское усилилось въ Торжкѣ (24 іюня) новыми дружинами: князь Борятинскій, воевода усердный и мужественный, привелъ туда 3,000 дѣтей боярскихъ и земледѣльцевъ изъ смоленскихъ уѣздовъ, смиривъ на пути Дорогобужъ и Вязьму. Союзники спѣшили къ Твери; тамъ засѣли Зборовскій и Керносицкій, бывъ подкрѣплены тушинскимъ войскомъ. Ляхи и россійскіе измѣнники вышли изъ города и сразились мужественно во время сильнаго дождя, который препятствовалъ дѣйствію пальбы; непріятель, ударивъ съ копьями на лѣвое крыло шведовъ, обратилъ французовъ въ бѣгство; нѣмцы, финляндцы, россіяне также дали тылъ, и хотя правое крыло, гдѣ начальствовалъ Делагарди, имѣло выгоду и втѣснило ляховъ въ городъ, хотя самъ воевода Зборовскій, раненый, едва спасся отъ плѣна, но союзники отступили. Дождь лилъ цѣлые сутки. Въ слѣдующую ночь, когда ляхи безпечно спали въ Острогѣ, князь Михаилъ тихо приблизился, напалъ и взялъ его безъ урона; восходящее солнце освѣтило тамъ царскія хоругви и кучи непріятельскихъ тѣлъ. Юный полководецъ россійскій обнялъ Делагарди съ живѣйшимъ чувствомъ признательности за мужество шведовъ, которые хотѣли вломиться и въ городъ, гдѣ остальные измѣнники и ляхи заключились; но князь Михаилъ, жалѣя людей, велѣлъ прекратить сѣчу кровопролитную и ненужную, ибо угадывалъ, что непріятель, уже слабый, или мирно сдастся на договоръ, или бѣжитъ. Чрезъ нѣсколько часовъ, дѣйствительно, ляхи и клевреты ихъ ушли изъ Твери, до половины сожженной и наполненной трупами. Такимъ

образомъ, князь Михаилъ въ два мѣсяца очистилъ всѣ мѣста отъ новгородскихъ до московскихъ предѣловъ; думалъ скоро освободить и Москву, надѣясь на ужасъ непріятелей и содѣйствіе войска царскаго. Доселѣ онъ могъ быть доволенъ шведами. Карлъ IX писалъ къ нашему духовенству, боярамъ, дворянамъ и купцамъ, что онъ готовъ всѣми силами дѣйствовать для защиты ихъ древней греческой вѣры, вольности и льготы, для истребленія польской сволочи и бродягъ, жалуемыхъ ею въ цари съ умысломъ изгубить знатнѣйшіе роды, цвѣтъ и славу нашего отечества. Делагарди уклонялся отъ всякаго сношенія съ ляхами, и въ отвѣтъ на дружелюбную, лукавую грамоту Зборовскаго, писанную изъ Твери (11 іюня) къ шведскимъ генераламъ о правахъ мнимаго Димитрія, сказалъ: „Мое дѣло воевать, а не разсуждать съ вами о Димитріяхъ“. Тщетно и лазутчики Зборовскаго старались возмутить союзное войско; ихъ ловили и казнили. Но чего не произвело обольщеніе, то произвела буйность. Оставивъ Тверь и шведовъ позади себя, князь Михаилъ шелъ къ столицѣ и свѣдалъ въ Городнѣ, что союзники идутъ не за нимъ, а назадъ къ Новгороду! Сія неожиданная измѣна была слѣдствіемъ мятежа. Выступивъ изъ Твери, финляндцы первые объявили своему генералу, что не хотятъ идти въ глубину Россіи на вѣрную гибель, что имъ не выдано полнаго жалованья, что вѣроломство московскаго народа всѣмъ извѣстно, что жены и дѣти ихъ безъ защиты дома. Французы, нѣмцы, наконецъ и шведы также взволновались, не слушались генераловъ, бросили знамена. Делагарди обнажилъ мечъ, грозилъ—и долженъ былъ уступить мятежникамъ, чтобы не остаться военачальникомъ безъ войска; онъ самъ повелъ ихъ къ шведской границѣ, для прикрытія бунта жалуясь, что россіяне не исполняютъ договора: не сдаютъ Кексгольма и не платятъ обѣщанныхъ денегъ. Изумленный князь Михаилъ спѣшилъ удержать союзниковъ нужныхъ, хотя и ненадежныхъ, и послалъ къ нимъ Ододурова съ убѣжденіемъ не измѣнять чести, не срамить имени шведскаго, не выдавать друзей въ то время, когда непріятель, болѣе раздраженный, нежели ослабленный, готовится къ рѣшительному дѣлу. Сіи представленія и серебро, врученное наемникамъ корыстолюбивымъ, ихъ усовѣстили: генералъ Зоме съ частію пѣхоты и конницы возвратился къ князю Михаилу наканунѣ величайшей для него опасности и славы. Здѣсь подвиги юнаго героя уже связуются съ происшествіями знаменитой Троицкой осады.

Еще Сапѣга стоялъ подъ лаврою, разсылалъ отряды, занималъ или жегъ города, обуздывалъ или каралъ жителей, мѣшалъ сообщенію Москвы съ востокомъ и сѣверомъ Россіи и подкрѣплялъ Зборовскаго, чтобы отразить шведовъ. Между тѣмъ слухъ о дви-

женіяхъ Скопина и Шереметева уже достигъ лавры; защитники ея ждали слѣдствій, надѣялись и вдругъ увидѣли необычайное волненіе въ непріятельскомъ станѣ: Зборовскій прибѣжалъ туда съ остаткомъ разсѣяннаго войска и вѣстію, что Тверь уже взята союзниками; прибѣжали и многіе измѣнники, дворяне, дѣти боярскіе, которые измѣною хотѣли единственно избавить свои помѣстья отъ грабежа, не думая служить царьку тушинскому, и до того времени жили въ нихъ спокойно, но не дерзнули ждать князя Михаила. Всѣ отряды возвратились къ Сапѣгѣ; Лжедимитрій усилилъ его и частію тушинской рати, велѣлъ ему идти противъ Скопина и шведовъ. Ляхи, какъ обыкновенно, готовились къ битвѣ шумными играми, пили, веселились, и дали знать троицкому воеводѣ Долгорукому, что они торжествуютъ побѣды, что шведы истреблены, а Скопинъ и Шереметевъ сдалися. Ихъ не слушали. Тогда подъѣхали къ стѣнамъ два человѣка, нѣкогда знаменитые на степени мужей государственныхъ: бояринъ Салтыковъ (изгнанный изъ Орѣшка успѣхами князя Михаила) и думный дьякъ Грамотинъ; оба увѣряли, что междоусобная война уже прекратилась въ Россіи, что Москва встрѣчаетъ Димитрія и Шуйскій съ синклитомъ въ его рукахъ. Клевреты ихъ, дворяне измѣнники, утверждали то же, прибавляя: „Не мы ли были съ Шереметевымъ, а теперь служимъ Димитрію? Кого еще ждете? Все у ногъ Іоаннова сына—и если одни будете противиться, то немедленно увидите здѣсь царя гнѣвнаго со всѣмъ литовскимъ войскомъ, Скопинымъ и Шереметевымъ, для казни вашего ослушанія“. Имъ отвѣтствовали единогласно люди умные и простые (какъ говоритъ лѣтописецъ): „Всевышній съ нами и никого не боимся! Хотите ли, чтобы мы вамъ вѣрили! скажите, что князь Михаилъ подъ Тверію тѣлами литовскими и вашими сравнялъ Волгу съ берегами и напиталъ звѣрей плотоядныхъ,—не усомнимся и восхвалимъ Бога! Ложь—не побѣда: идите съ мечомъ на мечъ, и Господь разсудитъ виновнаго съ правымъ!“ Такъ еще мужались сіи герои вѣрности числомъ уже не болѣе двухъ сотъ! Сапѣга не могъ медлить, однакожъ дозволилъ Зборовскому съ его дружинами еще приступить къ стѣнамъ обители, которую сей гордый ляхъ, шутя надъ нимъ и Лисовскимъ, уподоблялъ лукну и гнѣзду воронъ. Зборовскій приступилъ ночью, стрѣлялъ, убилъ одну женщину на стѣнѣ и, ничего болѣе не сдѣлавъ, удалился. Вѣроятно, что непріятель хотѣлъ въ сію ночь не взять, а только устрашить лавру для своей безопасности: Сапѣга спѣшилъ къ берегамъ Волги, ввѣривъ обложеніе монастыря и храненіе стана казакамъ, россійскимъ измѣнникамъ, и немногимъ ляхамъ.

Не зная, что дѣлается въ Москвѣ, но зная, что вся Россія полунощная, отъ Углича до Бѣлаго моря и Перми, уже снова

вѣрна царю, князь Михаилъ, исполненный надежды, но тѣмъ болѣе осторожный, послалъ, для вѣстей къ столицѣ, чиновника Безобразова, а самъ, не дерзая идти впередъ съ малыми силами, двинулся влѣво по теченію Волги, къ монастырю Колязину, для удобнаго сообщенія съ Ярославлемъ, богатымъ и многолюднымъ. Туда прибылъ къ нему царскій дворянинъ Волуевъ, умертвитель Отрепьева, сказывая, что Москва цѣла и Василій еще державствуетъ. Царь писалъ къ Михаилу: „Слышимъ о твоемъ великомъ радѣніи и славимъ Бога. Когда ужасомъ или побѣдою избавишь государство, то какой хвалы сподобишься отъ насъ и добрыхъ россіянъ! какого веселія исполнишь сердца ихъ! Имя твое и дѣла будутъ памятны во вѣки вѣковъ не только въ нашей, но и во всѣхъ державахъ окрестныхъ. А мы на тебя надежны, какъ на свою душу“. За вѣстію радостною слѣдовала другая. Сапѣга, Зборовскій, Лисовскій и Лжедимитріевъ атаманъ Заруцкій находились уже близъ Колязина, въ селѣ Пироговѣ. Имѣя едва ли тысячъ десять собственныхъ воиновъ и не болѣе тысячи шведовъ, приведенныхъ къ нему генераломъ Зоме, князь Михаилъ рѣшился, однакожъ, встрѣтить непріятеля, хотя и гораздо сильнѣйшаго. Передовыя рати сошлися на топкихъ берегахъ Жабны: чиновники Головинъ, Борятинскій, Волуевъ и Жеребцовъ отличались мужествомъ: втоптали непріятеля въ болота и дали время князю Михаилу изготовиться, занять мѣста выгодныя, распорядить движенія. Сапѣга напалъ стремительно, съ громкимъ воплемъ; россіяне и шведы стояли твердо и сами нападали, гдѣ слабѣлъ непріятель. Пальба и сѣча продолжались нѣсколько часовъ. На закатѣ солнца вѣрные россіяне, призывая имя св. Макарія Колязинскаго, двинулись впередъ такъ дружно и сильно, что утомленные ляхи не могли удержать мѣста битвы; ихъ тѣснили до Рябова монастыря, и князь Михаилъ вступилъ въ Колязинъ съ плѣнниками и трофеями, не хлаляся побѣдою, но хваля единодушную доблесть своихъ и шведовъ, въ надеждѣ на успѣхи будущіе и важнѣйшіе. Онъ не гналъ ляховъ и не мѣшалъ имъ возвратиться къ постыдной для нихъ осадѣ Троицкой, готовясь быть избавителемъ и лавры, и Москвы, и Россіи, если бы Небо оставило ей сего героя-юношу!

Тамъ, на берегу Волги, въ пустынныхъ келіяхъ св. Макарія, князь Михаилъ, оглашаемый церковнымъ пѣніемъ иноковъ и звукомъ трубъ воинскихъ, какъ геній отечества, неусыпно бодрствовалъ день и ночь для спасенія царства; сносился съ городами сѣверными, принималъ отъ нихъ дары, казну и воиновъ; поручилъ генералу Зоме устроеніе дружинъ, образованіе людей, неопытныхъ въ ратномъ дѣлѣ, и нетерпѣливо ждалъ всѣхъ шведовъ для дальнѣйшихъ предпріятій. Но Делагарди, увлеченный

новымъ бунтомъ войска, опять шелъ къ границѣ. Послы Скопина настигли его въ Крестцахъ; заплатили ему 6,000 рублей деньгами, 5,000 рублей соболями, и князь Михаилъ взялъ на себя, безъ утвержденія царскаго, отдать Кексгольмъ шведамъ. Въ сихъ переговорахъ миновало недѣль шесть; Делагарди пошелъ, наконецъ, къ Колязину, гдѣ князь Михаилъ, нетревожимый измѣнниками и ляхами, усиливался ежедневно.

Видя передъ собой Москву неодолимую, вокругъ себя города уже непріятельскіе, пепелища, лѣса, пустыни, въ коихъ изгнанные жители, воспламененные злобою, стерегли, истребляли ляховъ, малочисленныхъ въ ихъ разъѣздахъ; будучи съ сѣвера угрожаемъ княземъ Михаиломъ, съ востока Шереметевымъ, Лжедимитрій еще мыслилъ однимъ ударомъ кончить войну; взять силою чего долго и тщетно ждалъ отъ измѣны и голода: взять Москву вмѣстѣ съ царемъ и царствомъ. Въ сей надеждѣ утвердилъ его панъ Бобовскій, который прибывъ къ нему тогда изъ Литвы съ дружиною удальцовъ, винилъ Рожинскаго въ слабости духа, увѣряя, что Москва спасается единственно бездѣйствіемъ тушинскаго войска и неминуемо падетъ отъ перваго дружнаго приступа. Лжедимитрій далъ ему нѣсколько полковъ. Хваляся напередъ дѣломъ славнымъ, Бобовскій устремился къ городу; но царскіе воеводы не допустили его и до предмѣстія: вышли, напали, разбили—и Москва торжествовала свою первую блестящую побѣду, скоро и вторую, еще важнѣйшую, надо всею тушинскою силою. Самъ Лжедимитрій, гетманъ Рожинскій, атаманъ Заруцкій, всѣ знатные измѣнники и бояре вели дружины на приступъ (въ день Троицы) и хотѣли сжечь Деревянный городъ; но Василій успѣлъ выслать войско съ княземъ Дмитріемъ Шуйскимъ. Непріятель быстрымъ движеніемъ вломился въ середину царскихъ полковъ, смялъ конницу и замѣшалъ пѣхоту; тутъ съ одной стороны воевода князь Иванъ Куракинъ, съ другой князья Андрей Голицынъ и Борисъ Лыковъ, уже извѣстные достоинствами ратными, напали на измѣнниковъ и ляховъ. Начался бой, въ коемъ, по увѣренію лѣтописца, московскіе воины превзошли себя въ блестящемъ мужествѣ, сражаясь, какъ еще не сражались дотолѣ съ тушинскими злодѣями; одолѣли, гнали ихъ до Ходынки и взяли 700 плѣнниковъ. Ужасъ непріятеля былъ такъ великъ, что бѣглецы не удержались бы и въ Тушинѣ, если бы побѣдители, слишкомъ умѣренные, не остановились на Ходынкѣ. Однимъ словомъ, москвитяне сами дивились своей храбрости, вселенной въ нихъ счастливыми вѣстями о возстаніи сѣверной Россіи, объ успѣхахъ князя Михаила и войска низоваго, коего чиновникъ, дворянинъ Соловой, прибылъ тогда къ царю съ донесеніемъ Шереметева. Сей бояринъ вездѣ истре-

блялъ непріятеля и власть Лжедимитрія, отъ Казани до Нижняго Новгорода; близъ Юрьевца побилъ на-голову Лисовскаго, отряженнаго Сапѣгою для усмиренія Костромской области; мирно вступилъ въ Муромъ и, взявъ Касимовъ, освободилъ тамъ многихъ вѣрныхъ россіянъ, заключенныхъ измѣнниками. Довольный его службою, но недовольный медленностью, царь послалъ къ нему князя Прозоровскаго съ милостивымъ словомъ и съ указомъ спѣшить къ Москвѣ. Въ то же время древняя столица Боголюбскаго обратилась къ закону: жители Владиміра снова присягнули царю—всѣ, кромѣ воеводы Вельяминова, ревностнаго слуги Лжедимитріева. Народъ велѣлъ ему исповѣдаться въ церкви, вывелъ его на площадь, объявилъ врагомъ государства, убилъ каменьями и съ живѣйшимъ усердіемъ принялъ воеводъ царскихъ.

Уже безъ легкомыслія можно было предаваться надеждѣ. Царство обмана падало, царство закона возстановлялось. Образовались полки вѣрныхъ—стремились къ одной цѣли, къ Москвѣ, почти освобожденной двумя важными успѣхами собственнаго оружія. Народъ опомнился и радостными кликами привѣтствовалъ знамена любезнаго отечества и святой вѣры. Ждали только соединенія силъ, чтобы дружно наступить на гнѣздо злодѣйства, столь долго ужасное Тушино, и вдругъ едва не впали въ новое отчаяніе!

Какъ измѣнники и ляхи въ явномъ омраченіи ума давали князю Михаилу спокойно готовить имъ гибель, такъ войско московское, худо вѣря своимъ побѣдамъ, дало отдохнуть Самозванцу разбитому. Онъ усилился новыми толпами казаковъ, вышедшихъ изъ Астрахани съ тремя мнимыми царевичами: Августомъ, Осиновикомъ и Лавромъ; первый назывался сыномъ, второй и третій внуками Іоанна Грознаго. „Злодѣи рабскаго племени,—говоритъ лѣтописецъ,—холопы, крестьяне, считая Россію привольемъ наглыхъ обманщиковъ, являлись одинъ за другимъ подъ именемъ царевичей, даже небывалыхъ, и надѣялись властвовать въ ней, какъ союзники и ближніе тушинскаго злодѣя“. Но сами казаки, отбитые отъ вѣрнаго Саратова воеводою Замятнею Сабуровымъ, съ досады умертвили Осиновика на берегу Волги; Августа и Лавра велѣлъ повѣсить Лжедимитрій на московской дорогѣ, чтобы ихъ казнію засвидѣтельствовать свое небратство съ ними. Въ опасностяхъ не теряя дерзости, еще имѣя тысячъ шестьдесятъ или болѣе сподвижниковъ, еще властвуя надъ знатною частію Россіи южной и западной, отъ Тушина до Астрахани, предѣловъ крымскихъ и литовскихъ—Самозванецъ тревожилъ нападеніями слободы московскія, перехватывалъ обозы на дорогахъ, тѣснилъ Коломну. Воевода его, ляхъ

Млоцкій, побилъ рязанцевъ, хотѣвшихъ освободить сей городъ, имъ осажденный; а Лисовскій, всегда храбрый, не всегда счастливый, загладилъ свои неудачи важнымъ успѣхомъ. Винимый царемъ въ медленности, Шереметевъ спѣшилъ изъ Владиміра къ Суздалю, еще непріятельскому, и сталъ на равнинахъ, гдѣ Лисовскій ударомъ конницы смялъ всю его многочисленную, худо устроенную пѣхоту. Легло немалое число низовыхъ жителей въ битвѣ кровопролитной и безпорядочной; съ остальными Шереметевъ бѣжалъ къ Владиміру. Москва узнала о томъ и смутилась. Народъ уже не хотѣлъ вѣрить и побѣдамъ князя Михаила. Въ сіе время голодъ снова усилился. Житницы Авраміевы истощились и четверть хлѣба опять возвысилась цѣною отъ двухъ до семи рублей. Чернь бунтовала, съ шумомъ стремилась въ Кремль, осаждала дворецъ; кричала: „Хлѣба! хлѣба! или да здраствуетъ Тушинскій!" Но въ часъ величайшаго волненія явился Безобразовъ съ дружиною: сквозь разъѣзды непріятельскіе онъ благополучно достигъ Москвы и вручилъ царю письмо отъ князя Михаила, а царь велѣлъ читать оное всенародно, при звукѣ колоколовъ и пѣніи благодарственнаго молебна во всѣхъ церквахъ. Князь Михаилъ писалъ, что Богъ ему помогаетъ. Исчезло отчаяніе сомнѣнія и мятежъ. Надежда на скорое избавленіе уменьшила и дороговизну съ голодомъ. Новыя вѣсти еще болѣе обрадовали Москву.

Ожидая Делагарди, князь Михаилъ хотѣлъ выгнать непріятеля изъ Переславля-Залѣсскаго, чтобы безпрепятственно сноситься съ Шереметевымъ и низовыми областями. Головинъ, Волуевъ и Зоме (1 сентября) ночью взяли сей городъ, убивъ 500 человѣкъ и плѣнивъ 150 шляхтичей Сапѣгиной рати. 16 сентября пришелъ, наконецъ, и Делагарди. Казна, доставленная Скопину усердіемъ городовъ, дала ему средство удовлетворить вполнѣ корыстолюбію шведовъ: имъ заплатили 15,000 рублей мѣхами, и тѣмъ оживили ихъ ревность. Полководцы, оба юные и пылкіе духомъ, служили примѣромъ искренняго братства для воиновъ. 26 сентября князь Михаилъ и Делагарди двинулись впередъ, оставили въ Переславлѣ сильную дружину и шли далѣе на югъ; встрѣтили, гнали малочисленныхъ ляховъ и заняли Александровскую слободу, прославленную Іоанномъ. Тамъ все еще напоминало его время: дворецъ, пять богатыхъ храмовъ, чистые пруды, глубокіе рвы и высокія стѣны, гдѣ Грозный искалъ безопаснаго убѣжища отъ Россіи и совѣсти. Мѣсто ужасовъ обратилось въ мѣсто надежды и спасенія. Тамъ Михаилъ остановился; велѣлъ немедленно дѣлать новыя деревянныя укрѣпленія, выслалъ разъѣзды на дороги, открылъ сообщеніе съ Москвою и ежедневно писалъ къ царю, чтобы условиться съ нимъ въ дальнѣйшихъ

дѣйствіяхъ. Москва ожила изобиліемъ. Уже съ трехъ сторонъ везли къ ней запасы: изъ Переславля, Владиміра и Коломны, ибо ляхъ Млоцкій, свѣдавъ о вступленіи союзниковъ въ Александровскую слободу, удалился къ Серпухову. Уже князь Михаилъ имѣлъ 18,000 воиновъ, кромѣ шведовъ; но зная, что къ нему идутъ новыя дружины изъ городовъ сѣверныхъ, хотѣлъ до времени только отражать непріятеля.

Между тѣмъ изнуренная лавра, все еще осаждаемая Сапѣгою, простирала руки къ избавителю. Горсть ея неутомимыхъ воителей еще уменьшилась въ новыхъ дѣлахъ кровопролитныхъ, хотя и счастливыхъ. Узнавъ о Колязинской побѣдѣ, они торжествовали ее дерзкими вылазками, били измѣнниковъ и ляховъ, отнимали у нихъ запасы и стада. Князь Михаилъ далъ чиновнику Жеребцову 900 воиновъ и велѣлъ силою или хитростью проникнуть въ лавру: Жеребцовъ обманулъ непріятеля и, къ радости ея защитниковъ, безъ боя соединился съ ними.

Тогда, встревоженный близостью князя Михаила и шведовъ, Сапѣга (17 октября) съ 4,000 ляховъ вышелъ изъ Троицкаго стана, чтобы узнать ихъ силу; встрѣтилъ передовую дружину россіянъ въ селѣ Коринскомъ и гналъ ее до укрѣпленій слободы. Тутъ было жаркое дѣло. Начали шведы, кончили россіяне: Сапѣга уступилъ, если не мужеству, то числу превосходному— и возвратился къ своей безконечной осадѣ, какъ бы все еще надѣясь взять лавру! Но онъ самъ находился уже едва не въ осадѣ: разъѣзды, высылаемые княземъ Михаиломъ изъ Слободы, Шереметевымъ изъ Владиміра и царемъ изъ Москвы, прерывали сообщенія измѣнниковъ и ляховъ между лаврою и Тушинымъ, не пускали къ нимъ ни гонцовъ, ни хлѣба, портили дороги, дѣлали засѣки. Къ счастію князя Михаила, главные вожди польскіе, гетманъ Рожинскій и Сапѣга, оба гордые, властолюбивые, не могли быть единодушными; видя его опасное наступленіе, съѣхались для совѣта и разстались въ жаркой ссорѣ, чтобы дѣйствовать независимо другъ отъ друга: гетманъ ускакалъ назадъ въ Тушино, а Сапѣга возобновилъ безполезные приступы къ лаврѣ, почти въ глазахъ князя Михаила, коего войско умножалось.

Уже слобода Александровская какъ бы представляла Россію и затмѣвала Москву своею важностію. Туда стремились взоры и сердца сыновъ отечества; туда и воины, толпами и порознь, конные и пѣшіе, немногіе въ доспѣхахъ, всѣ съ мечомъ или копіемъ и съ ревностію. Новыя дружины изъ Ярославля, бояринъ Шереметевъ изъ Владиміра съ низовою ратію, князья Иванъ Куракинъ и Лыковъ изъ Москвы съ полками царскими присоединились къ князю Михаилу. Ждали и сильнѣйшаго вспоможенія отъ

Карла IX: Делагарди писалъ къ нему, что должно побѣдить Сигизмунда не въ Ливоніи, а въ Россіи. Все благопріятствовало юному герою: довѣренность царя и союзниковъ, усердіе и единодушіе своихъ, смятеніе и раздоръ непріятеля. Наконецъ россіяне видѣли, чего уже давно не видали: умъ, мужество, добродѣтель и счастіе въ одномъ лицѣ, видѣли мужа великаго въ прекрасномъ юношѣ и славили его съ любовію, которая столь долго была жаждою, потребностію неудовлетворяемою ихъ сердца, и нашла предметъ столь чистый. Но сія любовь, способствуя успѣху великаго дѣла, избавленію отечества, имѣла и несчастное слѣдствіе.

Князь Михаилъ служилъ царю и царству по закону и совѣсти, безъ всякихъ намѣреній властолюбія, въ невинной смиренной душѣ едва ли плѣняясь и славою; не такъ мыслили за него другіе, уже съ бѣдственнымъ навыкомъ къ перемѣнамъ, низверженіямъ и беззаконіямъ. Многимъ казалось, что если Богъ возстановитъ Россію, то она въ награду за свои великодушныя усилія должна имѣть царя лучшаго, не Василія, который предалъ государство разбойникамъ, сравнялъ Москву съ Тушинымъ, и едва на главѣ слабой удерживаетъ вѣнецъ, срываемый съ него буйною чернію; а мысль о новомъ царѣ была мыслію о князѣ Михаилѣ—и человѣкъ, сильный духомъ, дерзнулъ всенародно изъявить оную. Тотъ, кто господствомъ ума своего рѣшилъ судьбу перваго бунта, способствовалъ успѣхамъ и гибели опаснаго Болотникова, измѣнилъ Василію и загладилъ измѣну важными услугами, не только не присталъ ко второму Лжедимитрію, но и не далъ ему Рязани — думный дворянинъ Ляпуновъ вдругъ и торжественно, именемъ Россіи, предложилъ царство Скопину, называя его въ льстивомъ письмѣ единымъ достойнымъ вѣнца, а Василія осыпая укоризнами. Сію грамоту вручили князю Михаилу послы рязанскіе; не дочитавъ, онъ изодралъ ее, велѣхъ схватить ихъ, какъ мятежниковъ, и представить царю. Послы упали на колѣна, обливались слезами, винили одного Ляпунова, клялись въ вѣрности къ Василію. Еще болѣе милосердый, нежели строгій, князь Михаилъ дозволилъ имъ мирно возвратиться въ Рязань, надѣясь, можетъ быть, образумить ея дерзкаго воеводу и сохранить въ немъ знаменитаго слугу для отечества. Онъ сохранилъ Ляпунова, но не спасъ себя отъ клеветы: сказали Василію, что Скопинъ съ удивительнымъ великодушіемъ милуетъ злодѣевъ, которые предлагаютъ ему измѣну и царство. Подозрѣніе гибельное уязвило Василіево сердце; но еще имѣли нужду въ героѣ, и злоба таилась.

Еще, не взирая на близость спасенія, Москва тревожилась нѣкоторыми удачами и дерзостію непріятеля. Млоцкій въ набѣ-

гахъ своихъ изъ Серпухова грабилъ обозы между Коломною и столицею. Тамъ же явились многочисленныя толпы разбойниковъ съ атаманомъ Салковымъ, хатунскимъ крестьяниномъ, присоединились къ Млоцкому и побили воеводу князя Литвинова-Мосальскаго, высланнаго царемъ очистить Коломенскую дорогу; а на Слободской злодѣйствовалъ измѣнникъ князь Петръ Урусовъ съ шайками татаръ юртовскихъ. Цѣна хлѣба снова возвысилась въ Москвѣ; открылась даже и нечаянная измѣна. Царскій атаманъ Гороховый, будучи съ казаками и дѣтьми боярскими въ Красномъ Селѣ на стражѣ, ночью впустилъ въ него отрядъ Лжедимитріевъ; вѣрные дѣти боярскіе имѣли время спастися, а казаки передались къ Самозванцу, выжгли Красное Село и бѣжали въ Тушино. Въ другую ночь такіе же измѣнники подвели непріятеля, выше Неглинной, къ Деревянному городу и зажгли стѣны; но москвитяне, отбивъ злодѣевъ, утушили огонь. Между тѣмъ разбойнихъ Салковъ, въ пятнадцати верстахъ отъ столицы, одержалъ верхъ надъ воеводою московскимъ Сукинымъ и занялъ Владимирскую дорогу. Надлежало избрать лучшаго стратига, чтобы одолѣть сего второго хлопка: выступилъ князь Димитрій Пожарскій, уже знаменитый,—встрѣтилъ на берегахъ Пехорки и совершенно истребилъ его злую шайку; осталось только тридцать человѣкъ, которые, вмѣстѣ съ ихъ атаманомъ, дерзнули явиться въ Москвѣ съ повинною! Другіе отряды царскіе прогнали Млоцкаго къ Можайску. Изъ Слободы князь Лыковъ и Борятинскій, съ россіянами и шведами, ходили къ Суздалю и думали взять его внезапно, въ темную ночь; тамъ бодрствовалъ Лисовскій и встрѣтилъ ихъ неустрашимо,—они уклонились отъ битвы.

Въ то время, когда князь Михаилъ, умножая, образуя войско и щитомъ своимъ уже прикрывая вмѣстѣ и лавру, и столицу, готовился дѣйствовать наступательно; когда Москва, долго отлученная отъ Россіи, снова соединилась съ нею, какъ глава съ тѣломъ, видя вокругъ себя уже немногіе города подъ знаменами Лжедимитрія—въ то время новый непріятель, не съ шайками бродягъ и разбойниковъ, но съ войскомъ стройнымъ, съ предводителями искусными, съ силами цѣлой, знаменитой державы, находился въ нѣдрахъ Россіи и дѣлалъ, что ему угодно, какъ бы не возбуждая ни малѣйшаго вниманія ни въ Москвѣ, ни въ станѣ Александровскомъ! Обращаемся къ Сигизмунду. Василій не противился его вступленію въ наше княжество Смоленское, ибо не имѣлъ силъ противиться. Оказалось, что сіе вѣроломное нападеніе было для Василія лучшимъ средствомъ избавиться отъ врага, опаснѣйшаго и ближайшаго.

Вѣря слухамъ, что жители Смоленска нетерпѣливо ждутъ Сигизмунда, какъ избавителя, онъ (въ сентябрѣ мѣсяцѣ) подступилъ

къ сей древней столицѣ княжества Мономахова съ двѣнадцатью тысячами отборныхъ всадниковъ, пѣхотою нѣмецкою, литовскими татарами и десятью тысячами казаковъ запорожскихъ, расположился становъ на берегу Днѣпра, между монастырями Троицкимъ, Спасскимъ, Борисоглѣбскимъ, и послалъ универсалъ или манифестъ къ гражданамъ, объявляя, что Богъ казнитъ Россію за Годунова и другихъ властолюбцевъ, которые беззаконно въ ней царствовали и царствуютъ, воспаляя междоусобіе и призывая иноплеменниковъ терзать ея нѣдра; что шведы хотятъ овладѣть Московскимъ государствомъ, истребить вѣру православную и дать намъ свою ложную; что многіе россіяне тайными письмами убѣждали его (Сигизмунда), вѣнценосца истинно христіанскаго, брата и союзника изъ царей законныхъ, спасти отечество и церковь; что онъ, движимый любовію, единственно снисходя къ такому слезному моленію, идетъ съ войскомъ и съ помощію Богоматери избавить Россію отъ всѣхъ непріятелей; что жители Смоленска, въ знакъ душевной радости, должны встрѣтить его съ хлѣбомъ и солью. За мирное подданство Сигизмундъ обѣщалъ имъ новыя права и милости; за упрямство грозилъ огнемъ и мечемъ. На сію пышную грамоту отвѣтствовали словесно воеводы, бояринъ Шеинъ и князь Горчаковъ, архіепископъ Сергій, люди служилые и народъ: „Мы въ храмѣ Богоматери дали обѣтъ не измѣнять государю нашему, Василію Іоанновичу, а тебѣ, литовскому королю, и твоимъ панамъ не раболѣпствовать во вѣки“. Пославъ Сигизмундову грамоту въ Москву, они писали къ царю: „не оставь сиротъ твоихъ въ крайности. Людей ратныхъ у насъ мало. Жители уѣздные не хотѣли къ намъ присоединиться, ибо король обманываетъ ихъ вольностію, но мы будемъ стоять усердно“. Воеводы совѣтовались съ дворянами и гражданами, выжгли посады и слободы, заключились въ крѣпости и выдержали осаду, если не знаменитѣйшую Псковской или Троицкой, то еще долговременнѣйшую и равно блистательную въ лѣтописяхъ нашей воинской славы.

Видя, что Смоленскъ надобно взять не краснорѣчіемъ, а силою, король велѣлъ громить стѣны пушками, но ядра или не достигали вершины косогора, гдѣ стоитъ крѣпость, или безвредно падали къ подножію ея высокихъ, твердыхъ башенъ, воздвигнутыхъ Годуновымъ, а пальба осажденныхъ, гораздо дѣйствительнѣйшая, выгнала ляховъ изъ монастыря Спасскаго. Зная, вѣроятно, что въ крѣпости болѣе женъ и дѣтей, нежели воиновъ, Сигизмундъ рѣшился на приступъ: 23-го сентября, за два часа до свѣта, ляхи подкрались къ стѣнѣ и разбили петардою Аврамовскія ворота, но не могли вломиться въ крѣпость. 26-го сентября, также ночью, взяли острогъ Пятницкаго конца, а въ слѣдующую ночь

всѣми силами приступили къ Большимъ воротамъ: тутъ было дѣло кровопролитное, счастливое для осажденныхъ, и непріятель, вездѣ отбитый, съ того времени уже не выходилъ изъ стана, только стрѣлялъ день и ночь въ городъ, напрасно желая проломить стѣну, и велъ подкопы безполезные, ибо россіяне, имѣя слухи или ходы въ глубинѣ земли, всегда узнавали мѣсто сей тайной работы, сами дѣлали подкопы и взрывали непріятельскіе съ людьми на воздухъ. Историки польскіе отдаютъ справедливость мужеству и разуму Шеина, также и блестящей смѣлости его сподвижниковъ, сказывая, что однажды, среди бѣлаго дня, шесть воиновъ смоленскихъ приплыли въ лодкѣ къ стану маршала Дорогостайскаго, схватили знамя литовское и возвратились съ нимъ въ крѣпость. Наступила зима. Сигизмундъ, упрямствомъ подобный Баторію, хотѣлъ непремѣнно завоевать Смоленскъ, терялъ время и людей въ праздной осадѣ и, думая свергнуть Шуйскаго, губилъ Самозванца!

Вѣсть о вступленіи Сигизмундовомъ въ Россію встревожила не столько Москву, сколько Тушино, гдѣ скоро узнали, что шайки запорожцевъ, служа королю, берутъ города его именемъ и что Путивль, Черниговъ, Брянскъ, вмѣстѣ съ иными областями сѣверскими, волею или неволею ему покорились, измѣнивъ Лжедимитрію. „Чего хочетъ Сигизмундъ? — говорили тушинскіе и Сапѣгины ляхи съ негодованіемъ: — лишить насъ славы и возмездія за труды, взять даромъ, что мы въ два года пріобрѣли своею кровію и побѣдами! Сѣверская земля есть наша собственность: изъ ея доходовъ Димитрій обѣщалъ платить намъ жалованье—и кто же въ ней теперь властвуетъ? новые пришельцы, богатѣя грабежемъ, а мы остаемся въ бѣдности съ однѣми ранами!“ Такъ говорили чиновники и дворяне, воеводы же главные негодовали еще сильнѣе, лишаясь надежды раздѣлить съ Лжедимитріемъ всѣ богатства державы россійской и, привыкнувъ видѣть въ немъ не властителя, а клеврета, не могли спокойно воображать себя подъ знаменами республики наравнѣ съ другими воеводами королевскими. Сапѣга колебался; Рожинскій дѣйствовалъ и заключилъ съ своими товарищами новый союзъ: они клялися умереть или воцарить Лжедимитрія, назвалися конфедератами и послали сказать Сигизмунду: „Если сила и беззаконіе готовы исхитить изъ нашихъ рукъ достояніе меча и геройства, то не признаемъ ни короля королемъ, ни отечества отечествомъ, ни братьевъ братьями!“ Рожинскій писалъ къ своему монарху: „Ваше величество все знали и единственно намъ предоставляли кончить войну за Ди-Дмитрія, еще болѣе для республики, нежели для насъ выгодную, но вдругъ, неожиданно, вы являетесь съ полками, отнимаете у него землю Сѣверскую, волнуете, смущаете россіянъ, усиливаете

Шуйскаго и вредите дѣлу, уже почти совершонному нами. Сія земля нашею кровію увлажена, нашею славою блистаетъ. Въ сихъ могилахъ, отъ Днѣпра до Волги, лежатъ кости моихъ храбрыхъ сподвижниковъ. Уступимъ ли другому Россію? Скорѣе всѣ мы, остальные, положимъ также свои головы... и врагъ Димитрія, кто бы онъ ни былъ, есть нашъ непріятель!“ Гетману Жолкѣвскому говорили послы конфедератовъ: „Издревле витязи республики, рожденные въ нѣдрахъ златой свободы, любили искать воинской славы въ земляхъ чуждыхъ: такъ и мы своимъ мечомъ, истиннымъ Марсовымъ раломъ, воздѣлывали землю Московскую, чтобы пожать на ней честь и корысть. Сколь же горестно намъ видѣть противниковъ въ единоземцахъ и братьяхъ! Въ сей горести простираемъ руки къ тебѣ, гетману отечественнаго воинства, нашему учителю въ дѣлахъ славы! Изъясни Сенату, блюстителю законовъ и свободы, что мы требуемъ справедливо: да удержитъ Сигизмунда“. Тутъ паны и дворяне королевскіе воплемъ негодованія прервали дерзкую рѣчь; велѣли посламъ удалиться, язвительно издѣвались надъ ними, спрашивали въ насмѣшку о здоровьѣ ихъ государя Димитрія, о второмъ бракосочетаніи царицы Маріи—и дали отъ имени Сигизмундова слѣдующій отвѣтъ письменный: „Вамъ надлежало не посылать къ королю, а ждать его посольства: тогда вы узнали бы, для чего онъ вступилъ въ Россію. Отечество наше, конечно, славится рѣдкою свободою; но и свобода имѣетъ законы, безъ коихъ государство стоять не можетъ. Законъ республики не дозволяетъ воевать и королю безъ согласія у чиновъ государственныхъ; а вы, люди частные, своевольнымъ нападеніемъ раздражаете опаснѣйшаго изъ враговъ ея: вами озлобленный Шуйскій мститъ ей крымцами и шведами. Легко призвать, трудно удалить опасность. Хвалитесь побѣдами; но вы еще среди непріятелей сильныхъ... Идите и скажите своимъ клевретамъ, что искать славы и корысти беззаконіемъ, мятежничать и нагло оскорблять верховную власть есть дѣло не гражданъ свободныхъ, а людей дикихъ и хищныхъ“.

Однимъ словомъ, казалось, что не подданные съ государемъ и государствомъ, а двѣ особенныя державы находятся въ жаркомъ преніи между собою и грозятъ другъ другу войною. Изъясняясь съ нѣкоторою твердостію, Сигизмундъ не думалъ, однакожъ, быть строгимъ для усмиренія крамольниковъ, ибо имѣлъ въ нихъ нужду и надѣялся вѣрнѣе обольстить, нежели устрашить ихъ; развѣдывалъ, что дѣлается въ Лжедимитріевомъ станѣ; узналъ о несогласіи Сапѣги и Зборовскаго съ Рожинскимъ, о явномъ презрѣніи умныхъ ляховъ къ Самозванцу, о желаніи многихъ изъ нихъ, вопреки клятвенно утвержденному союзу между ними, дѣйствовать заодно съ королевскимъ войскомъ, — и торжественно назначилъ

(въ декабрѣ 1609) пословъ въ Тушино: пановъ Стадницкаго, князя Збаражскаго, Тишкѣвича, съ дружиною знатною. Онъ предписалъ имъ, что̀ говорить воинамъ и начальникамъ, гласно и тайно; далъ грамоту къ царю Василію, доказывая въ ней справедливость своего нападенія, но изъявляя и готовность къ миру на условіяхъ, выгодныхъ для республики; далъ еще особенную грамоту къ патріарху, духовенству, синклиту, дворянству и гражданству московскому, въ коей уже, снимая съ себя личину, вызывался прекратить ихъ жалостныя бѣдствія, если они съ благодарнымъ сердцемъ прибѣгнутъ къ его державной власти, и королевскимъ словомъ увѣрялъ въ цѣлости нашего богослуженія и всѣхъ уставовъ священныхъ. Въ такомъ же смыслѣ писалъ Сигизмундъ и къ россіянамъ, служащимъ мнимому Димитрію; а къ Самозванцу писали только сенаторы, называя его въ титулѣ яснѣйшимъ княземъ и прося оказать посламъ достойную честь изъ уваженія къ республикѣ, не сказывая, зачѣмъ они ѣдутъ въ станъ Тушинскій.

Уже конфедераты, лишаясь надежды взять Москву, болѣе и болѣе опасаясь князя Михаила и страшась недостатка въ хлѣбѣ, отнимаемомъ у нихъ разъѣздами воеводъ царскихъ, умѣрили свою гордость; ждали сихъ пословъ нетерпѣливо и встрѣтили пышно. Любопытный Самозванецъ, вмѣстѣ съ Мариною, смотрѣлъ изъ окна на ихъ торжественный въѣздъ въ Тушино, едва ли угадывая, что они везутъ ему гибель! Рожинскій совѣтовалъ имъ представиться Лжедимитрію; Стадницкій и Збаражскій отвѣчали, что имѣютъ дѣло единственно до войска — и послѣ великолѣпнаго пира созвали всѣхъ ляховъ слушать наказъ королевскій. Среди обширной равнины послы сидѣли въ креслахъ; воеводы, чиновники, дворяне стояли въ глубокомъ молчаніи. Сигизмундъ объявлялъ, что, извлекая мечъ на Шуйскаго за многія непріятельскія дѣйствія россіянъ, спасаетъ тѣмъ конфедератовъ, уже малочисленныхъ, изнуренныхъ уже долговременною войною и тѣснимыхъ соединенными силами москвитянъ и шведовъ; ждетъ добрыхъ сыновъ отечества подъ свои хоругви, забываетъ вину дерзкихъ, обѣщаетъ всѣмъ жалованье и награды. Выслушавъ рѣчь посольскую, многіе изъявили готовность исполнить волю Сигизмунда, другіе желали, чтобы онъ, взявъ Смоленскъ и Сѣверскую землю отъ Димитрія, мирно возвратился въ отечество, а войско республики присоединилъ къ конфедератамъ для завоеванія всего царства Московскаго. „Согласно ли съ достоинствомъ короля“, — возражали послы—имѣть владѣнную грамоту на Россійскія земли отъ того, кому большая часть россіянъ даетъ имя обманщика? и благоразумно ли проливать за него драгоцѣнную кровь ляховъ? Конфедераты требовали по крайней мѣрѣ двухъ милліоновъ зло-

тыхъ; требовали еще, чтобы Сигизмундъ назначилъ пристойное содержаніе для мнимаго Димитрія и жены его. „Вспомните“, — отвѣтствовали имъ, — что у насъ нѣтъ Перуанскихъ рудниковъ. Удовольствуйтесь нынѣ жалованьемъ обыкновеннымъ; когда же Богъ покоритъ Сигизмунду великую державу Московскую, тогда и прежняя ваша служба не останется безъ возмездія, хотя вы служили не государю, не республикѣ, а человѣку стороннему, безъ ихъ вѣдома и согласія“. О будущей долѣ Самозванца послы не сказали ни слова. Вожди и воины просили времени для размышленія.

Что же дѣлалъ Самозванецъ, еще окруженный множествомъ знатныхъ россіянъ, еще глава войска и стана? Какъ бы ничего не зная, сидѣлъ въ высокихъ хоромахъ тушинскихъ и ждалъ спокойно рѣшенія судьбы своей отъ людей, которые назывались его слугами; упоенный сновидѣніемъ величія, боялся пробужденія и смыкалъ глаза подъ ударомъ смертоноснымъ. Уже давно терпѣлъ онъ наглость ляховъ и презрѣніе россіянъ, не смѣя быть взыскательнымъ или строгимъ: такъ гетманъ вспыльчивый, въ присутствіи Лжедимитрія, изломалъ палку объ его любимца, князя Вишневецкаго, и заставилъ царика бѣжать отъ страха вонъ изъ комнаты; а Тишкѣвичъ въ глаза называлъ Самозванца обманщикомъ. Многіе россіяне, долго лицемѣривъ и чествивъ бродягу, уже явно гнушались имъ, досаждали ему невниманіемъ, словами грубыми и думали между собою, какъ избыть вмѣстѣ и Шуйскаго и Лжедимитрія. Сіе спокойствіе злодѣя, въ роковой часъ оставленнаго умомъ и смѣлостію, способствовало успѣху пословъ Сигизмундовыхъ.

Они пригласили къ себѣ знатнѣйшихъ россіянъ Лжедимитріева стана и, вручивъ имъ грамоту Сигизмундову, изъясняли, что хотя король вступилъ въ Россію съ оружіемъ, но единственно для ея мира и благоденствія, желая утишить бунтъ, истребить безстыднаго Самозванца, низвергнуть тирана вѣроломнаго (Шуйскаго), освободить народъ, утвердить вѣру и церковь. „Сіи люди, — пишетъ историкъ польскій, — угнетенные долговременнымъ злосчастіемъ, не могли найти словъ для выраженія своей благодарности: печальныя лица ихъ освѣтились радостію; они плакали отъ умиленія, читали другъ другу письмо королевское, цѣловали, прижимали къ сердцу начертаніе его руки, восклицая: „не можемъ имѣть государя лучшаго!“ Такъ замыселъ Сигизмундовъ на вѣнецъ Мономаховъ былъ торжественно объявленъ и торжественно одобренъ россіянами, но какими? сонмомъ измѣнниковъ: бояриномъ Михайломъ Салтыковымъ, княземъ Василіемъ Рубцемъ-Мосальскимъ и клевретами ихъ, вѣроломцами опытными, которые, нарушивъ три присяги и нарушая четвертую, не усомнились предать

иноплеменнику и Лжедимитрія, и Россію, чтобы спастися отъ мести Шуйскаго, раннимъ усердіемъ снискать благоволеніе короля и подъ сѣнію новаго царствующаго дома вкусить счастливое забвеніе своихъ беззаконій. Въ сей думѣ крамольниковъ присутствовалъ, какъ пишутъ, и мужъ добродѣтельный, плѣнникъ Филаретъ, ея невольный и безгласный участникъ.

Увѣренные въ согласіи тушинскихъ россіянъ имѣть царемъ Сигизмунда, послы въ то же время готовы были вступить въ сношеніе и съ Василіемъ, какъ законнымъ монархомъ: доставили ему грамоту королевскую и, вѣроятно, предложили бы миръ на условіи возвратить Литвѣ Смоленскъ или землю Сѣверскую, чѣмъ могло бы удовольствоваться властолюбіе Сигизмундово, если бы россіяне не захотѣли измѣнить своему вѣнцевосцу. Но Василій, перехвативъ возмутительныя письма королевскія къ духовенству, боярамъ и гражданамъ столицы, не отвѣчалъ Сигизмунду; въ знакъ презрѣнія, обнародовалъ только его вѣроломство и козни, чтобы исполнить негодованія сердца россіянъ. Москва была спокойна, а въ Тушинѣ вспыхнулъ мятежъ.

Давъ конфедератамъ время на размышленіе, послы Сигизмундовы уже тайно склонили князя Рожинскаго и главныхъ воеводъ присоединиться къ королю. Не хотѣли вдругъ оставить Самозванца, боясь, чтобы многолюдная сволочь тушинская не передалась къ Василію; условились до времени терпѣть въ странѣ мнимое господство Лжедимитріево для устрашенія Москвы, а дѣйствовать по волѣ Сигизмунда, имѣя главною цѣлью низвергнуть Шуйскаго. Но ослѣпленіе и спокойствіе бродяги уже исчезли: угадывая или свѣдавъ замышляемую измѣну, онъ призвалъ Рожинскаго и съ видомъ гордымъ спросилъ, что̀ дѣлаютъ въ Тушинѣ вельможи Сигизмундовы и для чего къ нему не являются? Гетманъ, не трезвый, забылъ лицемѣріе: отвѣчалъ бранью и даже поднялъ руку. Самозванецъ въ ужасѣ бѣжалъ къ Маринѣ; кинулся къ ея ногамъ, сказалъ ей: „Гетманъ выдаетъ меня королю; я долженъ спасаться, прости“—и ночью (29 декабря) надѣвъ крестьянское платье, съ шутомъ своимъ, Петромъ Кошелевымъ, въ навозныхъ саняхъ уѣхалъ искать новаго гнѣзда для злодѣйства, ибо царство злодѣя еще не кончилось!

На разсвѣтѣ узнали въ Тушинскомъ станѣ, что мнимый Димитрій пропалъ; всѣ изумились. Многіе думали, что онъ убитъ и брошенъ въ рѣку. Сдѣлалось ужасное смятеніе, ибо знатная часть войска еще усердствовала Самозванцу, любя въ немъ атамана разбойниковъ. Толпы съ яростнымъ крикомъ приступили къ гетману, требуя своего Димитрія, и въ то же время грабя обозъ сего бѣглеца, серебряные и золотые сосуды, имъ оставленные. Гетманъ и другіе начальники едва могли смирить мятежни-

ковъ, увѣривъ ихъ, что Самозванецъ, не убитый, не изгнанный, добровольно скрылся въ чувствѣ малодушнаго страха, и что не бунтомъ, а твердостію и единодушіемъ должно имъ выйти изъ положенія весьма опаснаго. Не менѣе волновались и россійскіе измѣнники, лишенные главы: одни бѣжали вслѣдъ за Самозванцемъ, другіе въ Москву; знатнѣйшіе пристали къ конфедератамъ и вмѣстѣ съ ними отправили посольство къ Сигизмунду.

Между тѣмъ Марина, оставленная мужемъ и дворомъ, не измѣняла высокомѣрію и твердости въ злосчастіи; видя себя въ станѣ подъ строгимъ надзоромъ и какъ бы плѣнницею ненавистнаго ей гетмана, упрекала ляховъ и россіянъ предательствомъ, хотѣла жить или умереть царицею, отвѣтствовала своему дядѣ, пану Стадницкому, который убѣждалъ ее прибѣгнуть къ Сигизмундовой милости, назвалъ въ письмѣ только дочерью Сендомирскаго воеводы, а не государынею московскою: „Благодарю за добрыя желанія и совѣты; но правосудіе Всевышняго не дастъ злодѣю моему, Шуйскому, насладиться плодомъ вѣроломства. Кому Богъ единожды даетъ величіе, тотъ уже никогда не лишается сего блеска, подобно солнцу, всегда лучезарному, хотя и затмѣваемому на часъ облаками“. Она писала къ королю: „Счастіе меня оставило, но не лишило права властительскаго, утвержденнаго моимъ царскимъ вѣнчаніемъ и двукратною присягою россіянъ“; желала ему успѣха въ войнѣ, не уступая вѣнца Мономахова, ждала случая дѣйствовать и воспользовалась первымъ.

Скоро свѣдали, гдѣ Лжедимитрій; онъ уѣхалъ въ Калугу, сталъ близъ города въ монастырѣ и велѣлъ инокамъ объявить ея жителямъ, что король Сигизмундъ требовалъ отъ него земли Сѣверской, желая обратить ее въ латинство, но, получивъ отказъ, склонилъ гетмана и все тушинское войско къ измѣнѣ; что его (Самозванца) хотѣли схватить или умертвить; что онъ удалился къ нимъ, достойнымъ гражданамъ знамеменитой Калуги, надѣясь съ ними и съ другими вѣрными ему городами изгнать Шуйскаго изъ Москвы и ляховъ изъ Россіи, или погибнуть славно за цѣлость государства и за святость вѣры. Духъ буйности жилъ въ Калугѣ, гдѣ оставались еще многіе изъ подвижниковъ атамана Болотникова: они съ усердіемъ встрѣтили злодѣя, какъ государя законнаго, ввели въ лучшій домъ, надѣлили всѣмъ нужнымъ, богатыми одеждами, конями. Прибѣжали изъ Тушина нѣкоторые ближніе чиновники Самозванцевы; пришелъ главный крамольникъ князь Григорій Шаховской съ полками казаковъ изъ Царева-Займища, гдѣ онъ наблюдалъ движенія Сигизмундовой рати. Составились дружины тѣлохранителей и воиновъ, дворъ и правительство, достойное лжецаря, коего первымъ указомъ въ семъ новомъ вертепѣ злодѣйства было истребленіе ляховъ и нѣмцевъ за не-

пріятельскія дѣйствія Сигизмунда и шведовъ; ихъ убивали, вмѣстѣ съ вѣрными царю россіянами, во всѣхъ городахъ, еще подвластныхъ Самозванцу: Тулѣ, Перемышлѣ, Козельскѣ; грабили купцовъ иноземныхъ на пути изъ Литвы къ Тушину. Въ Калугѣ утопили бывшаго воеводу ея, ляха Скотницкаго, подозрѣваемаго Лжедимитріемъ въ измѣнѣ. Тамъ же истерзали и добраго окольничаго, Ивана Ивановича Годунова, какъ усерднаго слугу Василіева. Взявъ его въ плѣнъ, свергнули съ башни и еще живого кинули въ рѣку; онъ ухватился за лодку: злодѣй Михайло Бутурлинъ отсѣкъ ему руку и сей мученикъ вѣрности утонулъ въ глазахъ отчаянной жены своей, сестры Филаретовой. Бывъ дотолѣ въ нѣкоторой зависимости отъ гетмана и другихъ знатныхъ клевретовъ, Самозванецъ уже могъ дѣйствовать свободно, звѣрствовать до безумія, хваляся особенно ненавистію ко всему нерусскому и говоря, что когда будетъ царемъ на Москвѣ, то не оставитъ въ живыхъ ни единаго иноплеменника, ни грудного младенца, ни зародыша въ утробѣ матери! И кровію ляховъ обагренный, тогда же искалъ въ нихъ еще усердія къ его злодѣйству!

Въ Тушинскомъ станѣ читали тайныя грамоты Лжедимитріевы; Самозванецъ писалъ, что возвратится къ своимъ добрымъ сподвижникамъ съ богатою казною, если они дадутъ ему новую клятву въ вѣрности и накажутъ главныхъ виновниковъ измѣны. Прибыли и тайные послы его: ляхъ Казимирскій и Глазунъ-Плещеевъ; они внушали ляхамъ и казакамъ, что одинъ Димитрій можетъ обогатить ихъ, имѣя еще владѣнія обширныя и милліоны готовые. Люди, сколько-нибудь благоразумные, не слушали; но бродяги, грабители снова взволновались и еще болѣе, когда Марина, пользуясь смятеніемъ, явилась между воинами съ растрепанными волосами, съ лицомъ блѣднымъ, съ глубокою горестію и слезами: не упрекала, но трогала видомъ и словами; убѣждала не оставлять Димитрія, исполненнаго къ нимъ любви и благодарности, не лишать себя праведнаго возмездія за труды, для него понесенные, не обольщаться королевскою милостію, ничѣмъ незаслуженною и слѣдственно ненадежною; ходила изъ ставки въ ставку, каждаго изъ чиновниковъ называла именемъ, ласково привѣтствовала, молила соединиться съ ея мужемъ. Все было въ движеніи: стремились видѣть и слушать прелестную женщину, краснорѣчивую отъ живыхъ чувствъ и разительныхъ обстоятельствъ судьбы ея. Говорили: „Послы королевскіе насъ обманули и разлучили съ Димитріемъ! Гдѣ тотъ, за кого мы умирали? Отъ кого будемъ требовать награды?“ Еще гетманъ и воеводы нашли средство обуздать ляховъ; но донцы сѣли на коней и выступили полками изъ Тушина къ Калугѣ. Гетманъ съ своими латниками настигъ ихъ, изрубилъ болѣе тысячи и заставилъ побѣжденныхъ возвратиться.

Спокойствіе было кратковременно. Не имѣвъ совершеннаго успѣха въ намѣреніи взбунтовать Тушинскій станъ и боясь мести гетмана, Марина, въ одеждѣ воина, съ лукомъ и туломъ за плечами, ночью, въ трескучій морозъ ускакала верхомъ къ мужу, провождаемая только слугою и служанкою. Поутру нашли въ ея комнатахъ слѣдующее письмо къ войску: „Безъ друзей и ближнихъ, одна съ своею горестію, я должна спасать себя отъ наглости моихъ мнимыхъ защитниковъ. Въ упоеніи шумныхъ пировъ, клеветники гнусные равняютъ меня съ женами презрительными, умышляютъ измѣну и ковы. Сохрани Боже, чтобы кто-нибудь дерзнулъ торговать мною и выдать меня человѣку, которому ни я, ни мое царство не подвластны! Утѣсненная и гонимая, свидѣтельствуюсь Всевышнимъ, что не престану блюсти своей чести и славы, и, бывъ властительницею народовъ, уже никогда не соглашусь возвратиться въ званіе польской дворянки. Надѣясь, что храброе воинство не забудетъ присяги, моей благодарности и наградъ, ему обѣщанныхъ, удаляюсь“. Сіе письмо читали всенародно въ Тушинѣ благопріятели Марины и произвели желаемое дѣйствіе: новый мятежъ, еще сильнѣйшій прежнихъ. Неистовые, съ обнаженными саблями окруживъ ставку гетмана, вопили: „Злодѣй! Ты выгналъ злосчастную Марину твоею буйностію, въ чаду высокоумія и пьянства! Ты вѣроломецъ, подкупленный королемъ, чтобы обманомъ вырвать изъ нашихъ рукъ казну московскую! Возврати намъ Димитрія, или умри, измѣнникъ!“ Стрѣляли изъ пистолетовъ, хотѣли, дѣйствительно, убить Рожинскаго, выбрать иного начальника и немедленно идти къ Самозванцу; но снова одумались, примирились съ неустрашимымъ гетманомъ и дали ему слово ждать отвѣта королевскаго. „Ни за что не ручаюсь,—писалъ Рожинскій къ Сигизмунду, — если ваше величество не благоволите удовлетворить желаніямъ войска и бояръ московскихъ, съ нами соединенныхъ“.

Сіи желанія или требованія были объявлены королю послами россіянъ и ляховъ тушинскихъ. Въ числѣ сорока двухъ первыхъ находились Михайло Салтыковъ и сынъ его Иванъ, князья Рубецъ-Мосальскій и Юрій Хворостининъ, Левъ Плещеевъ, Молчановъ (тотъ самый, который въ Галиціи выдавалъ себя за Димитрія), дьяки Грамотинъ, Андроновъ, Чичеринъ, Апраксинъ и многіе дворяне. Сигизмундъ принялъ ихъ (31 января) съ великою пышностію, сидя на престолѣ, въ кругу сенаторовъ и знатныхъ пановъ. Сѣдовласый измѣнникъ Салтыковъ говорилъ длинную рѣчь о бѣдствіяхъ Россіи, о довѣренности ея къ королю, и замолчалъ отъ усталости. Сынъ его и дьякъ Грамотинъ продолжали: одинъ исчислялъ всѣхъ нашихъ государей отъ Рюрика до Іоанна и Ѳеодора; другой молилъ Сигизмунда быть заступникомъ нашего пра-

вославія и тѣмъ снискать милость Всевышняго. Наконецъ бояринъ Салтыковъ предложилъ вѣнецъ Мономаховъ—не Сигизмунду, но юному королевичу Владиславу; а Грамотинъ заключилъ изображеніемъ выгодъ, безопасности, благоденствія обѣихъ державъ, которыя со временемъ будутъ единою подъ скиптромъ Владислава. Литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга отвѣтствовалъ, что Сигизмундъ благодаритъ за оказываемую ему честь и довѣренность, соглашается быть покровителемъ Россійской державы и церкви и назначитъ сенаторовъ для переговоровъ о дѣлѣ, столь важномъ.

Переговоры начались немедленно, и послы измѣнниковъ тушинскихъ сказали сенаторамъ: „Съ того времени, какъ смертію Іоаннова наслѣдника извелося державное племя Рюриково, мы всегда желали имѣть одного вѣнценосца съ вами, въ чемъ можетъ удостовѣрить васъ сей думный бояринъ Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ, зная всѣ тайны государственныя. Препятствіемъ были грозное властвованіе Борисово, успѣхи Лжедимитрія, беззаконное воцареніе Шуйскаго и явленіе второго Самозванца, къ коему мы пристали, не вѣря ему, но отъ ненависти къ Василію, и только до времени. Обрадованные вступленіемъ короля въ Россію, мы тайно снеслися съ людьми, знатнѣйшими въ Москвѣ, свѣдали ихъ единомысліе съ нами и давно прибѣгнули бы къ Сигизмунду, если бы ляхи Лжедимитріевы тому не противились. Нынѣ же, когда вожди и войско готовы повиноваться законному монарху, объявившему намъ чистоту своихъ намѣреній,—нынѣ смѣло убѣждаемъ его величество дать намъ сына въ цари, ибо ему самому, государю иной великой державы, нельзя оставить ее, ни управлять Москвою чрезъ намѣстника. Вся Россія встрѣтитъ царя вожделѣннаго съ радостію; города и крѣпости отворятъ врата; патріархъ и духовенство благословятъ его усердно. Только да не медлитъ Сигизмундъ; да идетъ прямо къ Москвѣ и подкрѣпитъ войско, угрожаемое превосходными силами Скопина и шведовъ. Мы впереди: укажемъ ему путь и средства взять столицу; сами свергнемъ, истребимъ Шуйскаго, какъ жертву, уже давно обреченную на гибель. Тогда и Смоленскъ, осаждаемый съ такимъ усиліемъ тягостнымъ, доселѣ безполезнымъ — тогда и все государство послѣдуетъ нашему примѣру“. Но боясь ли, какъ пишутъ, ввѣрить судьбу шестнадцатилѣтняго королевича народу, ославленному строптивостію и мятежами, или отъ личнаго властолюбія нерасположенный уступить Московское царство даже и сыну, Сигизмундъ изъяснился двусмысленно. Сенаторы его отвѣтствовали измѣнникамъ, что если Всевышній благословитъ доброе желаніе россіянъ; если грозныя тучи, висящія надъ ихъ державою, удалятся, и тихіе дни въ ней снова возсіяютъ; если, въ мирѣ и согласіи, духовенство, вельможи, войско, граждане всѣ единодушно захотятъ Вла-

дислава въ цари, то Сигизмундъ, конечно, удовлетворитъ ихъ общей волѣ и готовъ идти къ Москвѣ, какъ скоро тушинская рать къ нему присоединится.

Въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ послы требовали, чтобы Владиславъ принялъ нашу вѣру: имъ сказали, что вѣра есть дѣло совѣсти и не терпитъ насилія; что можно внушать и склонять, а не велѣть. „Сіи люди, — говоритъ польскій историкъ, — мало заботились о правахъ и вольностяхъ государственныхъ: твердили единственно о церкви, монастыряхъ, обрядахъ; только ими дорожили, какъ главнымъ, существеннымъ предметомъ, необходимымъ для ихъ мира душевнаго и счастія“. Именемъ королевскимъ сенаторы письменно утвердили неприкосновенность всѣхъ нашихъ священныхъ уставовъ и согласились, чтобы королевичъ, если Богъ дастъ ему государство Московское, былъ вѣнчанъ патріархомъ; обязались также соблюсти и цѣлость Россіи, ея законы и достояніе людей частныхъ; а послы клялись оставить Шуйскаго и Самозванца, вѣрно служить государю Владиславу, и доколѣ онъ еще не царствуетъ, служить отцу его. Въ то же время король писалъ къ сенату, что Москва въ смятеніи, и князь Михаилъ въ раздорѣ съ Василіемъ; что должно пользоваться обстоятельствами, расширить владѣнія республики и завоевать часть Россіи или всю Россію! Не могли Салтыковъ и клевреты его быть слѣпыми: они видѣли, что король готовитъ царство себѣ, а не Владиславу; знали, что и Владиславъ не могъ ни въ какомъ случаѣ принять нашего закона; но, ужасаясь близкаго торжества Василіева, какъ своей гибели, и давно погрязнувъ въ злодѣйствахъ, не усомнились предать отечество изъ рукъ низкаго Самозванца въ руки вѣнценосца иновѣрнаго; предлагали условія единственно для ослѣпленія другихъ россіянъ и, лицемѣрно восхищаясь мнимою готовностію Сигизмунда исполнить всѣ ихъ желанія, громогласно благодарили его и плакали отъ радости. Пировали, обѣдали у короля, гетмана Жолкѣвскаго и Льва Сапѣги. Сидя на возвышенномъ мѣстѣ, король пилъ за здравіе пословъ; они пили за здравіе царя Владислава. Написали грамоты къ воеводамъ городовъ окрестныхъ, славя великодушіе Сигизмунда, убѣждая ихъ присягнуть королевичу, соединиться съ братьями-ляхами, и нѣкоторыхъ обольстили: Ржевъ и Зубцовъ поддались царю новому, мнимому. Но знаменитый Шеинъ, уже пять мѣсяцевъ осаждаемый въ Смоленскѣ, къ его славѣ и бѣдствію королевскаго войска, истребляемаго трудами, битвами и морозами, не обольстился: вызванный изъ крѣпости измѣнниками для свиданія, слушалъ ихъ съ презрѣніемъ и возвратился вѣрнымъ, непоколебимымъ.

Довольный тушинскими россіянами, Сигизмундъ тѣмъ менѣе былъ доволенъ тушинскими ляхами, коихъ послы снова требовали

милліоновъ, и хотѣли, чтобы онъ, взявъ Московское государство, далъ Маринѣ Новгородъ и Псковъ, а мужу ея княжество особенное. Опасаясь раздражить людей буйныхъ и лишиться ихъ важнаго, необходимаго содѣйствія, король обѣщалъ уступить имъ доходы земли Сѣверской и Рязанской, милостиво надѣлить Марину и Лжедимитрія, если они смирятся, и немедленно послать въ Тушино вельможу Потоцкаго съ деньгами и съ войскомъ, чтобы истребить или прогнать князя Михаила, стѣснить Москву и низвергнуть Шуйскаго. Но сей отвѣтъ не успокоилъ конфедератовъ: не вѣрили обѣщаніямъ,—ждали денегъ, а Сигизмундъ медлилъ и морилъ людей подъ стѣнами Смоленска, не присылалъ ни серебра, ни войска къ мятежникамъ, ибо его любимецъ Потоцкій, къ досадѣ гетмана Жолкѣвскаго, распоряжая осадою, не хотѣлъ двинуться съ мѣста, чтобы отсутствіемъ не утратить выгодъ временщика.

Вѣсти калужскія еще болѣе взволновали конфедератовъ; тамъ Лжедимитрій снова усиливался и царствовалъ; тамъ явилась и жена его, славимая какъ героиня. Выѣхавъ изъ Тушина, она сбилась съ дороги и попала въ Дмитровъ, занятый войскомъ Сапѣги, который совѣтовалъ ей удалиться къ отцу. „Царица московская,—сказала Марина,—не будетъ жалкою изгнанницею въ домѣ родительскомъ“—и, взявъ у Сапѣги нѣмецкую дружину для безопасности, прискакала къ мужу, который встрѣтилъ ее торжественно вмѣстѣ съ народомъ, восхищеннымъ ея красотою въ убранствѣ юнаго витязя. Калуга веселилась и пировала; хвалилась призракомъ двора, многолюдствомъ, изобиліемъ, покоемъ, — а тушинскіе ляхи терпѣли голодъ и холодъ, сидѣли въ своихъ укрѣпленіяхъ какъ въ осадѣ, или, толпами выѣзжали на грабежъ, встрѣчали пули и сабли царскихъ или Михаиловыхъ отрядовъ. Кричали, что вмѣстѣ съ Димитріемъ оставило ихъ и счастіе; что въ Тушинѣ бѣдность и смерть, въ Калугѣ честь и богатство; не слушали новыхъ пословъ королевскихъ, прибывшихъ къ нимъ только съ ласковыми словами; кляли измѣну своихъ предводителей и козни Сигизмундовы; хотѣли грабить станъ и съ сею добычею идти къ Самозванцу. Но гетманъ въ послѣдній разъ обуздалъ буйность страхомъ.

Уже князь Михаилъ дѣйствовалъ. Войско его умножилось, образовалось. Пришло еще 3.000 шведовъ изъ Выборга и Нарвы. Готовились идти прямо на Сапѣгу и Рожинскаго, но хотѣли озаботить ихъ и съ другой стороны: послали воеводъ Хованскаго, Борятинскаго и Горна занять южную часть Тверской и сѣверную Смоленской области, чтобы препятствовать сообщенію конфедератовъ съ Сигизмундомъ. Между тѣмъ, чиновникъ Волуевъ съ пятью стами ратниковъ долженъ былъ осмотрѣть вблизи укрѣ-

пленія Сапѣгины. Онъ сдѣлалъ болѣе: ночью (января 4) вступилъ въ лавру, взялъ тамъ дружину Жеребцова, утромъ напалъ на ляховъ и возвратился къ князю Михаилу съ толпою плѣнниковъ и съ вѣстію о слабости непріятеля. Войско ревностно желало битвы, надѣясь поразить Сапѣгу и гетмана отдѣльно. Но дерзость перваго уже исчезла; будучи въ несогласіи съ Рожинскимъ, оставивъ Лжедимитрія и еще не приставъ къ королю, едва ли имѣя 6.000 сподвижниковъ, изнуренныхъ болѣзнями и трудами, Сапѣга увидѣлъ поздно, что не время мыслить о завоеваніи монастыря, а время спасаться, снялъ осаду (12 января) и бѣжалъ къ Дмитрову. Иноки и воины лавры не вѣрили глазамъ своимъ, смотря на сіе бѣгство врага, столь долго упорнаго! Оглядѣли безмолвный станъ измѣнниковъ и ляховъ: нашли тамъ множество запасовъ и даже немало вещей драгоцѣнныхъ; думали, что Сапѣга возвратится—и чрезъ восемь дней послали, наконецъ, инока Макарія со святою водой въ Москву, объявить царю, что лавра спасена Богомъ и княземъ Михаиломъ, бывъ 16 мѣсяцевъ въ тѣсномъ облежаніи. Уже сіяя не только святостію, но и славою рѣдкой, любовію къ отечеству и вѣрѣ, преодолѣвъ искусство и число непріятеля, нужду и язву, обративъ свои башни и стѣны, дебри и холмы въ памятники доблести безсмертной, лавра увѣнчала сей подвигъ новымъ государственнымъ благодѣяніемъ. Россіяне требовали тогда единственно оружія и хлѣба, чтобы сражаться; но союзники ихъ, шведы, требовали денегъ. Иноки троицкіе, встрѣтивъ князя Михаила и войско его съ любовію, отдали ему все, что еще имѣли въ житницахъ, а шведамъ нѣсколько тысячъ рублей изъ казны монастырской. Глубина снѣговъ затрудняла воинскія дѣйствія: князь Иванъ Куракинъ, съ россіянами и шведами, выступилъ на лыжахъ изъ лавры къ Дмитрову, и подъ стѣнами его увидѣлъ Сапѣгу. Началось кровопролитное дѣло, въ коемъ россіяне блестящимъ мужествомъ заслужили громкую хвалу шведовъ, судей непристрастныхъ; побѣдители взяли знамена, пушки, городъ Дмитровъ и гнали непріятеля легкими отрядами къ Клину, нигдѣ не находя ни жителей, ни хлѣба въ сихъ мѣстахъ, опустошенныхъ войною и разбоями. Предавъ ляховъ тушинскихъ судьбѣ, Сапѣга шелъ день и ночь къ калужскимъ и смоленскимъ границамъ, чтобы присоединиться къ королю или Лжедимитрію, смотря по обстоятельствамъ.

До сего времени Сапѣга былъ щитомъ для Тушина, стоя между имъ и слободою Александровской. Свѣдавъ о бѣгствѣ его, свѣдавъ тогда же, что воеводы, отряженные княземъ Михаиломъ, заняли Старицу, Ржевъ и приступаютъ къ Бѣлому, конфедераты не хотѣли медлить ни часу въ станѣ, угрожаемомъ вблизи и

вдали царскими войсками; но, смиренные ужасомъ, изъявили покорность гетману: онъ вывелъ ихъ съ распущенными знаменами, при звукѣ трубъ и подъ дымомъ пылающаго, имъ зажженнаго стана, чтобы идти къ королю. Измѣнники, клевреты Салтыкова, соединились съ ляхами; гнуснѣйшіе изъ нихъ ушли къ Самозванцу; менѣе виновные въ Москву и въ другіе города, надѣясь на милосердіе Василіево или свою неизвѣстность, — и чрезъ нѣсколько часовъ остался только пепелъ въ уединенномъ Тушинѣ, которое 18 мѣсяцевъ кипѣло шумнымъ многолюдствомъ, величалось именемъ царства и боролось съ Москвою! Жарко преслѣдуемый дружинами князя Михаила, изгнанный изъ крѣпкихъ стѣнъ Іосифовской обители и разбитый въ полѣ мужественнымъ Волуевымъ (который въ семъ дѣлѣ освободилъ знаменитаго плѣнника Филарета), Рожинскій, князь племени Гедиминова, еще юный лѣтами, отъ изнуренія силъ и горести кончилъ бурную жизнь въ Волоколамскѣ, жалуясь на измѣну счастія, безуміе второго Лжедимитрія, крамольный духъ сподвижниковъ и медленность Сигизмундову,—полководецъ искусный, какъ увѣряютъ его единоземцы, или только смѣлый наѣздникъ и грабитель, какъ свидѣтельствуютъ наши лѣтописи. Смерть начальника рушила составъ войска, — оно разсѣялось, толпы бѣжали къ Сигизмунду, толпы къ Лжедимитрію и Сапѣгѣ, который сталъ на берегахъ Угры, въ мѣстахъ, еще изобильныхъ хлѣбомъ, и предлагалъ своему государю условія для вѣрной ему службы, сносяся и съ Калугою.— Такъ исчезло главное страшное ополченіе удальцевъ и разбойниковъ чужеземныхъ, измѣнниковъ и злодѣевъ россійскихъ, бывъ на шагъ отъ своей цѣли, гибели нашего отечества, и вдругъ остановлено великодушнымъ усиліемъ добрыхъ россіянъ, и вдругъ уничтожено дѣйствіями грубой политики Сигизмундовой! Одинъ Лисовскій, съ измѣнникомъ атаманомъ Просовецкимъ, съ шайками казаковъ и вольницы, держался еще нѣсколько времени въ Суздалѣ, но весною ушелъ оттуда въ мятежный Псковъ, разграбивъ на пути монастырь колязинскій, гдѣ честный воевода Давидъ Жеребцовъ палъ въ битвѣ. Наконецъ, вся внутренность государства успокоилась.

Такъ успѣлъ герой-юноша въ своемъ дѣлѣ великомъ! За 5 мѣсяцевъ предъ тѣмъ оставивъ царя почти безъ царства, войско— въ оцѣпенѣніи ужаса, среди враговъ и предателей, находивъ вездѣ отчаяніе или зложелательство, но умѣвъ тронуть, оживить сердца добродѣтельною ревностію, собрать на краю государства новое войско отечественное, благовременно призвать иноземное, возстановить цѣлость Россіи отъ запада до востока, разсѣять сонмы непріятелей многочисленныхъ и взять одною угрозою крѣп-

кіе годовые ихъ станы, князь Михаилъ двинулся изъ лавры, имъ освобожденной, къ столицѣ, имъ же спасенной, чтобы вкусить сладость добродѣтели, увѣнчанною славой.

Россіяне и шведы, одни съ веселіемъ, другіе съ гордостію, шли какъ братья, воеводы и воины, на торжество, рѣдкое въ лѣтописяхъ міра. Царь велѣлъ знатнымъ чиновникамъ встрѣтить князя Михаила; народъ предупредилъ чиновниковъ, стѣснилъ дорогу троицкую, поднесъ ему хлѣбъ и соль, билъ челомъ за спасеніе государства Московскаго, давалъ имя отца отечества; благодарилъ и сподвижника его Делагарди. Василій также благодарилъ обоихъ со слезами на глазахъ, съ видомъ искренняго умиленія. Казалось, что одно чувство всѣхъ одушевляло, отъ царя до послѣдняго гражданина. Москва, бывъ еще недавно столицею безъ государства, окруженная непріятельскими владѣніями, смятенная внутренними крамолами, терзаемая голодомъ, и ввечеру не знавъ, кого утреннее солнце освѣтитъ въ ней на престолѣ, законнаго ли вѣнценосца россійскаго или бродягу, клеврета разбойниковъ иноземныхъ, Москва снова возвышала главу надъ обширнымъ царствомъ, простирая руку къ Ильменю и къ Енисею, къ морю Бѣлому и Каспійскому, опираясь въ стѣнахъ своихъ на легіоны побѣдоносные и наслаждаясь спокойствіемъ, славою, изобиліемъ; видѣла въ князѣ Михаилѣ виновника сей разительной перемѣны и не щадила ни его смиренія, ни его безопасности: гдѣ онъ являлся, вездѣ торжествовалъ и слышалъ клики живѣйшей къ нему любви, естественной, справедливой, но опасной, ибо зависть, уже не окованная страхомъ, готовила жало на знаменитаго подвижника Россіи, и раздражаемая симъ народнымъ восторгомъ, тѣмъ болѣе кипѣла ядомъ, въ слѣпой злобѣ не предвидя, что будетъ сама его жертвою!

Еще не спаслось, а только спасалось отечество и князь Михаилъ, среди свѣтлыхъ пировъ столицы не упоенный ни честію, ни славою, требовалъ указа царскаго довершить великое дѣло: истребить Лжедимитрія въ Калугѣ, изгнать Сигизмунда изъ Россіи, очистить южные предѣлы ея, успокоить государство навѣки, имѣя все для успѣха несомнительнаго: войско, доблесть, счастіе или милость небесную. Но судьба Шуйскаго противилась такому концу благословенному: не въ его бѣдственное царствованіе отечество наше должно было возродиться для величія!

ГЛАВА IV.

Низверженіе Василія и междуцарствіе.

1610 — 1611 г.

Наушники.—Кончина Скопина-Шуйскаго.—Горесть народная.—Князь Дмитрій Шуйскій военачальникомъ. — Бунтъ Ляпунова.— Битва подъ Клушинымъ.—Делагарди отступаетъ къ Новгороду.— Поляки занимаютъ Царево-Займище.—Отчаяніе столицы.—Новые успѣхи Самозванца.—Твердость Пожарскаго.—Ропотъ народный.—Василій лишенъ престола.—Тщетныя увѣщанія патріарха.—Постриженіе Василія и супруги его.—Совѣтъ князя Мстиславскаго.—Переговоры съ Жолкѣвскимъ.—Условія.—Присяга Владиславу.—Намѣреніе Сигизмунда.—Бѣгство Самозванца въ Калугу.—Политика Жолкѣвскаго.—Посольство къ королю.—Вступленіе поляковъ въ Москву.—Дѣйствія пословъ московскихъ.—Отъѣздъ Жолкѣвскаго.—Шуйскій преданъ полякамъ.—Неудачные приступы къ Смоленску.—Самовластіе Сигизмунда.—Нетерпѣніе народа.—Непріятельскія дѣйствія Делагарди.—Злодѣйства Лисовскаго.—Измѣна Казани.—Смерть Самозванца.—Новый обманъ.—Начальники возстанія народнаго.—Грамоты смолянъ и москвитянъ.—Слабость Московской думы.—Ссоры съ поляками.—Составъ ополченія за Россію.—Кровопролитіе въ столицѣ.—Пожаръ Москвы.—Прибытіе Струса.—Подвиги Пожарскаго.—Неистовства поляковъ въ Москвѣ.—Заключеніе Ермогена.

Въ то время, когда всякій часъ былъ дорогъ, чтобы совершенно избавить Россію отъ всѣхъ непріятелей, смятенныхъ ужасомъ, ослабленныхъ раздѣленіемъ, когда всѣ друзья отечества изъявляли князю Михаилу живѣйшую ревность, а князь Михаилъ живѣйшее нетерпѣніе царю идти въ поле—минуло около мѣсяца въ бездѣйствіи для отечества, но въ дѣятельныхъ проискахъ злобы личной.

Робкіе въ бѣдствіяхъ, надменные въ успѣхахъ, низкіе душою, трепетавъ за себя болѣе, нежели за отечество, и мысля, что все труднѣйшее уже сдѣлано, что остальное легко и не превышаетъ силы ихъ собственнаго ума или мужества, ближніе царедворцы въ тайныхъ думахъ немедленно начали внушать Василію, сколь юный князь Михаилъ для него опасенъ, любимый Россіею до чрезмѣрности, явно уважаемый болѣе царя и явно въ цари готовимый единомысліемъ народа и войска. Славя героя, многіе дворяне и граждане, дѣйствительно, говорили нескромно, что спаситель Россіи долженъ и властвовать надъ нею, многіе нескромно уподобляли Василія Саулу, а Михаила Давиду. Общее усердіе къ знаменитому юношѣ питалось и суевѣріемъ: какіе-то гадатели предсказывали, что въ Россіи будетъ вѣнценосецъ, именемъ Михаилъ, назначенный судьбою умирить государство. „Чрезъ два года благодатное воцареніе Филаретова сына оправдало гадате-

лей“,—пишетъ историкъ чужеземный; но россіяне относили мнимое пророчество къ Скопину и видѣли въ немъ, если не совмѣстника, то преемника дяди его, къ особенной досадѣ любимаго Василіева брата, Дмитрія Шуйскаго, который мыслилъ, вѣроятно, правомъ наслѣдія уловить державство, ибо шестидесятилѣтній царь не имѣлъ дѣтей, кромѣ новорожденной дочери Анастасіи. Князь Дмитрій, духомъ слабый, сердцемъ жестокій, былъ первымъ наушникомъ и первымъ клеветникомъ: не довольствуясь истиною, что народъ желаетъ царства Михаилу, онъ сказалъ Василію, что Михаилъ въ заговорѣ съ народомъ хочетъ похитить верховную власть и дѣйствуетъ уже какъ царь, отдавъ шведамъ Кексгольмъ безъ указа государева. Еще Василій ужасался или стыдился неблагодарности, велѣлъ умолкнуть брату,—даже выгналъ его съ гнѣвомъ; ежедневно привѣтствовалъ, честилъ героя, но медлилъ снова ввѣрить ему войско! Узнавъ о навѣтахъ, князь Михаилъ спѣшилъ изъясниться съ царемъ; говорилъ спокойно о своей невинности, свидѣтельствуясь въ томъ чистою совѣстію, службою вѣрною, а всего болѣе окомъ Всевышняго; говорилъ свободно и смѣло о безуміи зависти преждевременной, когда еще всякая остановка въ войнѣ, всякое охлажденіе, несогласіе и внушеніе личныхъ страстей могутъ быть гибельны для отечества. Василій слушалъ не безъ внутренняго смятенія, ибо собственное сердце его уже волновалось завистію и безпокойствомъ: онъ не имѣлъ счастія вѣрить добродѣтели! Но успокоилъ Михаила ласкою, велѣлъ ему и думнымъ боярамъ условиться съ генераломъ Делагарди о будущихъ воинскихъ дѣйствіяхъ, утвердилъ договоръ Выборгскій и Колязинскій, обѣщалъ немедленно заплатить весь долгъ шведамъ.

Между тѣмъ умный Делагарди въ частыхъ свиданіяхъ съ ближними царедворцами замѣтилъ ихъ худое расположеніе къ князю Михаилу и предостерегалъ его, какъ друга; дворъ казался ему опаснѣе ратнаго поля для героя. Оба нетерпѣливо желали идти къ Смоленску и неохотно участвовали въ пирахъ московскихъ. 23 апрѣля князь Дмитрій Шуйскій давалъ обѣдъ Скопину. Бесѣдовали дружественно и весело. Жена Дмитріева, княгиня Екатерина, дочь того, кто жилъ смертоубійствами—Малюты Скуратова, явилась съ ласкою и чашею предъ гостемъ знаменитымъ: Михаилъ выпилъ чашу и былъ принесенъ въ домъ, исходя кровію, безпрестанно лившеюся изъ носа; успѣлъ только исполнить долгъ христіанина и предалъ свою душу Богу, вмѣстѣ съ судьбою отечества! Москва въ ужасѣ онѣмѣла.

Сію внезапную смерть юноши, цвѣтущаго здравіемъ, приписали яду, и народъ, въ первомъ движеніи, съ воплемъ ярости, устремился къ дому князя Дмитрія Шуйскаго; дружина царская за-

щитила и домъ, и хозяина. Увѣряли народъ въ естественномъ концѣ сей жизни драгоцѣнной, но не могли увѣрить. Видѣли или угадывали злорадство и винили оное въ злодѣйствѣ безъ доказательствъ, ибо одна скоропостижность, а не родъ Михайловой смерти (напоминавшей Борисову), утверждала подозрѣніе, бѣдственное для Василія и его ближнихъ.

Не находя словъ для изображенія общей скорби, лѣтописцы говорятъ единственно, что Москва оплакивала князя Михаила столь же неутѣшно, какъ царя Ѳеодора Іоанновича: любивъ Ѳеодора за добродушіе и теряя въ немъ послѣдняго изъ наслѣдственныхъ вѣнценосцевъ Рюрикова племени, она страшилась неизвѣстности въ будущемъ жребіи государства; а кончина Михайлова, столь неожидаемая, казалась ей явнымъ дѣйствіемъ гнѣва небеснаго: думали, что Богъ осуждаетъ Россію на вѣрную гибель, среди преждевременнаго торжества вдругъ лишивъ ее защитника, который одинъ вселялъ надежду и бодрость въ души, одинъ могъ спасти государство, снова ввергаемое въ пучину мятежей безъ кормчаго! Россія имѣла государя, но россіяне плакали какъ сироты, безъ любви и довѣренности къ Василію, омраченному въ ихъ глазахъ и несчастнымъ царствованіемъ, и мыслію, что князь Михаилъ сдѣлался жертвою его тайной вражды. Самъ Василій лилъ горькія слезы о героѣ,—ихъ считали притворствомъ, и взоры подданныхъ убѣгали царя въ то время, когда онъ, знаменуя общественную и свою благодарность, оказывалъ необыкновенную честь усопшему: отпѣвали, хоронили его великолѣпно, какъ бы державнаго; дали ему могилу пышную, гдѣ лежатъ наши вѣнценосцы — въ Архангельскомъ соборѣ; тамъ, въ придѣлѣ Іоанна Крестителя, стоитъ уединенно гробница сего юноши, единственнаго добродѣтелію и любовію народною въ вѣкъ ужасный. Отъ древнихъ до новѣйшихъ временъ Россіи никто изъ подданныхъ не заслуживалъ ни такой любви въ жизни, ни такой горести и чести въ могилѣ! Именуя Михаила Ахилломъ и Гекторомъ россійскимъ, лѣтописцы не менѣе славятъ въ немъ и милость безпримѣрную, увѣтливость, смиреніе ангельское, прибавляя, что огорчать и презирать людей было мукою для его нѣжнаго сердца. Въ двадцать три года жизни, успѣвъ стяжать (доля рѣдкая!) лучезарное безсмертіе, онъ скончался рано не для себя, а только для отечества, которое желало ему вѣнца, ибо желало быть счастливымъ!

Все перемѣнилось—и завистники Скопина, думавъ, что Россія уже можетъ безъ него обойтись, скоро увидѣли противное. Союзъ между царемъ и царствомъ, возстановленный Михаиломъ, рушился, и злополучіе Василіево, какъ бы одолѣнное на время Михаиловымъ счастіемъ, снова явилось во всемъ ужасѣ надъ государствомъ и государемъ.

Надлежало избрать военачальника, избрали того, кто уже давно былъ нелюбимъ, а въ сіе время ненавидимъ,—князя Дмитрія Шуйскаго. Россіяне вышли въ поле съ уныніемъ и безъ ревности; шведы ждали обѣщанныхъ денегъ. Не имѣя готоваго серебра, Василій требовалъ его отъ иноковъ лавры; но иноки говорили, что они, давъ Борису 15.000, Разстригѣ 30.000, самому Василію 20.000 рублей, остальною казною едва могутъ исправить стѣны и башни свои, поврежденныя непріятельскою стрѣльбою. Царь силою взялъ у нихъ и деньги, и множество церковныхъ сосудовъ, золотыхъ и серебряныхъ, для сплавки. Иноки роптали; народъ изъявлялъ негодованіе, уподобляя такое дѣло святотатству. Одни шведы, изъявивъ участіе въ народной скорби о Михаилѣ, ими также любимомъ, казались утѣшенными и довольными, получивъ жалованье—и Делагарди выступилъ вслѣдъ за княземъ Дмитріемъ къ Можайску, чтобы освободить Смоленскъ. Ждали еще новыхъ союзниковъ, небывалыхъ подъ хоругвями христіанскими,—крымскихъ царевичей съ толпами разбойниковъ, чтобы примкнуть къ нимъ нѣсколько дружинъ московскихъ и вести ихъ къ Калугѣ для истребленія Самозванца. Не думали о стыдѣ имѣть нужду въ такихъ сподвижникахъ! Довольно было силъ, недоставало только человѣка, коего въ бѣдствіяхъ государственныхъ и милліоны людей не замѣняютъ. Орошая слезами, искренними или притворными, тѣло Михаила, Василій погребалъ съ нимъ свое державсто, и два раза спасенный отъ близкой гибели, уже не спасся въ третій!

Первая страшная вѣсть пришла въ Москву изъ Рязани, гдѣ Ляпуновъ, явный злодѣй царя, сильный духомъ болѣе нежели знатностію сана, не обольстивъ Михаила властолюбіемъ беззаконнымъ и предвидя неминуемую для себя опалу въ случаѣ рѣшительнаго торжества Василіева, именемъ героя вѣрности, дерзнулъ на бунтъ и междоусобіе. Что Москва подозрѣвала, то Ляпуновъ объявилъ всенародно за истину несомнительную: Дмитрія Шуйскаго и самого Василія убійцами, отравителями Скопина; звалъ мстителей, и нашелъ усердныхъ, ибо горестная любовь къ усопшему Михаилу представляла и бунтъ за него въ видѣ подвига славнаго! Княжество Рязанское отложилось отъ Москвы и Василія, все, кромѣ Зарайска: тамъ явился племянникъ Ляпунова съ грамотою отъ дяди; но тамъ воеводствовалъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. Заслуживая будущую свою знаменитость и храбростію, и добродѣтелію, князь Дмитрій выгналъ гонца крамолы, прислалъ мятежную грамоту въ Москву и требовалъ вспоможенія; царь отрядилъ ему чиновника Глѣбова съ дружиною, и Зарайскъ остался вѣрнымъ. Но въ то же время стрѣльцы московскіе, посланные къ Шацку (гдѣ явился воевода Лжедими-

тріевъ, князь Черкасскій, и разбилъ царскаго воеводу князя Литвинова) были остановлены на пути Ляпуновымъ и передались къ нему добровольно. Чего хотѣлъ сей мятежникъ? Свергнуть Василія, избавить Россію отъ Лжедимитрія, отъ ляховъ и быть государемъ ея, какъ утверждаетъ одинъ историкъ; другіе пишутъ вѣроятнѣе, что Ляпуновъ желалъ единственно гибели Шуйскихъ, имѣя тайныя сношенія съ знатнѣйшимъ крамольникомъ, бояриномъ княземъ Василіемъ Голицынымъ въ Москвѣ, и даже съ Самозванцемъ въ Калугѣ, но недолго: онъ презрѣлъ бродягу, какъ орудіе срамное, видя и безъ того легкое исполненіе желаемаго имъ и многими иными врагами царя несчастнаго.

Бунтъ Ляпунова встревожилъ Москву; другія вѣсти были еще ужаснѣе. Князь Дмитрій Шуйскій и Делагарди шли къ Смоленску, а ляхи къ нимъ навстрѣчу. Доселѣ опасливый, нерѣшительный, Сигизмундъ вдругъ оказалъ смѣлость, узнавъ, что Россія лишилась своего героя, и вѣря нашимъ измѣнникамъ, Салтыкову съ клевретами, что сія кончина есть паденіе Василія, ненавистнаго Москвѣ и войску. Еще Сигизмундъ не хотѣлъ оставить Смоленска, но, давъ гетману Жолкѣвскому 2.000 всадниковъ и 1.000 пѣхотныхъ воиновъ, велѣлъ ему съ сею горстію людей искать непріятеля и славы въ полѣ. Гетманъ двинулся сперва къ Бѣлому, тѣснимому Хованскимъ и Горномъ: имѣя 6.500 россіянъ и шведовъ, они уклонились отъ битвы и спѣшили присоединиться къ Дмитрію Шуйскому, который стоялъ въ Можайскѣ, отдѣливъ 6.000 дѣтей боярскихъ съ княземъ Елецкимъ и Волуевымъ въ Царево-Займище, чтобы тамъ укрѣпиться и служить щитомъ для главной рати. Будучи вдесятеро сильнѣе непріятеля, Шуйскій хотѣлъ уподобиться Скопину осторожностью: медлилъ и тратилъ время. Тѣмъ быстрѣе дѣйствовалъ гетманъ: соединился съ остатками тушинскаго войска, приведеннаго къ нему Зборовскимъ, и (13 іюня) подступилъ къ Займищу; имѣлъ тамъ выгоду въ битвѣ съ россіянами, но не взялъ укрѣпленій, и свѣдалъ, что Шуйскій и Делагарди идутъ отъ Можайска на помощь къ Елецкому и Волуеву. Сподвижники гетмана смутились; онъ убѣждалъ ихъ въ необходимости кончить войну однимъ смѣлымъ ударомъ: говорилъ о чести и доблести, а ждалъ успѣха отъ измѣны,—ибо клевреты Салтыкова окружали, вели его, сносились съ своими единомышленниками въ царскомъ войскѣ, знали общее уныніе, негодованіе и ручались Жолкѣвскому за побѣду; ручались и бѣглецы шведскіе, нѣмцы, французы, шотландцы, являясь къ нему толпами и сказывая, что всѣ ихъ товарищи, недовольные Шуйскимъ, готовы передаться къ ляхамъ. Шведы, дѣйствительно, едва вышедшіе изъ Москвы, начали снова требовать жалованья и бунтовать; князь Дмитрій далъ имъ еще 10.000 рублей, но не могъ удо-

вольствовать, ни самъ Делагарди смирить сихъ мятежныхъ корыстолюбцевъ: они шли нехотя и грозили, казалось, болѣе союзникамъ, нежели врагамъ. Такія обстоятельства изъясняютъ для насъ удивительное дѣло Жолкѣвскаго, еще болѣе проницательнаго, нежели смѣлаго.

Оставивъ малочисленную пѣхоту въ обозѣ у Займища, гетманъ ввечеру (23 іюня), съ десятью тысячами всадниковъ и съ легкими пушками, выступилъ навстрѣчу къ Шуйскому столь тихо, что Елецкій и Волуевъ не замѣтили сего движенія и сидѣли спокойно въ укрѣпленіяхъ, воображая всю рать непріятельскую предъ собою; а гетманъ, принужденный идти верстъ двадцать медленно, ночью, узкою, худою дорогою, на разсвѣтѣ увидѣлъ близъ села Клушина, между полями и лѣсомъ, плетнями и двумя деревеньками, обширный станъ тридцати тысячъ россіянъ и пяти тысячъ шведовъ, ни мало не готовыхъ къ бою, безпечныхъ, сонныхъ. Онъ еще ждалъ усталыхъ дружинъ и пушекъ; зажегъ плетни, и трескомъ огня, пламенемъ, дымомъ пробудилъ спящихъ. Изумленные внезапнымъ явленіемъ ляховъ, Шуйскій и Делагарди спѣшили устроить войско: конницу впереди, пѣхоту за нею, въ кустарникѣ,—россіянъ и шведовъ особенно. Гетманъ съ трубнымъ звукомъ ударилъ вмѣстѣ на тѣхъ и на другихъ, конница московская дрогнула, но, подкрѣпленная новымъ войскомъ, стѣснила непріятеля въ своихъ густыхъ толпахъ, такъ что Жолкѣвскій, стоя на холмѣ, едва могъ видѣть хоругвь республики въ облакахъ пыли и дыма. Шведы удержали стремленіе ляховъ сильнымъ залпомъ. Гетманъ пустилъ въ дѣло запасныя дружины, стрѣлялъ изъ всѣхъ пушекъ въ шведовъ, напалъ на россіянъ съ боку — и побѣдилъ. Конница наша, обративъ тылъ, смѣшала пѣхоту; шведы отступили къ лѣсу; французы, нѣмцы, англичане, шотландцы передались къ ляхамъ. Сдѣлалось неописанное смятеніе. Все бѣжало безъ памяти: сто гнало тысячу. Князья Шуйскій, Андрей Голицынъ и Мезецкій засѣли было въ станѣ съ пѣхотою и пушками, но, узнавъ вѣроломство союзниковъ, также бѣжали въ лѣсъ, усыпая дорогу разными вещами драгоцѣнными, чтобы прелестію добычи остановить непріятеля. Делагарди—въ искренней горести—какъ пишутъ — ни угрозами, ни моленіемъ не удержавъ своихъ отъ безчестной измѣны, вступилъ въ переговоры: далъ слово гетману не помогать Василію и, захвативъ казну Шуйскаго, 5.450 рублей деньгами и мѣховъ на 7.000 рублей, съ генераломъ Горномъ и четырмя стами шведовъ удалился къ Новгороду, жалуясь на малодушіе россіянъ столько же, какъ и на мятежный духъ англичанъ и французовъ, письменно обѣщая царю новое вспоможеніе отъ короля шведскаго, а королю легкое завоеваніе сѣверо-западной Россіи для Швеціи!

Но стыдъ союзниковъ уменьшался стыдомъ россіянъ, которые, въ бѣдственномъ ослѣпленіи, жертвовали не любовію къ царю, любовію къ отечеству, не хотѣли мужествовать за мнимаго убійцу Михаилова, думая, кажется, что побѣда ляховъ губитъ только несчастнаго Василія и груснымъ бѣгствомъ отъ врага слабаго предали ему Россію. Безъ сомнѣнія, оказавъ умъ необыкновенный, гетманъ хвалился числомъ своихъ и непріятелей, скромно уступалъ всю честь геройству сподвижниковъ, и всего искреннѣе славилъ ревность тушинскихъ измѣнниковъ, сына и друзей Михайла Салтыкова, которые находились въ сей битвѣ, дѣйствуя тайно, чрезъ лазутчиковъ, на царское войско. Немногіе легли въ дѣлѣ: одинъ знатный князь Яковъ Борятинскій палъ сражаясь; воевода Бутурлинъ отдался въ плѣнъ. Гораздо болѣе кололи, сѣкли и топтали россіянъ въ погонѣ. 11 пушекъ, нѣсколько знаменъ, бархатная хоругвь князя Дмитрія Шуйскаго, его карета, шлемъ, мечъ и булава, также немало богатства, суконъ, соболей, присланныхъ царемъ для шведовъ, были трофеями и добычею ляховъ. Несчастный князь Дмитрій скакалъ не оглядываясь, увязилъ коня въ болотѣ, пѣшій достигъ Можайска и, сказавъ гражданамъ, что все погибло, съ сею вѣстію спѣшилъ къ державному брату въ столицу.

Дѣятельный гетманъ въ тотъ же день возвратился къ Займищу, гдѣ россіяне ночью были пробуждены шумомъ и кликомъ: ляхи громогласно извѣщали ихъ о слѣдствіяхъ Клушинской битвы. Князь Елецкій и Волуевъ не хотѣли вѣрить; гетманъ на разсвѣтѣ показалъ имъ царскія знамена и плѣнниковъ, требуя, чтобы они мирно сдалися, не ляхамъ, а новому царю своему Владиславу, будто бы уже избранному знатною частью Россіи. Елецкій и Волуевъ убѣждали гетмана идти къ Москвѣ и начать съ нею переговоры; имъ отвѣтствовали: „когда вы сдадитесь, то и Москва будетъ наша“. Волуевъ, болѣе Елецкаго властвуя надъ умами сподвижниковъ, рѣшилъ ихъ недоумѣніе: присягнулъ Владиславу, на условіяхъ, заключенныхъ Михайломъ Салтыковымъ и клевретами его съ Сигизмундомъ; другіе также присягнули, и вмѣстѣ съ ляхами, уже братьями, пошли къ столицѣ... Смѣлый въ битвахъ, Жолкѣвскій изъявилъ смѣлость и въ важномъ дѣлѣ государственномъ: онъ безъ указа королевскаго желалъ воцарить юнаго Владислава, по удостовѣренію измѣнниковъ тушинскихъ и собственному, что нѣтъ иного, лучшаго, надежнѣйшаго способа кончить сію войну съ истинною славою и выгодою для республики! Гетманъ мирно занялъ Можайскъ и другія мѣста окрестныя именемъ королевича, вездѣ гоня передъ собою разсѣянные остатки полковъ Шуйскаго.

Въ одно время столица узнала о семъ бѣдствіи и читала воз-

званіе Жолкѣвскаго къ ея жителямъ, распространенное въ ней дѣятельными единомышленниками Салтыкова. „Виною всѣхъ вашихъ золъ,—писалъ гетманъ,—есть Шуйскій: отъ него царство въ крови и въ пеплѣ. Для одного ли человѣка гибнуть милліонамъ? Спасеніе передъ вами: побѣдоносное войско королевское и новый царь благодатный: да здравствуетъ Владиславъ!“ Еще Василій, не измѣняясь духомъ, вѣрный твердости въ злосчастіи, писалъ указы, чтобы изъ всѣхъ городовъ спѣшили къ нему послѣдніе люди воинскіе, и въ послѣдній разъ, для спасенія царства, ободрялъ москвитянъ, давалъ деньги стрѣльцамъ; хотѣлъ писать къ гетману, назначилъ гонца, но отмѣнилъ, чтобы не унизиться безполезно въ такихъ обстоятельствахъ, когда не переговорами, а битвами надлежало спастися. Города не выслали въ Москву ни одного воина: рязанскій мятежникъ Ляпуновъ не велѣлъ имъ слушаться царя, вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ Голицынымъ крамольствуя и въ столицѣ, волнуемой отчаяніемъ... Грозы внѣшнія еще умножились: явился и Лжедимитрій въ поле съ безстыднымъ Сапѣгою, который за нѣсколько тысячъ рублей, доставленныхъ ему изъ Калуги, снова обязался служить злодѣю. Они надѣялись предупредить гетмана и взять Москву, думая, что она въ смятеніи ужаса скорѣе сдастся дерзкому бродягѣ, нежели ляхамъ. Сей подлый непріятель еще казался опаснѣйшимъ царю: свѣдавъ, что союзники, вызванные имъ изъ гнѣзда разбоевъ, сыновья хана, уже близъ Серпухова, Василій отрядилъ туда знатныхъ мужей, князя Воротынскаго, Лыкова и чиновника Измайлова съ дружиною дѣтей боярскихъ и съ пушками, чтобы вести ихъ противъ Самозванца; но крымцы, встрѣтивъ его въ Боровскомъ уѣздѣ, послѣ дѣла кровопролитнаго ушли назадъ въ степи, а Воротынскій и Лыковъ едва спаслись бѣгствомъ въ Москву. Все кончилось для Василія! Снова торжествовалъ Самозванецъ; снова обратились къ нему измѣнники и счастіе. Сапѣгины ляхи осадили крѣпкій монастырь Пафнутіевъ, гдѣ начальствовали вѣрный князь Михайло Волконскій и два предателя: первый сражался какъ герой; но младшіе чиновники, Змѣевъ и Челищевъ, впустили непріятеля. Волконскій палъ въ сѣчѣ надъ гробомъ св. Пафнутія (оставивъ для вѣковъ память своей доблести въ гербѣ Боровска), а ляхи наполнили ограду и церковь трупами иноковъ, стрѣльцевъ и жителей монастырскихъ. Коломна, дотолѣ непоколебимая въ вѣрности, вдругъ измѣнила, возмущенная сотникомъ Бобынинымъ. Не слушая добраго епископа Іосифа, народъ кричалъ, что Василію уже не быть царемъ и что лучше служить Димитрію, нежели Сигизмунду. Воеводы коломенскіе, бояре князь Туренинъ и Долгорукій въ ужасѣ сами присягнули обманщику, также и воевода коширскій князь Ромодановскій, вмѣстѣ съ гражданами. Едва

уцѣлѣлъ и Зарайскъ, спасенный твердостію князя Пожарскаго: видя бунтъ жителей и не страшась ни угрозъ, ни смерти, онъ съ усердною дружиною выгналъ ихъ изъ крѣпости и возстановилъ тишину договоромъ, заключеннымъ съ ними, остаться вѣрными Василію, если Василій останется царемъ, или служить царю новому, кого изберетъ Россія. Въ семъ случаѣ ревностнымъ сподвижникомъ князя Дмитрія былъ достойный протоіерей Никольскій. Но усмиреніе Зарайска не отвратило гибельнаго мятежа въ столицѣ.

Лжедимитрій спѣшилъ къ Москвѣ и расположился станомъ въ селѣ Коломенскомъ, памятномъ первою славою юнаго князя Михаила, коего уже не имѣло отечество для надежды! Что могъ предпріять царь злосчастный, побѣжденный гетманомъ и Самозванцемъ, угрожаемый Ляпуновымъ и крамолою, малодушіемъ и зломысліемъ безъ войска и любви народной? Рожденный не въ вѣкъ Катоновъ и Брутовъ, онъ могъ предаться только въ волю Божію,—такъ и сдѣлалъ, спокойно ожидая своего жребія и еще держась рукою за кормило государственное, хотя уже безполезное въ часъ гибели; еще давалъ повелѣнія, не внимаемыя, не исполняемыя, будучи уже болѣе зрителемъ нежели дѣйствователемъ съ того времени, какъ узнали въ Москвѣ о бунтѣ или неповиновеніи городовъ, видѣли подъ ея стѣнами знамена Лжедимитріевы и ежечасно ждали Сигизмундовыхъ съ гетманомъ. Дворецъ опустѣлъ; улицы и площади кипѣли народомъ, всѣ спрашивали другъ у друга, что дѣлается и что дѣлать? Ненавистники Василіевы уже громогласно требовали его сверженія, кричали: „Онъ сѣлъ на престолъ безъ вѣдома земли Русской: для того земля раздѣлилась; для того льется кровь христіанская. Братья Василіевы ядомъ умертвили своего племянника, а нашего отца-защитника. Не хотимъ царя Василія“. Ни Самозванца, ни ляховъ! прибавляли многіе, благороднѣйшіе духомъ, слѣдуя внушенію Ляпунова рязанскаго, брата его Захарія и князя Василія Голицына. Они превозмогли числомъ и знатностію единомышленниковъ; гнушаясь Лжедимитріемъ, думали усовѣстить его клевретовъ, чтобы усилить ихъ союзомъ, и предложили имъ свиданіе. Еще люди чиновные окружали злодѣя тушинскаго: князья Сицкій и Засѣкинъ, дворяне Нагой, Сунбуловъ, Плещеевъ, дьякъ Третьяковъ и другіе. Съѣхались въ полѣ, у Даниловскаго монастыря, какъ братья; мирно разсуждали о чрезвычайныхъ обстоятельствахъ государства и вѣрнѣйшихъ средствахъ спасенія; наконецъ, взаимно дали клятву, москвитяне—оставить Василія, измѣнники—предать имъ Лжедимитрія, избрать вмѣстѣ новаго царя и выгнать ляховъ. Сей договоръ объявили столицѣ братъ Ляпунова и дворянинъ Хомутовъ, выѣхавъ съ сонмомъ единомышленниковъ на Лобное

мѣсто, гдѣ, кромѣ черни, находилось и множество людей сановныхъ, лучшихъ граждан, гостей и купцовъ. Всѣ громкимъ кликомъ изъявили радость; всѣ казались увѣренными, что новый царь необходимъ для Россіи. Но тутъ не было ни знатнаго духовенства, ни синклита; пошли въ Кремль, взяли патріарха, бояръ, вывели ихъ къ Серпуховскимъ воротамъ, за Москвою-рѣкою, и въ виду непріятельскаго стана, указывая на разъѣзды Лжедимитріевой конницы и за Смоленскую дорогу, гдѣ всякое облако пыли грозило явленіемъ гетмана, предложили имъ избавить Россію отъ стыда и гибели, избавить Россію отъ Шуйскаго; соблюдали умѣренность въ рѣчахъ: укоряли Василія только несчастіемъ. Говорили, что „земля Сѣверская и всѣ бывшіе слуги Лжедимитріевы немедленно возратятся подъ сѣнь отечества, какъ скоро не будетъ Шуйскаго, для нихъ ненавистнаго и страшнаго; что государство безсильно только отъ раздѣленія силъ, соединится, усмирится... и враги исчезнутъ!“ Раздался одинъ голосъ въ пользу закона и царя злосчастнаго — Ермогеновъ; съ жаромъ и твердостію патріархъ изъявлялъ народу, что нѣтъ спасенія, гдѣ нѣтъ благословенія свыше; что измѣна царю есть злодѣйство, всегда казнимое Богомъ, и не избавитъ, а еще глубже погрузитъ Россію въ бездну ужасовъ. Весьма немногіе бояре, и весьма не твердо, стояли за Шуйскаго: самые его искренніе и ближніе уклонились, видя рѣшительную общую волю; самъ патріархъ съ горестію удалился, чтобы не быть свидѣтелемъ дѣла мятежнаго, — и сія народная дума единодушно, единогласно приговорила: „1) бить челомъ Василію, да оставитъ царство и да возьметъ себѣ въ удѣлъ Нижній Новгородъ; 2) уже никогда не возвращать ему престола, но блюсти жизнь его, царицы, братьевъ Василіевыхъ; 3) цѣловать крестъ всѣмъ міромъ въ неизмѣнной вѣрности къ церкви и государству для истребленія ихъ злодѣевъ, ляховъ и Лжедимитрія; 4) всею землею выбрать въ цари, кого Богъ дастъ, а между тѣмъ управлять ею боярамъ, князю Мстиславскому съ товарищами, коихъ власть и судъ будутъ священны; 5) въ сей Думѣ верховной не сидѣть Шуйскимъ, ни князю Дмитрію, ни князю Ивану; 6) всѣмъ забыть вражду личную, месть и злобу; всѣмъ помнить только Бога и Россію“. Въ дѣйствіи беззаконномъ еще блисталъ призракъ великодушія: щадили царя свергаемаго и хотѣли умереть за отечество, за честь и независимость.

Послали къ Василію, еще вѣнценосцу, знатнаго боярина, его свояка, князя Ивана Воротынскаго, съ главными крамольниками, Захаріею Ляпуновымъ и другими, объявить ему приговоръ Думы. Дотолѣ тихій Кремлевскій дворецъ наполнился людьми и шумомъ, ибо вслѣдъ за послами стремилось множество дерзкихъ мятежниковъ и любопытныхъ. Василій ожидалъ ихъ безъ трепета, вспо-

миная, можетъ быть, невольно о такомъ же стремленіи шумныхъ сонмовъ, подъ его собственнымъ предводительствомъ, къ сему же дворцу, въ день Разстригиной гибели! Захарій Ляпуновъ, увидѣвъ царя, сказалъ: „Василій Іоанновичъ! ты не умѣлъ царствовать: отдай же вѣнецъ и скипетръ". Шуйскій отвѣтствовалъ: „Какъ смѣешь!" и вынулъ ножъ изъ-за пояса. Наглый Ляпуновъ, великанъ ростомъ, силы необычайной, грозилъ ему своею тяжкою рукою. Другіе хотѣли сладкорѣчіемъ убѣдить царя къ повиновенію волѣ Божіей и народной. Василій отвергнулъ всѣ предложенія, готовый умереть, но вѣнценосцемъ, и волю мятежниковъ, ниспровергающихъ законъ, не признавая народною. Онъ уступилъ только насилію и былъ, вмѣстѣ съ юною супругою, перевезенъ изъ палатъ кремлевскихъ въ старый домъ свой, гдѣ ждалъ участи Борисова семейства, зная, что шагъ съ престола есть шагъ къ могилѣ.

Въ столицѣ господствовало смятеніе и скоро еще умножилось, когда народъ свѣдалъ, что тушинскіе измѣнники обманули московскихъ. Ляпуновъ и клевреты его немедленно объявили первымъ, въ новомъ свиданіи съ ними у монастыря Даниловскаго, что Шуйскій сведенъ съ престола и что Москва, вслѣдствіе договора, ждетъ отъ нихъ связаннаго Лжедимитрія для казни. Тушинцы отвѣтствовали: „Хвалимъ ваше дѣло. Вы свергнули царя беззаконнаго; служите же истинному: да здравствуетъ сынъ Іоанновъ! Если вы клятвопреступники, то мы вѣрны въ обѣтахъ. Умремъ за Димитрія!" Достойно осмѣянные злодѣями, москвитяне изумились. Симъ часомъ думалъ еще воспользоваться Ермогенъ: вышелъ къ народу, молилъ, заклиналъ снова возвести Василія на царство; но убѣжденіямъ добраго патріарха не внимали: страшились мести Василіевой, и тѣмъ скорѣе хотѣли себя успокоить.

Всѣми оставленный, многимъ ненавистный или противный, немногимъ жалкій, царь сидѣлъ подъ стражею въ своемъ боярскомъ домѣ, гдѣ, за четыре года предъ тѣмъ, въ ночномъ совѣтѣ знаменитѣйшихъ россіянъ, имъ собранныхъ и движимыхъ, рѣшилась гибель Отрепьева. Тамъ, въ слѣдующее утро, явились Захарія Ляпуновъ, князь Петръ Засѣкинъ, нѣсколько сановниковъ съ чудовскими иноками и священниками, съ толпою людей вооруженныхъ, и велѣли Шуйскому готовиться къ постриженію, еще гнушаясь новымъ цареубійствомъ и считая келію надежнымъ преддверіемъ гроба. „Нѣтъ! — сказалъ Василій съ твердостію, — никогда не буду монахомъ" — и на угрозы отвѣтствовалъ видомъ презрѣнія; но, смотря на многихъ извѣстныхъ ему москвитянъ, съ умиленіемъ говорилъ имъ: „Вы нѣкогда любили меня... и за что возненавидѣли? за казнь ли Отрепьева и клевретовъ его? Я хотѣлъ добра вамъ и Россіи; наказывалъ единственно злодѣевъ—

и кого не миловалъ?" Вопль Ляпунова и другихъ неистовыхъ заглушилъ рѣчь трогательную. Читали молитвы постриженія, совершали обрядъ священный и не слыхали уже ни единаго слова отъ Василія: онъ безмолствовалъ, и вмѣсто его произносилъ страшные обѣты монашества князь Туренинъ. Постригли и несчастную царицу Марію, также безмолвную въ обѣтахъ, но краснорѣчивую въ изъявленіи любви къ супругу: она рвалась къ нему, стенала. называла его своимъ государемъ милымъ, царемъ великимъ народа недостойнаго, ея супругомъ законнымъ и въ рясѣ инока, Ихъ разлучили силою: отвели Василія въ монастырь Чудовскій, Марію — въ Ивановскій; двухъ братьевъ Василіевыхъ заключили въ ихъ домахъ. Никто не противился насилію безбожному, кромѣ Ермогена: онъ торжественно молился за Шуйскаго въ храмахъ, какъ за помазанника Божія, царя Россіи, хотя и невольника; торжественно клялъ бунтъ и признавалъ инокомъ не Василія, а князя Туренина, который вмѣсто его связалъ себя обѣтами монашества. Уваженіе къ сану и лицу первосвятителя давало смѣлость Ермогену, но безполезную.

Такъ Москва поступила съ вѣнценосцемъ, который хотѣлъ снискать ея и Россіи любовь подчиненіемъ своей воли закону, бережливостію государственною, безпристрастіемъ въ наградахъ, умѣренностію въ наказаніяхъ, терпимостію общественной свободы, ревностію къ гражданскому образованію, который не изумлялся въ самыхъ чрезвычайныхъ бѣдствіяхъ, оказывалъ неустрашимость въ бунтахъ, готовность умереть вѣрнымъ достоинству монаршему, и не былъ никогда столь знаменитъ, столь достоинъ престола, какъ свергаемый съ онаго измѣною: влекомый въ келію толпою злодѣевъ, несчастный Шуйскій являлся одинъ истинно великодушнымъ въ мятежной столицѣ... Но удивительная судьба его ни въ уничиженіи, ни въ славѣ еще не совершилась!

Доселѣ властвовала безпрекословно сторона Ляпуновыхъ и Голицына, рѣшительныхъ противниковъ и Шуйскаго, и Самозванца, и ляховъ: она хотѣла своего царя—и въ семъ смыслѣ Дума писала отъ имени синклита, людей приказныхъ и воинскихъ, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, гостей и купцовъ, ко всѣмъ областнымъ воеводамъ и жителямъ, что Шуйскій, внявъ челобитью земли Русской, оставилъ государство и міръ для спасенія отечества; что Москва цѣловала крестъ не поддаваться ни Сигизмунду, ни злодѣю тушинскому; что всѣ россіяне должны возстать, устремиться къ столицѣ, сокрушить враговъ и выбрать всею землею самодержца вожделѣннаго. Въ семъ же смыслѣ отвѣтствовали бояре и гетману Жолкѣвскому, который, узнавъ въ Можайскѣ о Василіевомъ низверженіи, объявилъ имъ грамотою, что идетъ защитить ихъ въ бѣдствіяхъ. „Не тре-

буемъ твоей защиты,—писали они;—не приближайся, или встрѣтимъ тебя какъ непріятеля“. Но Дума боярская, присвоивъ себѣ верховную власть, не могла утвердить ее въ слабыхъ рукахъ своихъ, ни утишить всеобщей тревоги, ни обуздать мятежной черни. Самозванецъ грозилъ Москвѣ нападеніемъ, гетманъ къ ней приближался, народъ вольничалъ, холопи не слушались господъ, и многіе люди чиновные, страшась быть жертвою безначалія и бунта, уходили изъ столицы, даже въ станъ къ Лжедимитрію, единственно для безопасности личной. Въ сихъ обстоятельствахъ ужасныхъ сторону Ляпуновыхъ и Голицына превозмогла другая, менѣе благопріятная для народной гордости, хотя и менѣе лукавая, ибо ея главою былъ князь Ѳедоръ Мстиславскій, извѣстный добродушіемъ и вѣрностію, чуждый властолюбія и козней.

Въ то время, когда Москва, безъ царя, безъ устройства, всего болѣе опасалась злодѣя тушинскаго и собственныхъ злодѣевъ, готовыхъ душегубствовать и грабить въ стѣнахъ ея; когда отечество смятенное не видало между своими ни одного человѣка, столь знаменитаго родомъ и дѣлами, чтобы оно могло возложить на него вѣнецъ единодушно, съ любовію и надеждою; когда измѣны и предательства въ глазахъ народа унизили самыхъ первыхъ вельможъ, и два несчастныя избранія доказали, сколь трудно бывшему подданному державствовать въ Россіи и бороться съ завистью, тогда мысль искать государя внѣ отечества, какъ древніе новгородцы искали князей въ землѣ Варяжской, могла естественно представиться уму и добрыхъ гражданъ. Мстиславскій, одушевленный чистымъ усердіемъ—вѣроятно, послѣ тайныхъ совѣщаній съ людьми важнѣйшими—торжественно объявилъ боярамъ, духовенству, всѣмъ чинамъ и гражданамъ, что для спасенія царства должно вручить скипетръ... Владиславу. Кто могъ самъ и не хотѣлъ быть вѣнценосцемъ, того мнѣніе и голосъ имѣли силу; имѣли оную и домогательства единомышленниковъ Салтыкова, особенно Волуева, и наконецъ явныя выгоды сего избранія. Жолкѣвскій, грозный побѣдитель, дѣлался намъ усерднымъ другомъ, чтобы избавить Москву отъ злодѣевъ: онъ писалъ о томъ (31 іюля) къ Думѣ боярской, вмѣстѣ съ Иваномъ Салтыковымъ и Волуевымъ, которые сообщили ей договоръ тушинскихъ пословъ съ Сигизмундомъ и новѣйшій, заключенный гетманомъ въ Царевѣ-Займищѣ для цѣлости вѣры и государства. Надѣялись, что король плѣнится честію видѣть сына монархомъ великой державы и дозволитъ ему перемѣнить законъ, или Владиславъ юный, еще не твердый въ догматахъ латинства, легко склонится къ нашимъ и вопреки отцу, когда сядетъ на престолъ московскій, увидитъ необходимость единовѣрія для крѣпкаго союза между царемъ и народомъ, возмужаетъ въ обычаяхъ православія и, будучи ува-

жаемъ какъ вѣнценосецъ знаменитаго державнаго племени, будетъ любимъ какъ истинный россіянинъ духомъ. Еще благородная гордость страшилась уничиженія взять невольно властителя отъ ляховъ, молить ихъ о спасеніи Россіи и тѣмъ оказать ея постыдную слабость. Еще духовенство страшилось за вѣру, и патріархъ убѣждалъ бояръ не жертвовать церковію никакимъ выгодамъ государственнымъ. Уже не имѣя средства возвратить вѣнецъ Шуйскому, онъ предлагалъ имъ въ цари или князя Василія Голицына, или юнаго Михаила, сына Филаретова, внука первой супруги Іоанновой. Духовенство благопріятствовало Голицыну, народъ Михаилу, любезному для него памятію Анастасіи, добродѣтелію отца и даже тезоименитствомъ съ усопшимъ героемъ Россіи... Такъ Ермогенъ безсмертный предвѣстилъ ей волю небесъ! Но время еще не наступило—и гетманъ уже стоялъ подъ Москвою, на Сѣтуни, противъ Коломенскаго и Лжедимитрія: ни Голицынъ, крамольникъ въ синклитѣ и бѣглецъ на полѣ ратномъ, ни юноша, питомецъ келій, едва извѣстный свѣту, не обѣщали спасенія Москвѣ, извнѣ тѣснимой двумя непріятелями, внутри волнуемой мятежомъ; каждый часъ былъ дорогъ—и большинство голосовъ въ Думѣ, на самомъ Лобномъ мѣстѣ, рѣшило „принять совѣтъ Мстиславскаго!"

Немедленно послали къ гетману спросить, другъ ли онъ Москвѣ или непріятель? „Желаю не крови вашей, а блага Россіи,— отвѣчалъ Жолкѣвскій: — предлагаю вамъ державство Владислава и гибель Самозванца". Дали взаимно аманатовъ, вступили въ переговоры на Дѣвичьемъ полѣ, въ шатрѣ, гдѣ бояре князья Мстиславскій, Василій Голицынъ и Шереметевъ, окольничій князь Мезецкій и дьяки думные Телепневъ и Луговскій съ честію встрѣтили гетмана, объявляя, что Россія готова признать Владислава царемъ, но съ условіями, необходимыми для ея достоинства и спокойствія. Дьякъ Телепневъ, развернувъ свитокъ, прочиталъ сіи условія, столь важныя, что гетманъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы принять ихъ безъ рѣшительнаго согласія королевскаго; король же не только медлилъ дать ему наказъ, но и не отвѣтствовалъ ни слова на всѣ его донесенія послѣ Клушинскаго дѣла, заботясь единственно о взятіи Смоленска и съ гордостью являя гетмановы трофеи, знамена и плѣнниковъ Шеину непреклонному! Жолкѣвскій, равно смѣлый и благоразумный, скрывъ отъ бояръ свое затрудненіе, спокойно разсуждалъ съ ними о каждой статьѣ предлагаемаго договора: отвергалъ и соглашался королевскимъ именемъ. Выслушавъ первое требованіе, чтобы Владиславъ крестился въ нашу вѣру, онъ далъ имъ надежду, но устранилъ обязательство, говоря: „Да будетъ королевичъ царемъ, и тогда, внимая гласу совѣсти и пользы государственной, можетъ добро-

вольно исполнить желаніе Россіи". Устранилъ, до особеннаго Сигизмундова разрѣшенія, и другія статьи: 1) Владиславу не сноситься съ папою о законѣ; 2) утвердить въ Россіи смертную казнь для всякаго, кто оставитъ греческую вѣру для латинской; 3) не имѣть при себѣ болѣе пятисотъ ляховъ; 4) соблюсти всѣ титла царскія (слѣдственно государя кіевскаго и ливонскаго) и жениться на россіянкѣ"; но все прочее, какъ согласное съ договоромъ Салтыкова и Волуева, было одобрено Жолкѣвскимъ, хотя и не вдругъ, ибо онъ съ умысломъ замедлялъ переговоры, тщетно ожидая вѣстей отъ короля; наконецъ уже не могъ медлить, поасаясь нетерпѣнія россіянъ и своихъ ляховъ, готовыхъ къ бунту за невыдачу имъ жалованья, — и 17 августа подписалъ слѣдующія достопомятныя условія:

„1) Святѣйшему патріарху, всему духовенству и синклиту, дворянамъ и дьякамъ думнымъ, стольникамъ, дворянамъ, стряпчимъ, жильцамъ и городскимъ дворянамъ, головамъ стрѣлецкимъ, приказнымъ людямъ, дѣтямъ боярскимъ, гостямъ и купцамъ, стрѣльцамъ, казакамъ, пушкарямъ и всѣхъ чиновъ служивымъ и жилецкимъ людямъ Московскаго государства бить челомъ великому государю Сигизмунду, да пожалуетъ имъ сына своего Владислава въ цари, коего всѣ россіяне единодушно желаютъ, цѣлуя святой крестъ съ обѣтомъ служить вѣрно ему и потомству его, какъ они служили прежнимъ великимъ государямъ московскимъ.

„2) Королевичу Владиславу вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ и діадимою отъ святѣйшаго патріарха и духовенства греческой церкви, кзкъ издревле вѣнчались самодержцы россійскіе.

„3) Владиславу царю блюсти и чтить святые храмы, иконы и мощи цѣлебныя, патріарха и все духовенство; не отнимать имѣнія и доходовъ у церквей и монастырей; въ духовныя и святительскія дѣла не вступаться.

„4) Не быть въ Россіи ни латинскимъ, ни другихъ исповѣданій костеламъ и молебнымъ храмамъ; не склонять никого въ римскую, ни въ другія вѣры, и жидамъ не въѣзжать для торговли въ Московское государство.

„5) Не перемѣнять древнихъ обычаевъ. Бояре и всѣ чиновники, воинскіе и земскіе, будутъ, какъ и всегда, одни россіяне; а польскимъ и литовскимъ людямъ не имѣть ни мѣстъ, ни чиновъ; которые же изъ нихъ останутся при государѣ, тѣмъ можетъ онъ дать денежное жалованье или помѣстья, не стѣсняя чести московскихъ боярскихъ и княжескихъ родовъ честію новыхъ выходцевъ иноземныхъ.

„6) Жалованье, помѣстья и вотчины россіянъ неприкосновенны. Если же нѣкоторые надѣлены сверхъ достоинства, а другіе оби-

жены, то совѣтоваться государю съ боярами, и сдѣлать, что уложатъ вмѣстѣ.

„7) основаніемъ гражданскаго правосудія быть Судебнику, коего нужное исправленіе и дополненіе зависитъ отъ государя, Думы боярской и земской.

„8) Уличенныхъ государственныхъ и гражданскихъ преступниковъ казнить единственно по осужденію царя съ боярами и людьми думными; имѣніе же казненныхъ наслѣдуютъ ихъ невинныя жены, дѣти и родственники. Безъ сего торжественнаго суда боярскаго никто не лишается ни жизни, ни свободы, ни чести.

„9) Кто умеръ бездѣтенъ, того имѣніе отдавать ближнимъ его или кому онъ прикажетъ; а въ случаѣ недоумѣнія рѣшить такія дѣла государю съ боярами.

„10) Доходы государственные остаются прежніе; а новыхъ налоговъ не вводить государю безъ согласія бояръ, и съ ихъ же согласія дать льготу областямъ, помѣстьямъ и вотчинамъ, разореннымъ въ сіи времена смутныя.

„11) Земледѣльцамъ не переходить ни въ Литву, ни въ Россіи отъ господина къ господину, и всѣмъ крѣпостнымъ людямъ быть навсегда такими.

„12) Великому государю Сигизмунду, Польшѣ и Литвѣ утвердить съ великимъ государемъ Владиславомъ и съ Россіею миръ и любовь навѣки и стоять другъ за друга противъ всѣхъ непріятелей.

„13) Ни изъ Россіи въ Литву и Польшу, ни изъ Литвы и Польши въ Россію не переводить жителей.

„14) Торговлѣ между обоими государствами быть свободною.

„15) Королю уже не приступать къ Смоленску и немедленно вывести войско изъ всѣхъ городовъ россійскихъ; а платежъ изъ московской казны за убытки и на жалованье рати литовской и польской будетъ уставленъ въ договорѣ особенномъ.

„16) Всѣхъ плѣнныхъ освободить безъ выкупа, всѣ обиды и насилія предать вѣчному забвенію.

„19) Гетману отвести Сапѣгу и другихъ ляховъ отъ Лжедимитрія, вмѣстѣ съ боярами взять мѣры для его истребленія, идти къ Можайску, какъ скоро уже не будетъ сего злодѣя, и тамъ ждать указа королевскаго.

„18) Между тѣмъ стоять ему съ войскомъ у Дѣвичьяго монастыря и не пускать никого изъ своихъ людей въ Москву, для нужныхъ покупокъ, безъ дозволенія бояръ и безъ письменнаго вида.

„19) Дочери воеводы Сендомирскаго, Маринѣ, ѣхать въ Польшу и не именоваться государынею московскою.

„20) Отправиться великимъ посламъ россійскимъ къ государю

Сигизмунду и бить челомъ, да крестится государь Владиславъ въ вѣру греческую и да будутъ приняты всѣ иныя условія, оставленныя гетманомъ на разрѣшеніе его королевскаго величества".

Итакъ, россіяне, бывъ недовольны собственнымъ желаніемъ царя Василія умѣрить самодержавіе, въ четыре года перемѣнили мысли и хотѣли еще болѣе ограничить верховную власть, удѣляя часть ея не только боярамъ, въ правосудіи и въ налогахъ, но и земской Думѣ въ гражданскомъ законодательствѣ! Они боялись не самодержавія вообще (какъ увидимъ въ исторіи 1613 г.), но самодержавія въ рукахъ иноплеменнаго, еще иновѣрнаго монарха, избираемаго въ крайности, невольно и безъ любви, и для того предписали ему условія, согласныя съ выгодами боярскаго властолюбія и съ видами хитраго Жолкѣвскаго, который, любя вольность, не хотѣлъ пріучить наслѣдника Сигизмундова, будущаго монарха польскаго, къ безпредѣльной власти въ Россіи.

Утвердивъ договорную грамоту подписями и печатями, съ одной стороны, Жолкѣвскій и всѣ его чиновники, а съ другой — бояре звали народъ къ присягѣ. Среди Дѣвичьяго поля, въ сѣни двухъ шатровъ великолѣпныхъ, стояли два алтаря, богато украшенные; вокругъ алтарей духовенство, патріархъ, святители, съ иконами и крестами, за духовенствомъ бояре и сановники, въ одеждахъ, блестящихъ серебромъ и золотомъ; далѣе безчисленное множество людей, ряды конницы и пѣхоты, съ распущенными знаменами, ляхи и россіяне. Все было тихо и чинно. Гетманъ съ своими воеводами вступилъ въ шатеръ, приблизился къ алтарю, положилъ на него руку и далъ клятву въ вѣрномъ соблюденіи условій, за короля и королевича, республику Польскую и великое княжество Литовское, за себя и войско. Тутъ два архіерея, обратясь къ боярамъ и чиновникамъ, сказали громогласно: „волею святѣйшаго патріарха Ермогена призываемъ васъ къ исполненію торжественнаго обряда: цѣлуйте крестъ, вы, мужи думные, всѣ чины и народъ, въ вѣрности къ царю и великому князю Владиславу Сигизмундовичу, нынѣ благополучно избранному, да будетъ Россія, со всѣми ея жителями и достояніемъ, его наслѣдственною державой!" Раздался звукъ литавръ и бубновъ, громъ пушечный и кликъ народный: „многія лѣта государю Владиславу! да царствуетъ съ побѣдою, миромъ и счастіемъ!" Тогда началась присяга; бояре и сановники, дворянство и купечество, воины и граждане, числомъ не менѣе трехсотъ тысячъ, какъ увѣряютъ, цѣловали крестъ съ видомъ усердія и благоговѣнія. Тогда измѣнники прежніе Иванъ Салтыковъ, Волуевъ и клевреты ихъ, ревностные участники и главные пособники договора, обнялися съ москвитянами уже какъ съ братьями въ общей измѣнѣ Василію

и въ общемъ подданствѣ Владиславу!.. Гонцы отъ Думы боярской спѣшили во всѣ города объявить имъ новаго царя, конецъ смятеніямъ и бѣдствіямъ, а гетманъ великолѣпнымъ пиромъ въ станѣ угостилъ знатнѣйшихъ россіянъ и каждаго изъ нихъ одарилъ щедро, раздавъ имъ всю добычу Клушинской битвы, коней азіатскихъ, богатыя чаши, сабли и не оставивъ ничего драгоцѣннаго ни у себя, ни у своихъ чиновниковъ, въ надеждѣ на сокровища московскія. Первый вельможа князь Мстиславскій отплатилъ ему такимъ же роскошнымъ пиромъ и такими же дарами богатыми.

Однимъ словомъ, умный гетманъ достигъ цѣли—и Владиславъ, хотя только Москвою избранный, безъ вѣдома другихъ городовъ, и слѣдственно незаконно, подобно Шуйскому, остался бы, какъ вѣроятно, царемъ Россіи и перемѣнилъ бы ея судьбу ослабленіемъ самодержавія—перемѣнилъ бы тѣмъ, можетъ быть, и судьбу Европы на многіе вѣки, если бы отецъ его имѣлъ умъ Жолкѣвскаго!

Но еще крестъ и евангеліе лежали на алтаряхъ Дѣвичьяго поля, когда вручили гетману грамоту Сигизмундову, привезенную Ѳедоромъ Андроновымъ, печатникомъ и думнымъ дьякомъ, усерднымъ слугою ляховъ, измѣнникомъ государства и православія. Сигизмундъ писалъ къ гетману, чтобы онъ занялъ Москву именемъ королевскимъ, а не Владиславовымъ; о томъ же писалъ къ нему съ другимъ, знатнѣйшимъ посломъ Госѣвскимъ. Гетманъ изумился. Торжественно заключить и безстыдно нарушить условія; вмѣсто юноши безпорочнаго и любезнаго представить Россіи въ вѣнценосцы стараго, коварнаго врага ея, виновника или питателя нашихъ мятежей, извѣстнаго ревнителя латинской вѣры и братства іезуитскаго; дѣйствовать одною силою съ войскомъ малочисленнымъ противъ цѣлаго народа, ожесточеннаго бѣдствіями, озлобленнаго ляхами, казалось гетману болѣе, нежели дерзостью—казалось безуміемъ. Онъ рѣшился исполнить договоръ, утаить волю королевскую отъ россіянъ и своихъ сподвижниковъ, сдѣлать требуемое честью и благомъ республики, вопреки Сигизмунду и въ надеждѣ склонить его къ лучшей политикѣ.

Согласно съ договоромъ, надлежало прежде всего отвлечь ляховъ отъ Самозванца. Сей злодѣй думалъ ослѣпить Жолкѣвскаго разными льстивыми увѣреніями: клялся царскимъ словомъ выдать королю 300.000 золотыхъ, и въ теченіе десяти лѣтъ ежегодно платить республикѣ столько же, а королевичу 100.000, завоевать Ливонію для Польши и Швецію—для Сигизмунда, не стоять и за Сѣверскую землю, когда будетъ царемъ; но Жолкѣвскій, извѣстивъ Сапѣгу, что Россія есть уже царство Владислава, убѣждалъ его присоединиться къ войску республики, а бродягу—упасть къ ногамъ королевскимъ, обѣщая ему за такое смиреніе Гродно или

Самборъ въ удѣлъ. Послы гетмановы нашли Лжедимитрія въ обители Угрѣшской, гдѣ жила Марина; выслушавъ ихъ предложеніе, онъ сказалъ: „хочу лучше жить въ избѣ крестьянской, нежели милостью Сигизмундовою!“ Тутъ Марина вбѣжала въ горницу; пылая гнѣвомъ, злословила, поносила короля, и съ насмѣшкою промолвила: „теперь слушайте мое предложеніе: пусть Сигизмундъ уступитъ царю Димитрію Краковъ и возьметъ отъ него, въ знакъ милости, Варшаву!“ Ляхи также гордились и не слушали гетмана, который, видя необходимость употребить силу, вмѣстѣ съ княземъ Мстиславскимъ и пятнадцатью тысячами москвитянъ, выступилъ противъ своихъ мятежныхъ иноземцевъ. Уже начиналось и кровопролитіе, но малочисленное и худое войско Лжедимитріево не могло обѣщать себѣ побѣды. Сапѣга выѣхалъ изъ рядовъ, снялъ шапку передъ Жолкѣвскимъ, далъ ему руку въ знакъ братства— и черезъ нѣсколько часовъ все усмирилось. Ляхи и россіяне оставили Лжедимитрія: первые объявили себя до времени слугами республики; послѣдніе цѣловали крестъ Владиславу, и между ими бояре князья Туренинъ и Долгорукій, воеводы коломенскіе; а Самозванецъ и Марина ночью (26 августа) ускакали верхомъ въ Калугу съ атаманомъ Заруцкимъ, съ шайкою казаковъ, татаръ и россіянъ немногихъ.

Гетманъ дѣйствовалъ усердно, бояре усердно и прямодушно. Начался безпрекословное царствованіе Владислава въ Москвѣ и въ другихъ городахъ: въ Коломнѣ, Тулѣ, Рязани, Твери, Владимірѣ, Ярославлѣ и далѣе. Молились въ храмахъ за государя новаго; всѣ указы писались, всѣ суды производились его именемъ; спѣшили изобразить оное на медаляхъ и монетахъ. Многіе радовались искренно, алкая тишины послѣ такихъ мятежей бурныхъ. Многіе—и въ ихъ числѣ патріахъ—скрывали горесть, не ожидая ничего добраго отъ ляховъ. Всего болѣе торжествовали старые измѣнники тушинскіе, первые имѣвъ мысль о Владиславѣ: Михайло Салтыковъ, князь Рубецъ-Мосальскій и Ѳедоръ Мещерскій, дворяне Кологривовъ, Василій Юрьевъ, Молчановъ, бывъ дотолѣ у Сигизмунда; явились въ столицѣ съ видомъ лицемѣрнаго умиленія, какъ бы великодушные изгнанники и страдальцы за любовь къ отечеству, имъ возвращаемому милостью Божіею, ихъ невинностью и добродѣтелью. Они цѣлою толпою пришли въ храмъ Успенія и требовали благословенія отъ Ермогена, который, велѣвъ удалиться одному Молчанову, мнимому еретику и чародѣю, сказалъ другимъ: „благословляю васъ, если вы дѣйствительно хотите добра государству, но если вы ляхи душою, лукавствуете и замышляете гибель православія, то кляну васъ именемъ церкви“. Обливаясь слезами, Михайло Салтыковъ увѣрялъ, что государство и православіе спасены навѣки—увѣрялъ, можетъ быть, не-

притворно желая, чего желала столица вмѣстѣ съ знатною частью Россіи: Владиславова царствованія на заключенныхъ условіяхъ. Самъ гетманъ не имѣлъ иной мысли, ежедневными письмами убѣждая Сигизмунда не разрушать дѣла, счастливо совершоннаго добрымъ геніемъ республики, а бояръ московскихъ плѣняя изображеніемъ златого вѣка Россіи подъ державою вѣнценосца юнаго, любезнаго, готоваго внимать ихъ мудрымъ наставленіямъ и быть сильнымъ единственно силою закона. Жолкѣвскій не хотѣлъ явно властвовать надъ Думою, довольствуясь единственно внушеніями и совѣтами. Такъ, онъ доказывалъ ей необходимость изгладить въ сердцахъ память минувшаго общимъ примиреніемъ, забыть вину клевретовъ Самозванца, оставить имъ чины и дать всѣ выгоды россіянъ безпорочныхъ. Бояре не согласились, отвѣтствуя: „Возможно ли слугамъ обманщика равняться съ нами?..“, и сдѣлали неблагоразумно, какъ мыслилъ Жолкѣвскій, ибо многіе изъ сихъ людей, оскорбленные презрѣніемъ, снова ушли къ Самозванцу въ Калугу. Но гетманъ умѣлъ выслать изъ Москвы двухъ человѣкъ, опасаясь ихъ знаменитости и тайнаго неудовольствія: князя Василія Голицына, одобреннаго духовенствомъ искателя державы, и Филарета, коего сыну желали вѣнца народъ и лучшіе граждане; оба, какъ устроилъ гетманъ, должны были въ качествѣ великихъ пословъ уѣхать къ Сигизмунду, чтобы вручить ему хартію Владиславова избранія, а Владиславу—утварь царскую; требовать ихъ согласія на статьи договора, нерѣшенныя гетманомъ, и между тѣмъ служить королю аманатами: отвѣтствовать своею головою за вѣрность россіянъ! Товарищи Филарета и Голицына были окольничій князь Мезецкій, думный дворянинъ Сукинъ, дьяки Луговскій и Сыдавный-Васильевъ, архимандритъ новоспасскій Евфимій, келарь лавры Авраамій, угрѣшскій игуменъ Іона и вознесенскій протоіерей Кириллъ. Отпѣвъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ въ соборѣ Успенскомъ, давъ посламъ благословеніе на путь и грамоту къ юному Владиславу о величіи и православіи Россіи, Ермогенъ заклиналъ ихъ не измѣнять церкви, не плѣняться мірскою лестью — и ревностный Филаретъ съ жаромъ произнесъ обѣтъ умереть вѣрнымъ. Сіе важное, великолѣпное посольство, сопровождаемое множествомъ людей чиновныхъ и пятью стами воинскихъ, выѣхало 11 сентября изъ Москвы, а черезъ десять дней ляхи были уже въ стѣнахъ кремлевскихъ!

Такимъ образомъ случилось первое нарушеніе договора, по коему надлежало гетману отступить къ Можайску. Употребили лукавство. Опасаясь непостоянства россіянъ и желая скорѣе имѣть все въ рукахъ своихъ, гетманъ склонилъ не только Михаила Салтыкова съ тушинскими измѣнниками, но и Мстиславскаго и другихъ бояръ легкоумныхъ, хотя и честныхъ, требо-

вать вступленія ляховъ въ Москву для усмиренія мятежной черни, будто бы готовой призвать Лжедимитрія. Не слушали ни патріарха, ни вельможъ благоразумнѣйшихъ, еще ревностныхъ къ государственной независимости. Впустили иноземцевъ ночью; велѣли имъ свернуть знамена, идти безмолвно въ тишинѣ пустыхъ улицъ,— и жители на разсвѣтѣ увидѣли себя какъ бы плѣнниками между воинами королевскими: изумились, негодовали, однакожъ успокоились, вѣря торжественному объявленію Думы, что ляхи будутъ у нихъ не господствовать, а служить: хранить жизнь и достояніе Владиславовыхъ подданныхъ. Сіи мнимые хранители заняли всѣ укрѣпленія, башни, ворота въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣломъ городѣ овладѣли пушками и снарядами, расположились въ палатахъ царскихъ и въ лучшихъ домахъ цѣлыми дружинами для безопасности. По крайней мѣрѣ не дерзали своевольствовать, ни грабить, ни оскорблять жителей, избрали чиновниковъ для доставленія запасовъ войску и судей для разбора всякихъ жалобъ. Гетманъ властвовалъ, но только указами Думы, изъявлялъ снисходительность къ народу, честилъ бояръ и духовенство. Дворецъ Кремлевскій, гдѣ пили и веселились сонмы иноплеменныхъ ратниковъ, уподоблялся шумной гостиницѣ; кремлевскій домъ Борисовъ, занятый Жолкѣвскимъ, представлялъ благолѣпіе истиннаго дворца, ежечасно наполняясь, какъ въ Ѳеодорово время, знатнѣйшими россіянами, которые искали тамъ совѣта въ дѣлахъ отечества и милостей личныхъ. Такъ гетманъ именемъ царя Владислава далъ первому боярину князю Мстиславскому, не хотѣвшему быть вѣнценосцемъ, санъ конюшаго и слуги. Утративъ честь, хвалились тишиною, даромъ умнаго Жолкѣвскаго! Довольные тѣмъ, что онъ не впустилъ Сапѣги съ шайками разбойниковъ въ столицу, выдавъ ему изъ царской казны 10,000 злотыхъ и склонивъ его идти на зиму въ Сѣверскую землю, россіяне спокойно видѣли несчастнаго Василія въ рукахъ ляховъ: вопреки намѣренію бояръ удалить сего невольнаго инока въ Соловки, гетманъ послалъ его съ литовскими приставами въ Іосифовскую обитель, чтобы имѣть въ немъ залогъ на всякій случай. Россіяне снесли также избраніе ляха Госѣвскаго въ предводители осьмнадцати тысячъ московскихъ стрѣльцовъ, которые со временъ Разстриги, едва не спасеннаго ими, уже чувствовали свою силу и могли быть опасны для иноплеменниковъ: Госѣвскій снискалъ ихъ любовь ласкою, щедростью и пирами. „Упорствовалъ въ зложелательствѣ къ намъ, — пишутъ ляхи, — только осьмидесятилѣтвій патріархъ, боясь государя иновѣрнаго; но и его, уже хладное, загрубѣлое сердце смягчилось привѣтливостію и любезнымъ обхожденіемъ гетмана, въ частыхъ съ нимъ бесѣдахъ всегда хвалившаго греческую вѣру, такъ что и патріархъ казался, наконецъ, искреннимъ ему другомъ“. Ермо-

генъ былъ другомъ единственно отечества, и въ глубокой старости еще пылалъ духомъ, какъ увидимъ скоро!

Утвердивъ спокойствіе въ Москвѣ и занявъ отрядами всѣ города смоленской дороги для безопаснаго сношенія съ королемъ, гетманъ ждалъ нетерпѣливо вѣстей изъ его стана; ждалъ согласія души слабой на дѣло смѣлое и великое, и рѣшительно увѣрялъ бояръ въ немедленномъ прибытіи къ нимъ Владислава... Но судьба, благословенная для Россіи, влекла ее къ другому назначенію, готовя ей новыя искушенія и новыя имена для безсмертія!

Какъ несчастный царь Василій съ своими братьями завидовалъ князю Михаилу Шуйскому, такъ Сигизмундъ съ своими панами завидовалъ гетману, хотя слава обоихъ великихъ мужей была славою ихъ отечества и государя, — ослѣпленіе страстей, удивительные для разума и тѣмъ не менѣе обыкновенное въ дѣйствіяхъ человѣческихъ! Недоброжелатели гетмановы, Потоцкіе и друзья ихъ, говорили королю: „Не успѣхи случайные, но правила твердыя, внушаемыя зрѣлою мудростію, должны быть намъ руководствомъ въ дѣлѣ столь важномъ. Извлекая мечъ, ты, государь, объявилъ, что думаешь единственно о благѣ республики; теперь, имѣя случай распространить ея владѣнія, можешь ли упустить его только для чести видѣть сына на престолѣ московскомъ? Отдашь ли пятнадцатилѣтняго юношу безъ совѣтниковъ и блюстителей въ руки людей, упоенныхъ духомъ мятежа и крамолы? Что отвѣтствуетъ за ихъ вѣрность и безопасность сего престола, обліяннаго кровію? Не скажетъ ли народъ твой, ревнитель свободы, что ты плѣняешься властію самодержавною? Если же царство Россійское столь завидно, то, взявъ Смоленскъ, иди въ Москву и собственною рукою, какъ побѣдитель, возьми ся державу!“ Хотя разсудительные вельможи, Левъ Сапѣга и другіе, умоляли короля немедленно принять договоръ гетмановъ, немедленно отпустить Владислава въ Москву, дать ему Жолкѣвскаго въ наставники и легіонъ поляковъ въ блюстители, обогатить казну республики казною царскою, удовлетворить ею всѣмъ требованіямъ войска, — наконецъ утвердить вѣчный союзъ Литвы съ Россіею; но король слѣдовалъ мнѣнію первыхъ совѣтниковъ: хотѣлъ самъ быть царемъ или завоевателемъ Россіи — и въ семъ расположеніи ждалъ пословъ московскихъ Филарета и Голицына, коихъ личное избраніе — то-есть удаленіе — должно было содѣйствовать видамъ хитраго гетмана, но обратилось единственно во славу ихъ великодушной твердости, безъ пользы для Литвы, безъ пользы и для Россіи, кромѣ чести имѣть такихъ мужей государственныхъ!

Менѣе другихъ вѣря гетману, или Сигизмунду, они еще съ дороги извѣстили Думу, что, вопреки условіямъ, ляхи грабятъ въ уѣздахъ Осташкова, Ржева и Зубцова; что Сигизмундъ велитъ

дворянамъ россійскимъ присягать ему и Владиславу вмѣстѣ, обѣщая имъ за то жалованье и земли. 7-го октября послы увидѣли Смоленскъ и станъ королевскій, куда ихъ не впустили; указали имъ мѣсто на пустомъ берегу Днѣпра, гдѣ они расположились въ шатрахъ, терпѣть ненастье, холодъ и голодъ... Тѣ, которые предлагали царство Владиславу, требовали пищи отъ Сигизмунда, жалуясь на бѣдность, слѣдствіе долговременныхъ опустошеній и мятежей въ Россіи; а вельможи литовскіе отвѣчали: „Король здѣсь на войнѣ и самъ терпитъ нужду!“ Представленные Сигизмунду (12 октября) Голицынъ, Мезецкій и дьяки, — одинъ за другимъ, какъ обыкновенно,—торжественными рѣчами изъяснили вину своего посольства, и сказавъ, что Шуйскій добровольно оставилъ царство именемъ Россіи, били челомъ о Владиславѣ. Вмѣсто короля гордо отвѣтствовалъ канцлеръ Сапѣга: „Всевѣчный Богъ боговъ назначилъ степени монарховъ и подданныхъ. Кто дерзаетъ возноситься выше своего званія, того Онъ казнитъ и низвергаетъ: казнилъ Годунова и низвергнулъ Шуйскаго, вѣнценосцевъ, рожденныхъ слугами! Вы узнаете волю королевскую“. И чрезъ нѣсколько дней объявили имъ сію волю!

Какъ ни важны были статьи договора, устраненныя Жолкѣвскимъ, хотя патріархъ и бояре въ наказѣ, данномъ посламъ, велѣли имъ неотступно „требовать и молить слезно, чтобы королевичъ, находившійся тогда въ Литвѣ, принялъ греческую вѣру отъ Филарета и смоленскаго епископа, ѣхалъ въ Москву уже православный, и тѣмъ отвратилъ соблазнъ, нетерпимый и въ Польшѣ, гдѣ государи должны быть всегда одной вѣры съ народомъ“, но царствованіе Владислава зависѣло единственно отъ согласія королевскаго на статьи, утвержденныя гетманомъ, ибо россіяне цѣловали крестъ первому безъ всякой отговорки, довольствуясь надеждою склонить его къ своему закону уже въ царскомъ санѣ. Главнымъ дѣломъ для пословъ было возвратиться въ Москву съ Владиславомъ, дать отца сиротамъ, жизнь, душу составу государственному, полумертвому безъ государя... И что же? Вельможи королевскіе объявили имъ въ самомъ началѣ переговоровъ, что Владиславъ малолѣтній не можетъ устроить царства смятеннаго; что Сигизмундъ долженъ прежде утишить оное и занять Смоленскъ, будто бы преклонный къ Лжедимитрію. Послы отвѣчали: Королевичъ молодъ, но Богъ устроитъ державу разумомъ его и счастіемъ, нашимъ радѣніемъ и нашими совѣтами, вельможи думные. Смоленскъ не имѣетъ нужды въ воинахъ иноземныхъ: оказавъ столько вѣрности, во времена самыя бѣдственныя, столько доблести въ защитѣ противъ васъ, измѣнитъ ли чести нынѣ, чтобы служить бродягѣ? Ручаемся вамъ душами за боярина Шеина и гражданъ: они искренно, вмѣстѣ съ Россіею, присягнутъ Вла-

диславу“. Для чего же и не Сигизмунду? возразили паны: государи суть земные боги, и воля ихъ священна. Вы оскорбляете короля своимъ недовѣріемъ, дерзая раздѣлять отца съ сыномъ: Смоленскъ долженъ присягнуть имъ обоимъ. Филаретъ и Голицынъ изумились. „Мы избрали Владислава, а не Сигизмунда, — сказали они: — и вы, избравъ шведскаго принца въ короли, не цѣловали креста родителю его, Іоанну“. Сравненіе нелѣпое! воскликнули паны: Іоаннъ не спасалъ нашей республики, какъ Сигизмундъ спасаетъ Россію, ибо, взявъ Смоленскъ, древнюю собственность Литвы, пойдетъ съ войскомъ къ Калугѣ, чтобы истребить Лжедимитрія и тѣмъ успокоить Москву, гдѣ еще не всѣ жители усердствуютъ королевичу,—гдѣ много людей зломысленныхъ и мятежныхъ. „Нѣтъ надобности Сигизмунду, — говорили послы, — и для великаго монарха унизительно идти самому противъ злодѣя калужскаго: пусть велитъ только Жолкѣвскому соединиться съ россіянами, чтобы общими силами истребить его, какъ уставлено въ договорѣ! Походъ королевскій внутрь государства разореннаго еще умножилъ бы зло. Ты, Левъ Сапѣга, бывалъ въ Россіи; зналъ ея богатство, многолюдство, цвѣтущіе города и селенія; нынѣ осталась единственно тѣнь ихъ, пепелища, обгорѣлыя стѣны; жители изгибли, отведены плѣнниками въ Литву, разбѣжались въ иныя земли... А кто виною? ваши грабители еще болѣе, нежели самозванцы: да удалятся же навѣки, Россія будетъ что была,—по крайней мѣрѣ въ теченіе времени. Гнусный Лжедимитрій и безъ вашего содѣйствія исчезнетъ. Упорнѣйшіе изъ клевретовъ тушинскихъ и цѣлые города, обольщенные именемъ Димитрія, возвратились подъ сѣнь отечества, какъ скоро услышали о новомъ царѣ законномъ. Вы говорите о московскихъ мятежникахъ: ихъ не знаемъ, видѣвъ собственными глазами, что всѣ, отъ мала до велика, и тамъ, и въ другихъ городахъ цѣловали крестъ Владиславу съ живѣйшею радостію. Нѣтъ, синклитъ и народъ немедленно казнили бы перваго, кто дерзнулъ бы измѣнить святому обѣту вѣрности. Однимъ словомъ, исполните только договоръ, утвержденный клятвою гетмана отъ имени короля и республики. Дѣло было кончено къ обоюдному удовольствію: не вымышляйте новаго, чтобы нашедши не потерять и не каяться. Въ случаѣ вѣроломства, какія откроются бѣдствія! Вы знаете, что государство Московское обширно: еще не все разрушено; не все пало; есть Новгородъ Великій, многолюдная земля Поморская и Низовая; есть царства казанское, астраханское и сибирское! Не снесутъ обмана и возстанутъ... Господь да спасетъ и васъ, и насъ отъ слѣдствій ужасныхъ!“

Послы велѣли дьяку читать гетмановы условія; паны не хотѣли слушать, но вдругъ какъ бы одумались и, ссылаясь на сей договоръ, требовали милліоновъ въ уплату жалованья королевскому

и даже Сапѣгину войску... „За то ли,—спросилъ Голицынъ,— что Сапѣга, клевретъ низкаго злодѣя, обнажилъ наши церкви, иконы, гробы святыхъ и пилъ кровь христіанъ? Да и войско королевское что сдѣлало и дѣлаетъ въ Россіи? губитъ людей и достояніе; какое право на мзду и благодарность? Но когда успокоится держава, тогда царь Владиславъ, патріархъ, бояре и чины государственные условятся съ Сигизмундомъ о вознагражденіи вашихъ убытковъ. Договоръ помнимъ; хотѣли напомнить его и вамъ, и спрашиваемъ: даетъ ли король сына на престолъ московскій?..“ Жалуетъ, сказали, наконецъ, паны (октября 23). Тутъ Филаретъ, Голицынъ, Мезецкій встали и поклонились до земли, изъявляя радость, славя мудрость Сигизмундову и счастливое царствованіе Владислава, а Левъ Сапѣга, въ отвѣтъ на статьи, нерѣшенныя гетманомъ, объявилъ королевскимъ именемъ: 1) что въ крещеніи и женитьбѣ Владислава воленъ Богъ и Владиславъ; 2) что онъ не будетъ сноситься о вѣрѣ съ папою; 3) что смертная казнь для отметниковъ греческаго исповѣданія въ Россіи утверждается; 4) что о числѣ ляховъ, коимъ быть при особѣ царя, послы могутъ условиться съ нимъ самимъ; 5) что всѣ иныя желанія и требованія россіянъ предложатся Сейму въ Варшавѣ, гдѣ, съ его согласія, король дастъ имъ сына въ цари, но прежде занявъ Смоленскъ, истребивъ Лжедимитрія и совершенно умиривъ Россію... Тутъ исчезла радость пословъ! Паны изъясняли имъ, что если бы Сигизмундъ, не сдѣлавъ ничего, выступилъ изъ Россіи, то вольные ляхи и казаки, числомъ не менѣе осьмидесяти тысячъ въ ея предѣлахъ, соединились бы съ Лжедимитріемъ; что король хочетъ Смоленска не для себя, а для Владислава, ибо оставитъ ему все въ наслѣдство, и Литву и Польшу; что смоленскіе граждане должны присягнуть королю единственно изъ чести! Но Филаретъ и Голицынъ, видя намѣреніе Сигизмунда только манить Россію Владиславомъ и взять ее себѣ въ добычу, или раздробить, выразили негодованіе столь сильно, что гнѣвные паны уже не хотѣли говорить съ ними, воскликнувъ: „конецъ терпѣнію и Смоленску! На васъ будетъ его пепелъ и кровь жителей!“

О семъ худомъ успѣхѣ посольства свѣдали въ Москвѣ съ равною горестью и бояре благонамѣренные, и гетманъ честолюбивый, который, все еще увѣряя ихъ въ непремѣнномъ исполненіи своего договора, рѣшился употребить крайнее средство: оставить Москву, только имъ утишаемую, и лично объясниться съ королемъ. Сами россіяне удерживали, заклинали его не предавать столицы опасностямъ безначалія и мятежей. Пожавъ руку у князя Мстиславскаго, онъ сказалъ ему: „ѣду довершить мое дѣло и спокойствіе Россіи“; а ляхамъ: „Я далъ слово боярамъ, что вы будете вести себя примѣрно для вашей собственной без-

опасности; поручаю вамъ царство Владислава, честь и славу республики". Преемникомъ его, то есть истиннымъ градоначальникомъ Москвы, надлежало быть ляху Госѣвскому, съ усердною помощію Михайла Салтыкова и дьяка Өедора Андронова, названнаго государственнымъ казначеемъ. Устроивъ все для храненія тишины, Жолкѣвскій сѣлъ въ колесницу и тихо ѣхалъ Москвою, провождаемый синклитомъ и толпами жителей. Улицы и кровли домовъ были наполнены людьми. Вездѣ раздавались громкіе клики: желали ему счастливаго пути и скораго возвращенія! Сіе торжество гетманово ознаменовалось дѣломъ безславнѣйшимъ для боярской Думы: она выдала бывшаго царя своего иноплеменнику! Жолкѣвскій взялъ съ собою двухъ братьевъ Васильевыхъ— и народъ московскій любопытно смотрѣлъ, какъ ихъ везли въ особенныхъ колесницахъ предъ гетманомъ! Женѣ князя Дмитрія Шуйскаго позволили ѣхать съ мужемъ, а несчастную царицу удалили въ Суздальскую дѣвичью обитель. Гетманъ заѣхалъ въ Іосифовъ монастырь, взялъ тамъ самого Василія и въ мірской, литовской одеждѣ, какъ узника, повезъ къ Сигизмунду! „О время стыда и безчувствія!—восклицаетъ современникъ:—мы забыли Бога. Какой отвѣтъ дадимъ Ему и людямъ? Что скажемъ чужимъ государствамъ себѣ въ оправданіе, самовольно отдавъ царство и царя въ плѣнъ иновѣрнымъ? Немногіе злодѣйствовали; но мы видѣли и терпѣли, не имѣвъ великодушія умереть за добродѣтель". Такъ лучшіе россіяне скорбѣли внутренно и въ искреннемъ негодованіи готовились, еще не зная и не думая, къ возстанію отчаянному: часъ приближался!

Гетмана встрѣтили пышно воеводы королевскіе и сенаторы; говорили ему рѣчи и славили его, какъ героя. Жолкѣвскій, вмѣстѣ съ трофеями, представилъ Сигизмунду и своего державнаго плѣнника, въ богатой одеждѣ. Всѣ взоры устремились на Василія, безмолвнаго и неподвижнаго. Хотѣли, чтобы онъ поклонился королю. Царь московскій,—отвѣтствовалъ Василій,—не кланяется королямъ. Судьбами Всевышняго я плѣнникъ, но взятъ не вашими руками: выданъ вамъ моими подданными и измѣнниками. „Его твердость, величіе, разумъ заслужили удивленіе ляховъ,—говоритъ лѣтописецъ:—и Василій, лишенный вѣнца, сдѣлался честію Россіи". Онъ еще имѣлъ нужду въ своей твердости, чтобы великодушно сносить неволю и тѣмъ заплатить послѣдній долгъ отечеству, въ удостовѣреніе, что оно могло безъ стыда именовать его четыре года своимъ вѣнценосцемъ!.. Изъявивъ гетману благодарность за мнимую славу имѣть такого плѣнника и за мнимое взятіе Москвы, король не хотѣлъ, однакожъ, утвердить его договора. Напрасно Жолкѣвскій доказывалъ, грозилъ: доказывалъ, что воцареніемъ королевича московская и польская дер-

жава будутъ навѣки единою къ ихъ обоюдному счастію, и что никогда первая не признаетъ Сигизмунда царемъ; грозилъ новою, жестокою, необозримою въ бѣдствіяхъ войною. Считая гетмана пристрастнымъ къ своему дѣлу и жаднымъ къ личной славѣ, Сигизмундъ не вѣрилъ ему; твердилъ, что занятіе Смоленска необходимо для блага республики и для его королевской чести; наконецъ, велѣлъ самому Жолкѣвскому склонять пословъ московскихъ къ уступчивости миролюбивой.

Съ отчаяніемъ въ сердцѣ гетманъ долженъ былъ исполнить королевскую волю; но, властвуя надъ собою, въ переговорахъ съ Филаретомъ и Голицынымъ казался убѣжденнымъ въ ея справедливости и требовалъ отъ нихъ Смоленска единственно въ залогъ временный, для безопаснаго сообщенія войска Сигизмундова съ Литвою. „Вы боялись,— сказалъ онъ,— впустить насъ и въ Москву; а впустивъ, радовались! Не упорствуйте, или договоръ, заключенный мною съ вами, столь благонамѣренный, столь благословенный для обѣихъ державъ, уничтожится неминуемо. Король думаетъ, что не взять Смоленска есть для него безчестіе; возьметъ силою, и только изъ уваженія къ моему ходатайству медлитъ: сѣкира лежитъ у корня!“ Не хотѣли дать времени посламъ списаться съ Москвою, говоря: „Не Москва указываетъ королю, а король Москвѣ“, требовали неукоснительнаго рѣшенія. Въ сихъ обстоятельствахъ Филаретъ и князь Голицынъ совѣтовались съ чиновниками и дворянами посольскими; желали знать мнѣніе и смоленскихъ дѣтей боярскихъ, которые пріѣхали съ ними, усердно служивъ Шуйскому до его низверженія. Всѣ отвѣтствовали: „Не вводить въ Смоленскъ ни единаго ляха. Если король дерзнетъ лить кровь, то она будетъ на немъ, вѣроломномъ; имъ, не вами священный договоръ рушится“. Дѣти боярскіе промолвили: „Наши матери и жены въ Смоленскѣ: пусть тамъ гибнутъ, но города вѣрнаго не отдавайте ляхамъ. И знайте, что вы не можете отдать его: защитники смоленскіе не послушаются васъ, какъ измѣнниковъ“. Съ твердостію отказавъ панамъ, Филаретъ и Голицынъ еще слезно заклинали ихъ не ниспровергать дѣла гетманова и быть навѣки братьями россіянъ, но тщетно! 21 ноября ляхи, новымъ подкопомъ взорвавъ грановитую башню и часть городской стѣны, съ нѣмцами и казаками устремились къ смоленской крѣпости; приступали три раза и были славно отражены Шеиномъ въ глазахъ Сигизмунда, гетмана и нашихъ пословъ!.. Еще переговоры длились, хотя и безполезно. Послы россійскіе жили въ тѣсномъ заключеніи: имъ не дозволяли писать въ Смоленскъ; мѣшали сношеніямъ ихъ съ Москвою и съ другими городами, такъ что они долгое время не имѣли никакихъ вѣстей, никакихъ предписаній отъ Думы боярской; слыша

единственно отъ пановъ, что шведы воюютъ Россію и Самозванецъ усиливается въ Калугѣ, ожидая къ себѣ крымцевъ и турковъ въ сподвижники; что король датскій готовится взять Архангельскъ, что всѣ возстаютъ, всѣ идутъ на Россію; что она гибнетъ, и можетъ быть спасена только великодушнымъ Сигизмундомъ.

Россія, дѣйствительно, гибла и могла быть спасена только Богомъ и собственною добродѣтелію! Столица, безъ осады, безъ приступа взятая иноплеменниками, казалась нечувствительною къ своему уничиженію и стыду. Бояре сидѣли въ Думѣ и писали указы, но, слушаясь Гонсѣвскаго, который, уже зная Сигизмундову волю отвергнуть договоры гетмановъ и предвидя слѣдствія, употреблялъ всѣ нужныя мѣры для своей безопасности: высылалъ стрѣльцовъ изъ Москвы, чтобы уменьшить въ ней число людей ратныхъ; велѣлъ истребить всѣ рогатки на улицахъ; запретилъ жителямъ носить оружіе, толпиться на площадяхъ, выходить ночью изъ домовъ и вездѣ усилилъ стражу. Выгнали дворянъ и богатѣйшихъ купцовъ изъ Китая и Бѣлаго города за валъ Деревяннаго, чтобы въ ихъ домахъ помѣстить нѣмцевъ и ляховъ. Однакожъ благоразумныя предписанія гетмановы исполнялись строго: не касались ни чести, ни собственности жителей, ни святыни церквей; наглость унимали и наказывали безъ милосердія. Одинъ ляхъ выстрѣлилъ въ икону Богоматери, другой обезчестилъ дѣвицу: ихъ судили, и перваго сожгли, а второго высѣкли кнутомъ. Еще тишина царствовала, и москвитяне пировали съ ляхами, скрывая взаимное опасеніе и непріязнь, называясь братьями и нося камень за пазухою, какъ говоритъ историкъ-очевидецъ. Ляхи не вѣрили терпѣнію россіянъ, а россіяне—доброму намѣренію ляховъ, видя ихъ беззаконное господство въ столицѣ, угодное только немногимъ знатнымъ крамольникамъ: Салтыкову, Рубцу-Мосальскому и другимъ тушинскимъ злодѣямъ, которые хотя и предлагали иноплеменнику условія, благовидныя для нашей свободы, но вмѣсто Владислава готовы были отдать Россію и Сигизмунду безъ всякихъ условій, чтобы подъ его державою спастися отъ праведной казни. Сильные мечомъ ляховъ, они законодательствовали въ робкой Думѣ, утверждая князя Мстиславскаго и другихъ бояръ слабыхъ въ надеждѣ, что Сигизмундъ дастъ имъ сына въ цари, не взирая на свою медленность и требованія несправедливыя. Прошло около двухъ мѣсяцевъ, Дума знала, что наши послы живутъ у короля въ неволѣ; знала о приступѣ ляховъ къ Смоленску и все еще ждала Владислава! Долго молчавъ, король написалъ къ ней, что онъ не предастъ Россіи въ жертву злодѣю калужскому и гнуснымъ его сообщникамъ: долженъ искоренить ихъ, смирить мятежный Смоленскъ—и тогда возвратиться въ Литву, чтобы на Сеймѣ,

въ присутствіи нашихъ пословъ, утвердить договоръ московскій. Между тѣмъ король отъ собственнаго имени давалъ указы Думѣ о вознагражденіи бояръ и сановниковъ, къ нему усердныхъ: Салтыковыхъ, Мосальскихъ, Хворостинина, Мещерскаго, Долгорукаго, Молчанова, печатника Грамотина и другихъ, разоренныхъ Шуйскимъ; жаловалъ чины и мѣста, земли и деньги; однимъ словомъ, уже дѣйствовалъ какъ властелинъ Россіи, не имѣя ни тѣни права—и Дума уважала его волю, какъ будто бы нераздѣльную съ волею царя малолѣтняго! И люди знатные ѣздили изъ Москвы въ станъ королевскій просить милостей, равно беззаконныхъ и срамныхъ! Уже народъ, менѣе Думы терпѣливый, изъявлялъ досаду, не видя Владислава, и бояре, опасаясь мятежа, заклинали Сигизмунда удовлетворить сему нетерпѣнію безъ отлагательства и безъ Сейма,—о Владиславѣ не было слуха, а король заботился единственно о взятіи Смоленска!

Въ такомъ положеніи могла ли столица съ ея мнимымъ правительствомъ быть главою и душою государства? Все волновалось въ неустройствѣ, безъ связи въ частяхъ цѣлаго, безъ единства въ движеніяхъ. Областные жители, присягнувъ королевичу, съ неудовольствіемъ слышали о господствѣ ляховъ въ столицѣ, съ негодованіемъ видѣли ихъ чиновниковъ, разосланныхъ гетманомъ и Гонсѣвскимъ для собранія дани на жалованье королевскому войску. Вездѣ кричали: „Мы присягнули Владиславу, а не гетману и не Гонсѣвскому!“ Жалобы еще удвоились отъ неистовства ляховъ, которые вели себя благоразумно въ одной Москвѣ; презирая договоръ, они не только не выходили изъ нашихъ городовъ, не только самовольствовали въ нихъ и грабили, но жгли, мучили, убивали россіянъ. Гдѣ нѣтъ защиты отъ правительства, тамъ нѣтъ къ нему и повиновенія. Новгородцы затворили ворота и долго не хотѣли впустить боярина Ивана Салтыкова, извѣстнаго друга гетманова, присланнаго къ нимъ Думою съ дружинами стрѣльцовъ, чтобы выгнать шведовъ изъ сѣверной Россіи, — ибо союзникъ Делагарди, послѣ несчастной Клушинской битвы отступая къ финляндскимъ границамъ, уже дѣйствовалъ какъ непріятель, занялъ Ладогу, осадилъ Кексгольмъ и съ горстію воиновъ мыслилъ отнять царство у Владислава, самъ собою, безъ вѣдома Карлова, торжественно предлагая одного изъ шведскихъ принцевъ намъ въ государи. Давъ клятву новгородцамъ не вводить къ нимъ ни одного ляха, Салтыковъ убѣдилъ ихъ, какъ подданныхъ Владиславовыхъ, содѣйствовать ему въ изгнаніи шведовъ и въ усмиреніи мятежниковъ; вытѣснилъ первыхъ изъ Ладоги, но не могъ выгнать изъ Россіи,—ни смирить Пскова, гдѣ еще царствовало имя Лжедимитрія и гдѣ злодѣйствовалъ Лисовскій, торгуя добычею разбоевъ и святотатства, пируя съ жителями какъ съ братьями

и грабя ихъ какъ непріятель. Великія Луки, занятыя его сподвижникомъ, измѣнникомъ Просовецкимъ, Яма, Ивангородъ, Копорье, Орѣшекъ также упорствовали въ вѣрности къ Самозванцу отъ ненависти къ ляхамъ. Сія ненависть произвела тогда еще новую, разительную измѣну. Знаменитая именемъ царства Казань, въ счастливѣйшіе дни тушинскаго злодѣя бывъ вѣрною Москвѣ, вдругъ пристала къ нему, уже почти всѣми отверженному и презрѣнному! Ея чернь и граждане, свѣдавъ о вступленіи гетмана въ столицу, возмутились; объявили, что лучше хотятъ служить калужскому царику, нежели зловѣрной Литвѣ, и цѣловали крестъ Лжедимитрію, слѣдуя внушенію лазутчиковъ и слугъ его, которые были имъ тогда посланы въ Астрахань и находились въ Казани. Воевода, славный любимецъ Іоанновъ, Бѣльскій, уговаривалъ народъ не присягать ни Владиславу, ни Лжедимитрію, а будущему вѣнценосцу московскому, безъ имени; стыдилъ и заклиналъ—и былъ жертвою яростной черни, подстрекаемой дьякомъ Шульгинымъ: Бѣльскаго схватили, кинули съ высокой башни и растерзали того, кто служилъ шести царямъ, не служа ни отечеству, ни добродѣтели; лукавствовалъ, измѣнялъ и погибъ въ лучшій часъ своей государственной жизни, какъ страдалецъ за достоинство народа россійскаго! Другой воевода казанскій бояринъ Морозовъ и люди чиновные не дерзнули противиться ослѣпленнымъ гражданамъ и вмѣстѣ съ нимъ писали къ жителямъ сѣверныхъ областей, что Москва сдѣлалась Литвою, а Калуга—столицею отечества; что имя Димитрія должно соединить всѣхъ истинныхъ россіянъ для возстановленія государства и церкви. Но казанцы присягнули уже тѣни!

Никѣмъ не тревожимый въ Калугѣ и до времени нужный Сигизмунду какъ пугалище для Москвы, Самозванецъ, имѣя тысячъ пять казаковъ, татаръ и россіянъ, еще грозилъ и Москвѣ, и Сигизмунду, мучилъ ляховъ, захватываемыхъ его шайками въ разъѣздахъ, и говорилъ: „Христіане мнѣ измѣнили,—и такъ, обращусь къ магометанамъ; съ ними завоюю Россію или не оставлю въ ней камня на камнѣ: доколѣ я живъ, ей не знать покоя“. Онъ думалъ, какъ пишутъ, удалиться въ Астрахань, призвать къ себѣ всѣхъ донцовъ и ногаевъ, основать тамъ новую державу и заключить братскій союзъ съ турками! Между тѣмъ веселился, безумствовалъ и, хваляся дружбою магометанъ, то ласкалъ, то казнилъ ихъ на свою гибель. Судьба его рѣшилась внезапно. Ханъ или царь касимовскій Уразъ-Магметъ во время Лжедимитріева бѣгства изъ Тушина не присталъ ни къ ляхамъ, ни къ россіянамъ и съ новымъ усердіемъ явился къ нему въ Калугѣ; но сынъ ханскій донесъ, что отецъ его мыслитъ тайно уѣхать въ Москву,—и Лжедимитрій, безъ всякаго изслѣдованія, велѣлъ па-

лачамъ своимъ Михайлу Бутурлину и Михневу умертвить несчастнаго Уразъ-Магмета и кинуть въ Оку; а князя ногайскаго Петра Араслана Урусова, хотѣвшаго мстить сыну-клеветнику, посадилъ въ темницу. Чрезъ нѣсколько дней освобожденный и снова ласкаемый Самозванцемъ, Арасланъ уже пылалъ злобою непримиримою и, выѣхавъ съ нимъ на охоту (декабря 11), въ мѣстѣ уединенномъ прострѣлилъ его насквозь пулею, сказавъ: „Я научу тебя топить хановъ и сажать мурзъ въ темницу", отсѣкъ ему голову, и съ ногаями ушелъ въ Тавриду, прославивъ себя злодѣйскимъ истребленіемъ злодѣя, который едва не овладѣлъ обширнѣйшимъ царствомъ въ мірѣ, къ стыду Россіи, не имѣвъ ничего, кромѣ подлой души и безумной дерзости.

Съ вѣстію о семъ убійствѣ прискакалъ въ Калугу шутъ Лжедимитріевъ Кошелевъ, бывъ свидѣтемъ онаго. Сдѣлалось страшное смятеніе. Ударили въ набатъ. Марина отчаянная, полунагая, ночью, съ зажженнымъ факеломъ, бѣгала изъ улицы въ улицу, требуя мести—и къ утру не осталось ни единаго татарина живого въ Калугѣ: ихъ всѣхъ, хотя и невинныхъ въ Араслановомъ дѣлѣ, безжалостно умертвили казаки и граждане. Обезглавленный трупъ Лжедимитріевъ съ честію предали землѣ въ соборной церкви, и Марина, въ отчаяніи, не теряя ни ума, ни властолюбія, немедленно объявила себя беременною; немедленно и родила... сына, торжественно крещеннаго и названнаго царевичемъ Іоанномъ, къ живѣйшему удовольствію народа. Готовился новый обманъ; но россіяне чиновные, которые еще находились между послѣдними клевретами Самозванца: князь Дмитрій Трубецкій, Черкасскій, Бутурлинъ, Микулинъ и другіе, уже не хотѣли служить ни срамной вдовѣ двухъ обманщиковъ, ни ея сыну, дѣйствительному или мнимому, цѣловали крестъ государю законному, тому, кто волею Божіею и всенародною утвердится на московскомъ престолѣ; дали знать о семъ Думѣ боярской, овладѣли Калугою и взяли Марину подъ стражу.

Россія, казалось, ждала только сего происшествія, чтобы единодушнымъ движеніемъ явить себя еще не мертвою для чувствъ благородныхъ: любви къ отечеству и къ независимости государственной. Что можетъ народъ, въ крайности уничиженія, безъ вождей смѣлыхъ и рѣшительныхъ? Два мужа, избранные Провидѣніемъ начать великое дѣло... и быть жертвою онаго, бодрствовали за Россію: одинъ старецъ ветхій, но адамантъ церкви и государства—патріархъ Ермогенъ; другой, крѣпкій мышцею и духомъ, стремительный на пути закона и беззаконія—Ляпуновъ рязанскій. Первому надлежало увѣнчать свою добродѣтель, второму—примириться съ добродѣтелію. Ляпуновъ враждовалъ, Ермогенъ усердствовалъ несчастному Шуйскому; новыя бѣдствія оте-

чества согласили ихъ. Оба, уступивъ силѣ, признали Владислава, но съ условіемъ—и не безмолствовали, когда, нарушая договоръ, гетманъ овладѣлъ столицею. Сигизмундъ давалъ указы отъ своего имени и громилъ Смоленскъ, а ляхи злодѣйствовали въ мнимомъ Владиславовомъ царствѣ. Ляпуновъ зналъ все, что дѣлалось въ королевскомъ станѣ, гдѣ находился его братъ, въ числѣ дворянъ, съ Филаретомъ и Голицынымъ. Сей человѣкъ дерзкій и лукавый—известный Захарія, одинъ изъ главныхъ виновниковъ Василіева низверженія, въ личинѣ измѣнника пировалъ съ вельможными панами, грубо смѣялся надъ послами, винилъ ихъ въ упрямствѣ, но обманывалъ ляховъ; наблюдалъ, вывѣдывалъ и тайно сносился съ братомъ, какъ ревностный противникъ Владиславова царствованія. Такъ и нѣкоторые изъ пословъ, свѣтскіе и духовные, лицемѣрно изъявляли доброжелательство къ Сигизмунду и были милостиво уволены имъ въ Москву, обѣщая содѣйствовать въ ней его видамъ: думный дворянинъ Сукинъ, дьякъ Васильевъ, архимандритъ Евфимій и келарь Аврамій; но возвратились единственно для того, чтобы огласить въ столицѣ и въ Россіи вѣроломство гетманово или Сигизмундово. Уже Ермогенъ въ искреннихъ бесѣдахъ съ людьми надежными, Ляпуновъ въ перепискѣ съ духовенствомъ и чиновниками областей, убѣждали ихъ не терпѣть насилія иноплеменниковъ. Убѣжденія дѣйствовали, негодованіе возрастало—и какъ скоро услышали москвитяне о смерти Лжедимитрія, страшилища для ихъ воображенія, то, радуясь и славя Бога, вдругъ заговорили смѣло о необходимости соединиться душами и головами для изгнанія ляховъ. Тщетно Сигизмундъ—уже знавъ, вѣроятно, о гибели Самозванца и лишась предлога оставаться въ Россіи, будто бы для его истребленія—писалъ (отъ 13 декабря) къ боярамъ, что „Владиславъ скоро будетъ въ Москву, а войско королевское идетъ противъ калужскаго злодѣя“: Россія уже не хотѣла Владислава! Дума, въ своемъ отвѣтѣ, благодарила Сигизмунда за милость, требуя, однакожъ, скорости, и прибавляя, что россіяне уже не могутъ терпѣть сиротства, будучи стадомъ безъ пастыря или великимъ звѣремъ безъ головы; но патріархъ, удостовѣренный въ единомысліи добрыхъ гражданъ, объявилъ торжественно, что Владиславу не царствовать, если не крестится въ нашу вѣру и не вышлетъ всѣхъ ляховъ изъ державы московской. Ермогенъ сказалъ,—столица и государство повторили. Уже не довольствовались ропотомъ. Москва, подъ саблею ляховъ, еще не двигалась, ожидая часа; но въ предѣлахъ сосѣдственныхъ блеснули мечи и копья, начали вооружаться. Городъ сносился съ городомъ; писали и наказывали другъ къ другу словесно, что пришло время стать за вѣру и государство. Особенное дѣйствіе имѣли двѣ гра-

моты, всюду разосланныя изъ Москвы: одна къ ея жителямъ отъ уѣздныхъ смолянъ, другая отъ москвитянъ ко всѣмъ россіянамъ. Смоляне писали: „Обольщенные королемъ, мы ему не противились. Что же видимъ? гибель душевную и тѣлесную. Святыя церкви разорены; ближніе наши въ могилѣ или въ узахъ. Хотите ли такой же доли? Вы ждете Владислава и служите ляхамъ, угождая извергамъ Салтыкову и Андронову; но Польша и Литва не уступятъ своего будущаго вѣнценосца вамъ, ославленнымъ измѣнами. Нѣтъ, король и Сеймъ, долго думавъ, рѣшились взять Россію безъ условій, вывести ея лучшихъ гражданъ и господствовать въ ней надъ развалинами. Возстаньте, доколѣ вы еще вмѣстѣ и не въ узахъ; поднимите и другія области, да спасутся души и царство! Знаете, что дѣлается въ Смоленскѣ; тамъ горсть вѣрныхъ стоитъ неуклонно подъ щитомъ Богоматери и разитъ сонмы иноплеменниковъ!“ Москвитяне писали къ братьямъ во всѣ города: „Не слухомъ слышимъ, а глазами видимъ бѣдствіе неизглаголанное. Заклинаемъ васъ именемъ Судіи живыхъ и мертвыхъ: возстаньте и къ намъ спѣшите! Здѣсь корень царства, здѣсь знамя отечества, здѣсь Богоматерь, изображенная евангелистомъ Лукою; здѣсь свѣтильники и хранители церкви, митрополиты Петръ, Алексій, Іона! Извѣстны виновники ужаса, предатели студные: къ счастію, ихъ мало; немногіе идутъ вслѣдъ Салтыкову и Андронову, а за насъ Богъ, и всѣ добрые съ нами, хотя и не явно до времени: святѣйшій патріархъ Ермогенъ, прямой учитель, прямой наставникъ, и всѣ христіане истинные! Дадите ли насъ въ плѣнъ и въ латинство“.—Кромѣ Рязани, Владиміръ, Суздаль, Нижній, Романовъ, Ярославль, Кострома, Вологда ополчились усердно, для избавленія Москвы отъ ляховъ, по мысли Ляпунова и благословенію Ермогена.

Что же сдѣлало такъ называемое правительство, боярская Дума, свѣдавъ о семъ движеніи, признакѣ души и жизни въ государствѣ истерзаномъ? Донесло Сигизмунду на Ляпунова, какъ на мятежника, требуя казни его брата и единомышленника Захаріи; велѣло посламъ Филарету и Голицыну уважать Сигизмундову волю и ѣхать въ Литву къ Владиславу, если такъ будетъ угодно королю; велѣло Шеину впустить ляховъ въ Смоленскъ; выслало даже войско съ княземъ Иваномъ Куракинымъ для усмиренія мнимаго бунта въ Владимірѣ. Но Филаретъ и Голицынъ уже все знали и благопріятствовали великому начинанію Ляпунова; замѣтили, что грамота не скрѣплена патріархомъ, и не хотѣли повиноваться; дали тайно знать и смоленскому воеводѣ, чтобы онъ не исполнялъ указа Думы,—и доблій Шеинъ отвѣтствовалъ королевскимъ панамъ: „Исполните прежде договоръ гетмановъ“; длилъ время въ сношеніяхъ съ ними и ждалъ из-

бавленія, готовый и на славную гибель. Съ другой стороны войско союзныхъ городовъ близъ Владиміра встрѣтило и разбило Куракина. Симъ междоусобнымъ кровопролитіемъ рушилась государственная власть Думы, оттолѣ признаваемая единственно невольною Москвою. Ляпуновъ, остановивъ всѣ доходы казенные и не велѣвъ пускать хлѣба въ столицу, всенародно объявилъ вельможъ синклита богоотступниками, преданными славѣ міра и враждебному Западу, не пастырями, а губителями христіанскаго стада. Таковы, дѣйствительно, были Салтыковъ и клевреты его; не таковы Мстиславскій и другіе, единственно запутанные въ ихъ сѣтяхъ, единственно слабодушные, и съ любовію къ отечеству безъ умѣвія избрать для него лучшее въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ: страшась народныхъ мятежей болѣе, нежели государственнаго уничтоженія, они думали спасти Россію Владиславомъ, вѣрили гетману, вѣрили Сигизмунду—не вѣрили только добродѣтели своего народа, и заслужили его презрѣніе, уступивъ добрую славу тремъ изъ мужей думныхъ, князьямъ Андрею Голицыну, Воротынскому и Засѣкину, которые не таили своего единомыслія съ Ермогеномъ, обличали предательство или заблужденіе другихъ бояръ, и были отданы подъ стражу въ видѣ крамольниковъ.

Уже москвитяне, слыша о ревностномъ возстаніи городовъ, перемѣнились въ обхожденіи съ ляхами: бывъ долго смиренны, начали оказывать неуступчивость, строптивость, духъ враждебный и сварливый, какъ было передъ гибелью Разстриги. Кричали на улицахъ: „Мы по глупости выбрали ляха въ цари, однакожъ не съ тѣмъ, чтобы идти въ неволю къ ляхамъ; время раздѣлаться съ ними!“ Въ грубыхъ насмѣшкахъ давали имъ прозваніе хохловъ, а купцы за все требовали съ нихъ вдвое. Уже начались ссоры и драки. Гонсѣвскій требовалъ отъ своихъ благоразумія, терпѣнія и неусыпности. Они бодрствовали день и ночь, не снимая съ себя доспѣховъ, ни сѣделъ съ коней; ежедневно, три и четыре раза, били тревогу, имѣли вездѣ лазутчиковъ, осматривали на заставахъ возы съ дровами, сѣномъ, хлѣбомъ и находили въ нихъ иногда скрытое оружіе. Высылали конныя дружины на дороги, перехватили тайное письмо изъ Москвы къ областнымъ жителямъ и свѣдали, что они въ заговорѣ съ ними и что патріархъ есть глава его; что мосвитяне надѣются не оставить ни одного ляха живого, какъ скоро увидятъ войско избавителей подъ своими стѣнами. Не взирая на то, Гонсѣвскій еще не смѣлъ употребить средствъ жестокихъ, ни обезоружить стрѣльцовъ и гражданъ, ни свергнуть патріарха; довольствовался угрозами, сказавъ Ермогену, что святость сана не есть право быть возмутителемъ. Болѣе наглости оказали зло-

дѣи россійскіе. Михайло Салтыковъ требовалъ, чтобы Ермогенъ не велѣлъ ополчаться Ляпунову. „Не велю, — отвѣствовалъ патріархъ, — если увижу крещенаго Владислава въ Москвѣ и ляховъ, выходящихъ изъ Россіи; велю, если не будетъ того, и разрѣшаю всѣхъ отъ данной королевичу присяги“. Салтыковъ въ бѣшенствѣ выхватилъ ножъ, Ермогенъ осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ и сказалъ громогласно: „Сіе знаменіе противъ ножа твоего, да взыдетъ вѣчная клятва на главу измѣнника!“ и, взглянувъ на печальнаго Мстиславскаго, промолвилъ тихо: „Твое начало; ты долженъ первый умереть за вѣру и государство; а если плѣнишься козьнями сатанинскими, то Богъ истребитъ корень твой на землѣ живыхъ—и самъ умрешь какою смертію?“ Предсказаніе исполнилось, говоритъ лѣтописецъ, ибо Мстиславскій никакъ не хотѣлъ одобрить народнаго возстанія и писалъ отъ имени синклита грамоту за грамотою къ королю, что обстоятельства ужасны и время дорого; что одна столица еще не измѣняетъ Владиславу, а держава въ безначаліи готова раздѣлиться; что Иванъ-городъ и Псковъ, обольщенные генераломъ Делагарди, желаютъ имѣть царемъ шведскаго принца; что Астрахань и Казань, гдѣ господствуетъ злочестіе Магометово, умышляютъ предаться шаху Аббасу; что области низовыя, степныя, восточныя и сѣверныя до пустынь Сибирскихъ возмущены Ляпуновымъ; но что немедленное прибытіе королевича еще можетъ все исправить, спасти Россію и честь королевскую. Измѣнники же, Салтыковъ и Андроновъ, звали въ Москву не Владислава, а самого короля съ войскомъ, отвѣтствуя ему за успѣхъ, то-есть за порабощеніе Россіи обманомъ и насиліемъ.

Но Сигизмундъ, вопреки настоянію бояръ и даже многихъ польскихъ сенаторовъ, вопреки собственному обѣту, не думалъ отправить сына въ Москву; не думалъ и самъ идти къ ней съ войскомъ, какъ предлагали ему наши измѣнники; сильно, упорно хотѣлъ одного: взять Смоленскъ—и ничего не дѣлалъ; писалъ только указы синклиту уже вмѣстѣ отъ себя и Владислава, именуя его, однакожъ, не царемъ, а просто королевичемъ; увѣрялъ бояръ и всю Россію, что желаетъ ея мира и счастія, умиленный нашими бѣдствіями и будучи ревностнымъ заступникомъ греческаго православія, желаетъ соединить ее съ республикою узами любви и блага общаго подъ нераздѣльнымъ державствомъ своего рода; что виною всего зла есть упрямство Шеина и князя Василія Голицына, не хотящихъ ни Владислава, ни тишины; что до усмиренія Смоленска и нельзя предпринять ничего рѣшительнаго для успокоенія государства. Между тѣмъ, какъ бы уже спокойно властвуя надъ Россіею, Сигизмундъ непрестанно извѣщалъ Думу о своихъ милостяхъ: производилъ дворянъ въ стольники и

бояре, раздавалъ имѣнія, вершилъ дѣла старыя, предписывалъ казнѣ платить долги купцамъ иноземнымъ еще за Іоанна, въ то время, когда указы его были уже ничтожны для Россіи, когда города, одинъ за другимъ, возставали на ляховъ, когда и жители Смоленской области стерегли, истребляли ихъ въ разъѣздахъ; тревожили нападеніями и въ станѣ, откуда многіе россіяне, дотолѣ служивъ королю, уходили служить отечеству: такъ, Иванъ Никитичъ Салтыковъ, пожалованный въ бояре Сигизмундомъ, мнимый доброхотъ его, мнимый противникъ Ермогена, Филарета и Голицына, съ цѣлою дружиною ушелъ къ Ляпунову. Напрасно Гонсѣвскій ждалъ вспоможенія отъ короля: видя необходимость дѣйствовать только собственными силами, онъ выслалъ шайки днѣпровскихъ казаковъ и московскаго измѣнника Исая Сунбулова воевать мѣста рязанскія. Ляпуновъ, имѣя еще мало рати, выгналъ толпы непріятельскія изъ Пронска, но черезъ нѣсколько дней былъ осажденъ ими въ семъ городѣ и спасенъ княземъ Дмитріемъ Пожарскимъ, уже ревностнымъ его сподвижникомъ: обративъ ихъ въ бѣгство и скоро разбивъ на-голову у Зарайска, доблій князь Дмитрій избавилъ вмѣстѣ и Ляпунова отъ плѣна и землю Рязанскую отъ грабежа; блеснулъ новымъ лучомъ славы и, съ чистою душою приставъ къ великому дѣлу, далъ ему новую силу... Казаки бѣжали въ Украйну, предвидя невзгоду злодѣйству, а Сунбуловъ—въ Москву съ худою вѣстію для измѣнниковъ и ляховъ, устрашаемыхъ и возстаніемъ областей, и ножами москвитянъ. Но Гонсѣвскій хвалился презрѣніемъ къ россіянамъ: надѣялся управиться съ боязливою Москвою, вопреки неблагоразумію короля соблюсти ее какъ важное завоеваніе для республики и съ малымъ числомъ удалыхъ воиновъ побѣдить многолюдную сволочь.

Рать Ляпунова и другихъ областныхъ начальниковъ была, дѣйствительно, странною смѣсью воинскихъ и мирныхъ гражданъ съ бродягами и хищниками, коими въ сіи бѣдственныя времена кипѣла Россія и которые искали единственно добычи подъ знаменами силы, законной или беззаконной: грабивъ прежде съ ляхами, они шли тогда на ляховъ, чтобы также грабить и болѣе мѣшать, нежели способствовать добру. Такъ, атаманъ Просовецкій, бывъ клевретомъ и ставъ непріятелемъ Лисовскаго, имѣвъ даже, близъ Пскова, кровопролитную съ нимъ битву, какъ разбойникъ съ разбойникомъ, вдругъ явился въ Суздалѣ, какъ честный слуга Россіи, привелъ къ Ляпунову тысячъ шесть казаковъ и сдѣлался однимъ изъ главныхъ воеводъ народнаго ополченія. Всѣхъ звали въ союзъ, чтобы только умножить число людей. Приняли князя Дмитрія Трубецкого, атамана Заруцкаго и всю остальную дружину тушинскую,—ибо сіи долго упорные мя-

тежники вдругъ воспламенились усердіемъ къ государственной чести, отвергнули указъ московскихъ бояръ, не давъ клятвы въ вѣрности къ Владиславу, и выгнали изъ Калуги посла ихъ, князя Никиту Трубецкаго. Звали и безстыднаго Сапѣгу, который, не хотѣвъ удалиться въ Сѣверскую землю, писалъ изъ Перемышля къ калужанамъ, что онъ служитъ не королю, не королевичу, а вольности,—не слушаетъ бояръ, убѣждающихъ его идти на Ляпунова, и готовъ стоять за независимость Россіи. Чего надлежало ждать и въ святомъ предпріятіи отъ такого несчастнаго состава?—не единства, а раздора и безпорядка. Но кто вѣрилъ таинственной силѣ добра, могъ чаять успѣха благословеннаго, видя, сколь многіе и сколь ревностно шли умирать за отечество сирое, кинувъ домы и семейства. Раздоръ и безпорядокъ долженствовали уступить великодушію!

Около трехъ мѣсяцевъ готовились — и, наконецъ (въ мартѣ) выступили къ Москвѣ: Ляпуновъ изъ Рязани, князь Дмитрій Трубецкій изъ Калуги, Заруцкій изъ Тулы, князь Литвиновъ-Мосальскій и Артемій Измайловъ изъ Владиміра, Просовецкій изъ Суздаля, князь Өедоръ Волконскій изъ Костромы, Иванъ Волынскій изъ Ярославля, князь Козловскій изъ Романова, съ дворянами, дѣтьми боярскими, стрѣльцами, гражданами, земледѣльцами, татарами и казаками; были на пути встрѣчаемы жителями съ хлѣбомъ и солью, иконами и крестами, съ усердными кликами и пальбою; шли бодро, но тихо—и сія, вѣроятно невольная, неминуемая по обстоятельствамъ медленность имѣла для Москвы ужасное слѣдствіе.

Въ то время, когда ея граждане съ нетерпѣніемъ ждали избавителей, бояре, исполняя волю Гонсѣвскаго, въ послѣдній разъ заклинали Ермогена удалить бурю, спасти Россію отъ междоусобія и Москву отъ крайняго бѣдствія: писать къ Ляпунову и сподвижникамъ его, чтобы они шли назадъ и распустили войско. Ты далъ имъ оружіе въ руки,—говорилъ Салтыковъ,—ты можешь и смирить ихъ. „Все смирится, — отвѣтствовалъ патріархъ,— когда ты, измѣнникъ, съ своею Литвою исчезнешь; но въ царственномъ градѣ видя ваше злое господство, въ святыхъ храмахъ кремлевскихъ оглашаясь латинскимъ пѣніемъ (ибо ляхи въ домѣ Годунова устроили себѣ божницу), благословляю достойныхъ вождей христіанскихъ утолить печаль отечества и церкви“. Дерзнули, наконецъ, приставить воинскую стражу къ непреклонному іерарху, не пускали къ нему ни мірянъ, ни духовенства, обходились съ нимъ то жестоко и безчинно, то съ уваженіемъ, опасаясь народа. Въ недѣлю Ваій велѣли или дозволили Ермогену священнодѣйствовать и взяли мѣры для обузданія жителей, которые въ сей день обыкновенно стекались изъ всѣхъ частей города и ближнихъ

селеній въ Китай и Кремль, быть зрителями великолѣпнаго обряда церковнаго. Ляхи и нѣмцы, пѣхота и всадники заняли Красную площадь съ обнаженными саблями, пушками и горящими фитилями. Но улицы были пусты! Патріархъ ѣхалъ между уединенными рядами иновѣрныхъ воиновъ; узду его осляти держалъ, вмѣсто царя, князь Гундуровъ, за коимъ шло нѣсколько бояръ и сановниковъ, унылыхъ, мрачныхъ видомъ. Граждане не выходили изъ домовъ, воображая, что ляхи умышляютъ внезапное кровопролитіе и будутъ стрѣлять въ толпы народа безоружнаго. День прошелъ мирно; также и слѣдующій. Ни Гонсѣвскій, имѣя только 7,000 воиновъ противъ двухъ или трехъ сотъ тысячъ жителей, не хотѣлъ кровопролитія, ни москвитяне. Первый, слыша, что Ляпуновъ и Заруцкій уже недалеко, мыслилъ идти къ нимъ навстрѣчу и разбить ихъ отдѣльно, а москвитяне, готовые къ возстанію, откладывали его до появленія избавителей. Но взаимная злоба вспыхнула, не давъ ни Гонсѣвскому выступить изъ Москвы, ни воеводамъ россійскимъ спасти ее. Кто началъ?—неизвѣстно, но вѣроятнѣе—ляхи, съ досадою терпѣвъ насмѣшки, грубости жителей и думая, что лучше управиться съ ними заблаговременно, нежели поставить себя между ихъ тайно-остримыми ножами и войскомъ городовъ союзныхъ,—наконецъ, удовлетворяя своему алчному корыстолюбію разграбленіемъ богатой столицы. Такъ началось и свершилось ея бѣдствіе ужасное:

19-го марта, во вторникъ Страстной недѣли, въ часъ обѣдни, услышали въ Китаѣ-городѣ тревогу, вопль и стукъ оружія. Гонсѣвскій прискакалъ изъ Кремля, увидѣлъ кровопролитіе между ляхами и россіянами, хотѣлъ остановить, не могъ, и далъ волю первымъ, которые дѣйствовали наступательно, рѣзали купцовъ и грабили лавки; вломились въ домъ къ боярину вѣрному, князю Андрею Голицыну, и безчеловѣчно умертвили его. Жители Китая искали спасенія въ Бѣломъ-городѣ и за Москвою-рѣкою, конные ляхи гнали, топтали, рубили ихъ, но въ Тверскихъ воротахъ были удержаны стрѣльцами. Еще сильнѣйшая битва закипѣла на Срѣтенкѣ: тамъ явился витязь знаменитый, отряженный ли впередъ Ляпуновымъ, или собственною ревностію приведенный одушевить Москву, князь Дмитрій Пожарскій. Онъ кликнулъ доблихъ, устроилъ дружины, снялъ пушки съ башенъ и встрѣтилъ ляховъ ядрами и пулями; отбилъ и втопталъ въ Китай. Иванъ Бутурлинъ въ Яузскихъ воротахъ и Колтовскій за Москвою-рѣкою также стали противъ нихъ съ воинами и народомъ. Бились еще въ улицахъ Тверской, Никитской и Чертольской, на Арбатѣ и Знаменкѣ. Гонсѣвскій подкрѣплялъ своихъ; но число россіянъ несравненно болѣе умножалось: при звукѣ набата старые и малые, вооруженные дрекольемъ и топорами, бѣжали въ пылъ сѣчи, изъ оконъ и съ

кровель разили непріятеля камнями и чурбанами; преграждали улицы столами, лавками, дровами,—стрѣляли изъ-за нихъ и двигали сіе укрѣпленіе впередъ, гдѣ ляхи отступали. Уже москвитяне вездѣ имѣли верхъ, когда приспѣлъ изъ Кремля съ нѣмцами капитанъ Маржеретъ, вѣрный слуга Годунова и Разстриги, изгнанный Шуйскимъ и принятый гетманомъ въ королевскую службу. Торгуя вѣрностію и жизнію, сей честный наемникъ ободрилъ ляховъ неустрашимостію и, нѣкогда ливъ кровь свою за россіянъ, жадно облился ихъ кровію. Битва снова сдѣлалась упорною; многолюдство, однакожъ, преодолѣвало, и москвитяне тѣснили непріятеля къ Кремлю, его послѣдней оградѣ и надеждѣ. Тутъ, въ часъ рѣшительный, услышали голосъ: „огня! огня!“ и первый вспыхнулъ въ Бѣломъ-городѣ домъ Михайла Салтыкова, зажженный собственною рукою хозяина: гнусный измѣнникъ уже не могъ имѣть жилища въ столицѣ отечества, имъ преданнаго иноплеменнику! Зажгли и въ другихъ мѣстахъ: сильный вѣтеръ раздувалъ пламя въ лицо москвитянамъ, съ густымъ дымомъ, несноснымъ жаромъ, въ улицахъ тѣсныхъ. Многіе кинулись тушить, спасать домы: битва ослабѣла и ночь прекратила ее, къ счастію изнуреннаго непріятеля, который удержался въ Китаѣ-городѣ, опираясь на Кремль. Тамъ все затихло; но другія части Москвы представляли шумное смятеніе. Бѣлый городъ пылалъ; набатъ гремѣлъ безъ умолку; жители съ воплемъ гасили огонь, или бѣгали, искали, кликали женъ и дѣтей, забытыхъ въ часы жаркаго боя. Послѣ такого дня и предвидя такой же, никто не думалъ успокоиться.

Ляхи въ пустыхъ домахъ Китая-города, среди труповъ, отдыхали; а въ Кремлѣ, при свѣтѣ зарева, бодрствовали и разсуждали вожди ихъ, что дѣлать? Тамъ еще находилось мнимое правительство россійское съ знатнѣйшими сановниками, воинскими и гражданскими, ужасаясь мысли желать побѣды иноплеменникамъ, дымящимся кровію москвитянъ, но малодушно боясь и мести своего народа, или не вѣря успѣху возстанія. Мстиславскій и другіе легкоумные вельможи, упорные въ вѣрности къ Владиславу, были въ изумленіи и бездѣйствіи. Тѣмъ ревностнѣе дѣйствовали измѣнники ожесточенные: прервавъ навѣки связь съ отечествомъ, заслуживъ его ненависть и клятву церковную, пылая адскою злобою и жаждою губительства, они сидѣли въ сей ночной Думѣ ляховъ и совѣтовали имъ разрушить Москву для ихъ спасенія. Гонсѣвскій принялъ совѣтъ—и въ слѣдующее утро 2.000 нѣмцевъ съ отрядомъ коннымъ вышли изъ Кремля и Китая въ Бѣлый-городъ и къ Москвѣ-рѣкѣ, зажгли въ разныхъ мѣстахъ домы, церкви, монастыри и гнали народъ изъ улицы въ улицу не столько оружіемъ, сколько пламенемъ. Въ сей самый часъ прискакали къ стѣнамъ уже пылаю-

щаго Деревяннаго города отъ Ляпунова воеводы Иванъ Плещеевъ, изъ Можайска королевскій полковникъ Струсь, каждый для вспоможенія своимъ, оба съ легкими дружинами, равными въ силахъ, не въ мужествѣ. Ляхи напали, россіяне обратили тылъ—и вождь первыхъ, кликнувъ: „За мною, храбрые!“ сквозь пылъ и трескъ деревянныхъ падающихъ стѣнъ вринулся въ городъ, гдѣ жители, осыпаемые искрами и головнями, задыхаясь отъ жара и дыма, уже не хотѣли сражаться за пепелище: бѣжали во всѣ стороны, на коняхъ и пѣшіе, не съ богатствомъ, а только съ семействами. Нѣсколько сотъ тысячъ людей вдругъ разсыпалось по дорогамъ къ лаврѣ, Владиміру, Коломнѣ, Тулѣ; шли и безъ дорогъ, вязли въ снѣгу, еще глубокомъ; цѣпенѣли отъ сильнаго, холоднаго вѣтра; смотрѣли на горящую Москву и вопили, думая, что съ нею исчезаетъ и Россія! Нѣкоторые засѣли въ крѣпкой Симоновской обители, ждать избавителей. Но оставленная народомъ и войскомъ въ жертву огню и ляхамъ, Москва еще имѣла ратоборца: князь Дмитрій Пожарскій еще стоялъ твердо въ облакахъ дыма, между Срѣтенкою и Мясницкою, въ укрѣпленіи, имъ сдѣланномъ, бился съ ляхами и долго не давалъ имъ жечь за каменною городскою стѣною; не берегъ себя отъ пуль и мечей, изнемогъ отъ ранъ и палъ на землю. Вѣрные ему до конца немногіе сподвижники взяли и спасли будущаго спасителя Россіи,—отвезли въ лавру. До самой ночи уже безпрепятственно губивъ огнемъ столицу, ляхи съ гордостію побѣдителей возвратились въ Китай и Кремль, любоваться зрѣлищемъ, ими произведеннымъ—бурнымъ пламеннымъ моремъ, которое, развиваясь вокругъ ихъ, обѣщало имъ безопасность, какъ они думали, не заботясь о дальнѣйшихъ, вѣковыхъ слѣдствіяхъ такого дѣла и презирая месть россіянъ!

Москва пустая горѣла двое сутокъ. Гдѣ угасалъ огонь, тамъ ляхи, выѣзжая изъ Китая, снова зажигали, въ Бѣломъ-городѣ, въ Деревянномъ и въ предмѣстіяхъ. Наконецъ, вездѣ утихло пламя, ибо все сдѣлалось пепломъ, среди коего возвышались только черныя стѣны, церкви и погреба каменные. Сія громада золы, въ окружности на двадцать верстъ или болѣе, курилась еще нѣсколько дней, такъ что ляхи въ Китаѣ и Кремлѣ, дыша смрадомъ, жили какъ въ туманѣ, но ликовали: грабили казну царскую, взяли всю утварь нашихъ древнихъ вѣнценосцевъ, ихъ короны, жезлы, сосуды, одежды богатыя, чтобы послать къ Сигизмунду, или употребить вмѣсто денегъ на жалованье войску; сносили добычу, найденную въ гостиномъ дворѣ, въ жилищахъ купцовъ и людей знатныхъ, сдирали съ иконъ оклады, дѣлили на равныя части золото, серебро, жемчугъ, камни и ткани драгоцѣнныя, съ презрѣніемъ кидая мѣдь, олово, холсты, сукна;

рядились въ бархаты и штофы; пили изъ бочекъ венгерское и мальвазію. Изобиловали всѣмъ роскошнымъ, не имѣя только нужнаго—хлѣба! Бражничали, играли въ зернь и въ карты, распутствовали, и пьяные рѣзали другъ друга!.. А россіяне, ихъ клевреты гнусные или невольники малодушные, праздновали въ Кремлѣ Свѣтлое Воскресенье и молились за царя Владислава, съ іерархомъ достойнымъ такой паствы—Игнатіемъ, угодникомъ Разстригинымъ, коего вывели изъ Чудовской обители, гдѣ онъ пять лѣтъ жилъ опальнымъ инокомъ, и снова назвали патріархомъ, свергнувъ и заключивъ Ермогена на Кирилловскомъ подворьѣ. Сей мужъ безсмертный, одинъ среди враговъ неистовыхъ и россіянъ презрительныхъ—между памятниками нашей славы въ оградѣ священной для вѣковъ могилами Димитрія Донского, Іоанна III, Михаила Шуйскаго—въ темной келіи сіялъ добродѣтелію какъ лучезарное свѣтило отечества, готовое угаснуть, но уже воспламенивъ въ немъ жизнь и ревность къ великому дѣлу!

ГЛАВА V.

Междуцарствіе.

1611—1612 Г.

Слѣдствіе сожженія Москвы. — Поляки осаждены. — Твердость Ермогена.— Избраніе главныхъ военачальниковъ.—Дѣйствія Сапѣги.—Приступъ къ Китаю-городу.—Послы московскіе отправлены въ Литву.—Взятіе Смоленска.— Шуйскіе въ Варшавѣ.—Умыселъ Заруцкаго и Марины.—Уставная грамота.— Виды Ляпунова.—Дѣла съ шведами.—Новгородъ взятъ генераломъ Делагарди.—Договоръ шведовъ съ Новгородомъ.—Мятежъ въ войскѣ генерала Делагарди.—Убіеніе Ляпунова.—Послѣдствія.—Состояніе Россіи . . . .

Вѣсть о бѣдствіи Москвы, распространивъ ужасъ, дала и новую силу народному движенію. Ревностные иноки лавры, едва услышавъ, что̀ дѣлается въ столицѣ, послали къ ней всѣхъ ратныхъ людей монастырскихъ, написали умилительныя грамоты къ областнымъ воеводамъ и заклинали ихъ угасить ея дымящійся пепелъ кровію измѣнниковъ и ляховъ. Воеводы уже не медлили и шли впередъ, на каждомъ шагу встрѣчая толпы бѣгущихъ москвитянъ, которые, съ воплемъ о мести, примыкали къ войску, поручая женъ и дѣтей своихъ великодушію народа. 25-го марта ляхи увидѣли на владимірской дорогѣ легкій отрядъ россіянъ, казаковъ атамана Просовецкаго; напали—и возвратились, хвалясь

побѣдою. Въ слѣдующій день пришелъ Ляпуновъ отъ Коломны, Заруцкій отъ Тулы; соединились съ другими воеводами близъ обители Угрѣшской, и 28 марта двинулись къ пепелищу московскому. Непріятель, встрѣтивъ ихъ за Яузскими воротами, скоро отступилъ къ Китаю и Кремлю, гдѣ россіяне, числомъ не менѣе ста тысячъ, но безъ устройства и взаимной довѣренности, осадили шесть или семь тысячъ храбрецовъ иноземныхъ, исполненныхъ къ нимъ презрѣнія. Ляпуновъ сталъ на берегу Яузы, князь Дмитрій Трубецкій съ атаманомъ Заруцкимъ противъ Воронцовскаго поля, ярославское и костромское ополченіе у воротъ Покровскихъ, Измайловъ у Срѣтенскихъ, князь Литвиновъ-Мосальскій у Тверскихъ, внутри обожженныхъ стѣнъ Бѣлаго - города. Тутъ прибылъ къ войску келарь Аврамій съ святою водою отъ лавры оживить сердца ревностію, укрѣпить мужествомъ. Тутъ на завоеванныхъ кучахъ пепла, водрузивъ знамена, воины и воеводы, съ торжественными обрядами, дали клятву не чтить ни Владислава царемъ, ни бояръ московскихъ правителями, служить церкви и государству до избранія государя новаго, не крамольствовать ни дѣломъ, ни словомъ, — блюсти законъ, тишину и братство, ненавидѣть единственно враговъ отечества, злодѣевъ, измѣнниковъ и сражаться съ ними усердно.

Битвы началися. Дѣлая вылазки, осажденные дивились несмѣтности россіянъ и еще болѣе умнымъ распоряженіемъ ихъ вождей— то-есть Ляпунова, который въ битвѣ 6 апрѣля стяжалъ имя львообразнаго стратига: его звучнымъ голосомъ и примѣромъ одушевляемые россіяне кидались пѣшіе на всадниковъ, рѣзались человѣкъ съ человѣкомъ и, втѣснивъ непріятеля въ крѣпость, ночью заняли берегъ Москвы-рѣки и Неглинной. Ляхи тщетно хотѣли выгнать ихъ оттуда; нападали конные и пѣшіе, имѣли выгоды и невыгоды въ ежедневныхъ схваткахъ, но видѣли уменьшеніе только своихъ: во многолюдствѣ осаждающихъ уронъ былъ незамѣтенъ. Россіяне надѣялись на время; ляхи страшились времени, скудные людьми и хлѣбомъ. Гонсѣвскій желалъ прекратить безполезныя вылазки, но сражался иногда невольно, для спасенія кормовщиковъ, высылаемыхъ имъ тайно, ночью въ окрестныя деревни; сражался и для того, чтобы имѣть плѣнниковъ для размѣна. Извѣстивъ короля о сожженіи Москвы и приступѣ россіянъ къ ея пепелищу, онъ требовалъ скораго вспоможенія, ободрялъ товарищей, совѣтовался съ гнуснымъ Салтыковымъ—и еще испыталъ силу души Ермогеновой. Къ старцу ветхому, изнуренному добровольнымъ постомъ и тѣснымъ заключеніемъ, приходили наши измѣнники и самъ Гонсѣвскій съ увѣщаніями и съ угрозами: хотѣли, чтобы онъ велѣлъ Ляпунову и сподвижникамъ его удалиться. Отвѣтъ Ермогеновъ былъ тотъ же: „Пусть удалятся ляхи!“. Грозили ему злою смертію: ста-

рецъ указывалъ имъ на небо, говоря: „Боюся Единаго, тамъ живущаго!“ Невидимый для добрыхъ россіянъ, великій іерархъ сообщался съ ними молитвою; слышалъ звукъ битвъ за свободу отечества и тайно, изъ глубины сердца, пылающаго неугасимымъ огнемъ добродѣтели, слалъ благословеніе вѣрнымъ подвижникамъ!

Къ несчастію, между сими подвижниками господствовало несогласіе: воеводы не слушались другъ друга, и ратныя дѣйствія, безъ общей цѣли, единства и связи, не могли имѣть и важнаго успѣха. Рѣшились торжественно избрать начальника, но вмѣсто одного выбрали трехъ: вѣрные—Ляпунова, чиновные мятежники тушинскіе—князя Дмитрія Трубецкаго, грабители-казаки—атамана Заруцкаго, чтобы такимъ зловѣщимъ выборомъ утвердить мнимый союзъ россіянъ добрыхъ съ измѣнниками и разбойниками, коихъ находилось множество въ войскѣ. Трубецкой, сверхъ знатности, имѣлъ, по крайней мѣрѣ, умъ стратига и нѣкоторыя еще благородныя свойства, усердствуя оказать себя достойнымъ высокаго сана; Заруцкій же, вмѣстѣ съ нимъ выслуживъ боярство въ Тушинѣ, имѣлъ одну смѣлую предпріимчивость для удовлетворенія своимъ гнуснымъ страстямъ, не зная ничего святого, ни Бога, ни отечества. Сіи ратные тріумвиры сдѣлались и государственными, ибо войско представляло Россію. Они писали указы въ города, требуя запасовъ и денегъ еще болѣе, нежели людей: города повиновались, многолѣтствовали въ церквахъ благовѣрнымъ князьямъ и боярамъ, а въ своихъ донесеніяхъ били челомъ синклиту великаго Россійскаго государства, и давали что могли. Казань, стыдясь своего заблужденія, снова присоединилась къ отечеству, цѣловала крестъ быть въ любви, въ единодушіи со своею землею и выслала дружины къ Москвѣ; области Низовыя и Поморскія также. Пришли и смоленскіе уѣздные дворяне и дѣти боярскіе, бѣжавъ отъ Сигизмунда. Ляхи гнались за ними, и многихъ изъ нихъ умертвили, какъ измѣнниковъ; остальные тѣмъ ревностнѣе желали участвовать въ народномъ подвигѣ россіянъ. Пришелъ и Сапѣга съ своими шайками и занялъ Поклонную гору, объявляя себя другомъ Россіи. Ему не вѣрили; предложенія его выслушали, но отвергнули. Атаманъ разбойниковъ, осыпанный пепломъ нашихъ городовъ, утучненный нашею кровію, хотѣлъ, какъ пишутъ, вѣнца Мономахова; вѣроятнѣе, что онъ хотѣлъ милліоновъ, предлагая свои услуги. Не обольстивъ россіянъ, Сапѣга ударилъ на часть ихъ стана противъ Лужниковъ; отбитый, напалъ съ другой стороны, близъ Тверскихъ воротъ, не могъ одолѣть многолюдства и, по совѣту Гонсѣвскаго, взявъ отъ него 1,500 ляховъ въ сподвижники и князя Григорія Ромодановскаго въ путеводители, удалился къ Переславлю, чтобы грабить внутри Россіи и тревожить осаждающихъ. Вслѣдъ за нимъ Ляпуновъ отрядилъ нѣсколько легкихъ

дружинъ; Сапѣга разбилъ ихъ въ Александровской слободѣ, осадилъ Переславль, жегъ, злодѣйствовалъ, гдѣ хотѣлъ—и россіяне московскаго стана, видя за собою дымъ пылающихъ селеній, вдругъ услышали, въ Китаѣ и Кремлѣ, необыкновенный шумъ, громкія восклицанія, звонъ колоколовъ, стрѣльбу изъ пушекъ и ружей: ждали вылазки; но узнали, что ляхи только веселились и праздновали счастливую вѣсть о скоромъ прибытіи къ нимъ гетмана съ сильнымъ войскомъ—вѣсть еще несправедливую, которая, однакожъ, рѣшила Ляпунова и товарищей его не медлить. Они изготовились въ тишинѣ, и за часъ до разсвѣта (22 мая), приступивъ къ Китаю-городу, взяли одну башню, гдѣ находилось 400 ляховъ. Мѣсто было важно: россіяне могли оттуда громить пушками внутренность Китая. Госѣвскій избралъ смѣлыхъ и велѣлъ имъ, чего бы то ни стало, вырвать сію башню изъ рукъ непріятеля. Съ обнаженными саблями, подъ картечью, ляхи шли къ ней узкою стѣною, человѣкъ за человѣкомъ; кинулись на пушки, рубили, выгнали россіянъ и мужественно отбили всѣ ихъ новые приступы. Въ другихъ мѣстахъ Ляпуновъ, вездѣ первый, и Трубецкій имѣли болѣе успѣха: очистили весь Бѣлый-городъ, взяли укрѣпленія на Козьемъ болотѣ, башни Никитскую, Алексѣевскую, ворота Тресвятскія, Чертольскія, Арбатскія, вездѣ послѣ жаркаго кровопролитія. Чрезъ пять дней сдался имъ и Дѣвичій монастырь съ двумя ротами ляховъ и пятью стами нѣмцевъ. Въ то же время россіяне сдѣлали укрѣпленія за Москвою-рѣкою, стрѣляли изъ нихъ въ Кремль и препятствовали сношенію осажденныхъ съ Сигизмундомъ, отъ коего Госѣвскій, стѣсненный, изнуряемый, съ малымъ числомъ людей и безъ хлѣба, ждалъ избавленія.

Но король все еще думалъ только о Смоленскѣ. Донесеніе Госѣвскаго о сожженіи Москвы и наступательномъ дѣйствіи многочисленнаго россійскаго войска, полученное Сигизмундомъ вмѣстѣ съ трофеями (или съ частью разграбленной ляхами утвари и казны царской), не перемѣнило его мыслей. Паны въ новой бесѣдѣ съ Филаретомъ и Голицынымъ (8 апрѣля), жалѣя о несчастіи столицы, слѣдствіи ея мятежнаго духа, спрашивали ихъ мнѣнія о лучшемъ способѣ изгладить зло. Съ слезами отвѣтствовалъ митрополитъ: „Уже не знаемъ! Вы легко могли предупредить сіе зло; исправить едва ли можете“. Послы соглашались, однакожъ, писать къ Ермогену, боярамъ и войску объ унятіи кровопролитія, если Сигизмундъ обяжется немедленно выступить изъ Россіи, чего онъ никакъ не хотѣлъ, упорно требуя Смоленска, и въ гнѣвѣ велѣлъ имъ, наконецъ, готовиться къ ссылкѣ въ Литву. „Ни ссылки, ни Литвы не боимся,—сказалъ умный дьякъ Луговскій:—но дѣлами насилія достигнете ли желаемаго?“ Угроза совершилась: вопреки всему священному для государей и народовъ, взяли пословъ, еще

мало: ограбили ихъ какъ въ темномъ лѣсу или въ вертепѣ разбойниковъ, отдали воинамъ, повезли въ ладьяхъ къ Кіеву, безчестили, срамили мужей, винимыхъ только въ добродѣтели, въ ревности ко благу отечества и къ исполненію государственныхъ условій! Одинъ изъ ляховъ еще стыдился за короля, республику и самого себя—Жалкѣвскій. Сигизмундъ предлагалъ ему главное начальство въ Москвѣ и въ Россіи. „Поздно!“ отвѣтствовалъ гетманъ и съ негодованіемъ удалился въ свои мѣстности, мимо коихъ везли Филарета и Голицына. Онъ прислалъ къ нимъ, въ знакъ уваженія и ласки, спросить о здоровьѣ. Знаменитые страдальцы написали къ Жолкѣвскому: „Вспомни крѣстное цѣлованіе; вспомни душу! Въ чемъ клялся ты Московскому государству? и что дѣлается? Есть Богъ и вѣчное правосудіе!“

Не страшась сего правосудія, король въ письмахъ къ боярамъ московскимъ хвалился своею милостію къ Россіи, благодарилъ за ихъ вѣрность и непричастіе къ бунту Ермогена и Ляпунова, обѣщалъ скорое усмиреніе всѣхъ мятежей, а Госѣвскому скорое избавленіе, дозволяя ему употреблять на жалованье войску не только сокровища царскія, но и все имѣніе богатыхъ москвитянъ—и возобновилъ приступы къ Смоленску, снова неудачные. Шеинъ, воины его и граждане оказывали болѣе нежели храбрость: истинное геройство, безбоязненность неизмѣнную, хладнокровную нечувствительность къ ужасу и страданію, рѣшительность терпѣть до конца, умереть, а не сдаться. Уже двадцать мѣсяцевъ продолжалась осада: запасы, силы, все истощилось, кромѣ великодушія; все сносили безмолвно, не жалуясь, въ тишинѣ и повиновеніи, львы для враговъ, агнцы для начальниковъ. Осталась едва пятая доля защитниковъ; не столько отъ ядеръ, пуль и сабель непріятельскихъ, сколько отъ трудовъ и болѣзней; смертоносная цынга, произведенная недостаткомъ въ соли и въ уксусѣ, довершила бѣдствіе—но еще сражались. Еще ляхи имѣли нужду въ злодѣйской измѣнѣ, чтобы овладѣть городомъ: бѣглецъ смоленскій, Андрей Дедишинъ, указалъ имъ слабое мѣсто крѣпости: новую стѣну, дѣланную въ осень на-скоро и непрочно. Сію стѣну безпрестанною пальбою обрушили—и въ полночь (3 іюня) ляхи вломились въ крѣпость, тутъ и въ другихъ мѣстахъ, оставленныхъ малочисленными россіянами для защиты пролома. Бились долго въ развалинахъ, на стѣнахъ, въ улицахъ, при звукѣ всѣхъ колоколовъ и святомъ пѣніи въ церквахъ, гдѣ жены и старцы молились, Ляхи, вездѣ одолѣвая, стремились къ главному храму Богоматери, гдѣ заперлися многіе изъ гражданъ и купцовъ съ ихъ семействами, богатствомъ и пороховою казною. Уже не было спасенія: россіяне зажгли порохъ и взлетѣли на воздухъ съ дѣтьми, имѣніемъ и славою! Отъ страшнаго взрыва, грома и треска непріятель оцѣпе-

вѣлъ, забывъ на время свою побѣду, и съ равнымъ ужасомъ видя весь городъ въ огнѣ, въ который жители бросали все, что имѣли драгоцѣннаго, и сами съ женами бросались, чтобы оставить непрiятелю только пепелъ, а любезному отечеству примѣръ добродѣтели. На улицахъ и площадяхъ лежали груды тѣлъ сожженныхъ. Смоленскъ явился новымъ Сагунтомъ, и не Польша, но Россiя могла торжествовать сей день, великiй въ ея лѣтописяхъ.

Еще одинъ воинъ стоялъ на высокой башнѣ съ мечомъ окровавленнымъ и противился ляхамъ—доблiй Шеинъ. Онъ хотѣлъ смерти, но предъ нимъ плакали жена, юная дочь, сынъ малолѣтнiй: тронутый ихъ слезами, Шеинъ объявилъ, что сдается вождю ляховъ—и сдался Потоцкому. Вѣрить ли лѣтописцу, что сего героя оковали цѣпями въ станѣ королевскомъ и пытали, довѣдываясь о казнѣ смоленской, будто бы имъ сокрытой? Король взялъ къ себѣ его сына, жену и дочь отдалъ Льву Сапѣгѣ, самого Шеина послалъ въ Литву узникомъ. Плѣнниками были еще архiепископъ Сергiй, воевода князь Горчаковъ и 300 или 400 дѣтей боярскихъ. Во время осады изгибло въ городѣ, какъ увѣряютъ, не менѣе семидесяти тысячъ людей; она дорого стоила и ляхамъ; едва третья доля королевской рати осталась въ живыхъ, огнемъ лишенная добычи, а съ нею и ревности къ дальнѣйшимъ подвигамъ, такъ что, слушая торжественное благодаренiе Сигизмундово за ея великое дѣло и новые щедрые обѣты его, воины смѣялись, столько разъ манимые наградами и столько разъ обманутые. Но Сигизмундъ восхищался своимъ блестящимъ успѣхомъ; далъ Потоцкому грамоту на староство каменецкое, три дня угощалъ сподвижниковъ, велѣлъ изобразить на медаляхъ завоеванiе Смоленска и съ гордостью извѣстилъ о томъ бояръ московскихъ, которые отвѣтствовали, что, сѣтуя о гибели единокровныхъ братьевъ, радуются его побѣдѣ надъ непослушными и славятъ Бога! Торжество еще разительнѣйшее ожидало Сигизмунда, но уже не въ Россiи.

Историки польскiе, строго осуждая его неблагоразумiе въ семъ случаѣ, пишутъ, что если бы онъ, взявъ Смоленскъ, немедленно устремился къ Москвѣ, то войско осаждающихъ, видя съ одной стороны наступленiе короля, съ другой—смѣлаго витязя Сапѣгу, а передъ собою неодолимаго Госѣвскаго, разсѣялось бы въ ужасѣ, какъ стадо овецъ; что король вошелъ бы побѣдителемъ въ Москву, съ Думою боярскою умирилъ бы государство, или, давъ ему Владислава, или присоединивъ оное къ республикѣ, и возвратился бы въ Варшаву завоевателемъ не одного Смоленска, но цѣлой державы Россiйской. Заключенiе едва ли справедливое: ибо тысячъ пять усталыхъ воиновъ, съ королемъ мало уважаемымъ ляхами и ненавидимымъ россiянами, не сдѣлали бы, вѣроятно, болѣе того, что сдѣлалъ послѣ новый его военачальникъ, какъ уви-

димъ: не перемѣнило бы судьбы, назначенной Провидѣніемъ для Россіи.

Сей военачальникъ гетманъ литовскій Ходкевичъ, знаменитый опытностью и мужествомъ, дотолѣ дѣйствовавъ съ успѣхомъ противъ шведовъ, былъ вызванъ изъ Ливоніи, чтобы идти съ войскомъ къ Москвѣ вмѣсто Сигизмунда, который нетерпѣливо желалъ успокоиться на лаврахъ, и немедленно уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ сенатъ и народъ съ веселіемъ привѣтствовали въ немъ героя. Но блестящее торжество для него и республики совершилось въ день достопамятный, когда Жолкѣвскій явился въ столицѣ съ своимъ державнымъ плѣнникомъ, несчастнымъ Шуйскимъ. Сіе зрѣлище, данное тщеславіемъ тщеславію, надмевало ляховъ отъ монарха до послѣдняго шляхтича, и было, какъ они думали, несомнительнымъ знакомъ ихъ уже рѣшеннаго первенства надъ ними, концомъ долговременнаго боренія между двумя великими народами славянскими. Утромъ (19 октября), при несмѣтномъ стеченіи любопытныхъ, гетманъ ѣхалъ Краковскимъ предмѣстіемъ ко дворцу, съ дружиною благородныхъ всадниковъ, съ вельможами коронными литовскими, въ шестидесяти каретахъ; за ними, въ открытой богатой колесницѣ, на шести бѣлыхъ аргамакахъ, Василій, въ парчевой одеждѣ и въ черной лисьей шапкѣ, съ двумя братьями, князьями Шуйскими, и съ капитаномъ гвардіи; далѣе Шеинъ, архіепископъ Сергій и другіе смоленскіе плѣнники въ особенныхъ каретахъ. Король ждалъ ихъ во дворцѣ, сидя на тронѣ, окруженный сенаторами и чиновниками, въ глубокой тишинѣ. Гетманъ ввелъ царя-невольника и представилъ Сигизмунду. Лицо Василія изображало печаль, безъ стыда и робости; онъ держалъ шапку въ рукѣ и легкимъ наклоненіемъ головы привѣтствовалъ Сигизмунда. Всѣ взоры были устремлены на сверженнаго монарха, съ живѣйшимъ любопытствомъ и наслажденіемъ: мысль о превратностяхъ рока и жалость къ злосчастію не мѣшала восторгу ляховъ. Продолжалось молчаніе. Василій также внимательно смотрѣлъ на лица вельможъ польскихъ, какъ бы искалъ знакомыхъ между ими, и нашелъ: отца Маринина, имъ спасеннаго отъ ужасной смерти и въ сію минуту счастливаго его бѣдствіемъ! Наконецъ, гетманъ прервалъ безмолвіе высокопарною рѣчью, не весьма искреннею и скромною: „дивился въ ней разительнымъ перемѣнамъ въ судьбѣ государствъ и счастію Сигизмунда; хвалилъ его мужество и твердость въ обстоятельствахъ трудныхъ; славилъ завоеваніе Смоленска и Москвы; указывалъ на царя, преемника великихъ самодержцевъ, еще недавно ужасныхъ для республики и всѣхъ государей сосѣдственныхъ, даже султана и почти цѣлаго міра; указывалъ и на Дмитрія Шуйскаго, предводителя ста осьмидесяти тысячъ воиновъ храбрыхъ; исчислялъ царства, княженія, области,

народы и богатство, коими владѣли сіи плѣнники, всего лишенные умомъ Сигизмундовымъ, взятые, повергаемые къ ногамъ королевскимъ... Тутъ (пишутъ ляхи) Василій, кланяясь Сигизмунду, опустилъ правую руку до земли и приложилъ себѣ къ устамъ, Дмитрій Шуйскій ударилъ челомъ въ землю, а князь Иванъ три раза и заливаясь слезами. Гетманъ поручалъ ихъ Сигизмундову великодушію; доказывалъ исторіею, что и самые знаменитѣйшіе вѣнценосцы не могутъ назваться счастливыми до конца своей жизни, и ходатайствовалъ за несчастныхъ".

Великодушіе Сигизмунда состояло въ обузданіи мстительныхъ друзей воеводы Сендомирскаго, которые пылали нетерпѣніемъ сказать торжественно Василію, что „онъ не царь, а злодѣй, и недостоинъ милосердія, измѣнивъ Димитрію, упоивъ стогны московскія кровію благородныхъ ляховъ, обезчестивъ пословъ королевскихъ, вѣнчанную Марину, ея вельможнаго отца, и въ бѣдствіи, въ неволѣ дерзая быть гордымъ, упрямымъ, какъ бы въ посмѣяніе надъ судьбою", — упрекъ достохвальный для царя злополучнаго и несогласный съ извѣстіемъ о мнимомъ уничиженіи его предъ королемъ!—Насытивъ глаза и сердце зрѣлищемъ лестнымъ для народнаго самолюбія, послали Василія въ Гостинскій замокъ, близъ Варшавы, гдѣ онъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (12 сентября 1612) кончилъ жизнь бѣдственную, но не безславную, гдѣ умерли и его братья, менѣе твердые въ уничиженіи и въ неволѣ. Чтобы увѣковѣчить свое торжество, Сигизмундъ воздвигнулъ мраморный памятникъ надъ могилою Василія и князя Дмитрія въ Варшавѣ, въ предмѣстіи Краковскомъ, въ новой часовнѣ у церкви Креста Господня, съ слѣдующею надписью: „Во славу Царя царей, одержавъ побѣду въ Клушинѣ, занявъ Москву, возвративъ Смоленскъ республикѣ, плѣнивъ великаго князя московскаго Василія, съ братомъ его княземъ Дмитріемъ, главнымъ воеводою россійскимъ, король Сигизмундъ, по ихъ смерти, велѣлъ здѣсь честно схоронить тѣла ихъ, не забывая общей судьбы человѣческой, и въ доказательство, что во дни его царствованія не лишались погребенія и враги, вѣнценосцы беззаконные!"—Во времена лучшія для Россіи, въ государствованіе Михаила, Польша должна была отдать ей кости Шуйскихъ; во времена еще славнѣйшія, въ государствованіе Петра Великаго, отдала сему ревностному заступнику Августа II и другой памятникъ нашей невзгоды: картину взятія Смоленска и Василіева позора въ неволѣ, писанную искуснымъ художникомъ Долабеллою. Рукою могущества стерты знаменія слабости!

Еще имѣя нѣкоторый стыдъ, король не явилъ Филарета, Голицына и Мезецкаго въ видѣ плѣнниковъ въ Варшавѣ: ихъ, вмѣстѣ съ Шеинымъ, томили въ неволѣ девять лѣтъ, славныхъ

особенно для Филаретовой добродѣтели, ибо не только литовскіе единовѣрцы наши, но и вельможи польскіе, дивясь его твердости, разуму, великодушію, оказывали искреннее къ нему уваженіе. Онъ дожилъ, къ счастію, до свободы; дожилъ и знаменитый Шеинъ, къ несчастію своему и къ горести Россіи!

Между тѣмъ, не взирая на паденіе Смоленска, на торжество Сигизмундово и важныя приготовленія гетмана Ходкевича, воеводы московскаго стана имѣли время и способъ одолѣть упорную защиту Госѣвскаго, если бы они дѣйствовали съ единодушною ревностію; но съ Ляпуновымъ и Трубецкимъ сидѣлъ въ совѣтѣ, начальствовалъ въ битвахъ, дѣлилъ власть государственную и воинскую... злодѣй, коего умыселъ гнусный уже не былъ тайною. Атаманъ Заруцкій, сильный числомъ и дерзостію своихъ казаковъ-разбойниковъ, алчный, ненасытный въ любостяжаніи, пользуясь смутными обстоятельствами, не только хваталъ все, что могъ, цѣлые города и волости себѣ въ добычу — не только давалъ казакамъ опустошать селенія, жить грабежомъ, какъ бы въ землѣ непріятельской, и плавалъ съ ними въ изобиліи, когда другіе воины едва не умирали съ голоду въ станѣ, — но мыслилъ схватить и царство! Марина была въ рукахъ его; тщетно писавъ изъ Калуги жалобныя грамоты къ Сапѣгѣ, чтобы онъ спасъ ея честь и жизнь отъ свирѣпыхъ россіянъ, сія безстыдная кинулась въ объятія казака, съ условіемъ, чтобы Заруцкій возвелъ на престолъ Лжедимитріева сына-младенца и, въ качествѣ правителя, властвовалъ съ нею! Что нелѣпое и безумное могло казаться тогда несбыточнымъ въ Россіи? Лицемѣрно приставъ къ Трубецкому и Ляпунову, взявъ подъ надзоръ Марину, переведенную въ Коломну, имѣя дружелюбныя сношенія и съ Госѣвскимъ, обманывая россіянъ и ляховъ, Заруцкій умножалъ свои шайки прелестію добычи, искалъ единомышленниковъ, въ пользу лжецаревича Іоанна между людьми чиновными, и находилъ, но еще не довольно для успѣха вѣроятнаго. Ковъ огласился — и Ляпуновъ предпріялъ, одинъ, безъ слабаго Трубецкого, если не вдругъ обличить злодѣя въ атаманѣ многолюдныхъ шаекъ, то обуздать его беззаконія, которыя давали ему силу.

Ляпуновъ сдѣлалъ, что всѣ дворяне, дѣти боярскіе, люди служивые написали челобитную къ тріумвирамъ о собраніи Думы земской, требуя уставовъ для благоустройства и казни для преступниковъ. Къ досадѣ Заруцкаго и даже Трубецкого, сія Дума составилась изъ выборныхъ войска, чтобы дѣйствовать именемъ отечества и чиновъ государственныхъ, хотя и безъ знатнаго духовенства, безъ мужей синклита. Она утвердила власть тріумвировъ, но предписала имъ правила; уставила: 1) взять помѣстья у людей сильныхъ, которые завладѣли ими въ мятежныя времена

безъ земскаго приговора, раздать скуднымъ дѣтямъ боярскимъ или употребить доходы оныхъ на содержаніе войска; взять также все данное именемъ Владислава или Сигизмунда, сверхъ старыхъ окладовъ, боярамъ и дворянамъ, оставшимся въ Москвѣ съ Литвою; взять помѣстья у всѣхъ худыхъ россіянъ, нехотящихъ въ годину чрезвычайныхъ опасностей ѣхать на службу отечества или самовольно уѣзжающихъ изъ мовсковскаго стана; взять въ казну всѣ доходы питейные и таможенные, беззаконно присвоенные себѣ нѣкоторыми воеводами (вѣроятно Заруцкимъ). 2) Снова учредить вѣдомство помѣстное, казенное и дворцовое для сборовъ хлѣбныхъ и денежныхъ. 3) Уравнять, землями и жалованьемъ всѣхъ сановниковъ безъ разбора, гдѣ кто служилъ: въ Москвѣ ли, въ Тушинѣ или въ Калугѣ, смотря по ихъ достоинству и чину. 4) Не касаться имѣнія добрыхъ россіянъ, убитыхъ или плѣненныхъ Литвою, но отдать его ихъ семействамъ или соблюсти до возвращенія плѣнниковъ: не касаться также имѣнія церквей, монастырей и патріаршаго; не касаться ничего. даннаго царемъ Василіемъ въ награду сподвижникамъ князя Михаила Скопина-Шуйскаго и другимъ воинамъ за вѣрную службу. 5) Назначить жалованье и доходы сановникамъ и дѣтямъ боярскимъ, коихъ помѣстья заняты или опустошены Литвою и которые стоятъ нынѣ со всею землею противъ измѣнниковъ и враговъ. 6) Для посылокъ въ города употреблять единственно дворянъ раненыхъ и неспособныхъ къ бою, а всѣмъ здоровымъ возвратиться къ знаменамъ. 7) Кто нынѣ умретъ за отечество или будетъ изувѣченъ въ битвахъ, тѣхъ имена да внесутся въ разрядныя книги, вмѣстѣ съ неложнымъ описаніемъ всѣхъ дѣлъ знаменитыхъ, на память вѣкамъ. 8) Атаманамъ и казакамъ строго запретить всякіе разъѣзды и насилія; а для кормовъ посылать только дворянъ добрыхъ съ дѣтьми боярскими. Кто же изъ людей воинскихъ дерзнетъ грабить въ селеніяхъ и на дорогахъ, тѣхъ казнить безъ милосердія, для чего возстановится старый московскій приказъ разбойный или земскій. 9) Управлять войскомъ и землею тремъ избраннымъ властителямъ, но не казнить никого смертію и не ссылать безъ торжественнаго земскаго приговора, безъ суда и вины законной; кто же убьетъ человѣка самовольно, того лишить жизни, какъ злодѣя. 10) А если избранные властители не будутъ радѣть вседушно о благѣ земли и слѣдовать уставленнымъ здѣсь правиламъ, или воеводы не будутъ слушаться ихъ безпрекословно, то мы вольны всею землею перемѣнить властителей и воеводъ, и выбрать иныхъ, способныхъ къ бою и дѣлу земскому".

Сію важную, уставную грамоту, ознаменованную духомъ умѣренности, любви къ общему государственному благу и снисхожденія къ несчастнымъ обстоятельствамъ времени, подписали тріум-

виры (Ляпуновъ вмѣсто Заруцкаго, вѣроятно безграмотнаго), три дьяка, окольничій Артемій Измайловъ, князь Иванъ Голицынъ, Вельяминовъ, Иванъ Шереметевъ и множество людей безчиновныхъ отъ имени двадцати пяти городовъ и войска. Дали и старались исполнить законъ; возстановили хотя тѣнь правительства, бездушнаго въ самодержавіи безъ самодержца. Но Ляпуновъ уже занимался и главнымъ дѣломъ, — вопросомъ, гдѣ искать лучшаго царя для одушевленія Россіи? Уже перемѣнивъ мысли, онъ думалъ, подобно Мстиславскому и другимъ, что сей лучшій царь долженъ быть иноземцемъ державнаго племени, безъ связей наслѣдственныхъ и личныхъ, родственниковъ и клевретовъ, враговъ и завистниковъ между подданными. Недоставало времени обозрѣть всѣ державы христіанскія, искать далеко, сноситься долго: ближайшее казалось и выгоднѣйшимъ, обѣщая намъ, вмѣсто вражды, миръ и союзъ. Ляхи насъ обманули; мы еще могли испытать шведовъ, менѣе противныхъ россійскому народу. Ненависть къ ляхамъ кипѣла во всѣхъ сердцахъ, ненависть къ шведамъ была только историческимъ воспоминаніемъ новгородскимъ — и даже Новгородъ, какъ увѣряютъ, мыслилъ, въ случаѣ крайности, поддаться скорѣе шведамъ, нежели Сигизмунду. Что предлагалъ Делагарди самъ собою, того уже ревностно хотѣлъ Карлъ IX—дать намъ сына въ цари; уполномочилъ вождя своего для всѣхъ важныхъ договоровъ съ Россіею и писалъ къ ея чинамъ государственнымъ, что Сигизмундъ, будучи орудіемъ іезуитовъ или папы, желаетъ властвовать надъ нею единственно для искорененія греческой вѣры; что король испанскій въ заговорѣ съ ними и намѣренъ занять Архангельскъ или гавань св. Николая; но что Россія, въ тѣсномъ союзѣ съ Швеціей, можетъ презирать и ляховъ, и папу, и короля испанскаго. Россія видѣла шведовъ въ Клушинѣ! Могла, однакожъ, извинять ихъ невѣрность невѣрностію своихъ, и помнила, что они съ незабвеннымъ княземъ Михаиломъ освободили Москву. Ляпуновъ рѣшился вступить въ переговоры съ генераломъ Делагарди.

Желая утвердить вѣчную дружбу съ нами, шведы въ сіе время продолжали безсовѣстную войну свою въ древнихъ областяхъ новгородскихъ и, тщетно хотѣвъ взять Орѣшекъ, взяли наконецъ Кексгольмъ, гдѣ изъ трехъ тысячъ россіянъ, истребленныхъ битвами и цынгою, оставалось только сто человѣкъ, вышедшихъ свободно, съ имѣніемъ и знаменами, ибо непріятель еще страшился ихъ отчаянія, свѣдавъ, что они готовы взорвать крѣпость и взлетѣть съ нею на воздухъ! Дикія скалы корельскія прославились великодушіемъ защитниковъ, достойныхъ сравненія съ героями Лавры и Смоленска! Къ сожалѣнію, новгородцы не имѣли такого духа и, хваляся ненавистію къ одному врагу, къ ляхамъ, какъ бы

безпечно видѣли завоеванія другого: уже Делагарди стоялъ на берегахъ Волхова! Бояринъ Иванъ Салтыковъ, начальствуя въ Новгородѣ, внутренно благопріятствовалъ, можетъ быть, Сигизмунду, по крайней мѣрѣ дѣйствовалъ усердно противъ шведовъ; но его уже не было. Свѣдавъ, что онъ намѣренъ идти съ войскомъ къ Москвѣ, новгородцы встревожились; не вѣрили сыну злодѣя и ревнителя Владиславова царствованія, опасаясь въ немъ готоваго сподвижника ляховъ; призвали Салтыкова изъ Ладожскаго стана, удостовѣрили крестнымъ обѣтомъ въ личной безопасности—и посадили на колъ, возбужденные къ дѣлу, столь гнусному, злымъ дьякомъ Самсоновымъ. Издыхая въ мукахъ, злосчастный клялся въ своей невинности, говорилъ: „Не знаю отца, знаю только отечество, и буду вездѣ рѣзаться съ ляхами". Жертва беззаконія человѣческаго и правосудія небеснаго: ибо сей юный, умный бояринъ въ день Клушинской битвы усерднѣе другихъ измѣнниковъ способствовалъ торжеству ляховъ и сраму россіянъ. На мѣсто Салтыкова Ляпуновъ прислалъ воеводу Бутурлина, а вслѣдъ за нимъ и князя Троекурова, думнаго дворянина Сабакина, дьяка Васильева, чтобы немедленно условиться во всемъ съ генераломъ Делагарди, который съ пятью тысячами воиновъ находился уже близъ Хутынской обители. Переговоры начались въ его станѣ. „Судьба Россіи, — сказалъ ему Бутурлинъ, — не терпитъ вѣнценосца отечественнаго: два бѣдственныя избранія доказали, что подданному нельзя быть у насъ царемъ благословеннымъ". Ляпуновъ хотѣлъ мира, союза съ шведами и принца ихъ, юнаго Филиппа, въ государи; а Делагарди прежде всего хотѣлъ денегъ и крѣпостей въ залогъ нашей искренности: требовалъ Орѣшка, Ладоги, Ямы, Копорья, Ивана-города, Гдова. „Лучше умереть на своей землѣ, нежели искать спасенія такими уступками",—отвѣтствовали россійскіе сановники и заключили только перемиріе, чтобы списаться съ Ляпуновымъ. Наученный обманомъ Сигизмунда, сей властитель не думалъ дѣлиться Россіею съ шведами; согласился, однакожъ, впустить ихъ въ Невскую крѣпость и выдать имъ нѣсколько тысячъ рублей изъ казны новгородской, если они поспѣшатъ къ Москвѣ, чтобы вмѣстѣ съ вѣрными россіянами очистить ея престолъ отъ тѣни Владиславовой—для Филиппа. Все зависѣло отъ Делагарди, какъ прежде отъ Сигизмунда,—и Делагарди сдѣлалъ то же, что Сигизмундъ: предпочелъ городъ державѣ! Если бы онъ неукоснительно присоединился къ нашему войску подъ столицею, чтобы усилить Ляпунова, раздѣлить съ нимъ славу успѣха, истребить Госѣвскаго и Сапѣгу, отразить Ходкевича, возстановить Россію, то вѣнецъ Мономаховъ, исторгнутый изъ рукъ литовскихъ, возвратился бы, вѣроятно, потомству варяжскому, и братъ Густава Адольфа или самъ Адольфъ, въ освобожденной Москвѣ законно

избранный, законно утвержденный на престолѣ великою Думою земскою, включилъ бы Россію въ систему державъ, которыя, чрезъ нѣсколько лѣтъ, вестфальскимъ миромъ основали равновѣсіе Европы до временъ новѣйшихъ!

Но Делагарди, снискавъ личную пріязнь Бутурлина, бывшаго гетманова плѣнника и ревностнаго ненавистника ляховъ, вздумалъ, по тайному совѣту сего легкомысленнаго воеводы, какъ пишутъ, захватить древнюю столицу Рюрикову, чтобы возвратить ее московскому царю-шведу, или держать какъ важное пріобрѣтеніе для Швеціи. Срокъ перемирія минулъ, и Делагарди, жалуясь, что новгородцы не даютъ ему денегъ, изъявляютъ расположеніе непріятельское, укрѣпляются, жгутъ деревянныя зданія близъ вала, ставятъ пушки на стѣнахъ и башняхъ, приблизился къ Колмову монастырю, устроилъ войско для нападенія, тайно высматривалъ мѣсто и дружелюбно угощалъ пословъ Ляпунова. Бутурлинъ съ нимъ не разлучался, празднуя въ его станѣ. Другіе воеводы также безпечно пили въ Новгородѣ, не берегли ни стѣнъ, ни башенъ; жители ссорились съ людьми ратными, купцы возили товары къ шведамъ. Ночью съ 15 на 16 іюля Делагарди, объявивъ своимъ чиновникамъ, что враждебный Новгородъ, великій именемъ, славный богатствомъ, нестрашный силами, долженъ быть ихъ легкою добычею и важнымъ залогомъ, съ помощію одного слуги измѣнника, Ивана Швала, внезапно взломился въ западную часть города, въ Чудинцовскія ворота. Всѣ спали, обыватели и стража. Шведы рѣзали безоружныхъ. Скоро раздался вопль изъ конца въ конецъ, но не для битвы: кидались отъ ужаса въ рѣку, спасались въ крѣпость, бѣжали въ поле и въ лѣса, а Бутурлинъ московскою дорогою съ дѣтьми боярскими и стрѣльцами, имѣвъ, однакожъ, время выграбить лавки и домы знатнѣйшихъ купцовъ. Сражалась только горсть людей подъ начальствомъ головы стрѣлецкаго Василія Гаютина, атамана Шарова, дьяковъ Голенищева и Орлова, не хотѣла сдаться и легла на мѣстѣ. Еще одинъ домъ на Торговой сторонѣ казался неодолимою твердынею: шведы приступали и не могли взять его. Тамъ мужествовалъ протоіерей Софійскаго храма Аммосъ, съ своими друзьями, въ глазахъ митрополита Исидора, который на стѣнахъ крѣпости пѣлъ молебны и, видя такую доблесть, издали давалъ ему благословленіе крестомъ и рукою, снявъ съ него какую-то эпитимію церковную. Шведы сожгли наконецъ и домъ, и хозяина, послѣдняго славнаго новгородца въ исторіи! Уже не находя сопротивленія, они искали добычи; но пламя объяло вдругъ нѣсколько улицъ, и воевода, бояринъ князь Никита Одоевскій, будучи въ крѣпости съ митрополитомъ, немногими дѣтьми боярскими и народомъ малодушнымъ, предложилъ генералу Делагарди мирныя условія. Заключили, 17 іюля, слѣдующій договоръ отъ

имени Карла IX и Новгорода, съ вѣдома бояръ и народа московскаго, утверждая всякую статью крестнымъ цѣлованіемъ за себя и потомство:

1) Быть вѣчному миру между обѣими державами, на основаніи Теузинскаго договора. Мы, новгородцы, отвергнувъ короля Сигизмунда и наслѣдниковъ его, Литву и ляховъ вѣроломныхъ, признаемъ своимъ защитникомъ и покровителемъ короля шведскаго, съ тѣмъ, чтобы Россіи и Швеціи вмѣстѣ противиться сему врагу общему и не мириться одной безъ другой.

2) Да будетъ царемъ и великимъ княземъ владимірскимъ и московскимъ сынъ короля шведскаго Густавъ Адольфъ или Филиппъ. Новгородъ цѣлуетъ ему крестъ въ вѣрности и до его прибытія обязывается слушать военачальника Іакова Делагарди во всемъ, что касается до чести упомянутаго сына королевскаго и до государственнаго общаго блага; вмѣстѣ съ нимъ, Іаковомъ, утвердить въ вѣрности къ королевичу всѣ города своего княжества, оборонять ихъ и не жалѣть для того самой жизни. Мы, Исидоръ митрополитъ, воевода князь Одоевскій и всѣ иные сановники, клянемся ему, Іакову, быть искренними въ совѣтѣ и ревностными на дѣлѣ; немедленно сообщать все, что узнаемъ изъ Москвы и другихъ мѣстъ Россіи; безъ его вѣдома не замышлять ничего важнаго, особенно вреднаго для шведовъ, но предостерегать и хранить во всѣхъ случаяхъ; также объявить добросовѣстно всѣ приходы казенные, наличныя деньги и запасы, чтобы удовольствовать войско, снабдить крѣпости всѣмъ нужнымъ для ихъ безопасности и тѣмъ успѣшнѣе смирить непослушныхъ королевичу и Великому Новгороду.

3) Взаимно и мы, Іаковъ Делагарди и всѣ шведскіе сановники, клянемся, что если княжество Новгородское и государство Московское признаютъ короля шведскаго и наслѣдниковъ его своими покровителями, заключивъ союзъ противъ ляховъ на вышеозначенныхъ условіяхъ, то король даетъ имъ сына своего Густава или Филиппа въ цари, какъ скоро они единодушно, торжественнымъ посольствомъ, изъявятъ его величеству свое желаніе; а я, Делагарди, именемъ моего государя обѣщаю Новгороду и Россіи, что ихъ древняя греческая вѣра и богослуженіе останутся свободны и невредимы, храмы и монастыри цѣлы, духовенство въ чести и въ уваженіи, имѣніе святительское и церковное неприкосновенно.

4) Области Новгородскаго княжества и другія, которыя захотятъ также имѣть государя моего покровителемъ, а сына его царемъ, не будутъ присоединены къ Швеціи, но останутся россійскими, исключая Кексгольмъ съ уѣздомъ; а что Россія должна за наемъ шведскаго войска, о томъ король, давъ ей сына въ

цари и смиривъ всѣ мятежи ея, съ боярами и народомъ сдѣлаетъ расчетъ и постановленіе особенное.

5) Безъ вѣдома и согласія россійскаго правительства не вывозить въ Швецію ни денегъ, ни воинскихъ снарядовъ и не сманивать россіянъ въ Шведскую землю, но жить имъ спокойно на своихъ древнихъ правахъ, какъ было отъ времени Рюрика до Ѳеодора Іоанновича.

6) Въ судахъ, вмѣстѣ съ россійскими сановниками, должно засѣдать такое же число и шведскихъ для наблюденія общей справедливости. Преступниковъ, шведовъ и россіянъ, наказывать строго; не укрывать ни тѣхъ, ни другихъ и, въ силу Теузинскаго договора, выдавать обидчиковъ истцамъ.

7) Бояре, чиновники, дворянство и люди воинскіе сохраняютъ отчины, жалованье, помѣстья и права свои; могутъ заслужить и новыя усердіемъ и вѣрностію.

8) Будутъ награждаемы и достойные шведы за ихъ службу въ Россіи имѣніемъ, жалованьемъ, землями, но единственно съ согласія вельможъ россійскихъ, и не касаясь собственности церковной, монастырской и частной.

9) Утверждается свобода торговли между обѣими державами.

10) Казакамъ дерптскимъ, ямскимъ и другимъ изъ шведскихъ владѣній открытъ путь въ Россію и назадъ, какъ было установлено до Борисова царствованія.

11) Крѣпостные люди, или холопы, какъ изревле ведется, принадлежатъ господамъ и не могутъ искать вольности.

12) Плѣнники, россійскіе и шведскіе, освобождаются.

13) Сіи условія тверды и нерушимы, какъ для Новгорода, такъ и для всей Московской державы, если она признаетъ государя шведскаго покровителемъ, а королевича Густава или Филиппа царемъ. О всемъ дальнѣйшемъ, что будетъ нужно, король условится съ Россіею по воцареніи его сына.

14) Между тѣмъ, ожидая новыхъ повелѣній отъ государя моего, я, Делагарди, введу въ Новгородъ столько воиновъ, сколько нужно для его безопасности; остальную же рать употреблю или для смиренія непослушныхъ, или для защиты вѣрныхъ областныхъ жителей; а княжествомъ Новгородскимъ, съ помощію Божіею, митрополита Исидора, воеводы князя Одоевскаго и товарищей его, буду править радѣтельно и добросовѣстно, охраняя гражданъ, и строгостію удерживая воиновъ отъ всякаго насилія.

15) Жители обязаны шведскому войску давать жалованье и припасы, чтобы оно тѣмъ ревностнѣе содѣйствовало общему благу.

16) Боярамъ и ратнымъ людямъ не дозволяется, безъ моего вѣдома, ни выѣзжать, ни вывозить своего имѣнія изъ города.

17) Сіи взаимныя условія ненарушимы для Новгорода и въ такомъ случаѣ, если бы, сверхъ чаянія, государство Московское не приняло оныхъ, въ удостовѣреніе чего мы, воевода Іаковъ Делагарди, полковники и сотники шведской рати, даемъ клятву, утвержденную нашими печатями и рукоприкладствомъ.

18) И мы, Исидоръ митрополитъ съ духовенствомъ, бояре, чиновники, купцы и всякаго званія люди новгородскіе, также клянемся въ вѣрномъ исполненіи договора нашему покровителю, его величеству Карлу IX и сыну его, будущему государю нашему, хотя бы, сверхъ чаянія, Московское царство и не приняло сего договора.

О вѣрѣ избираемаго не сказано ни слова: Делагарди, безъ сомнѣнія, успокоилъ новгородцевъ, какъ Жолкѣвскій москвитянъ, единственно надеждою, что королевичъ исполнитъ ихъ желаніе и будетъ сыномъ нашей церкви. Въ крайности обстоятельствъ молчала и ревность къ православію. Думали только спастися отъ государственной гибели, хотя и съ соблазномъ, хотя и съ опасностью для вѣры.

Шведы, вступивъ въ крѣпость, нашли въ ней множество пушекъ, но мало воинскихъ и съѣстныхъ припасовъ и только 500 рублей въ казнѣ, такъ что Делагарди, мысливъ обогатиться несмѣтными богатствами новгородскими, долженъ былъ требовать денегъ отъ короля, ибо войско его нетерпѣливо хотѣло жалованья, волновалось, бунтовало, и цѣлыя дружины съ распущенными знаменами бѣжали въ Финляндію.

Къ счастію шведовъ, новгородцы оставались зрителями ихъ мятежа и дали генералу Делагарди время усмирить его, вѣрно исполняя договоръ, утвержденный и присягою всѣхъ дворянъ; всѣхъ людей ратныхъ, которые ушли съ Бутурлинымъ, но возвратилась изъ Броницъ. Самъ же Бутурлинъ, если не измѣнникъ, то безумецъ, живъ нѣсколько дней въ Бронницахъ, чтобы дождаться тамъ своихъ пожитковъ изъ Новгорода, имъ злодѣйски ограбленнаго, спѣшилъ въ станъ московскій, вмѣстѣ съ Делагардіевымъ чиновникомъ, Георгомъ Бромме, извѣстить нашихъ воеводъ, что шведы, взявъ Новгородъ, какъ непріятели, готовы, какъ друзья, стоять за Россію противъ ляховъ.

Но станъ московскій представлялся уже не Россіею вооруженною, а мятежнымъ скопищемъ людей буйныхъ, между коими честь и добродѣтель въ слезахъ и въ отчаяніи укрывались! Одинъ россіянинъ былъ душою всего и палъ, казалось, на гробъ отечества. Врагамъ иноплеменнымъ ненавистный, еще ненавистнѣйшій измѣнникамъ и злодѣямъ Россійскимъ, тотъ, на кого атаманъ разбойниковъ, въ личинѣ государственнаго властителя, извергъ Заруцкій, скрежеталъ зубами—Ляпуновъ дѣйствовалъ подъ

ножами. Уважаемый, но мало любимый за свою гордость, онъ не имѣлъ, по крайней мѣрѣ, смиренія Михамлова; зналъ цѣну себѣ и другимъ; снисходилъ рѣдко, презиралъ явно; жилъ въ избѣ, какъ во дворцѣ недоступномъ, и самые знатные чиновники, самые раболѣпные уставали въ ожиданіи его выхода, какъ бы царскаго.

Хищники, имъ унимаемые, пылали злобою и замышляли убійство, въ надеждѣ угодить многимъ личнымъ непріятелямъ сего величаваго мужа. Первое покушеніе обратилось ему въ славу: 20 казаковъ, кинутыхъ воеводою Плещеевымъ въ рѣку за разбой близъ Угрѣшской обители, были спасены ихъ товарищами и приведены въ станъ московскій. Сдѣлался мятежъ, грабители, вступаясь за грабителей, требовали головы Ляпунова. Видя остервененіе злыхъ и холодность добрыхъ, онъ въ порывѣ негодованія сѣлъ но коня и выѣхалъ на рязанскую дорогу, чтобы удалиться отъ недостойныхъ сподвижниковъ. Казаки догнали его у Симонова монастыря, но не дерзнули тронуть, напротивъ того убѣждали остаться съ ними. Онъ ночевалъ въ Никитскомъ укрѣпленіи, гдѣ въ слѣдующій день явилось все войско: кричало, требовало, слезно молило именемъ Россіи, чтобы ея главный поборникъ не жертвовалъ ею своему гнѣву. Ляпуновъ смягчился, или одутался, занялъ прежнее мѣсто въ станѣ и въ совѣтѣ, одолѣвъ враговъ или только углубивъ ненависть къ себѣ въ ихъ сердцѣ. Мятежъ утихъ; возникъ гнусный ковъ, съ участіемъ и внѣшняго непріятеля. Имѣя тайную связь съ атаманомъ-тріумвиромъ, Госѣвскій изъ Кремля подалъ ему руку на гибель человѣка, для обоихъ страшнаго; вмѣстѣ умыслили и написали именемъ Ляпунова указъ къ городскимъ воеводамъ о немедленномъ истребленіи всѣхъ казаковъ въ одинъ день и часъ. Сію подложную, будто бы отнятую у гонца, бумагу представилъ товарищатъ атаманамъ Заварзинъ: рука и печать казались несомнительными. Звали Ляпунова на сходъ; онъ медлилъ, наконецъ, увѣренный въ безопасности двумя чиновниками, Толстымъ и Потемкинымъ, явился среди шумнаго сборища казаковъ, выслушалъ обвиненія, увидѣлъ грамоту и печать; сказалъ „Писано не мною, а врагами Россіи"; свидѣтельствовался Богомъ, говорилъ съ твердостью, смыкалъ уста и буйныхъ; не усовѣстилъ единственно злодѣевъ: его убили, и только одинъ россіянинъ, личный непріятель Ляпунова, Иванъ Ржевскій, сталъ между имъ и ножами, ибо любилъ отечество, не хотѣлъ пережить такого убійства; и великодушно пріялъ смерть отъ извергоръ,—жертва единственная, но драгоцѣнная, въ честь герою своего времени, главѣ возстанія, животворцу государственному, коего великая тѣнь, уже примиренная съ закономъ, является лучезарно въ преданіяхъ исторіи, а тѣло. искаженное злодѣями, осталось, можетъ быть, безъ христіанскаго

погребенія и служило пищею вранамъ въ упрекъ современникамъ неблагодарнымъ, или малодушнымъ, и къ жалости потомства!

Слѣдствія были ужасны. Не умѣвъ защитить мужа силы, достойнаго стратига и властителя, войско пришло въ неописанное смятеніе; надежда, довѣренность, мужество, устройство исчезли. Злодѣйство и Заруцкій торжествовали; грабительства и смертоубійство возобновились, не только въ селахъ, но и въ станѣ, гдѣ неистовые казаки, расхитивъ имѣніе Ляпунова и другихъ, умертвили многихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Многіе воины бѣжали изъ полковъ, думая о жизни болѣе, нежели о чести, и вездѣ распространили отчаяніе; лучшіе, благороднѣйшіе искали смерти въ битвахъ съ ляхами. Въ сіе время явился Сапѣга отъ Переяславля, а Госѣвскій сдѣлалъ вылазку: напали дружно и снова взяли все отъ Алексѣевской башни до Тверскихъ воротъ, весь Бѣлый городъ и всѣ укрѣпленія за Москвою-рѣкою. Россіяне вездѣ противились слабо, уступивъ малочисленному непріятелю и монастырь Дѣвичій. Сапѣга вошелъ въ Кремль съ побѣдою и запасами. Хотя Россія еще видѣла знамена свои на пеплѣ столицы, но чего могла ждать отъ войска коего срамными главами оставались тушинскій лжебояринъ и злодѣй, сообщникъ Марины, вмѣстѣ съ измѣнниками, атаманомъ Просовецкимъ и другими, не воинами, а разбойниками и губителями?

И что была тогда Россія? Вся полуденная беззащитною жертвою грабителей ногайскихъ и крымскихъ, пепелищемъ кровавымъ, пустынею; вся юго-западная, отъ Десны до Оки, въ рукахъ ляховъ, которые, по убіеніи Лжедимитрія въ Калугѣ, взяли, разорили вѣрные ему города: Орелъ, Болховъ, Бѣлевъ, Карачевъ, Алексинъ и другіе; Астрахань, гнѣздо мелкихъ самозванцевъ, какъ бы отдѣлилась отъ Россіи и думала существовать въ видѣ особеннаго царства, не слушаясь ни думы боярской, ни воеводъ московскаго стана; шведы, захвативъ Новгородъ, убѣжденіями и силою присвоивали себѣ наши сѣверо-западныя владѣнія, гдѣ господствовало безначаліе,—гдѣ явился еще новый, третій или четвертый Лжедимитрій, достойный предшественниковъ, чтобы прибавить новый стыдъ къ стыду россіянъ современныхъ и новыми гнусностями обременить исторію, и гдѣ еще держался Лисовскій съ своими злодѣйскими шайками. Высланный, наконецъ, жителями изъ Пскова и не впущенный въ крѣпкій Иванъ-городъ, онъ взялъ Вороночь, Красный, Заволочье; напалъ на малочисленные отряды шведовъ; грабилъ, гдѣ и кого могъ. Тихвинъ, Ладога сдалися генералу Делагарди на условіяхъ новгородскихъ; Орѣшекъ не сдавался. . . . .

. . . .

